

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855304 1

*QCA

Miskit'yan

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

1854.

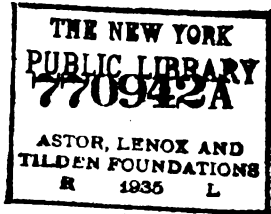
ТОМЪ III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ: В. ГОТЪ И СТЕПАНОВОЙ.

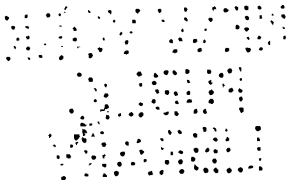
1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая
18 дня, 1854 года.

Цензоръ *М. Похвисневъ.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 9.

М л л.

Кл. 1.

— 000 —

АНГЛІИ.

Царица водъ! позоръ обмана,
Тебя унизишь, развѣнчалъ!
Алмазь въ оправѣ океана
Сегодня углемъ чернымъ сталь!
Съ плеча слетѣла багряница,
Упала вѣнецъ съ главы твоей:
Какая ты морей царица?
Нѣтъ, ты разбойница морей!

* *

Гдѣ Нельсонъ, славный Абукиромъ?
Гдѣ Гудъ? гдѣ Паркеръ? Въ наши дни
Хвалятся Дондасомъ и Непвромъ:
Твои избранники они.
Тебѣ ль искать честныхъ походовъ
По лону Божіихъ морей?
Безчестяшь флаги всѣхъ народовъ,
Воруя ихъ для грабежей.

* *

PERL JAN 21 1935

Ты, подъ личиною свободы
Корысть въ душѣ своей тая,
Мутила царства и народы,
Какъ хитроумная змѣя,
И нынѣ, всѣ твои стремленья,
И весь твой шумъ, и весь твой бой,
Начало громкаго паденья
По безднѣ вѣка роковой.

С. ЖИВАНЦОВЪ.

Маія 16.

ВЫБОРЪ СЕРДЦА.

(повѣсть).

XVI.

На третій день вечеромъ, почтовая тройка привезла Бѣлолика къ подъѣзду одной изъ лучшихъ московскихъ гостинницъ. Москвы онъ совсѣмъ незналъ, знакомыхъ у него тамъ небыло, и на этотъ разъ онъ думалъ пробить въ ней очень не долго. Ему только надобно было явиться по службѣ, да сѣздеть къ Катериной теткѣ, къ которой дали ему рекомендательное письмо. Бѣлоликинъ вошелъ въ первый номеръ, какой ему указали, и измученный двумя бессонными ночами, тотчасъ же повалился спать.

Утромъ, сдѣлавъ свой должностной визитъ, онъ рѣшительно не зналъ, куда ему дѣваться. Ъхать къ тетушкѣ было еще рано. Отъ скуки онъ пошелъ въ общую залу; посмотрѣлъ карту обѣда, лежащую на столѣ; велѣлъ подать себѣ завтракъ, и, въ ожиданіи его, заглянулъ въ бильярдную, которая была рядомъ съ залой. Сначала онъ не могъ ничего разсмотрѣть въ густыхъ облакахъ табачнаго дыма, наполнявшаго комнату. Онъ слышалъ только стукъ шаровъ, ясные и отчетливые возгласы маркѣра, и, въ отдаленной части комнаты, смутный говоръ нѣсколькихъ годосовъ. Но когда онъ сталъ пристальнѣе вглядываться въ эту туманную атмосферу и глаза его начали привыкать къ ней, передъ нимъ обрисовались:—прежде всего два господина, въ довольно засаленныхъ сюртукахъ, игравшіе на бильярдѣ; потомъ маркѣръ; по-

томъ лакей съ подноситъ въ рукахъ и съ бутылкой шампанскаго, и наконецъ, на заднемъ планѣ, цѣлая толпа разнохарактерныхъ лицъ, собравшихся въ кружокъ около человека въ черной венгеркѣ и въ красной фескѣ, который очень важно сидѣлъ на высокомъ диванѣ бильярдной и казалось составлялъ средоточіе всей компаніи. Постепенно Бѣлоликинъ разсматривалъ, что у этого господина довольно красивый, орлиный носъ, очень быстрый взглядъ и длинные, рыжеватые усы, вторые онъ безпрестанно покручивалъ. Онъ держалъ въ рукѣ стаканъ, и громко и весело разговаривалъ съ своими собесѣдниками, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ офицеровъ.

— Па-артія-а! — провозгласилъ на распѣвъ маркеръ, послѣ страшнаго шума и треска, съ которыми жолтый шаръ влетѣлъ въ угдльную лузу.

— Человекъ! еще бутылку! — закричалъ господинъ въ красной фескѣ. — Что, опять проигралъ, душа моя? — прибавилъ онъ обратившись къ одному изъ офицеровъ и дружески ударивъ его по плечу.

— Чортъ знаетъ, это ужъ какое-то особенное несчастье! — сказалъ съ сердцемъ офицеръ, который былъ не старѣе Бѣлоликина. — Я знаю, что Яковъ Яковичъ играетъ лучше, а проигрываетъ.

— Ну, хочешь еще? — спросилъ другой офицеръ проигравшаго.

— На дюжину! — сказалъ тотъ рѣшительно.

— Не ву горяче па, — подхватилъ господинъ въ красной ермолкѣ... Это что за лицо? — прибавилъ онъ замѣтивъ Бѣлоликина и заставивъ взглянуть на него своихъ товарищей... Кавалеристъ; нельзя ли его присоединить къ нашей компаніи....

— Ну что жъ идетъ, что ли? — спросилъ проигравшій, пари, офицеръ, своего товарища.

— На дюжину?

— Ну конечно.

— Экой неугомонный! — замѣтилъ опять господинъ въ красной фескѣ; — къ чему ты такъ горячишься?

— Къ тому, что я имѣю твердое и непрѣмливое намѣреніе угощать ничѣ всѣхъ васъ обѣдомъ въ Новотроицкомъ. И кто бы изъ насъ ни выигралъ, эта дожина должна быть подана намъ къ обѣду.

— Благодарно! — сказала красная феска, протянувъ ему руку.

Между тѣмъ Бѣлоликину подали завтракъ, и въ то самое время, когда онъ садился за столъ, прямо противъ него сѣлъ господинъ въ красной ермолкѣ. Лакей подаль ему карту.

— Прежде всего рюмку водки, — сказалъ онъ, — а потомъ.... потомъ.... чортъ знаетъ что у васъ за гадость! ничего не выберешь.... Ну дай хоть котлетку.

Бѣлоликинъ молча ѣлъ свой бифтексъ.

— Вы давно изволили пріѣхать? — спросила его красная феска.

— Вчера вечеромъ, — отвѣчалъ очень неохотно и холодно Бѣлоликинъ, которому все бы хотѣлось и думать и говорить только о своей невѣстѣ.

— На долго?

— Дни на два.

Послѣдовало молчаніе, и господинъ въ красной фескѣ не совсемъ довольный такими краткими отвѣтами, сдѣлалъ, какъ бы въ укоръ самому себѣ, очень смѣшную гримасу.

— Вы служите въ ...скомъ полку? — началъ онъ опять.

— Да.

— Позвольте спросить, не знаете ли вы въ вашей дивизіи ротмистра Котловицкаго?

— Да это мой эскадронный командиръ, — сказалъ Бѣлоликинъ.

— Ахъ, Боже мой, такъ ужъ онъ перешелъ въ вашу полкъ? Скажите же пожалуйста, какъ онъ служитъ, какъ поживаетъ? Въѣдъ это мой старинный товарищъ; мы съ нимъ вмѣстѣ произведены въ офицеры, вмѣстѣ сдѣлали всю компанію двѣнадцатаго года. Какъ я радъ, что могу имѣть о немъ такіа вѣрныя свѣдѣнія. Если скоро его увидите, передайте ему, пожалуйста, мой поклонъ. Скажите, что ему кланяется Свистковъ. Я думаю, онъ состарѣлся?

Разговоръ объ общемъ знакомомъ сблизилъ наконецъ собесѣдниковъ. Свистковъ засыпалъ Бѣлоликина разспросами о ротмистрѣ,

о его женѣ, которой онъ еще не зналъ, о его эскадронѣ. Потомъ завелъ рѣчь о службѣ своихъ временъ, о событіяхъ двѣнадцатаго года, которыхъ онъ былъ очевидцемъ; рассказывалъ военные анекдоты, — и такъ занялъ молодого человѣка, что ему ужъ нехотѣлось и отойти отъ него.

— Выигралъ ! выигралъ ! — кричалъ выбѣгая изъ билліардной офицеръ, предложившій пари на дюжину шампанскаго. — Я вамъ говорю, что Яковъ Яковичъ отлично играетъ. Кончилъ партію такимъ дублетомъ, что чортъ его знаетъ.

Вслѣдъ за нимъ вышло и все общество, бывшее въ билліардной, и всѣ усѣлись къ столу около Свисткова и Бѣлоликина.

— Вотъ, господа, — сказалъ Свистковъ, — встрѣтилъ сослуживца моего стараго пріятеля, и разспросамъ нѣтъ конца; такъ радъ этому случаю.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Молодежь, и въ особенности военная, знакомится очень скоро. Черезъ часъ Бѣлоликинъ такъ сблизился съ этимъ новымъ кружкомъ, какъ будто онъ былъ въ кружкѣ своихъ однополчанъ.

Вспомнивъ однакожъ, что ему надобно ѣхать къ Катенькиной теткѣ, онъ посмотрѣлъ на часы и всталъ.

— Куда вы? — спросилъ Свистковъ.

— Надобно съѣздить.

— На долго?

— Право не знаю; какъ случится.

— Послушайте, — сказалъ Свистковъ, — вы говорите, что у васъ здѣсь нѣтъ никого знакомыхъ. Проведите нынѣшній день съ нами. Мы всѣ обѣдаемъ въ Новотроицкомъ. Пріѣзжайте и въ туда.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ; только буду ли имѣть возможность.

— Да вы куда ѣдете?

— Къ одной почтенной дамѣ.

— Т. е. къ старушкѣ?

— Да.

— Ха, ха, ха! такъ неужто же вы думаете провести съ нею цѣлый день?

— Если пригласить обѣдать, неловко будетъ не остаться.

— Ну, не смѣю настаивать. А право постарайтесь-ко отдѣлаться поскорѣе. Вѣдь теперь еще два часа, а мы будемъ обѣдать въ четыре; для свиданія съ старушкой, кажется довольно времени.... *Enchanté de faire votre connaissance*, — прибавилъ Свистковъ, протянувъ Бѣлоликину руку.

Бѣлоликину и самому не хотѣлось оставить своихъ новыхъ знакомыхъ, въ которыхъ онъ нашелъ славныхъ ребятъ и отличныхъ товарищей. Но Катенька просила его побывать у ея тетки непременно на другой же день по прїездѣ въ Москву. Ей хотѣлось поскорѣе получить отъ нея отвѣтъ на письмо, посланное съ Бѣлоликинымъ, и узнать ея мнѣнїе о своемъ женихѣ. Бѣлоликинъ очень хорошо понималъ, какъ прїятно будетъ Катенькѣ читать о немъ похвалы, и отправился къ тетушкѣ съ твердымъ намѣренїемъ истощить всю свою любезность для прїобрѣтенія ея благосклонности.

Когда онъ объявилъ, что имѣетъ письмо отъ Катерины Антоновны, его тотчасъ приняли; а когда тетушка прочла письмо, она очень внимательно оглядѣла молодаго человѣка съ головы до ногъ, и повидимому осталась совершенно довольна его наружностью и прїемами, по тому что очень ласково отрекомендовала себя въ его родственное расположеніе. Потомъ она завела съ нимъ разговоръ немножко похожій на экзаменъ, а потомъ пустилась въ длинныя нравственныя наставленія, по поводу супружескихъ обязанностей. Все это какъ нельзя больше напомнило Бѣлоликину тетушку Татьяну Ивановну, въ домѣ которой онъ провелъ едва ли не самыя скучныя часы своей жизни. Страшная скука и теперь начала томить его. На бѣду, Катенькина кузина, о которой она много ему говорила, была нездорова и не выходила изъ своей комнаты, да и день, въ который попалъ онъ къ тетушкѣ, втройно былъ не прїемный, потому что онъ сидѣлъ у нея уже болѣе часа, а ни о комъ не входили съ докладомъ. Во все это время, онъ оставался только глазъ на глазъ съ тетушкой да еще, — или

съ ея компаньонкой или съ гувернанткой ея дочери, французенкой, старой дѣвой, очень похожей на Людмилу Ивановну, которая занималась визаньемъ чего-то очень длиннаго, и, по временамъ, обращаясь къ нему съ вопросами о жить-бытьи армейскихъ офицеровъ, никакъ не могла понять: «*Comment peut on vivre pendant l'hiver dans l'izba!*» Бѣлоликинъ видѣлъ, что онъ попалъ на самое тощее поле для своей любезности. Тетушку надобно было только слушать, да поддакивать ей; компаньонкѣ, на ея вопросы, надобно было отвѣчать только изъ вѣжливости. «Если я просижу здѣсь еще часъ,—думалъ онъ,—меня непременно сочтутъ за пошлаго дурака, который не умѣетъ сказать слова; а что могу сказать я путнаго на всѣ сентенціи тетушки и на всѣ дикіе вопросы этой французской мѣльницы?» Вѣроятно, онъ не зналъ еще той великой истины, что люди часто кажутся любезными, и даже много выигрываютъ, оттого только, что умѣютъ слушать другихъ; или можетъ быть его подмывало желаніе присоединиться къ кружку своихъ новыхъ знакомыхъ, обѣдъ съ которыми обѣщалъ ему гораздо больше удовольствія, чѣмъ обѣдъ съ тетушкой и компаньонкой,—только онъ всталъ, чтобъ раскланяться.

— Вы никому нынче не давали слова обѣдать? — спросила тетушка.

— Далъ-съ,—отвѣчалъ Бѣлоликинъ такимъ тономъ, какъ бы очень сожалѣлъ объ этомъ.

— Кому же?—спросила тетушка, какъ будто немножко удивленная такимъ отвѣтомъ и не совсѣмъ ему довѣряющая.

— Я встрѣтился здѣсь съ однимъ моимъ петербургскимъ товарищемъ,—сказалъ Бѣлоликинъ, сочинившій эту сказку во время слушанія тетушкиныхъ наставленій;—онъ завтра ѣдетъ, и я далъ ему слово вмѣстѣ отобѣдать и провести цѣлый день.

— Жаль. А я думала, что вы, запросто и по родственному, откушаете у меня. Вѣдь вы здѣсь не долго пробудете?

— Очень не долго.

— Такъ милости прошу завтра, послѣ завтра. Я всегда обѣдаю дома.

Бѣлоликинъ пробормоталъ, что онъ не преминетъ воспользо-ваться этой честью, а между тѣмъ былъ безъ памяти радъ, что избавился отъ нея на этотъ разъ. Посмотрѣвъ на часы и уви-дѣвъ, что уже половина четвертаго, онъ велѣлъ извозчику ѣхать прямо въ Новотроицкій.

Войдя въ это заведеніе, совершенно ему незнакомое, онъ не зналъ гдѣ ему искать своихъ товарищей, и не находя ихъ, думалъ, что они еще не пріѣхали. Но половой, узнавъ кого онъ ищетъ, отворилъ ему дверь въ известную голубую комнату (что имѣлъ какого-то зеленоватато цвѣта), въ которой обыкновенно совершаются дружескія пирушки людей порядочныхъ и не желающихъ при этомъ имѣть постороннихъ свидѣтелей.

— А! — сказалъ Свистковъ только что проглотившій рюмку водки, и растопырѣвшій руки, какъ будто онъ хотѣлъ принять Бѣлоликина въ свои объятія; — вотъ это честно! отдѣлялись отъ своей старушки?

— Всѣми неправдами.

— И прекрасно! Да ты, я вижу, братъ, славный малый! — прибавилъ Свистковъ, принявъ вдругъ самый дружескій и короткій тонъ, который онъ очень скоро принималъ со всѣми своими знакомыми и особенно съ молодежью.

Обѣдъ былъ шумный, веселъ и очень изобилень возліаніями, которыя продолжались и послѣ обѣда. Бѣлоликинъ сначала никакъ не хотѣлъ пить. — Эге, братъ, говорилъ ему Свистковъ, — что же ты это: «Джомини да Джомини, а объ водкѣ ни полслова?» Это ужъ не по нашему. Вѣдь не умрешь же ты отъ бокала шампанскаго.... Хорошій молодецъ! — прибавлялъ онъ потомъ, — да ты, просто, мокрая курица!... — и такимъ образомъ, то убиж-деніями, то насмѣшками, втянулъ его наконецъ въ очередную. У Бѣлоликина закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ. Онъ совершенно не помнилъ, какъ и чѣмъ кончилась пирушка, какъ попалъ онъ въ свой номеръ, и какъ очутился на своей постелѣ, на которой проснулся уже часовъ въ девять вечера.

Человѣкъ сказалъ ему, что Свистковъ давно ужъ присылалъ узнать о немъ и просить его къ себѣ въ номеръ.

Тутъ только Бѣлоликинъ вспоминалъ, что Свистковъ еще въ трактирѣ приглашалъ всѣхъ къ себѣ на вечеръ. Онъ умылъ свое, немножко измятое, лице, надѣлъ сюртукъ, и черезъ минуту очутился у Свисткова, стоявшаго въ той же гостинойцѣ.

Онъ нашель у него, кромѣ знакомаго уже ему общества, еще нѣсколько новыхъ лицъ. Иные сидѣли, иные стояли около карточного стола. Бѣлоликинъ игралъ въ полку только по маленькой и почти всегда на записку. Тутъ онъ увидѣлъ на столѣ груды золота и пачки ассигнацій. Любопытство невольно привлекло его къ столу; онъ невольно присталъ къ игрѣ. Счастье повезло ему, и къ концу игры онъ остался въ порядочномъ выигрышѣ.

Когда гости разѣхались и остались одни короткіе знакомые, Свистковъ дружески ударилъ его по плечу. — Ну, братъ, молодецъ! — сказалъ онъ, — лихо сыгралъ. И за то люблю, что ни гдѣ не ломаешь комишини. Нашъ братъ Исакій... Ну какъ же завтра проведемъ день, господа? прибавилъ Свистковъ глядя на всѣхъ собесѣдниковъ. Надобно рѣшить съ общаго согласія.

— Завтра мнѣ непременно надобно обѣдать у той дамы, которой я нынче сдѣлалъ визитъ, — сказалъ Бѣлоликинъ.

— Фу, чортъ возьми, — подхватилъ засмѣявшись Свистковъ, — вотъ привязался къ старухѣ. Да что, бабушка, что ли какая? наслѣдства ожидаешь?

— Почти что такъ, — сказалъ Бѣлоликинъ, желая замать разговоръ, касающійся его сердечной тайны.

— Ну это дѣло законное. Стало быть утро мы уладимъ безъ тебя. Но завтра дають новый балетъ, и тебѣ непременно надобно быть въ театрѣ, гдѣ будемъ всѣ мы. Оттуда заведемъ куда-нибудь поужинать, а потомъ, можетъ быть, прокатимся и къ цыганямъ. Бывши въ Москвѣ, ужъ нельзя ихъ не послушать. Это, братъ, такая прелесть, о какой ты и понятія не имѣешь.

Бѣлоликинъ и безъ того хотѣлъ быть въ театрѣ. Предложеніе послушать цыганей тоже ему понравилось. Онъ принялъ съ удовольствіемъ то и другое.

— Какой славный человекъ этотъ Свистковъ! — думалъ онъ, возвратившись къ себѣ; — безъ него я здѣсь пропалъ бы со скуки;

а самое главное—не имѣлъ бы случая выиграть деньги, на которыя могу теперь купить хорошею подаркомъ для Катеньки. Надобно еще попробовать счастья. День другой куда ни шель. Глупо было бы не пользоваться, когда везеть.

Утромъ онъ написалъ къ Катенькѣ очень длинное письмо и купилъ для нея часы и браслеты. Потомъ, прослужавъ довольно долго за длиннымъ обѣдомъ тетюшки, и не желая еще разъ подвергаться подобной скукѣ, простился съ ней окончателно, сказавъ, что онъ уѣзжаетъ на другой же день.—По чему она узнаетъ, что я пробуду здѣсь еще дни два или три,—думалъ онъ.—Да и лучше, что она не будетъ знать объ этомъ.—Онъ спѣшилъ узнать, досталъ ли ему Свистковъ билетъ въ театръ. Билетъ лежалъ въ его номерѣ на столѣ, и ему сказали, что Свистковъ проситъ его ѣхать вмѣстѣ.

Когда онъ вошелъ въ театръ, на него пахнуло тою прелестью столичной жизни, которая чувствуется — и особенно сильно чувствуется молодостью—въ огромной, ярко освѣщенной залѣ, при громѣ музыки, въ кругу раздраженныхъ дамъ, которыми были наполнены ложи. Важно и самонадѣянно прошелъ онъ въ первые ряды креселъ подъ сильнымъ огнемъ биноклей, обращенныхъ на него сперва его военной формой, а потомъ и собственной его личностью,—и долго еще выдерживалъ этотъ огонь, остановившись противъ своего мѣста, и отвѣчая на него своимъ биноклемъ. Очаровательная музыка балета и самое его содержаніе раздражили еще больше его чувства; и когда, за ужиномъ, онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, онъ былъ именно въ томъ расположеніи духа; въ какомъ ѣздить слушать цыганъ аматеры ихъ пѣнія.

Часу во второмъ ночи цѣлый поѣздъ извозничьихъ саней полетѣлъ, во всю рысь, въ Грузины, и тамъ остановился передъ небольшимъ, деревяннымъ и очень невзрачнымъ домикомъ, въ которомъ квартировалъ тогда знаменитый Илья Соколовъ съ своимъ знаменитымъ хоромъ. Не смотря на позднюю пору, ворота отворились по первому стуку. Въ домѣ засвѣтились огни, все засуетилось, забѣгало, и пока входила нахлынувшая толпа, гостеприимный и проворный хозяинъ, протирая, немного заспаннѣе

глаза, и застегивая свой казакитъ, успѣлъ ужъ видѣти въ приемную комнату съ нѣсколькими своими товарищами. Потомъ начали входить, одна по одной, цыганки, не совсѣмъ гладко причесанныя, и прикрывъ свой ночной туалетъ—кто салономъ, кто шалью. Мигомъ собрался весь хоръ, состоящій человекъ изъ десяти или двѣнадцати мужчинъ и женщинъ.

— Что же это вы не прислали сказать, Василий Ильичъ?— говорили цыганки Свисткову, который, повидимому, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣмъ таборомъ;—гостей привезли много, а мы не успѣли и одѣться.

— Такъ-то я и люблю заставить васъ, — сказалъ Свистковъ засмѣявшись.—Вы сами не знаете, что въ вашей натуральной красотѣ вы больше намъ нравитесь, чѣмъ въ нарядахъ. Посмотри, какъ мило!—прибавилъ онъ, сдернувъ немного салопъ съ плеча одной цыганки.

— Проказникъ, право проказникъ,—сказала цыганка, оттолкнувъ его съ шутивно-сердитымъ видомъ;—вамъ хорошо смѣяться, а намъ право совѣстно. Съ вами есть и незнакомые. — И она кивнула головой на Бѣлоликина.

— А что, вѣдь не дурень,—подхватилъ Свистковъ, подмигнувъ одной молоденькой и очень хорошенькой цыганочкѣ.... Тысяча душъ,—прибавилъ онъ наклонившись почти къ самому ея уху;—а ты не одѣта. И онъ захохоталъ.—Да не безпокойся: «во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша!...»

Невзрачный домикъ, въ который привезли Бѣлоликина, плохо обмѣблированныя комнаты, ночные костюмы цыганъ и цыганокъ—словомъ, и время и мѣсто и вся эта обстановка произвели на него очень невыгодное впечатлѣніе. Онъ былъ вполне увѣренъ, что отъ людей, живущихъ въ такой лачужкѣ, и притомъ разбуженныхъ такъ внезапно и въ такой поздній часъ, невозможно и ожидать чего-нибудь изящнаго, артистическаго. Но когда двѣ гитары были подстроены, когда, по мановенію дирижѣра, хоръ дружно и стройно грянулъ: «Хожу я по улицѣ»—эту всегдашнюю цыганскую интродукцію,—и когда наконецъ изъ музыкальныхъ акордовъ хора вылился чистый, свѣтлый голосъ примадонны,— молодой человекъ обомлѣлъ отъ удовольствія.

— Что, каково?—говорилъ Свистковъ, замѣтивъ, что онъ все больше и больше увлекался изумленіемъ и восторгомъ.—Что всѣ ваши Каталани и Зонтагъ съ своими руладами! Вотъ она настоящая-то русская; просто за сердце хватаетъ!...

— Удивительно! превосходно!—повторялъ Бѣлоликинъ;—я еще ничего подобнаго не слыхивалъ!

— То-то, братецъ, вотъ она, настоящая-то жизнь! А ты спишишь ѣхать въ деревню, да прозябать тамъ.... Голубушка, Марья Осиповна,—прибавилъ Свистковъ, когда хоръ кончилъ «Хожу я по улицѣ» и слѣдующую за тѣмъ «Уланы, уланы»—спой любимую, задушевную: «Слышишь ли милъ сердечный другъ.»

Кто помнить, какъ извѣстная цыганская примадонна, къ которой обратился Свистковъ, пѣла эту пѣсню, тотъ легко пойметъ, въ какой восторгъ привела она всю честную компанію и въ особенности новичка—Бѣлоликина.

Изъ саней принесли кулекъ съ бутылками, на столѣ явился подносъ съ стаканами. При каждой новой пѣснѣ, стаканы наполнялись и опоражнивались, и послѣ каждой пѣсни, доставлявшей особенное удовольствіе слушателямъ, на подносъ сыпались деньги. Замѣтивъ, что разгулъ будетъ дологъ и сборъ хорошъ, цыганки, одна по одной, не замѣтно начали уходить изъ хора, и черезъ нѣсколько минутъ изъ нихъ составила какъ будто совсѣмъ другая группа, потому что всѣ онѣ были ужъ въ своихъ красивыхъ полунациональныхъ костюмахъ.

Кромѣ двухъ извѣстныхъ тогда примадоннъ, Танюши и Маши, поклонники которыхъ дѣлились на двѣ партіи, въ родѣ Глюкстотъ и Пичивистовъ, въ хорѣ была еще замѣчательна, если не своимъ голосомъ, такъ по крайней мѣрѣ своей красотой, молоденькая цыганка—Любаша, Оля, Аннушка—право не помнимъ какъ ее звали, но только та самая, которой Свистковъ подмигивалъ на Бѣлоликина. Голосокъ у нея былъ маленькій, но она такъ хорошо владела имъ, такъ мило пѣла какой-то легонькой романсъ, такъ выразительно произносила каждое его слово, а, самое главное, такъ выразительно умѣла смотреть своими большими, черными глазами, что вся тогдашняя разгульная молодежь восхищалась

ей уже безъ всякаго раздѣленія на партіи. Ей подали гитару, и когда она спѣла свой романсъ, Бѣлоликинъ, отуманенный и виномъ, и ея пѣсенкой, которая какъ-то особенно нѣжила слухъ, и наконецъ ея огненными взглядами, высыпалъ ей въ руку цѣлую горсть золота, бывшаго у него въ кошелькѣ.

Начались настоящія цыганскія пѣсни, хоровыя, скорыя, съ крикомъ, съ гиками, съ пляской. Разгулъ перешелъ въ чистую вакханалію. Полъ затрясся отъ частаго трепака, въ плясувахъ и плясуньяхъ заговорили всѣ жилки. Сами зрители, увлекаемые обаяніемъ бѣшеной пляски, пристали къ хору, хлопали въ ладоши, подергивали плечами. Въ заключеніе, Илья проплясалъ, свою разсыпчатую, удалую венгерку, — и когда вся честная компанія, провоженная хоромъ до самаго крыльца, отправилась наконецъ по домамъ, Бѣлоликинъ былъ въ какомъ-то чадѣ. Ему все еще слышались эти звонкія пѣсни, эти крики, это гиканье, и казалось, что всѣ дома вокругъ него пляшутъ.

— Да, — думалъ онъ, — въ самомъ дѣлѣ эта жизнь хороша!...

И ему становилось досадно, — что до сихъ поръ онъ почти не имѣлъ понятія о подобныхъ удовольствіяхъ, и въ душѣ его ужъ начинало рождаться желаніе, продлить эту бурную, веселую жизнь.

Съ этими мыслями, онъ заснулъ.

XVII.

Свистковъ, во время службы своей въ одномъ изъ старинныхъ кавалерійскихъ полковъ, приобрелъ себѣ имя храбраго и лихаго офицера, только вовсе не храбростью, а одной своей ловкостью и умѣньемъ пускать пыль въ глаза. Онъ имѣлъ нѣсколько исторій съ разными лицами, но всегда насккивалъ на такихъ людей, слабость духа которыхъ была известна ему заранѣе; имѣлъ непріятности съ начальниками, и въ подобныхъ случаяхъ умѣлъ выказать себя передъ товарищами съ самой выгодной стороны. Въ сущности всему былъ виной его безпечный характеръ, но

онъ, въ подобныхъ случаяхъ, такъ искусно выказывалъ себя жертвой своихъ благородныхъ чувствъ, что всѣ пылія головы съ участіемъ жали ему руку и смотрѣли на него какъ на рыцаря правоты и чести. Само по себѣ разумѣется, что съ такимъ характеромъ и съ такими выходками онъ не могъ долго оставаться въ службѣ. Состояніе у него было очень небольшое, да и то почти все пропито на шампанскомъ и проиграно въ карты, а привычка жить хорошо, или лучше сказать, жить разгульно, такъ ужъ сильно овладѣла имъ, что освободиться отъ нея онъ не имѣлъ силы. Оставивъ службу, онъ собралъ всѣ свои послѣднія маленькія средства, и поселился въ Москвѣ, въ гостинницѣ.

Жизнь трактирную избралъ онъ по двумъ причинамъ; во-первыхъ потому, что совершенно былъ неспособенъ къ хозяйству, даже и къ такому, какого требовала одинокая жизнь на квартирѣ; а во-вторыхъ, чтобъ имѣть возможность постоянно сталкиваться съ людьми, встрѣчаться съ новыми лицами, и извлекать изъ этихъ людей и преимущественно изъ новыхъ лицъ, кое-какія выгоды. Сталкиваясь въ билліардной или въ общей залѣ съ какимъ-нибудь пріѣзжимъ, онъ тотчасъ видѣлъ, подходящій ли это для него человѣкъ;—и если былъ подходящій, онъ тотчасъ же заводилъ съ нимъ разговоръ, которымъ ловко умѣлъ занять почти каждаго, потому что хорошо говорилъ, былъ хорошо образованъ и многое выдавалъ на своемъ вѣку, — словомъ это былъ человѣкъ и съ умомъ и съ способностями, но употребившій и то и другое въ дурную сторону. Въ особенности умѣлъ онъ привлекать и увлекать удалую, военную молодежь разказами о своей собственной службѣ, о своихъ лихихъ выходкахъ, которыя въ тѣ времена имѣли еще свою цѣну, и которыя, такимъ образомъ, отъ частаго повторенія и передачи изъ устъ въ уста придали ему нѣкоторую извѣстность, постоянно собирающую около него кружокъ партизановъ. Никто лучше его не умѣлъ начать попойку своей бутылкой шампанскаго съ тѣмъ, чтобы послѣ распить дюжину чужихъ, и вообще устраивать всякія пирушки на чужой счетъ. Онъ очень ловко составлялъ игру въ алагерь, — такъ, по маленькой, для препровожденія времени, говорилъ онъ, — но въ которой, по своему мастерству играть на билліардѣ и вы-

бирать партнеров, постоянно оставался побѣдителемъ. Тутъ же онъ страливалъ другихъ игроковъ и поджигалъ на пари своихъ знакомыхъ, или самъ держалъ пари за кого-нибудь. Въ первомъ случаѣ онъ опять шлъ на чужой счетъ, во второмъ постоянно выигрывалъ.

Всѣ эти маленькія выгоды, Свистковъ называлъ въ своемъ хозяйственномъ лексиконѣ *насущнымъ хльбомъ*. Но, кромѣ дароваго продовольствія, ему были еще нужны деньги, и даже много денегъ, чтобы поддерживать тотъ образъ жизни, какой велъ онъ. Какъ пріобрѣтались эти деньги, этого никто не зналъ. Знали только, что у него, въ извѣстные дни, а иногда и экстренно, составлялись вечера; что на эти вечера постоянно являлись какіе-то два господина, очень благовидной наружности, и постоянно составляли *средоточіе* игры, которая тоже постоянно бывала на всѣхъ вечерахъ Свисткова. Самъ онъ почти не бралъ въ руки карты, но человекъ его замѣтилъ, что послѣ каждого такого вечера два благовидные господина или оставались у его барина долѣ другихъ гостей, или являлись къ нему рано утромъ на другой день; что въ обоихъ этихъ случаяхъ, его высылали вонъ и дверь номера запирали на ключъ, и что наконецъ послѣ каждого такого свиданія кошелекъ его барина, иногда очень уже опустѣвшій, снова наполнялся. Тотъ же самый человекъ нѣмѣлъ отъ барина строгое приказаніе тотчасъ же заводить знакомство съ людьми всѣхъ новопрїѣзжающихъ особъ, останавливающихся въ гостинницѣ, и отбирать отъ нихъ самыя точныя и подробныя свѣденія о возрастѣ, образѣ жизни и, самое главное, о состояніи этихъ особъ.

Въ тотъ же самый вечеръ, когда Бѣлоликинъ прїѣхалъ въ Москву и, разбитый съ дороги, заснулъ въ своемъ номерѣ мертвымъ сномъ, лакей Свисткова успѣлъ вовлечь его лакея въ самый дружескій разговоръ и, для пущей откровенности, успѣлъ даже напоить его пьянымъ. Послѣ этого очень понятно, что заставило Свисткова познакомиться съ Бѣлоликинымъ, пригласить его обѣдать въ трактиръ, повестъ къ цыганамъ; онъ рассчитывалъ, что тѣмъ долѣ Бѣлоликинъ проживетъ въ Москвѣ, тѣмъ больше до-
ставитъ ему выгодъ.

Проснувшись все еще съ тяжелой и немного отуманенной головой, Бѣлоликинъ вспомнилъ однакожь, что наканунѣ онъ что-то много израсходовалъ денегъ. Онъ тотчасъ началъ повѣрять свою кассу, и нашелъ, что послѣ подарка купленнаго для Катеньки, послѣ расходовъ на вино, которымъ, и за ужиномъ и у цыганей, онъ угощалъ всю публику, не желая оставаться въ долгу за вчерашній обѣдъ, и наконецъ послѣ денежнаго подарка цыганкѣ, который своей цѣнностію чуть ли не превышалъ подарковъ, посланныхъ Катенькѣ, финансы его въ смѣльномъ разстройствѣ.

— Скверно! — подумалъ онъ; — вадобно поскорѣе убраться отсюда, а мнѣ бы хотѣлось еще разъ побывать у цыганей, еще разъ гдѣ-нибудь пообѣдать съ друзьями; — славные ребята, нечего сказать! и еще разъ поиграть бы.... Развѣ попробовать счастья?... Страшно! Вчера еще смѣло бы можно рискнуть; а теперь проигрался, такъ, пожалуй, не съ чемъ будетъ и выѣхать....

Въ эту минуту къ нему вошелъ Свистковъ.

— Что это? — сказалъ онъ засмѣявшись; — финансовая система на сценѣ. Что ты это рассчитываешь?

— Плохо! — отвѣчалъ Бѣлоликинъ, который въ эту грустную минуту больше чѣмъ когда-нибудь былъ расположенъ къ откровенности; — денегъ мало остается.

— Вотъ есть о чемъ думать! Будемъ живы, будемъ съ деньгами.

— По неволѣ подумаемъ. Говорю тебѣ серьезно, я въ такихъ обстоятельствахъ, что мнѣ надобно нынче же ѣхать.

Свистковъ вытаращилъ на него глаза, и захохоталъ.

— Что ты, съ ума сошелъ?... и онъ покачалъ головой. Фи, mon cher, да какъ же тебѣ не стыдно не сказать прямо, что тебѣ нужны деньги? сколько тебѣ надобно?... Возьми, перехвати у меня. А завтра я тебѣ сѣищу хоть десять тысячъ. Довольно этого?

— Даже слишкомъ, — сказалъ Бѣлоликинъ улыбнувшись и повеселѣвъ. Мнѣ бы нужно какихъ нибудь тысячи двѣ... только право мнѣ совѣстно.

— Убирайся ты къ чорту съ своей совѣстью. Велика важность, что ему нужны деньги! Ну сколько нужно, столько и найдемъ... А вотъ что дурно, дружище, что ты не откровененъ, — прибавилъ Свистковъ садясь противъ него, — ты безпрестанно твердишь, что тебѣ надобно ѣхать скорѣе, что у тебя какія-то нужны дѣла, а прямо никакъ не хочешь сказать, какія это дѣла... Не хорошо, братецъ, поступать такъ съ друзьями.

Свистковъ очень хорошо зналъ, зачѣмъ Бѣлоликинъ спѣшилъ ѣхать, но онъ имѣлъ свои виды вызвать его на откровенность.

— Это дѣло интересно только для меня одного, — сказалъ Бѣлоликинъ, которому, не смотря на всю его вѣру въ истинную къ нему привязанность Свисткова и на все свое расположеніе къ откровеннымъ изліяніямъ, все еще не хотѣлось открывать ему своихъ сердечныхъ тайнъ.

— Фу ты, Господи, да развѣ я для собственныхъ интересовъ спрашиваю тебя? Все таки изъ участія къ тебѣ же. Ну имѣние, что ли, разстроено?... Напроказалъ ли что-нибудь? Отчего жъ не сказать? Отчего не спросить совѣта у людей, которые, если не умнѣ тебя, такъ по крайней мѣрѣ опытнѣе! А не хочешь говорить — и чортъ съ тобой!

— Вотъ ужъ и сердится? Этакій вспыльчивый характеръ!

— Что тутъ сердиться, а просто всѣ вы нынче, какое-то чопорное, дрянное поколѣніе... По нашему, бывало: коли дружба, такъ дружба. Все, что есть въ печи, на столъ мечи, все, что есть за душой — наружу. А теперь вынь да отдай душу человѣку, а онъ все еще будетъ думать: не надувають ли?... Эхъ, вы, вароды!...

— Полно, братецъ, — сказалъ Бѣлоликинъ, затронутый за чувствительную струнку *благородства души*, — неужто ты можешь думать, что я въ тебѣ сомнѣваюсь. А, говорю тебѣ, дѣло такого рода, что оно и не интересно и не требуетъ никакихъ совѣтовъ. Просто, я женюсь, вотъ и все тутъ.

— Же-е-нится! — сказалъ Свистковъ, наклонивъ голову и взявъ себя за подбородокъ, — вотъ тебѣ и разъ!... Онъ женится! — про-

должалъ онъ опять, сдѣлавъ самую уморительную гримасу и указывая пальцемъ на Бѣлолика, — прошу покорно!... И онъ началъ хохотать во все горло.

Эта выходка оскорбила Бѣлолика. — Что же вы тутъ находите смѣшного? — спросилъ онъ всплѣчиво.

Физиогномія Свисткова въ одно мгновеніе превратилась изъ смѣющейся въ самую плачевную.

— Да, — сказалъ онъ, — въ самомъ дѣлѣ ты, братецъ, не смѣшонъ, а жалокъ!... Да подумалъ ли ты хорошенько о томъ, что ты дѣлаешь?

— Это опять не до васъ касается, — отвѣчалъ Бѣлоликъ все тѣмъ же обидчивымъ тономъ.

— Да до тебя-то касается слишкомъ близко, душа ты моя; — и хоть ты сердись, не сердись, а ужъ я не могу не высказать тебѣ правды. Знаешь ли ты, что въ твои лѣта можно рѣшиться на женитьбу только въ двухъ случаяхъ: или въ случаѣ чистаго сьумасшествія, или тогда, когда нечего ѣсть. А вѣдь ты самъ говоришь, — если только не врешь, — что у тебя не только независимое, но даже богатое состояніе; такъ изъ чего же ты-то хочешь, съ этой поры, надѣть на себя такія страшныя путы?

— Изъ любви, — отвѣчалъ Бѣлоликъ съ нѣкоторой гордостью. Свистковъ опять посмотрѣлъ на него насмѣшливо.

— Любовь, владычица сердець! — сказалъ онъ, и сказалъ съ такимъ комическимъ выраженіемъ, что самъ Бѣлоликъ невольно улыбнулся. — Да вѣдь она пройдетъ, вѣдь она выдохнется — эта владычица-то сердець, что же останется послѣ? Куча дѣтей, да куча заботъ... И чѣмъ же ты тогда вспомнишь свою молодость? Время еще не ушло для тебя. Успѣешь жениться въ тридцать, въ тридцать пять лѣтъ, — а въ твои лѣта... нѣтъ, братъ, это право заблужденіе непростительное такому умному человѣку, какъ ты.

— Вотъ съ этимъ-то я и несогласенъ, чтобы женитьбу въ молодые лѣта можно было считать безразсудствомъ, — отвѣчалъ Бѣлоликъ, которому очень польстили послѣднія слова Свисткова, назвавшего его умнымъ человѣкомъ, и который наконецъ гораздо хладнокровнѣе началъ вслушиваться въ разсужденія своего новаго

пріятеля;—мнѣ напротивъ кажется, что бракъ только тогда и можетъ быть счастливъ, когда мужъ и жена любятъ другъ друга первой любовью.

— Т. е. ты хочешь сказать, что «первая любовь никогда не ржавѣетъ»; охъ, братецъ, видалъ я, какъ ржавѣетъ она, да и въ молодья-то лѣта всегда бываетъ у насъ много разныхъ прихотей. Молодому пиву прежде надобно перебродиться, а потомъ ужъ стать на мѣсто. Вотъ выслушай ты, что было собственно со мной, съ Василемъ Свистковымъ, который сидитъ передъ тобою. Стояли мы въ Вѣлоруссiи; и влюбился я тамъ въ прехорошенькую панночку Каролину, да какъ влюбился? просто врѣзался выше ушей. Ну вотъ, не хуже тебя, и сплю и вижу жениться, и нѣтъ мнѣ счастiя ни съ кѣмъ, кромѣ Каролины: или она или никто,—короче, лѣзетъ въ голову вся обмкновенная дурь влюбленныхъ. Помолвили насъ; жду не дожусь желаннаго, счастливаго часа. Только къ настоящему-то моему счастью, поручикъ нашего же эскадрона и мой хорошій пріятель еще прежде меня влюбился въ другую панночку, Сигизмунду, и живо скрутилъ свою сватьбу. Прошелъ мѣсяцъ; поручикъ доволенъ и счастливъ. Завидно мнѣ и завидно тѣмъ больше, что мою сватьбу, по обстоятельствамъ, еще надобно было отсрочить на нѣсколько времени. Между тѣмъ смотрю, и молодой супругъ, вовсе было отставшій отъ нашей холостой компанiи, опять начинаетъ ютиться къ намъ. И въ карточки придетъ поиграть, и какую нибудь заѣзжую арфистку или пѣвицу отправится съ нами послушать, и часто всю ночь на пролетъ просидитъ.—Что же это, —спрашиваю я его, —или тебѣ дома-то, братецъ, скучно?—«О нѣтъ, говорить, *quelle idée!*»—Онъ, знаешь, былъ этакъ немножко съ фанфаронствомъ; —а нельзя же, чтобы было все одно да одно; въ жизни нужно разнообразiе». Съ этимъ я совершенно согласился; только разъ какъ-то, на другой день послѣ пирушки, въ которой онъ провелъ съ нами почти всю ночь, прихожу я къ нему. Въ снѣгахъ еще слышу, что у него въ квартирѣ шумъ страшный, и голосъ панны Сигизмунды такъ и дребезжитъ, какъ разбитый колокольчикъ, такъ и заливадается — ну, знаешь, когда женщина разсердится и выходитъ изъ себя. Неловко мнѣ показалось въ такую

минуту постучать или позвонить; невольно я остановился у дверей, и вотъ какъ теперь слышу, какъ панна Сигизмунда моетъ голову моему пріятелю. И мерзавецъ-то онъ, и распутный, и погубилъ онъ ея молодость, и зарѣжется она, и удавится, и отравитъ себя ядомъ, — тѣбу ты, чортъ задави, даже мнѣ страшно стало! Давай поскорѣ звонить изъ всѣхъ силъ. Вхожу; Сигизмунда улетнула, а пріятель сидитъ повѣсивъ голову. Желая спасти его отъ грозы, а вмѣстѣ и узнать, что у нихъ случилось, я вызвалъ его прогуляться. Бѣднякъ такъ обрадовался моему предложенію, что въ ту же минуту схватилъ шапку, и такъ проворно выбѣжалъ изъ комнаты, что я догналъ его ужъ на улицѣ. — Что это у васъ съ женой-то, или не ладно? — спросилъ я его. — «Чортъ бы ее побралъ, эту жену! сказала поручикъ, — дня не проходить, чтобы не грызла меня, какъ собака, не точила, какъ червь. Это просто фурія, это гіенна какая-то!» — Да за что же? — «За что? разумѣется глупая ревность. Сиди подлѣ нея цѣлый день, да держись за юбку — вотъ и будешь хорошъ». — Неужели же и моя Каролина будетъ такая? — сказалъ я съ испугомъ, — «А ты что же думаешь? Ужъ какой тихой овечкой была Сигизмунда въ невѣстахъ, да теперь вышло вотъ что. А твоя, пожалуй, будетъ еще и побойчѣе».

Это сильно меня озадачило. При первомъ же свиданіи съ Каролиной, я нарочно намекнулъ ей о плачевной участи поручика. — Самъ во всемъ виноватъ, — сказала она, побагровѣвъ какъ зарево; — какой же женѣ можетъ быть пріятно, если мужъ вовсе не живетъ дома. Я надѣюсь, — прибавила она, — что ты не заставишь меня терпѣть такую же горькую участь. — Эта немножко пылкая выходка противъ моихъ будущихъ, и еще только предполагаемыхъ, похощеній, послужила мнѣ вмѣсто ушата холодной воды, и сильно прохлладила мою любовную горячку. Свиданія наши сдѣлались рѣже. Я нарочно протянулъ дѣло до выступленія полка, да и Богъ съ ней совсѣмъ! И теперь объ этой первой любви и помину нѣтъ въ моемъ сердцѣ, и я не знаю, какъ благодарить судьбу, что она спасла меня отъ этого дѣсла, въ которомъ мой бѣдный другъ, поручикъ, можетъ быть и до сихъ поръ еще барахтается съ своей дорогой Сигизмундой.

— Ну это польская кровь, — сказалъ Бѣлоликинъ, — и одинъ примѣръ еще ничего не доказываетъ.

— Повѣрь мнѣ, братъ Николай, всѣ онѣ Сигизмунды. Что жъ ты думаешь, если бы твоя невѣста — не имѣю чести знать ея имени—видѣла, какъ ты вчера отсыпалъ золото цыганкѣ,—погладила бы она тебя по головкѣ?

— Ну да этого не должно мнѣ было дѣлать даже и теперь; а жепатому и подавно.

— Не должно—то не должно, да много ли ты найдешь такихъ мудрецовъ, которые бы не дѣлали того, что не должно?... Ты гдѣ думаешь жить, въ Москвѣ или въ Петербургѣ?

— Думаю, въ Петербургѣ.

— Прекрасно: кажется, чего бы веселѣе? А между тѣмъ, и тамъ, и здѣсь, вездѣ, гдѣ бы ты ни вздумалъ жить, выйдетъ скука страшная. Напримѣръ: встаешь ты въ 11 или 12 часовъ; пьешь, вмѣстѣ съ своей дражайшей половиной, кофе, и прочитываешь Пчелку или Débats... Кстати, невѣста твоя любитъ читать?

— Очень любить.

— Ну это еще слава Богу, а то ты за чтеніе, а жена вырывать у тебя книгу... Итакъ ты читаешь. Потомъ вы одѣваетесь; потомъ отправляетесь на Невскій, гдѣ ходите, какъ неразлучная парочка голубковъ; потомъ дѣлаете визиты, рѣдко порознь, но по большей части вмѣстѣ; потомъ обѣдаете съ глазу на глазъ, разговариваете о пустякахъ, да и то съ долгими перерывами, потому что вамъ не о чемъ говорить. Послѣ обѣда, ты идешь въ свой кабинетъ, жена въ свой, — и оба безъ памяти рады, что избавились наконецъ отъ скучной бесѣды и что вамъ по крайней мѣрѣ можно зѣвать не стѣсняясь. Вечеромъ идете въ спектакль, на балъ, на раутъ. Если ты поведешь такую степенную жизнь, ты будешь блаженъ мужъ, ты облявнишься и растолстѣешь, ты будешь прозябать, а не жить, — а вынесетъ ли такую жизнь твоя пылая, молодая натура? Но если не вынесетъ, жена твоя въ ту же минуту превратится въ Сигизмунду... Если ты, на какомъ нибудь балѣ, слишкомъ заглядишься на какую нибудь хорошенькую

барыньку, и затанцуешь съ ней—горе тебѣ! Если ты начнешь предпочитать визиты безъ жены визитамъ съ женой,—если эти визиты будутъ часты и продолжительны, и если ты, по возвращенія домой, не съумѣешь дать точнаго и подробнаго отчета, гдѣ ты именно былъ, гдѣ сколько времени пробылъ, что слышалъ, кого видѣлъ и кого не видалъ—страшное горе тебѣ! Если же ты, наконецъ, вздумаешь свести знакомство съ такимъ народомъ, какъ мы, т. е. съ людьми честными, порядочными, благородными, но которые имѣютъ маленькую слабость пожить хорошо и повеселиться, — тогда и святыхъ вонъ вынеси... Вотъ тебѣ краткая, но самая вѣрная исторія твоей будущности.

— Пусть будетъ, что будетъ,—сказалъ Бѣлоликинъ съ недовольнымъ видомъ и махнувъ рукой; — дѣло ужъ сдѣлано и разсуждать теперъ поздно. Да и при томъ, я столько люблю мою невѣсту, что для этой любви готовъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ. Пустяки, братецъ, всѣ эти удовольствія противъ семейнаго счастья.

— О, великой философъ! О, юный мудрецъ!—воскликнулъ Свистковъ съ ироніей; — дай Богъ тебѣ найти истинное семейное счастье! Только вотъ что, голубчикъ,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что слова его не совсѣмъ пріятны Бѣлоликину и что для перваго раза онъ и такъ ужъ довольно сказалъ, —не спиши ты по крайней мѣрѣ слишкомъ круто такимъ важнымъ дѣломъ. Жена не башмакъ, съ ноги не снимешь. Поживи съ нами хоть немножко, пообдумайся, и ужъ въ послѣдній разъ покути, да и закайся. Дорожи, птичка, волей, пока еще не въ клеткѣ....

И вдругъ онъ перемѣнилъ и тонъ и предметъ разговора.

— Вотъ, напримѣръ нынче,—сказалъ онъ шутливо,—кто ѣзнаетъ вамъ М. Г. обѣдать у Яра, куда всѣхъ насъ приглашаетъ Горкинъ.

— Развѣ звалъ ?

— Всенепремѣнно; и просилъ передать тебѣ.

— Славный малый!

— Чудный малый!—подхватилъ Свистковъ.—А на вечеръ убедительнѣйше къ себѣ просить вашъ покорнѣйшій слуга.

— Да вѣдь у тебя вечера, кажется, по середамъ.

— Это не въ счетъ абонимента. Позвольте надѣяться?—прибавилъ Свистковъ, разклаиваясь съ комическими церемоніями.

И онъ ушелъ, давъ Бѣлоликину полную свободу обдумать все то, что онъ ему высказалъ, — частію изъ желанія удержать его подолже около себя, частію по убѣжденію, потому что женитьбу, неоснованную на коммерческомъ разсчетѣ, онъ дѣйствительно считалъ чвстой глупостью.

XVIII.

« Странный взглядъ у этого челоѣка!—думалъ Бѣлоликинъ; — онъ видитъ въ женитьбѣ только одну дурную сторону.... Но развѣ любовь такой милой дѣвушки, какъ моя невѣста, ничего не значить? И развѣ можно промѣнять на что нибудь тѣ минуты, которыя проводилъ я съ ней въ послѣднее время?...»

Воображеніе увлекло его въ прошедшее и съ тѣмъ вмѣстѣ представляло ему его будущую супружескую жизнь въ чудномъ, волшебномъ свѣтѣ любви. Еще съ утра онъ располагалъ писать къ Катенькѣ, но сначала его отвлекли денежные разсчеты, а потомъ разговоръ съ Свистковымъ, который взволновалъ его. Успокоившись немножко, онъ подошелъ наконецъ къ столу, чтобъ приняться за письмо и излить въ немъ весь избытокъ чувствъ, скопившихся въ эту минуту въ его сердцѣ; но на столѣ лежали часы. До обѣда оставалось только полчаса; онъ подумалъ—и велѣлъ подать себѣ одѣваться.

Вкусный обѣдъ и вкусныя вина совершенно измѣнили не совсѣмъ хорошее расположеніе духа, въ которомъ онъ былъ въ продолженіи цѣлаго утра. Мечты о Катенькѣ, о которой онъ такъ возторженно раздумался, все еще носились передъ нимъ, но онъ ужъ начинали смѣшиваться съ мыслями о деньгахъ, о выигрышѣ, о цыганахъ вообще, о цыганкѣ Любашѣ въ особенности и наконецъ съ новой, породившейся у него мыслью: пригласить весь хоръ къ себѣ и задать своимъ друзьямъ пиръ на славу.

Послѣ обѣда Свистковъ предложилъ выпить еще двѣ, три бутылки шампанскаго, пощелкать, для возбужденія вкуса, орѣшковъ разныхъ сортовъ, и потомъ, не развѣзаясь, прямо отправляться къ нему и «приниматься за работу, — какъ выражался онъ, — не теряя золотого времени...»

Предложеніе всѣми было принято съ удовольствіемъ, потому что каждому хотѣлось «приняться за работу», какъ можно скорѣе.

Никогда еще и Бѣлоукинъ не ждалъ игры съ такимъ нетерпѣніемъ, и никогда не чувствовалъ такого сильнаго желанія выиграть, и такой сильной боязни проиграть. Онъ былъ вовсе не корыстолюбивъ, потому что былъ молодъ, и даже слишкомъ мало цѣнилъ деньги, потому что до сихъ поръ его потребности никогда еще не превышали его средствъ. Но теперь, когда онъ попалъ въ омутъ этой разгульной жизни, гдѣ золото разсыпается какъ соръ, и гдѣ между тѣмъ чувствуется въ немъ ежеминутная и безконечная потребность для того собственно, чтобы имѣть возможность сорить имъ, — его ужъ начинала томить та неутолимая жажда денегъ, которую испытываютъ только скупецъ да мотъ. Съ другой стороны ему страшно было проиграть свои послѣдніа деньги, какъ человѣку, никогда еще не испытывшему крайности... Но ему очень хотѣлось еще разъ послушать цыганей, еще разъ пообѣдать съ друзьями, задать имъ пиръ у себя, и еще разъ побывать въ театрѣ, гдѣ не дальше какъ черезъ два дни дадутъ опять тотъ же балетъ, который привелъ его въ восхищеніе. Въ балетѣ будетъ участвовать хорошенькая дебютантка, которую друзья его хотятъ поддерживать, и которая послѣ спектакля будетъ съ ними ужинать. Какъ не быть на этомъ ужинѣ? Какъ отказаться отъ этого пикника, на которомъ, кромѣ дебютантки, будетъ и еще много хорошихъ танцовщицъ?... И онъ поставилъ карту.

Но на этотъ разъ счастье обернулось къ нему спиной, или лучше сказать, шутило надъ нимъ, дразнило его, заманивало — и потомъ, однимъ разомъ, разбивало всѣ его надежды въ прахъ. Нѣсколько разъ забирался онъ, какъ говорится, въ гору, и каждый разъ рѣшительный ударъ ему проигрывалъ, и счетъ, который писали на немъ, все становился длиннѣе и длиннѣе. Бѣлоукинъ

страшно волновался и хотѣлъ залить свое внутреннее безпокойство виномъ; но оно только отуманивало его голову, заставляло еще больше горячиться и играть еще безразсуднѣе. Онъ почти непомнилъ, что дѣлалъ, онъ готовъ былъ въ одинъ присѣсть проиграть все свое состояніе, но Свистковъ зналъ, что такая исторія сей часъ бы огласилась, и никакъ не хотѣлъ молвы, что въ его квартирѣ обыграли молодаго человѣка на огромную сумму. Для пріобретенія денегъ онъ дѣйствовалъ какъ игрокъ, для сбереженія своей репутаціи, какъ дипломатъ, — и по этому, почти насильно, оттащилъ Бѣлоликина отъ стола.

— Но вѣдь надобно расплатиться, — говорилъ Бѣлоликинъ въ отчаяніи, — а ты знаешь, что мнѣ не чѣмъ. По неволѣ должно отыгрываться.

— Предоставь все мнѣ, — сказалъ Свистковъ. — Ты пьянъ. Ступай, ложись спать.

— Надобно же по крайней мѣрѣ счасться...

— Не безпокойтесь, — подхватилъ одинъ изъ господъ благовидной наружности, съ самой сладенькой улыбкой, — «мальчика пришлите — не обочтемъ».

Наконецъ Свистковъ кое-какъ уговорилъ Бѣлоликина отправиться въ свой номеръ и лечь спать. А на другое утро, какъ только онъ проснулся, велѣлъ звать его къ себѣ.

Когда онъ вошелъ, Свистковъ почти испугался, взглянувъ на него: — такъ былъ онъ блѣденъ и такъ ясно отражалось на его лицѣ то внутреннее мученіе, которое гложетъ человѣка, сдѣлавшаго въ первый разъ въ жизни глупость подобную той, каковую сдѣлалъ наканунѣ Бѣлоликинъ.

— Что съ тобой? — спросилъ Свистковъ; — боленъ что ли?

— Прежде всего скажи, сколько я проигралъ? — спросилъ Бѣлоликинъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Бездѣлицу, братецъ, что ты такъ безпокойшься; всего около пяти тысячъ.

Бѣлоликинъ поблѣднѣлъ еще больше.

— Сколько же тебѣ нужно денегъ?—спросилъ Свистковъ; — сей часъ явится мой комиссіонеръ, которому я ужъ поручилъ это дѣло.

— Да теперь много,—сказалъ Бѣлоликинъ съ отчаяніемъ.

— Послушай, братецъ, объ этихъ деньгахъ, которыя ты проигралъ вчера, пожалуста не безпокойся. Я ихъ принялъ на себя, а мнѣ ты можешь заплатить когда хочешь. Ты только перехвати теперь, что тебѣ нужно на расходы.

Бѣлоликинъ замѣтно повеселѣлъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Mercі, mon cher! а то признаюсь тебѣ, что это въ самомъ дѣлѣ немножко меня затрудняло. Въ настоящее время мнѣ и безъ того надобно взять у матушки много денегъ на свадьбу. Потомъ, когда я женюсь и приму все хозяйство, мнѣ разумѣется легко будетъ расплатиться съ тобой.

— Знаю, душа моя, знаю,—что ты мнѣ рассказываешь. Вѣдь я понимаю вещи-то; самъ бывалъ въ такихъ обстоятельствахъ. Травленный волкъ.

Въ эту минуту вошелъ человекъ, только ужъ очень не благовидной наружности, а рябой, чорный, точно выпачканный постнымъ масломъ, съ какой-то хищной, ястребиной физиономіей, и въ крѣпко засаленномъ сюртукѣ.

— А пріятель!—сказалъ Свистковъ;—ну что, напелъ?

— Нашелъ-съ.

— Да какъ тебѣ не найти; ты, я думаю, за версту чутьемъ слышишь, гдѣ деньгами пахнетъ... Такъ сколько же?—прибавилъ Свистковъ, обращаясь къ Бѣлоликину.

— Я ужъ сказалъ, тысячи двѣ.

— Бери ужъ три, братецъ; мѣста не пролежать. Стратону Иванычу все равно хлопотать, что изъ двухъ, что изъ трехъ, а, знаешь, чѣмъ шире платье, тѣмъ свободнѣе въ немъ поворачиваться. Такъ что ли?

— Ну пожалуй.

— Такъ слышишь ты, чучело, три.

— Слушаю-сь. Что же пожелаете за хлопоты?

— Тебѣ надолго ли?—спросилъ Свистковъ Бѣлоликина.

— Да положимъ, что я пробуду здѣсь еще дни три, четыре, — началъ разсчитывать Бѣлоликинъ;—два дни провѣду; въ деревнѣ пробуду недѣлю; назадъ опять два дни—недѣли на двѣ.

— Ужъ на мѣсяцъ, Василий Ильичъ, —сказалъ засаленный сюртукъ, бросая свои ястребиные взгляды то на Свисткова, то на Бѣлоликина. А за хлопоты положите двѣнадцать процентовъ. Вы изволите знать, деньги не мои.

— Какъ двѣнадцать процентовъ?—спросилъ Бѣлоликинъ.

— Т. е. не процентовъ собственно, —подхватилъ Свистковъ, — проценты, разумѣется, законные; а онъ только проситъ за хлопоты двѣнадцать копѣекъ съ рубля. *Mais il faut donner à ce pauvre diable,* —прибавилъ онъ;—*il court pendant toute la journée comme un chien.*

— Ну хорошо, хорошо,—сказалъ Бѣлоликинъ.

— Такъ прикажете написать обязательство? —спросилъ засаленный сюртукъ.

— Ну конечно, сказалъ Свистковъ.

— Заемное письмо отъ крѣпостныхъ дѣль-сь?

Свистковъ задумался и отвѣлъ Бѣлоликина къ сторонѣ.

— Послушай, братецъ,—сказалъ онъ,—да ты лучше напиши къ матушкѣ-то своей, чтобы она прислала тебѣ деньги. Скажи, напрямѣръ, что ты прискалъ здѣсь или вѣкипажъ, или лошадей, которыхъ тебѣ не хочется упустить, а до тѣхъ поръ поживи съ нами. Въ такомъ случаѣ мы устроимъ дѣло безъ всякаго формальнаго обязательства. Выдашь простую росписку, да и все тутъ. А то чортъ ихъ дери съ ихъ заемными письмами; пожалуй можетъ еще огласиться. Скажутъ, что вмѣсто трехъ тысячъ, ты занялъ тридцать; что ты проигрался,—и выйдетъ изъ этой дряннй прескверная исторія....

— Да вѣдь это будетъ долго,—сказалъ Бѣлоликинъ, колеблясь.

— Гдѣ же долго-то? Недѣли полторы какихъ нибудь, а на выѣшней недѣлѣ ты и безъ того не уйдешь;—и Свистковъ на-

чалъ высчитывать по пальцамъ:—вечеръ, который хочешь ты сдѣлать для всѣхъ насъ; потомъ извѣстный тебѣ ужинъ, отъ котораго ты вѣрно ужъ не откажешься; а потомъ мы затѣваемъ еще катанье за городъ. Есть у насъ тамъ одинъ любимый трактирчикъ. Возьмемъ съ собою цыганей, да пригласимъ съ собою еще нѣсколько балетныхъ гномовъ и сальфидъ, изъ тѣхъ, которыя будутъ съ нами ужинать-то; устроимъ такое *partie de plaisir*, что чудо! Ну, а тамъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, и что дальше, то лучше,—прибавилъ онъ сдѣлавъ одну изъ тѣхъ комическихъ гримасъ, которыя дѣлалъ уморительно.—Самъ вѣдь видишь, что съ нами не соскучишься, не только въ недѣлю, но и въ цѣлый годъ.

Слова Свисткова, тайное желаніе пожить еще этой веселой, разгульной жизнью, и надежда возвратитъ постепенно свой проигрышъ, или хоть часть проиграннаго, заставили Бѣлоликава согласиться на предложеніе человѣка, который дѣлалъ ему столько одолженій, и пріязни котораго онъ уже вѣрилъ исполнѣ.

Вечеръ его удался какъ нельзя лучше. Номеръ, въ которомъ онъ остановился, оказался для этого тѣсенъ и неудобенъ. Онъ занялъ одинъ изъ лучшихъ номеровъ гостиницы, пригласилъ къ себѣ цыганей, заказалъ отличный ужинъ, поданный на богатомъ сервизѣ. Вся эта роскошь и помѣщенія и угощенія, произвели, какъ казалось ему, сильный эффектъ и въ глазахъ его пріятелей и въ глазахъ цыганки Любаши, которая въ этотъ вечеръ пѣла свои романсы какъ-то еще нѣживѣ, смотрѣла на него какъ-то еще вкрадчивѣ. У Бѣлоликава была и игра. Онъ выигралъ, не много, но все таки выигралъ, и всѣ эти деньги опять отдалъ Любашѣ за ея лучший романсъ. Въ благодарность за то, она на другой день пришла къ нему, съ одной изъ своихъ подругъ, поѣсть, напитокъ чаю и поѣсть конфектъ.

Ужинъ въ фойе и поѣздка за городъ съ танцовщицами окончательно вскружили его голову. Эта поѣздка, на лихихъ тройкахъ въ лунную ночь, напомнила ему катанья съ Катенькой. Онъ опять было размечтался о ней, но могъ ли онъ долго оставаться въ мірѣ фантазіи, когда сами сальфиды и гномы, сидѣвшія съ нимъ въ саняхъ, увлекали его къ существенности.

Двѣ недѣли промелькнули для Бѣлоликина какъ чудный, волшебный сонъ. Не было дня, въ который онъ могъ бы опомниться. Дружескимъ пирушкамъ, сборищамъ и разъѣздамъ по разнымъ «увеселительнымъ заведеніямъ», какъ выражался Свистковъ, не было конца, и эта праздная, разгульная жизнь, переполненная чувственными наслажденіями, все больше и больше начинала ему нравиться, все больше и больше увлекала его. Сначала еще были минуты, въ которыя онъ, послѣ каждой оргіи, послѣ каждой шалости, послѣ каждой пустой и глупой растраты денегъ, чувствовалъ что-то похожее на угрызение совѣсти, на муку раскаянія, но скоро и этотъ внутренній голосъ, вызывавшій его на истинный путь, замолкъ въ немъ. Сердце его черствѣло, чувства притуплялись.

Деньги отъ матери были получены. Она просила его пріѣхать какъ можно скорѣе; она прислала ему даже больше денегъ, чѣмъ просилъ онъ, какъ бы боясь, чтобы недостатокъ въ нихъ не задержалъ его. Ему не было больше никакихъ препятствій къ отъѣзду, а между тѣмъ отъѣздъ его опять откладывался со дня на день....

XIX.

Какъ быстро и весело летѣло время для Бѣлоликина, такъ медленно и грустно тянулось оно для его невѣсты. Онъ обѣщалъ непременно возвратиться черезъ мѣсяцъ и даже можетъ быть еще скорѣе, но со времени отъѣзда его прошло уже шесть недѣль, а Катенька все ждетъ его, и не знаетъ наконецъ, что о немъ и думать. Сначала онъ писалъ довольно часто, потомъ письма его стали рѣже, и въ продолженіи двухъ послѣднихъ недѣль не получено ни одного письма.

— Не могу понять, что съ нимъ сдѣлалось?—говорила Катерина Антоновна; — развѣ оттого только не пишетъ, что самъ скоро будетъ?

— Не можетъ быть, — говорила Катенька, приходившая въ совершенное отчаяніе, — онъ или умеръ или такъ боленъ, что не въ силахъ поднять руки. Въ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ, что болѣзнь задержала его въ Москвѣ и не позволила ему писать ко мнѣ цѣлую недѣлю. Вѣрно онъ не поберегся, и занемогъ еще сильнѣе.

И Катенька начинала плакать и не хотѣла слушать никакихъ утѣшеній Катерины Антоновны, которая все старалась увѣрить ее, что женихъ хочетъ ей сдѣлать сюрпризъ и нагрѣеть, какъ снѣгъ на голову.

И вотъ, послѣ долгихъ, мучительныхъ ожиданій, желанное письмо получено наконецъ.

— Отъ него, отъ него! — кричала Катенька схвативъ потту изъ рукъ посланнаго и бросивъ на столъ всѣ остальные конверты, кромѣ того, на которомъ видѣла надпись, сдѣланную рукою ея жениха.

Съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ сорвала она печать, пробѣжала письмо глазами, поблѣднѣла, зашаталась и, чувствуя, что силы ее оставляютъ, судорожно схватилась за спинку кресель, подлѣ которыхъ стояла. Катерина Антоновна едва успѣла ее поддержать и посадить въ кресла. Она лишилась чувствъ.

Вотъ что заключалось въ письмѣ:

«Милостивая Государыня,

Катерина Антоновна!

«Я столько виноватъ передъ вами, что не могу и даже не имѣю намѣренія оправдываться...

«Зная, какъ много меня любитъ моя мать, я до такой степени былъ увѣренъ въ ея согласіи на мою женитьбу, что всѣ предварительныя сношенія съ ней объ этомъ считалъ совершенно ненужными. Только эта увѣренность и моя страстная любовь къ Катеринѣ Сергѣевнѣ заставили меня такъ настойчиво поспѣшить

нашей помолвкой. Но я не видался съ матушкой съ самаго моего ребячества, и слѣдовательно совершенно не зналъ ея образа мыслей о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ женитьба сына. Я думалъ, что для этого достаточно одного моего собственнаго выбора, одной моей любви, — но я горько ошибся. Матушка моя желаетъ, чтобы жена моя принесла мнѣ въ приданое и состояніе по крайней мѣрѣ равное моему, и связи. Вѣря мнѣ на слово, она отдаетъ полную справедливость всѣмъ достоинствамъ Катерины Сергѣевны, но со всѣмъ тѣмъ крайне огорчается моимъ выборомъ по тѣмъ причинамъ, которыя я уже имѣлъ честь объяснить. Вы сами мать, и потому можете войти въ ея положеніе и обсудить мое. Я отдалъ бы половину жизни, чтобы свадьба моя съ Катериной Сергѣевной состоялась, чтобы лучшія мои мечты и надежды осуществились, но, М. Г-ня, легко ли будетъ матери перенести непослушаніе сына, и благословить ли Богъ сына ослушнаго?... Повторяю, что я виноватъ передъ вами и еще больше передъ Катериной Сергѣевной, безъ всякаго оправданія, но виноватъ не умышленно, потому что меня самого обманула моя слишкомъ пылкая любовь и совершенное незнаніе характера матушки, твердога въ важныхъ случаяхъ жизни гораздо больше, чѣмъ я могъ ожидать. Обвиняйте меня сколько угодно въ моей опрометчивости, въ глупости — если только можно обвинять въ подобныхъ вещахъ человѣка страстно влюбленнаго, — но только ради самого Бога не кляните меня, не считайте и не называйте обманщикомъ! Самъ я слишкомъ дорого плачу за мою бѣдственную ошибку. Цѣлую недѣлю я просилъ, умолялъ матушку, но ни просьбы, ни слезы мои ее не поколебали. — «Жениться я тебѣ не могу запретить, — говорила она, — ты воленъ располагать собой; только я не дамъ тебѣ на такую женитьбу благословенія...» Согласитесь, что такое позволеніе хуже всякаго отказа; — и каждый разъ, когда я слышалъ эти слова, они раздирали мое сердце. Виродолженія всей этой недѣли я терпѣлъ пытку. Борьба любви съ чувствомъ сыновнаго долга — борьба невыпосимаа! Я повинуюсь матушкѣ, но это повиновеніе убиваетъ меня. Довхавъ до Москвы, я занемогъ, и пишу къ вамъ страдая душою и тѣломъ. Сжальтесь надо мной, пощадите меня и не осыпайте упреками!... Я не перенесу ихъ...»

« P. S. Писать къ Катеринѣ Сергѣевнѣ не имѣю духу. Это было бы свыше силъ человѣческихъ. Кольцо ея возвращаю по первому приказанію. Теперь же удерживаю по двумъ причинамъ: во-первыхъ до возвращенія его, я вмѣнялъ себѣ въ обязанность предварительно объяснить вамъ всѣ изложенныя мною обстоятельства; во-вторыхъ, мнѣ слишкомъ тяжело разстаться съ этимъ единственнымъ залогомъ любви нашей,—и я дорожу каждой лишней минутой, которую это кольцо останется на моей рукѣ. Что касается до моего кольца, оно совершенно мнѣ ненужно, потому что въ жизни моей другаго обрученія вѣроятно не будетъ. И гдѣ бы ни былъ я, и что бы ни случилось со мной, я всегда останусь вѣренъ моей первой невѣстѣ ».

Катеньку вспрыснули водой, натерли ей виски одеколономъ, дали понюхать спирту. Она пришла въ себя, но чувствовала такое изнеможеніе, что ее должны были отвезти въ ея комнату. И тутъ только слезы начали облегчать ея сердце, судорожно сжатое горестью.

Катерина Антоновна страдала не меньше Катеньки. Она не знала, какъ понимать письмо Бѣлоликаина, не знала, какъ и чѣмъ успокоивать Катеньку. Ее страшилъ эготъ сильный припадокъ горести, тревожила огласка этой исторіи; она совершенно потерялась. Ей было необходимо поговорить объ этомъ дѣлѣ съ кѣмъ-нибудь, облегчить свою душу, попросить совѣтовъ... Къ кому же кромѣ полковника могла прибѣгнуть она? Катерина Антоновна знала, что изъ всѣхъ ея сосѣдей можетъ быть только онъ одинъ выслушаетъ эту исторію съ истиннымъ участіемъ, а не съ насмѣшкой, только онъ одинъ въ состояніи будетъ разгадать темноту ея, и подать совѣтъ дѣльный, благоразумный. Не имѣя силъ писать къ нему, а между тѣмъ желая объяснить, для чего она его проситъ, и желая, чтобы онъ еще до свиданія съ ней успѣлъ обсудить это дѣло, она послала ему подлинное письмо Бѣлоликаина.

Полковникъ пріѣхалъ страшно взволнованный. Лице его было блѣдно и сурово, голосъ дрожалъ. Катеринѣ Антоновнѣ казалось,

что оскорбленіе, нанесенное Катенькѣ, не могло бы сильнѣе тронуть ея отца.

— Что дѣлать, полковникъ? сказала Катерина Антоновна, встрѣчая его со слезами. — Скажите, ради самого Бога, что мнѣ теперь дѣлать?..

— Гдѣ Катенька? что она? — спросилъ полковникъ въ свою очередь; — какъ она приняла это письмо: какъ обманъ или какъ истину? Огорчена или оскорблена она?

— Она просто въ отчаяніи.

Полковникъ пошелъ къ ней въ комнату скорыми шагами.

Катенька протянула ему руку, зарыдала и упала лицомъ въ подушку.

— Катерина Сергѣевна, — сказалъ полковникъ, вамъ и грѣшно и унизительно огорчаться потерей такого человѣка, какъ вашъ бывший женихъ. Напротивъ вы, во всю жизнь вашу, должны благодарить Бога, что онъ спасъ васъ отъ страшнаго несчастія.

Катенька подняла голову, слезы ея вдругъ высохли и она смотрѣла на полковника во всѣ глаза.

— Неужели же вы вѣрите справедливости этого письма? — спросилъ полковникъ, вынимая изъ кармана роковое письмо, страшно скомканное имъ въ первую минуту гнѣва.

— О вѣрю! вѣрю! — сказала Катенька. — Я знаю, что онъ любить меня, что ему нѣтъ никакой причины отказаться отъ меня добровольно. Нѣтъ, онъ не можетъ меня обманывать; и если бы обманывалъ, онъ не могъ бы написать такого письма.

— Какъ же вы хотите, чтобы онъ не соблюлъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ даже и тѣмъ приличія? Вы теперь сильно взволнованы, вы не въ состояніи разсуждать; но когда вы обесудите все хладнокровнѣе, вы непременно согласитесь, что женихъ вашъ преступно виноватъ передъ вами во всякомъ случаѣ. Допустимъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ хорошо ни характера своей матери, ни видовъ ея на счетъ своей женитьбы; но не зная такихъ важныхъ вещей, какъ же осмѣлился онъ рисковать репу-

тацей дѣвушки, счастьемъ ея цѣлой жизни? Это ужъ не вѣтренность, не легкомысліе,—это дерзость, и повторю опять, дерзость преступная. Если письмо его ложь,—тогда нечего и доказывать, что онъ мерзавецъ.

— Не говорите мнѣ этого, ради Бога, не говорите! — сказала Катенька съ какимъ-то болѣзненнымъ воплемъ. Его слишкомъ сильно ослѣпила любовь ко мнѣ,—вотъ вся его вина.

— Нѣтъ, — продолжалъ полковникъ настойчиво, — человекъ истинно васъ любящій не такъ бы поступилъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ не написалъ бы такого формальнаго и скорого отказа, адресованнаго на имя вашей матушки! Онъ написалъ бы только къ вамъ о встрѣтившихся препятствіяхъ и не отступилъ бы передъ ними такъ рѣшительно и такъ безнадежно. Нѣтъ, онъ сталъ бы надвѣяться до послѣдней минуты. Онъ написалъ бы вамъ письмо грустное, но страстное; оъ сталъ бы еще обольщать и себя и васъ, быть можетъ надеждами ложными, словомъ, — онъ написалъ бы вамъ галиматю, но галиматю такую, которую можетъ продиктовать только любовная горячка въ минуту отчаянія... А у него недостаетъ духу писать къ вамъ!... Найдите мнѣ хоть одного влюбленнаго, который, чувствуя себя правымъ передъ своей любезной, или даже и виноватымъ, но виноватымъ отъ слишкомъ сильной же любви къ ней — не пожелалъ бы передъ ней оправдаться?... Вѣрите вы этому или нѣтъ?

— Охъ, пощадите меня! — сказала Катенька; дайте мнѣ одуматься!

— Думайте, думайте какъ можно больше, но какъ можно меньше мечтайте, т. е. заставляйте говорить свой разумъ, а не сердце...

— Послушайте, Катерина Антоновна, — прибавилъ полковникъ, что письмо это чистая ложь, я въ этомъ вполне увѣренъ; но для подтвержденія моего мнѣнія доказательствами, напишите къ вашей сестрѣ: вѣроятно у нея есть люди, которые могутъ навѣсть справки о Бѣлоликинѣ. Пусть узнаютъ, какой образъ жизни ведетъ онъ, былъ ли онъ боленъ или нѣтъ, — это послужитъ для насъ нѣкоторымъ объясненіемъ.

— Ахъ и въ самомъ дѣлѣ;— сказала Катерина Антоновна; это прекрасная мысль.

Катенька опять зарыдала.

— Какъ вы думаете, —спросила Катерина Антоновна полковника, —прійдетъ онъ сюда?

— Держу какое угодно пари, что нѣтъ. Онъ пришлетъ рапортъ о болѣзни и потомъ подастъ въ отставку.

Когда полковникъ и Катерина Антоновна вышли отъ Катеньки, Катерина Антоновна сказала ему:

— Мнѣ кажется, вы ужъ слишкомъ жестоко поступили съ ней?— я сама совершенно согласна, что въ его письмѣ нѣтъ ни слова истины; но я думаю, что ее бы надобно было оставить хотя на нѣкоторое время въ томъ заблужденіи, что онъ еще любить ее. Ей было бы легче.

— Напротивъ, —отвѣчалъ полковникъ, —питать въ ней эту любовь, значить отравлять ее медленнымъ ядомъ. Спасти ее одно только средство: превратить какъ можно скорѣе ея несчастную любовь—въ чувство презрѣнія, ея томительную тоску—въ чувство оскорбленной гордости.

Но это было не такъ легко, какъ думалъ полковникъ. Катенькѣ лѣзли въ голову самыя нелѣпыя мечты. Она думала, что Бѣлоликинъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, что онъ страдаетъ точно также какъ и она. Ей приходила мысль упросить мать повѣхать въ Москву, повидаться съ Бѣлоликинымъ, облегчить его страданія своимъ присутствіемъ, посоветоваться вмѣстѣ съ нимъ, что дѣлать, и потомъ, вообще, написать письмо къ его матери, такое письмо, которымъ и каменное сердце непременно бы тронулось. Письмо это совсѣмъ уже было готово у Катеньки въ головѣ, — но возможно ли привести въ исполненіе этотъ планъ? Катерина Антоновна не согласится на него, полковникъ рѣшительно опровергнетъ, да и самое самолюбіе Катеньки не совсѣмъ ладило съ этимъ планомъ. Какъ унизиться до такой степени, чтобы гонаться за человѣкомъ, который можетъ быть въ самомъ дѣлѣ не хотеть ужъ думать о ней? Да ежели онъ еще и любить ее, какъ унизиться до того, чтобы писать самой къ его матери? Эта

безпрерывная борьба чувствъ, этотъ безпрерывный фантастическій бредъ любви перешли наконецъ въ чистый бредъ горячки, и Катенька въ продолженіи трехъ недѣль была между жизнью и смертью.

Во время ея болѣзни, всѣ сосѣди пріѣзжали навѣщать Катерину Антоновну, пожалѣть о ней; посмотреть на больную, покачать головой и посовѣтовать каждый свое средство. Но всѣ эти посѣщенія не только не доставляли отрады огорченной матери, а напротивъ еще больше раздирали ей сердце. Отвѣтъ Бѣлодикина явно еще не былъ извѣстенъ никому, но ужъ носилась молва, что отъ него получено письмо, которое страшно огорчило Катерину Антоновну и послѣ котораго Катенька занемогла; и когда гости начинали спрашивать, отъ чего Катенька занемогла, и давно ли получала письма отъ жениха и скоро ли пріѣдетъ онъ:— Катерина Антоновна замѣчала и въ глазахъ и въ тонѣ вопрошателей какую-то тайную и иногда слишкомъ злую насмѣшку. Начались толки о вечернихъ катаньяхъ Катеньки съ Бѣлоликинымъ, о ихъ слишкомъ частыхъ свиданіяхъ, о ихъ будто-бы слишкомъ вольномъ обращеніи, — и было вообще заключено, что когда невѣста позволяетъ себѣ такое обращеніе съ женихомъ, въ такомъ случаѣ никогда не бываетъ добра.

Безпамятство Катеньки и самая болѣзнь ея были самыми вѣрными, хотя и слишкомъ грозными, стражами, не допускавшими до нея этихъ слуховъ; и когда наконецъ молодая натура ея взяла верхъ надъ болѣзнью, когда силы ея начали восстанавливаться, казалось, что и вся жизнь ея совершенно обновилась. Ей отраднo было взглянуть въ первый разъ, съ полнымъ сознаниемъ, на свѣтъ Божій, отраднo было встать съ постели, отраднo было одѣться, перейти въ другую комнату, взяться за книгу, сѣсть за фортепиано, — всякая бездѣлица утѣшала и занимала ее какъ ребенка. Даже сама ея тоска и любовь какъ-будто заснули, во время болѣзни, на днѣ души. Все прошедшее казалось ей только какимъ-то страшнымъ и смутнымъ сномъ, оставившимъ по себѣ одно слабое впечатлѣніе. Катерина Антонова и полковникъ опять видѣли передъ собой прежнюю Катеньку, почти столько же веселую, почти столько же беззаботную, опять живую, опять

улыбающуюся. Они думали, что вмѣстѣ съ болѣзнью тѣла, исцѣлилась и болѣзнь души, и не могли нарадоваться такой переменѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ физическія силы Катеньки крѣпчали, какъ «всѣ впечатлѣнья бытія» опять начали терять для нея новизну свою, — и веселость стала исчезать съ лица ея, какъ лучъ солнца, закрываемый медленно плывущимъ облакомъ. Сердце ея опять начинало нить не той невыносимой, от чаянной тоской, какая овладѣла ею передъ болѣзнью, но тоской тихой, сосредоточенной, глубокой.

Въ это время Катерина Антоновна получила отвѣтъ отъ сестры. Она писала, что Бѣлоликинъ ведетъ въ Москвѣ жизнь самую веселую; что онъ здоровъ и кажется вовсе не былъ боленъ. Но что къ матери онъ точно ѣздилъ и пробылъ у нея дней десять. Этого письма не сочли за нужное показывать Катенькѣ, боясь ииъ разтравить еще не совсѣмъ зажившія раны ея сердца. Но нашлись люди, у которыхъ не дрогнула рука раскрыть эти раны, и вся заботливость матери и полковника не могла предохранить ее отъ того, отъ чего до сихъ поръ предохраняла одна только болѣзнь.

Мы ужъ видѣли, какъ усердно желала Людмила Ивановна познакомить Бѣлоликина съ Катенькой, какъ покровительствовала ихъ любви и какъ радовалась ихъ помолвкѣ. Теперь, когда эта желанная для нея свадьба разстроилась, она разочла, что удалить полковника отъ Катеньки можно только клеветой и злословіемъ, и она первая начала распускать слухи о слѣпкомъ вольномъ ея обращеніи съ женихомъ. — «Я люблю Катеньку, говорила она, мнѣ жалко ее, но чтожъ дѣлать, сама виновата. Твердила, повторяла безпрестанно: Эй Катенька, нехорошо виснуть на шеѣ у жениха! Такъ и слышать ничего не хотѣла. А ужъ что было во время этихъ катаньевъ! — прибавляла она качая головой; — я ужъ послѣ не стала и ѣздить съ ними. — Старая дѣва очень мѣтко выбрала самый скорый и надежный путь для распространенія этихъ слуховъ: все это говорила она у Анютинныхъ.

Но она знала и то, что рано ли, поздно ли эти слухи непременно дойдутъ и до Катеньки, а ей никакъ не хотѣлось про-

слыть виновницей ихъ во мнѣнїи Катеньки и въ особенности во мнѣнїи полковника. Поэтому она и рѣшилась, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, свалить всю вину съ своей больной головы на чью-нибудь здорovou.

— Знаешь ли, та ссере;—сказала она Катенькѣ, разчитавъ, что ужъ нервы ея довольно окрѣпли для перенесенїа маленькаго, по ея мнѣнїю, внутренняго волненїа,—знаешь-ли, что Вѣрочка Аютина говоритъ про тебя: она вездѣ рассказываетъ, что въ разрывѣ нашемъ съ Бѣлоликинымъ ты сама виновата, потому что слишкомъ вольно съ нимъ обращалась. А ужъ что сочиняетъ про ваши катанья—такъ ужъ я право не знаю, какъ у нея языкъ поворачивается говорить такіа вещи... Разумѣется, все это одна клевета, ненависть, которую она до сихъ поръ чувствуетъ къ тебѣ, но вѣдь эти слухи могутъ разнестись и запятнать тебя....

Тутъ Людмила Ивановна взглянула на Катеньку и сама испугалась страшнаго дѣйствїа своихъ словъ. Всѣ члены Катеньки дрожали какъ въ лихорадкѣ, на лицѣ выступили пятна.

— Послушай, та ссере, — сказала услужливая прїятельница, давъ ей принять гофманскихъ капель, — нестыдно ли тебѣ такъ сильно тревожиться этими пустяками. Я ужъ разъ славно отбрила за тебя Вѣрочку, отбрей и ты ее при первой же встрѣчѣ; только ради Бога не говори, что слышала это отъ меня. Меня ужъ и такъ кругомъ запутали во всѣ сплетни.

— А развѣ знаютъ объ его отказѣ?—спросила Катенька едва внятнымъ голосомъ.

— Какъ же не знать. Всѣ говорятъ, что вы получили письмо, послѣ котораго ты съ гора занемогла. Потомъ всѣ знаютъ, что онъ съ тѣхъ поръ не писалъ къ тебѣ, а наконецъ и самъ до сихъ поръ не ѣдетъ.

— А знаютъ ли, что жениться на мнѣ ему не позволить мать?

— Говорятъ и это, только этому никто не вѣритъ, а, какъ ужъ я сказала тебѣ, во всемъ обвиняютъ тебя же.

Тутъ Катенька поняла наконецъ, что кромѣ всѣхъ страданїй, которыя перенесла она, ей предстоятъ еще новыя, — она поня-

ла, что ее хотят погубить въ общественномъ мнѣніи. Ударъ былъ тѣмъ сильнѣе, что она, въ чистотѣ души своей, вовсе его не ожидала и не предвидѣла; но чувство собственнаго достоинства, чувство правоты своей придало ей столько твердости, что она отвѣчала Людмилѣ Ивановнѣ одной презрительной улыбкой.

XX.

ПОЛКОВНИКЪ ЖИРСАНОВЪ КЪ СВОЕМУ ПРІЯТЕЛЮ.

До сихъ поръ не могу опомниться отъ того, что случилось со мной, и никакъ не хочу сказать тебѣ съ перваго слова, что такое случилось. Для того, чтобы при чтеніи письма моего, ты могъ постепенно и внимательно прослѣдить всѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ находился я во время самаго дѣйствія, для того, чтобы ты лучше могъ обсудить мой поступокъ, — въ моемъ разсказѣ необходима самая строгая послѣдовательность.

Третьяго дня я поѣхалъ провѣдать Катеньку, которую не видалъ около недѣли и которая въ день нашего послѣдняго свиданія чувствовала себя довольно хорошо. Мнѣ сказали, что она опять занемогла и что Катерина Антоновна въ ея комнату. Я не велѣлъ о себѣ докладывать и пошелъ прямо туда. Подходя къ двери, я услышалъ довольно крупный разговоръ; мать что-то ворчала, дочь плакала. Такая сцена, довольно рѣдкая между Катериной Антоновной и ея дочерью, чрезвычайно удивила меня. Постучавъ въ дверь, я попросилъ позволенія войти. Мнѣ тотчасъ же отворили. Приходь мой, какъ казалось мнѣ, немножко смѣшалъ Катерину Антоновну и ободрилъ Катеньку; я посмотрѣлъ съ удивленіемъ на ту и другую и спросилъ — не лишній ли я?

— Можете ли вы когданибудь быть для насъ лишнимъ, вы, лучший и единственный другъ нашъ, — сказала Катенька. — Напротивъ самъ Богъ послалъ васъ мнѣ на помощь. Маменька, позвольте мнѣ разсказать все.

— Говори, — сказала Катерина Антоновна все еще не совсѣмъ ласковымъ тономъ.

— Послѣ того, какъ вы были у насъ, — начала Катенька, — прѣехала къ намъ Людмила Ивановна и стала мнѣ рассказывать, по секрету, что Вѣрочка Анютина меня злословить и говорить, будто женихъ оставилъ меня за то, что я слишкомъ вольно съ нимъ обращалась, и что всѣ въ этомъ случаѣ винять меня одну. Можете посудить, какъ сильно меня тронула такая злая клевета, — по заглаза кого не клеветуютъ, особенно насъ, несчастныхъ дѣвушекъ, за которыхъ некому вступиться! Это горько, обидно, но по крайней мѣрѣ еще не унижительно... Людмила же Ивановна сообщила намъ, что свадьба грандисона съ Дунечкой Анютиной и становаго съ Вѣрочкой рѣшена наконецъ, и что въ прошлое воскресенье у Анютиныхъ было вдругъ двѣ помолвки. «Знаете ли Катерина Антоновна, — прибавила Людмила Ивановна, — что говорить Анютина? — Вотъ теперь и посмотримъ, говорить, кто скорѣе выйдетъ замужъ: мои ли дочери, неученыя и необразованныя, или тѣ, которыя и по-французски говорятъ и на фортопянахъ играютъ, и фу — ты! ну — ты. Отъ злыхъ языковъ кто не терпѣлъ, Людмила Ивановна? досталось отъ нихъ и моей Вѣрочкѣ, да вотъ видно ничего нѣтъ, когда женихи не оставили; — не такъ какъ другихъ...»

— Эти слова, тоже сказанныя по секрету и съ видомъ искренняго участія и сожалѣнія, не только огорчили маменьку, но даже раздражили ее противъ меня. Самая помолвка Дунечки и Вѣрочки ей казались какой-то насмѣшкой людей и судьбы; ей казалось, что цѣлый свѣтъ смѣется надъ нами и что въ этомъ въ самомъ дѣлѣ виновата я, — что я неумѣла обращаться съ моимъ женихомъ, неумѣла внушить ему любви прочной, глубокой, основанной на уваженіи....

— Да, я виновата, я виновата конечно, что упрашивала маменьку поспѣшить нашей помолвкой, но больше, клянусь Богомъ, ни въ чемъ!... и не было ни малѣйшаго повода съ моей стороны къ тому, чтобы я могла потерять его уваженіе. О, другъ мой, другъ мой, — продолжала Катенька сплеснувъ руками, — какъ тяжело, какъ страшно видѣть къ себѣ несправедливость тѣхъ, кого мы любимъ и уважаемъ больше всего на свѣтѣ!... Мaman, — прибавила она

ударяя себя въ грудь и задыхаясь отъ рыданій, —отъ чего я немогу раскрыть передъ вами мое сердце, мою душу!...

— Это еще не все,—начала опять Катенька, когда слезы немного облегчили ее:—вчера прїѣхала къ намъ Анютина рекомендовать обоихъ жениховъ. — «Рекомендую вамъ, матушка, моихъ жениховъ,—сказала она маменькѣ, не взыщите, каковы есть. Не богаты, не знатны, да чтожъ дѣлать! Куда ужъ гваться за богатствомъ: гдѣ намъ, воронамъ, соколовъ ловить; пожалуй еще ощиплять перушки, да и бросать». — Насмѣшка была слишкомъ ясна, чтобы не понять ее, и слишкомъ дерзка, чтобы не оскорбиться ей... И вотъ что должна я переносить!—воскликнула Катенька;—и некому оправдать меня, и некому даже защитить отъ такого униженія!... О, я погибла! погибла!...

И она опять ударила себя въ грудь и упала на подушку съ горькими рыданіями.

Эта сцена терзала мнѣ душу медленной, но страшной пыткой, мученія которой съ каждой минутой становились невыносимѣе. Я страдалъ вмѣстѣ съ Катенькой, страдалъ, можетъ быть; даже больше ея, — и съ самаго начала ея разсказа въ головѣ моей мелькнула мысль, которая все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала мной.

— Катенька,—сказалъ я,—хотите вы найти человѣка, который бы оправдалъ и защитилъ васъ? Хотите вы найти во мнѣ друга, отца... мужа? Хотите вы быть моею женою?

Катенька быстро приподнялась на постелѣ и смотрѣла на меня съ такимъ удивленіемъ, которое меня встревожило. Мнѣ вообразилось, что мое предложеніе кажется ей ужъ слишкомъ нелѣпымъ; я думалъ, что она будетъ размышлять, колебаться, но черезъ минуту она бросилась ко мнѣ на шею.

— О другъ мой, добрый, справедливый другъ!—сказала она,—такъ вы ни на минуту не усомнились во мнѣ! такъ всѣ ати насмѣшки и клеветы, о которыхъ я разсказала вамъ, не набросили на меня въ вашихъ глазахъ и тѣни подозрѣнія!... О какъ же вы хорошо меня понимаете, какъ ясно читаете въ моей душѣ. И когда вы столько вѣрите мнѣ, столько уважаете меня,—могу ли я отказать отъ вашего великодушнаго предложенія? могу ли не посвятить всѣхъ моихъ силъ, всей моей жизни на то, чтобы ва-

шу сдѣлать счастливою!... Маменька, — прибавила она взявъ меня за руку, и посмотрѣвъ на мать тѣмъ свѣтлымъ взоромъ, которымъ можете смотрѣть только невзвѣнность въ минуту торжественнаго оправданія, — теперь мнѣ ненужно вамъ доказывать, что я ни въ чемъ не виновата.

Я тебѣ ужъ писалъ, что Катерина Антоновна была бы очень довольна моимъ предложеніемъ во всякое время. Въ настоящее время она имѣетъ еще довольнѣе, и кажется никогда бы оно не удивило ее такъ, какъ теперь.

Итакъ я женюсь. Но неужто и теперь можно назвать мой поступокъ безумнымъ, и всѣ чувства, которыя въ этомъ случаѣ руководили мной, подвести подъ одно чувство тайнаго себялюбія?... Когда жизнь Катеньки была полна надеждъ, когда любовь, хотя и незнакома еще ея сердцу, разкидывала передъ нею вдали свои обворожительныя призраки, безсовѣстно было бы подрѣзать крылья этихъ надеждъ дрожащей рукой старика, разсѣять эти призраки холоднымъ его дыханіемъ. Но теперь, когда надежды ея разлетѣлись сами собой, когда любовь такъ коварно обманула ее, — дѣлаю ли я ей несчастье этимъ супружествомъ? Напротивъ, я спасаю ее отъ клеветы, я поддерживаю ея упавшій духъ, я разсѣю ея тоску путешествіемъ, удовольствіями, всеми средствами богатства, — и, моею заботливостью, моими попеченіями, моею любовью наконецъ — быть можетъ совершенно заставляю забыть ея прежнюю, несчастную любовь. Вотъ что думала я въ то время, когда Катенька такъ горько жаловалась мнѣ на несправедливость людей, и вотъ что заставило меня сдѣлать ей предложеніе. Гдѣ же тутъ агонія? Каждая моя мысль только о ней, каждое мое желаніе стремится только къ тому, чтобы возвратить ей утраченное счастье....

Тутъ же я предложилъ Катеринѣ Антоновнѣ немедленно извѣстить всѣхъ сосѣдей о нашей помолвкѣ. Я предвидѣлъ, что это доставитъ ей удовольствіе — и не ошибся. Она очень хорошо понимаетъ, что извѣщеніе о помолвкѣ дочери съ человѣкомъ богатымъ и имѣющимъ нѣкоторый вѣсъ не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи, (что нужды, что со старикомъ), — будетъ самой лучшей местию врагамъ ея. Мнѣ даже кажется, что Катенькина

сватъба со мною больше ее радуеть, чѣмъ сватъба съ Бѣлокинымъ. О человеческое тщеславіе! о суета суетъ!

Это меня только забавляетъ, но истинно радуеть то, что и Катенька повеселѣла и какъ-будто ожила душой. Теперь я имѣю возможность видѣть ее всякій день безпрепятственно, и мы ужь толкуемъ не только о приготовленіяхъ къ сватъбѣ, но и о томъ какъ и гдѣ проведемъ мы будущее лѣто. Сватъба будетъ въ началѣ весны, о чемъ ты получишь особое извѣщеніе; а до тѣхъ поръ я надѣюсь написать къ тебѣ еще не одно писъмо.

Катерина Антоновна торжествовала. Анютини тотчасъ же прислали къ ней съ поздравленіемъ, и изъ дерзкаго, насмѣшливаго тона перешли къ самому льстивому и почтительному, потому что полковникъ, по своимъ связямъ, могъ быть полезенъ обоимъ будущимъ зятямъ ея. Даже сама Вѣрочка, казалось, совершенно забыла всѣ свои прежнія непріятности съ Катенькой и вилась ей въ душу для пользы своего жениха. Только одна Людмила Ивановна не могла скоро переломить себя. Вѣсть о новой помолвкѣ Катеньки до того терзала ее, что она три дня пролежала въ постелѣ. Но никакъ не желая оставить себя въ подозрѣніи, что это происшествіе непріятно ей, и составивъ опять кое-какіе маленькіе планы, если не помочь себѣ, такъ по крайней мѣрѣ повредить сколько возможно полковнику, и она поздравила Катеньку, съ улыбающимся лицомъ и съ распростертыми объятіями. — Поздравляю, поздравляю, душа моя, — говорила она; отъ души рада! И потомъ вдругъ перемѣнивъ и тонъ и выраженіе лица, прибавила: — Какъ быть, милый другъ, не все то дѣлается, чего мы желаемъ! Прошедшаго не воротить!... Однакожъ, что если ему, бѣдняжкѣ, въ самомъ дѣлѣ не позволяетъ жениться мать? Каково ему будетъ?...

Эти слова для Катенькинаго сердца были въ родѣ египта, приставленнаго къ пороку. Быстро и болѣзненно встрепенулось оно, но Катенька сдѣлала надъ собой страшное усиліе, и сказала ей очень спокойно и холодно: — Прошу васъ никогда не говорить мнѣ о томъ, что теперь совершенно ужь кончено.

Въ первые дни послѣ предложенія полковника, Катенька въ самомъ дѣлѣ была весела, потому что избавилась отъ страшнаго чувства, хотя и несправедливаго, но слишкомъ тяжкаго униженія. Это чувство было такъ ѣдко, что своей острой болью заглушало въ ея сердцѣ самую тоску несчастной любви—эту болѣзнь глубокую, но болѣе тихую. Но когда острая боль миновалась, сердце опять заняло востоянно и томительно, и эта глухая хроническая болѣзнь сердца была тѣмъ опаснѣе и мучительнѣе, что Катенька тщательно скрывала ее отъ всѣхъ. Въ присутствіи полковника, когда онъ проводилъ съ нею дни,—она постоянно старалась казаться веселой; она цѣла ему, играла на фортепьяно, читала вмѣстѣ съ нимъ,—принимала самое дѣлательное участіе въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, боставляла планъ путешествія, которое было бы и пріятно и вмѣстѣ полезно для здоровья полковника. Она вполнѣ цѣнила и уважала своего жениха, она увлекалась къ нему, и молила его благодарностью; она даже любила его,—но любила такъ, какъ отца и притомъ такого отца, съ которымъ она немогла раздѣлить своей грусти, передъ которымъ не могла раскрыть своего сердца, отъ котораго ей нельзя было требовать ни утѣшенія, ни участія!... Дорого бы дала она, чтобы перенести свою первую любовь на этого старика, — и впродолженіи тѣхъ минутъ, когда она бывала съ нимъ, она и старалась это сдѣлать всѣми силами души своей; но эта вѣчная принужденная веселость, это постоянное усиліе заглушить прежнее чувство новымъ, до того изнуряли ее, что вечеромъ она бросалась въ постель почти въ болѣзненномъ изнеможеніи, — и тутъ только становилось ей легче, потому что тутъ она могла по крайней мѣрѣ свободно мечтать, свободно грустить, даже плакать, когда ей хотѣлось. Въ эти часы уединенія, она собирала новыя силы для новаго дня.

Когда приблизился день свадьбы, Катенька начала задумываться и при полковникѣ. Близость минуты слишкомъ важной и торжественной давала ей на это право, и женихъ ея не могъ ни оскорбляться этимъ, ни тревожиться. Впрочемъ онъ никогда бы не позволилъ себѣ сдѣлать ей и вопроша о причинѣ ея задумчивости, изъ боязни тронуть какую-нибудь болѣзную струну ея

сердца; онъ обращался съ Катенькой какъ съ самымъ нѣжнымъ цвѣткомъ, который можетъ завянуть отъ одного неосторожнаго прикосновенія.

И вотъ наконецъ роковой день наступилъ.

Это былъ тихій и теплый майскій день.

Почти въ это же самое время, за годъ назадъ, Катенька пришла въ деревню.

И сколько пережила, сколько переживала она въ этотъ годъ!

И гдѣ же эта новизна и прелесть жизни, которыми за годъ назадъ такъ полно было ея сердце?

Гдѣ жъ эти неопредѣленные, но свѣтлыя надежды, которыя разкидываютъ передъ юностью свой безконечный калейдоскопъ и манять ее все куда-то вдаль? гдѣ жъ эти блестящія мечты, которыя вьются вокругъ нея, какъ бабочки? гдѣ жъ этотъ таинственный призракъ любви, еще далекий, еще невидимый, но уже увлекающій къ себѣ и мысли и сердце?

Неужели все это утрачено? и утрачено такъ скоро, такъ рано?

Сидя въ своей комнатѣ, передъ раскрытымъ окномъ, Катенька мысленно уносила за годъ назадъ, и, свѣривъ прошедшее съ настоящимъ, чувствовала, что молодая жизнь ея прожита, что все утрачено для нея безвозвратно!

— Но вѣдь я еще свободна,—думала она,—я еще такъ молода: кто жъ мѣшаетъ мнѣ сохранить мою свободу, кто жъ мѣшаетъ опять жить, опять надѣяться, опять.... любить!...

И она жадно потянула въ себя струю бальзамическаго, весенняго воздуха, какъ бы стараясь возбудить въ себѣ всю силу молодой своей жизни, хотя на тѣ немногіе часы, которые оставались до ея свадьбы.

День клонился къ вечеру. Солнце было низко, но оно садилось въ полномъ своемъ блескѣ. Въ природѣ было такъ ясно, такъ весело; весенній нарядъ ея былъ такъ благоуханенъ и свѣжъ!... но Катенькѣ было еще грустнѣе смотрѣть на этотъ тихій, торжественный пиръ весны. Ни гдѣ и ни въ чемъ не видала она къ себѣ сочувствія, она, которая столько любила природу! яркій

блескъ солнца не поирачался ни однимъ облачкомъ, тишина не нарушалась ни однимъ дуновеніемъ вѣтерка. Только издали доносилась страстная пѣсня соловья, которая болѣзненно раздражала ея душу.

Послышался стукъ подъѣхавшихъ экипажей. Сердце Катеньки облилось кровью: пріѣхали подруги — одѣвать ее къ вѣнцу.

— Вотъ, матушка, — сказала Анютина, входя въ гостиную Катерины Антоновны, со всеми своими дочерьми и съ гувернанткой, — одна привезла четырехъ подружь Катеринѣ Сергѣевнѣ. Нарочно отложила свадьбу Дунюшки и Вѣрочки, чтобъ доставить имъ только честь одѣвать ее къ вѣнцу. Пусть ужъ она, моя голубушка, покажетъ имъ дорогу.

Такое вниманіе было оказано не даромъ: полковникъ доставилъ грандисону вѣсто въ губернскомъ городѣ.

Скрѣпя сердце пріѣхала и Людмила Ивановна, и сама наколола на голову невѣсты вуаль и померанцовые цвѣты. Чувствительная дѣва при такой торжественной и трогательной церемоніи не жалѣла своихъ слезъ, и даже плакала горько и чистосердечно, потому что плакала съ досады.

Когда невѣста стала прощаться съ своими подругами, Катенька и Вѣрочка поцѣловались какъ-то особенно горячо, и обѣ залились слезами. Соперничества между ними ужъ не было. Обѣ онѣ шли каждая по своей дорогѣ, и обѣ, въ эту минуту, какъ будто хотѣли взаимно высказаться: какъ грустно имъ идти не туда, куда влекло ихъ сердце.

Катенька должна была вѣнчаться въ той самой церкви, въ которой за годъ назадъ была въ Троицкѣ день. Она ѣхала по той же дорогѣ, по которой ѣхала тогда съ такимъ ребяческимъ любопытствомъ, увидѣть сельскую ярмарку; и тѣми же самыми лицами окружена она. Но теперь она ѣдетъ въ щегольскій коляскѣ, на дорогой четвертѣ; на ней богатый вѣнчальный нарядъ; теперь на нее смотрятъ и обращаются съ ней съ такимъ-то особеннымъ уваженіемъ. А между тѣмъ она дорого бы дала, чтобы ей опять сдѣлаться бѣдной, ничтожной дѣвочкой, ѣхать опять на ярмарку въ старой коляскѣ, — но ѣхать опять съ такимъ

же удовольствіемъ, съ такой же веселой безпечностью.... Вотъ проѣхали мимо роуи, въ которой Катенька такъ любила гулять, и изъ которой доносилась пѣсня соловья. Она готова была выпрыгнуть изъ коляски, убѣжать въ эту роуи и просидѣть тамъ, на своемъ любимомъ мѣстѣ, цѣлую ночь!... Но быстрые кони мчали ее все впередъ и впередъ, и скоро въ кроткомъ сумракѣ безоблачной майской ночи, показались огни, которыми была иллюминирована церковь. Около нея была толпа народа, собравшаяся посмотреть богатую свадьбу.

Катенька была въ этой церкви одинъ только разъ, въ ясный, веселый, праздничный день, когда самый блескъ безчисленныхъ свѣчъ блѣднѣлъ передъ потоками солнечнаго свѣта, прошивавшаго въ храмъ сквозь окна и двери. Теперь, при одномъ ночномъ освѣщеніи, и темные лики древнихъ иконъ и низкій, тяжелый сводъ придавали его внутренности каку-то особенную мрачность и угрюмость. Съ трепетомъ, невѣста упала на колѣни и долго и горячо молилась.

Эта теплая молитва подкрѣпила ее, и во все время вѣнчанья, она, казалось, была тверда и спокойна; но какъ только обрядъ кончился, она ей начала измѣнять, колѣни ея затряслись, голова закружилась. Въ церкви было душно. Отворили ближайшую дверь, вывели ее на крыльцо. Она сѣла на ступеньку. Воздухъ скоро освѣжилъ ее, и когда она осмотрѣлась, она увидѣла передъ собой кладбище, на которомъ встрѣтилась съ цыганкой. Ей стало какъ-то страшно, что въ первую же минуту послѣ брачнаго обряда, еще не успѣвъ принять поздравленій, еще не успѣвъ выйти изъ церкви настоящимъ путемъ, она прямо очутилась на кладбищѣ. Ей стало страшно, и между тѣмъ она задумалась. Голова ея перестала кружиться, она въ состояніи была войти въ церковь, — а она все еще сидѣла на ступенькѣ и смотрѣла на кресты и могилы, по которымъ перебѣгала красноватый отблескъ плашекъ, горѣвшихъ вкругъ церкви....

Въ угодность Катерины Антоновны, полковникъ сдѣлалъ парадный ужинъ. Этотъ ужинъ очень живо напомнилъ Катенькѣ тѣ вечера, которые были въ этомъ же самомъ домѣ въ самую луч-

шую, въ самую счастливейшую пору ея жизни. Онъ напомнилъ ей и первый вечеръ, на которомъ она съ такимъ трепетомъ ожидала встрѣчи съ своей соперницей, и роковой маскарадъ... Душа ея была переполнена воспоминаніями, сердце переполнено тоской, — а между тѣмъ всѣ, которые были на свадьбѣ полковника, говорили, что за ужиномъ молодая хозяйка была очень весела и очень любезна...

Черезъ недѣлю же послѣ свадьбы, полковникъ, съ молодой женой, уѣхали на южный берегъ Крыма.

XXI.

Прошло пять лѣтъ.

Была зима; былъ вечеръ; на Петровскомъ театрѣ былъ спектакль.

Въ одной изъ ложъ бельэтажа сидѣли двѣ дамы. Одна еще очень молодая, лѣтъ двадцати трехъ немножко; но не смотря на ея молодость, на красивомъ лицѣ ея былъ замѣтенъ слѣдъ какой-то задумчивости. Ея гладкій, высокій лобъ былъ прорѣзанъ двумя тонкими, чуть замѣтными морщинками; и свѣтлые, голубые глаза сохранили еще весь свой блескъ, но въ нихъ не было той искры, которая зажигается во взорѣ только полнотою внутренняго счастья и веселости. Дама говорила и смѣялась — она не была грустна, — скорѣй можно было подумать, что въ ней осталось впечатлѣніе какой-нибудь прежней скорби, какой-нибудь утраты, давно уже оплаканной, но утраты горькой, которая глубоко потрясла всю ея организацію. И всматриваясь пристальнѣе въ тонкія черты лица ея, можно было замѣтить въ нихъ что-то болѣзненное. Щеки ея не были слишкомъ впалы и блѣдны, но румянецъ, пробѣгавшій по нимъ, былъ какъ-то слишкомъ нѣженъ и летучъ. Самый станъ ея былъ слишкомъ тонокъ для женщины ея лѣтъ. Темное, шелковое платье, обхватывающее его, было немножко широко ей; синія ленты чепца превосходно шла къ блондуринамъ волосамъ и вообще къ лицу блондинки.

Другая дама была лѣтъ сорока. Круглая и плотная. Она пользовалась совершеннымъ здоровьемъ, весело смотрѣла на Божій міръ и знала всѣ городскія новости. Однимъ словомъ это была дама очень обыкновенная, о которой ничего нельзя сказать особеннаго, да нѣтъ надобности и говорить.

Не помню кто-то сказалъ, что когда на театрѣ опускается занавѣсъ и дѣйствіе на сценѣ прекращается, тогда партеръ начинаетъ разыгрывать свою драму, гораздо болѣе обширную, гораздо болѣе разнообразную драму—сценической. Сколько тутъ перекинется взглядовъ и оптическихъ и не оптическихъ, сколько перекинется словъ, безсвязныхъ, отрывчатыхъ, но понятныхъ тѣмъ, къ кому относятся онѣ; сколько тутъ условленныхъ свиданій и далекихъ и близкихъ, сколько назначается вновь; сколько тутъ завязокъ и развязокъ, сколько страстей, сколько жизни, сколько дѣйствія!... Не помню, кто сказалъ эту истину,—не знаю даже хорошенько, сказалъ ли ее кто-нибудь, но во всякомъ случаѣ говорю это здѣсь, потому что въ тотъ спектакль, въ который вожу я моего читателя, начиналась одна изъ такихъ драмъ.

Когда, послѣ перваго дѣйствія, занавѣсъ опустился, молодая дама навела свой бинокль на партеръ. Въ первомъ ряду кресель, прислонясь спиной къ барьеру, отдѣляющему оркестръ, стоялъ молодой человѣкъ, лице котораго отгнѣненное шелковистыми, темнорусыми волосами, и небольшими усиками, можно было назвать типомъ мужской красоты. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ. Статское платье, сшитое по послѣдней модѣ, очень ловко обрисовывало его станъ, и вообще весь нарядъ его отличался самой изысканной простотой. Онъ стоялъ въ небрежной, но очень граціозной позѣ, и быстрый взглядъ его темноглубыхъ глазъ переходилъ изъ ложи въ ложу.

Когда дама остановила на немъ свой бинокль, рука ея слегка задрожала.—Кто этотъ молодой человѣкъ?—спросила она свою сосѣдку почти съ испугомъ;—не знаете ли вы?

—Ахъ, матушка, — отвѣчала сосѣдка, которая знала всю Москву, — какъ же не знать. Это одинъ изъ здѣшнихъ.... дама вѣроятно бы сказала, *любоез*, если бы тогда это выраженіе употреблялось; но вѣкъ нашъ не былъ еще обогащенъ — этимъ

итиня, характеристическимъ словомъ, — и она должна была прибѣгнуть къ длинному объясненію: это одинъ изъ здѣшнихъ модныхъ, молодыхъ людей, отъ котораго всѣ наши франтихи сходятъ съ ума. Говорятъ, что прежде онъ велъ жизнь самую разгульную; но потомъ уѣхалъ за границу, пробылъ тамъ года два или три, и возвратился ужь совсѣмъ другимъ человекомъ: — это Бѣлоликинъ.

Въ тоже самое время Бѣлоликинъ очень пристально смотрѣлъ на ложу, въ которой происходилъ этотъ разговоръ, и спрашивалъ о молодой дамѣ одного своего знакомаго.

— Это Кирсанова, — отвѣчалъ знакомый. — И вообрази себѣ, у такой молоденькой, мужъ — больной старикъ. А между тѣмъ, всѣ говорятъ, что это женщина *безукоризненная*. Здѣсь они не больше какъ съ мѣсяцъ; но я знаю ее по Петербургу.

Черезъ минуту Бѣлоликинъ былъ уже въ ложѣ Катеньки. (Намъ бы слѣдовало называть ее теперь Катериной Сергѣевной, но это было бы слишкомъ растянуто, да и какъ-то не ловко бываетъ намъ называть полнымъ именемъ тѣхъ, кого мы привыкли звать уменьшительнымъ).

И такъ пока онъ смотрѣлъ на Катеньку, разговаривая съ своимъ знакомымъ, сердце ея билось такъ сильно, что, казалось, хотѣло выскочить изъ груди. Когда онъ пошелъ изъ кресель, она поняла, или лучше сказать почувствовала, куда онъ идетъ, и когда наконецъ дверь ложи отворилась, она, не оборачивая головы, знала, что это онъ.

— Катерина Сергѣевна, узнаете ли вы меня? — сказалъ онъ, подходя къ ней робко и почтительно.

Катенькѣ нужна была вся твердость души, чтобы не обнаружить страшнаго волненія всѣхъ различныхъ чувствъ, стѣсненныхъ въ эту минуту ея сердце.

— Да, — сказала она, — вы много перемѣнились. Но во мнѣ вы можете быть нашли еще больше перемѣны?

Бѣлоликинъ смотрѣлъ на нее съ такой же любовью, какъ будто былъ еще ея женихомъ.

— Во мнѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ перемѣнъ добровольныхъ, — сказалъ онъ тономъ грустнаго упрека; — я много странствовалъ,

много видѣлъ и новыхъ лицъ и новыхъ предметовъ, но чувства мои къ моимъ прежнимъ знакомымъ нисколько не измѣнились.

Катенька очень хорошо поняла, къ чему клонился этотъ упрекъ. Лицо ея за минуту блѣдное, вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Не высказать всего, что въ эту минуту закипѣло въ душѣ ея, не позволяло ни время, ни мѣсто, ни самое ея положеніе.

— Такое постоянство очень похвально, — отвѣчала она холодно. И желая прекратить разговоръ, слишкомъ для нея тягостный, обратилась къ своей сосѣдкѣ, которая поглядывала на эту сцену съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Мы давнишніе знакомые, — сказала она; — Николай Алексѣичъ познакомился съ нами еще въ то время, когда служилъ, и квартировалъ около матушкиной деревни.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Занавѣсъ поднялся, Бѣлоушкинъ раскланялся и вышелъ.

Во все продолженіе спектакля, онъ ни разу больше не навелъ на Катеньку своего бифокля; такая разборчивость была ей пріятна. Но выходя изъ театра, она встрѣтила его на лѣстницѣ; онъ примкнулъ къ ней и пошелъ съ ней рядомъ. Толпа стиснула ихъ; онъ нагнулся къ ея уху и сказалъ:

— Катерина Сергѣевна... Катенька, неужели ты не вѣришь, что я все еще люблю тебя?

— Нѣтъ, и даже не хочу вѣрить, — сказала Катенька.

— Такъ зачѣмъ же было не повѣрить мнѣ по крайней мѣрѣ въ то время? Зачѣмъ было такъ спѣшить вашимъ замужествомъ? Теперь я свободенъ. Матушки нѣтъ, и я могъ бы ужъ давно сдѣлать новый выборъ по моему произволу, — но я его не сдѣлалъ и не сдѣлаю. Я могъ любить только разъ въ жизни.

— Послушайте, Николай Алексѣичъ, — сказала Катенька строго, — мы потеряны другъ для друга безвозвратно, — и всѣ эти объясненія ни къ чему ужъ не послужатъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы я имъ повѣрила. Прошу васъ, и даже приказываю вамъ никогда мнѣ не говорить ничего подобнаго.

Эта неожиданная встрѣча сильно возмутила душу Катеньки, и опять поколебала ея спокойствіе, которое уже начало восста-

повляться. Она очень хорошо понимала, что для избѣжанія подобныхъ встрѣчъ и всѣхъ непріятныхъ впечатлѣній, которыя могли пробуждать въ ней онѣ, ей всего лучше было уѣхать изъ Москвы; но дѣла были вотъ въ какомъ положеніи:

Первые три года послѣ свадьбы, Кирсановы провели на югѣ, и южный климатъ если не возстановилъ, такъ по крайней мѣрѣ поддержалъ здоровье и полковника и жены его. Но желая доставить своей Катенькѣ какъ можно больше разсѣянія и удовольствій, онѣ непремѣнно хотѣлъ познакомить ее съ Петербургомъ, и въ послѣднее время они провели тамъ цѣлое лѣто и даже начало зимы. Остальную половину зимы предположено было провести въ Москвѣ, а весной опять ѣхать на югъ. Въ настоящее время, по состоянію здоровья полковника всякое путешествіе было не только неудобно, но и вредно ему;—да и подъ какимъ же предлогомъ Катенька могла перемѣнить этотъ планъ, заранѣе составленный ея мужемъ? Неужели она должна сознаться ему, что она боится встрѣчи съ этимъ человѣкомъ? или по крайней мѣрѣ, что встрѣчи съ нимъ могутъ возмутить ея спокойствіе? Это значить выставить себя передъ своимъ мужемъ женщиной слишкомъ слабой и безхарактерной, и возмутить и его спокойствіе. Такое сознаніе и даже такое бѣгство казалось Катенькѣ слишкомъ унижительнымъ для себя самой,—и она рѣшилась только избѣгать встрѣчъ съ Бѣлоликинымъ, а при неизбѣжныхъ встрѣчахъ показывать ему, что она вовсе его не замѣчаетъ.

Но Бѣлоликинъ началъ ее преслѣдовать. Встрѣтивъ его въ церкви, она начала ѣздить въ другую, но встрѣтила его и тамъ. Онѣ нашелъ себѣ входъ почти во всѣ знакомые ей дома, являлся на всѣхъ вечерахъ, на всѣхъ балахъ, на которыхъ бывала она. Онѣ слѣдовалъ за ней, какъ тѣнь ея, но онѣ не искалъ случая говорить съ ней, не искалъ случая танцовать, даже почти не подходилъ къ ней, и только смотрѣлъ на нее своимъ жгучимъ взоромъ. Онѣ зналъ, что объясненіе мимолетное ни къ чему не послушить, что въ немъ онѣ не успѣетъ оправдать себя, а только раздражить ее, встревожить и заставить быть еще осторожнѣе. Ему нужно было объясненіе полное, свободное, во время котораго онѣ могъ бы убѣдить ее въ своей невинности, въ своей

любви, могъ бы высказать все то, что желалъ онъ высказать, — и онъ ломалъ голову, какъ достигнуть ему такого объясненія.

Онъ зналъ, что Катенькина подруга, та самая, къ которой она писала письма, была тоже ужъ за-мужемъ и жила въ Москвѣ своимъ домою. Когда Катенька была его невѣстой, она много говорила ему объ этой подругѣ, звавшей всѣ ея сердечныя тайны и слѣдовательно звавшей, по ея письмамъ, и его самого и всю ихъ любовь. Бѣлоликинъ рѣшился познакомиться съ Александрой Васильевной (что въ Катенькиныхъ письмахъ Аline) упросить, умолить ее, чтобы она доставила ему случай оправдаться передъ Катенькой, сложить съ себя вину, въ которой она его подозрѣвала и которая страшно тяготила его душу. Въ такомъ свѣтѣ хотѣлъ онъ по крайней мѣрѣ представить ей свое желаніе увидѣть Катеньку; но этого нельзя было достигнуть скоро. Надобно было прежде приобрести расположеніе этой женщины, заслужить ея довѣріе, и потомъ ужъ разжалобить ее своей горькой участью и тронуть всѣ чувствительныя струны мягкаго женскаго сердца. Какъ ни труденъ и важенъ казался ему этотъ планъ, но онъ началъ однакожъ приводить его въ исполненіе.

Онъ ужъ нашелъ случай встрѣтиться съ Александрой Васильевной, нашелъ случай поговорить съ ней. Ему показалось, что она смотритъ на него не совсѣмъ пріязненно и даже немножко презрительно. Но онъ выдержалъ этотъ взоръ кротко, но смѣло. Онъ склонилъ рѣчь на несправедливость людей, на ихъ недоброжелательство, на легковѣріе женщинъ въ этомъ случаѣ, на ихъ поспѣшность, и на то наконецъ, какимъ несчастіямъ подвергаютъ онъ иногда этой поспѣшностью и себя и другихъ. При этомъ онъ очень кетати намекнулъ ей, что ему удалось прочесть въ-которыя ея письма къ Катенькѣ, и по поводу этихъ писемъ наговорилъ столько лести ея уму и сужденіямъ, а по поводу встрѣчи съ ней — всей ея особѣ, что къ концу разговора, Александра Васильевна ужъ слушала его съ большимъ вниманіемъ, и ея не-пріязненный взоръ перемѣнился въ какой-то ласково вопросительный, какъ будто бы она хотѣла сказать: — Боже мой, да неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ больше несчастливъ, чѣмъ виновать?...

Блѣокивъ увидѣлъ съ перваго раза, что дѣла его пойдутъ хорошо. — Еще побольше жалобъ на горькую мою судьбу, — подумалъ онъ, — да какъ можно больше лести, лести и лести, — и въ три свиданія — съ ней все будетъ кончено.

Но онъ простудился и занемогъ. У него сдѣлалась довольно сильная лихорадка. Болѣзнь была неопасна, но онъ не могъ вытязать. Это разстроивало всѣ его планы и бѣсило его.

Вдругъ пришла ему мысль. Онъ велѣлъ подать себѣ чернилъ и бумаги, приподнялся на постелѣ и, рукой въ самомъ дѣлѣ дрожащей отъ лихорадочнаго жара, написалъ слѣдующее письмо:

«Ваша холодность и еще болѣе ваша несправедливость убили меня! Я немогъ вынести того мучительнаго положенія, въ которое вы меня поставили. Видѣть васъ и не только не смѣтъ высказать вамъ моихъ чувствъ, но не смѣтъ сказать ни одного слова, не смѣтъ даже приблизиться къ вамъ — это пытка самая жестокая.... Я боленъ, очень боленъ и чувствую, что это послѣдняя моя болѣзнь. Всѣ силы души моей упали; мысль, что вы не перестаете обвинять меня, тяготѣетъ надо мной, преслѣдуетъ меня ежеминутно, терзаетъ мое сердце самыми невыносимыми муками! О, Катенька, Катенька! неужели вы допустите меня умереть съ этой мыслию, неужели не скалитесь надо мной, не захотите принести мнѣ утѣшенія!.. Заклинаю васъ всѣмъ, что вамъ дорого, навѣстите меня въ моей болѣзни, выслушайте мое оправданіе, усладите мой послѣдній часъ вашимъ прощеніемъ!.. Не думайте, чтобы я писалъ въ бреду горячки, нѣтъ — передъ лицемъ смерти должны исчезнуть всѣ предрассудки, и вамъ нѣтъ другаго средства увидѣть меня въ послѣдній разъ.... О, спасите меня! избавьте отъ страшной мысли понести на себѣ ваше проклятіе въ могилу!... Одну минуту, Катенька! одну минуту — и мы простимся на цѣлую вѣчность!...»

«Въ квартирѣ моей два крыльца. Войдите съ маленькаго. Круглая лѣстница приведетъ васъ прямо въ комнату, смежную съ моимъ кабинетомъ. Васъ никто не увидитъ. Я буду васъ дожидаться всякой день. Дверь, по вечерамъ, будетъ не заперта.»

«Я одинъ, совершенно одинъ. Вокругъ меня нѣтъ никого близкаго, никого милаго мнѣ!»

Написавъ это письмо, Бѣлоликинъ задумался, какимъ путемъ доставить его. Городской почты тогда небыло, да и этотъ путь былъ бы не совсѣмъ надеженъ: письмо могло попасться въ руки самого полковника. Отдать черезъ человѣка въ руки Катенькиной горничной? — то же нехорошо и опять ненадежно.... Вдругъ онъ вспомнилъ, что за нѣсколько дней, встрѣтилъ Людмилу Ивановну, которая пріѣхала на время въ Москву вмѣстѣ съ Катериной Антоновной. Онъ вспомнилъ, какъ она покровительствовала его любви и какую дружбу оказывала Катенькѣ. Онъ зналъ, что полковникъ ее не любитъ, и разсчелъ, что теперь, когда онъ женатъ, и ей нечего заискивать въ немъ, — чего же лучше довѣриться этой старой дѣвѣ, которая такъ любитъ всѣ интриги вообще, и которая, какъ казалось ему, такъ любила и его и Катеньку. Вѣрно она не измѣнитъ имъ, да и изъ чего же? Притомъ же она будетъ знать только половину тайны: содержаніе письма будетъ неизвѣстно ей. Бѣлоликинъ послалъ въ домъ полковника, узнать адресъ Людмилы Ивановны, не объявляя кому онъ нуженъ, и потомъ написалъ къ ней записку, которой увѣдомлялъ ее, что онъ боленъ и имѣетъ надобность поговорить съ ней.

Старая дѣва какъ будто послышала чутьемъ, что дѣло это должно быть очень интересное. Она не заставила себя дожидаться.

— Что это съ вами? — сказала она, увидѣвъ Бѣлоликина, — простудились что ли?

— Нѣтъ, не простудился, Людмила Ивановна, — отвѣчалъ онъ, а горе меня убиваетъ. Мнѣ очень хочется съ вами поговорить. Скажите пожалуйста, какъ приняли тогда мое письмо къ Катеринѣ Антоновнѣ?

— Всѣ противъ васъ, разумѣется.

— И Катенька?

— Нѣтъ на нее нечего грѣшнить! Она и слышать не хотѣла, что вы ее обманули, да гдѣ же одной противъ всѣхъ! Сбили, уговорили, особенно мать. И свертали сватьбу. А сколько слезъ-то было, ежели бы вы видѣли. Сердце кровью обливалось; сватьба была хуже похоронъ.

— Послушайте, Людмила Ивановна, — сказалъ Бѣлоликинъ, — я боленъ серьезно, и въ эти минуты мнѣ бы хотѣлось передъ ней оправдаться, и получить отъ нея полное прощенье. Можетъ быть я и умру. Знаете, какъ тяжело думать, что она останется на всю свою жизнь въ этомъ заблужденіи, что она меня ненавидитъ, что она можетъ быть меня проклинаетъ....

— Конечно, — сказала Людмила Ивановна, — вѣрю, какъ вамъ тяжело. Да знаю, что и ей не легче.

— Вотъ по этому-то мнѣ и хочется объясниться съ ней....

Бѣлоликинъ остановился, боясь вдругъ высказать свое намѣреніе и какъ бы ожидая отъ старой дѣвы вызова на услугу или по крайней мѣрѣ какого-нибудь мнѣнія на этотъ вызовъ.

Людмила Ивановна очень хорошо поняла его.

— Какъ же вы думаете это сдѣлать? — спросила она съ самымъ живымъ участіемъ и придвигая свой стулъ ближе къ нему.

— Я думаю написать къ ней.

— Ужъ копечно; чего же лучше.

— Вы ничего тутъ не находите дурнаго?

— Ахъ, Боже мой, я думаю, каждый можетъ себя оправдывать, особенно же человекъ больной, котораго это мучить.

— Но я боюсь, не скомпрометировать бы ее? не попалось бы письмо кому нибудь?... Черезъ кого, напримѣръ, я могу его доставить?....

Людмила Ивановна какъ будто задумалась.

— Развѣ черезъ Александру Васильевну? сказала она.

— Послушайте, — сказалъ Бѣлоликинъ, — ужъ если я вамъ открылъ мое намѣреніе, и если вы не находите въ немъ ничего дурнаго, такъ затѣмъ же намъ вмѣшивать тутъ еще третье лицо?... будьте столько добры, передайте ей мое письмо сами!...

Копачьи глаза Людмилы Ивановны запрыгали. Ей очень хотѣлось, чтобы письмо Бѣлоликина прошло черезъ ея руки, но она немножко затруднялась. Она знала, что Катенька не совсѣмъ доверяетъ ей, и боялась, что если она получитъ письмо прямо

изъ ея рукъ, то можетъ показать его мужу, изъ одной боязни, чтобы добрая пріятельница не разблаговѣстила о немъ, какъ говорятся, по всему свѣту. По минутномъ соображеніи, она одна-кожъ разочла, что можетъ—и взять письмо и передать его такъ, что Катенька и не узнаетъ, черезъ кого оно дошло до нея.

— Не смѣю отказать вамъ,—сказала она,—и не смѣю тѣмъ больше, что вы больны. Больныхъ людей ни тѣмъ не надобно огорчать,—прибавила она съ улыбкой,

Бѣлоликинъ подалъ ей письмо.

— Такъ оно ужъ у васъ готово!—сказала старая дѣва, покачивая головой съ ласковымъ упрекомъ;—проворно!

— Да, отвѣчалъ грустно Бѣлоликинъ,—въ моемъ положеніи ничего ненадобно откладывать. Можетъ быть и съ вами мы видимся въ послѣдній разъ,—и потому я васъ прошу принять, на память обо мнѣ, вотъ эту бездѣлку.

Онъ снялъ съ руки довольно дорогой перстень и подалъ ей.

Людмила Ивановна немного пожеманчалась, потомъ надѣла кольцо на палецъ.

— Какъ мило!—сказала она;—и въ пору, вообразите! Ахъ какія у васъ маленькія руки. — Она взяла руку Бѣлоликина. — Настояція женскія, и какія горячія. Баденькой!... выздоравливайте скорѣй.

Послѣ этихъ нѣжностей, старая дѣва сдѣлала самый граціозный книксенъ и вышла.

XXII.

Людмила Ивановна рѣшилась распорядиться съ довѣреннымъ ей письмомъ слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего распечатать его и прочесть.—Почему она узнаетъ,—думала Людмила Ивановна,—чьей рукой былъ подписанъ конвертъ? а для передачи ей письма еще и лучше, что онъ будетъ подписанъ не его рукой.

Потомъ письмо долженъ былъ отнестъ ея мальчикъ въ домъ Александры Васильевны, въ то время, когда Катенька будетъ тамъ;

отдать его чловѣку Александры Васильевны, и если спросить отъ кого,—сказать, что отъ какой нибудь барыни, выдумавъ фамилію помудренѣе. Наконецъ, когда чловѣкъ понесетъ письмо, мальчикъ долженъ проворно улепетнуть изъ прихожей и чтобъ его и слѣдъ простылъ. Людмила Ивановна разочла, что всю эту продѣлку надобно исполнить вечеромъ, во-первыхъ потому, что Катенька почти каждый вечеръ бываетъ у Анны Васильевны, и притомъ въ это время она сама можетъ подвезть мальчика къ воротамъ дома; а когда онъ совершитъ бѣгство, можетъ тотчасъ принять его въ свои сани, и такимъ образомъ дать ему возможность укрыться отъ всякаго преслѣдованія.

Она точно такъ и сдѣлала, и даже въ тотъ же самый вечеръ. Когда чловѣкъ подалъ письмо Катенькѣ, которая сидѣла вдвоемъ съ своей пріятельницей, она спросила: отъ кого?

— Принесъ мальчикъ, отъ какой-то барыни,—сказалъ чловѣкъ... Какая-то мудреная фамилія... виноватъ, не упомяну.

— Такъ спроси же,—сказала Александра Васильевна.

Между тѣмъ Катенька распечатала письмо, поблѣднѣла и смотрѣла на Александру Васильевну съ какимъ-то ужасомъ

— Что ты? спросила Александра Васильевна.

— Это отъ него,—сказала Катенька, и все еще держала письмо въ рукѣ, не читая его.

— Мальчикъ ужъ ушолъ,—сказалъ чловѣкъ.

— Ненужно! ненужно!—сказала Александра Васильевна, махая рукой.

И она взяла письмо изъ рукъ Катеньки и начала его читать съ самымъ жаднымъ любопытствомъ.

— Онъ при смерти боленъ!—сказала она.

— И что же?... спросила Катенька.

— И просить, чтобъ ты къ нему пріѣхала.

— Можетъ ли быть!...

— На, прочти, безъ того ты ничего не поймешь.

Катенька какъ-то машинально взяла письмо, какъ-то машинально пробѣжала его глазами, ничего хорошенько не понимая и не чувствуя; и потомъ положила его на столъ и опять молчала.

— Что же ты объ этомъ думаешь? спросила ее Александра Васильевна.

— Если бы онъ не былъ боленъ—сказала Катенька—я должна бы была показать это письмо мужу.—И она сама вопросительно смотрѣла на Александру Васильевну, какъ бы желая узнать ея мнѣнія.

Александра Васильевна засмѣялась.

— Да еслибъ онъ не былъ боленъ, такъ онъ бы и не написалъ такого письма.

Катенька встала и начала скорыми шагами прохаживаться по комнатѣ.

— Неужели можно до такой степени притворяться?—спросила она, остановившись вдругъ передъ Александрой Васильевной.

— Передъ смертью не притворяются, — отвѣчала Александра Васильевна.

— Но боленъ ли онъ?

— Что боленъ-то, боленъ,—это я ужь слышала.

— Но до такой ли степени боленъ онъ?... И при томъ мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ это ужь слишкомъ дерзко....

— Послушай, та ссере, человекъ, который умираетъ, совсемъ иначе смотритъ на вещи, особливо если его мучить раскаяніе. Видь такъ или иначе, онъ все таки виноватъ передъ тобой. Согласись же ты, каково ему теперь, когда онъ вполне сознаетъ, что если не обманомъ, такъ по крайней мѣрѣ своей вѣтренностью, онъ погубилъ счастье всей твоей жизни....

— Но видь нельзя же мнѣ... не могу же я ѣхать къ нему.

— Конечно, сказала Александра Васильевна, протяжно и задумавшись.

Объ пріятельницы замолчали; но у обѣихъ были затронуты самыя чувствительныя струны женскаго сердца: состраданіе и любопытство. Разговоръ былъ слишкомъ интересенъ, чтобы его прекратить такъ скоро.

— Какъ бы я желала узнать,—сказала Катенька черезъ нѣсколько минутъ,—точно ли онъ въ такомъ отчаянномъ положеніи?... это бы могло послужить повѣркой прежняго....

— Ахъ, постой, я это могу узнать,—сказала Александра Васильевна;—я ѣзжу во многіе дома, съ которыми онъ знакомъ; завтра же нарочно поѣду.

— Что его мучитъ противъ меня совѣсть,—продолжала опять Катенька,—этому я вѣрю; но неужто онъ въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ меня любить?

— Легко можетъ быть. Ты видишь, что онъ еще не женатъ.

— Ахъ, Аline, если бы ты знала, какъ живо это письмо напомнило мнѣ прошедшее!... И Катенька склонила голову на руку и задумалась... Неужели онъ умретъ?... Неужели ли прищивной его болѣзни также тоска?...

— Аline, сказала наконецъ Катенька,—все это такъ взволновало меня, что я чувствую себя не хорошо. Проводи меня ко мнѣ. Я раздѣнусь, и ты еще посидишь у меня.

Домъ, въ которомъ квартировалъ полковникъ, былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Александры Васильевны. Двѣ пріятельницы по большой части ходили другъ къ другу пѣшкомъ.

— Не велѣтъ ли заложить карету? спросила Александра Васильевна.

— За чѣмъ же. Пѣшкомъ я еще лучше освѣжусь.

Человѣкъ хотѣлъ проводить ихъ.

— Не нужно брать и человѣка,—сказала Катенька;—можетъ быть ты у меня засидишься. Туда мы дойдемъ и однѣ, а оттуда я дамъ тебѣ своего....

Катенька провела ужасную ночь. Всѣ мучительныя чувства, которыя она испытала за пять лѣтъ назадъ и которыя начали было уже засыпать въ ея сердцѣ, встрепенулись еще при первой встрѣчѣ съ Бѣлоликимъ. Теперь онъ волновали и томили ее почти съ прежней силой. Ее влекло къ этому человѣку, образъ котораго врѣзался въ ея сердцѣ неизгладимыми чертами первой и притомъ единственной любви,—какое-то непреодолимое обаяніе. Въ глубинѣ души она сознавалась, что если бы онъ любилъ ее истинно и она была бы увѣрена въ этой любви, она; не смотря на вѣчную разлуку съ нимъ, была бы счастливѣе. Ей казалось, что одна тоска разлуки была бы далеко не такъ мучительна, какъ до чувство, которое испытывала женщина, оставленная любимымъ чело-

вѣкомъ, оскорбленная имъ. И теперь этотъ человѣкъ говорить ей, что онъ ее любитъ и никогда не переставалъ любить!... И въ какую минуту говорить онъ это!... И какъ страдаетъ онъ, и какъ онъ желаетъ увидѣть ее, еще только разъ—въ послѣдній разъ въ жизни!... Всю ночь, въ минуты тяжелаго, прерывистаго сна, ей представлялся Бѣлоликинъ, блѣдный, умирающій. Онъ вымаливалъ у нея прощенія, клялся ей въ любви,—онъ взялъ ея руку и цѣловалъ ее; эти поцѣлуи жгли ее какъ огнемъ, но она не имѣла силы отнять у него руки, которая между тѣмъ лежала на подушкѣ, подъ ея собственной, пылающей щекой. Потомъ она видѣла, что онъ умеръ и что его отпѣвають въ той церкви, въ которой ее вѣнчали. Церковь точно такъ же была мрачна, вокругъ нея точно также горѣли плошки, красное зарево которыхъ освѣщало знакомое ей кладбище. Подлѣ вырытой могилы стояла цыганка и манила ее къ себѣ... Вдругъ, вмѣсто Бѣлоликина, она сама очутилась въ гробу. Обрядъ отпѣванія приходилъ къ концу, гробъ подняли и понесли къ могилѣ. Катенька хотѣла кричать—и не могла, хотѣла приподняться—но всѣ члены ея онемили. Порывъ ужаса пересилилъ наконецъ эту летаргю, — она вскрикнула и проснулась....

Пробужденіе не обрадовало ее, какъ оно обыкновенно радуешь послѣ страшнаго сна: оно было тяжело и печально.

Она черезъ силу встала съ постели, потому что больной не любила сказываться. Каждое ея нездоровье слишкомъ сильно озабочивало ея мужа, а теперь ей особенно какъ-то не хотѣлось его потревожить; и какъ ни была она разстроена, но въ этотъ день какая-то особенная сила воли поддерживала ее на ногахъ.

Утромъ пріѣхала Людмила Ивановна. Она замѣтила разстройство Катеньки по ея лицу, и очень хорошо знала, отъ чего происходитъ это разстройство. Она видѣла, что письмо принято не равнодушно, а ей этого-то и хотѣлось. Ей хотѣлось даже еще усилить дѣйствіе письма.

— Катя,—сказала она,—когда онѣ остались однѣ,—слышала ли ты, что Бѣлоликинъ при смерти?

Если бы Катенька не получила письма, она бы можетъ быть отвѣчала Людмилѣ Ивановнѣ очень холодно, что сожалѣть объ

втомъ. Но теперь она почти не могла скрыть того неприятнаго впечатлѣнія, которое на нее произвели эти слова.

— Отъ кого вы это слышали?—спросила она измѣнившись въ лицѣ.

— Ахъ, душа моя, самыя вѣрныя вѣсти. Сейчасъ видѣла доктора, который былъ у него на консилиумѣ. Говорить, что нѣтъ никакой надежды, и что ему остается жить не больше трехъ дней.

Катенькѣ чуть не сдѣлалось дурно: въ этихъ словахъ ужъ нельзя было подозрѣвать ни лжи, ни притворства.

— Прости его, Катя,—продолжала старая дѣва,—можетъ быть его мучить за тебя совѣсть.

— Людмила Ивановна,—сказала Катенька умоляющимъ голосомъ,—пощадите меня, оставьте этотъ разговоръ!

— Виновата, душа моя, виновата! Докторъ сказалъ, что больной сильно встревоженъ какимъ-то душевнымъ горемъ и что отъ того нѣтъ средствъ и помочь ему; можешь посудить, какъ меня это тронуло при моей чувствительности. Я ужъ не могла выдержать, чтобы не сказать тебѣ. Впрочемъ я съумасшедшая: какимъ же манеромъ ты можешь послать ему свое прощеніе....

Когда Людмила Ивановна сказала все, что считала нужнымъ сказать, она въ самомъ дѣлѣ перемѣнила разговоръ, и между тѣмъ ясно видѣла, какая буря кипитъ въ душѣ Катеньки.

Черезъ часъ пріѣхала Александра Васильевна. Она вошла съ такимъ печальнымъ видомъ, который не предвѣщаль ничего хорошаго. При Людмилѣ Ивановнѣ она не хотѣла ничего говорить, и двѣ пріятельницы только значительно переглянулись.

Замѣтивъ, что у нихъ есть какой-то секретъ, и не желая ихъ стѣснять, Людмила Ивановна пошла къ Катеринѣ Антоновнѣ, но затворивъ за собой дверь, на минуту остановилась и насторожила свой слуховой органъ.

— Ну что? спросила Катенька.

— Худо! сказала Александра Васильевна. Вчера былъ консилиумъ.

— Слышала,—сказала Катенька, и замолчала.

— Однако жь ты очень разстроена, — замѣтила Александра Васильевна.

— Да, — сказала Катенька, — мнѣ тяжело... Послушай, прибавила она, — мнѣ съ тобой надобно поговорить, но здѣсь неловко, и некогда... намъ кто нибудь помѣшаетъ. И при томъ этотъ разговоръ еще больше разстроитъ меня, а мнѣ надобно будетъ принять кого нибудь, выйти къ обѣду.... Будь пожалуста уже, въ восемь часовъ, дома, и чтобы у тебя никого не было.

— Хорошо, — сказала Александра Васильевна.

— Ну, теперъ давай же говорить о чемъ нибудь другомъ. Развлеки меня, разсѣй меня.

Начали прїѣзжать гости, пришелъ полковникъ, пришла опять Людмила Ивановна; Александра Васильевна присидѣла съ часъ.

— Смотри же, Catherine, сказала она прощаясь, — не забудь, что я взяла съ тебя слово быть у меня нынче вечеромъ. Я тебя буду дожидаться

Этотъ оборотъ, свиданію назначенному самой Катенькой, Александра Васильевна придала съ тѣмъ расчетомъ, чтобы Катеньку не вздумали уговаривать остаться дома, и такимъ образомъ не помѣшали бы разговору, котораго Катенька по видимому очень желала.

Людмила Ивановна осталась на цѣлый день, и наблюдала за Катенькой очень внимательно. Впродолженіи дня Катенька казалась довольно спокойной, только была какъ-то разсѣянна, и не слыхала иногда, что говорятъ ей. Но когда она стала собираться къ Александрѣ Васильевнѣ, Людмила Ивановна замѣтила въ ней какое-то необыкновенное волненіе, какую-то лихорадочную живость. Старая дѣва не упустила этого изъ виду.

Ровно въ восемь часовъ Катенька явилась къ своей подругѣ. Когда она вошла, лицо ея было какъ-то такъ странно искажено, дыханіе такъ тяжело и прерывисто, что Александра Васильевна испугалась.

— Что съ тобой? спросила она.

Катенька осмотрѣлась кругомъ, заперла дверь, взяла ея руку, и сказала:

— Аline, если ты любишь меня, исполни мою просьбу!

— Что ты, Катенька? говори, ради Бога?

— Поѣдемъ къ нему!...

Александра Васильевна отступила.

— Что ты, безумная,— сказала она,— что ты хочешь дѣлать!...

— Цѣлме сутки я думала, цѣлме сутки боролась съ собой—и больше у меня нѣтъ силъ!... чувствую, что я умру, если не поѣду.

— Ты лучше напиши, право лучше напиши... я еще вчерась хотѣла тебѣ это сказать. Садись, пиши сейчасъ, — это облегчить тебя.

И рѣшила,—сказала Катенька,—и ничто меня неостановитъ. Если ты не поѣдешь со мной, я поѣду одна, я пойду пѣшкомъ... Сжался надо мной, будь моимъ ангеломъ хранителемъ, не допусти меня унизиться еще больше!...

И она бросилась передъ ней на колѣни, цѣловала ея руки.

И полусумасшедшій взоръ Катеньки, и ея полугорючее состояніе, пугали Александру Васильевну; она боялась, что всякое сопротивленіе въ эту минуту можетъ быть ей гибельно. Она такъ любила Катеньку, которая была такъ жалка!... Самое положеніе Бѣлолика ея трогало и придавало въ глазахъ ея этому свиданью какой-то торжественный и похоронный видъ.... она рѣшилась.

Обѣ женщины вышли изъ дому пѣшкомъ и безъ чловѣка. Это никого не удивило и не навело ни малѣйшаго подозрѣнія, потому что и вчера точно такъ же Александра Васильевна пошла провожать Катеньку. Съ намѣреніемъ ли Катенька сдѣлала эту репетицію накануне, или случайно,—этого мы не беремъ разгадать. Думаемъ впрочемъ, что, какъ женщина, она сдѣлала это на всякой случай. Онѣ взяли перваго попавшагося имъ извозчика, отпустили его, не дождая еще довольно далеко до извѣстнаго имъ дома,—и такимъ образомъ, скрывъ свой слѣдъ, и отыскавъ указанный путь, очутились безъ всякихъ препятствій и встрѣчъ, въ кабинетѣ Бѣлолика.

Онъ лежалъ на диванѣ и, казалось, не могъ поднять головы. Услышавъ шорохъ шаговъ, онъ только повернулъ немного лицо,

и увидѣлъ Катеньку, которая показалась первая. Александра Васильевна медлила еще выходить изъ смежной комнаты.

Катенька, за минуту полусъумасшедшая, робкая, волнующаяся, вдругъ, казалось, собрала всю свою твердость и весь свой разумъ.

— Я исполнила вашу просьбу потому только, — сказала она, почти сурово, — что точно такъ же исполнала бы просьбу каждаго умирающаго, который въ чемъ нибудь виноватъ передо мной. Предупреждаю васъ, что если вы играете со мной комедию, вы дорого за нее заплатите. Я дѣлаю, можетъ быть, недолжное, но это нисколько не остановитъ меня открыть все моему мужу, если я только увижу хоть тѣнь обмана или лицемерія.

— Катерина Сергѣевна, — отвѣчалъ Бѣлоликинъ слабымъ голосомъ, — вы пришли ко мнѣ съ тѣмъ, чтобъ принести мнѣ миръ и утѣшеніе, — зачѣмъ же вы опять ко мнѣ слишкомъ несправедливы? Обвиняйте меня сколько вамъ угодно въ томъ, что я много сдѣлалъ вамъ зла, но не обвиняйте въ обманѣ и лицемеріи, отъ которыхъ я всегда былъ слишкомъ далекъ.

— Вы хотѣли передо мной оправдываться, — сказала Катенька, — извольте, я готова васъ слушать, — и даже буду слушать не одна: вотъ свидѣтельница нашего свиданія.

— О, какъ я вамъ благодаренъ! какъ я вамъ благодаренъ! — сказалъ Бѣлоликинъ, увидѣвъ Александру Васильевну. Безъ васъ я не видалъ бы Катерины Сергѣевны. Одна она можетъ быть перѣшилась бы ѣхать.

Мы ужъ видѣли, что Бѣлоликинъ самъ хотѣлъ некатъ посредничества Александры Васильевны. Теперь она приняла на себя роль повѣренной безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны. Поэтому онъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень благодаренъ ей, рассчитывая, что это пригодится ему впередъ.

— Катерина Сергѣевна, — прибавилъ онъ, — я не могу поднять головы. Сядьте здѣсь, чтобы я могъ васъ видѣть; позвольте мнѣ на васъ посмотрѣться въ послѣдній разъ...

Катенька съла.

— Говорите же, — сказала она, — все, что вы мнѣ хотѣли сказать; время дорого.

— Прежде всего позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: вѣрите ли вы человѣку, который съ своей стороны увѣреетъ, что онъ скоро умретъ?

— Вѣрю, — сказала Катенька, глядя на болѣзненное лицо Бѣлолика, то блѣдное, то плачущее лихорадочнымъ жаромъ.

— Такъ повторяю же вамъ опять, что не я сама, а одна только воля моей матери была причиной нашей разлуки. Идти противъ этой воли я не могъ, упросить, умолить матушку тоже: характеръ ея былъ слишкомъ твердъ, мнѣнше въ этомъ случаѣ непоколебимо. И ни того, ни другаго я не могъ ожидать: могъ ли я думать, что моя мать, столько любящая меня, столько добрая ко мнѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, будетъ слишкомъ строга въ этомъ? Могъ ли предвидѣть ея слишкомъ аристократическій образъ мыслей, совершенно чуждый моимъ собственнымъ понятіямъ?... Нѣтъ, Катерина Сергѣевна, въ тѣхъ лѣтахъ, въ какихъ я былъ тогда, подобныя сужденія, основанныя на предразсудкахъ, не могутъ прійти и въ голову; непреклонность людей пожилыхъ, при мягкости собственнаго молодаго, горячаго сердца, кажется невозможной! И при томъ, выбравъ васъ моей невѣстой, я гордился моимъ выборомъ, я заранѣе воображалъ, какъ стану я гордиться вами во всякомъ кругу, въ какой бы я ни ввелъ васъ... Мнѣ надобно было дѣйствовать не такъ: мнѣ надобно было вызвать матушку въ Москву, подъ какимъ нибудь предлогомъ, упросить васъ, чтобы вы пріѣхали туда же, и не объявляя ей ничего, предварительно доставить вамъ случай познакомиться съ ней, доставить ей случай какъ можно чаще васъ видѣть, — и тогда побѣда была бы несомнѣнная: ваша личность восторжествовала бы надъ ея предразсудками... Теперь я такъ бы и сдѣлалъ, но повторю вамъ опять: я невидаль моей матери почти съ дѣтства, мнѣ было тогда двадцать лѣтъ, и я... вы знаете, какъ я васъ любилъ!... Вотъ причина моей опрометчивости, вотъ вся вина моя передъ вами!...

Онъ говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ, съ такой скорбью, что казалось вельзя было сомнѣваться въ истинѣ его чувствъ.

— Я знаю, — продолжалъ онъ, — что другіе обвиняли меня передъ вами больше, чѣмъ обвиняли сами вы, — знаете ли для чего это дѣлали? Васъ хотѣли *вылечить* отъ любви ко мнѣ.... Вамъ можетъ быть говорили, что я веду самую буйную жизнь.... въ этомъ случаѣ васъ не обманывали, — я точно велъ такую жизнь.... Но когда матушка не позволила мнѣ жениться на васъ, отчаяніе мое было такъ велико, что я не зналъ, чѣмъ мнѣ заглушить его.... Въ двадцать лѣтъ мудрено быть философомъ, мудрено не потеряться при такой сильной душевной скорби, какую чувствовалъ я!... И я точно былъ человѣкомъ потеряннымъ, опять все отъ той же любви, которая составила и мое и ваше несчастье.... но ваше больше, чѣмъ мое — я это знаю, я это чувствую.... Простите же меня, Катерина Сергѣевна!... Прости меня, Катенька! — прибавилъ онъ чуть слышнымъ, задыхающимся голосомъ, — я сдѣлалъ тебѣ много, много зла!...

И онъ схватилъ ея руку и осыпалъ ее поцѣлуями, обливалъ своими слезами.

Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ жалокъ; въ эту минуту его точно увлекло чувство неподдѣльнаго раскаянія и сильно потрясло его, разстроенные болѣзнью, нервы.

Катенька была глубоко тронута. Она не отнимала у него руки, и потомъ, какъ бы въ знакъ мира и прощенія, положила ее на его горячую голову.

Вѣрите ли вы теперъ, что я прощаю васъ, — и прощаю отъ чистаго сердца? — сказала она, рыдая.

О вѣрю! вѣрю! — воскликнулъ Бѣлоликинъ, — эта минута искупаетъ всѣ мои страданія!... Мнѣ теперъ такъ легко, такъ хорошо! — прибавилъ онъ, прижимая ея руку крѣпче къ своей головѣ.

— Да благословить же васъ Богъ и да простить онъ васъ такъ же, какъ прощаю я. Вижу, что чувства ваши непритворны,

что скорбь ваша велика; утѣшите же себя мыслью, что я не презираю, не ненавижу, что съ этой минуты я даже ни въ чемъ не упрекаю васъ.... Скажу больше: теперь я не раскаяваюсь, что пришла къ вамъ; облегчивъ вашу душу, я облегчила и мою собственную.... понимаете ли, какъ много говорю я вамъ этимъ сознаниемъ?... Прощайте же!... Я сдѣлала для вашего спокойствія все, что только могла сдѣлать.

— Еще минуту! одну минуту!—говорилъ Бѣлоликинъ умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Катенька, — больше мнѣ нечего сказать вамъ, больше мнѣ нечего слышать отъ васъ. Каждая лишняя минута будетъ преступленіемъ.—Она судорожно сжала его руку, грустно посмотрѣла на него, и вышла изъ комнаты....

Когда Катенька отправилась къ Александрѣ Васильевнѣ, Людмила Ивановна вышла вслѣдъ же за ней. По испугу, съ какимъ Катенька выслушала отъ нея вѣсть объ отчаянномъ положеніи Бѣлоликина, по ея лихорадочному волненію, съ которымъ собиралась она къ своей пріятельницѣ, старая дѣва начала подозрѣвать, что просьба Бѣлоликина о свиданіи, чуть ли не исполнится, и почувствовала непреодолимое желаніе удостовѣриться въ этомъ. Она начала свои наблюденія съ дома Александры Васильевны и нѣсколько разъ проѣхала мимо его, взадъ и впередъ, по противоположной сторонѣ улицы, никакъ не теряя изъ вида подъѣзда. Она видѣла, какъ двѣ женщины вышли изъ дому; видѣла, по какому направленію пошли онѣ, и какъ остановились нанять извозчика... Не сомнѣваясь больше въ справедливости своей догадки, она еще прежде ихъ поспѣла къ тому мѣсту, гдѣ надѣялась ихъ встрѣтить. Тамъ, снова выбравъ для себя обсервационный пунктъ, за угломъ ближайшаго дома, старая дѣва могла наконецъ сказать положительно, что двѣ пріятельницы точно были у Бѣлоликина, могла сказать, въ которомъ часу были онѣ, и даже сколько времени пробыли, потому что у нея достало терпѣнія стоять на своемъ посту до самаго ихъ выхода.

XXIII.

Дней черезъ десять Бѣлоликинъ выздоровѣлъ, и первый выѣздъ его былъ къ Александрѣ Васильевнѣ. Онъ благодарилъ ее за спасеніе жизни. Онъ говорилъ, что только одно прощеніе Катеньки могло возстановить его здоровье, подкрѣпить его силы, и что безъ Александры Васильевны онъ бы никогда не услышалъ этого прощенія изъ устъ Катеньки, потому что безъ нея она вѣроятно не рѣшилась бы къ нему ѣхать. Онъ говорилъ, что вмѣстѣ съ жизнью и съ этимъ прощеніемъ къ нему возвратилась и надежда: что полковникъ старъ и боленъ, что Катенька легко можетъ сдѣлаться свободной. О новомъ свиданіи съ ней онъ и не упоминалъ; онъ только сказалъ, что теперь къ чувству его любви присоединилось еще чувство самой высокой благодарности. Однимъ словомъ, онъ дѣйствовалъ осторожно, вкрадчиво, умѣлъ возбудить въ Александрѣ Васильевнѣ полное къ себѣ участіе, даже состраданіе, и она продолжала его принимать.

Когда онъ побывалъ у нея раза три, Людмила Ивановна разочла, что если его свиданія съ Катенькой еще не повторятся, такъ непременно начнутъ повторяться, и что теперь время ужъ открыть глаза ослѣпленному мужу. Существенной пользы ей изъ этого никакой небыло, но она никакъ не могла преодолѣть въ себѣ желаніе, нанести рану сердцу полковника за его холодность къ себѣ самой, заставить его раскаяться, что онъ выбралъ такую вѣтренницу, и не хотѣлъ обратитъ вниманія на нее, скромную, степенную дѣву. Она рѣшилась пустить свой доносъ такимъ же путемъ, какимъ передала Катенькѣ письмо Бѣлоликина.

Однажды вечеромъ, полковникъ былъ въ клубѣ и читалъ. Мальчикъ подаль на имя его письмо швейцару, и пока швейцаръ передавалъ письмо лакею, а лакей полковнику, онъ скрылся. Письмо было вотъ какого содержанія:

«За двѣ недѣли назадъ, именно въ среду 20 января, въ 9 часовъ вечера, ваша жена отправилась, изъ дома своей пріа-

тельницы Александры Васильевны, въ квартирѣ г. Бѣлолика. Пишущій эти строки видѣлъ, какъ она вошла туда и какъ вышла, пробывъ тамъ около часа».

«Смотрите хорошенько за вашей женой, и обращайтесь побольше вниманія на домъ ея пріятельницы, которая приняла на себя роль повѣренной въ этой интригѣ, и у которой г. Бѣлоликинъ бываетъ довольно часто».

«Все это открываетъ вамъ другъ, искренне жалѣющій васъ, всегда любящій и всегда неизмѣнный».

Полковникъ нѣсколько разъ прочелъ это письмо, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ. Клевета была слишкомъ дерзка, если только это была клевета, - и кому и за что было клеветать на Катеньку?... И притомъ она нѣкоторое время въ самомъ дѣлѣ была сильно встревожена; она въ присутствіи мужа какъ будто чувствовала какое то принужденіе, какую-то робость. Все это сталъ теперь припоминать онъ. Не ужели же въ самомъ дѣлѣ рѣшилась она на такой поступокъ? Неужели любовь ея, или лучше, ея ослѣпленіе къ этому человѣку такъ сильно?... Онъ ломалъ голову и не умѣлъ ничего понять; онъ только остановился на мысли: раскрыть это дѣло, во что бы то ни стало, и придумать наконецъ для этого, какъ казалось ему, самый вѣрный и благоразумный способъ.

Возвратившись домой, онъ былъ очень спокоенъ и такъ же ласковъ съ Катенькой, какъ и всегда; а на другое утро съ тѣмъ-же самымъ спокойствіемъ, и опять не говоря ни слова жевѣ, отправился къ Александрѣ Васильевнѣ.

Александра Васильевна немножко удивилась его посѣщенію, потому что онъ почти всегда бываетъ у нея вмѣстѣ съ Катенькой, — и въ особенности удивилась посѣщенію довольно раннему. Она встрѣтила его не совсѣмъ равнодушно.

Полковникъ сѣлъ, очень хладнокровно спросилъ ее о здоровьѣ, потомъ вынулъ изъ кармана полученное имъ письмо и подалъ ей.

Александра Васильевна поблѣднѣла, покраснѣла, руки ея за-

тряслись.... Полковникъ понялъ, что въ письмѣ, если и не все правда, такъ по крайней мѣрѣ должна быть хоть тѣнь правды.

— Александра Васильевна, — сказалъ полковникъ, — вы знаете, какъ я люблю Катеньку, и можете посудить, какъ тяжело будетъ мнѣ показать ей это письмо. Вы сами знаете ее, и можете посудить, каково ей будетъ прочесть то, что сей часъ прочли вы. Отстраните же отъ нея всѣ эти неприятности, которыя слишкомъ сильно могутъ потрясти ея здоровье, — скажите мнѣ все?

Александра Васильевна до того была испугана, до того растеряна, что не знала, что ей дѣлать.

— Это все вздоръ!... это все пустяки! — говорила она почти сквозь слезы.

— Послушайте, Александра Васильевна, — продолжалъ полковникъ, — повѣрьте, что мной руководить не ревность, не гнѣвъ, что даже въ эту минуту я гораздо больше забочусь о спокойствіи Катеньки, чѣмъ о собственномъ. Согласитесь же, что ужъ собственно для сохраненія ея добраго имени, для сохраненія нашего общаго спокойствія я долженъ узнать, правда это или ложь. Узнать это я могу только отъ нея, да отъ васъ. Я знаю Катеньку; я не вѣрю, чтобы она была виновата, но если она и сдѣлала проступокъ, такъ по крайней мѣрѣ не способна будетъ лгать и обманывать. Вы сами это очень хорошо знаете. Избавьте же меня отъ такого объясненія съ ней.... Подумайте, что при ея слабомъ здоровьѣ одна подобная сцена можетъ ей стоить жизни....

Александра Васильевна заплакала.

— Катенька не виновата, — сказала она, — вовсе не такъ виновата, какъ кажется по этому письму!...

— Въ этомъ я былъ увѣренъ, — сказалъ полковникъ; — но тѣмъ скорѣе должны вы мнѣ сказать все, тѣмъ скорѣе должны возстановить мое семейное спокойствіе. Ваша обязанность оправдать ее.

— Но дайте слово, что вы не будете сердиться на Катеньку, дайте слово, что она ничего не будетъ знать!...

— Э, Боже мой, да изъ чего-жъ пріѣхалъ я къ вамъ, изъ чего

началь объясненіе съ васъ, а не съ нея, и изъ чего же наконецъ прошу и убѣждаю васъ, какъ не изъ того, чтобы она ничего не знала.

Александра Васильевна разсказала все.

Полковникъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ молчалъ. Лицо его было озабочено; казалось, онъ обдумывалъ что-то важное, что-то рѣшительное.

— Благодарю васъ за откровенность, — сказалъ онъ наконецъ; — я не сержусь на васъ, не упрекаю васъ. Я вижу, что вы слишкомъ много любите Катеньку, если рѣшились рисковать для нея собственнымъ вашимъ добрымъ именемъ. Но теперь я имѣю къ вамъ просьбу: вы были свидѣтельницей ихъ свиданія, будьте же свидѣтельницей и моего съ нимъ. Позвольте мнѣ его вызвать сюда и при васъ кончить объясненіе.

— Боже мой! — сказала Александра Васильевна съ ужасомъ, — что вы хотите дѣлать? Вы обманули меня, вы хотѣли только воспользоваться моею къ вамъ довѣренностью.

— Не безпокойтесь, свиданіе наше будетъ не только не кровопролитно, но даже нисколько не страшно. Оно даже не будетъ имѣть никакой огласки, потому что мы свидимся какъ будто случайно. Во всемъ этомъ можетъ васъ обезпечить моя собственная заботливость о сохраненіи въ этомъ случаѣ самой строгой тайны. Но говорю, что вы непременно должны быть свидѣтельницей нашего свиданія. Этого я требую отъ васъ опять не для себя, а для Катеньки. — Вѣрите вы моему честному слову?

— Вѣрю, — сказала Александра Васильевна, вида и кротость полковника и его совершенное хладнокровіе.

— Дайте же мнѣ все нужное для письма.

Онъ написалъ къ Бѣлзюкину:

«М. Г.»

«Изъ прилагаемаго письма, которое я получилъ вчера, вы видите, въ чемъ дѣло. Что первая половина письма совершенно справедлива, въ этомъ я удостовѣрился. Если въ васъ есть хотя сколько-

нибудь чести и благородства, то вы вѣрно не откажетесь завтра, въ 11 часовъ утра, прїѣхать въ домъ Александры Васильевны для объясненія со мною »

«Вашъ и проч.»

Полковникъ попросилъ Александру Васильевну отослать письмо по принадлежности, и отослать его при немъ же.

Катенька совершенно ничего не знала. Не совсѣмъ довѣряя женской болтливости Александры Васильевны, полковникъ устранилъ на этотъ день всѣ сношенія Катеньки съ нею. И онъ очень хорошо сдѣлалъ, потому что несмотря на всѣ его увѣренія, Александра Васильевна была въ такомъ страшномъ безпокойствѣ, которое невольно могло обличить ее.

На другое утро полковникъ прїѣхалъ къ ней за полчаса до назначеннаго времени, и опять нѣсколько успокоилъ ее своей кротостью и своимъ хладнокровіемъ. Въ назначенный часъ явился и Бѣлоликинъ. Онъ былъ не много блѣденъ, но очень хорошо сохранялъ всю наружную твердость. Александра Васильевна ожидала развязки этой, не совсѣмъ понятной для нея сцены съ такимъ любопытствомъ, которое поглотило въ ней всѣ прочія чувства.

— Я не понимаю, — сказалъ Бѣлоликинъ, обращаясь къ полковнику, — что за мысль вамъ пришла назначить мнѣ свиданіе въ этомъ домѣ... и даже сдѣлать свидѣтельницаей его даму? — прибавилъ онъ, — замѣтивъ, что Александра Васильевна и не думаетъ выдти изъ комнаты. — Вамъ стоило только назначить часъ, мѣсто и оружіе, — и повѣрьте, что я всюду и всегда явился бы съ такой же точностью, съ какой являюсь теперь. Мнѣ даже кажется, что между нами не можетъ и быть никакого другаго объясненія, кромѣ этого.

— Ахъ, ради Бога! — сказала Александра Васильевна, когда Бѣлоликинъ упомянулъ объ оружіи... — Мг. Бѣлоликинъ... полковникъ... умоляю васъ!...

— Напротивъ, — отвѣчалъ полковникъ, — я имѣю вамъ сказать

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦИЯ

ВЪ НЫНѢШНЮЮ ВОЙНУ.

Турецкая имперія еще и теперь частью населена и повсюду управляема народомъ, который всѣмъ своимъ значеніемъ обязанъ только прежнему воинственному духу и настоящему кровавому деспотизму, и который притомъ окованъ законами такой религіи, къ какой, до сихъ поръ, не принадлежала ни одна истинно-образованная нація. Не смотря на мнимыя свои притязанія на реформу, Турція для всякаго безпристрастнаго наблюдателя представляетъ явные признаки своего упадка, и въ этомъ не могутъ не сознаваться и самыя ревностныя турко-филы. Явно, что народонаселеніе турецкое быстро уменьшается, и самыя плодородныя страны областей древняго міра, который заняли или покорили эти народы, поражены тою же карою. Султаны, смягчивъ свое грубое и жестокое владычество, подали поводъ лишь къ бѣльшей безнаказанности и испорченности нравовъ и къ злоупотребленіямъ своихъ намѣстниковъ. Съ другой стороны, на сѣверныхъ границахъ разрушающейся имперіи, отъ береговъ Прута до плоскоостей Колхиды, есть могучій народъ, которому по предвѣщанію, сдѣлавшемуся почти вѣрованіемъ Оттомановъ, назначается наследовать ихъ владычество въ Европѣ. Два европейскіе народа, какъ будто испуганные тѣмъ же пророчествомъ, и не доверяя никакимъ миролюбивымъ представленіямъ Русскаго Монарха, пошли защищать независимость Турціи, и съ тѣмъ вмѣстѣ будто бы возстановить права христіанъ, которые между тѣмъ очень хорошо знаютъ, какъ ничтожны и мнимы будутъ всѣ эти права, до тѣхъ поръ, пока власть

надъ ними останется въ рукахъ ихъ злѣйшихъ враговъ и инновѣрцевъ. По этому, не полагаясь на громкія, но пустыя обѣщанія Англичанъ и Французовъ, области славянскія стараются пристать къ Сербіи, а племена греческія, отъ Артскаго залива до Воло, стремятся сдѣлаться независимыми.

Говорили иные, что сохраненіе турецкаго *statu quo* должно быть обезпечено, даже цѣною пожертвованія самой цивилизаціи и христіанства. А между тѣмъ и сама Турція прибѣгла къ оружію, предпочтя сомнительный успѣхъ независимаго образа дѣйствій, состоянію покровительствуемаго государства, видѣвшаго существованіе свое явно ослабленнымъ самыми мѣрами своихъ союзниковъ, взявшихъ его на помочи.

И вотъ, къ великому удивленію Европы, Турки открыли кампанію. Но мы признаемся, что, по нашему мнѣнію, и самое это обнаруженіе духа мужества ни мало не измѣняетъ силы приговора, произнесеннаго нами этому государству. Мы даже готовы спросить: измѣнили ли существенно Турки свои гражданскія постановленія и свой національный характеръ? уничтожились ли причины, которыя привели оттоманское могущество на скользкій спускъ постепеннаго его упадка; и таковы ли этѣ причины, чтобы реформы Махмуда и его сына, могли дѣйствительно ихъ уничтожить? Судя по отзывамъ писателей, наиболѣе благосклонныхъ къ Портѣ, эта попытка не была ни искренна, ни способна привести къ какой-либо цѣли. Конечно, нѣкоторые изъ нашихъ, заимствуя частію и вкусы и образъ мыслей европейскій, поддерживаемый, впрочемъ, на самомъ мѣстѣ, вліяніемъ европейскихъ же дипломатовъ, — покровительствуютъ введенію началъ европейской образованности. Прусскіе офицеры не безуспѣшно образовали артиллерию султана, и исправили, хотя и несовершенно, укрѣпленія Босфора; — французскіе способствовали къ учрежденію искусственной политехнической школы, и превратили блестящую неправильную кавалерію Востока въ корпусы драгуновъ и улановъ, но увы! не очень-то грозныхъ! Искусные англійскіе моряки пытались-было ввести порядокъ морской англійской службы, но это довольно трудно было сдѣлать на корабляхъ, гдѣ служили матросы, никогда не

видавшие моря. Вся возможные опыты въ дѣлѣ промьшленностей: горной, земледѣльческой и мануфактурной, были также поочередно испробованы своенравнымъ турецкимъ правительствомъ, и потомъ, послѣ бесплодныхъ и значительныхъ издержекъ, вновь оставляемы;—а гдѣ и были кое-какіе частные успѣхи, то ихъ нельзя приписать дѣйствительнымъ успѣхамъ Турковъ въ какой-либо отрасли познаній, но скорѣе смьшленности Грековъ или Армянъ, а чаще всего прямому содѣйствію Англичанъ или Французовъ, поселившихся въ Константинополь. Ни одно государство не пользовалось столь хорошими элементарными наставленіями въ дѣтствѣ своей образованности, или болѣе нѣжными попеченіями въ лѣта своей дряхлости. Такъ спросите же тѣхъ, которые хотѣли воспитать его или обновить его кровь, оскудѣвшую отъ старости, и они вамъ скажутъ, что напрасно трудились. Конечно, матеріальный бытъ Турціи улучшился, но въ нравственномъ значеніи Турки остались тѣмъ же, чѣмъ были. Величественное мѣстоположеніе ихъ столицы, неисчерпаемые источники богатства ихъ провинцій и смьшленность и энергія христіанскаго народонаселенія Турціи таковы, что этому государству необходимо лишь получить дозволеніе ея властителей, чтобы сдѣлаться страной цвѣтущей: но оно никогда не получить этого дозволенія до тѣхъ поръ, пока форма политическаго правленія останется тою же, какою она теперь, — до тѣхъ поръ, пока гражданскія ея постановленія будутъ тѣ же; короче, до тѣхъ поръ, пока коранъ будетъ основнымъ закономъ этой имперіи.

Здѣсь достаточно будетъ указать на нѣкоторыя наиболѣе рѣзко выдающіяся злоупотребленія, которыя присуждаютъ Турцію на постепенный упадокъ, и противъ которыхъ нѣтъ никакихъ спасительныхъ средствъ,—на злоупотребленія, пустившія корни въ самомъ сердцѣ мусульманскаго владычества. Ни одно изъ данныхъ не бросаетъ столь яркаго свѣта на условія общественнаго быта какой-либо страны, какъ законы или обычаи, которыми она управляется въ отношеніи къ праву собственности, — и мы очень жалѣемъ, что въ этомъ значеніи такъ мало изучали Турцію писатели и путешественники, изображавшіе эту имперію. Данныя, въ этомъ одномъ

отношеніи, если мы не ошибаемся, достаточны бы были къ объясненію тѣхъ странныхъ причинъ, въ слѣдствіе которыхъ эти прекраснѣйшія области древняго міра, будучи осуждены на безплодіе, приводятъ правительство, учрежденное тамъ съ столь давняго времени, въ состояніе государства, подверженнаго гибельному банкротству, зависимости заимодавцевъ-ростовщиковъ, или подаянію иностранцевъ. Не аномалія ли такое общество, гдѣ все приносится въ жертву господствующему сословію и исключительному вѣроисповѣданію, хотя въ этомъ сословіи и въ этомъ вѣроисповѣданіи едва встрѣтишь челоуѣка богатаго или съ независимымъ состояніемъ? «Земледѣліе» — говорятъ намъ, ни мало не размышляя — «находится подъ тѣми же условіями, какъ за тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ»; но «лѣтъ за тысячу назадъ и болѣе», эти самыя земли, напротивъ того, питали богатое народонаселеніе: тамъ, гдѣ теперь разбросанныя турецкія селенія подвергаются всѣмъ ужасамъ періодическаго голода, — блестящее государство Мидянъ извлекало сокровища изъ земель его. Народонаселеніе, до того вездѣ разбросано и малочисленно, что некому воздѣлывать почвы, между тѣмъ какъ всѣ жители мужескаго пола, магометанскаго закона, почти исключительно подлежатъ военной службѣ; все мусульманское народонаселеніе можетъ быть призываемо къ укомплектованію армій, а изъ 35-ти челоуѣкъ на сто, взятыхъ въ рекруты, возвратится ли хотя одинъ? Земледѣлецъ тамъ совершенно безъ капитала и обыкновенно бываетъ принужденъ запродавать свой хлѣбъ на корнѣ, теряя половину его цѣнности. Правительство пробовало было, въ прошедшемъ году, спустить, въ хлѣбопашныхъ провинціяхъ, денежный курсъ на 8 проц. ниже, но попытка эта не удалась. Происшедшее отъ этого оскуднѣніе металла въ деньгахъ, еще болѣе увеличило зло. Непроходимость же дорогъ составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ перевозу земледѣльческихъ произведеній; и хотя Турки продолжаютъ перевозить все на ослахъ или на верблюдахъ, начиная отъ лопатки каменьщика до витой веревки, но не менѣе того въ этой землѣ, гдѣ не знаютъ не только телеги на колесахъ, но даже простой одно-

колесной тележки—вы не найдете ни самых первых орудий сельской промышленности. Но самый значительный фактъ въ отношеніи къ владѣнію землей въ Турціи есть тотъ, что двѣ трети, или какъ утверждаютъ иные три четверти, земель находятся въ состояніи владѣнія *вакуфъ* (*main morge*), и пользуются ими или мечети, или какія-либо богоугодныя заведенія, употребляя ихъ или въ свою собственную пользу, либо владѣя ими въ качествѣ прикащиковъ. Такого рода собственности не подлежатъ ни налогамъ, ни конфискаціи, и потому—то частные владѣльцы прибѣгаютъ къ хитрости, передавая земли свои мечетямъ, и предоставляя себѣ и своимъ прямымъ наследникамъ лишь ихъ произведенія, а по уничтоженіи ихъ рода по прямой линіи, земли эти переходятъ въ собственность мечетей. Собственность поземельная (каковы: поля, дома, руды), въ Турціи, можетъ принадлежать только турецкимъ подданнымъ. По закону, ни одинъ *вакуфъ* нельзя ни продать, ни заложить, и лишь играя двузначательностью законническихъ выраженій, можно замѣнить его другою, сходною съ нимъ, собственностію, которая не была бы *вакуфъ*. Турокъ можетъ уступить лишь Турку свое владѣніе, межъ тѣмъ какъ земля райя подвержена разнаго рода ограничивающимъ кляузамъ, такъ что не возможно почти ее продать другому владѣльцу, кромѣ какъ Турку. Такимъ образомъ число владѣльцевъ очень не видно; и такъ—какъ они принадлежатъ не къ богатому сословію, то и цѣнность земли отъ того упадетъ; между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ Франки находятъ средства владѣть какою-либо собственностію (по виду, подъ именемъ Турка, а въ сущности, подъ своимъ собственнымъ), цѣнность земли необыкновенно и неизменно возрастаетъ: земля въ Церъ и въ Галатъ дороже чѣмъ въ Лондонѣ!

Такое раздѣленіе правъ собственности можно полагать въ основаніе системы поземельной и финансовой въ Турціи. Въ періодъ завоеванія, земли имперіи были раздѣлены на три участка: одинъ принадлежалъ мечетямъ, другой частнымъ лицамъ, а третій государству. Но второй участокъ — имѣній наследственныхъ — былъ матеріально ограбленъ,

межь тѣмъ какъ участокъ духовныхъ особъ поглотилъ въ себя все, благодаря преимуществу быть избавленнымъ отъ налоговъ и конфискацій земель, принадлежащихъ мечетямъ, какъ мы уже сказали выше. Опасеніе конфискацій всего больше преобразовало три четверти земель во владѣнія *вакуфъ*, и онѣ задерживаются двойкою властію — и духовенства и законническихъ кляузъ, ибо въ земляхъ магометанскихъ, мулла — законовѣдецъ. Въ условіи *вакуфъ*, собственность перестаетъ содѣйствовать къ общественному доходу, кромѣ какъ развѣ подъ формою извѣстныхъ косвенныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ произведеній земель, и она становится непродажной (*inaliénable*). Одно сословіе общества, которое имѣетъ возможность пріобрѣтать себя капиталы промышленностію, не имѣетъ права обращать его въ поземельную собственность. Такимъ-то образомъ земля упорно предохраняется отъ всякаго обновленія и улучшенія въ отношеніи къ ея воздѣльванію. Нужно ли присовокуплять, что вездѣ, гдѣ господствуютъ такіе законы, не можетъ существовать сословія владѣльцевъ, которые бы содѣйствовали къ общему благу государства и доставляли правительству должностныхъ людей, не зависящихъ отъ своего положенія. Таковъ однако же бытъ Турціи, основанный на незапамятныхъ обычаяхъ страны и на религіозномъ кодексѣ корана; таковымъ онъ, вѣроятно, и останется и будетъ неподвиженъ и неизмѣняемъ до тѣхъ поръ, пока падишахъ будетъ властителемъ, а ислаимзмъ господствующею религіею, т.-е. «закономъ и пророкомъ». Если мы изложили съ точностію общественный бытъ Турокъ въ этомъ отношеніи, то чего можемъ надѣяться отъ ихъ политическихъ учреждений?

Правленіе Турецкой имперіи въ наше время совершенно отличается, какъ по формѣ, такъ и по сущности, отъ того, чѣмъ оно когда-то было. Властители династіи Оттомана, всѣ, за очень немногимъ исключеніемъ, были мужи съ сильною волей, внушаемые страстію деспотизма, и безъ излишней совѣстливости пользовавшіеся громадною ввѣренною имъ властію, — и если у нихъ недоставало такого рода способностей, янычары, составлявшіе какъ бы военную аристократію

государства, ихъ устранили. Уничтоженіе явычаръ въ 1826 году было самымъ важнымъ подвигомъ необыкновеннаго царствованія Махмуда; — а съ этого-то времени султанъ безпрепятственно пользуется своею властію, и имѣеть возможность не обращать вниманія на возраженія улемовъ и на предразсудки своихъ подданныхъ. Но однакожь эта огромная власть ослабѣла въ рукахъ его, и онъ передалъ своему сыну лишь жалкіе остатки великаго имени. Абдуль-Меджидъ — государь необыкновенно кроткій и добродушный, но онъ не имѣеть тѣхъ умственныхъ и физическихъ способностей, какіе необходимы властителю такой огромной страны. И за то онъ скоро сдѣлался государемъ только по имени, а вся власть перешла въ руки пашей, которые, презирая законъ и султана, и употребляя къ тому орудіемъ подкупы и интриги, образовали изъ себя владычествующую касту. За небольшимъ исключеніемъ (и мы именно назовемъ Реджида-Пашу и Фуадъ-Эфенди), всѣ эти паши люди незначительные, не знатнаго рода, безъ независимаго состоянія, а всего чаще, безъ самыхъ первыхъ началъ образованности. Случаю бывають они обязаны своимъ возвышеніемъ: одни начинали свое поприще игрою на флейтѣ, или были любимыми невольниками; другіе бросились въ глаза султану, сидя у своихъ лавокъ на базарѣ; а двое или трое отличились и воинскими своими талантами. Одна изъ самыхъ характерическихъ странностей турецкаго общества — есть совершенное равенство людей: они полагають, что каждый способенъ на все; и европейскія наши распредѣленія по происхожденію, воспитанію, врожденнымъ способностямъ, на Востокъ считаются непонятными утонченностями. Одинъ человекъ — паша, другой — *гамаль* или носильщикъ по улицамъ Перы, — и пусть они перемѣняются званіями на лѣствицѣ общественной — и результатъ будетъ одинъ и тотъ же: никто не удивится паденію одного и возвышенію другаго! Въ такомъ-то порядкѣ вещей, мусульманинъ, пробивая себѣ дорогу въ свѣтъ, не по личнымъ своимъ талантамъ, обезпечиваемымъ богатствомъ и уваженіемъ, какъ въ прочихъ странахъ, — значительностію, и своимъ состояніемъ обязанъ только официальному своему по-

ложенію и происходящему отъ того довѣрію. Вотъ почему нѣтъ ни одного оффиціального лица, котораго бы не обвиняли въ самомъ грубомъ взяточничествѣ. И дѣйствительно, каждый изъ нихъ какъ можно болѣе пользуется своимъ положеніемъ, чтобы грабить, и наживъ себѣ огромное состояніе, расплатиться съ армянскими *сераффами*, которымъ онъ задолжалъ въ менѣе счастливое для него время. И до такой степени ослабли власть султана и общественная нравственность, что рѣдко наказываются эти знатные воры, между тѣмъ какъ иногда берутъ подъ стражу Армянъ, ихъ сообщниковъ. Даже самое открытіе явнаго плутовства не приноситъ безчестія виновному: онъ можетъ въ продолженіе еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, занимать самое высокое мѣсто въ государствѣ. По этой-то самой причинѣ и каждый изъ этихъ счастливыхъ выходцевъ, желая сохранить выгодную свою должность, ищетъ себѣ опоры въ какомъ-либо иностранномъ посланникѣ, который бы поддержалъ его своимъ влияніемъ. Однимъ словомъ, каждый изъ нихъ только и заботится о личномъ своемъ положеніи, хотя бы тутъ шло дѣло о самыхъ важныхъ выгодахъ государства. Хотите ли вы имѣть доказательство системы этого грабительства,—взгляните на цифры оффиціальныхъ жалованій и сравните ихъ съ общими издержками имперіи. Государство получаетъ дохода до 175 милліоновъ франковъ — налогъ очень умѣренный на 56 мил. душъ, и въ такой странѣ, которой поверхность въ два раза больше нежели поверхность Франціи; но оклады людей должностныхъ, по словамъ Михельсена, простираются до 48 милліоновъ, а штатная сумма султана до 20,850,000 франковъ; при этомъ надобно еще принять въ соображеніе, что всѣ почти должностныя лица обкрадываютъ казну, такъ, что по всей вѣроятности, въ ихъ рукахъ остается половина сбора, прежде чѣмъ онъ поступитъ въ государственную кассу. Г. Вайтъ полагаетъ, что издержки на дворъ султана простираются до 27 милліоновъ франковъ, т.-е. составляютъ почти шестую часть общественныхъ доходовъ. Приводя эти финансовыя итоги, г. Михельсенъ, конечно уже въ правѣ былъ сказать, что «хотя Оттоманская имперія и существуетъ

« въ продолженіе пяти столѣтій, но никакъ не можетъ, въ « полномъ значеніи слова, назваться государствомъ. Правитель- « тельство этихъ пяти вѣковъ, представляетъ систему, которую « даже въ Константинополь, опредѣляютъ словами: *низамъ* « *альтыюда гаидадъ*, т.-е. система организованнаго грабежа. » Мы полагаемъ, что, не смотря на нѣкоторыя новѣйшія попытки реформы, система эта осталась одною и тою же — • безо всякаго контроля финансовъ и безъ личной ответственности со стороны людей должностныхъ.

Общественныя подати собираются посредствомъ самыхъ ложныхъ, преступныхъ и невыгодныхъ средствъ. Главный источникъ дохода—есть десятая часть съ произведеній—натурой, собираемыхъ въ Румелии и нѣкоторыхъ частяхъ Азіи, но обращаемыхъ въ деньги (*commuté*) въ другихъ областяхъ. За тѣмъ слѣдуетъ налогъ на доходъ (*income tax*) отъ 10—25% на сто, собираемый съ тѣхъ же самыхъ произведеній (*produit*), съ которыхъ взята уже была десятая часть. Поголовная подать (*харачъ*) платится только христіанами, и они считаютъ это оскорбленіемъ, принимая ее за выкупъ своихъ головъ, которыя султанъ какъ бы имѣетъ право отсѣкать. Таможени платятъ не болѣе 5-ти или 6-ти милліоновъ, и составляютъ какъ бы придаточный доходъ къ промышленной производимости имперіи, ибо между тѣмъ какъ всѣ ввозимые товары платятъ пошлину отъ 5-ти % на сто (*ad valorem*), всѣ вывозимые товары платятъ 12 %. Эти пошлины отдаются правительствомъ на откупъ, и сборъ ихъ находится въ рукахъ армянъ-спекулянтовъ, которые обогащаются, угнетая платящихъ и обворовывая государство. Много выдумывали законовъ противъ этихъ такъ называемыхъ *маликиановъ*, но всѣ эти законы или не исполнялись, или откупщики умѣли отъ нихъ увертываться. Пять лѣтъ тому назадъ, пошлины одного большаго города были отданы на откупъ за 1,500,000 піастровъ — и спекулянтъ сверхъ условленной суммы нажилъ себѣ еще милліонъ піастровъ. На слѣдующій годъ онъ хотѣлъ было удержать за собой откупъ за 2¹/₂ милліона: но какой-то членъ правительства перебилъ этотъ откупъ, снявъ его на имя одного изъ своихъ людей, за 1,700,000 піастровъ;

а потомъ, желая тотчасъ же воспользоваться выгодами, уступилъ его прежнему откупщику за ту сумму, которую тотъ долженъ былъ внести прямо въ кассу, и такимъ образомъ обворовалъ казну на 800,000 піастровъ. Такого рода злоупотребленія повторяются во всѣхъ разрядахъ финансоваго департамента. Г. Убичини поименовываетъ цѣлья селенія, которыхъ десятинный сборъ отдается официально на откупъ всякому, кто дастъ больше. За нѣсколько дней до этой сдѣлки, человекъ съ сильнымъ вѣсомъ въ области, объявляетъ, что онъ имѣетъ намѣреніе сдѣлаться откупщикомъ, и угрожаетъ своимъ гнѣвомъ тому, который бы осмѣлился съ нимъ состязаться. Не трудно угадать — кто одерживаетъ верхъ. На другой день начинаются настоящіе торги — и законный откупщикъ, уступая часть запрашиваемой имъ суммы, получаетъ чистой выгоды до одного, или до двухъ милліоновъ піастровъ.

Одинъ изъ писателей, разсуждавшихъ о воинской защитѣ Турецкой имперіи, очень справедливо замѣтилъ, что для поддержанія обширныхъ ея областей, ей нужно хорошее войско, но хорошее войско не можетъ существовать безъ финансовъ въ хорошемъ положеніи, а финансы въ хорошемъ положеніи невозможны безъ хорошаго управленія. Другой же, изъ защитниковъ султана, начертивъ изумительный стратегическій планъ обороны, присовокупляетъ, что для приведенія его въ дѣйствіе, нужно только учредить *хорошія дороги*, — и въ какой же странѣ? тамъ, гдѣ едва протоптана тропинка для быковъ, у стѣнъ самой столицы! — Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ возрожденія Турціи, улучшенія начинались тѣмъ, чѣмъ ихъ должно было оканчивать. До тѣхъ поръ, пока законы и правительственный классъ не измѣнятся, страна эта не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ пустыней; общественные доходы не будутъ честно выплачиваемы или разсудительно издерживаемы, а права гражданскія никогда не будутъ защищаемы. Настоящій порядокъ вещей — есть лишь самая низкая борьба частныхъ выгодъ; и едва-едва въ службѣ у повелителя правовѣрныхъ сыщется хотя одинъ представитель общественныхъ выгодъ имперіи!

На какомъ же основаніи можно утвердить такое правленіе, которое съ идеей безусловной власти лишилось и права священнаго; когда различія въ происхожденіи не существуютъ; когда въ Турціи не знаютъ даже: чѣмъ такое значить имѣть какую-либо фамилію! Пусть бы уже хоть было отличіе родоваго богатства? Но какъ его установить въ такой странѣ, гдѣ, въ очень недавнее время, не было никакого обезпеченія для собственности, и гдѣ обширныя владѣнія обыкновенно служили поводомъ къ гибели и самого владѣльца и его дома? Всѣ, участвующіе въ дѣлахъ правительства, принадлежатъ къ той многочисленной воровской кастѣ должностныхъ людей, которые пожираютъ доходы государства и всѣ вспомогательныя средства его: они или грабители, или расточители, если только пользуются властію; или заняты только тѣмъ, чтобы уплачивать сдѣланные ими на проценты долги, прежде нежели они поступили въ классъ лицъ правительственныхъ. Въ минуточку настоящаго кризиса, тогда, какъ каждый піастръ казны султана, казалось бы, долженъ быть сберегаемъ на приготовленія къ войнѣ,—съ достовѣрностію извѣстно, что первый министръ, пользуясь своимъ вліяніемъ, женилъ сына на комъ-то изъ фамиліи своего властителя, и заставилъ султана платить свои частныя долги, простиравшіеся до 22 милліон. піастровъ (около 5 милліон. франковъ!).

Отличіе, доставляемое хорошимъ воспитаніемъ, опытностію или способностями — также рѣдко въ Турціи, какъ мало тамъ людей съ воспитаніемъ, ибо все, что преподается въ новѣйшихъ турецкихъ школахъ, заимствовано отъ иностранцевъ, а на пріобрѣтенное такимъ образомъ превосходство мусульмане смотрятъ неблагопріятно. Въ настоящее время, одинъ изъ самыхъ способныхъ въ государствѣ людей — Али-Паша — уже болѣе не въ службѣ, а Фуадъ-Эффенди употребленъ лишь въ званіи кригсъ-комиссара (*commissaire des armées*). Дѣло все въ томъ, что выборы министровъ зависятъ отъ перевѣса слѣпой партіи, отъ покровительства господствующаго класса.... Короче, здѣсь все основывается на интригахъ, и та или другая перемена, возбуждающая ужасъ или изумленіе въ другихъ земляхъ, могла

по всемъ правамъ быть приписана въ Стамбуль самымъ ничтожнымъ порокамъ и самымъ низкимъ страстямъ человечества. Въ настоящемъ кризисѣ Порты, все эти интриги въ полномъ дѣйстви. Султанъ апатиченъ, слабъ и его легко обманываютъ; а между тѣмъ прошло уже то время, когда тому, кто былъ любимцемъ наканунѣ, можно было на другой день срубить голову! Паши—настоящіе властители. Они образуютъ собою родъ побочной олигархіи, ограничиваемой лишь фанатизмомъ улемовъ или законничными кляузанами, и какъ все олигархисты, управляютъ, имѣя въ виду лишь свои собственные выгоды.

Попытка подворить *Танзиматъ* въ Босніи, произвела въ 1850 году тамъ возмущеніе, и если тогда Омеръ-Паша успѣлъ затушить бунтъ силою оружія, за то разрушилъ и послѣдніе слѣды Боснійскихъ спаговъ, которые въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, служили лучшими разсадниками турецкой арміи. Заемъ, о которомъ шла въ 1852 году переговоры въ Парижъ и Лондонъ чрезъ посредство греческихъ агентовъ Порты, улучшилъ бы финансовое положеніе имперіи; но съ паденіемъ послѣдней партіи, условіе было уничтожено, деньги возвращены, и князь Каллимахи подпалъ опалѣ, какъ будто это была вина этого искуснаго дипломата. Въ Диванѣ власть переходила изъ рукъ въ руки фанатиковъ, неспособныхъ, подкупныхъ министровъ, и съ мѣсяца на мѣсяць все болѣе и болѣе увеличивалось затрудненіе управлять имперіей, или даже только поддерживать жизнь въ столь огромномъ и изнеможенномъ тѣлѣ этого государства.

Таковы-то были слѣдствія реформы турецкихъ постановленій, начатой султаномъ Махмудомъ и продолжасмой его сыномъ. Но хотя эта реформа и не оправдала всѣхъ ожиданій, изъ того однакожь ни какъ не слѣдуетъ, чтобы должно было поддерживать древнюю систему турецкаго правленія. Борьба съ Греціей была послѣднимъ усиленіемъ этого безжалостнаго и злодѣйскаго правительства, пораженнаго на смерть истребленіемъ янычаръ и битвой при Наваринѣ. Не то уже тогда было время, когда Европа могла

оставить народъ христіанскій подъ игомъ, напоминавшимъ ей всю жестокости оттоманскаго завоеванія. Царсгвующій султанъ самъ принялъ и скрѣпилъ договоръ новой политики, поставившей христіанскихъ его подданныхъ въ разрядъ людей...

Имъ возвращена свобода Гатти-Шерифомъ-Гюльгане; и они, избавившись наконецъ отъ униженія, подъ игомъ котораго стонали съ половины XIV столѣтія, сдѣлали быстрые успѣхи и въ промышленности, и въ отношеніи умственномъ. Но все еще имъ отказываютъ въ самыхъ главныхъ преимуществахъ жизни гражданской: право владѣнія землями подлѣжитъ ограниченіямъ магометанскаго закона, и оно воспрещается и мѣстнымъ и всѣмъ иностраннымъ христіанамъ. Свидѣтельство христіанина не принимается въ процессахъ чрезвычайно сложныхъ и запутанныхъ въ турецкихъ судахъ; — и такимъ образомъ большинство народонаселенія Европейской Турціи унижено и поставлено наравнѣ съ кентукскими неграми. *Харачъ*, или поголовная подать; все еще собирается съ христіанъ подъ предлогомъ самымъ ненавистнымъ и оскорбительнымъ, хотя сборъ былъ бы въ большомъ выигрышѣ, учредивъ налогъ на основаніяхъ болѣе благородныхъ. Наконецъ, христіанамъ не позволяется поднимать оружія въ пользу правительства, между тѣмъ какъ турецкая армія не можетъ ступить шагу безъ помощи христіанскихъ офицеровъ или ренегатовъ. — Эти четыре оскорбительные пункта, на которые такъ вопіютъ христіане всѣхъ исповѣданій, служатъ неизсякаемымъ источникомъ всякаго рода несправедливостей и угнетеній; а Турки очень хорошо понимаютъ свое положеніе въ этомъ отношеніи, и тѣмъ, которые требуютъ отъ нихъ, чтобы они расширили кругъ ихъ терпимости, не безъ основанія отвѣчаютъ: «Зачѣмъ намъ давать новыя привилегіи христіанамъ? Какъ они ни угнетены, какъ ни исключены отъ прямого участія въ правленіи, но все находятъ средства процвѣтать среди безплодія и истощенія нашей земли: они наши заимодавцы, а мы ихъ должники». — Турки справедливы, говоря такимъ образомъ. Самые богатые дворцы на Босфорѣ, кромѣ тѣхъ, которые были у нихъ отняты кон-

фискаціей и отданы турецкимъ правительственнымъ лицамъ— принадлежать греческимъ или армянскимъ семействамъ. Хотя презрѣніе *правовѣрныхъ* къ гяурамъ уменьшается лишь по мѣрѣ ослабленія собственной вѣры, но они съ году на годъ чувствуютъ какъ усиливается вліяніе христіанъ по всему лицу имперіи, напоминая ей, что все ея политическое зданіе опирается на опальныхъ ея членахъ. Такое положеніе дѣлъ было очень хорошо схвачено г. Вайтомъ, въ его книгѣ: *Три года въ Константинополь*, гдѣ онъ доказываетъ, что эдиктъ Гюльганѣ имѣлъ источникомъ благородное внушеніе, но мало согласовался съ политико-экономическими видами Турокъ, съ ихъ точки зрѣнія.

« Народонаселеніе Турціи, говоритъ г. Вайтъ, — со-
« стоитъ изъ различныхъ и отдѣльныхъ поколѣній, про-
« тивоположныхъ другъ другу и по обычаямъ, и по про-
« исхожденію, и по всему, что производитъ антипатію между
« націями. Ни что, въ теченіе вѣковъ, не могло ни сблизить
« нравственно, ни сдѣлать братьями Туркомановъ, Турокъ,
« Гурруковъ, Арабовъ, Египтянъ, Друзовъ, Мутавеллисовъ,
« Маронитовъ, Албанцевъ, Боснійцевъ, Болгаръ, Грековъ,
« Жидовъ, Армянъ, живущихъ на одной землѣ и питаю-
« щихъ другъ къ другу сильную ненависть. Надъ этими
« враждебными народонаселеніями владычествуетъ чистое по-
« кольніе Оттомановъ, старающесся поддержать равновѣсіе и
« нейтрализовать партіи однѣ другими. Попробуйте от-
« нять этотъ контроль, въ одно время и политическій и умъ-
« рительный, поставьте высшее сословіе на равнѣ съ дру-
« гими — и вы произведете непрерывныя возмущенія или
« междоусобныя войны, которыя будутъ продолжаться до
« тѣхъ поръ, пока новое владычество не одержитъ верха,
« или пока всѣ области одна за другой не отдѣлятся отъ
« Турціи, какъ это произошло съ Молдавіей, Валахіей и
« Сербіей.

« По что касается до благонадежности настоящаго пра-
« вительства, то ему угрожаютъ другаго рода опасности. Уни-
« чтожьте демаркаціонную линію, разделяющую эти элементы

«отъ цѣлаго съ его неровными частями; найдите цементъ для этихъ враждебныхъ и ненавистныхъ другъ другу национальностей, покорныхъ Порту; поставьте въ уровень и покоренныхъ, и властителей, — и вамъ должно будетъ опасаться, что мигъ примиренія ихъ между собою будетъ сигналомъ ихъ возмущенія противъ власти, которая смиряетъ ихъ и надъ ними владычествуетъ. Мы до сихъ поръ видѣли явныя доказательства, что каждая новая уступка вела за собою новыя требованія, и что частныя освобожденія поведутъ къ освобожденію всеобщему, т.-е. къ уничтоженію Турецкой имперіи. Притомъ, когда торговля, промышленность, умъ, образованность, дѣятельность, приращеніе въ народонаселеніи, словомъ, всѣ элементы прогресса и свободы находятся съ одной стороны, а съ другой — неподвижное народонаселеніе характеризуется сравнительнымъ невѣжествомъ, предразсудками, апатіей, отвращеніемъ отъ общенія съ иностранцами и отъ спекуляцій, — то неспорно, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и партіи усилятся, станутъ въ главѣ — и перемѣнятся своими ролями.»

Короче, во всемъ этомъ мы видимъ борьбу цивилизаціи съ варварствомъ, законныхъ правъ съ самовольствомъ, христіанства съ исламомъ, народовъ европейскихъ съ народами азійскими, — и равновѣсіе, которое, въ этомъ случаѣ, можетъ быть только поддерживаемо деспотизмомъ, конечно, враждебно дѣлу большинства, истинъ и прогрессу.

Слова: *Цѣлостъ и независимость* Оттоманской имперіи обратились уже только въ условную формулу, которую употребляли для выраженія, не настоящаго положенія Турціи, но терпимости Европы. Уже нѣсколько областей было отторгнуто отъ Турціи: Крымъ былъ первою; потомъ и Бессарабія присоединена къ Россіи, которой граница подвинулась до р. Прута; изъ Молдаво-Валахіи были изгнаны трактатомъ и послѣдніе остатки мусульманскаго поколѣнія; Сербія находится подъ собственнымъ правленіемъ и конституціей; Греція стала королевствомъ; Алжиръ — французскою провинціей; Сирія уступлена султану лишь чрезъ посредниче-

ство европейскихъ державъ; Египетъ — скорѣе союзная, нежели зависящая отъ Порты область. Короче, Порта лишлась всего, чего не могла защитить, и потери ея были бы еще больше, если бы не помогла ей христіанская Европа — но эта помощь была насчетъ ея независимости.... Если бы дипломатія была лишь осмотрительностію, напоминающею завѣсу, за которую жрецы Изиды скрывали свою богиню, то мы спросили бы турецкихъ дипломатовъ: сами ли они, или подъ диктовку иноземцевъ писали большую часть послѣднихъ протоколовъ султана, и хорошо ли Диванъ сообразовался съ своими собственными средствами, навлекая на себя войну, которая, какія бы ни были ея послѣдствія, не воскреситъ умершаго. Турецкое правительство есть лишь политическая ложь. Это старая басня навыворотъ — левъ на охотѣ подъ ослиной кожей. Союзъ Англіи и Франціи, кажется, во всякомъ случаѣ гибельнѣе для нея самой войны съ Россією.

Мы невольно принуждены были разсматривать имперію Оттоманскую въ такомъ видѣ, въ какомъ она находится, — и рассказываемъ не новую исторію: мы видимъ въ ней государство, нѣкогда могущественное и сильное, пришедшее въ крайнее разслабленіе, но еще цѣлое, въ постепенномъ упадкѣ той господствующей націи, которая его основала, и одна его поддерживала. Если правительство султана прибѣгнетъ къ защитѣ христіанскихъ своихъ подданныхъ, даруя имъ равенство гражданскихъ правъ и включая ихъ въ свои арміи, — то они, превышая ихъ числомъ и образованностію, скоро задавятъ Турокъ, и исламизма не будетъ уже въ Европѣ. Съ другой стороны борьба съ Россіей и союзъ съ западными державами ведутъ къ тому же. За искусственною и неоспоримою *цѣлостію независимой Турціи*, скрывается интересъ болѣе важный для Европы, а именно — будущая независимость народовъ, надъ которыми владычествуетъ еще Султанъ. Эти народы долго еще проживутъ послѣ того, когда Луна перестанетъ блестять на берегахъ Геллеспонта: они должны составить какое-нибудь государство, подъ какимъ бы то ни было именемъ, — государство, которое все

тѣснѣе и тѣснѣе будетъ сливаться съ Европой. Какого оно будетъ рода? Какую будетъ имѣть форму? Въ этомъ состоитъ величайшая задача нашего вѣка, рѣшеніе которой началось уже.

Вопросъ этотъ осложняется еще многими неудобопримиримыми элементами. Христіанское народонаселеніе Европейской Турціи (ибо преимущественно къ этой части имперіи относятся наши замѣчанія) раздѣляется на два большихъ разряда: на Славянъ и Грековъ, совершенно независимыхъ одинъ отъ другихъ. Положеніе славянскихъ областей, становится еще болѣе затруднительнымъ тѣмъ, что въ Босніи наберется до 700 или 800 тысячъ европейскихъ мусульманъ, вначалѣ еще обращенныхъ къ исламу турецкими завоеваніями, но которые теперь причитаются къ числу самыхъ храбрыхъ и отчаянныхъ правовѣрныхъ. Эта провинція представляетъ единственный примѣръ магометанизма, привитаго къ христіанскому корню: этотъ-то народъ, родственнѣйшій съ Пандурами и Кроатами, отличается своимъ воинскимъ пыломъ и жестокостію нетерпимой этой вѣры. Положеніе Сербіи несравненно лучше прочихъ областей, платящихъ дань Цорту. Кромѣ зависимости ея князя, ежегодной дани и гарнизона въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ, Турція, по трактату, лишена права вмѣшательства въ дѣла этой страны, и ни одинъ мусульманинъ не смѣетъ поселиться на землѣ ея. Однимъ словомъ, успѣхи Сербіи были быстры; постановленія, которыми она управляется, согласны съ обычаями и нравами Сербовъ, доходы въ цвѣтущемъ состояніи, въ правленіи много народности, и область эта представляетъ рѣзкую противоположность съ положеніемъ Турецкой имперіи. Народъ непріязненно смотритъ на все, что можетъ возродить мысль о томъ, что онъ болѣе Турокъ, чѣмъ Русскій, и въ томъ случаѣ, когда ему нужно будетъ на что-нибудь рѣшиться, онъ вполне готовъ передаться Россіи.

Но къ-несчастію, эти славянскія племена принадлежатъ къ числу наименѣ образованныхъ племенъ этой части Европы (*).

(* Не нужно напоминать, что статья принадлежитъ западному писателю.

Они не рѣдко отличались наслѣдственною храбростію въ рядахъ имперскихъ войскъ и подъ другими знаменами: но прошли уже вѣка съ того времени, какъ ихъ національность была угнетена потокомъ магометанскихъ завоеваній, и имъ нужно еще силою снова занять свое мѣсто въ міръ новѣйшемъ. Въ отношеніи Грековъ, другое дѣло. Вопреки вѣковымъ рабству и преслѣдованіямъ; вопреки унизительному угнетенію, заставлявшему ихъ не рѣдко быть агентами и сихофантами своихъ властителей; вопреки порокамъ, заимствованнымъ ими отъ худаго правительства, и привившимся къ природнымъ ихъ недостаткамъ,—ихъ еще можно считать несравненно болѣе смѣшленнымъ, предприимчивымъ и наиболѣе энергическимъ изъ всѣхъ народовъ восточной Европы; — и за то они со дня на день все болѣе и болѣе домогаются свободы и независимости. Едва минуло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ внезапное возстаніе Грековъ возбудило изумленіе и энтузіазмъ во всемъ свѣтѣ. Отважнѣйшіе изъ нашихъ воиновъ стремились подъ знамена Эллиновъ; самый романтическій изъ новыхъ поэтовъ писалъ и умеръ за нихъ; общими мнѣніями увлечены были туда же и англійскіе тори и французскіе роялисты. Греческая революція была признана Европой — и Европа обнародовала независимость Греціи. Этою достопамятною деклараціей рѣшена была судьба Востока — и никакія современныя политическія обстоятельства не въ состояніи уничтожить этого декрета. Конечно, Греки липились многихъ партизановъ въ Европѣ и всего болѣе въ Англии, — но кто же виновать въ такомъ переворотѣ? Съ другой стороны, и сами Греки не всегда осторожно вели себя: они не рѣдко приводили въ затрудненіе своихъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ, и правду сказать, Греческое королевство несравненно ниже того, чѣмъ бы оно могло быть. Лишь двадцать лѣтъ какъ существуетъ Греческое королевство, — а что значать двадцать лѣтъ въ лѣтописяхъ народа, который ведетъ свое лѣтосчисленіе отъ Кекропса?— Что они способны къ прогрессу, въ этомъ ручается ихъ способность къ торговлѣ. Ихъ негоціанты наполняютъ весь Левантъ своею дѣятельностію: Греками созданы были цѣлые

города на островахъ, опустошенныхъ войною; они строятъ корабли, основываютъ коммерческіе дома, и всѣ торговля дѣла проходятъ чрезъ ихъ руки. Мало того, что у нихъ есть факторія въ самой Греціи, они имѣютъ у себя помощниковъ на границахъ всего извѣстнаго міра, — и мы коммерческую ихъ дѣятельность не можемъ сравнить ни съ какою другою, какъ съ англійскою. Больше шестидесяти греческихъ домовъ и въ стѣнахъ Лондона, составляютъ въ наше время колонію самую значительную, которой Англія обязана $\frac{4}{5}$ частями ввоза иностраннаго хлѣба въ ея землю. Не смотря на сомнительную честность левантскихъ Грековъ, гдѣ всякая промышленность, какъ слышно, запятнана обманомъ, должно по справедливости замѣтить, что на британской почвѣ дома ихъ пользуются заслуженнымъ правомъ честности: ни одинъ изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, не нарушалъ своихъ условій. Изъ Лондона основались они въ Манчестеръ, чтобы запастись хлопчатой бумагой, а въ недавнемъ времени, и въ Ріо-Жанейръ, Калькуттъ и Австралію. Такія же колоніи основаны ими въ Марсели, Триестъ и Одессъ, и коммерческія дѣла этихъ домовъ, сохранившихъ свои прибыльныя отношенія и съ Греціей, будутъ играть очень важную роль въ торговлѣ всемірной. А чего можно ожидать отъ будущаго поколѣнія, когда дѣти этихъ торговцевъ, уже богатые отъ трудовъ отцовъ своихъ, и воспитанные въ духъ образованности и понятій Запада, не откажутся и отъ гелленической семьи своей въ Греціи? Банкиры этого сословія Грековъ уже много содѣйствовали къ улучшенію финансовыхъ обстоятельствъ своихъ соотечественниковъ, и приготавливаютъ запасы и для будущаго, потому что Греки (не говоря о жидахъ) есть единственный народъ, о которомъ можно сказать, что богатства у него въ полномъ его распоряженіи. Мы приписываемъ имъ не мнимый патріотизмъ: нѣтъ ни одного Грека, который бы равнодушно слышалъ о свободахъ христіанскихъ племенъ Востока, или о превосходствѣ ихъ церкви. Въ настоящее время они готовятся къ великой борьбѣ, изъ которой выйдутъ побѣдителями. Какъ наследственные враги Турокъ, они пла-

менно желаютъ успѣха Русскимъ... и ничто не удержитъ ихъ подъ игомъ турецкимъ. При первомъ невгодѣ султана вы увидите какъ они потребуютъ возмездія за древнее свое пораженіе.

Есть еще другая характеристическая черта новыхъ Грековъ, и вдвойнѣ возбуждающая наше сочувствіе, по сходству своему съ героической исторіей прошедшаго и какъ признакъ блестящихъ сдѣланныхъ ими успѣховъ, — именно то, что они единственныи изъ народовъ Востока, который образованіе считалъ важнымъ дѣломъ жизни. Мы видимъ, что попытки надъ Турками въ желаніи сообщить имъ кой-какія свѣдѣнія въ наукахъ и военномъ искусствѣ, кончались тамъ, гдѣ должны были начинаться, и преподаватели, которыхъ къ нимъ посылали, не всегда находили въ нихъ прилежныхъ воспитанниковъ. Области славянскія, говоря сравнительно, также не далеко ушли отъ варварства, и изъ небольшого числа Славянъ, которымъ есть время для чтенія, коммунистическая пронаганда сдѣлала нѣсколько адептовъ, сообщивъ имъ нравственныя понятія изъ французскихъ романовъ, — но въ Греціи, къ образованности склонны всѣ классы общества. Первоначальныя школы превосходны, и въ нихъ много учениковъ. Аѳинскій университетъ можетъ похвастаться цѣлымъ сословіемъ отличныхъ преподавателей: на ново-греческомъ языкѣ также пишутъ и говорятъ гораздо чище, и краснорѣчивѣе, нежели лѣтъ двадцать тому назадъ. Эллины образованные не терпятъ уже порчи языка своего иностранными оборотами; но лучше всего то, что древній языкъ Гомера служитъ основаніемъ въ ученіи молодыхъ людей. Въ Аѳины, какъ говорятъ, прихаживали изъ деревень крестьяне; занимаясь въ услуги, безъ жалованья, съ условіемъ, чтобы имѣть возможность по два часа въ день удѣлять на посѣщеніе школы. Въ правленіе короля Оттона сдѣлано мало, и даже почти ничего, для одобренія этого похвальнаго рвенія.

И такъ, легко можно себя представить, какой будутъ имѣть копецъ этотъ пылъ и горячая дѣятельность харак-

тера Грековъ, когда эта смышленная нація увидитъ себя въ соприкосновеніи съ племенами, закостывшими въ апатіи и униженными самымъ глубокимъ невѣжествомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самыя выгоды христіанъ на Востоку составляютъ ихъ, сколько возможно, воздерживаться отъ преждевременной попытки къ освобожденію, потому что неудачный толчекъ отдалилъ бы только неизбежность переворота. Съ другой стороны постепенное преобразованіе Оттоманской имперіи едва ли возможно. Турки такъ хорошо понимаютъ свое ничтожество во всемъ, кромѣ умѣнія владѣть оружіемъ, что никакъ не дадутъ превосходства христіанамъ надъ поклонниками магомета; а райи между тѣмъ подвержены такимъ гоненіямъ и оскорбленіямъ, что не потерять своего ига, представся лишь имъ случай его овергнуть. Декреты равенства -- лишь мертвая буква въ діаметра столицы, и въ послѣдніе годы мы были свидѣтелями убійства многихъ христіанъ въ Малой Азіи. Торгъ невольниками, вопреки запрещенію закона, продолжается еще болѣе въ обширныхъ размѣрахъ, ибо слуги въ Константинополѣ состоятъ изъ Негровъ, вывезенныхъ изъ Сѣверной Африки, а подлые купцы Тешаны торгуютъ и бѣлыми невольниками, добываемыми ими отъ Черкесовъ. Но этого мало: домашній очагъ греческихъ подданныхъ Турціи беспомощенъ защищать своихъ дочерей отъ оскорбленій еще болѣе вопіющихъ: многія изъ юныхъ христіанокъ бываютъ осуждены на безправственное рабство въ гаремъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто онѣ отреклись отъ вѣры отцевъ своихъ и приняли вѣру, обрекающую къ гибели ихъ души: обращеніе же къ исламизму насильственное или добровольное, разрываетъ связи самой природы.

... Въ дѣлѣ Восточнаго вопроса Респидъ-Паша былъ всегда постояннымъ противникомъ магометанскихъ фанатиковъ. Съ этой-то точки зрѣнія, онъ во все лето 1853 года, изъ всѣхъ министровъ былъ болѣе склоненъ къ миру и къ явной оппозиціи съ улемами, рѣшившимися возбудить

войну. Во время этих-то переговоров, Решидъ, кажется, понялъ, что онъ не такъ-то силенъ, и не имѣлъ нравственной отваги противостать воздвигнутой на него бурѣ. Къ концу сентября онъ собралъ совѣтъ, какого, можетъ быть, никогда и не бывало въ Турціи, ибо этотъ совѣтъ состоялъ изъ 172 сановниковъ и толкователей закона. Нечего и сомнѣваться въ рѣшеніи такого совѣта: онъ былъ единогласенъ.... потому что *меньшинство* — было безмолвно. Министры сохранили свои мѣста — но лишь для того, чтобы исполнить то, чего хотѣли ихъ противники, т.-е. подвергнуть себя случайностямъ войны. Мечети открыли свои кассы на жалованье воинственнымъ поборникамъ противъ невѣрныхъ — и Омеръ-Паша выступилъ въ походъ съ многочисленною арміею и самыми гордыми мечтами. Но уже одинъ составъ этой арміи скорѣе истощилъ, нежели оживотворилъ Турецкую имперію. Вызвали войска и изъ провинцій, — и во многихъ уже мѣстахъ, съ ними вмѣстѣ удалились и безопасность, и порядокъ.... Если же произойдетъ общее возстаніе въ христіанскихъ народахъ Востока, то невозможно будетъ двумъ образованнѣйшимъ государствамъ западной Европы поддержать права магометанизма, деспотизма и варварства противъ справедливыхъ требованій и увеличивающихся силъ большинства націй.

Папрасно Оттоманская имперія въ теченіе столькихъ вѣковъ обладаетъ самыми прекрасными странами и самымъ выгоднѣйшимъ мѣстоположеніемъ въ мірѣ: она такъ мало умѣла воспользоваться и великолѣпными этими областями, что съ полгода тому назадъ, существованіе ея, казалось, зависѣло отъ близости эскадры, скрытой въ туманахъ одного острова Сѣвернаго моря. Въ жилахъ Турціи оскудѣваетъ уже теплая кровь — и эта война есть послѣдній слѣпой порывъ отчаянія и ослѣпленія, наведеннаго на Турцію западными державами.

Событія начинаютъ уже доказывать, что Абдуль-Меджидъ, слишкомъ еще рано принялъ титулъ *Эль-Гаджи*, т.-е.

побѣдителя. До сихъ поръ еще турецкія войска ничѣмъ не доказали, что въ послѣднее время онѣ улучшены своими европейскими наставниками. Паническій страхъ къ Русскимъ точно такъ же великъ въ нихъ, какъ и прежде. Омеръ-Паша часто говаривалъ европейскимъ офицерамъ, что, по его мнѣнію, судьба кампаніи зависитъ отъ Шумлы. Безспорно, что занимаемая имъ позиція, центръ которой находится въ треугольникъ образуемомъ Шумлою, Силистріей и Рушукюмъ, или Силистріей, Шумлою и Варной, чрезвычайно выгодна. Шумла сама по себѣ есть укрѣпленный лагерь, удобный принять въ себя многочисленную армію, лагерь хорошо расположенный и хорошо защищенный искусствомъ; но этотъ лагерь можетъ быть и обойденъ...

Дунайскія княжества, за вступленіе въ которыя русскихъ войскъ, такъ горячились Англія и Франція, для самой Турціи, со времени потери Крыма и Бессарабіи, были скорѣе тягостнымъ, нежели выгоднымъ обладаніемъ: она не набираетъ изъ нихъ войска, и подать, всегда не аккуратно выплачиваемая, не покрываетъ издержекъ, употребляемыхъ на ихъ же защиту. Словомъ, княжества эти налагаютъ на Турцію только все бремя властительныхъ обязанностей, не принося никакой существенной пользы. Давно уже встрѣтили мы это мнѣніе, выраженное барономъ Божуромъ, авторомъ превосходнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: *Военное путешествіе въ Оттоманскую Имперію*. Независимая граница была бы полезнѣе для Порты, чѣмъ это владѣніе, на которое столь легко напасть.... Эти княжества могли бы быть изобильными запасными магазинами: ни что не сравнится съ плодородіемъ ихъ почвы; но по недостатку дорогъ, доставка хлѣба изъ Бухареста на ближайшую пристань на Дунаѣ, въ разстояніи 50 миль, стѣитъ столько же, какъ отправка его въ Англію. И при томъ эти несчастныя провинціи такъ часто служатъ театромъ войны и такъ много терпятъ отъ вторженія Турокъ....

Въ заключеніе, мы желали бы спросить: неужели турецкое правительство не видало, какъ опасно было для него возбудить войну религіозную? неужели непонимало оно, что при первой вспышкѣ мусульманскаго фанатизма отзовется и религіозная ревность подвластныхъ ему христіанскихъ народовъ, въ три раза превышающихъ числомъ своимъ мусульманъ? Они никакъ не поддадутся хитрымъ предложеніямъ, содѣйствующаго султану Константинопольскаго патріарха, самое избраніе котораго было слѣдствіемъ причинъ политическихъ. Прежде нежели мы повѣримъ искреннему примиренію турецкихъ правителей съ греческими ихъ подданными, мы повѣримъ скорѣй примиренію оранжистовъ съ ирландскими католиками, которыхъ взаимныя отношенія представляютъ, въ этомъ случаѣ, нѣкоторое сходство.

(Извлечено изъ Revue Britannique).

ПЕРЕПРАВА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО ЧЕРЕЗЪ ГИДАСПЪ.

(воспоминаніе изъ древней исторіи по поводу новѣйшихъ событій).

Славная переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай и ихъ дѣйствія, какъ во время этой переправы, такъ и послѣ нея, напоминаютъ намъ эпизодъ изъ древней исторіи:—переправу Александра Македонскаго черезъ Гидаспъ и сраженіе, данное имъ царю Пору.

Теперь, когда всѣ умы заняты тактикой и стратегіей, болѣе, чѣмъ какими-либо другими науками, очень любопытно заглянуть въ Плутарха, Арріана, Діодора, Квинта Курція, которые всѣ наперерывъ прославляли этотъ блистательный подвигъ Александра, и узнать, какой тактикой и стратегіей руководствовался въ этомъ случаѣ величайшій полководецъ древности.

Перейдя черезъ рѣку Индъ, Александръ двинулся съ своей малочисленной арміей, къ городу Такептъ, лежащему между Индомъ и Гидаспомъ. Тамъ вступили съ нимъ въ союзъ два короля тѣхъ областей, Авизаръ и Таксила, изъ которыхъ послѣдній прислалъ ему, кромѣ многихъ другихъ подарковъ, 400 лошадей и 50 слоновъ, а потомъ и самъ къ нему присоединился съ 5,000 пѣхоты. Узнавъ, что Поръ, обладатель всей Индіи, стоитъ съ своей арміей на правомъ берегу Гидаспа, и намѣревается оспоривать переправу черезъ эту рѣку, Александръ самъ подошелъ къ рѣкѣ и сталъ лагеремъ на лѣвомъ ея берегу. За арміей везли суда, на которыхъ онъ переправлялся черезъ Индъ, и которые для перевозки разбирались. Обозрѣвъ мѣстность и увидѣвъ, что армія Пора занимаетъ всѣ мѣста, удобныя для переправы, Александръ растянулъ свои войска по берегу для того, что-

бы развлекать вниманіе непріятеля на различные пункты, а между тѣмъ обдумывалъ средства, какъ обмануть его. Открытая и форсированная переправа была тѣмъ невозможнѣе, что отъ продолжительныхъ дождей вода въ рѣкъ сильно прибавилась, и армія Пора была гораздо многочисленнѣе его. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ, онъ велѣлъ начать приготовленія ложныя. Поръ высмалъ свои отряды, и Македоняне тотчасъ же ретировались. Эти демонстраціи, повторявшіяся нѣсколько разъ, перестали наконецъ тревожить Пору. Удвоивъ только сторожевые посты и усиливъ патрули, онъ почти былъ увѣренъ, что непріятель не осмѣлится начать переправу настоящую.

Между тѣмъ Александръ узналъ, что во 100 стадіяхъ ниже его лагеря, есть высокая скала, противъ которой рѣка дѣлала изгибъ, а противъ скалы довольно большой островъ, поросшій густымъ лѣсомъ. Найдя это мѣсто удобнымъ для исполненія своего плана, онъ велѣлъ сколачивать плоты, сшивать кожи и набивать ихъ соломой (*), и собирать разснащенные суда и 50-весельныя галлеры. Вся эти работы дѣлались тихо, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣсъ совершенно скрывалъ ихъ отъ глазъ непріятелей. Когда все было готово, Александръ раздѣлилъ свое войско слѣдующимъ порядкомъ: самъ пошелъ впереди съ своими царскими полками, конницей Эфестіона, Пердиккитія и Димитрія, и присоединилъ еще къ этому отряду конницу, набранную въ Бактріанѣ, Согдіанѣ, и конныхъ стрѣлковъ изъ Скиѳовъ и Даевъ. Пѣхота состояла изъ аргираспидовъ (***) и фаланги, пред-

(*) Изъ кожъ шили мѣшки, набивали ихъ соломой, связывали одинъ съ другимъ, и потомъ прикрѣпляли обими краями къ двумъ толстымъ канатамъ, протянутымъ съ берега на берегъ и привязаннымъ къ нарочно вбитымъ для того сваямъ. Фелагъ, бывшій адъютантомъ знаменитаго маршала Вандома, совѣтовалъ, въ 1788 году, придумать къ такимъ мѣшкамъ рукава съ поршнями, для наполненія ихъ воздухомъ. Это показалось затруднительнымъ, и предпочли замѣнить только канаты длинными шестами, связывая изъ нихъ рамы. На эти рамы настилали хворостъ и потомъ уже обшивали ихъ кожами. Эти первые повторы навели на изобрѣтеніе настоящихъ, усовершенствованныхъ.

(**) Получившихъ это названіе отъ серебряныхъ бляхъ, которыми были покрыты ихъ щиты. Это было лучшее пѣхотное войско въ арміи Александра.

водительствуемыхъ Клитомъ и Цёномъ. За ними шли пѣшіе стрѣлки. Въ этомъ отрядѣ считалось 3,000 пѣхоты и 5,000 всадниковъ. Въ лагерь оставался Кратеръ съ остаткомъ азійской конницы, фалангистами Алцеста, Полиорцета, и 1,000 Индійцевъ. Центръ состоялъ изъ наемной пѣхоты и конницы, которыми начальствовалъ Мелеагръ. Ему приказано было находиться въ равномъ разстояніи какъ отъ авангарда, такъ и отъ аррьергарда. Во всѣхъ трехъ колоннахъ, Александра, Мелеагра и Кратера было не болѣе 22 т. человекъ. Кратеръ долженъ былъ начать переправу только въ то время, когда Поръ тронется изъ своего лагеря; а Мелеагру назначено присоединиться къ первой колоннѣ, какъ только авангардъ вступить въ бой. Эта колонна была такъ искусно поставлена, что непріятель не могъ ее замѣтить.

Буря, продолжавшаяся всю ночь, помогла Александру скрыть и шумъ и движеніе всѣхъ своихъ окончательныхъ приготовленій къ переправѣ. На разсвѣтъ вѣтеръ утихъ и вся колонна, бывшая подъ начальствомъ самого Александра, первая начала переправляться. Кавалерія по кожанымъ понтонамъ, которые употреблялъ этотъ великій полководецъ при всѣхъ своихъ переправахъ. Во время переправы черезъ Дунай, онъ велѣлъ набить соломой кожаныя палатки своихъ воиновъ, и переправилъ по нимъ 4,000 пѣхоты и 2,000 всадниковъ. На этотъ разъ пѣхоту перевозили на судахъ, бывшихъ, какъ мы уже сказали, при арміи. Когда началась переправа, непріятельскіе посты тотчасъ дали объ этомъ знать Пору; а между тѣмъ Александръ, думая, что онъ уже достигъ противоположнаго берега, чрезвычайно удивился увидѣвъ себя только на другомъ островѣ, хотя и не вдалекъ отъ настоящаго берега, но отдѣленномъ отъ него быстрымъ и довольно глубокимъ рукавомъ, образовавшимся отъ прибыли и разлива рѣки. Всякая минута нерѣшительности и медленности была бы гибельна. Смѣлый полководецъ приказалъ войску броситься вплавъ, и къ его счастью, вода была не глубже какъ только по шею лошади и слѣд. пѣхотѣ до плеча. Выходя на берегъ, кавалерія начала строиться первая. Вме-

реди пошли кошые стрѣлки, а фаланга прикрывалась стрѣлками пѣшими.

Александръ, прежде всего, двинулся противъ непріятеля съ одной только кавалеріей, приказавъ пѣхотѣ слѣдовать за собою тихимъ шагомъ. Расчетъ его былъ слѣдующій: если Поръ вышлетъ противъ него одну кавалерію, ему легко будетъ опрокинуть ее своей, несравненно превосходнѣйшей; если Поръ выдвинетъ все свое войско, онъ въ состояніи будетъ удержать его до прибытія своей пѣхоты; и наконецъ, если Поръ начнетъ отступать, онъ ударитъ въ тылъ его арріергарда и ослабитъ его силы.

Его встрѣтилъ сынъ Пора съ 2,000 всадниковъ и 120 вооруженными колесницами, которыя при осадѣ Тронъ были единственной кавалеріей. Узнавъ силу этого отряда, Александръ послалъ его атаковать своихъ конныхъ стрѣлковъ. Сшибка была непродолжительна. Сынъ Пора палъ въ этой битвѣ, и 400 всадниковъ легло на мѣсть. Вся вооруженная колесница досталась въ руки побѣдителей; онъ не имѣлъ возможности даже отретироваться: дождь до того размочилъ землю, что колеса взяли по ступицу.

Извѣстия о пораженіи сына, не умѣя опредѣлить числа всего Александрова войска, и видя передъ собой, на другомъ берегу, Кратера, готоваго переправляться, Поръ не зналъ, на что ему рѣшиться. Искусство Александра составлять планы боевыхъ диспозицій, здѣсь очень хорошо видно.

Первоначальныя распоряженія Пора были, однакожъ, довольно основательны. Его армія состояла изъ 30,000 пѣхоты, 5,000 всадниковъ, 200 слоновъ и 300 вооруженныхъ колесницъ. Оставивъ въ лагерь достаточную часть войска для охраненія его, а другую для удержанія Кратера, онъ выступилъ противъ Александра со всею громадою своихъ остальныхъ силъ, и занялъ позицію на твердомъ, песчаномъ мѣстѣ, для того, чтобы кавалерія и колесницы могли дѣйствовать успѣшнѣе. Пѣхоту онъ развернулъ фронтомъ, и передъ ней поставилъ слоновъ, на разстояніи 50 футовъ одинъ отъ другаго, въ томъ предположеніи, что непріятель-

ская пѣхота не дерзнетъ пробиваться въ эти интервалы, изъ опасенія быть раздавленной. Кавалерію расположилъ по обоимъ крыльямъ, но лѣвое крыло усилилъ противъ праваго, потому что правый флангъ его былъ защищенъ болотами и рѣкой. Какъ впереди пѣхоты стояли слоны, такъ передъ кавалеріей были поставлены вооруженныя колесницы; вотъ позиція, въ которой онъ приготовился принять бой.

Александръ, выждавъ прибытія своей пѣхоты, поспѣвшей во-время, тотчасъ же поставилъ ее въ боевой порядокъ, но не приказалъ вступать въ дѣло до тѣхъ поръ, пока онъ не опрокинетъ лѣвое крыло непріятеля. Цѣну же велѣлъ атаковать правое крыло, прорвать его, и, проскакавъ позади непріятельскаго фронта, ударить въ тылъ лѣваго крыла, въ то время, когда оно будетъ атаковано имъ самимъ. Этотъ же самый маневръ былъ употребленъ принцемъ Конде въ сраженіи при Рокруа. Маршалъ Лопиталь былъ разбитъ Испанцами на лѣвомъ крылѣ. Принцъ опрокинулъ правое непріятельское крыло, проскакалъ позади его фронта, ударилъ Испанцамъ въ тылъ, и обернулъ побѣду на сторону Французовъ.

И такъ сраженіе при Гидаспѣ началось на правомъ крылѣ Поровой арміи, которое Цѣнь опрокинулъ. Александръ шелъ противъ лѣваго крыла и послалъ впередъ 4,000 конныхъ стрѣлковъ а между тѣмъ началъ растягивать свои полки, съ цѣлью окружить непріятеля. Въ это самое время, по предварительному отданному приказанію, явился съ своимъ отрядомъ Мелеагръ. Индійцы, замѣтивъ, что ихъ намѣрены обойти, начали подвигаться влѣво, чтобы выиграть больше мѣста, но Цѣнь уже приспѣлъ ударить имъ въ тылъ. Это неожиданное нападеніе разстроило ряды индійской кавалеріи. Она отступила къ своей пѣхотѣ, гдѣ успѣла выстроиться вновь. Тутъ выступили противъ Поровой пѣхоты аргираспиды и фаланга. Поръ двинулъ на нихъ слоновъ. Подстрекаемые своими вожатыми, слоны кидались на Македонянъ, но эти встрѣтили ихъ градомъ стрѣлъ и копій. Разъяренныя болѣе наносимыхъ имъ ранъ, громадныя животныя ринулись съ такимъ остервененіемъ, что греческая пѣхота должна была

сдѣлать въ своихъ рядахъ интервалы для пропуска ихъ. Между тѣмъ индѣйская кавалерія пошла опять въ атаку и вторично была отброшена къ своей пѣхотѣ, которая уже вступила въ дѣло, но тоже смѣшалась — и отъ напора ретирующей кавалеріи и отъ слоновъ, взметавшихся во всѣ стороны, и наконецъ дѣлавшихъ гораздо больше вреда своимъ смѣшавшимся рядамъ, чѣмъ непріятельскимъ, сохранявшимъ строгій порядокъ. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ армія Пора, видя что всякое сопротивленіе тщетно, побѣжала. Къ этому времени Кратеръ поспѣлъ съ своимъ свѣжимъ отрядомъ и живо началъ преслѣдовать непріятеля. Потеря Индѣйцевъ была страшная. Почти вся ихъ кавалерія была изрублена и у нихъ легло на мѣсть 23 т. Большая часть слоновъ перебита; остальные захвачены побѣдителями, такъ же какъ и колесницы. Поръ лишился въ этотъ день двухъ сыновей, и самъ, покрытый ранами, былъ взятъ въ плѣнъ.

Изъ донесенія генераль-адъютанта князя Горчакова видно, что и наши войска переправлялись черезъ Дунай тремя колоннами, и что стратегическія и тактическія распоряженія его увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Быть можетъ, что и Омеръ-Пашу постигла бы участь царя Пора, если бы войска его не поспѣшили укрыться подъ защиту своихъ крепостей. Надобно вспомнить, что у несчастнаго индѣйскаго царя не было ни Шумлы, ни Варны, ни Силистріи.

А. Д.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

**ПИСЬМО ГОСУДАРЯ ПЕТРА ПЕРВАГО КЪ ПОДКАНЦЛЕРУ НА-
РОКУ ШАФІРОВУ, ВЫШЕВМУ ПОСЛОМЪ ВЪ ТУРЦІИ, 1712 Г.**

Господинъ Подканцлеръ!

Письмо ваше я получилъ, на которое отвѣтствую, что претензія турецкая, чтобъ не захватывая Польши, наши войска шли изъ Помераніи въ Россію, не иное что, только чтобъ изъ васъ вымуча письмо, имѣть причину разорвать миръ; ибо зѣю удивительно, что сами говорятъ, что инова пути нѣтъ, а иттить заказываютъ. А что вы говорили моремъ, и того за непрятельскимъ флотомъ учинить нельзя; а что чрезъ Дацкую землю, то развѣ вы разума отбыли?—Будь воля Божія, лишебъ наша была правда; не утѣшить, кто хочетъ зла, ничѣмъ, а наипаче чѣмъ невозможно: ибо землю передѣлать нельзя, ниже море осушить; а хотябъ и крыль имѣли, тобъ чрезъ онуюжъ землю летѣть, и для отдохновенія на онойжебъ садитца. —Чтоже о выводѣ войскъ, истинно никого нѣтъ, и послѣдній баталіонъ, который былъ въ Межиходѣ, въ трехъ миляхъ отъ Брандбургской земли, для магазейна, тотъ въ прошломъ мѣсяцѣ выведенъ.

ПЕТРЪ.

Изъ Карлсвада, въ 29 день октября.

Р. С. Вилчекъ пріѣхалъ къ намъ, и въ томъ дѣлѣ надежда есть.

Таково первое послано изъ Карлсбада на почтъ чрезъ Вѣну Октября 30 дня, 1712 году.

Дубликатъ съ сего посланъ изъ Теплицъ, Ноября въ 4 день 1712, за рукою Графскою (безъ Государевой приписи) съ переводчикомъ Марининымъ.

Трипникатъ посланъ изъ Дрездена 7 Ноября, за Графскоюжь подписью, на почтъ.

ПОСЛѢДНІЙ СУДЕБНЫЙ ПОЕДИНОКЪ

ВО ФРАНЦІИ.

Воспоминанія о Сень-Жерменскомъ замкѣ.

Возвращаясь въ прошломъ году изъ Алжирин, и негодуя въ душѣ на вынесенные мною нестерпимые жары, вздумалъ я остатокъ лѣта провести въ Сень-Жерменѣ, куда призывали меня друзья мои. Кто не испыталъ на себѣ вліянія палящихъ, удушливыхъ лучей африканскаго солнца въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, тотъ не оцѣнитъ блаженства — отдохнуть въ тѣни. Тѣнистыя деревья Сень-Жерменскаго лѣса доставили мнѣ это наслажденіе, едва ли не самое невинное изъ всѣхъ наслажденій, которыми дано пользоваться честному человеку. А я, какъ извѣстно, имѣлъ полное право оцѣнить эту отраду. Къ тому же, какой чудный видъ открывается съ этой террасы, построенной великимъ королемъ, на которой воздухъ такъ чистъ, на которой такъ пріятно отдохнуть отъ усталости! Видъ Сенской долины въ этомъ мѣстѣ напоминаетъ мнѣ двѣ другія, столь же замѣчательныя мѣстности, имѣющія много сходства съ Сень-Жерменской террасой. Я говорю объ Адурской долинѣ, у подножія По (*), и о долинѣ рѣки Темзы, видимой съ вершины Ричмондъ-Гилл, близъ Лондона. Только, въ Адурской долинѣ, взоръ развлекается фантастическимъ видомъ снѣговыхъ вершинъ Пиринейскихъ горъ; на долию зрѣнія выпадаетъ много труда; въ Ричмондѣ, грусть закрадывается въ душу отъ меланхолическаго вида окрестностей; мечта за мечтой тѣснится въ сердце зрителя. Но въ Сень-Жерменѣ, пробуждающіяся впечатлѣнія не отрываютъ васъ отъ мысли о

(*) По — *Paris*, по Лат. *Palis*, городъ во Франціи на Пиринейскъ; пр. пер.

вашихъ житейскихъ дѣлахъ. Видь Марли, Буживаля, Шату, видь Сены, извивающейся змѣйкой посреди луговъ, эта разнообразная перспектива не возбуждаетъ романическихъ мыслей, не доводитъ васъ до забвенія вашихъ биржевыхъ обстоятельствъ, не отвлекаетъ васъ отъ Восточнаго вопроса. Гуляешь себѣ тихонько по террасъ, наслаждаешься прекрасными видами, вдыхаешь цѣлительный воздухъ и лобуешься въ добавокъ кавалюкадами Равелея (*). Вотъ почему предпочитаю я Сень - Жерменскую террасу всѣмъ другимъ мѣстностямъ. Съ другой стороны, парижанинъ, живя здѣсь, чувствуетъ, что онъ попираетъ ногами историческую почву. — Вотъ, говоритъ онъ, спускаясь съ террасы, вотъ павильонъ Генриха IV, славный воспоминаніями, которыя пробуждаются при его видѣ, еще болѣе чѣмъ объѣдами, которые заказываются въ этомъ мѣстѣ. — Этотъ павильонъ Генриха IV — просто домикъ, названный такъ — странное дѣло — потому, что въ немъ родился Людовикъ XIV!

Оставляя позади себя соборную церковь Сень-Дени, мѣсто погребенія французскихъ королей, котораго мрачный видъ былъ причиною основанія Версаля, вы спускаетесь внизъ по террасъ, и передъ вами древнее помѣстье де-Шарлеванъ, окруженное старинными Ивелинскими лѣсами: такъ назывался нѣкогда городъ Сень-Жерменъ съ его окрестностями; но то было очень давно — тогда еще царствовалъ Хильдебертъ. Его прежняя платформа, его замокъ, цветники и дремучіе лѣса — все это вынесло на себѣ много переменъ. Этотъ огромный замокъ, оглядывающий васъ таинмъ сумрачнымъ взоромъ, этотъ замокъ съ своими сѣрыми камнями и кирпичными карнизами повѣдаетъ вамъ больше исторій, нежели всѣ остальные, вмѣстѣ взятые замки цѣлой Франціи.

Но изъ всѣхъ этихъ исторій, одна казалась мнѣ всегда особенно занимательной; объ ней-то рѣшился я собрать всѣ подробности во время моего послѣдняго пребыванія въ Сень-Жерменъ. Предлагаемый рассказъ есть плодъ моихъ розыс-

(*) Известный содержатель лошадей и ословъ.

каній, которыя какъ нельзя больше вознаграждаются здѣсь для всякаго любознательнаго изслѣдователя. Въ Сень-Жерменъ рѣдкое книгохранилище, хранитель котораго всегда готовъ къ вашимъ услугамъ; воздухъ необыкновенно здоровъ и вы наслаждаетесь полной тишиною, столь необходимою для чловека мыслящаго. И какъ внятно говорятъ воображенію эти живописныя мѣста, эти вѣковыя стѣны! Не знаешь, за что взяться: за перо или за кисть—такъ много здѣсь предметовъ для пера и для кисти! Архивы этого древняго жилища французскихъ королей, оскверненнаго въ наше время помыщеніемъ въ нихъ смиреннаго дома, заключаютъ въ себѣ сокровища, съ которыми не разстался бы романистъ и историкъ. Хроники Сень-Жерменскаго замка, отъ самого утвержденія монархической власти до начала прошедшаго столѣтія, представляютъ собою, можно сказать, цѣлую исторію французскаго государства.

Большая часть французскихъ королей жила въ Сень-Жерменскомъ замкѣ. — Не говоря уже о королѣ Робертѣ, который воздвигнулъ здѣсь церковь въ 996 году, и стѣны котораго такъ отрадно посѣщать эти старинныя деревья,—вспомнимъ о крѣпости, построенной на этомъ мѣстѣ Людовикомъ Толстымъ около 1122 года; вспомнимъ и о томъ, что здѣсь попеременно жили Филиппъ-Августъ, Людовикъ VII и наконецъ Людовикъ IX, родившійся по сосѣдству отсюда, въ Пуасси. Когда святой король скончался въ Тунисѣ, сынъ его, Филиппъ Смѣлый, поселился въ Сень-Жерменъ и тамъ обдумывалъ, вмѣстѣ съ сиромъ Бомануаромъ, свое известное уложеніе о поединкахъ. Въ Сень-Жерменскомъ замкѣ подписанъ законъ Филиппа Длиннаго, который, утвердивши начала Салическаго закона, окончательно отстранилъ женскую линію отъ наследованія французской короны.

Карлъ Красивый въ 1324, Филиппъ Валуа въ 1328 жили въ Сень-Жерменѣ. Вспоминаетъ ли о томъ, какъ Черный Принцъ, опустошивши всю страну, сжегъ въ 1347 и Сень-Жерменскій замокъ? Черезъ четыре года однакожъ Іоаннъ II возобновилъ его, а Карлъ V значительно распространилъ и

украшилъ. Этотъ король, котораго потомство почтительно именуетъ Мудраго, хотя онъ не во всемъ отличался мудростью, что доказываетъ его женитьба на принцессѣ Бурбонской, которую онъ предпочелъ герцогинѣ Савойской, потому только что она была очень хороша собою,—этотъ Карлъ Мудрый долгое время жилъ въ Сень-Жерменѣ. Карлъ VI и Изабелла Баварская, которую тогдашніе остряки прозвали *Иезавелью*, провели тамъ 1386-й и 1390-й годъ. Коннетабль де-Клиссонъ едва не погибъ тамъ, въ 1391 году, подъ ударами убійцъ, подосланныхъ Пьерромъ Краономъ. Генрихъ V, король Англійскій, послѣ побѣды при Азинкурѣ, благодаря гнусной измѣнѣ Изабеллы и герцога Бургундскаго, овладѣлъ въ 1419 году крѣпостью Мѣланъ и замкомъ Сень-Жерменскимъ; но вскорѣ Англичане выгнаны были изъ Сень-Жермена и изъ всей Франціи въ царствованіе Карла VII.

Въ 1514 г. Францискъ Орлеанскій, графъ Ангулемскій, впоследствии король Францискъ I, вѣнчался въ Сень-Жерменѣ съ дочерью Людовика XII и Анны Бретаньской, «Клавдіей, которая была очень добра, милостива и ласкова со всѣми и во всю жизнь свою не огорчила ни одного придворнаго, ни одного подданнаго въ цѣлой Франціи.» Эта королева, видѣвшая столько горя отъ мужа, принесла Франціи прекрасное приданое: «два лучшихъ во всемъ христіанскомъ мірѣ герцогства, говоритъ Брантомъ, — Миланъ и Бретань; первое досталось ей отъ отца, второе отъ матери!»

Въ Сень-Жерменскомъ замкѣ родился потомъ Генрихъ II 31 марта 1518 года. Въ 1530, Францискъ I выѣхалъ изъ Сень-Жермена на встрѣчу сыновьямъ своимъ, Генриху и Карлу, которые оставались заложниками у Карла Пятаго и были выкуплены отцомъ съ помощію союзника его Генриха VIII, короля Англійскаго. Генрихъ II почти всю жизнь провелъ въ Сень-Жерменскомъ замкѣ.

Послѣ Генриха II, въ Сень-Жерменѣ родилось двое французскихъ королей, Карлъ IX и Людовикъ XIV; замѣчательныя событія совершились тамъ, и много приготовилось важныхъ происшествій, но я не стану упоминать о нихъ.

Я остановлюсь на царствованіи Генриха II; въ это время совершилось достопамятное событіе, свидѣнія о которомъ собраны мною изъ многочисленныхъ мемуаровъ и хроникъ той эпохи. То былъ поединокъ сира Жарнака съ сиромъ де-ла-Шатеньерэ. Происшествіе это казалось мнѣ всегда однимъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ XVI столѣтія; на немъ вполнѣ отразилось то вліяніе рыцарскихъ обычаевъ, слѣды котораго такъ долго сохранялись въ законодательствѣ Франціи. Я постараюсь познакомить читателя съ тѣмъ, что происходило въ Сень-Жерменъ въ то время, когда Французскій король въ послѣдній разъ дозволилъ — *разрѣшить судное дѣло мечемъ.*

I.

Важнымъ событіемъ при дворѣ Генриха II былъ этотъ смертный поединокъ между двумя отважными дворянами, между двумя ловкими паредворцами, которые съ раннихъ лѣтъ были связаны тѣснѣйшими узами дружбы (*). Безпримѣрнымъ зрѣлищемъ была эта встрѣча на *поль смерти*, вызванная ненавистью двухъ королевскихъ любимицъ, совершившаяся по всѣмъ правиламъ и обрядамъ древняго рыцарства. За то и послѣдствія этого поединка были очень ошутительны не только для двора, но и для всего общества.

На престолѣ сидѣлъ Францискъ I; сердцемъ его владѣла герцогиня Детампъ—(d'Étampes). Діана де-Пуатье, извѣстная въ послѣдствіи подъ именемъ герцогини де-Валантинуа, плѣнила молодаго дофина. Соперничая по красотѣ и по власти, эти тщеславныя и завистливыя женщины отъ всей души ненавидѣли другъ друга. Діана всегда рада была принять подъ свое покровительство противниковъ г-жи Детампъ; г-жа Детампъ съ немалымъ удовольствіемъ покровительствовала всѣмъ

(*). Шатеньерэ и Жарнакъ были даже въ родствѣ, хотя дальнемъ. Дѣвица де-Жарнакъ, двоюродная бабка нашего Жарнака, была за мужемъ за дядомъ Шатеньерэ.

врагамъ Діаны. Достаточно было королевской любимице бросить ласковый взоръ на адмирала де-Шатильонъ, въ послѣдствіи славнаго Колинни и на сеньйоровъ, приверженныхъ къ реформатской вѣрѣ, — для того, чтобы любимица дофина вошла въ сношенія съ графомъ Омальскимъ (*) коннетаблемъ Монморанси и маршаломъ Бриссакомъ, прославившимся своей ненавистью въ новому вѣроисповѣданію.

Весь дворъ раздѣлился на двѣ партіи, благодаря соперничеству двухъ женскихъ властей. Много очарованія, много выгодъ обѣщала благосклонность этихъ двухъ женщинъ; понятно, что вся придворная молодежь съ жадностію ловила ихъ сужденія, горячо принимала къ сердцу ихъ ссоры. Надо однакожь сознаться, что Діана, исключительно владѣвшая сердцемъ Генриха, не смотря на умъ и красоту жены его, Екатерины Медичи, и сохранившая вліяніе свое даже и послѣ смерти этого короля, верьдко брама верхъ надъ властью женщины, которую любилъ Францискъ I, не отличавшійся большимъ постоянствомъ въ любви и вѣрностію владычицъ своего сердца.

Въ числѣ любимцевъ короля и приверженцевъ дофина славились при дворѣ двое молодыхъ людей, извѣстныхъ по своей красотѣ, храбрости на войнѣ и взаимной дружбѣ. То были: Шатеньерэ (de la Chasteigneray) и Жарнакъ (de Jarnac). Первый, хотя и пользовался благосклонностію Франциска I, однакожь преимущественно привязанъ былъ къ дофину Генриху и къ герцогинѣ Валантинуа; второй пользовался особенной милостію герцогини Детампъ. Оба они — герои нашего разсказа, и потому надо познакомиться съ ними покороче.

Франсуа де Вивонъ, младшій членъ Амвильскаго дома, сынъ Андрея де Вивонъ, великаго сенешала провинціи Пуату, имѣлъ такую власть при дворѣ Франциска I, что даже располагалъ государственными должностями. Онъ происходилъ отъ вели-

(*) Клодъ де-Лоренъ, родоначальникъ дома Гизовъ, отецъ Франциска Гиза и дядя знаменитаго Балафре.

каго и знатнаго дома Бретань. Члены этого дома имѣли въ гербъ — горноста. Хотя старшій сынъ Андрея Вивонъ, Карль, и получилъ въ наследство Амвиль, Шатенъера и другіи богатыя помѣстья, а для Франсуа выдѣлили только Ардезъ и еще нѣсколько земель, однокоржъ при дворѣ Франсуа слылъ вѣчно подѣ именемъ «владѣльца де-ла-Шатенъера.»

Когда ему минуло десять лѣтъ, отецъ, по тогдашнему выраженію, вручилъ его королю, и король записалъ его въ число своихъ *enfants d'honneur*. Званіе это значило много въ тогдашнія времена и было гораздо важнѣе званія придворнаго пажа. Вивонъ отличался особенно въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, которыя такъ любилъ и Францискъ I. На бѣгу и въ борьбѣ онъ не зналъ соперниковъ. — Король, родившійся въ Коньякѣ, говаривалъ нерѣдко: «Насъ четверо равныхъ бѣгуновъ въ Гіени: Шатенъера, Созакъ, д'Ессъ и я.» Послѣ заключенія мира при Крепи, подписаннаго въ 1544 году, вся эта воинственная молодежь, скучавшая отдыхомъ, убивала время среди воинскихъ упражненій, либо мѣрялась между собою на поединкахъ, либо занималась верховой ѣздой. Въ особенности фехтованье было ея любимымъ занятіемъ. Въ это время лучшими учителями по этой части считались Итальянцы; въ большой славѣ были тоже Иеронимъ, Францискъ, Ле-Фламандъ и сиръ Аймаръ Бордосскій. Шатенъера былъ извѣстенъ повсюду за отличнаго фехтовальщика; онъ учился въ Римѣ у славнаго Патеностріе и въ Миланѣ у Таппа. При маааденіи, на безпрестанныхъ дуэляхъ, онъ всегда схватывался *grudy съ грудью* (*corps à corps*) — обстоятельство, въ которомъ ростъ и сила доставляли ему много выгоды. И дѣйствительно, пшіе поединки (*combats à outrance à pied*) допускали этотъ родъ боя, при которомъ оружіе становилось почти лишнимъ. Въ этихъ случаяхъ, съ кольчугой на груди, такъ легко было идти на противника и повалить его на землю. Схватываешься съ нимъ: если онъ подается, то прижмешь его къ барьеру и перекинешь за арену, — онъ побѣжденъ; если же онъ не подается, схватишь его подѣ мышки, чтобы отнять у него возможность пользоваться шпагой; по-

томъ, повергнуши его на землю, пронзаешь кинжаломъ въ какое либо мѣсто не прикрытое броней (*). Нерѣдко, при паденіи, бойцы терли свои кинжалы или шотландскіе ножи, которые закладывались, но не вполоть, за голенище сапога у правой ноги. Этотъ гладиаторскій бой принималъ иногда довольно отвратительный видъ, чему доказательствомъ служить происшествіе въ Седанѣ, когда баронъ д'Огеръ (d'Hoguerre) подогнулъ подъ себя сира Фёдилъ (de Feudilles): сорвавши съ него шишакъ, онъ наносилъ ему тяжкіе удары въ самое лицо и ранилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; затѣмъ онъ старался выколоть ему глаза и задушить его, набивая ему въ ротъ песокъ, такъ что несчастный соперникъ принужденъ былъ просить пощады!

Вивонъ бросался въ схватку на поединкъ съ Сень-Гардомъ, которому онъ великодушно даровалъ жизнь. Когда двое рыцарей вступали въ бой, съ шлемомъ на головѣ, съ опущеннымъ забраломъ, носить которое могли только одни рыцари (**), защитивши грудь толстымъ жакомъ (***) сверхъ панциря и вооруживши лѣвую руку круглымъ щитомъ, то уже не могло случиться шпажныхъ обмановъ, которые такъ часто бываютъ при обыкновенныхъ поединкахъ; собственно такъ называемая парировка отстранялась, и очень понятно, что сила тѣлесная должна была естественно брать верхъ, если только противникъ не прибѣгалъ къ тайнымъ ударамъ (bottes secrètes), составлявшимъ предметъ фехтовальнаго искусства. Я говорю здѣсь объ однихъ пѣшихъ бояхъ, потому, что конные поединки съ помощію копья, ограничивались яростной схваткой обонхъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый

(*) Такъ поступилъ Баярдъ на поединкъ съ Алонзо де Сото-Майоръ.

(**) Оруженосцы не имели права носить забрало.

(***) *Жак* — нѣчто въ родѣ дорожнаго военнаго плаща (*casaque*), который надвигался сверхъ кольчуги. Онъ сдѣланъ былъ изъ нѣсколькихъ оленьихъ шкуръ, положенныхъ одна на другую и набитъ былъ внутри шерстью и трапеземъ, — нарядъ, не совсѣмъ удобный для пошеви, но непроницаемый для шпажныхъ ударовъ.

должно было скакать прямо на противника, выбить его из седла, или, если желѣзо, или древно копья у одного оказывалось крѣпче латъ другаго, то пронзить соперника на пролетъ, — что случалось очень не рѣдко (*). Следовательно, въ конныхъ поединкахъ было еще меньше искусства, чѣмъ въ иъшихъ.

Король Францискъ I называлъ Вивона своимъ *крестникомъ* или *питомцемъ*, и любилъ его не только за добрую душу и личныя достоинства, но и за его отличную храбрость. Вивонъ былъ товарищемъ Вьельвля и Бурдильона, храбрыхъ воиновъ, въ послѣдствіи маршаловъ Франціи. Впрочемъ, онъ былъ значительнѣе ихъ по своему положенію въ обществѣ, какъ камергеръ (*chamberlan*), тогда какъ они еще довольствовались званіемъ оруженосцевъ. Вивонъ особенно отличился въ Авиньонской битвѣ, и въ Пьмонть былъ тяжело раненъ въ правую руку при осадѣ Кони. Дофинъ, въ послѣдствіи король Генрихъ II, который цѣнилъ его и любилъ едва ли не больше, чѣмъ Францискъ I (потому что онъ былъ очень хорошо принятъ при дворѣ Діаны), Дофинъ поручилъ ему снабженіе съѣстными припасами Ландреси и сдѣлалъ его своимъ знаменосцемъ. Шатеньерэ сорвалъ знамя съ древка, обвинилъ его вокругъ своего тѣла, чтобы оно не иъшало ему «работать руками»: въ этомъ дѣлѣ онъ былъ раненъ, и много было толковъ о его храбрости. Онъ получилъ также рану при снабженіи съѣстными припасами крѣпости Терауанъ. По свидѣтельству современниковъ, Шатеньерэ слылъ за милаго, благороднаго и ласковаго челоука, котораго любили, и иътъ съ тѣмъ побавлялся не на шутку. Про него говорили, что онъ *тяжолъ на руку, задоренъ и неуживчивъ* (*trop haut à la main, scallabreux et querelleux*). Для полноты описанія, послушаемъ, что говоритъ объ немъ его родной племянникъ,

(*) Дю-Вилларъ говоритъ, что сиръ Монпаль, на поединкѣ съ рыцаремъ Караеа, племянникомъ папы Павла IV, прозвалъ копьемъ боевое седло, наручники и кирасу своего соперника на пролетъ.

свръ Брантомъ (*): «Мой дядя внушалъ всѣмъ страхъ, потому что былъ охотникъ и мастеръ драться на шпагахъ. Онъ былъ необыкновенно силенъ, ростомъ не слишкомъ высокъ и не слишкомъ малъ, сложенъ очень хорошо, мускулистъ и худощавъ. Волоса у него были темные, но лицо — блѣое, нѣжное и пріятное; оттого и былъ онъ любимъ двумя наизвѣстнѣйшими дамами въ свѣтъ, о которыхъ я умолчу.»

Предчувствуя его будущее положеніе въ обществѣ, отецъ его примѣшивалъ ко всякой пищѣ своего малолѣтнаго сына порошокъ изъ золота, стали и желѣза. Средство это сообщалъ сенешалю «одинъ извѣстный неаполитанскій медикъ, въ то время, когда онъ былъ въ Италіи съ Карломъ VIII.»

Таковъ былъ человекъ, стоявшій въ главѣ приверженцевъ дофина Генриха. Съ другой стороны, герцогиня Детампъ и ея сторонники нашли ревностнаго защитника въ особѣ Гюи Шабо, владѣльца де-Жарнакъ, де-Монльё и де-Сентъ-Олей. Онъ происходилъ отъ одного изъ лучшихъ и почетнѣйшихъ домовъ Франціи, Италіи, Фландріи и Германіи. Въ качествѣ enfant d'honneur, онъ тоже принадлежалъ ко двору вмѣстѣ съ Вивономъ, съ которымъ былъ связанъ тѣснѣйшей дружбой и съ которымъ, скажемъ мимоходомъ, не разъ мѣрялся въ борьбѣ или въ бою на рапирахъ. Отецъ, съ раннихъ лѣтъ, сдалъ его на руки королю. Францискъ I звалъ его запросто — *Гишо*. Въ храбрости онъ не уступалъ Вивону, но не слылъ однакоже за большаго мастера въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, ни за любителя поединковъ. Онъ былъ старше Вивона десятию годами, съ честью служилъ въ Итальянскихъ войнахъ, и особенно отличился при Кремонѣ вмѣстѣ съ Бонивестомъ. Жарнакъ былъ зять герцогини Детампъ (**) и одинъ изъ самыхъ короткихъ ея приближенныхъ; по ея примѣру,

(*) Сестра Шатеньерэ, Анна Вивонъ, вышла за Франсуа, виконта де-Бурдейль, и имѣла отъ него сына Пьера де-Бурдейль, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Брантома, который родился въ 1540.

(**) Онъ женился въ 1540 г. на сестрѣ ея, Луизѣ де Писселё.

онъ придерживался новыхъ религіозныхъ идей (*); понятно, что Діана, ревностная католичка, не могла жаловать сира Жарнака. Монльё (такъ звали его нерѣдко при дворѣ) былъ хорошъ собою и отличался изящностью и великолѣпіемъ своего наряда. Любовныя интриги, къ которымъ онъ былъ очень счастливъ, хотя и не могъ похвалиться особенной скромностью, были почти исключительнымъ его занятіемъ.

Однажды въ Компьенѣ, среди дружеской бесѣды, Вивонъ сказалъ Жарнаку при дофинѣ: «Не понимаю, Гишо, какъ можешь ты такъ щеголять платьемъ и сорить деньгами, когда доходы твои, я знаю, очень не велики.» Монльё отвѣчалъ, что г-жа де-Жарнакъ, его мачиха (**), очень къ нему милостива, что отецъ его ни въ чемъ не отказываетъ своей женѣ, а онъ, угождая мачихѣ, выручаетъ черезъ нея отъ отца все нужное. Въ отвѣтъ этомъ не заключалось ничего оскорбительнаго; но дофинъ проболтался Діанѣ, а Діана, обрадовавшись случаю повредить зятю герцогини Детампъ, стала пересказывать его слова съ весьма невыгодной стороны для г-жи Жарнакъ, женщины безукоризненной и всѣми уважаемой. Нашлись злые языки, подхватившіе на лету эту вѣсть; клевета пошла гулять по городу и Жарнакъ узналъ, что его обвиняютъ въ хвастовствѣ и въ не совсемъ позволительныхъ отношеніяхъ съ мачихой. Възбѣшенный этой наглою клеветой и не зналъ кого винить, потому что обвинить можно было только дофина, онъ объявилъ, что распустившій этотъ слухъ или поддерживающій его—«злой человекъ и солгалъ безсовѣстно;» затѣмъ онъ бросился въ замокъ къ отцу своему, упалъ предъ нимъ на колѣни и всѣми силами оскорбленной души протестовалъ противъ злоумышленнаго толкованія своихъ словъ. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, бѣдный Жарнакъ убѣдилъ

(*) По смерти Франциска I, герцогиня, говорятъ, приняла тайно ученіе Кальвина. Жарнакъ послѣдовалъ ея примѣру.

(**) Мадельнъ де Понтононъ, молодая и хорошенькая женщина, вторая жена старика Жарнака.

отпа въ своей невинности и воротился въ Парижъ, гдѣ въ ту пору находился дворъ, съ твердымъ намѣреніемъ удовлетворить своему мщенію и загладить нанесенную ему обиду.

Дофинъ Генрихъ былъ первымъ виновникомъ или распространителемъ этой клеветы; на него падала полная отвѣтственность. Онъ скоро замѣтилъ, по глазамъ придворныхъ, что поступки его не находятъ одобренія и что онъ играетъ не совсѣмъ благородную роль. Что было слѣдствіемъ этихъ замѣчаній — исторія умалчиваетъ; по всей вѣроятности, толки эти дѣятельно поддерживались Діаной и Дофинъ не хотѣлъ ее разочаровывать. Какъ бы то ни было, но Вивонъ, стыдясь за Генриха и его ложное положеніе, въ надеждѣ угодить его любимицѣ, и можетъ быть и въ увѣренности, что Жарнакъ не захочетъ подвергаться вѣрной смерти въ борьбѣ съ нимъ, забывъ прежнюю дружбу и рѣшившись на не совсѣмъ честное дѣло: онъ сталъ разглашать повсюду, что готовъ отвѣчать Жарнаку, «потому что Гишо именно при немъ хвалялся своими преступными дѣлами, отъ которыхъ теперь отказывается».

Вивонъ и Жарнакъ приложили все возможныя старанія, чтобы получить отъ короля разрѣшеніе на поединокъ, на основаніи существовавшаго тогда уложенія о дуэляхъ. Францискъ I, любившій равно обонхъ, принялъ ихъ прошеніе и отдалъ его на разсмотрѣніе собственнаго своего Совѣта. Дѣло кончилось тѣмъ, что король отказалъ въ поединкѣ, объявивши, что «государь не долженъ позволять такихъ рѣшеній спора, отъ которыхъ нечего ждать добра.» (*)

Францискъ, безъ сомнѣнія, руководствовался добрыми намереніями; а между тѣмъ надо было теперь же приступить къ приложенію эдикта Филиппа Красиваго касательно поединковъ того времени, или навсегда отказаться отъ него. И въ са-

(*) Брантомъ прибавляетъ: «Онъ отказалъ еще по одной причинѣ, о которой я умолчу.»

момъ дѣлѣ, въ Уложеніи о поединкахъ короля Филиппа сказано: «Дабы поединокъ имѣлъ законную силу, надо, чтобы истецъ или вызыватель объявилъ, что онъ не можетъ доказать своей невинности чрезъ свидѣтелей, или ипаче, какъ только самъ лично (*par son corps*), на мѣсть битвы, какъ слѣдуетъ дворянину и честному челоуѣку, въ присутствіи короля, какъ верховнаго судіи, — и тогда уже долженъ бросать перчатку».

Въ концѣ этого уложенія, устанавлиющаго законность случаевъ для судебныхъ поединковъ, Филиппъ говоритъ слѣдующее: «Помолимся Богу, чтобы онъ подкрѣпилъ праваго... Кто ищетъ и не находитъ правосудія, тотъ получить его отъ Бога; если онъ, за свое правое дѣло, безъ гордости и злобы, проситъ поединка, ему нечего болѣться коварства и силы: Господь нашъ Иисусъ Христосъ, праведный Судія, приметъ его подъ кровь Свой.»

Не лучшее ли было время примѣнить теперь къ дѣлу этотъ законъ? Говоря правду, какой другой судъ можно было произвести для вознагражденія Вивона и изобличенія во лжи Жарнака? Свидѣтелей ихъ разговора не было, потому что Вивонъ, какъ ловкій придворный, отстранилъ дофина отъ этого дѣла и утверждалъ, что Жарнакъ наединѣ съ нимъ произнесъ тѣ слова, отъ которыхъ теперь отказывался. Не смотря однакожь на всѣ старанія обоихъ противниковъ, король оставался непреклоннымъ. Прошло много времени, въ теченіи котораго Шатеньеръ мучился отъ несправедливой обиды, нанесенной имъ г-жѣ де-Жарнакъ, а Мошль мучился вдвое, видя невозможность отомстить за клевету, виновникомъ которой считалъ онъ своего прежняго друга.

Современныя лѣтописи не говорятъ ни слова о дѣйствіяхъ Жарнака и его семейства, ни о томъ, что дѣлалъ Шатеньеръ послѣ рѣшенія королевскаго Совѣта до самой смерти Франциска I, послѣдовавшей въ 1547 году. Рассказываютъ только, что Пьетро Строцци не задумался присовѣтовать Вивону отдѣлаться отъ Жарнака *во что бы то ни стало* (*in ogni modo*), т. е. посредствомъ убійства. Онъ даже предлагалъ ему 100,000 эку,

хранившихся на его имя въ банкѣ Венеціанской республики, куда совѣтовалъ отправиться Вивону и жить до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ гнѣвъ короля, котораго, разумѣется, оскорбило бы нарушеніе запрещенія, и огорчила смерть Жарнака, родственника и друга герцогини Детампъ. Сколько извѣстно, иррелигіозныя правила Строщи, равно какъ понятія его о справедливости, не дѣлаютъ чести этому человѣку.

II.

По восшествіи на престолъ Генриха II, Вивонъ немедленно возобновилъ свою просьбу, которую покойный король отвергъ рѣшительно, угрожая обоимъ противникамъ самымъ строгимъ наказаніемъ, если они не уважатъ его запрещенія. Генрихъ II, желая угодить Вивону и прекратить это невыгодное для самого себя дѣло, разрѣшилъ поединокъ.

Положеніе Жарнака при дворѣ было незавидно; почти все были противъ него. Послѣ смерти Франциска I, покровительница его была въ изгнаніи. Удаленіе герцогини Детампъ было первымъ дѣломъ Генриха, или вѣрнѣе, дѣломъ Діаны, которая, впрочемъ (надо отдать ей справедливость) удовольствовалась только тѣмъ, что выслала любимицу покойнаго короля въ ея владѣнія и всѣхъ приверженцевъ ея отставила отъ мести и замѣнила своими друзьями.

Любопытно прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ это судебное производство дѣла, которое должно было привести соперниковъ къ окончательной раздѣлкѣ; я ограничусь только главными, существенными его сторонами. Какъ ни долго длились приготовленія къ этому поединку, его все-таки должно признать однимъ изъ самыхъ менѣе продолжительныхъ судебныхъ поединковъ, сохранныхъ намъ исторіей. Обряды, сопровождавшіе это событіе, были тѣ самыя, которые предписывались юриспруденціей для смертныхъ поединковъ. Надо припомнить, что Францискъ I и Карлъ Пятый не разъ объ-

нивались вызовами (*) и никакъ не могли сойтись въ выборъ мѣста, оружія и другихъ формальностей. — Дѣло сира Мерода съ сиромъ Бенавидесъ, въ Мантуѣ, подало поводъ къ нескончаемымъ спорамъ, разсужденіямъ и ученымъ запискамъ насчетъ рѣшенія вопроса: дозволить ли противникамъ сверхъ панциря какую-то желѣзную пластинку, которой требовалъ сиръ Бенавидесъ, отъѣчикъ; кончилось тѣмъ, что поединокъ не состоялся... Укажемъ также на дуэли сира Ла-Перинь съ Тинтвилемъ, и сира де-Венье съ Санзаемъ, совершившіяся съ дозволенія и на глазахъ самаго Франциска I, въ 1537 г. Въ первомъ случаѣ, сиръ Ла-Перинь явился одинъ на арену, а противникъ его отназаяся; Санзай и Венье напротивъ дрались очень ловко, и король разнялъ ихъ подъ конецъ, бросивъ свою золотую палицу на мѣсто боя. Тѣмъ же самымъ кончился поединокъ въ Вальядолидѣ, при Карлѣ V, между двумя аррагонскими дворянами Педро Торилья и Иеронимо Анка. Очень любопытенъ тоже вызовъ Людовика, герцога Орлеанскаго, Генриху IV, королю Англійскому въ 1402 году, и переписка по этому дѣлу.

Событія эти почти всегда подавали поводъ къ нескончаемымъ спорамъ. Брантомъ разсказываетъ про одного дворянина, который хвалился тѣмъ, что цѣлыхъ два года мучилъ своего соперника, безпрестанно придумывая разныя ничтожныя условія дуэли. Безусловное право отъѣчика (**) назначать истцу оружіе, и при томъ въ неопредѣленномъ количествѣ, имѣло также цѣлью ввести въ неисчислимыя издержки истца, который обязывался запасть всѣми лошадьми, конскими доспѣхами, оружіемъ для пѣшихъ или всадниковъ, вообще всѣмъ, что угодно было придумать его противнику. Кромѣ того, другія издержки, плата герольдамъ, нота-

(*) Первые вызовы (cartels) отъ Франциска I и Генриха VIII, Карлъ Пятый получилъ въ Бургосѣ. Герольдомъ французскаго короля былъ Гиень; герольдомъ англійскаго — Кларенсъ.

(**) Утвержденное формально эдиктомъ 1307 года.

риусамъ, и пр. и пр. составляли значительную сумму. Такимъ образомъ бѣдный дворянинъ, о которомъ говоритъ Брантомъ, въ два года истратилъ 100,000 эку и разорился въ конецъ; сверхъ того, онъ получилъ въ утѣшеніе — добрый ударъ шпагой. Это право выбирать оружіе доходило до нелѣпости; не только допускаемы были самыя причудливыя выдумки, но и въ послѣдній часъ передъ боемъ, отвѣтчикъ могъ потребовать новыхъ оружій, о которыхъ не было упомянуто въ его росписи, — и это случалось весьма нерѣдко, для того, чтобы смутить и озадачить противника, который, не зная на чемъ придется ему биться на ристалищѣ, не могъ имѣть возможности научиться владѣть именно этимъ оружіемъ. Брантомъ рассказываетъ, что въ одномъ дѣлѣ, истецъ былъ чловѣкъ лишенный лѣваго глаза; а въ росписаніи оружія, представленномъ отъ отвѣтника, опредѣлено было, чтобы оба соперника имѣли на головѣ шишакъ, герметически прикрывающій правую сторону лица, слѣдовательно, правый глазъ, такъ что, вооруженный такимъ образомъ, истецъ явился бы вовсе слѣпымъ на арену. Трудно повѣрить, какъ доставало еще духу у *крестныхъ отцовъ* и *повѣренныхъ* (такъ назывались тогда свидѣтели или секунданты дуэли) просидѣть нѣсколько дней за обсуживаніемъ этого условія, которое, впрочемъ, было отвергнуто послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ.

Письмо Вивона къ Генриху II, тотчасъ послѣ его восшествія на престолъ, было слѣдующаго содержанія:

Королю, моему великому государю.

«Ваше Величество!»

«Свѣдавши, что Гншо Шабо, въ бытность свою въ Компіенъ, въ царствованіе покойнаго короля, объявилъ, что обвинившій его въ хвастовствѣ на счетъ его короткихъ связей съ его мажоромъ, неблагонамѣренный и негодный чловѣкъ, я имѣю честь донести В. В. что онъ злой обманщикъ; ибо онъ хвасталъ не разъ передо мною.

Франсуа де-Вивонъ.»

Черезъ нѣсколько дней, Вивонъ написалъ королю второе письмо:

«..... Ваше Величество! умоляю Васъ даровать мнѣ поле, на которомъ я павренъ доказать оружіемъ, вышеназначенному Гию Шабо, то, что я сказалъ и на чемъ стою и теперь, для того, чтобы мои руки смыть ту обиду, которую нанесъ онъ Богу, своему отцу и правосудию.

Франсуа де-Вивонъ.»

Жарнакъ первый изблчилъ во лжи, въ слѣдствіе чего Вивонъ выступалъ противъ него какъ истецъ и вызыватель, а Жарнакъ становился защитникомъ и отвѣтчикомъ.

Жарнакъ послалъ тогда королю слѣдующій вызовъ (картель) (*):

«Королю моему Государю.

«Ваше величество,

«Съ Вашего соизволенія, я объявляю, что Франсуа де-Вивонъ солгалъ, взводя на меня обвиненіе, о которомъ я говорилъ въ Компьенъ, и посему прошу униженно Ваше Величество, дозволить намъ смертный поединокъ.

Гюи Шабо.»

Кромѣ того, Жарнакъ писалъ къ Безіерскому епископу, одному изъ приближеннѣйшихъ къ королю лицъ, и просилъ его исходатайствовать разрѣшеніе дѣла:

«Подпись этого письма засвидѣтельствуетъ вамъ, что если королю благоугодно будетъ удѣлить уголокъ въ своемъ королевствѣ для разрѣшенія оружіемъ моего спора съ Шатеньеръ, я бодро понесу оружіе и докажу, что не даромъ пользовался милостию покойнаго короля Франциска и нынѣ царствующаго короля, моего Государя, и съумѣю зажать глотку сира Шатеньеръ—фунтомъ желѣза (d'une livre de fer.).

Вашъ нижайшій слуга

Гюи Шабо.»

(*) Картель отъ латинскаго cartula.

Вызовъ Жарнака вмѣстѣ съ этимъ письмомъ представленъ былъ Вивону, который послалъ тогда королю другой вызовъ:

«Вашему Величеству извѣстенъ споръ между Гишо Шабо и мною, о которомъ я читалъ письмо за его подписью, онъ предлагаетъ выйти на поединокъ, и бодро нести оружіе, дабы оправдать милость къ нему покойнаго короля и вашу, хвалясь, что онъ зажметъ мнѣ ротъ кускомъ желѣза. И потому, увѣренно прошу Ваше Величество дозволить намъ поединокъ въ вашемъ королевствѣ, для рѣшенія нашего спора.

Франсуа де-Вивонъ.»

Прошеніе это было читано въ королевскомъ Совѣтѣ, который поставилъ слѣдующее рѣшеніе:

«Опредѣлено: отправить это письмо вышеписанному Шабо чрезъ королевскаго герольда, дабы получить отъ него отвѣтъ, какой онъ почтетъ нужнымъ.

«Подписано въ королевскомъ совѣтѣ, въ l'Isle-Adam, 23 апрѣля 1547.

«де л'Обепинъ» (*).

Гиенъ, королевскій герольдъ, по просьбѣ Шатеньерэ, отправился 25 апрѣля въ Лимуръ къ герцогинѣ Детампъ, гдѣ думалъ найти Жарнака, но засталъ только его жену и нѣсколькихъ приверженцевъ герцогини, и въ числѣ ихъ ея конюшаго, сира Дипенъ, Грелюра и де-Вилля, которымъ и сообщилъ онъ привезенныя бумаги; затѣмъ, поверотивши назадъ, онъ прибылъ въ Ляль-Адамъ съ извѣстіемъ, объ исполненіи порученія. На другой день, 26 апрѣля, онъ нашелъ Жарнака въ Сенъ-Клу и объявилъ ему о вызовѣ Шатеньерэ. Жарнакъ поблагодарилъ его за добрую вѣсть и сказалъ, что очень обрадованъ согласіемъ короля на поеди-

(*) Приказъ написанъ былъ внизу на вызовѣ Вивона.

номъ , что первымъ долгомъ считаетъ исполненіе воли Его Величества, которому онъ преданъ безгранично. При этомъ объявленіи герольда присутствовали де-ла Гаржерн , Ла Рошпозай, де-Фонтенель и многіе другіе дворяне. Письменное объявленіе Шабо перевесено было въ домашній королевскій Советъ въ Сень-Жерменъ. Нѣсколько привцевъ крови, коннетабль и маршалы Франціи, и другіе сеньюры и начальники созваны были туда же. Почтительный тонъ Жарнакова отвѣта одобренъ былъ единодушно всѣми. Большинство присутствующихъ властей настаивало на томъ, чтобы не допустить поединка; Генрихъ , который всегда потворствовалъ Вивову, рѣшилъ иначе. Въ слѣдствіе этого, отправлены были письма въ родъ военныхъ грамотъ (patente de camp). Бретань, герольдъ Франціи, явился 13-го іюня въ улицу Сентъ-Оноре, въ домъ Жарнака, котораго засталъ въ бесѣдѣ съ капитаномъ Казн, Жоржемъ Борегаромъ, Ліономъ д'Аньеръ и Лоренъ-де-Коссардомъ, и предъявилъ ему этѣ грамоты, вмѣстѣ съ новымъ вызовомъ, въ которомъ Вивонъ, повторивши въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ свои оскорбительныя небылицы насчетъ Жарнака и его шачихи , прибавилъ слѣдующее:

«Гішо Шабо! Посылаю вамъ грамоту, даваю мнѣ королемъ, по которой обязуюсь я дѣйствительнымъ оружіемъ, приличнымъ честному дворянину, доказать вамъ, что вы мнѣ сказали, и пр. и пр. Ожидая черезъ четыре дня въ Парижъ, въ Турнели, вашего назначенія, какимъ долженъ я запастись оружіемъ.

Бумагу сію 12-го іюня тысяча пять-сотъ сорокъ седьмого года подписалъ

«Франсуа де-Вивонъ.»

«При подписаніи присутствовали мы, Франсуа де-Лорренъ, графъ Омальскій.»

Жарнакъ, выжидавшій только минуты, когда ему можно будетъ составить для противника росписаніе лошадей и ору-

2*

жя, тотчасъ же отправилъ черезъ королевскаго герольда, Ангулема, слѣдующее требованіе:

«Франсуа де-Вивонъ, запаситесь оружіемъ для того дня, который будетъ назначенъ.

«Вопервыхъ, должны вы заpastись бѣгуномъ (coursier), турецкимъ конемъ, испанскимъ жеребцомъ (genêt) и кургузой лошадыо (courtaud).

«За тѣмъ, для бѣгуна вы должны пріобрѣсти сѣдло военное, сѣдло боевое, и сѣдло, въ которомъ бы было два пальца (дюйма) вышины, передняя лука низенькая, а сзади двѣ мягкихъ подушки; и еще одно сѣдло безъ луки назади.

«Означенныя выше лошади должны быть снабжены этими сѣдлами, а испанскій жеребецъ долженъ кромѣ того имѣть сѣдло съ короткими стремянами и сѣдло караманское, а турецкій конь—сѣдло турецкое и сѣдло французское, съ передней лукой въ два пальца вышины и съ низкой задней лукой.

«Кургузая лошадь должна имѣть при себѣ сверхъ того сѣдло французское и другое сѣдло безъ задней луки и безъ подушки назади, а переднюю луку съ ея продолженіемъ до половины ноги (avec sa rencontre à demi-cuisse.).

«Всѣ лошади должны быть вооружены стальными латами и принадлежащими къ латамъ вещами: желѣзнымъ наглавникомъ, желѣзными пахвями и набедренниками

«Всѣ четыре лошади должны имѣть при себѣ полный стальной приборъ, кожаныя латы, попону изъ кольчуги, возжи вышитыя серебряной битью.

«Сами вы должны имѣть при себѣ всѣ оружія, необходимыя для воина.

«Кромѣ того вы должны заpastись легкими конскими латами со всѣми принадлежностями.

«Должны заpastись всякаго рода кольчугами.

»Щитомъ и шлемомъ à la genetaire.

«Длиннымъ албанскимъ тарчемъ и другими все возможными щитами, необходимыми для пѣшаго или для всадника.

«Всякаго рода желѣзными перчатками, кольчугами и стальными бляхами.

«Вы и ваши лошади должны быть снабжены всякимъ оружіемъ, употребляемымъ на войнѣ, на турнирѣ, на смертномъ поединкѣ.

«Оружіе, не употребляющееся на войнѣ, на турнирѣ, на смертномъ поединкѣ, понесу я за васъ и за себя и буду употреблять его или отбѣнять, по моей доброй волѣ.

Подписано въ Парижѣ 16 іюня 1547 года.

Гюи Шабо.»

Ангумель (*) отправился на домъ къ Вивону и составилъ тамъ слѣдующую записку:

«Сего шестнадцатаго іюня тысяча пять-сотъ сорокъ седьмого года, бывши въ городѣ Парижѣ, по просьбѣ Гюи Шабо, сира де Монье, я, Ангумель, герольдъ королевскій, прибылъ къ Франсуа де-Вивонѣ, сирю де ла-Шатепьерэ, живельствующему на улицѣ Севтъ-Антуанъ, въ домѣ Симошъ де-Рю, вдовы Жана де-Прэ, бывшаго камердинера покойнаго короля, около семи часовъ вечера, еще до заходенія солнца. Оному Франсуа де-Вивону я вручилъ бумагу, подписанную вышенареченнымъ Шабо, копія съ которой составлена мною въ цѣлости и точности, въ которой бумагѣ объявляется Вивону, какимъ оружіемъ долженъ онъ завѣстись въ назначенный для поединка день, по королевскому приказанію. Онъи Вивонъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что одобряетъ содержаніе статей этой бумаги, которую я прочелъ ему отъ слова до слова, въ присутствіи сира барона де-Куртовъ, многихъ

(*) Оберъ-герольды и герольды назывались по имениамъ городовъ или провинцій: Гиевъ, Бретань, Ангумель и пр. Ассистенты (poursuivans d'armes), служившіе имъ адъютантами, носили разныя шуточныя названія *Не-лжець* (Sans-Mentir), *Зелень* (Verdure), *Яскоглядъ* (Claire-Voye), *Септлякъ* (Verluisant) и пр. У каждаго оберъ-герольда было подъ начальствомъ два герольда; у каждаго изъ герольдовъ—два ассистента.

другихъ дворянъ и Вильгельма де Пасенъ и Жаца Труве, королевскихъ нотаріусовъ въ Парижѣ.

«Подписано: *Ангулемъ*. — А по прочтеніи этой, мною составленной записки, оный Вивонъ сказалъ мнѣ только слѣдующія слова: «Жарнакъ хочетъ бороться съ моимъ духомъ и съ моимъ кошелькомъ!»

Вивонъ намекалъ этимъ на страшныя издержки, въ которыя введетъ его требовательный соперникъ; собственные средства, разумется, не могли бы выручить его въ этомъ случаѣ, если бы не помогъ ему деньгами король, въ дѣлѣ котораго онъ съ такимъ великодушіемъ вызвался быть заступникомъ.

Слишкомъ за мѣсяцъ до поединка, Шатеньерэ не выходилъ изъ дома безъ свиты изъ 120 дворянъ, одѣтыхъ въ его ливреп. По словамъ Вьельвиля, «онъ немилосердо сорялъ деньгами, тратя въ день до 1,200 экю. Къ его счастью, король, любившій его безъ памяти, давалъ ему всѣ средства.» Жарнакъ, напротивъ, не роскошничалъ, а бралъ уроки у капитана Кази, человѣка весьма опытнаго въ дѣлѣ поединковъ, и, какъ видно будетъ впоследствии, уроки эти не пропали даромъ. По совѣту капитана, потребовалъ онъ въ послѣднюю минуту, чтобы Вивонъ на лѣвую руку, въ которой держать щитъ, падѣлъ нарукавникъ, благодаря которому онъ рѣшительно не могъ согнуть руки и она стала какъ деревянная. Раненный въ правую руку и жестоко страдая отъ раны, Вивонъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія поборотъ Жарнака. Графъ Мартиненго, схватившись на мосту рѣки По съ другимъ итальянскимъ офицеромъ, прибѣгнулъ къ той же самой хитрости.

День поединка назначенъ былъ 10 іюля. Оба противника должны были сперва выбрать себѣ свидѣтелей. Надо принять къ свѣдѣнію, что король не хотѣлъ дозволить Франсуа Вандомскому быть свидѣтелемъ Жарнака, и на мѣсто его утверждены были де-Буази. Со стороны Вивона явился свидѣтелемъ графъ Омальскій. Секундантами (*confidens*) Шатеньерэ были: де-Мовлюкъ, д'Ориель, де-Фрегонци и графъ Бер-

лигиери; секундантами Жарнака — Клерво, Кастельнау, Карружъ и д'Амблевиаль.

Самоувѣренность Вивона превосходила всякое въроугіе. По словамъ Карлуа, секретаря маршала Вьельвиала, «Шатенбергъ столько же боялся своего непріятеля, сколько левъ боится собаки;» но онъ жестоко ошибся. «Онъ много повредилъ себя, говорить Монлюкъ, собственнымъ хвостовствомъ и высокоуміемъ; онъ былъ невнимателенъ къ божественной службѣ передъ боемъ. Онъ и не думалъ просить Бога о помощи. Напротивъ того, Жарнакъ то и дѣло посѣщалъ церкви, монастыри, поручалъ себя Богу, говѣлъ по обычаю и принималъ св. Тайны въ самый день битвы, прослушавши съ благоговѣніемъ литургію. После поединка, онъ измѣнилъ свою жизнь, по пословицѣ: *passato il pericolo, gabbato il santo* (*), потому что сдѣлался отчаяннымъ гугенотомъ.»

За нѣсколько дней до поединка, король со всемъ дворомъ отправился въ Сень-Жерменъ. Генрихъ II хотѣлъ, чтобы дуэль была въ этомъ городѣ и объявилъ, что будетъ самъ присутствовать при этомъ торжествѣ. Коннетабль, сиръ де-Монморанси, сдѣлалъ все необходимыя распоряженія и выбралъ для мѣста боя площадь на восточной сторонѣ замка, гдѣ нынѣ находится мѣсто устланное дерномъ (*boulingrin*). Монморанси былъ еще коннетаблемъ въ 1559 году и следовательно предсѣдательствовалъ на турнирѣ, когда Генрихъ II былъ смертельно раненъ де-Лоржемъ, сиромъ де-Монгомери. Отдѣляли разстояніе, предписанное законами (**); устроили скамьи лицомъ къ барьеру; обѣ палатки противниковъ поставлены были по правую и по лѣвую сторону короля, по обѣимъ концамъ арены; бесѣдки ассистентовъ, по четыремъ угламъ ограды. Приняты были тоже строгія полицейскія мѣры

(*) Прошла опасность, въ сторону святоѣ.

(**) Сорокъ шаговъ ширины, и восемьдесятъ длины. (Уложеніе Филиппа. Статья XVIII).

для охраненія барьера, потому что съ ранняго утра толпы народа стекались изъ Парижа въ Сень-Жермень, привлекаемыя любознательствомъ и прекрасной погодой. Эти толпы произвели большое смятеніе въ тотъ мигъ, когда оба соперника вышли на арену (*). Шайка негодлевъ, прибывшая въ Сень-Жермень, для производства своего ремесла, бросилась на палатки, гдѣ Шатеньера приготовилъ великолѣпный ужинъ для угощенія друзей своихъ послѣ битвы — до того увѣренъ былъ онъ въ успѣхъ. Въ одну минуту все было разграблено: «съѣстные припасы и вина растащены голодной чернью; кухонная посуда и великолѣпные серебряные приборы, собранные изъ семи или восьми богатѣйшихъ домовъ, исчезли ни въсть куда, и въ заключеніе всего, сотни тысячъ палочныхъ ударовъ посыпались на весь этотъ народъ изъ рукъ полицейскихъ служителей и главнаго распорядителя пира (**).» То была маленькая комедія передъ началомъ трагедіи.

Кромѣ Карла Бурбонскаго, ни одного принца крови не было около короля въ этомъ обстоятельствѣ; все она послѣдовали примѣру Франсуа Вандомскаго (***), который не явился на поединокъ, негодуя на Генриха, что онъ не позволялъ ему быть свидѣтелемъ Жарнака. Исторія не говоритъ, была ли здѣсь Екатерина Медичи; но прекрасная Діана, сестра короля, тетка его Маргарита Валуа, принцессы и множество придворныхъ дамъ не преминули насладиться кровавымъ зрѣлищемъ.

Жарнакъ въ послѣднюю минуту рѣшилъ, что поединокъ будетъ пѣшій; впрочемъ, обычай этотъ велся уже съ давнихъ поръ и былъ почти повсемѣстнымъ. Судя по длинному списку штатсъ-дамъ и фрейлинь королевы и принцессы, дошедшему до насъ отъ очевидцевъ этого происшествія, должно предположить, что скамейки и ложи были роскошно

(*) Было уже довольно поздно, и солнце клонилось къ западу.

(**) Изъ записокъ Вельвилля.

(***) Франсуа Вандомскій, вѣдѣтъ Шартрскій, первый принцъ крови.

изукрашены. Множество сеньоровъ и почетныхъ дворянъ, отличившихся въ послѣдствіи во время религіозныхъ войнъ, присутствовали при этой битвѣ. Графъ Омальскій, Карль Бурбонскій, маршалы Сентъ-Андрэ и Седонъ, де Бриссанъ, Биропъ, де-Таванъ и Монлюкъ, пятеро сыновей коннетабля (*), и маркизь де-Вилларъ, его братъ; адмиралъ де-Шатильонъ, д'Ессъ, де Шарни, де-Брионъ, Вьельвилъ, Вурдильонъ и множество другихъ воиновъ, славныхъ своимъ происхожденіемъ и храбростью, съ трепетомъ ожидали, чѣмъ разрешится этотъ страшный, давно предвидѣнный бой.

Вся эти царедворцы, изъ которыхъ весьма немногіе расположены были къ Жарпаку, все увѣревы были въ побѣду Вивона (**). Присутствіе короля и королевской фамилии придавало несмысленную важность этому зрѣлищу; за то и коннетабль предписалъ соблюденіе во всей строгости торжественныхъ обрядовъ, установленныхъ на эти случаи древнимъ законодательствомъ.

III.

На восходѣ солнца, 10-го іюля 1547 года, герольдъ Гиень объявлялъ во всеуслышаніе по обомъ концамъ арены слѣдующій приказъ :

« Сегодни, десятаго числа текущаго мѣсяца, государь нашъ король дозволилъ смертный поединокъ Франсуа де Вивона съ сиротъ де-Монльё, для рѣшенія оружіемъ открывшейся между ними распри.

(*) Не смотря на увѣщанія и мольбы умирающаго Франциска I, Генрихъ, по восшествіи на престолъ, вседневно зывалъ коннетабля изъ Шантильи и взврилъ ему постъ, занятый адмираломъ д'Анебо, который былъ тутъ же удаленъ отъ дѣлъ. Омальскій заступилъ мѣсто кардинала Турнона въ Советъ; Сентъ-Андрэ вошелъ въ большую милость. Вивонъ сдѣлавъ былъ начальникомъ французской пехоты.

(**) Слава Вивона какъ «ехтовальщика была такъ велика, говорить Брантомъ, что когда одинъ піемонтскій офицеръ объявилъ о его смерти, товарищъ назвалъ его обманщикомъ. Они дрались, и вѣстошникъ былъ убитъ.

«Въ слѣдствіе чего, именемъ короля объявляю я всѣмъ, чтобы никто не препятствовалъ совершенно поединку, не помогалъ и не мѣшалъ обонимъ противникамъ, подѣ страхомъ смертной казни.»

Арена была двойная; пространство между первымъ и вторымъ барьеромъ занято было служителями коннетабля и королевской стражей. Внизу, подѣ бесѣдкой коннетабля устроенъ былъ тоже выходъ. По правую сторону бесѣдки прохаживались четверо судейскихъ приставовъ и палачъ съ веревкою, олицетворявшія собою ту страшную, унижительную участь, которая, по законамъ, ожидала трупъ ладшаго въ поединкѣ. Подѣ судейской галлереей, на столѣ, покрытомъ золотымъ сукномъ, стоялъ служебникъ, распятіе и *te igitur*; служитель Бога смиренно стоялъ подѣ стола.

Сейчасъ же послѣ воззванія герольда, Вивонъ вышелъ изъ дому, въ сопровожденіи свидѣтеля и друзей своихъ, числомъ болѣе пяти сотъ, одѣтыхъ въ бѣлый и алый цвѣта. Во главѣ шествія несли образъ святаго Франциска на хоругви; за образомъ—щитъ и шпагу Вивона; подѣ конецъ шли музыканты съ трубами и тамбуринами. Вся процессія обогнула кругомъ арену; за тѣмъ щитъ Вивона, украшенный его гербомъ, повѣшенъ былъ на столбъ по правую руку отъ королевской бесѣдки. Франсуа де-Вивонъ, сеньоръ де-ла Шатеньерэ имѣлъ въ гербовомъ щитѣ *горностая*. У правой стороны барьера встрѣтилъ его коннетабль съ обычными формальностями, и отобравши отъ него должныя объясненія, препроводилъ въ правую палатку, въ ожиданіи вызова на арену.

Тѣ же обряды повторены были и надѣ Жарнакомъ. Онъ выступилъ въ сопровожденіи своего свидѣтеля и ста двадцати дворянъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья съ чернымъ. Впереди несли хоругвь съ образомъ Божіей Матери. Жарнакъ, подобно Вивону, вооруженъ былъ всѣмъ необходимымъ, кромѣ верхняго вооруженія, которое несли его оруженосцы вмѣстѣ съ его шпагой и круглымъ щитомъ. Вся свита, съ музыкантами во главѣ, обошла кругомъ арены, послѣ чего щитъ Жарнака повѣшенъ былъ на столбъ, по лѣвую руку, близъ королевской

бесядки. Гюи Шабо, сеньоръ де Жарнакъ имѣлъ въ гербѣ на золотомъ полѣ три головастика, на подобіе двухъ столбовъ съ перекладиною (*à trois chabots de gueule posés en saix.*). Барьеръ отворенъ былъ съ лѣвой стороны и онъ вошелъ въ свой павильонъ, въ ожиданіи начала боя. «Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, свидѣтели и секунданты обонхъ противниковъ приступили къ обсужденію выбора мѣста и оборонительнаго оружія.»

Не трудно было условиться насчетъ выбора мѣста; прочтены были вършія письма и помѣчены герольдами. Положено было, если сломаются шпаги, то взять новыя. Графъ Омальскій долженъ былъ присутствовать при *соглашеніи на счетъ оружія* (*concordance des armes*). Секунданты разошлись тогда по палаткамъ обонхъ соперниковъ. Въ половинѣ восьмага началось *concordance des armes*. Вильмарель, д'Юрфё, баронъ де-ла-Гардъ и Сень-Жюльенъ выступили въ строгомъ порядкѣ, при звукѣ трубъ и барабанномъ боѣ. Они несли *кольчужный нараменикъ* (*gousset de mailles*) и остановились передъ королевской трибуной, въ присутствіи коннетабля и маршаловъ. Тамъ графъ Омальскій разглядѣлъ нараменикъ, далъ помѣрить его каждому изъ соперниковъ и вручилъ какъ засвидѣтельствованное оружіе — Вивону.

Де-ла-Вогіонъ, д'Юрфё, баронъ де-ла-Гардъ и Сень-Жюльенъ принесли тѣмъ же порядкомъ желѣзную перчатку для правой руки, которая была осмотрѣна свидѣтелями Вивона и одобрена ими. При этомъ случаѣ, графъ Омальскій сказалъ, что онъ будетъ протестовать противъ неупотребительныхъ оборонительныхъ оружій, которыя Жарнакъ, какъ ему было извѣстно, намѣренъ былъ требовать отъ своего противника, и прибавилъ, что «время, потраченное на пустые переговоры, принесетъ вредъ означенному Жарнаку.» На что д'Юрфё отвѣчалъ съ гордостью, что «сиру Жарнаку остается еще цѣлыхъ шесть часовъ до окончательной победы надъ врагомъ!» Тогда было десять часовъ утра.

Вскорѣ послѣ, на тоже самое мѣсто съ тѣми же обрядами и въ присутствіи тѣмъ же судей, Бріонъ, Левисъ, д'Юрфё, де-

ла-Гардъ и Сень-Жюльенъ принесли два нарукавника для лъвой руки и предложили графу Омальскому выбрать одинъ нарукавникъ для Вивона. Омальскій воспротивился, говоря, что это оружіе неупотребительное и что онъ не можетъ принять его. Споръ этотъ перенесенъ былъ на обсужденіе коннетабля и маршаловъ, которые рѣшили иначе въ силу послѣдней статьи росписанія оружія, представленнаго отъ Жарнака. Вивонъ принужденъ былъ взять одинъ нарукавникъ (*brassard*), а другой остался для противника.

Сынъ сира д'Юрфё, вмѣстѣ съ прочими друзьями Жарнака, принесъ двѣ эполеты для лъвой руки; одна изъ нихъ выбрана была истцомъ, а другая предоставлена отвѣтчику. За тѣмъ, де-Сень-Ванрай и друзья отвѣтчика выставили огромный стальной щитъ съ остриемъ, длиною въ четверть и хорошо навареннымъ сталью, на что Омальскій отвѣчалъ, что Шатеньерэ не имѣетъ при себѣ щита такой формы. Судьи рѣшили, чтобы истецъ досталъ себѣ такой же круглый щитъ, либо действовалъ тѣмъ, который принесъ съ собою. Тогда, для разрѣшенія этого спора, Жарнакъ предложилъ противнику выборъ изъ двухъ другихъ щитовъ—и Вивонъ взялъ одинъ щитъ на свою долю.

Сынъ де-Лоржа принесъ желѣзную рукавицу для лъвой руки, и рукавица была принята. Наконецъ Куртинье и Бомонъ, съ подобающей торжественностью, принесли, первый—*жакъ*, второй—два шишака,—что было принято Омальскимъ безъ затрудненія.

Такимъ образомъ обѣ стороны условились насчетъ оборонительнаго оружія. Тогда герольдъ провозгласилъ слѣдующій кличъ :

«Слушайте, послушайте, сеньоры, кавалеры и оруженосцы, и всякаго рода людъ!—Именемъ короля, я объявляю во всеобщее свѣдѣніе: когда бойцы выйдутъ на битву, всѣ присутствующіе должны хранить молчаніе, не вести разговоровъ, не кашлять, не плевать, не дѣлать никакихъ знаковъ ногами, руками или глазами въ ущербъ или въ пользу бойцовъ. Въ

особенности объявляю отъ имени короля всѣмъ, какого бы они роду или званія ни были, что во время боя подъ страхомъ смертной казни запрещается входить на арену, помогать кому нибудь изъ сражающихся, если не получено на то особеннаго разрѣшенія отъ господъ коннетаблей и маршаловъ Франціи.»

Шатеньерэ, истецъ, вооруженный своимъ оружіемъ, былъ тутъ же выведенъ изъ палатки графомъ Омальскимъ и введенъ на арену, въ сопровожденіи своихъ свидѣтелей и всей свиты; во главѣ процессіи шли музыканты, герольды и ассистенты, державшіе въ рукъ голубую палицу съ серебрянымъ или золотымъ крестомъ на верху.

Послѣ него, Жарнакъ, *отвѣтчикъ*, выведенъ былъ оберъ-штаблмейстеромъ, въ сопровожденіи своихъ друзей и свидѣтелей, при звукѣ трубъ и барабанномъ бѣ; впереди его, по установленному церемоналу, шли герольды и ассистенты. Передъ нимъ несли наступательное оружіе: четыре шпаги, которыя держали д'Юрфё, де-ла-Гардъ, Сень-Жюльенъ и де-Сезай, и четыре кинжала, два большіхъ и два маленькіхъ, которые держали де-Сень-Ванрай и де-Бомонъ.

Когда процессія проходила мимо королевской бесѣдки, оба соперника преклоняли колѣна на бархатную шпигую золотомъ подушку, и, выслушавши увѣщанія священника, въ присутствіи коннетабля, произнесли на Святомъ Евангеліи слѣдующую клятву:

Клятва истца.

«Я, Франсуа де-Вивонъ, клянусь святымъ Евангеліемъ, честнымъ Крестомъ Господа нашего и Его святымъ Крещеніемъ, что выхожу на бой за доброе и правое дѣло противъ Гюи Шабо, который беретъ на себя злое и неправое дѣло защищаться противъ меня. И не имѣя на себѣ, ни на оружіи моемъ никакихъ чаръ и талисмановъ, которыми бы могъ я дѣйствовать противъ своего врага, я всю надежду возлагаю на единого Бога, на правоту своего дѣла, крѣпость мышцъ своихъ и силу своего оружія».

Клятва ответчика.

«Я, Гюи Шабо, клянусь Святымъ Евангелиемъ, честнымъ Крестомъ Господа нашего и Его Святымъ Крещениемъ, что я беру на себя доброе и правое дѣло, защищая себя противъ Франсуа де Вивона. И не имѣя на себя, ни на оружіи моемъ никакихъ чаръ и заклинаній, которыми бы я могъ дѣйствовать противъ своего врага, я всю надежду возлагаю на единого Бога, на правоту своего дѣла, крѣпость мышцъ своихъ и силу своего оружія».

Обоихъ соперниковъ поставили на обычные мѣста, другъ противъ друга и приступили къ выбору наступательнаго оружія, въ присутствіи короля, коннетабля и маршаловъ Франціи. Оружіе это были—двѣ обыкновенныя, удобоносимыя шпаги. Чашки этихъ шпагъ были обѣ одномъ окъѣ и съ отверткой (*à une croisée et à ras-d'âne*); за тѣмъ, отобраны были четыре остроконечныхъ кинжала (*daguettes*), по два для каждого бойца; кромѣ того, двѣ запасныхъ шпаги вручены были коннетаблю, въ случаѣ, если изломаются шпаги соперниковъ. Шпаги были даны въ руки бойцамъ, а кинжалы повѣшены на обычное мѣсто. Секунданты и свидѣтели ихъ простлились и отошли отъ противниковъ, желая имъ счастливаго исхода дѣла (успѣха). Почти въ тоже время герольдъ Нормандіи, находящійся въ центрѣ арены, воззвалъ трижды громогласно: «Дорогу удалымъ бойцамъ!» и скрылся изъ виду. Гробовое молчаніе воцарилось на минуту среди зрителей.

Соперники выступаютъ бодро впередъ, Шатеньерэ скорымъ шагомъ и держа къ верху шпагу, Жарнакъ—съ видомъ болѣе спокойнымъ, прижавши щитъ къ груди и готовясь отразить шпагой ударъ противника въ голову. То былъ первый ударъ Вивона; но Жарнакъ измѣняетъ парировку, принимаетъ ударъ на щитъ, и отвѣчаетъ сопернику ударомъ между ластовицами кольчуги и верхнимъ концомъ голенищъ. Изъ среды собранія, точно изъ одной груди, вылетаетъ невольный крикъ и сейчасъ же стихаетъ; вниманіе удвоется; Шатеньерэ преодолеваетъ

свою боль и насакиваетъ на Жарнака, въ явномъ намѣреніи схватить его и подогнуть подъ себя на землю.

Онъ помучаетъ въ лѣвую, уже раненую, ногу новый страшный ударъ, наносящій ему глубокую рану въ якру (*). Вивонъ шатается, шпага выпадаетъ у него изъ рукъ, онъ самъ падаетъ на землю обагривъ ее своей кровью. Невыразимое смятеніе пробѣгаетъ по галлереймъ, по лицамъ зрителей, столпившихся около арены. Друзья Вивона раздражаются проклятіями; друзья Жарнака торжествуютъ; блюстители порядка насилу могутъ водворить спокойствіе; наконецъ снова вопаряется молчаніе.

Жарнакъ недвижимъ, въ безмолвіи взираетъ на своего врага. Вивонъ въ его рукахъ. «Возврати мнѣ честь мою, говоритъ Монльё, и проси у Бога милости и у короля прощенія въ обидѣ!» Вивонъ пытался подняться, но тщетно; ему приходилось лежать у самыхъ ногъ соперника. Жарнакъ подходитъ тогда къ королевской трибунѣ, поднимаетъ забрало и, преклоняя коленно, говоритъ: «Государь, умоляю тебя осчастливить меня и считать за честнаго чловѣка; я отдаю тебѣ Шатеньеръ; возьми его, государь, и возврати мнѣ честь мою! Наша юность причиной всего этого; не вѣрни этого въ вину ни ему, ни его приверженцамъ, я вручаю его тебѣ!» Король не отвѣчаетъ ни слова. Жарнакъ ударяетъ себя въ грудь рукавицей, и поднявши глаза къ небу, говоритъ «Domine, non sum dignus; Тебѣ единому, Боже, обязанъ я своей побѣдой!» Затѣмъ онъ подходитъ опять къ Вивону и закликаетъ его сдаться. Вивонъ съ большимъ усиліемъ поднимается на одно коленно и хочетъ поразить Жарнака. «Ни съ мѣста, вскричалъ Жарнакъ, или я убью тебя!—«Убей же меня!» возражаетъ въ благородномъ порывѣ Шатеньеръ, и падаетъ въ изнеможеніи, обагривъ землю

(*) Этотъ ударъ вовсе не ударъ взломный, какъ говорили въ послѣдствіи. Онъ былъ не въ диковинку въ тогдашнее время. Подобнымъ образомъ Жанлисъ раненъ въ якру Деборда, который сдѣлался оттого навѣки хромымъ и калекой. Въ Monte-Rotondo, близъ Рима, одинъ итальянскій офицеръ такъ ловко попочувалъ гасконскаго дворянина Бульсона, падающаго къ якру, что сей послѣдній упалъ на землю и не могъ подняться на ноги.

потоками крови. Жарнакъ не отчаявается и крестивши на груди руки, снова умоляет короля, чтобъ онъ сжался надъ Вивономъ; но Генрихъ по прежнему остается мраченъ и безответенъ. Тогда, приблизясь къ сопернику, распростертому на песокъ и отстранивъ изъ предосторожности концомъ своей шпаги шпагу Вивона, лежавшую на землѣ и кинжалъ его, Жарнакъ сказалъ ему слѣдующія слова: «Шатеньеръ, старинный товарищъ, покайся Создателю, и будемъ по прежнему друзьями.» — Государь! взываетъ онъ снова умоляющимъ голосомъ, Государь! взгляни! онъ умираетъ! Ради самого Бога, возьми его!» Это зрѣлище произвело самое тягостное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ; всѣ тронуты были великодушнымъ поступкомъ Жарнака и ужаснымъ положеніемъ его соперника. Коннетабль и маршалы въ свою очередь обратились къ королю съ просьбой о помилваніи Вивона. «Если король не вступится, говорили они между собою, Жарнаку придется заколоть раненаго, влачить трупъ его домой съ арены и сдать на руки палачу.... Зрѣлище тягостное для принцессъ, для придворныхъ дамъ, для друзей Вивона! Пора Его Величеству обратитьъ свое вниманіе; онъ истекаетъ кровью; если не помочь ему, онъ черезъ минуту испустить послѣднее дыханіе».

Между тѣмъ Жарнакъ обратился къ герцогинѣ Беррійской (*), сестрѣ короля, и просилъ ее преклонить Генриха. При звукахъ этого мимаго голоса, король словно проснулся отъ тяжкаго сна, навѣрнаго печальнымъ исходомъ битвы; онъ благосклонно выслушалъ кроткую просьбу Маргариты и рѣшился исполнить ея желанія. «Ты отдаешь его мнѣ?» спрашиваетъ онъ Жарнака. Да, государь, отвѣчаетъ Монльё, я отдаю его по любви къ Богу и къ тебѣ; потому что я честный человекъ. — Ты исполнилъ свою обязанность, Жарнакъ, и твоя честь возстановлена. Унесите сеньора де-ла-Шатеньеръ».

Вивона вынесли съ мѣста битвы безъ чувствъ и въ самомъ

(*) Маргарита французская, въ послѣдствіи герцогиня Савойская. Эта принцесса, говоритъ Брайтонъ, за умъ и ученость прозвана была *Минервой Франціи*.

отчаянною положеніи; но на другой день, пришедши въ себя, онъ сорвалъ свои перевязки и чрезъ нѣсколько дней умеръ отъ сильнаго нервическаго раздраженія.

Вопросъ о томъ, будетъ ли Жарнакъ торжествовать свою побѣду, представленъ былъ на разрѣшеніе самого короля. Генрихъ—стыдно сказать — настаивалъ на этомъ; но одинъ изъ свидѣтелей Монльё, по просьбѣ сего послѣдняго, упрощалъ короля изъавить побѣдителя отъ этой тяжкой обязанности, въ воспоминаніе его прежней дружбы съ Вивономъ. Если вѣрить Брантому, Жарнакъ поступилъ благоразумно, вопреки воли короля и настояніямъ коннетабля, который, по своей обязанности блюсти за исполненіемъ рыцарскихъ обрядовъ, не хотѣлъ уволить побѣдителя отъ сохраненія всѣхъ формальностей, предписанныхъ уложеніемъ о поединкахъ (*). И въ самомъ дѣлѣ, приверженцы Вивона находились въ самомъ яростномъ расположеніи духа, и малѣйшая бездѣлица могла надѣлать много безпорядковъ и шума. «Друзья моего дяди, говорить сиръ де-Бурдейль, готовы были не только побить свиту Жарнака и его самого, но даже и всю полицію, судей и весь дворъ королевскій».

Трудно понять, какъ могъ Генрихъ II такъ скоро забыть своего любимца, который имѣлъ столько друзей и приверженцевъ даже внѣ двора, какъ достало у него духа заботиться о триумфѣ Жарнака въ то самое время, когда человекъ сраженный за его дѣло, находился при послѣднемъ издыханіи. Генрихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поздравилъ Монльё съ побѣдой и не постыдился осыпать его лестными похвалами. «Ты сражался, какъ Цезарь, сказалъ онъ, и говорилъ какъ Аристотель». На душу Генриха лежитъ тоже грѣхъ, что онъ слишкомъ поздно развѣлъ бойцовъ. Одной раны, полученной Вивономъ, достаточно было для восстановленія чести. Всѣмъ извѣстна была причина поединка; всѣ знали, что Жарнакъ

(*) Побѣдитель долженъ проходить чрезъ всю арюу при звукѣ трубъ и барабанномъ боѣ, если онъ не страдаетъ отъ полученныхъ ранъ. (Уложеніе ст: XXIII.).

неповиненъ въ проступкѣ; возводимъ на него его прежнiиъ другомъ; всѣ знали, что единственнымъ виновникомъ всего былъ—король, и что Шатеньеръ, изъ преданности къ Генриху, вызвался быть обвинителемъ Жарнака. Не слѣдовало бы, по этой причинѣ, доводить дѣло до такого грустнаго исхода. Надо сознаться—и всѣ историческія свидетельства согласны въ этомъ,—что Генрихъ игралъ прежалкую роль въ этомъ происшествiи; нѣкоторые писатели того времени говорятъ прямо, что десница Божія покарала короля, который погубилъ странную смертію (*).

Послѣ поединка, Монльё отправился въ Парижъ, въ церковь Парижской Божіей Матери и принесть Заступницѣ благодареніе за дарованную ему побѣду. Оружіе свое повѣсилъ, онъ въ знакъ покорности на стѣнахъ церкви, гдѣ и оставалось оно еще долго въ послѣдствіи. Надо сказать въ похвалу благородному Жарнаку, что онъ не рѣшился идти въ королевскую бесѣдку, до тѣхъ поръ пока не убѣдился, что Шатеньеръ вынесенъ съ поля битвы. Ронсаръ въ одной изъ своихъ одъ воспѣлъ великодушный поступокъ Жарнака. Графъ Омальскій воздвигнулъ великолѣпный памятникъ надъ прахомъ Вивона, который умеръ на 28 году отъ рожденiа, оставивъ послѣ себя единственную дочь трехъ лѣтъ, которая вышла въ послѣдствіи за де-л'Аршо (de l'Archaut). Жена же Вивона вступила во второй бракъ съ де-ла-Форсомъ. Генрихъ, опечаленный смертію своего любимца, поклялся, что не допуститъ впредь ни одного смертнаго поединка. Вскорѣ послѣ битвы, онъ выѣхалъ изъ Сентъ-Жермена и поселился въ Парижъ, у Ватиста Гонди.

IV.

Таково было во Франціи послѣднее приложеніе ломбардскихъ законовъ. Мѣсто судебныхъ поединковъ заступили скорѣ

(*) На турняръ. По этому случаю написанъ пентаметръ на Генриха, который былъ отваженъ, подобно отцу и избывалъ смертя во многихъ битвахъ:

Quem Mars non genuit, Martis imago genuit.

Его не тронулъ Марсъ, сгубило подобіе Марса.

частныя дуэли, которыя въ теченіи двухъ вѣковъ стояли Европѣ, и особенно Франціи, гораздо болѣе крови, нежели всѣ судебныя поединки отъ самого ихъ начала. Чтобы ни говорили объ этомъ странномъ покровительствѣ, которое въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій оказывали смертнымъ поединкамъ французскіе законы, но предлагаемый читателю рассказъ свидѣтельствуесть ясно, что на ряду съ важными неудобствами, были въ этомъ случаѣ и многія преимущества. Торжественность, которая соблюдалась при подобныхъ происшествіяхъ, обряды, предшествовавшіе судебнымъ поединкамъ, и благодаря которымъ дуэли очень часто отменялись—всѣ эти трудности имѣли какъ бы цѣлю смягченіе суровости закономъ дозволенныхъ поединковъ. Скажу болѣе, сравнивая эпоху судебныхъ поединковъ съ послѣдовавшей за ней эпохою безначалія и выходя глубже въ смыслъ рыцарскихъ учрежденій, надо сознаться, что вліяніе средневековаго законодательства было весьма благотельно во многихъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что судебныя поединки во Франціи, задолго еще до Пепина Короткаго, шли объ руку съ собственно такъ называемыми *судами Божиими*, т. е. судами посредствомъ холодной (1), горячей воды и раскаленнаго желѣза. Первое испытаніе дозволено было только дворянству, которое одно имѣло право носить оружіе; второе выпало на долю другихъ сословій. Въ послѣдствіи, однакожь, многое измѣнилось и многія важныя лица прибѣгали къ суду Божиему для доказательства своей правоты. Были даже поединки между людьми низшаго состоянія, только бойцы обязывались не употреблять дворянскаго оружія (2).

Въ царствованіе государей первой династіи, большая часть судебныхъ поединковъ имѣла цѣлю—защиту женской чести.

(1) Въ пруду или въ рѣкѣ. Подсудимаго, связаннаго по рукамъ и ногамъ, бросали въ воду; если онъ всплывалъ—значить онъ виновенъ; если шелъ ко дну—дѣло его объявлялось неправымъ.

(2) Престолюдины могли сражаться « съ помощію простаго щита и палики, безъ длиннаго клинка ». Гаури.

Тановы были: поединокъ Данселота за Гундебергу, королеву Ломбардскую, о которомъ повѣствуетъ Григорій Турскій; поединокъ Гонтрана съ юнымъ Ингельгеромъ, графомъ Анжуйскимъ, который стоялъ за честь прелестной графини де Гастинуа, своей крестной матери; дѣло графа Барцелонскаго Бернарда, обвиненнаго въ томъ, что онъ искалъ любви императрицы Юдифи, супруги Людовина Добродушнаго; наконецъ, во времена болѣе новыя, знаменитый поединокъ сира Каружа съ Жакомъ Ле-Гри, обвинителемъ Г-жи Каружъ, и многіе другіе.

Не смотря на законы Карла Великаго, поединки продолжались съ неистовствомъ и вполнѣ безнаказанно при его преемникахъ. Только около 1032 года и притомъ въ слѣдствіе стараній церкви, начинаетъ ослабывать эта кровавая страсть, и поединки сеньоровъ между собою прекратились почти совсѣмъ: то было время *Божьяго перемирія*— время, названное весьма справедливо, потому что то не былъ миръ, но только отдыхъ, временное прекращеніе кровопролитія. И въ самомъ дѣлѣ, поединки возобновились съ прежнею смелою въ царствованія Филиппа Августа, Людовика VIII и Людовика IX. Замѣчательная вещь, что епископы тогдашняго времени дозволяли поединки; скажу болѣе, сами священнослужители имѣли право выходить на поединокъ. Въ запискахъ одного мѣстнаго собора въ Нормандіи, въ царствованіе Филиппа Августа, читается слѣдующее: «Священнослужители не могутъ выходить на поединокъ безъ разрѣшенія своего епископа»—статья, доказывающая ясно, что и они пользовались этимъ дворянскимъ правомъ. Самъ Людовикъ IX, въ первый годъ своего царствованія, изъявлялъ желаніе присутствовать на смертныхъ поединкахъ; въ числѣ этихъ поединковъ былъ бой одного французскаго рыцаря, имя котораго утрачено для исторіи, съ графомъ де-ла-Маркомъ, Гигомъ де-Лузиньянъ, по прозванью Лебрёнъ (le-Brun), который, по словамъ хроникъ, былъ обвиненъ «въ нарушеніи честнаго слова, въ измѣнѣ и многіхъ другихъ страшныхъ преступленіяхъ.» Дѣло это было въ 1243 году. Впрочемъ, указомъ 1260 года, святой король рѣшился уничтожить поединки. «Мы запрещаемъ,

сказано въ этомъ указѣ, по всему нашему королевству, поединки въ случаѣ ссоръ и вмѣсто того устанавливаемъ доказательство посредствомъ грамматъ и свидѣтелей.» Законъ этотъ, почти буквальное повтореніе закона Карла Великаго, изданнаго за четыреста лѣтъ передъ тѣмъ, не имѣлъ утѣшительныхъ послѣдствій; умеръ Людовикъ IX, и законъ его былъ забытъ.

«Въ царствованіе Филиппа Смѣлаго, сына Людовика святаго, говорятъ одинъ древній писатель, адскій обычай драться на поединкахъ возобновился съ новой силой, такъ что Франція во всѣхъ углахъ обливалась кровію, дворяне, какъ дикіе звѣри, рвали и душили другъ друга, и малѣйшее недоразуменіе влекло за собой кровавый бой.» Не имѣя возможности устроить поединки, Филиппъ хотѣлъ ограничить ихъ кругъ, и съ этою цѣлью составилъ вивѣсть съ сиромъ Бомануаромъ известное опредѣленіе обстоятельствъ, въ которыхъ дозволяется поединокъ, и ограничилъ число ихъ только четырьмя случаями. Въ 1303 году, при Филиппѣ Красивомъ, издано было новое запрещеніе поединковъ, подъ страхомъ смертной казни, но и это запрещеніе осталось безъ благодѣтельныхъ послѣдствій, и воля короля должна была опять уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія и понятіямъ объ личной чести.

Спустя три года, Филиппъ Красивый рѣшился послѣдовать волюнтаризму своего отца и допустить поединки, ограничивъ ихъ известнымъ числомъ случаевъ, согласно съ уложеніемъ 1283 года. Вотъ начало известнаго уложенія о поединкахъ 1306 г., котораго придерживались до царствованія Генриха II, и которое собраніе перовъ приняло за основу своихъ рѣшеній.

Пробѣгая длинную роспись прошеній о поединкахъ, представленныхъ парижскому парламенту въ продолженіе этихъ двухъ сотъ-сорока лѣтъ и въ царствованіе двѣнадцати королей, мы открываемъ, что число запрещенныхъ поединковъ почти равняется числу поединковъ дозволенныхъ. Независимо отъ этой существенной причины уменьшенія числа судебныхъ поединковъ, — затрудненія всякаго рода, ужасная участь, ожидавшая побѣжденнаго бойца, значительныя издержки, отъ которыхъ не въ правѣ былъ отказать истецъ, безчисленныя препятствія, которыя

придуманы были уложеніемъ Филиппа Красиваго для ослабленія обѣихъ сторонъ, наконецъ верховное право судьи прекратить бой въ рѣшительную минуту — все это должно было естественно привести къ избѣжанію или смягченію послѣдствій многихъ поединковъ, которые въ другихъ случаяхъ кончились бы смертію одного изъ соперниковъ или даже смертію обонхъ. Понятно, что въ царствованіе Генриха IV и Людовика XIII мысль о возобновленіи судебныхъ поединковъ должна была занимать умы многихъ государственнхъ людей.

Ни цѣль, ни предѣлы этой статьи не позволяютъ входить намъ даже въ краткія описанія главныхъ поединковъ, совершившихся съ царствованія Филиппа Красиваго до царствованія Генриха II. Намъ приходится остановить свое вниманіе на тѣхъ неправильныхъ поединкахъ, которыми такъ обильны царствованія послѣдующихъ государей. Противуположность этихъ кровавыхъ побойсъ съ достопамятнымъ Сень-Жерменскимъ поединкомъ послужить намъ заключеніемъ.

Послѣ дуэли Жарнака съ Вивономъ, при Генрихѣ III, насталъ тотъ плачевный періодъ, когда человекъ безъ зазрнія совѣсти отправлялъ пулю въ лобъ своему сопернику, который не успѣлъ еще схватиться за шпагу, или выжидалъ его на дорогѣ и убивалъ подкупленными слугами. То было самое страшное, кровавое время во всей исторіи поединковъ.

Первый поединокъ, въ которомъ свидѣтели, потерявши охоту быть мирными зрителями битвы, захотѣли сами принять участіе въ дѣлѣ, — былъ поединокъ сеньоровъ Кайлуса, Можирона и Ливаро съ Ентрагетомъ, Риберакомъ и Шомбергомъ. Кайлусъ и Ентрагетъ должны были драться по любви къ одной придворной дамѣ. Первый привелъ своихъ свидѣтелей — Можирона и Ливарота; второй своихъ — Риберака и Шомберга. Прибывши на мѣсто, Риберакъ вызываетъ Можирона, который по неволѣ долженъ взяться за шпагу; тогда Шомбергъ и Ливаротъ, не желая остаться праздными зрителями этого происшествія, хватаются тоже за оружіе и начинаютъ биться. Исходъ битвы былъ самый плачевный: Можиронъ и Шомбергъ легли на мѣсть; Риберакъ смертельно раненый, умеръ на другой день въ Отель де-Гпзъ, куда пере-

несли его послѣ поединка; Ливаротъ и Кайлусъ, оба тяжело раненные, перевезены были въ Отель де-Буасси, подлѣ самаго мѣста битвы, которая происходила въ улицѣ Турнель, въ предмѣстїи святаго Антонїа. Одинъ Ентрагетъ остался здоровъ и невредимъ, но принужденъ былъ спастись бѣгствомъ, боясь гнѣва Генриха III, который, естественно, никогда бы не простилъ ему смерти Кайлуса. Этотъ любимецъ короля протерпѣлъ три недѣли и, подобно Ливароту, умеръ отъ ранъ. Ла-Тайль, описавшій этотъ поединокъ, передаетъ намъ много любопытныхъ подробностей. По словамъ его, «Генрихъ до такой степени любилъ Кайлуса, что во все время его болѣзни поплъ его бульономъ изъ своихъ рукъ, общалъ сто тысячъ франковъ врачу, который его вылечитъ, а самому Кайлусу сто тысячъ экю, если онъ выздоровѣетъ. Не смотря на то, Кайлусъ умеръ, твердя безпрестанно: *король мой! король мой!*, и какъ бы забывши о Богѣ, и своей матери. По истинѣ, король сильно любилъ его и Можирона: онъ цаловалъ ихъ мертвыхъ, вельмѣ обрѣзать нить волосы и хранилъ на память ихъ русые кудри, снялъ у Кайлуса серьги, которыя прежде онъ привѣсилъ ему своей королевской рукою.» Оканчивая описаніе этого поединка, авторъ говоритъ слѣдующее: «Если сравнить все доселѣ бывшіе поединки, этотъ послѣдній безспорво всѣхъ хуже и безчеловѣчнѣе: изъ шести бойцовъ, умерло пятеро.»

Второй поединокъ, въ которомъ приняли участіе свидѣтели, кончился тоже не совсемъ благополучно. То былъ поединокъ барона, впоследствии маршала Бирона съ сеньоромъ де-Каранси, сыномъ де-ла-Вогюйонъ. Луаньякъ и Жависсакъ были свидѣтелями Бирона; свидѣтелями Каранси—Естиссакъ и ла-Бастидъ. Поединокъ завязался изъ любви къ наследницѣ де-Комонъ, которая впрочемъ не досталась ни тому, ни другому. Каранси, Естиссакъ и ла-Бастидъ были убиты. Надо замѣтить, что Луаньякъ, оставшійся одинъ въ живыхъ и выживавшій послѣдняго вздоха своего соперника, получилъ должное воздаяніе въ здѣшней жизни: на его глазахъ убиты на дуэли его сынъ и его внукъ.

Припомнимъ кстати поединокъ Сень-Жюста съ Фоссѣ, ко-

торые дрались верхомъ и на шпагахъ. Раненый, обезоруженный Фоссе былъ върломно убитъ соперникомъ. Не оставимъ безъ вниманія и дуэль Бреотё (de Breauté), съ однимъ Голландцемъ, котораго онъ побѣдилъ. Бой былъ особеннаго рода: двадцать человекъ противъ двадцати дрались около Герцогенъ-Буша, и Французы вышли побѣдителями. То былъ первый примѣръ дуэли на пистолетахъ, и верхомъ. Бреотё, послѣ поединка, былъ схваченъ и убитъ непріятельскими солдатами. Скажемъ мимоходомъ и о поединкѣ Вильмюра съ Фонтенемъ въ 1602 году, о поединкѣ Варёка и Л'Артига въ томъ же году, которые убиты всѣ четверо; о поединкахъ графа де-Со (de Saut) съ Нантульё, барона де-Бресье съ барономъ де-Баланьи, на которыхъ Нантульё и Бресье пали за мертво. При Ришелье, какъ извѣстно, строжайшія наказанія не могли обуздать дуэлистовъ, и не смотря на законы, не смотря на кардинала, не смотря на палача, Французы продолжали драться на поединкахъ во все продолженіе XVII вѣка.

Мнѣ хотѣлось представить нѣкоторыя черты изъ исторіи поединковъ во Франціи, со времени карловингскаго періода до смерти Генриха IV. Любопытно бы было прослѣдить исторію поединковъ отъ Генриха IV до нашего времени; но приведенный мною разсказъ свидѣтельствуетъ ясно, что запрещеніе судебныхъ поединковъ при Генрихѣ II, въ слѣдствіе дуэли Жарнака съ Вивономъ, имѣло самыя пагубныя послѣдствія. Этотъ законъ, внушенный королю смертію его любимица, стоилъ Франціи многихъ потоковъ дорогой и благородной крови. Чтобы возратиться опять къ нашему предмету, я прибавлю, что скорбь объ умершемъ любимцѣ не помѣшала Генриху II торжествовать свое помазаніе на царство, ровно черезъ два недѣли послѣ Сень-Жерменскаго поединка. И странная мысль пришла ему въ голову — пригласить на это торжество Карла Пятаго, въ качествѣ вассала Франціи и герцога Фландріи; императоръ Карль, не охотникъ до шутокъ, отвѣчалъ, что онъ *явится съ пятьюдесятью тысячами войска*. И чуть чуть не сдержалъ своего слова.

(*Revue des deux Mondes*).

ЛЮДОВИКЪ XVII.

Окончаніе.

IV.

Правительственные комитеты рѣшили, что Симонъ, которому по жестокости характера, не было подобнаго, не можетъ имѣть равнаго преемника. Шометь и Геберъ, облеченные высшею властію надъ Тэмплемъ, приняли это рѣшеніе: они «объявили» что будутъ требовать отъ *силы вещей* безопасности, въ которой отказывало имъ отсутствіе постоянного сторожа «и вотъ, какъ они понимали это выраженіе: *сила вещей*.» Ребенка перевели въ уединенную комнату, (ту самую, которую занималъ Клеръ при жизни Короля), освѣщенную единственнымъ окномъ съ желѣзною рѣшеткою; оно едва пропускало въ комнату блѣдный и косвенный свѣтъ и никогда не отворялось для возобновленія воздуха; дверь отворялась, только въ верхней части, низъ же ея былъ наглухо задѣланъ, на такой высотѣ, какъ можно челоуѣку облокотиться; верхъ былъ загороженъ желѣзною рѣшеткою, которая раздвигаясь, образовала окошечко, также затворенное другими подвижными рѣшетками, укрѣпленными огромнымъ висячимъ замкомъ. Подлѣ загородки былъ столъ, на который ставили маленькому Капету, грубую пилу и такимъ же образомъ принимали онъ него то, что ему слѣдовало возвратить.» Эта комната нагрѣвалась отдушникомъ, проведеннымъ изъ печи смежной комнаты, которую топили очень рѣдко. Вечеромъ, ее освѣщала лампа съ резерберомъ, повѣшенная на стѣнѣ въ передней, противъ дверной рѣшетки.

Случайно ли, для ознаменованія ли торжества такого дня, или съ цѣлю приготовить его къ собственной кончинѣ, только молодого короля перевели въ эту тюрьму 24-го января, въ день смерти отца

его. Г. Бошенъ могъ бы описать съ мѣншею напыщенностію, весь ужасъ такого положенія, еще увеличенный слабостію ребенка, неспособнаго помочь самому-себѣ. Такъ какъ молодой принцъ, брошенный въ это заключеніе не произнесъ никакой жалобы, то г. Бошенъ полагаетъ, что «быть-можетъ, онъ счелъ себя внѣ человѣческой власти;» что онъ почувствовалъ себя свободнымъ въ своей темницѣ, какъ, въ глубинѣ долины, молодой олень, спасшійся отъ преслѣдованія собакъ. »

Мы предпочитаемъ болѣе простой и трогательный слогъ принцессы Маріи Терезіи, (Герц. Ангул.) «Несмыханное, безпримѣрное варварство, забросить такимъ образомъ несчастнаго, 8-ми-лѣтняго ребенка, уже больнаго! держать его въ заточеніи, подъ замками и запорами, безъ всякой другой помощи, кромѣ дряннаго колокольчика, въ который онъ никогда не звонилъ—такъ онъ боялся людей, которыхъ могъ бы привлечь къ себѣ этимъ звономъ. Онъ предпочиталъ лучше терпѣть во всемъ недостатокъ, чѣмъ попросить самадѣйшую вещь у своихъ говителей. Онъ лежалъ на постелѣ, которую не перестылали болѣе полугода и который онъ уже не имѣлъ силы оправлять; блохи и клопы покрывали его; бѣлье и все тѣло его были ими усѣяны. Рубашки и чулокъ не перемѣняли на немъ болѣе года. Окно его, запертое и задѣланное желѣзными рѣшетками, никогда не отворялось и воздухъ въ его комнатѣ былъ нестерпимъ. Онъ могъ бы и самъ умываться, потому что у него былъ кувшинъ съ водою; но, измученный дурнымъ обращеніемъ, онъ не имѣлъ духа заняться этимъ; болѣзнь начинала отнимать у него послѣднія силы. Онъ никогда ничего не просилъ: такой непреодолимый страхъ внушали ему Симонъ и другіе тюремщики. Онъ проводилъ дни въ совершенномъ бездѣйствіи; огня ему не давали. Это положеніе имѣло гибельное вліяніе какъ на тѣло такъ и на духъ его; а потому не удивительно, что онъ впалъ въ ужаснѣйшую чахотку. Время, въ которое онъ оставался здоровымъ, будучи жертвою такихъ жестокостей, доказываетъ его крѣпкое сложеніе» (записки герц. Ангулем.).

Между тѣмъ, какъ смерть приближалась къ юному королю, медленная и безмолвная, неасытная Гильотина быстро пожирала нѣсколько сотенъ злодѣевъ и многія тысячи невинныхъ. Но изъ всѣхъ этихъ жертвъ самая чистая, безъ сомнѣнія, была принцесса Елизавета. Мы никогда не могли отыскать никакого предлога, который оправдывалъ бы смерть ея. Самая основательная причина, которую мы могли придумать, чтобы

хотя вѣсколько объяснить ее, состоитъ въ томъ, что Робеспьеръ основывалъ какіе-нибудь планы личнаго честолюбія на юной принцессѣ, которую надѣялся запугать и согласить на свои виды, погубивъ ее тетку. Этотъ планъ, безъ-сомнѣнія, покажется невѣроятнымъ; однакожь онъ не страннѣе многихъ другихъ поступковъ Робеспьера. Посѣщеніе этого челоуѣка въ Тамплъ, гдѣ онъ видѣлъ юную принцессу, сообщаетъ ему вѣкоторую тѣнь основательности; а описаніе этого посѣщенія, пропущенное въ первомъ изданіи *повѣствованія принцессы*, кажется намъ фактомъ знаменательнымъ, который дѣлаетъ этотъ планъ еще правдоподобнѣе. Не желала ли она изгладить слѣды дерзости, которая долѣжна была возмутить самыя священныя ея чувства?

Какъ бы то ни было, принцесса Елизавета была казнена 10-го мая. Она умерла, какъ жила, — святою. Утромъ своего послѣдняго дня, она вошла въ комнату къ тѣмъ, которые должны были погибнуть вмѣстѣ съ нею, и ободряла ихъ съ пріемутетвіемъ духа, возвышенностію и краснорѣчіемъ, которое ихъ всѣхъ тронуло и укрѣпило. На телѣгѣ она показала спокойствіе и ободряла бывшихъ съ нею женщинъ. Судьи имѣли жестокость казнить ее послѣднюю. Всѣ женщины, сходя съ телѣги, просили позволенія обнять ее, что она и дозволила, ободряя ихъ съ своею обыкновенною добротою. Сила душевная не покидала ее до послѣдней минуты; она встрѣтила смерть съ покорностію, исполненною упованія » (*Повѣствованіе принцессы*).

Принцессу долго ужѣ спустя увѣдомили о судьбѣ ея тетки. Когда она спрашивала, что съ нею сдѣлалось, отъ нея обыкновенно отдѣльвались неопределеннымъ отвѣтомъ «она поѣхала гулять.» Когда, послѣ ея удаленія, она умоляла, чтобы ее соединили съ матерью, ей отвѣчали: «объ этомъ поговорятъ.»

Отчетъ принцессы о свиданіи ея съ Робеспьеромъ, — какъ и можно было ожидать, — коротокъ и сухъ; онъ вполне выражаетъ то, что должны были терпѣть въ подобную минуту ея гордость и достоинство. «Приходилъ челоуѣкъ, кажется, Робеспьеръ. Муниципальные оказывали ему большое уваженіе. Посѣщеніе его было тайною для служителей башни, которые не знали, кто онъ такой или нехотѣли сказать мнѣ. Онъ пришелъ ко мнѣ; дерзко посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, скинулъ взглядомъ мои книги и пошаривъ въ комнату, удалился.» Г. Бошенъ приводитъ здѣсь важное число, говоря: «на

другой день (казни принцессы Елизаветы), принцессу М. Терезию посетил Робеспьеръ ; она не сказала съ нимъ ни слова, а только подала ему бумагу, на которой было написано: *«Братъ мой болѣнъ. Я просила у членовъ конвента позволеніи ходить за нимъ ; конвентъ не отвѣчалъ мнѣ ; повторяю мою просьбу.»*

Все это очень правдоподобно; холодный и гордый тонъ записки кажется намъ именно такимъ, какой должна была употребить принцесса; но г. Бошенъ не указываетъ на источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ эти подробности. Между тѣмъ, сынъ и дочь Людовика XVI жили въ совершенномъ затворничествѣ. Прибѣгнемъ еще разъ къ простодушному разсказу принцессы.

«Дофинъ постоянно оставался одинъ; его ни разу не мыли; ходили къ нему только въ часы обѣда и ужина; однимъ словомъ, не имѣли никакой жалости къ несчастному ребенку. Выискался только одинъ сторожъ, который болѣе вѣжливымъ обращеніемъ внушилъ принцессѣ мысль поручить ему своего брата. Онъ осмѣлился намекнуть о суровости, съ которою обходились съ припѣемъ; но на другой же день его сослали. Что касается до нея, то она просила у этихъ людей только самаго необходимаго; но и въ томъ ей нѣрѣдко съ грубостію отказывали, по крайней мѣрѣ, она могла наблюдать чистоту; у ней были мыло и вода; она каждый день мела свою комнату. Ей не давали огня; но въ долгіе дни это лишеніе было ей не такъ чувствительно. Они не хотѣли дать ей книгъ; у ней оставались кой-какія назидательныя сочиненія и путешествія, которыя она уже по нѣскольку разъ перечитывала; у ней было также вязанье, которое очень ей вѣскуило.»

«Наступило 9 термидора: (Повѣствованіе герц. Ангул.) паденіе Робеспьера, (28-го іюля, 1794-го г.), которое отворило двери темницъ столькимъ невиннымъ жертвамъ, не возвративъ свободу двумъ сиротамъ Тампля; однакожь оно, до известной степени, облегчило ихъ страданія. 10-го термидора, Баррасъ, который, въ качествѣ главнокомандующаго войсками, употребленными противъ Робеспьера, игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей въ происшествіяхъ минушаго дня, — Баррасъ отправился осмотрѣть Тамплъ и слѣдствіемъ его осмотра было назначеніе одного только сторожа, въ замѣну комиссаровъ общины, большею частію погвбшихъ на эшафотѣ, въ тотъ день и наканунѣ.

Выборъ его палъ на одного изъ его друзей, по имени Лорана,

уроженца остр. С. Доминго. Незвѣстно, какимъ образомъ попалъ Лоранъ въ доверенность къ Баррасу; онъ слылъ въ своемъ окологдѣ за патріота; что, въ то время, составляло отличіе не очень лестное. Не былъ ли онъ обязанъ этимъ покровительствомъ *Иозефинъ*, которая была сама креолка и въ тѣсной дружбѣ съ Талліеномъ и Баррасомъ: Лоранъ не нанесъ безчестія своимъ покровителямъ. Г. де Бошевъ описываетъ намъ его человѣкомъ «сострадательнымъ, образованнымъ и съ отличными манерами.» Онъ былъ пораженъ удивленіемъ при первомъ вступленіи своемъ въ Тамплъ. Прибывъ туда вечеромъ, въ самый день своего опредѣленія, онъ былъ принятъ муниципальными, которые такъ долго и такъ строго разсматривали его бумаги, что онъ не прежде 2-хъ часовъ утра могъ войти въ комнату маленькаго Капета. Коммиссары изложили въ общихъ выраженіяхъ какъ они обращались съ ребенкомъ; но не дали ему и приблизительнаго понятія о дѣйствительности. Лишь только онъ вступилъ въ переднюю, какъ его обдало отвратительнымъ запахомъ, выходившимъ сквозь рѣшетчатую дверь внутренней комнаты. Одинъ изъ муниципальныхъ, подойдя къ рѣшеткѣ, закричалъ. — Капеть! Капеть!» Отвѣта не было. После повторенныхъ воззваній, слабый звукъ далъ знать, что ребенокъ слышалъ; но онъ не двинулся съ мѣста; никакія убѣжденія, никакія угрозы не могли принудить его встать и показаться чиновникамъ; только при помощи свѣчки, которую просунули сквозь перекладныя рѣшетки и которой свѣтъ упалъ на одръ несчастнаго, Лоранъ могъ примѣтить тѣло, отнынѣ вѣренное его охраненію. На эту ночь онъ тѣмъ и ограничился; потому что, кажется, ни онъ, ни муниципальные не имѣли власти, или средствъ проникнуть въ комнату. На слѣдующее утро новое посѣщеніе имѣло тѣже послѣдствія; ребенокъ не хотѣлъ ни отвѣчать, ни показываться, хотя Лоранъ съ намѣреніемъ говорилъ съ нимъ кротко и ласково. Встревоженный, исполненный ужаса и негодованія, новый сторожъ настоятельно требовалъ, чтобы правительство приказало нарядить слѣдствіе, и на другой день, 31-го іюля, 1794 года, многіе члены комитета *общественной безопасности* отправились въ башню освидѣтельствовать состояніе узника.

«Они звали его, говорить г. де Бошевъ; онъ не отвѣчалъ; они велѣли отворить комнату; одинъ изъ работниковъ такъ сильно принялся трясти перекладныя рѣшетки, что сломалъ одну изъ нихъ, просунулъ голову и увидя несчастнаго ребенка, спросилъ, отъ чего онъ не отвѣчаетъ? Ребенокъ молчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ дверь была выломана; посѣтителю вошла. Тогда представилось самое ужасное,

зрѣлице, какое-только можетъ создать себѣ воображеніе человѣка; зрѣлице отвратительное, которое, безъ сомнѣнія, никогда не повторится въ лѣтописяхъ просвѣщеннаго народа и на которое самые убійцы Людовика XVI не могли смотрѣть безъ ужаса и горестнаго состраданія. Въ темной комнатѣ, изъ которой выходилъ запахъ смерти и гніенія, на скомканной и грязной постелѣ, 9-ти лѣтній ребенокъ, едва прикрытый грязною рубашкой и панталонами въ лохмотьяхъ, лежалъ неподвижный, со сгорбленною спиною, съ блѣднымъ и обезображеннымъ страданіями лицомъ, лишеннымъ въ эту минуту луча живой понятливости, нѣкогда его озарявшей; на чертахъ его, сгольшнѣнныхъ, разлито было мрачное уныніе, равнодушіе самое дикое и которое, казалось, доказывало глубочайшую нечувствительность. Поблѣвшія губы и впалыя щеки имѣли въ своей блѣдности что-то зеленое и мертвенное; даже самые голубые глаза его, увеличенные художью, глаза, въ которыхъ потухъ всякій огонь, казались, принявъ какой-то сѣроватый и зеленоватый оттѣнокъ, съ тѣхъ поръ, какъ они уже не отражали небесной лазури. Голова его и шея были обезображены гнойными ранами; ноги и руки, длинныя и угловатыя, увеличились до чрезвычайности на счетъ груди; кулаки и колѣва были покрыты синею и желтою опухолью; ступни и кисти рукъ, уже не походившія на человѣческое тѣло, были вооружены ногтями, длинными и жесткими, какъ когти у животныхъ. Грязь, которая густыми слоями лежала на лицѣ его, какъ смола склеила на вискахъ прекрасные, блонкурные волосы, которые, должна была украшать корона Франціи, и которые, теперь, были отданы на посрамленіе нечистымъ насѣкомымъ, покрывавшимъ также и тѣло его; блохи и клопы кишѣли въ каждой складкѣ его простыни и разорваннаго одѣяла, по которому пробѣгали черныя пауки. Таковъ былъ видъ этого изнуреннаго ребенка, въ которомъ не оставалось уже мѣста для сердца, нѣкогда столь благороднаго и любящаго; оно угасло въ заразительной атмосферѣ этой комнаты, въ сравненіи съ которой древнія конюшни Авгіаса были мѣстомъ чистымъ и жилищемъ, достойнымъ зависти

«При стукѣ растворившейся двери, въ ребенкѣ произошло нервическое содроганіе; но онъ только слегка обернулся и едва взглянулъ на входящихъ, трепеща въ молчаніи, какъ воробей предъ коршуномъ. Ему сдѣлали нѣсколько вопросовъ; онъ не отвѣчалъ ни на одинъ; онъ обводилъ посѣтителей тусклымъ, неопредѣленнымъ, лишеннымъ выраженія взоромъ; въ эту минуту его приняли бы, не за помѣшавшаго, увы! но за безсмысленнаго. Одинъ изъ комиссаровъ,

видя, что на маленькомъ столѣ стоялъ обѣдъ его, еще не тронутый, и удивляясь этому, спросилъ, отъ чего онъ не встаетъ? Этотъ вопросъ имѣлъ одинаковую участь съ прежнимъ; но такъ какъ онъ нѣсколько разъ былъ повторенъ старѣйшимъ изъ депутатовъ, который подошелъ къ самой кровати, и принцъ могъ замѣтить его сѣдые волосы, почтенную наружность и кроткій отеческій голосъ: — *нѣтъ, я хочу умереть*, сказалъ онъ наконецъ спокойнымъ и рѣшительнымъ тономъ, который свидѣтельствовалъ самымъ отсутствіемъ всякаго волненія о страданіяхъ неспѣлимыхъ, объ отвращеніи безутѣшномъ, о безнадежной скорби. То были единственные слова, которыя можно было исторгнуть у него въ достопамятное посѣщеніе, породившее только нѣкоторыя незначительныя распоряженія, но изъ котораго Лоранъ умѣлъ, однакожь, извлечь пользу для своего узника.»

Г. де Бошенъ не приводитъ никакого речительства за достоверность этихъ подробностей: но онъ подтверждаются повѣствованіемъ принцессы Маріи Терезицъ. Кроме того, для главнѣйшихъ происшествій есть еще и другой, неоспоримый свидѣтель, къ которому Г. Бошенъ, по видимому, не прибѣгалъ. Баррасъ, въ Запискахъ Ломбарда, самъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи въ Тампль; онъ сознается, что «видѣлъ ребенка и нашелъ его въ отвратительной нечистотѣ...» Всего болѣе поразила генерала маленькая кушетка, имѣвшая форму колыбели и стоявшая посреди комнаты. На этой кушеткѣ былъ наброшенъ тюфякъ, не покрытый простыней; а на немъ лежалъ сынъ Людовика XVI-го, свернувшись клубкомъ; колыбелька была слишкомъ мала, чтобы онъ могъ протянуться въ ней во всю длину... Баррасъ велѣлъ поставить его на ноги, при чемъ служители поддерживали его подъ руки; но при первомъ шагѣ ребенокъ почувствовалъ столь сильную боль, что его въ ту же минуту посадили. На немъ былъ жилетъ и панталоны сѣраго сукна; панталоны были узки и, казалось, мѣшали ему. Баррасъ, желая видѣть, чѣмъ онъ страдаетъ, велѣлъ разрѣзать ихъ съ обѣихъ сторонъ, съ низу до верху, и нашелъ, что колыба его сильно распухла и были синеватаго цвѣта. Онъ узналъ сверхъ того, что ребенокъ давно уже не ѣлъ и не спалъ; онъ велѣлъ немедленно призвать доктора, который могъ бы имѣть объ немъ попеченія, необходимыя въ его положеніи, и сдѣлавъ выговоръ комиссару и дежурному прислужнику за нечистоту, въ которой оставляли ребенка, удалился. «Призванный докторъ прописалъ ему крѣпительное лекарство; на другой день онъ нашелъ, что лекарство не тронуту и спросилъ о томъ дежурнаго, который отвѣчалъ, что ребенокъ постоянно отказывался

принимать его, не объясняя своего отказа. Докторъ, обратясь къ припцу, уговаривалъ его открыть ему причину своего отвращенія, такъ какъ питье ему прописанное не имѣло въ себѣ ничего непріятнаго для вкуса. Дофинъ продолжалъ молчать. Наконецъ докторъ понялъ, что узнавъ объ участи своего отца, матери и тетки, ребенокъ боялся, не хотять ли посягнуть и на его жизнь. Желая его успокоить, онъ взялъ стаканъ, влилъ туда лекарства и поднесъ ко рту; но бѣдный ребенокъ, угадывая его мысль, схватилъ стаканъ, прежде нежели докторъ успѣлъ воспутся до него губами, и разомъ выпилъ лекарство.» (Записки Ломбара). Какъ видно, авторы, которымъ слѣдовалъ г. де Бошевъ, не упоминаютъ, чтобы Баррасъ видѣлъ ребенка, или лично принималъ въ немъ участіе: что не согласуется съ нѣкоторыми изъ приведенныхъ нами подробностей. Но собственное свидѣтельство Барраса ручается за достовѣрность главнѣйшихъ обстоятельствъ этого посѣщенія и доказываетъ также равнодушіе новаго правительства къ состоянію узника, который еще около года томился въ положеніи, почти столько же достойномъ сожалѣнія. — По требованію Лорана было впущено въ комнату нѣсколько воздуха и свѣта. Послѣ долгихъ колебаній, одной женщиной дозволили принять вымыть и вычесать юнаго короля. Одинъ изъ муниципальныхъ, который былъ свѣдущъ въ хирургіи, обмылъ теплою водою и перевязалъ раны на головѣ и шев; операція эта причинила ему столько же страданія, какъ и чесаніе головы. Его освободили отъ наѣкомыхъ; дали ему желѣзную кровать, съ чистою постелею и вставили прежнюю дверь на мѣсто желѣзной рѣшетки. Въ подобномъ облегченіи не отказываютъ людямъ, осужденнымъ за самыя гнусныя преступленія; но этимъ все и кончилось; вся прежняя строгость была соблюдаема въ другихъ отношеніяхъ; ребенокъ продолжалъ оставаться одинъ въ своей кельѣ. Парижская община, которая сохранила верховную власть надъ Тамплемъ, повидимому, считала себя обязанною подражать жестокости своихъ предшественниковъ, подъ опасеніемъ подвергнуться одинаковой съ ними участи. Самъ Лоранъ видѣлъ припца только за обѣдомъ и ужинкомъ и всегда въ присутствіи муниципальныхъ; иногда послѣ усиленныхъ просьбъ, они ему дозволяли сводить его на террасу башни, чтобы дать ему вздохнуть чистымъ воздухомъ. Онъ не иначе могъ выходить съ нимъ какъ подъ ихъ завистливымъ надзоромъ. Даже въ эти краткія минуты, прерывавшія его затворничество, ребенокъ никогда не говорилъ и, казалось, едва замѣчалъ, что вокругъ него происходило. Чтобы достигнуть террасы, должно было проходить мимо покоевъ, занимаемыхъ некогда его матерью; въ

первый разъ онъ не замѣтилъ этого; но, по возвращеніи, весь затрепеталъ и пощавъ руку Лорана, сдѣлалъ знакъ, что узналъ ихъ и съ тѣхъ поръ всегда тутъ останавливался. Однажды, онъ изъявилъ желаніе войти въ эту комнату; дежурный муниципальный остановилъ его, говоря, что онъ ошибается дверью. Ему сказали о смерти отца; но онъ еще не зналъ о смерти матери и думалъ, какъ мы сей-часъ увидимъ, что она находится возлѣ него, въ Башнѣ.

Въ это время Лорану поручено было наблюденіе и за принцессою, которая въ своихъ запискахъ отдаетъ справедливость его приличному поведенію, кротости его обращенія, готовности и стараніямъ, къ несчастію, бесплоднымъ, облегчить участь ея брата.

Между тѣмъ, Лоранъ не могъ выносить долге уединенія, на которое былъ осужденъ; онъ просилъ, себѣ помощника, что и было исполнено. Посредствомъ вліянія нѣкоторыхъ друзей королевской фамиліи, сынъ обойщика, по имени Гомеъ, былъ опредѣленъ къ Лорану, чтобы подъ его присмотромъ наблюдать за дѣтми. Гомеъ, человекъ кроткаго и робкаго характера, съ величайшимъ трудомъ могъ согласовать строгія предписанія начальства съ участіемъ, внушаемымъ ему узниками. Не смотря на это, въ положеніи ихъ не произошло почти никакой переменны, кромѣ того, что чистота и учтивое обращеніе замѣтили нечистоту и бранныя слова. Ребенокъ попрежнему былъ запертъ одинъ, исключая обѣда и ужина; кормили его всегда въ присутствіи двухъ сторожей и муниципальнаго комиссара, который дѣлалъ эти часы очень тягостными для ребенка своими непристойными рѣчами. Комиссары выбирались поочередно каждою изъ 48-ми частей Парижа и смѣнялись черезъ сутки; такое распоряженіе всякій день приводило въ тѣнищу людей съ различными чувствами и характерами и между ними рѣдко попадались добрые.

Завтракъ, подаваемый въ 9-ть часовъ, состоялъ изъ чаши молока, или изъ плодовъ. Въ часъ приносили обѣдъ, т. е. супъ, небольшою кусокъ говядины и блюдо *сухихъ* овощей, большею частию чечевицы. Ужинъ (въ 8 час.) походилъ на обѣдъ; потомъ ребенка укладывали и запирали до 9-ти часовъ слѣдующаго утра, равно какъ и въ промежуткахъ между завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. Когда дежурный комиссаръ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, сторожа спѣшили этимъ воспользоваться, чтобы выпросить какое-нибудь *облегченіе* для узника, какъ на пр. погулять съ нимъ на террасѣ, или отнести ему горшокъ цвѣтовъ, которые онъ предпочиталъ всему остальному, потому что они напоминали ему времена болѣе счастливыя.

Онажды, 14-го декабря 1794 г., пришел комиссаръ, по имени Дельбуа; онъ былъ человекъ строгаго вида, съ грубыми ухватками, говорилъ очень громко, заставлялъ отворить себѣ всѣ двери, вездѣ шарилъ, раздавалъ приказанія съ большою надвѣшностью; онъ сначала напугалъ сторожей и узника, потомъ, мало-по-малу, удивилъ и успокоилъ ихъ возвышенностію своихъ чувствъ, откровеннымъ, прямымъ и даже благосклоннымъ образомъ мыслей. Увидѣвъ объѣздъ узниковъ, онъ вскричалъ.

— За чѣмъ даютъ имъ такое дурное кушанье? Еслибъ они находились въ Тюльери, то мы стали бы оспаривать у нихъ роскошную пищу; но когда они здѣсь, въ рукахъ нашихъ, то должно поступать съ ними съ милосердіемъ; нація великодушна. За чѣмъ вѣтъ ставни? Подъ царствомъ равенства солнце свѣтитъ для всѣхъ; надобно, чтобы и они имѣли свою долю свѣта. За чѣмъ, подъ владычествомъ братства, мѣшать имъ видѣться между собою?

При этихъ восклицаніяхъ, изумленный принцъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и подстерегалъ каждое движеніе пылкаго посѣтителя.

— Не правда ли, другъ мой, вѣдѣ ты бы радъ былъ поиграть съ сестрою? Потомъ оборотившись къ Лорану и Гомену:— Не его вина, что онъ сынъ своего отца... Теперь онъ ничто болѣе, какъ несчастный и ребенокъ; и такъ не обходитесь съ нимъ жестоко; несчастный принадлежитъ человѣчеству; а Франція мать всѣхъ своихъ дѣтей.

И онъ продолжалъ говорить безъ умолку громкимъ голосомъ и пересыпая свои рѣчи септенціями. Это былъ предобрый ворчунъ, говорить г. де Бошентъ; въ немъ была смѣсь Діогеновскаго цинизма съ милосердіемъ Фенелона.

Дельбуа сказалъ и еще слова, которыя стѣяютъ того, чтобы ихъ передать потомству. Разсуждая, вѣроятно, о характеръ своихъ товарищей, онъ вскричалъ: *«Есть люди не подозрѣваемые, потому что не могутъ дѣлать зла; но есть и лицемеры, дѣлающіе зло безъ шуку: вѣрно они-то и выдумали духовое ружье!»*

Никогда еще столь смѣлыя слова не раздавались въ стѣнахъ Тампля, они произвели на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, которое можно было принять за ужасъ. Но какъ бы то ни было, они внушили Гомену смѣлость просить Дельбуа, чтобы лампу передвѣй, единственный источникъ свѣта для ребенка, позволено было зажгати въ сумерки. Діогенъ-Фенелонъ безъ труда согласился на эту просьбу и на другой день простился слѣдующимъ образомъ со сторожами, безмолвными отъ удивленія.

«Гдѣ-то намъ придется встрѣтиться? Мы идемъ по дорогамъ, которыя не сходятся между собою. Но что нужды; хорошіе патріоты всегда отыщутъ другъ друга; люди умные перемѣняютъ мнѣнія; люди съ душою сохраняютъ свои чувства. Вѣдь мы не *сентябристы*. *Salut et fraternité!*

• Владычество этого поборника республики съ напыщенной рѣчью, продолжавшееся нѣсколько часовъ, не оставило по себѣ другихъ слѣдовъ, кромѣ свѣта лампы. Лоранъ и Гоменъ не осмѣлились сдѣлать никакого пововеденія подѣ управленіемъ, столь кратковременнымъ. Около того же времени, чувства подобныя тѣмъ, которыя выразилъ Дельбуа, начали тихоноко распространяться въ народѣ, книгопечатаніе поддерживало ихъ; но они только раздражали опасенія и гнѣвъ Конвента; его рѣчи и указы на счетъ обращенія съ ребенкомъ доказывали, что онъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего прежняго намѣренія «*отъ него отдѣлаться.*»

Ежедневная смѣна комиссаровъ порождала безпрестанные переходы отъ глубочайшихъ притѣсненій къ легкимъ снисхожденіямъ; чему достаточно привести одинъ; или два примѣра. 25 февраля 1795 г. комиссаромъ былъ нѣкто Лёру, *самозванный террористъ*; онъ чтилъ память Робеспьера и жилъ въ твердой надеждѣ видѣть возстановленіе своей партіи. Онъ непременно хотѣлъ осмотрѣть все комнаты и говорилъ, что ему любопытно видѣть, веселы ли *общипанные королики* въ своей клеткѣ.... Когда онъ вошелъ въ комнату принцессы, она сидѣла за работою и продолжала свое занятіе, не обращая на него вниманія. *А развѣ здѣсь не встаютъ передъ представителями націй!* вскричалъ Лёру. Принцесса не трогалась съ мѣста. Грубинъ отмстилъ за себя, переверотивъ все въ комнатѣ и удаляясь, вскричалъ съ бѣшенствомъ: *Вишь, какъ горда! настоящая Австрійка!* онъ зашелъ въ комнату къ принцу для того только, чтобы осыпать его ругательствами; смѣялся надъ его мнимою болѣзнію и обвинялъ Лорана и Гомена въ недостатокъ патріотизма; онъ усѣлся въ комнатѣ принца на весь вечеръ, велѣлъ принести себѣ картъ и вина и принялся играть въ пикетъ съ Лораномъ и пить, провозглашая смерть врагамъ Республики.....

Ребенокъ, по видимому, не понималъ его словъ, или, по крайней мѣрѣ, не обращалъ на нихъ вниманія; но съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на играющихъ, слыша въ первый разъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, что люди разговариваютъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ его страданій. Однакожъ, вечеръ кончился довольно

дурно. Вино воспламенило республиканскую ревность Лёру; онъ началъ ужасно шумѣть и перепугалъ ребенка; наконецъ удалось вывести его изъ комваты и полупьянаго уложить въ постель въ нижнемъ этажѣ. Это приключеніе имѣло одно выгодное послѣдствіе: Леру спросили карты и такимъ образомъ допустилъ ихъ введеніе въ темницу; уловольствіе, показанное ребенкомъ при видѣ играющихъ, внушило Гомену мысль въ промежуткѣ между отъездомъ Лёру и прибытіемъ его вѣрщика принести двѣ игры картъ, которыя и служили къ развлеченію маленькаго узника *до самаго конца его жизни.*

Коммиссаръ, смѣшившій Лёру, былъ токарь; онъ сжался надъ ребенкомъ и по внушенію Гомена, прислалъ ему черезъ три дня нѣсколько бездѣльных игрушекъ.

Но все это было минутное облегченіе его судьбы: постоянное лишеніе воздуха и движенія, частыя оскорбленія, почти непрерывныя жестокости коммиссаровъ, съ каждымъ днемъ усиливали болѣзнь, которая съ нѣкоторыхъ поръ не на шутку начинала беспокоить преставниковъ. Въ февралѣ 1795 г. она сдѣлала быстрые успѣхи и приняла грозный характеръ. Умыіе ребенка усилилось; онъ сдѣлался еще равнодушнѣе прежняго; ходилъ съ трудомъ и отвращеніемъ. Лоранъ и Гомень были вынуждены носить его на рукахъ. Позвали частнаго лекаря и мнѣніе его вынудило общину нарядить комиссію, которой поручено было освидѣтельствовать узника. Въ дописаніи комиссіи сказано:

«У маленькаго Капета опухоли на всѣхъ суставахъ, въ особенности на коленныхъ; впрочемъ, невозможно добиться отъ него ни слова, онъ постоянно сидитъ, или лежитъ и отказывается отъ всякаго движенія.» Вслѣдствіе этого дописанія, Комитетъ нарядилъ для осмотра ребенка новую комиссію изъ трехъ чиновниковъ: Гармана, Матъё и Реверсона, которые, во время суда надъ королемъ подали голоса, — первый, за изгнаніе, а два послѣдніе за смертную казнь. Эта комиссія нашла припадъ въ такомъ положеніи, что рѣшила: «Для чести націй, которая того не знала; для чести Конвента, который также не зналъ, по котораго обязанности требовала, чтобы онъ былъ о томъ извѣщенъ; для чести самой виновной общины, которая все знала и была причиною всѣхъ этихъ бѣдствій, мы согласимся, ограничиться пріятіемъ временныхъ мѣръ, (которыя тотчасъ и были приняты) и не дѣлать публичнаго дописанія, а отдать отчетъ тайно одному комитету; «что было нами исполнено». Странное призваніе! Уже и такъ возмутительно видѣть публичныхъ чиновниковъ,

скрывающихъ дѣйствія, о которыхъ имъ поручено развѣдать, чтобы пощадить честь тѣхъ самыхъ злодѣевъ, которые допустили и совершили преступленіе! Но еще возмутительнѣе то, что не было принято никакихъ мѣръ для уничтоженія, или по крайней мѣрѣ для смягченія жестокихъ поступковъ, замѣченныхъ слѣдователями. Единственное извиненіе, которое можно допустить для оправданія Гармана, это то, что, нѣсколько дней спустя, его послали съ порученіемъ въ армию; вѣроятно даже, что и порученіе это имѣло единственною цѣлю помѣшать ему дать ходъ этому дѣлу. Какъ бы то ни было, сущность донесенія вполне подтверждается свидѣтельствомъ Гомена, который расходится съ нимъ только въ нѣкоторыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ.

Всего поразительнѣе здѣсь упорное молчаніе ребенка; Гарманъ относитъ рѣшительность его не говорить, къ тому дню, когда его вынудили подписать чудовищный доносъ противъ матери, Г. де Бошенъ, основываясь на свидѣтельствѣ Гомена, опровергаетъ вообще истину донесенія Гармана и его товарищей. Мы не раздѣляемъ его сужденія; потому что хотя Гоменъ и отвергаетъ, какъ ни на чемъ не основанное, мнѣніе, будто бы принцъ никогда не говорилъ со времени этого рокового дня, однакожь изъ его собственныхъ словъ мы видимъ, что исключенія были такъ рѣдки, что остались совершенно неизвѣстными; мы знаемъ не болѣе двухъ, или трехъ особъ, которыхъ неожиданная доброта исторгала у удивленнаго и тронутаго ребенка слова благодарности. Когда Гоменъ вступилъ въ свою должность, Лоранъ предсказывалъ ему, что «онъ не добьется отъ него ни слова» (*). Это даетъ поводъ

(* *Прим. издат.* «Лоранъ, говорить г. де Бошенъ, спросилъ у своего товарища, видалъ ли онъ когда принца? — Никогда, отвѣчалъ Гоменъ. — Въ такомъ случаѣ тебѣ долго не добьется отъ него ни слова.» Чтобы предположить, что ребенокъ никогда не говорилъ съ Лораномъ, должно, чтобы оно изъ самыхъ трогательныхъ выраженій ускользнуло отъ вниманія автора. Прибывнувъ выносить самыя низкія оскорбленія, ребенокъ не отдавалъ себѣ отчета въ хорошемъ обращеніи съ нимъ Лорана. «Отъ чего ты обо мнѣ такъ заботишься?» спросилъ онъ его однажды, удивленный его вниманіемъ; и такъ какъ Лоранъ отвѣчалъ ему ласково, онъ прибавилъ: «Я думаю, что и ты меня не любишь; при этихъ словахъ сердце его умилилось и глаза наполнились слезами, которыя онъ напрасно старался скрыть отъ своего пристаивника.

Стало быть, ребенокъ говорилъ съ Лораномъ; впрочемъ, предсказаніе его сбылось въ точности, «потому что, — говорятъ дальше г. де Бошенъ, — прошло много дней, прежде нежели Гоменъ услышалъ голосъ своего узника.» Первое слово, имъ произнесенное, было выраженіе благодарности: «Ты примешь лия цѣлость, я не забылъ этого.»

думать, что онъ никогда не говорилъ съ Лораномъ. Конечно, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что *нѣмота* его началась непосредственно послѣ подписки доноса 6 октября; достоверно только то, что въ эпоху, которую мы не можемъ опредѣлить съ точностію, но которая послѣдовала за этимъ произшествіемъ, онъ осудилъ себя на совершенное молчаніе. Если онъ имѣлъ малѣйшее понятіе о важности доносовъ, составленныхъ именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ подписалъ ихъ, то дѣйствительно онъ могъ произнести клятву отнынѣ не подавать повода искажать его слова; для этого должно предположить, что постоянныя и жестокия оскорбленія, которыя онъ принужденъ былъ выносить, рано пробудили въ юномъ умѣ принца чувство собственнаго достоинства. Смерть отца не была уже для него тайною; но всѣ его мысли стремились къ матери; воспоминаніе объ ней, какъ мы сей-часъ увидимъ, безпрестанно его преслѣдовало; разлука съ сестрою и теткою, смутное чувство, что онъ былъ причиною какой-нибудь для нихъ не-пріятности и болѣе всего, горестъ, заточеніе, лишеніе, наказанія, наконецъ, мученія и страхъ, которыя онъ испытывалъ, достаточно объясняютъ и безчувственность, въ которую онъ впалъ, и молчаніе, которое постоянно наблюдалъ до самой могилы. Безспорно однакожь, что и въ этой крайности, онъ сохранилъ болѣе памяти и чувствительности, нежели обнаруживалъ передъ другими.

Страхъ Гомена сдѣлаться подозрительнымъ, придавалъ ему видъ холодности, доходившей до строгости. Но, однажды вечеромъ, 12 марта 1795, когда Лоранъ и дежурный отлучились въ свой клубъ, Гомень оставшись наединѣ съ узникомъ, предался болѣе обыкновеннаго чувству состраданія, которое онъ внушалъ ему.

Ребенокъ пристально посмотрѣлъ на него, и прочитавъ на лицѣ его выраженіе нѣжности, всталъ, съ умоляющимъ взоромъ и не сводя глазъ съ Гомена, пошелъ къ дверямъ: «Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Гомень, вы очень хорошо знаете, что *это* невозможно. — *Мнѣ хочется взглянуть на нее одинъ разъ*, сказалъ блѣдный сирота; пожалуйста, *дайте мнѣ взглянуть на нее, прежде нежели я умру!*» Гомень тихонько удалилъ его отъ дверей и подвелъ къ кровати, на которую онъ упалъ безъ чувствъ и безъ движенія. Приставникъ, встревоженный, столькоже за себя, сколько за него, — какъ онъ самъ въ томъ сознается, — подумалъ сначала, что онъ умеръ отъ горести. Въ послѣдствіи онъ повѣлъ, что ребенокъ, выжидая благоприятнаго случая повидаться съ матерью, думалъ, что наконецъ нашелъ его, и не могъ перенести не-

обходимость разстаться съ своей мечтою. Это маленькое происшествіе еще болѣе расположило къ нему добраго Гомена.

Нѣсколько дней спустя, 23 марта, жестокая сцена произошла въ Тамплѣ. Нѣкто Колло, дежурный комиссаръ, вскричалъ напыщеннымъ тономъ, пристально смотря на принца: «этому ребенку осталось жить не болѣе шести декадъ.» Лоранъ и Гомень, испуганные дѣйствіемъ, которое это предсказаніе могло произвести на принца, старались дать другой оборотъ его словамъ, но Колло продолжалъ съ звѣрскимъ наслажденіемъ: «Я говорю вамъ, граждане, что не пройдетъ 6 декадъ, какъ онъ околѣетъ, или сдѣлается идиотомъ». Принцъ все слышалъ и только грустно улыбался; но когда Колло увязалъ, на глазахъ его показались слезы; онъ прошепталъ: «*А вѣдь я никому не одьмалъ зла?*»

29 марта его постигло новое огорченіе. Должность Лорана въ Тамплѣ была противна его чувствамъ и наклонностямъ; но онъ не смѣлъ отказаться отъ нея, чтобы не прослыть дурнымъ патриотомъ; смерть матери доставила ему благовидный предлогъ требовать отставки. Онъ покинулъ Тамплѣ къ величайшему сожалѣнію его жителей. Невинность и кротость ребенка умѣрила республиканскія чувства Лорана и примирила его съ «сыномъ тирана....» На прощаньи, принцъ ласково пожалъ ему руку; онъ слѣдовалъ за нимъ взорами съ глубокою горестью, но по обыкновенію не сказалъ ни слова.

Мѣсто его заступилъ Ланъ. Определеніе и водвореніе этого новаго сторожа превосходно изображаютъ характеръ эпохи. Онъ получалъ письменное увѣдомленіе о своемъ назначеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ явиться въ Общину за наставленіями. Такъ какъ онъ медлилъ исполненіемъ приказанія, къ нему явились два жандарма, схватили его и препроводили прямо на новое мѣсто. Ланъ, служившій нѣкогда въ королевской гвардіи, былъ человекъ честный; онъ принадлежалъ къ умѣренной республиканской партіи и сохранилъ въ рѣчахъ и пріемахъ суровость стараго служака. Ланъ былъ главнымъ свидѣтелемъ въ процессѣ *мже-дофина* Ришмона, въ октябрь 1830, и сообщалъ тогда о пребываніи своемъ въ Тамплѣ и о смерти юнаго короля тѣже самыя подробности, которыя въ 1837 повторилъ г. Бошену, ничего не прибавляя и не измѣняя.

Въ теченіе 3-хъ недѣль, ребенокъ оставался столь же молчаливымъ съ Ланомъ, какъ и со всеми другими. Случай заставилъ его прервать молчаніе. Однажды Ланъ, стоя на часахъ въ Тюльери, видѣлъ, какъ маленькій Дофинъ дѣлалъ смотръ полку, составленному изъ дѣтей,

для его забавы и наученія. Рассказывая о томъ своему безмолвному узнику, Ланъ напомнилъ нѣкоторыя обстоятельства этого дня; вдругъ, лице ребенка одушевилось; онъ обнаружилъ очевидныя знаки участія и удовольствія и наконецъ сказалъ тихимъ голосомъ, какъ бы опасаясь, что его услышатъ:» *А видѣлъ ли ты меня въ саблею?*

Хотя сторожа должны были отвѣчать равно за обонкъ узниковъ, однакожъ Ланъ былъ исключительно приставленъ къ принцу, а Гоменъ къ принцессѣ, которую и провожалъ до границы, послѣ ея освобожденія. Во время Реставраціи, принцесса доставила ему мѣсто надзирателя въ замкъ Мёдонскомъ.

Ланъ, болѣе смѣлый и проникательный, чѣмъ Гоменъ, не замедлилъ примѣтить, что принцъ, въ которомъ онъ съ трудомъ могъ узнать прекраснаго и полнаго блестящихъ надеждъ ребенка, видѣннаго имъ въ Тюильри *съ саблею*, находится въ чрезвычайно опасномъ положеніи; онъ уговорилъ своего товарища вмѣстѣ съ нимъ написать въ ежедневной ведомости Тампля: « *Маленькій Капетъ недорогъ* » Такъ какъ это извѣщеніе было оставлено безъ вниманія, то оба пристава возобновили его на другой день въ выраженіяхъ болѣе положительныхъ: *Маленькій Капетъ опасно болѣеъ.* — Отвѣта вторично небыло. Должно дѣйствовать сильнѣе, сказали они и написали: « *Есть причины опасаться за жизнь его..* » Эта послѣдняя фраза вызвала приказъ 6 мая 1795 года, въ слѣдствіе, котораго г. Дезо, одинъ изъ отличнѣйшихъ врачей того времени, былъ призванъ къ ребенку. Дезо явился; но не могъ убѣдить е о отвѣчать и объявилъ, что его призвали слишкомъ поздно. Онъ нашелъ, что принцъ «страдаетъ тоюже золотушною болѣзнію, отъ которой умеръ братъ его въ 1789, и которая была усилена дурнымъ обращеніемъ и долгимъ затворничествомъ; Дезо отважился даже предложить, чтобы принца немедленно перевезли въ деревню, гдѣ перемѣна воздуха, движеніе и неуспыныя попеченія, быть можетъ, продлятъ жизнь его. Правительство, которое и не думало желать его выздоровленія, не обратило вниманія на мнѣніе доктора; Дезо долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что прописалъ мазь для растиранія опухолей на суставахъ и кой каія невинныя джкарства; но ребенка долго отказывался принимать и ихъ.

Неизвѣстно, желалъ ли онъ смерти, или, напротивъ того, боялся ада; для уничтоженія послѣдней мысли, если она дѣйствительно существовала, Гоменъ и Ланъ отвѣдывали при немъ джкарства. Наконецъ, однажды, уступая настоятельнымъ убѣжденіямъ Лана, онъ встрѣчалъ съ нетерпѣніемъ: «Ты вѣрно поглядя заставишь меня пить! Ну такъ,

давай, я выпью!» Какъ Дезо и ожидалъ, лѣкарство не привело въ больномъ никакой физической перемены; но нравственное его состояніе замѣтно улучшилось; ласковое обращеніе достойнаго доктора развязало ему языкъ; онъ сталъ, наконецъ, отвѣчать на вопросы и принималъ его попеченія съ удовольствіемъ, котораго не старался скрывать; однакожъ, такъ какъ онъ зналъ, что подслушиваютъ и подмѣчаютъ каждое его слово и такъ какъ докторъ никогда не оставался съ нимъ наединѣ, то бѣдный ребенокъ не смѣлъ просить его, чтобы онъ продалъ свои посѣщенія; но когда докторъ намѣренъ былъ удалиться, то онъ, не говоря ни слова, удерживалъ его за полу платья. Посѣщенія доктора продолжались три недѣли.

31 мая, дежурный комиссаръ вошелъ въ комнату больного, чтобы дожидаться тамъ доктора. Этотъ комиссаръ назывался Белланже; онъ былъ до революціи живописцемъ королевскаго брата и сохранялъ еще къ семейству своего государя живѣйшія чувства уваженія и преданности. Онъ принесъ съ собою портфель, наполненный рисунками, чтобы позабавить ребенка, который, молчаливый по обыкновенію, перебиралъ ихъ съ равнодушнымъ видомъ. Такъ какъ докторъ медлилъ пріѣздомъ, г. Белланже сказалъ: «Мнѣ бы очень хотѣлось, милостивый государь, прибавить къ моимъ рисункамъ еще одинъ; но если это вамъ непріятно, то я откажусь отъ моего желанія.» Пораженный словомъ *милостивый государь* и почтительнымъ тономъ, отъ котораго онъ давно отвыкъ, принцъ вышелъ изъ своей обыкновенной неподвижности! — Какой рисунокъ? спросилъ онъ. — Вашъ портретъ; мнѣ бы сдѣлало это большое удовольствіе, если бы не было вамъ непріятно. — Это сдѣлаетъ вамъ удовольствіе? сказалъ ребенокъ, и милою улыбкою выразилъ свое согласіе на желаніе художника.

Г. Дезо не двинулся ни въ тотъ день, ни на другой. Удивленный этимъ непривычнымъ отсутствіемъ, дежурный комиссаръ хотѣлъ послать за нимъ. — Сторожа не рѣшались взять на себя такую вѣзначительную отвѣтственность, какъ вдругъ прибылъ новый комиссаръ и разрѣшилъ сомнѣнія, говоря: — «Не ждите его; онъ вчера умеръ.» Столь внезапная смерть, въ такую важную минуту, породила множество догадокъ; самая общепринятая была та, что г. Дезо далъ яду своему больному и потомъ самъ былъ отравленъ тѣми, которые принудили его совершить преступленіе и хотѣли схоронить съ нимъ тайну.

Время и обстоятельства его смерти, по видимому, оправдывали эти подозрѣнія, (*) не имѣвшія, впрочемъ, никакого основанія. Дезо былъ

(*) Такъ напр. Дезо умеръ 1 июня, а въ рапортѣ Комитета Обществен-

человѣкъ честный, — и, какъ говорить герцогиня Ангулемская своимъ простымъ и трогательнымъ слогомъ: «Единственный ядъ, сократившій дни его, была нечистота, въ соединеніи съ ужаснымъ обращеніемъ, съ жестокостію и суровостію безпримѣрными.» — (*Повѣствованіе герц. Ангул.*)

Въ теченіе 5 дней ребенокъ оставался лишеннымъ всякихъ врачебныхъ пособій; наконецъ, 5 іюня, г. Шеллану, главному доктору больницы *Hôtel-Dieu*, было поручено навѣстить его. «Этотъ докторъ, говоритъ г. де Биеневъ, присланный для вида къ умирающему ребенку, подобно тому, какъ даютъ адвоката преступнику, заранѣе осужденному на смерть, нималъ твердость громко жаловаться передъ комиссарами на недостатокъ воздуха и мрачность комнаты больного; онъ возсталъ также противъ огромныхъ желѣзныхъ запоровъ и задвижекъ, которыхъ стукъ, когда отворяли и запирали двери, причинялъ страдальцу волненіе, трепеть, гибельныя въ его положеніи.» «Если вы сей-часъ же не уничтожите этихъ запоровъ и ставень, то по крайней мѣрѣ не должны противиться тому, чтобы мы перенесли ребенка въ другую комнату. «Принцъ понялъ его слова,» и вопреки своей неизмѣнной привычки, знакомъ пригласилъ этого новаго друга къ своей постели и сказалъ: *Пожалуйста, говорите потише; я боюсь, что онъ услышитъ васъ, тамъ на верху; а мнѣ было бы такъ непріятно, если бы онъ узнали, что я больной; это ихъ очень огорчило бы.* «Онъ — это были мать его и тетка; онъ все еще воображалъ, что обѣ находятся возлѣ него. Комиссаръ, будочникъ, по имени Тори, изъявлялъ свое согласіе; небольшая комнатка въ маленькой башнѣ, нѣкогда служившая гостинною начальнику ордена архива, была приготовлена для принятія больного. Добрый Гоменъ поспѣшилъ перенести его на рукахъ, потому что бѣдный ребенокъ не въ состояніи былъ туда дотащиться. Этотъ переходъ совершился не безъ живѣйшихъ страданій для больного; глаза его, въ продолженіе столь долгаго времени лишенные дневнаго свѣта, сначала были болѣзненно ослѣплены; но вскорѣ видъ солнца и свѣжесть воздуха, который стремился въ комнату черезъ большое раскрытое окно, оживили его и наполнили радостію; нѣсколько минутъ спустя, онъ устремлялъ на

ной безопасности выставлено 4-е число. Ошибка, безъ сомнѣнія, не преднамеренная, но страшная въ оффиціальной бумагѣ; тамъ болѣе, что на мѣсто 6, она оставляетъ только три дня прожить между смертію доктора и его пациента.

Гомена взоръ невыразимой благодарности. Но день кончался и съ 8 часовъ вечера его снова заперли и отдали на жертву одиночеству.

Утромъ 6 числа, Ланъ натеръ ему колѣнки мазью и далъ выпить ложку лекарства; думая что ему лучше, оцъ одѣлъ его и положилъ на постель. Вскорѣ прибылъ докторъ; оцъ пощупалъ у него пульсъ и сказалъ ему: «Довольны ли вы, что васъ перевели въ эту комнату? — О! да, очень доволенъ;» отвѣчалъ принцъ слабымъ голосомъ и съ печальною улыбкою, наполнившею горестію сердца твхъ, къ кому оцъ обращался.

Въ обѣденный часъ, когда ребенокъ выпилъ ложки двѣ бульону и медленно подносилъ ко рту нѣсколько вишенюкъ, лежавшихъ у него на постели, явился новый комиссаръ, носившій страшное имя Гебера, котораго впрочемъ оцъ былъ вполне достоинъ. «Эй ты, гражданинъ, закричалъ оцъ на прислужника, а покажи-ка мнѣ повелѣніе, полученное тобою для перемѣщенія волченка. — Мы не получали письменнаго повелѣнія, отвѣчалъ Гомень; по докторъ, котораго ты увидишь завтра утромъ, скажетъ тебѣ, что мы дѣйствовали по его приказанію. — А давно ли, продолжалъ Геберъ громкимъ голосомъ, республикою правятъ шарлатаны? Должно, — слышишь ли ты, выправить повелѣніе отъ комитета.» При этихъ словахъ, ребенокъ выронилъ вишенку, которую держалъ между пальцами, упалъ на постель и спряталъ лице въ подушку. Потомъ, наступила ночь; оцъ опять былъ запертъ, покинуть на жертву физическимъ страданіямъ и новому страху, внушенному ему угрозами Гебера.

Пеллетанъ нашелъ ребенка въ такомъ опасномъ положеніи, что просилъ *Комитетъ Общ. безопасности* прикомандировать къ нему другаго доктора для консультаціи; въ слѣдствіе чего, на другой день, 7 іюня, былъ присланъ къ нему г. Дюманьенъ, главный докторъ больницы *Милосердія*. До прихода ихъ съ больнымъ сдѣлался обморокъ, который, по всѣмъ признакамъ, угрожалъ ему близкою смертію. Доктора, послѣ краткаго совѣщанія, объявили его безнадежнымъ; они сказали, что искусство было надъ нимъ безсильно и что имъ оставалось только облегчить муку предшествующую смерти, которая приближалась медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Они громко выразили свое удивленіе и живѣйшее негодованіе на то, что ребенка оставляли одного ночью и большую часть дня, и настояли на необходимости немедленно приставить къ нему сидѣлку.

Комитетъ, на другой день, 8 іюня, издалъ приказъ сообразный съ этимъ требованіемъ, но въ ожиданіи приказа, продолжали слѣдовать установлен-

тому порядку и ребенок еще раз провел одну ночь, которая была его последнею ночью. Она показалась ему тяжелее всех прочих; перемена комнаты пробудила в нем надежду; когда Гомень простился съ нимъ вечеромъ, крупныя слезы текли по щекамъ его и онъ сказалъ ему: — *Вичко одинь! матушка осталась въ другой башнѣ!*

Утро утромъ, когда Ланъ вошелъ къ нему по обыкновенію, ему показалось, что ребенокъ чувствуетъ себя лучше вчерашняго; но доктора, которые вскорѣ прибыли, судили объ его положеніи иначе и ихъ донесенія, отправленные изъ Тампа въ 11 часовъ, возвѣщали близкую опасность. Въ эту минуту, Гомень смѣнилъ Лана у постели больного. Долго онъ не говорилъ съ нимъ ни слова, опасаясь причинить ему волненіе; а ребенокъ никогда самъ первый не заговаривалъ. Наконецъ Гомень изъявилъ ему свое сожалѣніе, что видитъ его такимъ слабымъ. «*Утѣшайтесь, отычалъ онъ, я скоро перестану страдать.*» Гомень залился слезами и сталъ на колѣна у кровати; въ то время, какъ онъ молился, ребенокъ схватилъ его руку и прижалъ къ своимъ блѣднымъ губамъ.

Гомень, видя его спокойнымъ, неподвижнымъ и безмолвнымъ, сказалъ ему:—не правдали, что въ эту минуту, вы меньше страдаете?— О! да; гораздо меньше: музыка такъ хороша!

Никакой музыки не было ни въ башнѣ, ни въ ея окрестностяхъ; никакой внѣшній звукъ не достигалъ въ эту минуту до комнаты, гдѣ угасалъ юный страдалецъ. Гомень, удивленный его словами, спросилъ:—Въ какой сторонѣ слышится вамъ музыка?—Тамъ, на верху!— Давно?— Съ тѣхъ поръ, какъ вы стоите на колѣняхъ. Развѣ вы не слышали? Слушайте! Слушайте!—И ребенокъ первическимъ движеніемъ приподнялъ слабую рученку и шире раскрылъ свои большіе глаза, гортвише восторгомъ. Бѣдный приставникъ, не желая разрушить сладостную и высокую мечту умирающаго, также принялся слушать съ благочестивымъ желаніемъ услышать то, что не могло быть услышано.

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ вниманія ребенокъ снова затрепеталъ; глаза его заблестали силой прежняго и онъ вскричалъ въ невыразимомъ порывѣ: *«Среди всѣхъ этихъ голосовъ, я узнаю голосъ матушки!»*

«Этотъ имя, вылетѣвшее изъ устъ сироты, казалось уничтожало въ немъ всякое страданіе. Взоръ его озарился тѣмъ тихимъ свѣтомъ, который сообщается уврѣненію въ освобожденіи, или въ побѣдѣ.

«Очарованный невидимымъ зрѣлищемъ, внимаая отдаленнымъ звукамъ

одного изъ тѣхъ лицевъ, которыхъ никогда не слышало человеческое ухо, онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его заражалась новая жизнь!

«Минуту спустя, взоръ его угасъ и на лицѣ отразилось холодное уныніе. Гоменъ слѣдовалъ съ тревожнымъ чувствомъ за всеми движеніями больного. Дыханіе его было свободнѣе, только взоръ медленно и разсѣянно бродилъ по комнатамъ, отъ времени до времени останавливался въ окнѣ... Гоменъ спросилъ, что его привлекало. Ребенокъ смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ и хотя вопросъ былъ сдѣланъ вторично, онъ по видимому, не понималъ его и ничего не отвѣчалъ.

Ланъ вошелъ смѣнить Гомена; послѣдній удалился съ стѣсненнымъ сердцемъ, но не болѣе вчерашняго встревоженный, потому что не предвидѣлъ близкой кончины принца. Ланъ сѣлъ у кровати; принцъ долго смотрѣлъ на него неподвижнымъ и задумчивымъ взоромъ. Наконецъ онъ сдѣлалъ легкое движеніе, и Ланъ спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ и не желаетъ ли чего-нибудь?—Ребенокъ отвѣчалъ ему:—Какъ ты думаешь, сестрица слышала музыку?

Ланъ не могъ отвѣчать на это. Тоскливый взоръ умирающаго стремился къ окну... Изъ устъ его вылетѣло радостное восклицаніе; потомъ, посмотрѣвъ на своего сторожа, онъ прошепталъ:—*Я хочу сказать тебѣ кое-что.*—Ланъ взялъ его за руку; слабая головка узника наклонилась на грудь приставника, который нѣсколько времени прислушивался, но тщетно. Все было кончено. Богъ сохранилъ для себя одного измѣненіе его послѣдней мысли. Ланъ положилъ руку на сердце ребенка; сердце Людовика XVII перестало биться.

Было четверть третьяго послѣ полудня.

Гг. Пельтанъ и Дюмаженъ, вмѣстѣ съ гг. Жанъ-Руа и Лассю, отличными врачами, принадлежавшими къ королевской партіи, въ донесеніи своемъ засвидѣтельствовали не только объ отсутствіи малѣйшихъ признаковъ гда, но и вообще о здоровомъ состояніи внутренностей и мозга. Въ слѣдствіе этого донесенія, смерть ребенка должно было приписать сухоткѣ «произведенной золотушною близзнію, которая давно уже къ немъ таилась», что и доказывается опухолью суставовъ. Доктора не сказали ни слова о причинахъ, которыя породили и безспорно увеличили зло столь гибельнымъ образомъ.

Бѣдному ребенку, бывшему при жизни жертвою гоненій, суждено было сдѣлаться и по смерти жертвою поруганія.—Хирургъ Пельтанъ, которому въ особенности поручено было привести въ порядокъ тѣло послѣ вскрытія, во время Реставраціи являлъ странную дерзость сознавъ, что въ то время, когда товарищи его разговаривали между собою на другомъ концѣ комнаты, онъ урядливо взялъ сердце и положилъ его къ себѣ въ карманъ, завернувъ въ салфетку; нѣсколько времени сохранилъ онъ его въ спиртѣ, гдѣ оно наконецъ высохло; потомъ спряталъ въ ящикъ, откуда похитилъ его одинъ изъ его учениковъ, сознавшійся на смертномъ одрѣ въ этомъ похищеніи и поручившій своему тестю и вдовѣ возвратитъ похищенное. Далѣе Пельтанъ увѣрлялъ, будто онъ принялъ обратно это сердце, вложенное въ мѣшечекъ и безъ труда узнавалъ, *потому что тысячу разъ бралъ его въ руки и рассматри-*

валъ со вниманіемъ; оно хранилось у него въ хрустальной урнѣ, на которой были озабражены 17-ть звездочекъ. О достовѣрности этихъ драгоценныхъ останковъ завязался споръ, въ слѣдствіе котораго Людовикъ XVIII, сначала имѣвшій намѣреніе помѣстить это сердце въ королевской усыпальницѣ, въ Сенъ-Дени, оставилъ это намѣреніе, — какъ говорятъ, въ особенности по свидѣтельству Лана. Последний положительно объявилъ, что какъ бы ни были заняты докторъ, но онъ самъ въ продолженіе всей операціи ни разу не сводилъ глазъ ни съ тѣла, ни съ г. Пеллытана, который не могъ ничего похитить такъ, чтобы онъ, Ланъ, того не замѣтилъ. Такимъ образомъ, подложное сердце осталось въ рукахъ потомковъ г. Пеллытана.

Но это еще не все. Самая могила бѣднаго ребенка сдѣлалась предметомъ преній. Безспорно, что Людовикъ XVII былъ погребенъ днемъ, съ приличною торжественностію, въ присутствіи многихъ муниципальных чиновниковъ и Лана, своего послѣдняго друга, на кладбищѣ при церкви Св. Маргариты, въ предмѣстьѣ св. Антонія. Но когда Людовикъ XVIII повелѣлъ отыскать *точное* мѣсто погребенія съ цѣлію перенести прахъ пріяча въ С. Дени, собранныя свидѣнія были такъ мало убѣдительны и даже такъ противорѣчили одно другому, что, какъ и въ отношеніи къ сердцу, онъ счелъ благоразумнымъ отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія. Такимъ образомъ, кости Людовика XVII лежатъ до сихъ поръ смѣшанныя съ другими, окружающими ихъ костями, въ маленькомъ огороженномъ пространствѣ, поросшемъ травой и прилежащемъ къ церкви въ пространствѣ, столь тѣсномъ, что оно даже и не обозначается на обыкновенныхъ планахъ Парижа. Это кладбище оставалось заброшеннымъ въ теченіи 50 лѣтъ, незвѣстнымъ для двухъ поколѣній людей, жившихъ въ соседствѣ, до тѣхъ поръ пока благоговѣйный энтузіазмъ г. де Бошена намъ снова не открылъ его; и теперь вѣроятно оно не будетъ уже забыто, хотя это мѣсто давно утратило свое первоначальное назначеніе.

Г. Бошень намекаетъ, что герцогиня Ангюлемская имѣла намѣреніе воздвигнуть въ этомъ уединенномъ углу памятникъ Людовику XVII. Не понимаемъ, какимъ образомъ, министры Бурбоновъ отвергнули столь благочестивое и смиренное желаніе. Г. де Бошень прибавляетъ, что онъ самъ намѣренъ помѣстить сиромый камень на томъ мѣстѣ, гдѣ по его предположеніямъ, покоится прахъ царственнаго страдальца. Во всякомъ случаѣ ему остается утѣшеніе думать, что въ своемъ сочиненіи онъ воздвигнулъ предмету своей преданности и благоговѣйнаго восторга такой памятникъ, который бессильны совершить ненависть партій и самая всеограшающая сила времени.

(Quarterly Review.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РАУТЬ. Книга третья. Историческій и литературный сборникъ, въ пользу Прусненскаго семейнаго приюта. Изданіе Н. В. Сушкова. Москва, 1854 года.

Въ чемъ состоитъ назначеніе альманаха?—Альманахъ долженъ быть сборникомъ возможно лучшихъ произведеній какого-либо года; онъ долженъ содержать въ себѣ статьи, выбранныя не безъ строгаго убѣжденія, и не допускать тѣхъ слабыхъ произведеній, которыми по необходимости наполняются иногда журналы, лишенные возможности, быть слишкомъ разборчивыми, въ слѣдствіе частаго появленія.

Прежніе «Рауты» г. Сушкова не вполне удовлетворяли этому требованію; но все таки не были лишними въ русской литературѣ, сообщая нашей публикѣ нѣсколько произведеній, не лишенныхъ достоинства и оставшихся у иныхъ въ памяти. — Посмотримъ, въ какой мѣрѣ соответствуетъ высказанному нами понятію новая книжка «Раута.»

Къ сожалѣнію, новый «Рауть» уступаетъ даже и своимъ старшимъ братьямъ, особенно въ отношеніи литературномъ. — Назовемъ прежде помѣщенные здѣсь историческіе матеріалы, изъ которыхъ нѣкоторые довольно любопытны. Важнѣйшіе изъ нихъ: 1) Реляція генерала Фермора о занятіи Русскими войсками Кенигсберга, — интересная, какъ всякій современный документъ о блистательныхъ успѣхахъ русскаго оружія. — 2) Письмо къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й графа Миниха, замѣчательное по грустному тону, съ которымъ фельдмаршалъ говоритъ о своемъ утомленіи и проситъ объ увольненіи отъ службы. 3) Просьба объ отставкѣ, поданная Императрицѣ графомъ Минихомъ. Здѣсь исчислена почти погодно вся служба фельдмаршала, въ слѣдствіе чего это прошеніе можетъ послужить указаніемъ для его біографа. Особенно любопытны здѣсь пункты 11 и 17-й, которые мы выпишемъ

ваємъ для нашихъ читателей, съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи
 оригинала. П. 11. «Въ 732 году по соизволенію Е. И. В. мною чи-
 « вены и отъ Ея В. всемилостивѣйше подтверждены штаты: гвардіи,
 « полевой арміи, гарнизонамъ и украинскому ландмилицкому корпусу,
 « по которымъ штатамъ находящіяся въ службѣ чины, какъ ино-
 « странныя, такъ и Россійскія, жалованье стали получать равное, а до
 « тѣхъ штатовъ, природныя Россійскія противъ выѣзжихъ изъ чуже-
 « странной земли Нѣмцовъ получали съ великимъ уменьшеніемъ; на
 « примѣръ: полковникъ выехавшей получалъ 600 руб., а немецъ
 « родившійся въ Россіи 480 руб. действительно же природной Россій-
 « ской только 200 руб.....» — Также любопытенъ п. 17. «Сия съ
 « турками и татарами война продолжалась до 739 года съ таковымъ
 « же счастливымъ успѣхомъ, такъ, что взялъ я славной городъ и
 « крѣпость Очаковъ; а втомъ было гарнизону турецкаго 25000 чело-
 « вѣкъ и близъ города лежало свойскомъ 18 галеръ, потомъ взялъ
 « городъ Хотинъ, побили турецкаго и татарскаго войска близъ Стону-
 « чанъ великое число; получа въ добычу лагерь, артиллерію и амму-
 « ницію; а перешедъ черезъ рѣку Прутъ, вступили вгородъ Яссы
 « встолицу молдавскаго Господаря, и привели всю Молдавію въ пот-
 « данство Россійской имперіи, прошедъ далѣе къ городу Бендерамъ,
 « и моглибъ они взять безмалаго потерявша людей; но сего въ действо
 « привести не можно было по притчинѣ заключеннаго съ турками со
 « стороны Е. В. Римскаго цезаря несчастливаго мнимаго трактата, по
 « которому цесарцы безъ всякой нужды отдали туркамъ славной по-
 « граничой Белградъ, которымъ они и повнынъ владѣють. Итакъ я
 « всилу присланнаго ко мнѣ отъ Ея И. В. именнаго указа принужденъ
 « былъ съ арміею возвратится въ Россію, бывъ въ немалой пѣчали,
 « что притехъ счастливыхъ съ нашей стороны успѣхахъ, по притчинѣ
 « помянутаго мирнаго трактата, не можно было турокъ изъ ихъ сто-
 « личнаго города Константинополя выгнать, вонъ, на то требовалось
 « время небольшое, потому что Крымскія татары о вступленіи въ пот-
 « данство подъ Россійскую имперію публикованныя отъ меня въ ихъ
 « землѣ манифесты охотно привали, и намерены были для капитуляціи
 « прислать отсебѣ комисаровъ.» 4). Постановленіе о торжествѣ мира
 съ оттоманскою Портою. 5). Такъ же любопытно письмо графа Ф. В.
 Растопчина къ преосвященному Августину. — Остальные историческіе
 матеріалы тоже не лишены занимательности. — Изъ матеріаловъ, отно-
 сящихся къ исторіи литературы, особенно любопытно посланіе Мило-
 нова, замѣчательное по чувству и по мысли, но не по художеству

стиха, который для современника Жуковского не довольно гладокъ и благозвученъ. Стихотвореніе Пушкина не принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній, хотя все, что вышло изъ-подъ пера Пушкина интересно для читателей, по отношенію къ его имени. Публика будетъ также благодарна издателю за сообщеніе ей стихотвореній А. В. Храповицкаго, живыхъ, остроумныхъ, исполненныхъ неподдѣльной веселости. Очень жаль, что нѣтъ подробной біографіи Храповицкаго, которая могла бы быть картиной и тогдашняго двора и общества тогдашнихъ литераторовъ. Введеніе, написанное издателемъ къ стихотвореніямъ Храповицкаго только дразнить любопытство читателя, но нисколько ему не удовлетворяетъ; оно совсѣмъ лишнее. Извѣстно, что въ запискахъ и бумагахъ Храповицкаго много интереснаго, но ничего изъ этого интереснаго г. Сушковъ не сообщаетъ публикѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Храповицкомъ, до такой степени сбивчивы, что никакъ не могутъ быть названы статьею о немъ. Это какая-то путаница, которая вообще составляетъ главный характеръ сочиненій издателя Раута. Мы не понимаемъ даже, съ какою цѣлю написаны эти 15 страничекъ, изъ которыхъ читатель не узнаетъ ровно ничего. — Письма Храповицкаго къ брату менѣе интересны, и безъ заключающихся въ нихъ стиховъ даже вовсе не были бы любопытны. — Къ историческимъ же матеріаламъ слѣдуетъ отнести письма къ М. Н. Загоскину отъ нѣсколькихъ извѣстныхъ писателей, помѣщенные въ стать г. Сушкова: «Обозъ къ потомству.» Эти письма доказываютъ, съ какимъ восторгомъ былъ принятъ публикою и литераторами «Юрій Милославскій.» За помѣщеніе (въ той же стать) письма Гоголя къ Ф. Ф. Вигелю мы, съ своей стороны, особенно благодарны издателю «Раута.» — Оно переноситъ въ то недавнее время, когда странная, но умилительная исповѣдь Гоголя предъ лицомъ всей Россіи вызвала столько вражды, столько озлобленія. Это письмо не лишнее даже для оцѣнки того состоянія, въ которомъ находился самъ Гоголь во время изданія его «переписки съ друзьями.» Изъ этихъ немногихъ строкъ видно, что если «переписка» не произвела на читателей того благотворнаго вліянія, котораго ожидалъ отъ нея ея авторъ, то для самого Гоголя изданіе этой книги осталось не безъ душевной пользы.

Вотъ все, что можно сказать относительно содержанія помѣщенныхъ въ «Раутъ» историческихъ матеріаловъ. Что же касается до способа помѣщенія, то онъ довольно странный и чрезвычайно неудобенъ для читателей. Во-первыхъ, эти матеріалы какъ-то разбросаны; во-

вторыхъ, многіе изъ нихъ помѣщены въ текстъ статей самого г. Сушкова, такъ что невольно просмотришь нѣсколько страничекъ, думая найти въ нихъ какое-нибудь необходимое объясненіе къ изданному матеріалу, а прочитавъ ихъ увидишь, что онѣ находятся къ нему въ самомъ далекомъ отношеніи и что, въ сущности, матеріалъ самъ по себѣ, а слова г. Сушкова сами по себѣ. Это большое неудобство! — Всѣ объясненія г. Сушкова ничего не объясняютъ; онѣ совсѣмъ лишнія; они только путаютъ читателя и мѣшаютъ дѣлу.

Переходимъ къ современной части «Раута» т.-е. къ части литературной. Здѣсь мы скажемъ сначала о произведеніяхъ владчиковъ «Раута», а потомъ о произведеніяхъ самаго издателя. Последнія, за исключеніемъ всѣхъ, помѣщенныхъ въ статьяхъ г. Сушкова, матеріаловъ, занимаютъ все-таки почти 200 страницъ, слѣдовательно около половины всей книги и гораздо болѣе половины литературной ея части. — И такъ скажемъ прежде всего о стихотвореніяхъ «Раута.»

Это лучшая часть сборника. Нѣкоторыя стихотворенія замѣчательно хороши. Къ числу такихъ должно отнести три стихотворенія г-жи Павловой, въ которыхъ мы съ удовольствіемъ узнали прежніе художественные звуки; четыре стихотворенія г. Берга; «Мшненіе», балладу г. Миллера, замѣчательную по мастерству стиха; и оригинально-прекрасное стихотвореніе г. А. Ц. «Солдатскій разсказъ», полное чувства и энергіи. Довольно хороши такъ же: два стихотворенія графини Растопчиной. Но за то многіе изъ стиховъ, помѣщенныхъ въ «Раутѣ», совсѣмъ неудачны. Таково «Письмо къ другу», А. П. Сушкова, раста-нутое и слабое; такovy особенно «Грѣхи молодости.» г. Долина, состояшіе изъ четырехъ стихотвореній: *Вихорь*, *Предостереженіе*, *Пятнадцатъ лѣтъ* и *Музыкантъшъ*. Такіе грѣхи не хороши ни въ молодости, ни въ зрѣломъ возрастѣ, ни въ старости; а если уже грѣхъ попуталъ, и если авторъ имѣетъ благоразуміе въ немъ сознаться, то остается только просить публику: «грѣхъ юности моей не помяни!» что для читателей довольно легко.... публичная исповѣдь въ этомъ случаѣ дѣло лишнее. Не понимаемъ также, зачѣмъ помѣщены двустишія и четверостишія, не содержащія въ себѣ ни остроты, ни замысловатости, и принадлежащіе рѣшительно къ прошлому вѣку! — Зачѣмъ было выставять на показъ старческаія слабости? Не ужели только на то, чтобы они попали въ *Ералашъ Современника*. А имѣть только тамъ и мѣсто.

Проза «Раута» бѣдѣе стихотворной части. Изъ числа прозаическихъ

статей этого сборника можно указать, как на самыя лучшія, на слыдующія: «О благотворительныхъ и учебныхъ учрежденіяхъ Дамскаго Попечительства о бѣднцѣхъ въ Москвѣ» г-жи Драшусовой; на «Письмо къ Н. И. Гречу іеромонаха Серафима», извѣстнаго подъ именемъ Святогорца, и на «повѣсти» гг. Кушнерова и Калошина, которыя обѣ разсказаны живо. Въ послѣдней есть страницы, которыя будутъ прочитаны съ большимъ удовольствіемъ. Такова на примѣръ характеристика узднаго городка. Двѣ повѣсти г. Вистенгофа не принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній наблюдательнаго разсказчика, особенно странный разсказъ: «Послѣдніе партенеры», хотя и въ нихъ мѣстами встрѣчается таже наблюдательность и таже живость языка, которыя отличаютъ прежнія сочиненія этого автора.

Скажемъ теперь о произведеніяхъ самого издателя. Г. Сушковъ не поспешилъ для своего сборника. Онъ надѣлилъ его четырьмя стихотвореніями, цѣлой трагедіей въ стихахъ и двумя статьями въ прозѣ. — О стихотвореніяхъ г. Сушкова много говорить нечего. Репутація ихъ давно уже установилась: старо и вяло; и все, что бы мы ни сказали, будетъ только развѣ слабѣе давно сказаннаго. Замѣтимъ только, что г. Сушковъ обладаетъ особеннымъ неискусствомъ въ выборѣ эпитетовъ и метафоръ. Такъ на пр. онъ говоритъ обѣ умершихъ своихъ дѣтяхъ:

« — Все же съ ними я живу —
И порой духовнымъ окомъ,
Сквозь небесное стекло,
Вижу въ міръ ихъ далеко!..... »

Что это за *небесное стекло*? Метафора должна содѣйствовать красотѣ выраженія, а не портить его. Неужели безпредѣльное небо менѣе повѣчно, чѣмъ какое-то стекло?... Въ другомъ мѣстѣ:

« И хранители родные —
Два души моей крыла
Два кадила, двѣ лампы.... »

Читателю нѣтъ времени остановиться ни на одной изъ метафоръ. Одно изъ трехъ: или *крыло*, или *кадило*, или *лампада*! Что общаго между всеми этими сравненіями? Господинъ Сушковъ выставляетъ себя ученикомъ Мерзлякова. Что сказалъ бы строгій и ученый Мерзляковъ объ этихъ метафорахъ? Онъ, не смотря на свое добродушіе, раскричался бы на всю аудиторію. Мерзляковъ былъ мужъ ученый; отъ метафоры онъ требовалъ точности и единства образа; онъ улизъ

смирять беспорядокъ поэтической страсти. Онъ сказалъ въ посланіи къ Пизонамъ, хотя этого и не говорилъ Гораций:

Ты авторъ; ты намъ дажь права на осужденіе:
Разборчивъ, точенъ, строгъ, смириль души паренье!

Въ другомъ стихотвореніи г. Сушкова:

• Цѣпью, порознь, хорОВОДОМЪ
Миріады миріады
Дѣтскихъ душъ поютъ, ликують,
Вьются, плавають, парятъ....»

Парить значитъ летѣть въ высоту, а плавать и летать вмѣстѣ невозможно. — Потому, какъ это плаваютъ хорОВОДОМЪ? — Конечно, духовное не связано физическими законами, но когда переводится на человѣческой языкъ, то должно быть выражаемо по-человѣчески. Таковъ уже непреложный законъ логики, вкуса, и вообще природы человѣческой. Что съ этимъ дѣлать! — Стихотвореніе «Ночь на желѣзной дорогѣ» намъ болѣе нравится. Въ немъ по крайней мѣрѣ звукоподражаніе доведено до такихъ предѣловъ, что стихъ напоминаетъ отчасти самый визгъ паровой машины. Но верхъ совершенства — это четверостишіе, подъ названіемъ «Минута мизантропіи»

• Какъ люди злы! и въ злобѣ какъ ужасны
И ничто для нихъ святаго нѣтъ!
И дружба ихъ, и ласки ихъ опасны
И счастливы тотъ, кого не знаетъ свѣтъ!»

Это какая-то прокламація о людской злобѣ. Послѣ этого одинъ советъ: удалиться отъ свѣта и не добиваться въ немъ извѣстности.

Трагедія «Сафо» вышла первымъ изданіемъ въ 1823 году. Это 30-лѣтнее ея существованіе составляетъ предметъ какой-то гордости для г. Сушкова; онъ не разъ объявлялъ печатно, что его «Сафо» совершеннѣйшая. Конечно, прожить дѣвушкѣ 30 лѣтъ забытою и послѣ долгаго забвенія опять появиться въ свѣтъ — это доказываетъ нѣкоторую храбрость и привязанность къ жизни покойной «Сафо», которая и родилась при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. При самомъ рожденіи ея одинъ критикъ изъяснилъ сожалѣніе, что Сафо не утопилась въ 4-мъ дѣйстви! Нельзя не пожалѣть объ этомъ и теперь, тѣмъ болѣе, что Сафо успѣла уже и состарѣться. Тридцать лѣтъ не

прибавили красоты бывшей греческой красавицы. Съ самаго начала и до конца стихи плохи.

Переходимъ въ заключеніе къ капитальной статьѣ сборника, называющейся: «Обозъ къ потомству» съ книгами и рукописями. — Изъ записокъ Н. В. Сушкова.» Касательно заглавія авторъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку. «Въ 1845 г., говоритъ онъ, вздумалось мнѣ начать мои записки. По временамъ пересматривая *написанное* на досугъ, я долженъ былъ иное пополнить и пояснить — *ради современности въ выноскахъ.*» А на стр. 254 говорится слѣдующее: «Въ статьѣ Пѣ что о кантатахъ и еще кой о чемъ, и о томъ, и о семъ «я сказалъ, что пишу записки о быломъ, о всемъ томъ, что я видѣлъ, что я слышалъ на Руси въ разныхъ слояхъ общества. Статья эта могла бы пойти за введеніе въ *записки, которыхъ признаюсь, не написалъ еще ни строчки.*» Какъ же это! Сначала авторъ говоритъ не только, что записки существуютъ, но даже сказалъ въ примѣчаніи, что изъ нихъ три статьи были напечатаны, а потомъ признается, что не написалъ изъ нихъ ни строчки! Страшная забывчивость автора! — Именемъ потомства умоляемъ его объявить рѣшительно: написаны ли записки, или совсѣмъ не писаны? — Что за насмѣшка надъ будущей библиографіей? — Что за западня будущимъ библиографамъ? — Это рѣшительно яблоко раздора! — И за что же, въ книгѣ, изданной съ благотворительной цѣлю, въ книгѣ, въ которой такъ дружны вмѣстѣ и хорошее и плохое, приготавливать такой трудъ потомкамъ:

Aux Saunaises futurs préparer des tortures!

Разбирать иныя сочиненія довольно трудно; къ такимъ сочиненіямъ принадлежитъ и «Обозъ къ потомству» г. Сушкова. Критикъ доступенъ только то, что подходитъ подъ какія либо правила, подъ условія логики; но то, что написано безъ всякихъ правилъ, что совершенно чуждо всѣмъ законамъ искусства и вовсе не признаетъ ихъ, то не принадлежитъ къ сферѣ критики и не поддается никакой оцѣнкѣ. Въ этомъ случаѣ есть, конечно, средство выдти изъ затрудненія. Это средство не говоритъ вовсе о произведеніи, стоящемъ ниже всякой критики; но произведенія пера г. Сушкова такъ выходятъ изъ ряда, что было бы жаль не порадовать ими русскую публику. Итакъ мы рѣшаемся поговорить объ «Обозѣ» г. Сушкова и употребимъ при этомъ способъ повѣствовательный, который одинъ только и возможенъ въ этомъ случаѣ.

Г. Сушковъ начинается съ объявленія о *написанныхъ и несущес-*

ствующихъ запискахъ. «Начну, говорить онъ, чтобы не остаться въ словѣ, начну, рѣшительно, *смѣло*, съ *плеча*, какъ многіе начинали...» Принявъ также благое намѣреніе, г. Сушковъ не вдругъ, однако, принимается за трудъ свой, но по дорогѣ успѣваетъ еще встрѣтить (и перемѣшать) «рыкающаго льва съ ветхимъ Адамомъ,» перечислить все, что не должно дойти до потомства; въ числѣ этого онъ великодушно помѣщаетъ и собственные труды. Какъ эта скромность напоминаетъ стихъ гр. Хвостова:

«Потомства не страшись: его ты не увидишь.»

Но въ тоже время сваливаетъ литературные грѣхи свои опять на *рыкающаго льва* и на *ветхаго Адама*: это ужъ совершенно несправедливо; они нисколько не виновны въ плохихъ стихахъ г. Сушкова, они могутъ отвѣчать, какъ въ баснѣ Крылова, бѣсенокъ отвѣчаетъ Дервишу:

«И самъ я вижу въ первый разъ,
Какъ яйца пекуть на свѣчкѣ.»

Далѣе г. Сушковъ успѣваетъ еще назвать Гоголя *последователемъ Нарбѣжнаго*, раздѣлять русскихъ писателей на *чисто-Русскихъ* — русскихъ душой и *тѣломъ* (?), смысломъ и силой, вѣрой и правдой; на *полу-Русскихъ*, *Русскихъ* отмеченныхъ и *англизирванныхъ*, (что говорится у насъ только объ лошадяхъ), на *офранцузенныхъ* (*miséricorde!*); и на *анти-Русскихъ* — выродковъ, не признающихъ ничего самороднаго на Руси, ни въ наукѣ, ни въ жизни, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Потомъ онъ перепечатываетъ мимоходомъ «Маляницу» стихотвореніе кн. Ваземскаго. Послѣ этого торопливаго введенія г. Сушковъ рѣшается наконецъ отправиться въ путь съ своимъ обозомъ. Вотъ немногія, но довольно курьозныя строки, которыми онъ начинаетъ обзоръ свой.

«Ну, Аполлонъ! раздвигай рогатки, выпускай въ заставу подводы, по очереди! А ты, Меркурій! подстегивай лѣнливыхъ и усталыхъ лошадокъ! А вы, Музы-Камени! привѣсьте колокольчики, побремушки и бубенчики, кому нужно прибавить прыти, рѣтвости на длинномъ пути!... Вотъ, слава Богу, тронулись!...»

Послѣ такого фамильярнаго обращенія къ Аполлону и Музамъ г. Сушковъ приступаетъ къ оцѣнкѣ русскихъ писателей; но прежде, чѣмъ мы скажемъ, что это за оцѣнка, выпишемъ тотъ порядокъ, въ которомъ г. Сушковъ везетъ писателей къ потомству. — Этотъ

порядокъ самъ по себѣ тоже довольно курьезенъ. Вотъ онъ: 1) Карамзинъ, 2) Погодинъ, 3) Полевой, 4 и 5) г-жи Зонтагъ и Ишимова, 6) Загоскинъ. Далѣе слѣдуетъ уже безъ номеровъ: казакъ Луганскій — Даль, Основьяненко; потомъ опять подъ номерами: 7) Пушкинъ, 8) Лермонтовъ, 9) Лажечниковъ; 10) Гоголь. Трудно угадать основаніе, которому авторъ слѣдовалъ при такомъ изложеніи. Почему на прим. Лажечниковъ стоитъ подлѣ Лермонтова, а Загоскинъ подлѣ Ишимовой! Мы не думаемъ искать здѣсь теоретическаго или историческаго основанія, а просто хотѣли бы знать, почему имена нашихъ писателей приходятъ г-ну Сушкову на память въ такомъ неестественномъ порядкѣ. Впрочемъ, весь «Раутъ» доказываетъ, что для г. Сушкова не существуютъ ни время, ни пространство: онъ печатаетъ грѣхи молодости г. Долина, которые давно бы слѣдовало предать забвенію; печатаетъ и собственную «Сафо», которой никто и никогда не помнилъ; онъ серьезно сердится на «Прописей» за то, что на ряду съ Греческими и Римскими древностями тамъ не говорится о переводахъ Мерзлякова, какъ будто бы эти переводы принадлежать къ числу древностей; онъ негодуетъ за то, что послѣ Мерзлякова появляются новые переводы и воскрешаетъ ученическія четверостишія 90-хъ годовъ. Послѣ этого можно только удивляться и молчать. Путавица не подлежитъ критикѣ. Читатель ошибется однако, если будетъ думать, что подъ приведенными рубриками говорится только о поименованныхъ писателяхъ, или по крайней мѣрѣ о ихъ школахъ. — Ничуть не бывало! Въ статьѣ о Карамзинѣ говорится еще о Мерзляковѣ, какъ о переводчикѣ древнихъ, о «Прописяхъ» г. Леонтьева, объ *учено-остромъ Сеньковскомъ*, и *просвѣщеніи Китае-фила* (т.-е., сиволога отца Іакинфа Бичурина); въ статьѣ о г. Погодинѣ говорится о мифологіи; въ статьѣ о Лажечниковѣ говорится о С. Н. Глинкѣ и о книгѣ его сына и т. д. Вездѣ притомъ, говорится болѣе или менѣе о самомъ г. Сушковѣ, чѣмъ и доказывается особенная способность автора соединять самые разнородные предметы, т.-е. по правилу Горациа, соединять полезное съ пріятнымъ. Это подлинно обозъ, уложенный кое-какъ и отправленный наскоро.

Мы очень сожалѣемъ, что оригинальная манера г. Сушкова препятствуетъ намъ слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ; но всякой, кто возьметъ на себя трудъ прочитать: «Обозъ къ потомству» убѣдится въ этой горестной невозможности. Ограничимся поэтому только въ некоторыми замѣчаніями, которыя да послужатъ въ пользу автору.

Г. Сушковъ, говоря о Мерзляковъ, упоминаетъ о переводъ «Науки поэзіи» М. А. Дмитріевымъ, какъ о чемъ-то будущемъ. Переводъ этотъ вышелъ въ 1853 году и потому во время появленія Раута въ 1854 году былъ уже извѣстенъ публикѣ. Объ этомъ бы надобно было вспомнить г. Сушкову для собственной же его выгоды, потому что именно отъ этого обстоятельства большая часть его острогъ пропала совершенно даромъ. Напрасно также по поводу этого перевода г. Сушковъ вопіеть о неблагодарности и неуваженіи къ памяти Мерзлякова. Лучшее средство выразить свою благодарность наставнику — не останавливаться на школьномъ учени, которое и въ намѣреніи учителя есть всегда только приготовленіе къ будущимъ, собственнымъ трудамъ ученика; лучшее средство доказать свое уваженіе къ памяти предшественника на какомъ бы то ни было поприщѣ есть пойти далѣе по этому поприщу. Мы осмѣливаемся даже думать, что бывшіе наставники г. Сушкова не порадовались бы тому, что г. Сушковъ, по собственному его призванію «человѣкъ отсталой, помнить частью только то, чему подъ надзоромъ А. А. Прокоповича-Антопскаго учился и что новая-то, молодая-то наука ему старовѣру, не далась» (стр. 283). Не имѣя причины сожалѣть объ этомъ въ равной мѣрѣ съ наставниками г. Сушкова, мы желали бы только, чтобъ онъ воздержался отъ сужденій объ этой наукѣ, которая ему не далась. Судить можно только то, что знаешь. Да и забывать совѣты наставниковъ тоже не хорошо, особенно когда эти совѣты какъ-будто съ намѣреніемъ даны г. Сушкову. Въ переводѣ же «Посланія къ Пизонамъ» Мерзлякова есть именно такой стихъ, который ему слѣдуетъ запомнить:

« Берите трудъ всегда не свыше силъ своихъ. »

Если бы было такъ, то г. Сушковъ догадался бы, почему М. А. Дмитріевъ не могъ воспользоваться примѣчаніями Мерзлякова. Это примѣчанія легкія, объясняющія весьма немногое; а о «Науку поэзіи» существуетъ въ Европѣ огромная литература. Мерзляковъ не дѣлалъ собственныхъ изслѣдованій для своего перевода, и потому не видѣть въ его «примѣчаніяхъ» альфы и омеги науки вовсе не значить не уважать трудовъ его. Что же касается до переводовъ Мерзлякова, то любопытно, что стихи, выписанные у г. Сушкова, лучше всего доказываютъ (разумѣется для знающихъ дѣло) отдаленность этого перевода отъ подлинника, и въ тояъ, и въ буквальной близости, ибо всѣ эти стихи, говорятъ или не то, что у Горация, или не такъ какъ у Горация. Если г. Сушковъ считаетъ переводъ Мерзлякова близкимъ и

вѣрнымъ, то этимъ онъ доказываетъ только собственное свое незнаніе латинскаго языка. Не знаемъ, обратились-ли, въ бывшемъ Университетскомъ пансіонѣ, которому г. Сушковъ, по собственному признанію обязанъ всей своею ученостію, нѣкоторые изъ стиховъ перевода Мерзлякова въ пословицы и поговорки; но если бы это и было такъ, то все таки это еще ничего не доказываетъ въ пользу перевода. Весь вопросъ въ томъ, тѣже ли въ немъ мысли и тѣже ли выраженія, какъ у Горация. Извиняемся передъ нашими читателями въ тонѣ слишкомъ серьезномъ о такомъ предметѣ, который давно уже обсужденъ и извѣстенъ, и въ повтореніи такихъ понятій о литературѣ, которыя извѣстны во всякой школѣ. Мы увлеклись невольнымъ чувствомъ состраданія къ страннѣйшимъ понятіямъ о словесности г. Сушкова и надѣемся, что за это доброе чувство читатели простятъ намъ серьезный тонъ нашъ. — Въ этой надеждѣ мы позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній г. Сушкову. Нельзя не замѣтить, что онъ имѣетъ весьма слабое и странное понятіе о гекзаметрѣ. Кажется, авторъ «Обоза» полагаетъ, что гекзаметръ есть стихъ безъ всякой мѣры, только что длинный, и при томъ чрезвычайно легкій. Советуемъ ему справиться съ мнѣніемъ объ этомъ стихѣ хоть на пр. у г. Востокова. Онъ узнаетъ тогда, что гекзаметръ вовсе не лишенъ твердыхъ и постоянныхъ правилъ. Что же касается до того, что гекзаметръ бываетъ иногда тяжелъ для читателя, то кому же бы знать, если не г. Сушкову, что всякій стихъ какой бы мѣры онъ ни былъ, можетъ быть тяжелъ, при неискusstвѣ стихотворца? Напротивъ подѣ перомъ истиннаго поэта гекзаметръ становится однимъ изъ самыхъ пріятныхъ размѣровъ. Выраженіе: «пусть каждый родъ стиховъ въ своемъ краю живетъ» понято такъ, какъ его понимаетъ г. Сушковъ, рѣшительно не имѣетъ смысла. Отъ чего же мы не пишемъ тоническимъ размѣромъ нашихъ народныхъ пѣсень? ямбъ и хорей, какъ и гексаметръ, тоже родились не въ нашемъ краю. Вѣроятно г. Сушковъ думаетъ, что ямбъ и хорей родились въ Россіи? Нѣтъ! тоже въ Греціи, какъ и гексаметръ!

Г. Сушковъ говоритъ о Мерзляковѣ такимъ тономъ, какъ-будто бы кромѣ его, никто не цѣнитъ заслугъ Мерзлякова. Увѣряемъ его, что эти заслуги въ памяти у многихъ, если не у всѣхъ, занимающихся русскою литературой, и что въ защитѣ никакой нужды не имѣется.

Отчетъ свой о литературной дѣятельности г. Погодина г. Сушковъ начинаетъ такимъ оригинальнымъ образомъ, что считаемъ необходи-

мымъ сообщить это начало нашимъ читателямъ. Вотъ оно, слово въ словъ

«*Погодинъ*. Такъ или почти также (какъ замѣчено о Карамзинѣ) ученые труды и изысканія историческія Погодина оставить незамѣтными его повѣсти, рассказы и всякую всячину, припасаемую ко времени и для журналовъ. Впрочемъ, прислушиваясь къ сплетнымъ девяти сестрицъ (гдѣ это онѣ успѣли насплетничать г. Сушкову?) я узналъ, что *господинъ Фебъ* тайкомъ уложилъ и отправилъ съ главною кладью Михаила Петровича и кой что изъ его историческихъ драмъ. Правда: Гермесь... не подумайте, что это какой-нибудь чиновникъ или армейскій офицеръ Гермесь: нѣтъ; это... однакожъ, какъ вамъ растолковать, если вы не учились миеологіи, что онъ точно не чиновникъ и не воинъ? Сказать, что у него есть и другое имя: Эрміи — вы пожалуй, подумаете, что онъ отшельникъ, перемѣнившій свое имя на пустынножительствѣ, и что стало быть онъ изъ Русскихъ т.-е. Еремей... Что жъ мнѣ дѣлать, при *всеобщемъ теперь незнаніи любопытной, назидательной, нравоучительной науки о языческихъ богахъ и богиняхъ*, науки, безъ которой какія *Прописки* ни строй, не понять Греческихъ и Римскихъ классиковъ... о! постойте! вы, вѣрно, знавали на вѣку какого-нибудь Меркурія Еремѣевича, или Еремея Меркуріевича? надѣюсь, что эти имена не чужды вашему православному уху? они встрѣчаются въ календаряхъ и святцахъ... такъ, изволите видѣть, тотъ Гермесь, онъ же Меркурій, онъ же Эрміи, по вашему Еремей, имѣя свободный входъ во всѣ дома обитателей не только Парнаса или Геликона, и даже верховнаго Олимпа, положительно знаетъ и смекаетъ все, что, когда и почему тамъ дѣлается, говорится и чувствуется» (стр. 279—280). Каково остроуміе?

Вотъ мѣсто, которое не требуетъ никакихъ замѣчаній и говорить само за себя. Особенно любопытно то, что г. Сушковъ считаетъ миеологію *назидательной и нравоучительной наукою*. Хорошо бы было, если бъ онъ рѣшился пояснить нѣсколько свою мысль и растолковалъ бы непросвѣщеннымъ, по его мнѣнію, читателямъ, въ чемъ именно состоитъ эта назидательность миеологіи. Сколько уже ѣя было взглядовъ на языческіе миеы, подобное о нихъ понятіе въ первый разъ высказывается. И что такъ беспокоитъ г. Сушкова эти «Прописки» на которыя онъ нападаетъ во многихъ мѣстахъ своего «Обоза». Увѣряемъ г. Сушкова, что, по крайней мѣрѣ къ издателю «Прописки» г. Леонтьеву ни какъ нѣ можетъ относиться упрекъ въ незнаніи миеологіи. — Г. Леонтьевъ написалъ цѣлую книгу

«О покловеніи Зевсу» и этимъ достаточно оградилъ себя отъ упрековъ въ этомъ родѣ. Г. Сушковъ и самъ объявляетъ себя не-прічастнымъ новой наукѣ (стр. 283).

Не понимаемъ также, почему г. Сушкову такъ непріятно письмо Пушкина о Марѣе посадницѣ. Письмо это было напечатано, въ числѣ прочихъ его же, потому что всякое письмо замѣчательнаго человѣка интересно для публики. Конечно, никто и ни на чьемъ частномъ отзывѣ не станетъ утверждать своей литературной репутаціи. Поэтому г. Сушковъ можетъ не беспокоиться: право на имя Россійскаго Шекспира, пожалованное ему, какъ онъ говоритъ, г-мъ Сенковскимъ, остается за нимъ неотъемлемо. Съ одной стороны напрасно онъ какъ будто отказывается отъ столь лестнаго титула; съ другой стороны напрасно напоминаетъ о томъ, что ему уже шесть лѣтъ старшинства въ этомъ титулѣ. Вотъ подлинныя слова его: «какъ-то и меня пезнаменитаго (говоритъ г. Сушковъ) Сенковскій, разбирая мою современную драму, пожаловалъ въ 1847 году, въ Шекспира! Теперь ужь шесть лѣтъ старшинства-бы имѣлъ, да я право не повѣрилъ ему; а принялъ любезность его за шутку, впрочемъ для пишущаго всегда искусительную шутку: *впришь не впришь; а все какъ-то любо*» (стр. 285). Все это какая-то странная смѣсь скромности съ притязаніемъ на славу и величіе!

Послѣ отчета о Загоскинѣ, гдѣ, впрочемъ, говорится совсѣмъ не о Загоскинѣ, а о кое-какихъ анекдотахъ и объ отношеніяхъ къ Загоскину г. Сушкова, статья вдругъ прерывается и начинаются письма къ Загоскину разныхъ литераторовъ. Мы подумали сначала, что статья кончена и очень удивились встрѣтивъ послѣ этихъ писемъ продолженіе «Обоза.» Съ какою пѣлю помѣщены эти письма въ срединѣ сочиненія г. Сушкова? Развѣ для того только, чтобъ ихъ нельзя было найти безъ нѣкотораго затрудненія. И какое отношеніе имѣетъ эта переписка къ статьѣ г. Сушкова? Все это такія тайны, которыя разрѣшить логически совершенно невозможно. Да! г. Сенковскій былъ правъ, жалуя въ Россійскіе Шекспира! — Писателю, состоящему въ мѣтѣ знатномъ рангѣ, и въ голову бы не пришелъ такой непостижный способъ писанія.

Въ словахъ г. Сушкова о казакѣ Луганскомъ замѣчательнаго только то, что сначала г. Сушковъ приходитъ въ восторгъ отъ русскихъ сказокъ, потомъ объявляетъ, что сказки хороши только какъ запасы для исторіи. Мы чуть было не спросили, какъ согласить это противо-

рвѣе, но вспомнили, что законы словеснаго искусства, по собственному сознанію г. Сушкова, для него вовсе не существуютъ. Статейка о Пушкинѣ посвящена доказательствамъ его короткости съ г. Сушковымъ. Странно, что это знакомство относитъ г. Сушковъ къ 1809 и 1810 году. Это было за годъ до поступленія Пушкина въ лицей. Ему было тогда 10 или 11 лѣтъ. А потомъ когда Пушкинъ былъ уже въ Лицеѣ, г. Сушковъ говоритъ, что *не одинъ разъ удалось ему только побывать у возникавшаго тогда поэта!* — Правда, намекаетъ г. Сушковъ, что и Пушкинъ по выходѣ изъ лицея какъ-то былъ у него. Все это не очень короткое знакомство. Послѣ этого уже не странно то, что свѣдѣнія, сообщенныя г. Сушковымъ о лицейской жизни Пушкина, противорѣчатъ отчасти тому, что мы знаемъ изъ напечатанныхъ записокъ Пушкина и другихъ біографическихъ о немъ извѣстій. Такъ на примѣръ г. Сушковъ помнитъ «съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ участіемъ посѣщали Пушкина всѣ литературныя знаменитости и извѣстности: Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Гвѣдичъ, Крыловъ, Воейковъ, Измайловъ, Гречъ, Лобановъ, Никольскій, Милоновъ, Катенинъ, Хмельницкій и т. д.» А въ запискахъ Пушкина ничего этого нѣтъ; говорится только о пріѣздѣ Державина, но не къ нему, а въ Лицеѣ, на публичныя экзамены. Если кто изъ литераторовъ и посѣщалъ Пушкина въ Лицеѣ, то не въ качествѣ «возникающаго поэта,» а просто по дружбѣ съ его отцомъ. Лицейскія произведенія Пушкина не могли обратить на него столь почтительнаго вниманія всѣхъ знаменитыхъ тогда писателей. Извѣстность Пушкина началась вовсе не съ Лицея, а гораздо позже. — Что касается до посѣщеній Шишкова, то врядъ ли они могли быть и потому уже, что всѣ литературныя связи отца и дяди Пушкина относились къ партіи, противъ которой Шишковъ постоянно вооружался. Вѣроятно память измѣнила на этотъ разъ г. Сушкову.

Все, что говорится далѣе о Пушкинѣ, не какъ о пріятелѣ г. Сушкова, а какъ о поэтѣ и литераторѣ, не подлежагъ никакой критикѣ. Г. Сушковъ вмѣсто всякой оцѣнки ограничивается уведомленіемъ о томъ, что изъ произведеній Пушкина ему нравится, и что не нравится. Конечно и это уведомленіе свидѣтельствуетъ о вкусѣ г. Сушкова, изображаетъ его какъ литератора; но оно не принадлежитъ къ сферѣ критики, на которой не основывается и вкусъ г. Сушкова. Слова г. Сушкова о Гоголѣ навели насъ на грустныя мысли. Легкость, съ которой онъ говоритъ объ этомъ писателѣ — вотъ одна изъ невыгодъ извѣстности! Нельзя не пожалѣть, что г. Сушковъ берется судить о

такихъ трудныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о направленіи Гоголя; это совершенно въя его сферы. Изъ остальныхъ сужденій г. Сушкова особенно курьозны его замѣчанія о стихотвореніяхъ г. Щербины. Г. Сушковъ съ особенною тщательностію выписываетъ всѣ слабые стихи, изъ которыхъ однако большая часть вовсе не слабые, а только не понятле г. Сушковымъ. Жаль что, при такой строгости къ стихотвореніямъ г. Щербины, г. Сушковъ столь снисходителенъ къ стихамъ своего сотрудника г. Долина. Читатели ничего бы не потеряли, а Раутъ бы черезъ это выигралъ. *Medice, cura te ipsum!* Вотъ почти все, что можно сказать «объ Обозѣ.» Промаховъ и ошибокъ въ этой статьѣ множество. То г. Сушковъ находитъ гекзаметръ тамъ, гдѣ его нѣтъ; то увѣряетъ, что у нынѣшнихъ русскихъ историковъ, въ исторіи все скачки, да скачки; то упрекаетъ русскихъ послѣдователей Гримма въ незнаніи *назидательной науки мизологіи*; то отыщетъ дурную прозу у Пушкина. Трудно имѣть меньшіе понятія о современной наукѣ и словесности; и съ этой стороны г. Сушковъ, какъ писатель, рѣдкое и замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Мы не думаемъ, чтобы «Обозъ» отправленный г. Сушковымъ, могъ догачиться до потомства, но очень бы желали, чтобы г. Сушковъ занялся еще разъ подобной укладкой. Если не для потомства, то по крайней мѣрѣ для современниковъ, это жаль лишитъ этого публику.

Скажемъ теперъ вообще наше мнѣніе о Раутѣ. Въ немъ есть и хорошее и плохое, хотя послѣдняго гораздо больше. Что касается до хорошаго, т.-е. Сушковъ имѣетъ особенное искусство закутать его отъ глазъ публики. Благодаря странному расположенію статей, его не скоро отыщешь. Но всего хуже въ этомъ Раутѣ стихотворныя произведенія г. Долина и самого издателя. Ни одинъ журналъ не принялъ бы ихъ въ свои книжки; непопятно, по какой причинѣ повравились они издателю Раута. Въ расположеніи же статей вообще и въ прозаическихъ писаніяхъ самого издателя въ особенности, видна какая-то гениальная торопливость и шекспировскій безпорядокъ, къ которымъ не привыкли современники. Можетъ быть все это пойдетъ въ Обозъ, къ потомству. Незнаемъ; но сомнѣваемся.

Скажемъ въ заключеніе нѣчто полезное. Литература требуетъ науки, требуетъ знаній; съ однимъ механическимъ умѣньемъ писать перомъ на бумагѣ, въ наше время не лзя быть писателемъ.

л * * *.

СБОРНИКЪ ИЗВѢСТІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія *Никол. Путимовымъ*. С. Петербургъ. Въ тип. Эдуарда Веймара. 1854 г. Книжка 1-я и 2-я.

Издатель посвящаетъ свой «Сборникъ» Его Императорскому Высочеству, Государю, Великому Князю Константину Николаевичу. Мы не можемъ не передать нашимъ читателямъ этого посвященія, которое объясняетъ и происхождение, и цѣль, и составъ «Сборника».

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО !

Высокому покровительству Вашему обязанъ я счастьемъ имѣть Всемилостивѣйшее соизволеніе Государя Императора на изданіе «Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей войны».

Изданіе это составитъ лѣтопись современныхъ событій: — доблестныхъ для Россіи, по правотѣ дѣла, — славныхъ, великими подвигами побѣдоноснаго воинства, — отрядныхъ, по единодушному выраженію безпредѣльной любви и довѣрью всѣхъ вѣрноподанныхъ Россіи къ обожаемому Монарху, Отцу Отечества.

Лѣтопись сія, изъ рода въ родъ, будетъ передаваема въ поученіе будущимъ поколѣніямъ, и многіе изъ современниковъ и еще болѣе изъ потомковъ возблагодарятъ Ваше Императорское Высочество за оказанное милостивое покровительство, безъ котораго я не могъ предпринять составленіе этой лѣтописи.

Съ благоговѣніемъ повергаю предъ Вами посильный трудъ мой, на пользу общую.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

безпредѣльно вѣрнопреданный
Николай Путимовъ.

9 Апрѣля 1854 года.

Сборникъ раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) политическій отдѣлъ; 2) Дунайская армія; 3) Закавказская армія; 4) Черноморскій флотъ; 5) Патріотизмъ Россіи; 6) Приложенія.

Въ политическомъ отдѣлѣ собраны всѣ, обнародованныя у насъ доселѣ политическія и дипломатическія извѣстія, касающіяся восточнаго вопроса, съ начала посольства Князя Меншикова въ Константинополь,

во время выхода двухъ первыхъ книжекъ «Сборника». Въ отдѣлахъ, значащихся подъ рубриками: Дунайская и Закавказская арміи, и Черноморской флотъ, всѣ дѣйствія и подвиги этихъ армій и флота въ настоящую компанію. Въ отдѣлѣ: «Патріотизмъ Россіи» всѣ патріотическія дѣйствія и пожертвованія русскаго народа (мы разумѣемъ подъ этимъ собирательнымъ именемъ всѣ наши сословія), итогъ которыхъ ясно доказываетъ врагамъ Россіи, какъ сильна она и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи. Наконецъ, въ отдѣлѣ: «приложеній» находимъ многіе любопытные акты, свѣдѣнія и разсужденія, касающіяся современныхъ событій. Въ составъ «приложеній» входятъ такъ же рисунки и карты. Къ I-й книжкѣ «Сборника» приложенъ: портретъ Князя Меншикова, видъ Ахалцыха, и карта плаванія парохода «Владиміръ» во время преслѣдованія Египетскаго парохода Нарвасъ-Бахри; ко II-й портретъ Князя Воронцова и планъ Синопскаго сраженія.

Желаемъ полного успѣха этому полезному изданію, которое доставитъ столько прекрасныхъ матеріаловъ для исторіи нашего времени.

НРАВСТВЕННОЕ ЧТЕНІЕ для дѣтей отъ 6 до 9-ти лѣтъ.
Состав. кандидаткою Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома, К. О. Л. СПб. 1854, въ 12 д.

Въ последнее время дѣтскихъ книгъ у насъ выходитъ такъ много, что если бы кто вздумалъ составлять дѣтскую бібліотеку, то съ каждымъ годомъ требовалась бы новая полка для помѣщенія миниатюрныхъ книжечекъ, предназначенныхъ на пользу юношества. Но несмотря на большое количество, дѣтскія книги не приносятъ почти никому пользы, кромѣ ихъ авторовъ, вообще плохихъ компиляторовъ, трудящихся собственно изъ видовъ спекуляціи. Тѣ же изъ дѣтскихъ писателей, которые, повидимому, издають книги съ искреннимъ желаніемъ принести нѣкоторую пользу, берутся, по большей части за это дѣло безъ должнаго пониманія. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ г-жа К. О. Л., издавшая въ свѣтъ книгу: «Нравств. чтеніе для дѣтей отъ 6 до 9-ти лѣтъ».

Насъ болѣе всего удивляетъ методъ, принятый авторомъ въ своей книгѣ: дитя разсказываетъ содержаніе каждаго Чтенія по вопросамъ. Вотъ напримѣръ одно цѣлое Чтеніе и принадлежащія къ нему вопросы.

«Все опрятностью приятно,
 Любить маменька твердить,
 Не желай ходить нарядно,
 А учись опрятной быть».

«Женни выучила эти стишки наизусть. Привыкши думать о томъ, что она выучивала, она побѣжала къ своей маменькѣ и сказала: развѣ мое платье не мило? — Не только не мило, но грязно и гадко, отвѣчала мать. Давно ли я тебя одѣла, причесала, приколола твой платочекъ? на платьицѣ не было ни пятнышка, передникъ былъ гладенькій, чулочки бѣленькіе, башмачки завязаны. Ты была мила, какъ твоя куколка. Помнишь ли ты, что я тебя говорила: Ты такая чистенькая, Женни, что мило на тебя смотреть! Какъ же все это теперь измѣнилось! Волосы какъ будто и не бывали причесаны, косички расплетены, ленточки висать, передникъ въ пятнахъ, чулки грязны и одинъ башмакъ затоптанъ. Но, маменька, башмакъ жаль мнѣ ногу, и я нарочно затоптала его, чтобы мнѣ было ловчѣе ходить. — Можно было бы и иначе поправить эту бѣду: можно было велѣть расколотить башмаки, а затапывать ихъ неприлично. Умныя и опрятныя дѣти этого не дѣлаютъ».

«Такъ разговаривала мать съ Женни въ одно воскресенье. Въ это время, мимо окна ихъ проходила крестьянская дѣвушка, одѣтая удивительно чисто. Мать указала на нее своей дочери. Крестьянку позвали въ комнату. Это была дочь садовника. Женни спросила ее, неужели она цѣлый день проходить также чисто одѣтою. Отъ чего же нѣтъ, барышня? отвѣчала дѣвушка».

«Женни. Какъ же это возможно?»

«Дѣвушка. Я хожу всегда осторожно, думаю о своихъ волосахъ, стараюсь, чтобы они были гладки, не вынимаю булавокъ изъ косынки, не беру ничего грязнаго въ руки, не топчу своихъ башмаковъ, потому, что это неопратно. — Буду же и я такъ поступать, сказала Женни, и поцѣловала руку своей маменьки. — Тогда и тебя будутъ ставить въ примѣръ другимъ дѣтямъ. А какъ мнѣ будетъ это приятно! Ты знаешь, какъ я тебя люблю, но тогда буду еще больше любить, и ты это будешь заслуживать».

В о п р о с ы.

«Повтори стишки?»

Какое замѣчаніе сдѣлала Женни, повторивши эти стишки?

Что отвѣчала ей мать?

Опиши мнѣ неопрятность Женни.

Что рассказала Женни о затоптаномъ башмакѣ?

Приняла ли мать ея оправданіе?

Кто проходилъ мимо окна во время разговора Женни съ маменькой?

Кто была эта дѣвушка?

Что спросила у нея Женни?

Что отвѣчала ей дочь садовника?

Какъ она можетъ ходить всегда чисто?

На что рѣшилась Женни?

Какое замѣчаніе сдѣлала ей маменька?

Вопросы эти очевидно лишніе, ибо нисколько не способствуютъ развитію умственныхъ способностей дитяти, а напротивъ собьютъ его съ толку; дитя изъ всѣхъ вопросовъ запомнитъ то, что ему понравится. Опять, не ужели нельзя было найти предметовъ для нравственнаго чтенія болѣе занимательныхъ и правоучительныхъ? Зачѣмъ предавать печати тѣ правоученія, которыя дитя съ пеленъ слышитъ отъ каждой умной няньки? Эти истины извѣстны давно, съ появленія въ свѣтъ русскихъ азбукъ. Что же это за заслуга со стороны автора — повторять одно и то же. Въ дѣтской литер. много уже книгъ такого содержанія, которыя съ большимъ успѣхомъ могутъ замѣнить «Нравст. Чтеніе».

Чтенія (всѣхъ 34) расположены по азбучному порядку — Аюта, Боренька, Веселье и трудъ и т. д. Для чего это сдѣлано? Неужели для того, чтобы дитя удобнѣе могло оставить въ памяти, что прочло.

Авторъ, какъ сказано въ концѣ книги, именно рассчитываетъ на это.

Въ началѣ почти cadaго чтенія находятся стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

«Мамитъ денежка копейку;
За копейкой рубль идетъ;
Бережливость насъ не губитъ,
А богатство намъ даетъ».

Попугай болтаетъ.

Что? И самъ не знаетъ.

Людямъ говорить — не худо;
Но болтать безъ смысла худо.

Вмѣсто этихъ виршей можно бы взять правоученія изъ басенъ Крылова.

Въ книгѣ попадаются погрѣшности, которыхъ дѣти, разумѣется, не замѣтятъ, а мы посовѣтуемъ г. К. О. А. обращать вниманіе на знаки препинанія, чтобы дѣти понимали то, что читаютъ (ст. 2).

КАРМАННАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКИХ ВОИНОВЪ ВЪ ТУРЕЦКИХЪ ПОХОДАХЪ. С.-П. 1854. Въ тип. Штаба Отдельнаго корпуса внутр. стражи. Въ 16 д. л. 2 части. Стр. въ I-й 97, во II-й 95.

КАРМАННАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ, находящихся въ походахъ противъ Турокъ по Болгарскимъ землямъ. С.-П. Въ тип. Имп. Ак. Наукъ. 1854. Въ 16 д. л. стр. 164.

Объ этихъ книги, составленныя по одному и тому же плану, очень хорошо приспособлены къ употребленію, для котораго онѣ назначены. Въ первой помѣщены: 1) Разговоры Россійско-Турецкіе; 2) Словарь Россійско-Турецкій, и 3) Основныя правила Турецкаго разговорнаго языка. Во второй: 1) Разговоры Русско-Болгарскіе; 2) Русско-Болгарскій словарь, и 3) Основныя правила Русско-Болгарскаго языка. Въ словаряхъ, той и другой книги, собраны всѣ нужнѣйшія и употребительнѣйшія слова; основныя правила языковъ изложены кратко, просто и ясно, а разговоры касаются именно тѣхъ предметовъ, о которыхъ нужно говорить воину съ мѣстными жителями.

Примѣчаніе, приложенное къ первой изъ этихъ книгъ, оканчивается такъ:

«Мы посвящаемъ сію книгу храбрымъ и великодушнымъ нашимъ соотечественникамъ, подвизающимся нынѣ за славу Россіи, какъ пособіе къ познанію *сево варѣчія*, *коего* лучшимъ учителемъ будетъ для нихъ ежедневное на мѣстѣ употребленіе.»

Подъ примѣчаніемъ подписано: «О. Сенковский.»

Увидѣвъ подпись г-на Сенковского подъ статьей съ *сими и комми*, мы не хотѣли вѣрить нашимъ глазамъ. Но взглянувъ еще ниже, замѣтили наконецъ, что статья писана еще въ 1828 году, т.-е. до гоненія на *сими* и *омы* нашего ученаго ориенталиста, имя котораго уже служитъ ручательствомъ, что книга составленная имъ, составлена съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Думалъ, что тѣмъ изъ нашихъ читателей, которымъ неизвѣстно Болгарское варѣчіе, будетъ любопытно нѣсколько познакомиться съ нимъ, и особенно въ настоящее время, мы приводимъ здѣсь изъ Русско-Болгарскихъ разговоровъ, разговоръ русскаго воина съ Болгарскимъ священникомъ:

Р. Благословите, отецъ святыи! ... *Р.* Благословѣте, ѳтче святыи!

С. Да будетъ пады тобою благо- *С.* Да баде надъ тебе благосло-
словеніе Господне! ... вѣніе Господне!

- Р.* Не можете ли вы сказать, *Р.* Можете ли ми показа, дѣдо батюшка, гдѣ находится здѣсь деревенская ваша церковь?
- С.* Церковь наша, сынъ мой, вотъ тотъ домикъ, который ты видишь тамъ вдали, близъ пашни.
- Р.* Какъ? тотъ маленькій, низкій домикъ, крытый соломой?
- С.* Да!
- Р.* А я думалъ, что это кака-нибудь хижина! отъ чего же надъ ней нѣтъ креста, чтобы можно было различить, что это храмъ Божій?
- С.* Эхъ! сынъ мой; да развѣ мы можемъ это сдѣлать? Въдѣ Турки тогда не только крестъ снять, но потомъ разрушать и все зданіе! Мы нарочно строимъ наши церкви не по срединѣ деревни, а гдѣ-нибудь въ сторонѣ, и стараемся, чтобы онѣ были какъ можно менѣ замѣчательны (*).
- Р.* Въ честь какого святаго построена ваша церковь?
- Р.* Можете ли ми показа, дѣдо попе, гдѣ ѣ тука ваша-та сѣлска черкова?
- С.* Наша-та черкова, чѣдо моѣ, ся находжа тамъ, гдѣ едвамы ся види отъ тука, тамъ близо до орань-та.
- Р.* Какъ? тая маничка, низка каш-тица, што ѣ покрыта сась слѣма?
- С.* Тая, чѣдо моѣ!
- Р.* Пакъ азъ си мысляхъ, че то-ва ѣ нѣкоя си колыба! та за што пакъ надъ нея нема красть, катѣ да може да позанѣ челякъ, че то-ва ѣ Бѣжи-храмъ.
- С.* Е! чѣдо моѣ; нима ми можимъ направити то-ва? Турцы-тѣ то-гизъ не само красть-ать ште снѣмать, но слѣдъ (то-ва ти ште сабрятъ и направа-та! Ни нарочито зидаме черков-вы-тѣ си не въ среда-та, а тѣмъ нѣмакъ на странѣ, и глѣдаме, катѣ да не бѣдѣтъ на очи, ама да сѣ потулѣны, за да не мѣгѣтъ да ги сапикисѣвать.
- Р.* На кой святѣцъ ѣ посвятѣна ваша-та черкова?

(*) Всякій, кто только ѣзжалъ по провинціямъ въ Турціи, замѣтитъ, до какой степени вѣрны слова сельскаго священника. Не разъ случалось, что Турецкія войска, проходя чрезъ какое-нибудь христіанское селеніе, прежде всего нападали на церковь и грабили все, что только казалось имъ цѣннымъ, а иногда разрушали и самое зданіе. Поэтому Православные храмы въ христіанскихъ селеніяхъ обыкновенно не различаются отъ простыхъ домовъ. Строятся гдѣ-нибудь въ концѣ деревни между овнами, а иногда даже вѣзъ деревни, въ лѣсу.

- С.* Въ честь Великомученика Георгія.
- Р.* Можно ли попросить васъ отслужить намъ молебень?
- С.* Съ большимъ удовольствіемъ, сынъ мой.
- Р.* Гдѣ же сторожъ, пономарь, чтобъ отворить намъ церковь?
- С.* Я самъ и священникъ и сторожъ; ключъ отъ церкви находится при мнѣ.
- Р.* Такъ пойдёмъ же.
- С.* Какія имена вамъ помянуть?
- Р.* Помолитесь, батюшка, о здравіи нашего Государя Императора, и о благоуспѣваніи христілюбиваго Его воинства.
- С.* Объ этомъ, сынъ мой, я молюсь день и ночь.
- Р.* Что, проходили ли на дняхъ чрезъ вашу деревню Турецкія войска?
- С.* Третьяго дня еще прошли до десяти тысячъ; всѣ почти изравенные, оборванные, голодные, такъ хорошо еще, что они торопились уйти, вѣроятно отъ васъ, а то уничтожили бы наше селеніе совершенно.
- Р.* Да, батюшка, Турки и прежде и теперь варвары; они вездѣ тоже дѣлають.
- С.* Нѣтъ, сынъ мой, тѣ, которые третьяго дня проходили, не всѣ были Турки, много было
- С.* Тѣ ѣ посвятена на име-то на святі-Георгія.
- Р.* Можемъ ли ви ся помолби да ни отслужите молебень? параклись?
- С.* Съ голѣма рѣдость, чадо мое.
- Р.* Дѣ-ка ѣ клисарь-ать, за да ни отвори черкова-та?
- С.* Азъ самси самъ и свяштѣнникъ и клисарь; ключъ-ать отъ черкова ѣ у мене.
- Р.* Когѣ ѣ тай, айде да идимъ.
- Р.* Каквыи именѣ желайте да спомена?
- Р.* Помолѣтесе, ѳтче святыи, за здравіе на нашій-ать Государь Императоръ и за побѣда на Негово-то христілюбиво воинство.
- С.* Кѣлко за това, чадо мое, азъ ся моля, дені и ношті.
- Р.* Минувала ли ѣ презъ тѣзи дни презъ ваше-то село Турска войска?
- С.* Оште ѳнзи-день преминаха до дѣсетъ хиляди, сички укасаны, изранены, гладны, алѣ и то добрѣ, че барзаха да излѣзатъ, видися, че бѣгаха отъ васъ, а тѣ инакъ, мѣжха пепелеса до край наше-то село.
- Р.* Тай, дѣдо попе, тай, Турцитѣ и отъ напредъ и сегѣ са сѣ варвары; тиѣ на сѣкадѣ сѣ това истото правятъ.
- С.* Нѣ, чадо мое, тиѣ, што замнаха ѳнзи-день отъ тѣва не бѣха сички-то Турци, съ тѣхъ

съ ними Европейцевъ, Французовъ. Эти-то поступали также не лучше Турокъ.

- Р.* Мы, батюшка, не причинимъ вамъ никакой обиды.
- С.* Для васъ, сынъ мой, мы ничего не жалѣемъ, потому что у насъ съ вами одна святая вѣра и одно крещеніе.

Притомъ же за кого же вы проливаете кровь свою какъ не за насъ?

- Р.* Мы, батюшка, дѣлаемъ это съ большимъ удовольствіемъ, лишь бы только сподобилъ насъ Богъ, избавить васъ изъ рукъ невѣрныхъ.
- С.* Дай-то Господи! Да помилуеъ Онъ насъ грѣшныхъ, и да возсіяетъ опять между нами Православіе?

имаше много Европейцы, Френци. Та че и ти не са прехвалниъ: и ти не са подобры отъ Турци-тъ.

- Р.* Ни, дѣдо попе, вѣма да ви сторимъ никакво си злѣ.
- С.* Кѣлко за васъ, чадѣ мое, намъ ништо не ни ся свидя; зашто-то у васъ и у насъ ѣ сѣ истата святà вѣра и исто-то краштáванъе.

Та че освенъ тавá, за когѣ ви си проливате сегѣ кравъ-тá, та не за насъ?

- Р.* Ни, дѣдо попе, правимъ това съ голъмо благодареніе, стига сáмо да ны сподобяше Господь да вы избавимъ отъ рацѣ-тъ на невѣрны-ти.
- С.* Дай Боже! Данѣ ся смилн Той надъ насъ грѣшны-тъ, и да свѣтне пакъ между насъ Православіе-то!

ЖУРНАЛИСТИКА.

СОВРЕМЕННОСТЬ. 1854 года, № № 3-й и 4-й.

Приступая къ разбору этихъ двухъ книжекъ Современника, весьма богатыхъ по содержанию, мы предварительно назовемъ тѣ статьи, о которыхъ будемъ говорить. Вотъ ихъ перечень: десять стихотвореній г. Фета, девяносто два стихотворенія г. Тютчева, стихотвореніе князя Вяземскаго: «Современныя Замѣтки», продолженіе романа г. Станицкаго: «Мелочи жизни», «Муму,» рассказъ г. Тургенева, «Холодный домъ» Диккенса, «Опытъ біографіи Гоголя» г. Николая М., «Воспоминаніе о Гоголь» г. Лонгинова, « По поводу романовъ и рассказовъ изъ простонароднаго быта», статья г. П. А — ва, «Лекція Текеря объ англійскихъ юмористахъ» Иногороднаго Подписчика, и его же два письма о русской журналистикѣ.

Стихотворенія г. Фета заключаютъ въ себѣ много поэтическихъ красотъ, но за то не лишены и существенныхъ недостатковъ, бросающихся въ глаза, даже и не при слишкомъ внимательномъ чтеніи. Что г. Фетъ истинный поэтъ, въ этомъ никто не сомнѣвается: публика уже давно дала ему это титуло, а критики единогласно утвердили его за нимъ. Поэтому мы думаемъ, что указать на слабыя стороны его поэзіи будетъ дѣломъ совершенно своевременнымъ.

У г. Фета есть и мечтательность, и чувствительность, и способность идеализировать предметы, словомъ, все то, что даетъ содержаніе лирическому произведенію, но какая-то неопредѣленность и небрежность выраженія и такъ сказать неосвязаемость формы придаетъ его поэзіи характеръ туманности и ивясности. Намъ могутъ возразить, что уже самое содержаніе произведеній г. Фета носитъ характеръ неопредѣленности и безотчетности впечатлѣній, и потому необходимо вызываетъ неопредѣленность формы. Но намъ кажется, что строгая опредѣленность формы, т. е. тщательная отдѣлка всѣхъ мелкихъ

подробностей поэтического произведения, строгая точность эпитетовъ, гладкость стиха и правильность языка, не только не уничтожили бы колоритъ неопредѣленности чувства въ произведенияхъ г. Фета, но придали бы ему еще больше рельефности и типичности. Разъ какъ-то въ одной изъ нашихъ статей о Современникѣ мы привели изреченіе Жанъ Поля-Рихтера, въ которомъ онъ опредѣляетъ лирическую поэзію; мы считаемъ необходимымъ еще разъ привести это изреченіе, чтобы показать въ какой степени подходятъ подъ него нѣкоторыя изъ произведеній г. Фета. Германскій поэтъ-философъ сказалъ, что въ лирическомъ произведеніи *поэтъ является собственнымъ произведеніемъ, живописецъ собственною картиною*. Для того, чтобы явиться въ своемъ произведеніи собственной картиной, надо списать эту картину съ самого себя, а для того, чтобы списать ее съ самого себя, надо сдѣлаться наблюдателемъ самого себя, наблюдателемъ своихъ чувствъ, мыслей, впечатлѣній. Старайтесь со всевозможной точностью передавать чувства и образы, возникающіе въ душѣ вашей, живописуйте ихъ со всѣми ихъ особенностями. Если предметъ или обстоятельство, приведшее васъ въ поэтическое настроеніе духа, представилось вамъ въ минуту вдохновенія въ опредѣленномъ и ясномъ образѣ, представьте его опредѣленнымъ и яснымъ; если же напротивъ, оно представилось вамъ неясно и неопредѣленно, если вы взглянули на него изъ-подъ призмъ вашей мечтательности, и оно явилось предъ вами въ какомъ-то полусвѣтѣ, то изобразите и этотъ полусвѣтъ, но только изобразите его ясно и отчетливо, ибо въ противномъ случаѣ ваше произведеніе будетъ просто непонятно. Бываютъ картины, на которыхъ изображается ночь, но въ нихъ не смотря на темноту, предметы должны быть удобо-распознаваемы и художникъ, рисующій картину, долженъ стремиться къ этому. Но что бы вышло изъ картины, еслибъ живописецъ, изобразивъ ночь, и пользуясь правами ночи, представилъ бы такой мракъ, что кромѣ темноты, на картинѣ ничего нельзя бы было различить. Въ области живописи, кажется, никогда не было такихъ несчастныхъ приключеній, но въ области поэзіи они бываютъ. Часто поэтъ, желая изобразить какое-нибудь неясное чувство или образъ, возникшій въ душѣ его, придаетъ ему еще большую неясность и неопредѣленность, высказываясь только полусловами и намеками, такъ что читатель подъ часъ рѣшительно не понимаетъ, объ чемъ ему рассказываетъ поэтъ, и приходитъ въ совершенное недоумѣніе. Впрочемъ, есть читатели, которымъ очень нравятся такого рода произведенія. Мы здѣсь не говоримъ о тѣхъ читателяхъ, которые рѣшительно не видятъ яснаго

сознанія о томъ , что такое поэзія; имъ можетъ нравиться все, и это нисколько не удивительно. Но можетъ показаться очень удивительнымъ съ перваго взгляда, что нѣкоторые умные люди, дающіе себѣ ясный отчетъ въ литературныхъ произведеніяхъ, знакомые съ эстетикой, и даже пописывающіе критическія статьи любятъ поэтическія произведенія, отличающіяся неясностью какъ формы, такъ и содержанія. Это бываетъ съ сухими умами, преданными исключительно одному строго-логическому мышленію. Занятые постоянно сухой умственной работой, не влеющіе въ душъ своей никогда никакихъ поэтическихъ образовъ, они знаютъ однако по теоріи, что поэтическія произведенія не должны быть похожи на плоды ихъ собственнаго сухаго, строго-логическаго мышленія. Они знаютъ, что въ поэтическомъ произведеніи не должно быть той трезвости, той строгой послѣдовательности, которыми отличаются ученые и философскія статьи. Потому они такъ же односторонне и обидно относятся къ поэзіи, какъ какой-нибудь ученый затворникъ и труженикъ относится къ дамамъ, воображая, что отъ нихъ нельзя требовать ни серьезнаго взгляда на жизнь, ни умной бесѣды, и, что они могутъ толковать только о нарядахъ и отгускать любезности. Разумѣется, не всѣ ученые и философы такъ странно относятся къ поэзіи и женщинамъ; напротивъ многіе изъ нихъ даже впадаютъ въ другую крайность и требуютъ отъ поэзіи однихъ серьезныхъ мыслей, выраженныхъ и развитыхъ въ самой строгой, педантической послѣдовательности....

Есть такого рода поэтическія впечатлѣнія, которыхъ никакъ нельзя выразить художественно въ ту самую минуту, когда ихъ испытываешь, но которыя можно воспроизвести только по воспоминанію. Таковы тѣ неопредѣленные, неясныя чувства, о которыхъ мы говорили. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что вы гуляете въ *одномъ прекрасномъ вечерѣ* съ вашимъ пріателемъ. Вы взглянули на заходящее солнце, и въ душѣ вашей вдругъ мелькнуло сладостное, такъ называемое *неизъяснимое* чувство. Какъ бы ни было ново, сильно и поэтично это неизъяснимое чувство, но еслибъ вы вздумали тутъ же выразить его вашему пріятелю, то вѣрно не выразили бы. Вы могли бы только сказать ему, что у васъ на душѣ происходитъ что-то неизъяснимо-сладостное, но, что вы сами не знаете, что именно происходитъ. Впослѣдствіи вы можетъ быть и съумѣете воспроизвести то, что чувствовали въ эту минуту, но тогда вы уже будете относиться къ этому чувству спокойно; имѣя возможность до нѣкоторой степени отдать себѣ отчетъ въ немъ, вы отвеситесь къ собственному впечат-

лѣнію, какъ бы со стороны, какъ наблюдатель — какъ *описовецъ*. Но можете быть намъ замѣтить, что подавая поэтѣмъ такой совѣтъ, мы покушаемся ввести въ лирику элементъ объективный, тогда какъ во всѣхъ эстетикахъ лирика принимается за искусство субъективное. Въ отвѣтъ на такое возраженіе мы скажемъ, что рѣзкое разграниченіе между родами поэзіи можетъ существовать только въ книгахъ, особенно въ нѣмецкихъ, гдѣ оно имѣетъ совершенно удобный и спокойный притонъ; въ дѣйствительности же, въ произведеніи драматическомъ мы очень часто встрѣчаемъ элементъ лирической, т. е. субъективный, какъ напримѣръ у Шиллера, а въ произведеніи лирическомъ элементъ объективный, какъ напримѣръ у Гёте. Истинно лирическое произведеніе требуетъ полного, горячаго, откровеннаго выраженія чувствъ. Чѣмъ быстрее слѣдуетъ выраженіе чувства восторга за той минутой, когда поэтъ почувствовалъ этотъ восторгъ, тѣмъ произведеніе выходитъ *болѣе* лирическимъ: тѣмъ оно свѣжѣе, животрепещущѣе, задушевнѣе. Есть одинъ родъ лирическихъ произведеній, которыя нужно писать почти въ ту самую минуту, когда вами овладѣваетъ то чувство, которое вы хотите выразить. Таковы оды и дионрамбы. Что бы вышло изъ любой оды Державина, на побѣды русскихъ войскъ, еслибъ она была написана лѣтъ черезъ шесть спустя послѣ побѣды, въ ней прославляемой? Вообще негодованіе, восторгъ и другія имъ подобныя душевныя вспышки, должны быть выражаемы въ тѣ самыя минуты, когда еще мы изходимся подъ ихъ вліяніемъ.

Но какъ выразить чувство скуки, въ ту самую минуту, когда она вами владѣетъ. Если вы желаете и въ этомъ случаѣ остаться чистымъ лирикомъ, то вамъ придется сообщить то же самое чувство и читателямъ. Но произведетъ ли ваше произведеніе эстетическое впечатлѣніе на читателей, если, читая его, они почувствуютъ скуку. Поэтому описать скуку поэтически у васъ только тогда будетъ средство, когда вы уже освободитесь изъ-подъ ея вліянія. Точно также нужно относиться и къ такъ называемымъ невыразимымъ и неизяснимымъ впечатлѣніямъ. Ихъ можно описывать, но очень осторожно; описывая ихъ, надо стараться, чтобъ эти описанія были понятны читателямъ. Вообще поэтъ долженъ относиться очень осторожно къ разнымъ *страннымъ* впечатлѣніямъ, которыя подчасъ овладѣваютъ душой человека. Если ему удалось два, три раза хорошо выразить въ стихахъ такого рода впечатлѣнія, то онъ не долженъ гоняться за ними и кокетничать странностью чувствъ. Быть поэтѣмъ странностей немного больше чести, чѣмъ быть поэтѣмъ общихъ мѣстъ.

Но обратимся къ стихотвореніямъ г. Фета, которые вызвали насъ на это разсужденіе. Читатели отнюдь не должны относить сказаннаго нами ко всемъ стихотвореніямъ г. Фета. Мы хотѣли только сказать, что въ прежнихъ своихъ стихотвореніяхъ г. Феть часто бывалъ неясенъ, и старались указать на причины этой неясности. Въ настоящемъ собраніи его стихотвореній, мало такого рода негрѣзностей; но между ними есть одна пѣска, которая по недоконченности выраженія доведена до крайней странности. Мы ее выписываемъ.

ПЧЕЛЫ.

Пропаду отъ тоски я и глѣни,
 Одинокая жизнь не мила,
 Сердце ноетъ, слабнотъ колѣни....
 Въ каждый гвоздикъ душистой сирени,
 Распѣвая, вползаетъ пчела....
 Дай хоть выду я въ чистое поле
 Иль совѣтъ потерюсь въ лѣсу....
 Съ каждымъ шагомъ не легче на волю,
 Сердце пшнетъ все боль и боль,
 Точно уголь въ груди я несу.
 Нѣтъ, постой же! съ тоскою моею
 Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ,
 Ахъ, опять эти пчелы подъ нею!
 И никакъ я понять не умю
 На цвѣтахъ ли, въ ухахъ ли звенить.

Какая бы превосходная вещь могла выдти изъ этого стихотворенія, еслибъ въ авторѣ не было желанія рисоваться неясностью впечатлѣній и недоконченностію выраженія. Неужели бы это стихотвореніе потеряло свои поэтическія достоинства, еслибъ поэтъ сдѣлалъ его нѣсколько подлиннѣе, или даже ввелъ бы въ него нѣкотораго рода поясненія. Краткость еще не есть необходимая принадлежность поэзіи. Поневолю вспомнишь слова Буало :

« J'évite d'être long , et je deviens obscur. »

Въ противоположность выписанному нами стихотворенію мы приведемъ, какъ образецъ мастерской оконченности выраженія, слѣдующую пѣску самого же г. Фета :

ВЕСЕННИИ МЫСЛИ.

Снова птицы летять издалека
 Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ,
 Солнце теплое ходить высоко
 И душистаго лавандыша ждеть.

Снова въ сердца вичимъ не утвривъ
 До лавитъ восходящую кровь
 И душою подкупленной втришь,
 Что какъ миръ безконечна любовь.

Но сойдемся ли снова такъ близко
 Средь природы разъявленной мы,
 Какъ выдало ходившее низко
 Насъ холодное солнце зимы?

Здѣсь тоже выражены неопредѣленные чувства, но неизысканныя и не насыщенные, а совершенно нормальныя, рождающіяся въ каждомъ человѣкѣ, когда онъ чувствуетъ приближеніе весны. Оттого оно очень удачно названо весенними мыслями.

Въ новомъ собраніи стихотвореній г. Фета есть еще нѣсколько прелестныхъ произведеній; но больше всего намъ понравилось стихотвореніе «Старый паркъ».

Стихотворенія г. Тютчева отличаются обиліемъ прекрасныхъ мыслей и необыкновеннымъ благородствомъ чувствъ и тона. Вотъ стихотвореніе, напечатанное въ концѣ всего собранія:

РАЗСВѢТЪ.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ, —
 Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
 Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
 Струя въ Босфорѣ застыла.

Еще молчать колокола,
 А ужъ востокъ заря румянитъ,
 Ночь безконечная прошла,
 И скоро свѣтлый день настанетъ,

Вставай же, Русь! ужъ близко часъ!
 Вставай Христовой службы ради!
 Ужъ не пора ль, перерретаемъ,
 Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ нѣмъ огласися!
Тебя зоветь и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхъ вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнивъ державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и праславный!

Стихотвореніе князя Вяземскаго — *Современныя замѣтки* написано на нынѣшнія политическія событія, такъ сильно затронувшія душу каждаго Русскаго. Въ этомъ стихотвореніи очень много остроумія, ловкихъ оборотовъ и вѣдкихъ сарказмовъ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ задорныхъ націй, нерасположенныхъ къ нашему отечеству. Муза князя Вяземскаго была всегда очень бойка и щедра на сарказмы. Потому легко можно представить себѣ, какъ расходилась она, когда задѣли за живое ея патріотическое чувство. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ напоминаетъ оно о томъ,

Какъ, по старымъ образцамъ
И по русскому уставу,
Баню жаркую гостямъ
Затопили мы на славу;

Какъ подкладывали въ печь,
— Чѣмъ ботаты, тѣмъ и рады —
Дровъ ли мало, такъ картечь
И различные заряды;

Какъ трехгранной кочергой
Чисто-тульскаго издѣлья
Жарь сгребали на убой
Имъ, на баню новоселья.

Свой у каждаго приѣмъ:
Вѣдь чтѣ городъ, то и норвь —
Такъ училъ насъ подъ огнемъ
Славный банщикъ нашъ — Суворовъ.

И за то — помилуй Богъ! —
Какъ имъ ихъ перевернули,
Какъ отъ маковки до ногъ
Шкуру вѣвлянами задули!

Сами, дѣ поту лица ,
Только бѣ сити были гости ,
Мы ихъ грѣли до конца
Такъ что ихъ трещали кости.

И кто вышелъ чуть живой
Изъ припарки той свирьпой ,
Вынесъ тѣло — головой ,
Душу — пареною рьпой.

А потомъ, на упокой,
Чтобъ голубчики остыли ,
Мы березинской водой
Студено ихъ окатили.

Продолженіе романа г. Станицкаго « Мелочи жизни » несравненно слабѣе его начала, помѣщенного въ 1-й книжкѣ Современника. Особенно недовольны мы характеромъ героини романа. Элень, жена Бориса Федоровича, является какимъ-то страннымъ существомъ, исполненнымъ рѣзкихъ противорѣчій, рѣшительно несовмѣстимыхъ въ одной и той же натурѣ. Авторъ, кажется, хотѣлъ сдѣлать изъ нея необыкновенную женщину, съ совершенно правильнымъ, здравымъ и въ тоже время поэтическимъ взглядомъ на жизнь. Мысль вывести такую женщину и выдать ее за мужъ за фата въ родѣ Бориса Федоровича очень счастлива, потому что такой бракъ можетъ дать богатое содержаніе для современнаго романа. Но странно, какимъ образомъ такая умная и дѣльная дѣвушка, какой намѣревался представить авторъ свою героиню, могла выйти замужъ за такого пошлаго челоуѣка, какъ Борисъ Федоровичъ. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобъ женщина съ высшей организаціей не могла выйти за мужъ по любви за самаго пустаго челоуѣка. Это бываетъ. Часто дѣвушки, одаренныя большимъ умомъ и прекраснымъ сердцемъ, влюбляются въ пустыхъ людей. Но это бываетъ съ тѣми, которыя совсѣмъ не знаютъ свѣта и мало видали мушинъ: имъ можетъ вскружить голову всякій, сколько вибудь образованный молодой челоуѣкъ, умвюшій складно говорить и хорошо держать себя. Но mademoiselle Элень имѣла передъ глазами для сравненія съ Борисомъ Федоровичемъ челоуѣка очень порядочнаго, своего учителя Анатоля. Повторяемъ, характеръ Элень не удался. Авторъ заставляетъ ее выражать много прекрасныхъ душевныхъ качествъ, но какъ-то не вѣрится, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ имѣла ихъ. Между разнородными чертами ея характера, выражающимися въ ея поступкахъ, нѣтъ живой органи-

ческой связи, потому она выходит не живымъ лицомъ, а автоматомъ, дѣйствующимъ по произволу автора. Этому лицу повредило окончательно еще слѣдующее обстоятельство. Авторъ, влагая въ него необыкновенно большое количество прекрасныхъ душевныхъ качествъ, какъ бы опасаясь сдѣлать его слишкомъ идеальнымъ, и впасть въ преувеличеніе, хотѣлъ придать характеру Эленъ болѣе естественности, и съ этой цѣлью навязалъ ей нѣкоторые недостатки и дурныя наклонности. Такъ напримѣръ она постоянно капризничаетъ съ своимъ мужемъ и поминутно, кстати и некстати, дразнить его.

Характеръ Бориса Федоровича выполненъ прекрасно. Самыя мелкія черты жизни, привычекъ и наклонностей фата средней руки подмѣчены и изображены съ замѣчательнымъ искусствомъ. *Конфузъ* Бориса Федоровича на деревенскомъ балу, на который онъ, по недостатку соображенія и такта, пріѣхалъ въ бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ, преслѣдованіе женщиной собаки, фальшивое распѣваніе итальянскихъ зрѣй и другія его выходки схвачены и изображены очень живо. Лицо Нестужева изображено тоже довольно удачно. Характеръ гомеопата Сержа хорошъ на половину. То, что говорится о немъ отъ лица самаго автора, живо и вѣрно, во, все то, что авторъ влагаетъ ему въ уста, блѣдно и вислоко не смѣшно. Всѣ остальные лица или блѣдны или совершенно неестественны.

Переходимъ къ разсказу г. Тургенева «Муму». Мы признаемся откровенно, что приступаемъ очень неохотно къ сужденію объ этомъ новомъ произведеніи даровитаго автора. Намъ вообще бываетъ очень непріятно говорить о неудачномъ литературномъ произведеніи, но обязанность рецензента дѣлается для насъ вдвойнѣ непріятной, когда нашему суду подлежитъ неудачное произведеніе такого автора, талантъ котораго мы уважаемъ. Вотъ почему мы такъ неохотно приступаемъ къ разбору разсказа г. Тургенева. Муму г. Тургенева представляетъ рѣзкую противоположность съ прежними его разсказами изъ простонароднаго быта. Пренія его произведенія отличались совершенной простотой, отсутствіемъ всякихъ ложныхъ эффектовъ, отсутствіемъ даже, если такъ можно выразиться, всякаго сюжета, (т. е. не заключаи въ себѣ никакихъ происшествій, а ужъ давно интриги). Это были прекрасныя картины русскаго быта, но ничего болѣе и ничего мнѣе. Было бы величайшей несправедливостью обвинять г. Тургенева въ томъ, что онъ не описывалъ какихъ нибудь происшествій и не писалъ длинныхъ, такъ называемыхъ занимательныхъ романовъ. Все это показывало литературный тактъ г. Тургенева, а не отсутствіе таланта. Мы вполнѣ увѣрены, что

отъ могъ бы написать романъ съ интригой, который былъ бы и очень длиннень и очень занимателенъ : но намъ кажется, что романъ, снабженный запутаннымъ сюжетомъ и интригой, изображившій бы вѣрно русскій бытъ, невозможенъ, ибо современная русская жизнь не представляетъ никакихъ матеріаловъ для литературныхъ произведеній съ трескучими эффектами, на подобіе французскихъ романовъ. Оттого только всепроизведенія русскаго быта выходятъ удачны, содержаніе которыхъ не отличается хитростью и изысканностью вымысла. Къ такимъ удачнымъ произведеніямъ принадлежатъ и прежнія картины русскаго быта г. Тургенева. Разумѣется и въ нихъ были недостатки и промахи; и въ нихъ встрѣчались иногда несовѣтъ вѣрные взгляды на русскаго человека и подчасъ влагались ему въ уста несвойственные ему рѣчи и выраженія. Но въ цѣломъ, каждая изъ этихъ картинъ отличилась естественностью и простотой. Совѣтъ не то мы видимъ въ «Муму». Сюжетъ для повѣсти взять самый изысканный, самый эффектный. Происшествіе въ ней разсказанное рѣшительно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ событій человеческой жизни вообще, и русской въ особенности. Героємъ разсказа является глухо-нѣмой, а героиней собака. Поэтому разсказъ г. Тургенева принадлежитъ къ числу тѣхъ литературныхъ произведеній, наполненныхъ праными эффектами, которые въ такомъ большомъ количествѣ появлялись во Франціи, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и въ которыхъ описывались разныя трогательныя исторіи о томъ, какъ влюблялись калѣки, слѣпорожденные, идиоты и прочіе, и какъ разныя домашнія животныя дѣлали самопожертвованія въ пользу своихъ хозяевъ.

Вотъ содержаніе повѣсти г. Тургенева вкратцѣ : Въ какой-то подмосковной деревнѣ живъ глухо-нѣмой мужикъ Герасимъ. Его берутъ въ Москву въ дворники къ его барыню (представляется вопросъ: ради какихъ особенныхъ удобствъ барыня захотѣлось взять себѣ глухо-нѣмаго дворника). Герасимъ влюбляется въ прачку Татьяну и начинаетъ за ней ухаживать. Онъ выражаетъ ей любовь свою « глупо смѣясь и ласково мыча (слова самаго автора) » и при первомъ объясненіи даритъ ей « прынчнаго пѣтушка съ сусальнымъ золотомъ на хвостѣ и крыльяхъ ». Можетъ быть эта любовь и увѣчалась бы успѣхомъ, еслибъ не случилось слѣдующаго происшествія. Въ числѣ многочисленной дворни, къ которой принадлежалъ Герасимъ, былъ башмачникъ Канитонъ, горькій пьяница. Барыня вдругъ вздумалось его женить, дабы тѣмъ измѣнить отъ пьянства. Невѣстой ему была назначена Татьяна, предметъ любви Герасима; хлопоты по сватовству барыня

возложила на своего дворецкаго. Это порученіе поставило дворецкаго въ очень затруднительное положеніе. Онъ , какъ и вся дворня старой барыни , зналъ о любви Герасима къ Татьянѣ. Онъ также зналъ очень хорошо о необыкновенной силѣ нѣмаго и его крутомъ нравѣ , и потому боялся , чтобъ Герасимъ въ припадкѣ ревности не затѣялъ драки , или вообще чего вибудь такого , что бы могло проивести шумъ и обезпокоить барыню. Дворецкій долго не зналъ какое бы придумать средство , и наконецъ «*созвалъ совѣтъ.*» Средство , которое придумалъ этотъ совѣтъ такъ хитро и необыкновенно , что мы не беремъ рассказать о немъ , а приводимъ повѣствованіе самаго автора. Думали , думали и выдумали наконецъ. Неоднократно было замѣчено , что Герасимъ терпѣть не могъ пьяницъ... Сидя за воротами , онъ всякій разъ , бывало , съ негодованіемъ отворачивался , когда мимо его невѣрными шагами и съ козырькомъ фуражки на ухѣ проходилъ какой вибудь нагруженный человекъ. Рѣшили научить Татьяну , чтобы она притворилась хмѣльной и прошла бы пошатываясь и покачиваясь мимо Герасима. Бѣдная дѣвка долго не соглашалась , но ее уговорили ; притомъ она сама видѣла , что иначе она не отдѣлается отъ своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили изъ чуланчика : дѣло все-таки до него касалось. Герасимъ сидѣлъ на тумбочкѣ у воротъ и тыкалъ лопатой въ землю.... Изъ за всѣхъ угловъ , изъ подъ шторъ за окнами глядѣли на него....

Хитрость удалась какъ нельзя лучше. Увидѣвъ Татьяну , онъ сперва , по обыкновенію , съ ласковымъ мычаньемъ закивалъ головой ; потомъ взглядѣлся , уронилъ лопату , вскочилъ , подошелъ къ ней , придвинулъ свое лицо къ самому ея лицу.... Она отъ страха еще болѣе зашаталась и закрыла глаза.... Онъ схватилъ ее за руку , помчалъ черезъ весь дворъ и , войдя съ нею въ комнату , гдѣ засѣдалъ совѣтъ , толкнулъ ее прямо къ Капитону. Татьяна такъ и обмерла.... Герасимъ постоялъ , поглядѣлъ на нее , махнулъ рукой , усмѣхнулся и пошелъ , тяжело ступая , въ свою каморку».

Разумѣется , Герасимъ былъ сильно огорченъ , такъ жестоко разочаровавшись въ любимой имъ женщинѣ , но какъ всѣ сильные , сосредоточенныя натуры , онъ не выражалъ своего горя въ рѣзкихъ движеніяхъ передъ окружающими , а замкнулся въ самого себя. Спустя годъ послѣ этого печальнаго событія , онъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ щенкѣ , котораго спасъ отъ потопленія , и сталъ его воспитывать. Съ теченіемъ времени , щенокъ сдѣлался собакой. Весь жаръ своего одинокаго сердца сосредоточилъ онъ на этой собачкѣ. Она тоже была къ нему

сильно привязана. Но счастье Герасима было непродолжительно. Капризная барыня возненавидела эту собаку и велела ее прогнать. Собаку увели тайно от нѣмага и кажется кому-то продали. Герасимъ цѣлыхъ два дни тосковалъ по своей Муму. На третью сутки ночью Муму явился въ его каморку и между ними произошла очень трогательная сцена. Когда Герасимъ увидѣлъ свою собаку «протяжный крикъ радости вырвался изъ безмолвной груди его; онъ схватилъ Муму, стиснулъ ее въ объятіяхъ...». Нѣсколько дней скрывалъ онъ изгнанницу, но наконецъ она своимъ лаемъ дала знать о своемъ присутствіи барынѣ. Вышло вторичное строжайшее повелѣніе изгнать ее. Объ этомъ объявили глухо-нѣмому. Онъ пошелъ въ трактиръ; угостилъ собаку щами съ говядиной, и потомъ утопилъ въ Москвѣ рѣкѣ.

Разумѣется въ повѣсти г. Тургенева есть много хорошихъ подробностей, относящихся къ обстановкѣ описываемаго событія, но они не выкупаютъ непріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ сюжетъ его повѣсти. Не понимаемъ какимъ образомъ такой умный писатель, какъ г. Тургеневъ напечаталъ такую повѣсть, какъ Муму.

Романъ Дикенса «Холодный домъ» еще не весь напечатанъ въ Современникѣ; въ разбираемыхъ нами номерахъ помѣщены только вторая и третья часть его. Полное сужденіе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи мы откладываемъ до его окончанія; на этотъ разъ мы ограничимся нѣкоторыми частными замѣчаніями. — Въ «Холодномъ домѣ» много лицъ, характеры которыхъ совершенно *новы* и прекрасно задуманы, но выполнены довольно небрежно, и не вполне художественно. Возьмемъ для примѣра характеръ мастера Скимполя. Трудно найти лицо, которое бы внушало къ себѣ болѣе симпатіи, чѣмъ этотъ «старикъ ребенокъ». Авторъ очень глубоко заглянулъ въ душу такого рода людей, и сдѣлалъ много совершенно новыхъ психическихъ открытій, подмѣтивъ чрезвычайно тонкія душевныя движенія, едва замѣтныя для простаго глаза, но выразилъ ихъ слишкомъ рѣзкими чертами, и потому впалъ въ преувеличеніе. Разумѣется, еслибы Дикенсъ изобразилъ это лицо болѣе тонкими чертами, то конечно мистеръ Скимполь вышелъ бы не такъ рельефомъ и мало доступенъ для большинства читателей, за то этотъ характеръ много бы выигралъ въ художественномъ отношеніи.

Статья г. Николая М. «Опытъ біографіи Николая Васильевича Гоголя» заключаетъ въ себѣ много фактовъ, живо характеризующихъ личность великаго поэта. Самую драгоценную часть матеріаловъ для его жизнеописанія, собранныхъ г. М. составляютъ письма Гоголя къ

друзьямъ. Мы приведемъ изъ нихъ нѣкоторые отрывки. Вотъ что писалъ Гоголь въ бытность свою въ послѣднемъ классѣ Нѣжинской гимназіи, къ одному изъ прежнихъ своихъ товарищей.

«Позволь еще тебя, единственный другъ Гарас. Иван., спросить объ одномъ дѣлѣ.... надѣюсь, что ты не откажешь.... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можешь снять съ тебя, потому что мы одинаковаго росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжарься, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, что стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно послать денегъ. А сукно-то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ или къ первому ноябрю я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуйста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоценный другъ, что я тебя затрудняю такъ; я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты облачешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ бы очень хотѣлось сдѣлать себѣ синий съ металлическими пуговицами; а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоели, что смотреть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный безцѣнный другъ.

Какъ долженъ удивить многихъ этотъ отрывокъ изъ письма Гоголя. Какимъ злымъ противорѣчіемъ покажется многимъ *серьезнымъ* людямъ то обстоятельство, что авторъ *Переписки съ друзьями* выказывалъ въ своей молодости склонность къ фразтовству. Удивленіе ихъ будетъ еще сильнѣе, когда они узнаютъ изъ статьи г. М. а также и изъ статьи г. Ловгинова «Воспоминаніе о Гоголѣ», что Гоголь, уже вышедъ изъ гимназіи и выступивъ на литературное поприще, обнаруживалъ сильное стремленіе къ щегольству. Что касается до насъ лично, то мы нисколько не возмущались, узнавши объ этой чертѣ характера Гоголя, проявившейся въ его молодости. Она свидѣтельствуетъ только о томъ, что Гоголь не былъ изъ числа тѣхъ ограниченныхъ и сухихъ личностей, которыя не были никогда молоды и, живя съ самаго дѣтства одной любовью къ чтенію и умственной дѣятельности, не чувствовали въ

душъ своей никакиѣ другихъ стремленій. Такія учительскія, сухія натуры уже, такъ сказать, родившіяся на свѣтъ въ очкахъ и парикъ, никогда не выходятъ истинно серьезными людьми. Какъ писатели, они отличаются сухостью слога, какъ люди и мыслители, они никогда не могутъ подняться до той высоты взгляда, которую выказалъ Гоголь, вступивъ въ зрѣлый возрастъ. Но мы должны признаться, что и насъ поразили неожиданностью тѣ строки письма Гоголя, гдѣ онъ съ такою заботливостью записываетъ себѣ фракъ. Еще неожиданнѣе поразило насъ извѣстіе о томъ, что Гоголь, уже въ бытность свою въ Петербургѣ, такъ заботился о своей наружности, что разъ даже обрилъ себѣ голову, съ тою цѣлю, чтобы послѣ бритья у него пошли гуще волосы. Какъ могли мы вообразить а priori, что въ самомъ серьезномъ писателѣ нашего времени, касавшемся въ своихъ произведеніяхъ такихъ важныхъ нравственныхъ вопросовъ, могло существовать до такой степени сильное стремленіе къ щегольству. Но изъ «Опыта» же г. М. и потомъ изъ статьи г. Лонгинова мы узнали, что стремленіе къ щегольству въ Гоголѣ оставалось только стремленіемъ, и что именно въ эпоху этого стремленія, Гоголь меньше всего былъ щеголь; что когда онъ обрилъ себѣ голову, и сталъ носить парикъ, то изъ подъ его парика всегда торчала вата; что изъ подъ его галстуха всегда видѣлись какіе-то шнурочки, что вообще костюмъ его отличался «смѣсю неряшества съ щегольствомъ». — Можетъ быть насъ осудятъ за то, что мы упоминаемъ о такой мелочной чертѣ характера Гоголя, какъ его стремленіе къ щегольству. Но мы это сдѣлали съ намѣреніемъ. Намъ хотѣлось показать читателямъ, какія невинныя странности и мелочности были въ характерѣ нашего великаго поэта. Объ этихъ странностяхъ должна знать публика, потому что въ ней слышится много очень двусмысленныхъ толковъ о Гоголѣ. Нѣкоторыя противорѣчія, замѣченныя въ немъ при жизни толкуются въ дурную сторону, объясняются дурными побужденіями, дурнымъ характеромъ, и мало ли еще чѣмъ. Отчего бы не объяснить эти противорѣчія, подающія поводъ къ обвиненіямъ, просто невинными странностями характера, отъ которыхъ почти никогда не бываютъ свободны высшія гениальныя натуры. Къ чести г. М. мы должны замѣтить, что онъ не оставилъ безъ вниманія тѣхъ обвиненій и темныхъ толковъ, которымъ подвергалось поведеніе Гоголя. Мы не могли читать безъ негодованія тѣхъ строкъ въ «Опытѣ біографіи Н. В. Гоголя», въ которыхъ г. М. излагаетъ клеветы, которыя ввозились на автора *Переписки съ друзьями*. Да и можно читать безъ негодованія мнѣнія о томъ, что Гоголя обвиняли въ

хитрости и искаательства. Г. М. старается опровергнуть эти нелѣпыя толки, и съ этой цѣлю приводитъ отрывокъ изъ письма С. Т. А., который съ такимъ умомъ и благородствомъ оправдываетъ великаго писателя. Но къ этимъ оправданіямъ мы бы желали прибавить отъ себя одно замѣчаніе. Намъ кажется, что Гоголь не имѣетъ нужды ни въ чемъ адвокатствѣ. Произведенія его лучше, чѣмъ кто-нибудь и что-нибудь, разоблачаютъ передъ читателемъ его прекрасную душу. Человѣкъ, способный написать то, что написалъ Гоголь, не можетъ быть способенъ къ тѣмъ чувствамъ, въ которыхъ его обвиняютъ. Обвинителей у всякаго великаго человѣка всегда бывало и будетъ вдоволь. Справедливо говорить нѣмецкая пословица — чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе отъ нея тѣнь. У великихъ людей бываетъ всегда много обвинителей, оттого, что на свѣтѣ всегда бываетъ много низкихъ людей. Эти люди отзываются дурно о великихъ людяхъ, по самой простой причинѣ: они ихъ судятъ по себѣ. Самымъ лучшимъ оправданіемъ Гоголя могутъ служить слѣдующія слова Карамзина: *«Вполнѣ хорошимъ писателемъ можетъ быть только вполнѣ хорошій человѣкъ»*. Ктоже не согласится, что Гоголь былъ *вполнѣ хорошій писатель*.

Прежде нежели мы скажемъ наше мнѣніе объ «Опытѣ» г. М. мы приведемъ еще отрывокъ изъ письма Гоголя. Вотъ, что писалъ Гоголь къ г. Плетневу по полученіи извѣстія о смерти Пушкина.

«Что мѣсяцъ, что недѣля, то цювая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Чтѣ скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ чтѣ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.... Боже! вышшній трудъ мой, вышшній имъ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Это письмо живо напомнило намъ одну лекцію г. профессора Шавырева, въ которой говорится о той любви и уваженіи, которое питалъ каждый изъ нашихъ великихъ писателей къ своему предшественнику, и которое связываетъ неразрывной цѣпью всѣхъ главныхъ представителей нашей литературы отъ Ломоносова до Гоголя.

«Опытъ» г. М. не представляетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ. Менше всего мы удовлетворены началомъ статьи, гдѣ описывается дѣтство и первая юность Гоголя. Авторъ позволяетъ себѣ слишкомъ много предположеній и догадокъ. Впрочемъ этого нельзя ставить ему въ вину: мы еще такъ бѣдны матеріалами для біографіи нашего великаго поэта, что онъ, въ нѣкихъ эпохахъ своей жизни, является чѣмъ-то въ родѣ міаа. Поневоля станешь прибѣгать къ догадкамъ! Что касается до сужденій г. М. о Гоголѣ то со многими изъ нихъ мы не можемъ согласиться. Такъ напримѣръ авторъ находитъ въ Гоголѣ сходство съ Вальтеръ-Скотомъ.

Но каковы бы ни были недостатки «Опыта г. М., мы все таки должны благодарить его за собраніе, и приведеніе въ порядокъ матеріаловъ для біографіи Гоголя.

Въ основаніи статьи г. П. А-ва: «По поводу романовъ и рассказовъ изъ простонароднаго быта» есть истина, но она затмѣвается излишней дѣтностью и неловкостью изложенія. Кромѣ этого недостатка въ формѣ, статья г. П. А-ва заключаетъ въ себѣ много недостатковъ и относительно содержанія. Общая мысль, въ ней развиваемая, обставлена множествомъ частныхъ невѣрныхъ взглядовъ и положеній. Все то, что говоритъ авторъ вообще о романахъ изъ русскаго быта, т.-е. всѣ его отвлеченныя эстетическія положенія, по большей части вѣрны и даже иногда очень топки, но собственно критическая часть его статьи, примѣненіе его эстетическихъ положеній къ дѣйствительнымъ явленіямъ искусства, невѣрны, сбивчивы и темны.

Главное общее положеніе автора, которое, кажется, онъ хотѣлъ провести черезъ всю статью, въ основаніи своемъ очень вѣрно, хотя высказывая его, авторъ и впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Мы познакомимъ нашихъ читателей съ этимъ тезисомъ г. П. А-ва посредствомъ выписки изъ его статьи:

«Отдавъ полную справедливость качествамъ, отличающимъ новое направленіе въ литературѣ, говоритъ авторъ, и всей душой желая еще большаго его развитія, мы, однакожъ, должны предостеречь публику отъ недоразумѣнія, которое легко можетъ возникнуть по поводу его. Многіе, и въ томъ числѣ, вѣроятно, нѣкоторые изъ писателей этого рода, думаютъ, что простонародная жизнь можетъ быть введена собственно въ литературу во всей своей подробности, безъ малѣйшаго ущерба для истины, цѣлы и значенія своего. По нашему крайнему разумѣнію, это весьма важная ошибка, способная породить (и порождающая) бесплодныя стремленія къ такой цѣли, которая врядъ ли мо-

жетъ быть достигнута. Литературная передача всякого явленія имѣеть свои неизбѣжныя правила, приемы, ухватки, которымъ долженъ подчиниться матеріалъ самый непокорный, и которые налагають клеймо свое на самый гордый и самостоятельный предметъ. Что бы ни дѣлалъ авторъ для тщательнаго сохраненія истины и оригинальности въ своихъ лицахъ, онъ принужденъ наложить краску искусственности на нихъ, какъ только принялся за литературное описаніе. Желаніе сохранить рядомъ другъ подлѣ друга требованія искусства съ случайнымъ, жесткимъ ходомъ жизни, произвести эстетическій эффектъ и вмѣстѣ пѣлькомъ выставить быть, мало подчиняющійся вообще эффекту, — желаніе это кажется намъ неисполнимымъ. Еще хуже бываетъ, когда коснется дѣло до выраженія нравственнаго достоинства, присущаго такъ много лицамъ престопадаря. Здѣсь является опять литературное пониманіе его, почасту расходящееся съ простымъ, менѣе требовательнымъ пониманіемъ самого круга. Часто ускользаетъ выводимый характеръ изъ подлѣ пера автора, и послѣдній долженъ бѣжать за нимъ стрѣмглавъ, чтобъ возвратитъ его окольными путями опять къ своей должности достойнаго лица. Есть наконецъ множество строгихъ представленій въ литературѣ, безспорно принимаемыхъ всѣми, какъ фундаментъ, на которомъ легко, прилично и удачно могутъ быть построены завязка и интересъ разсказа. Въ известной степени представленія эти не чужды никакому классу; но они никакъ не составляютъ тяжелой ноши для здоровыхъ плечъ, и авторъ принужденъ иногда гнуть постороннее лицо къ землѣ только силою своего произвола. Къ этому прибавитъ надо добрую часть книжныхъ истинъ, вѣшивающуюся, разумѣется, невольно отъ самаго автора въ его сужденіе и сообщающую завязкѣ совсѣмъ другой свѣтъ, чѣмъ тотъ подлѣ которымъ является она невооруженному глазу человѣка. Въ этомъ перечетѣ разныхъ литературныхъ условій нельзя забыть и того, что въ арсеналѣ беллетристическаго произведенія есть всегда множество похвасній, развязокъ и окончательныхъ соображеній, готовыхъ къ услугамъ писателя, который долженъ только владѣть талантомъ правильнаго выбора; но они, случается иногда, не составляютъ ни малѣйшаго поясненія, никакой развязки дѣлу въ глазахъ человѣка, знакомаго съ нимъ настоящимъ образомъ. Такъ истина жизни и литературная истина въ снѣженіи своемъ отнимають другъ отъ друга пѣльма, иногда весьма характерныя части. Этимъ даже можно объяснить отчасти явленіе, уже замѣченное многими. Грамотный, но еще не развитый простолюдинъ, читая грубыя изобразенія самаго себя, не читаетъ поясненій своей

ными замѣчаніями Иногороднаго Подписчика, и цитатами изъ Текеря. Нѣкоторые изъ этихъ фактовъ должны очень удивить русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ жизнеописаніями Британскихъ литераторовъ. Къ такимъ удивительнымъ фактамъ относятся насмѣшки Попе надъ бѣдностью своихъ противниковъ, и неважность, которую *писалъ* къ маленькимъ дѣтямъ Свифтъ, говорившій почти шутя, что ихъ надо жарить и подавать къ столу. Конеццо между нашими писателями нѣтъ такихъ необыкновенныхъ личностей какъ Джонсонъ, но за то, къ чести русской природы, должно замѣтить, что у насъ никогда не было и nebudeтъ писателей съ наклонностями Свифта и Попе. Можетъ быть наша нація неспособна произвести ни своего Шекспира, ни своего Байрона, — за то она неспособна произвести и своего Свифта.

Въ заключеніе обзора 2-й и 3-й книжки Современника, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о письмахъ Иногороднаго Подписчика о Русской журналистикѣ. Дѣятельность автора этихъ писемъ можно раздѣлить на три періода, — на время первоначальнаго его сотрудничества въ Современникъ, на время участія его въ Библіотекѣ для Чтенія, и на время его возвращенія въ Современникъ. — Письма Иногороднаго Подписчика становятся все серьезнѣе и серьезнѣе. Теперешнія его письма (исключая письма, помѣщеннаго въ 4-мъ номерѣ), во столько разъ дѣльнѣе писемъ, помѣщавшихся въ Библіотекѣ для Чтенія, во сколько писемъ, помѣщавшіяся въ Библіотекѣ для Чтенія, дѣльнѣе писемъ, время первоначальнаго сотрудничества его въ Современникъ. Впрочемъ и въ теперешнихъ письмахъ Иногороднаго Подписчика встрѣчаются иногда слишкомъ рѣзкіе отзывы о нѣкоторыхъ современныхъ литературныхъ произведеніяхъ, отзывы, могущіе навлечь на него обвиненія въ несправедливости. Но эти выходки происходятъ въ немъ не вслѣдствіе несправедливости и отсутствія безпристрастія, но по слѣдующей причинѣ. Иногородный Подписчикъ терпѣть не можетъ авторитетовъ, и сильно негодуетъ на безусловное благоговѣніе, которымъ пользуются нѣкоторые современные литературныя знаменитости. Оттого, какъ бы на перекоръ литературнымъ ареопагамъ, онъ даетъ слишкомъ мало цѣны вышеозначеннымъ знаменитостямъ. В. А.

АНТИКРИТИКА.

Отзывъ переводчика Макбета г-ну Рецензенту «Современника».

Переводчикъ Макбета, прочитавъ въ № 3 Современника за 1854 года *голословное* объявленіе г-на Рецензента о переводѣ этой трагедіи, помѣщенной въ Москвитиниѣ (№ 1, 1854.), не имѣеть права ни негодовать, ни быть благодарнымъ за такое извѣщеніе, — между тѣмъ какъ онъ, безъ излишняго самолюбія смѣеть думать, что такого рода трудъ, и трудъ добросовѣстный — худо ли, хорошо ли, или посредственно исполненный, стоилъ бы настоящаго разбора. Пусть бы г-нъ Рецензентъ Современника, какъ знатокъ и любитель твореній Шекспира, принявъ на себя трудъ яснаго и съ доказательствами высказать свое понятіе на счетъ такого рода переводовъ, каковы тотъ, съ какимъ имѣлъ честь въ Москвитиниѣ явиться на судъ образованной публики новѣйшій его переводчикъ. Пусть бы онъ, не щадя его самолюбія, (если онъ считалъ это справедливымъ), указалъ ему на неправильность языка, шероховатость стиховъ, невѣрность колорита, безвкусіе въ выборѣ выраженій, ошибочность пониманія подлинника, или на какіе бы то ни было его промахи — и переводчикъ, смотря по мѣрѣ убѣжденія въ истинѣ сказаннаго, готовъ бы былъ сознаться въ одномъ, оправдываться въ другомъ, приводя свои доказательства... Пусть бы онъ, напр., сказалъ ему, что неприлично въ устахъ Дункана выраженіе «кажись» вмѣсто «кажется» (стр. 8), что ему не правятся названія чиновъ и званій, каковы: «фельдфебель, камерфрау, оберъ-шёнкъ и т. д., (въ чемъ его лично и упрекали нѣкоторые) — и переводчикъ, сознавшись въ первомъ, на второе отвѣтилъ бы ему, что и у Шекспира такіе пѣтъ определенной археологической точности въ такого рода названіяхъ, и т. п. недостаткахъ...

Но г. Рецензентъ, вѣроятно потому, что этотъ новый переводъ явился скромно на страницахъ *журнала*, не счелъ его достойнымъ своего вниманія: по онъ изданъ и отдѣльно *книгой* (что, вѣроятно, и извѣстно г-ну Рецензенту), и по этимъ-то отдѣльнымъ и болѣе *вѣрнымъ* и тщательнѣе изданнымъ экземплярамъ, гдѣ даже по мѣстамъ выставлены и стихи подлинника, — и могъ бы г. Рецензентъ высказать свои сужденія насчетъ перевода...

Что же касается до его *личнаго* мнѣнія, о томъ, что переводить Шекспира должно не такъ, ибо (какъ онъ выражается) «мы хотимъ не точности метафоръ въ Русскомъ переводѣ Шекспира, а точ-

жизни, дѣлаемыхъ поэзіей и литературой. Дѣйствительно, они должны многое скрыть въ его глазахъ: такъ, очертанія крыльца и забора италявской избы пропадаютъ въ гущѣ плюща и винограда, обвиняющихъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Мы весьма далеки отъ мысли обвинять всѣхъ нашихъ рассказчиковъ въ тѣхъ погрѣшностяхъ, которыя перечислены нами теперь; напротивъ, мы видимъ во всѣхъ тщательное стараніе обойти ихъ. Но это самое и доказываетъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ, и что не всегда могутъ быть обойдены. Простонародную такъ называемую литературу никакъ не лзя сравнить съ тѣми группами рассказовъ, какія еще недавно существовали у насъ: ни съ рассказами объ идеальныхъ художникахъ, томящихся въ дѣйствительности, ни съ свѣтскими повѣстями, гдѣ калейдоскопически противопоставлено влѣшнее изыщество благородству простого, робкаго чувства; и проч. Тѣ брали преимущественно свои типы изъ воображенія, распаленнаго ночной работой; простонародные рассказы берутъ свои типы изъ жизни и, какъ мы сказали, часто даютъ имъ выраженіе глубокое и сильно затрогивающее чувство читателя. Совсѣмъ тѣмъ общій характеръ рассказовъ послѣдняго рода заключается именно въ томъ столкновеніи искусства съ выбраннымъ предметомъ, о которомъ сейчасъ говорено было. Почти въ каждомъ рассказѣ видите вы тяжелую борьбу между литературной манерой и бытомъ, который подчиняется ей не совсѣмъ охотно. Есть напряженіе со стороны писателя. Борьба писателя переходитъ и на чтеца его, и какое-то необъяснимое сомнѣніе идетъ объ руку съ невольнымъ увлеченіемъ отъ рассказа. По окончаніи чтенія, вы добѣждены авторомъ, благодаря многимъ превосходнымъ частностямъ, такъ изобилующимъ въ новыхъ произведеніяхъ, благодаря мастерскимъ описаніямъ, яркимъ освѣщеніямъ картинъ, что составляетъ неотъемлемую принадлежность этой школы, благодаря наконецъ чертамъ глубоко и вѣрно подмѣченнымъ въ жизни; но когда возвращаетесь вы къ основной мысли произведенія, сужденіе ваше опять двоится. Въ душѣ вашей рождается смутное и неопредѣленное чувство. Вы знаете, что рассказъ превосходенъ; но вы спрашиваете: много ли въ немъ истины самой по себѣ, и такъ ли сказывается она въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ?

Повторяемъ, въ основаніи взгляда автора вообще на рассказы изъ простонароднаго быта есть истина, но она неловко высказана. Авторъ говоритъ, что простонародная жизнь не можетъ быть введена въ литературу во всей своей подробности безъ ущерба для истины. Еслибъ

г. П. А—въ сказалъ, что простонародная жизнь не можетъ удолжитъся въ тѣ общепринятія литературныя формы, въ которыхъ выражаютъ жизнь другихъ сферъ общества, — то это была бы совершенная правда. Но кто же можетъ согласиться съ его положеніемъ, что народный бытъ не можетъ быть выраженъ *литературно* безъ ущерба для истины? Но очевидно, что авторъ не хотѣлъ сказать того, что сказалось въ этой фразѣ, потому что въ дальнѣйшихъ своихъ сужденіяхъ о несовмѣстимости литературной формы съ рассказами изъ простонароднаго быта, онъ, какъ могли видѣть читатели изъ нашей цитаты, высказываетъ объ этомъ предметѣ ту же самую мысль, которую мы сейчасъ высказали.

Таковы общія положенія автора. Примѣненія ихъ къ произведеніямъ современныхъ русскихъ писателей, какъ мы уже сказали, неудачны. Идея, которую взялъ авторъ мѣркою для произведеній изъ народнаго быта, вѣрна, но онъ прикладываетъ ее совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Онъ хорошо понялъ, что во всѣхъ нашихъ романахъ изъ народнаго быта есть недостатокъ, мѣшающій имъ быть совершенно вѣрными дѣйствительности. Авторъ даже догадался, что это за недостатокъ, опредѣлялъ его въ общихъ чертахъ, и назвалъ очень вѣрно *литературной выдумкой*. Но когда онъ вздумалъ указать, гдѣ именно въ русскихъ простонародныхъ рассказахъ обнаруживается эта литературная выдумка, то оказалось, что онъ слышалъ звонъ, да не знаетъ съ какой колокольни. Такъ напримѣръ г. П. А—въ очень справедливо замѣчаетъ, что роману г. Григоровича «Рыбаки», много повредила литературная выдумка. Но желая показать, въ чемъ состоитъ эта выдумка, авторъ указываетъ на что-то совершенно постороннее, и упрекаетъ г. Григоровича за то, что онъ будто хотѣлъ изобразить борьбу новаго поколѣнія съ старымъ.

О взглядѣ г. П. А—ва на произведенія г. Потѣхина мы покуда ничего не скажемъ. Мы упомянемъ о нихъ въ особой статьѣ, въ которой будетъ говорится подробно объ авторѣ «Крестянки» и «Тита Софронова Козонка.»

Не можемъ понять, отчего статьи Иногороднаго Подписчика о лекціяхъ Текерея, печатаются въ смѣси? Онъ несравненно серьезнѣе многихъ ученыхъ и критическихъ статей, помѣщаемыхъ въ Современникѣ въ отдѣлѣ наукъ и критики. Это не простое изложеніе содержанія лекцій Текерея, но прекрасная оцѣнка ихъ.

Статьи эти между прочимъ наполнены чрезвычайно интересными фактами изъ жизни Англійскихъ писателей, поясненными очень дѣль-

ности поэтической (стр. 28), и самъ предупреждая вопросъ, который бы ему сдѣлали, говорить: «что на такой вопросъ отвѣчать не легко, тѣмъ болѣе, что овъ гораздо сложнѣе, нежели кажется (ib)», — то переводчикъ Макбета самъ постарается, какъ умѣетъ, разрѣшить эту задачу, и тѣмъ убѣдить г. Рецензента, что олъ (т. е. переводчикъ), принимаясь за такой важный трудъ, дѣйствовалъ не безотчетно, но съ сознаниемъ.

Если принимать тропы и фигуры въ такомъ значеніи, въ какомъ они принимаются въ устарѣвшихъ риторикахъ, т. е. за украшенія, будто бы изобрѣтаемыя писателемъ—за искусственныя цвѣты мыслей и оборотовъ словъ,—то держаться ихъ, какъ за что-то важное, конечно, жалкое ребячество;—но если принимать тропы за выраженіе истинныхъ, а не вымышленныхъ отношеній духа человеческого къ видимой природѣ и на оборотъ, и взаимныхъ отношеній царствъ природы другъ къ другу и снова за сосредоточеніе этихъ скрещивающихся лучей мыслей въ духѣ человека,—то они уже, конечно, не игрушки, которыми когда-то гимнастически упражняли педагоги бѣдныхъ своихъ пациентовъ-дѣтей, заставляя нанизывать какъ бусы на нити пошлыхъ мыслей эти мнимыя украшенія для такъ называемыхъ *облицъ мыслъ*, на которыя, какъ на Прокрустово ложе, растягивали незрѣлыя ихъ понятія... Но виновать ли великій Шекспиръ, который гениальнымъ чувствомъ *прозрѣвалъ* эти отношенія, понятныя и сочувственныя не всякому,—виновать ли олъ, что его способъ выраженія считаютъ чѣмъ-то случайнымъ, позволительнымъ, по безвкусію его періода времени, и короче только-что простительнымъ за художническую ткань его драмъ, мастерское изображеніе характеровъ и общую матеріальную связь дѣйствій, и въ слѣпотѣ своей не видятъ другой радужной ткани мыслей, которую какъ нервами, проводниками духовнаго міра, оживлено тѣло его созданій? Попробуйте разоблачить его творенія отъ этой духовной одежды—и Шекспиръ перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ олъ есть: это все равно, что отнять отъ какого-либо народа. или даже отъ дѣльнаго лица, его костюмъ, его тѣлодвиженія, походку, ростъ, черты лица и особенность способа выраженія;—но можетъ быть, полагають, что такимъ разоблаченіемъ, или уклоненіемъ частностей, можно достигнуть до чистаго генерическаго выраженія *человѣка*? Мечта несбыточная! Такого опыта съ природой, играющей разнообразіемъ формъ въ единствѣ идеи, сдѣлать невозможно, а въ искусствѣ, если, къ несчастію, приблизительно и можно, то это его лишь опошлить и низведетъ съ того высокаго пьедестала, на который оно поставлено

человѣчествомъ, а не холоднымъ анализомъ ученаго умничанья... Но обращаясь снова къ способу перевода или воссозданія на другомъ языкѣ такого рода *оригинальныхъ* произведеній, каковы созданія Шекспира, Кальдерона, Жанъ-Поля Рихтера, — переводчикъ Макбета осмѣлился бы спросить: гдѣ же бы г. Рецензенту угодно было провести демаркационную линію смягченія странныхъ рззкостей такихъ авторовъ, каковы напр. тѣ, которые названы выше?... Рѣшительно, говоримъ, провести ее нити не возьмется, подъ опасеніемъ олигархіи въ искусствѣ, — ибо если всякій переводчикъ будетъ смягчать, измѣнять, переплавлять автора, котораго передаетъ на другой языкъ, то изъ одного создается столько же другихъ авторовъ, сколько было переводчиковъ: одно условіе, которому долженъ подчиняться переводчикъ — есть духъ того языка, на который онъ передаетъ его; а изъ языковъ Европейскихъ есть только два, которые по богатству формъ своихъ и гибкости оборотовъ, могутъ съ честью выходить изъ такого рода борьбы съ оригинальностью всѣхъ возможныхъ подлинниковъ (разумеется, на столько, на сколько это возможно при передачѣ съ одного языка на другой) и именно: Нѣмецкій и Русскій; но для языковъ романскаго корня, эта борьба невозможна, не исключая даже и Испанскаго: Шекспиръ и Кальдеронъ очень національны и оригинальны на своихъ природныхъ языкахъ, но ихъ языки не въ силахъ выражать оригинальности и національности другихъ народовъ. Конечно, нельзя не сознаться, что иногда излишняя кудреватость выраженій Шекспира въ другихъ его произведеніяхъ, но не въ Макбетѣ, разнаго рода непристойности, ошибки въ географіи и т. п. хотя и не составляютъ характеристики великаго этого генія: но и такого рода недостатки, потому что показываютъ духъ вѣка, образъ мыслей его времени и его личныхъ понятій и образованности — не вполнѣ уже ничтожны.

Основываясь на этихъ-то понятіяхъ, предпринять и исполнить свой трудъ переводчикъ Макбета: «но, (выражаясь его же словами) эти требованія не выше ли были силъ его — вопросъ другой, рѣшеніе котораго предоставляетъ онъ людямъ *талантливымъ* и *знающимъ дѣло*».

М. ЛЕВОНОВИЧЪ.

17-го Апрѣля, 1854 г.

С М Ъ С Ь.

**СВѢДѢНІЯ О ПРЕВЫВАНІИ А. С. ПУШКИНА ВЪ КИШИНЕВѢ И
ВЪ ОДЕССѢ, И ПРИМѢЧАНІЯ ОПИСАНІЮ ОДЕССЫ, ПОМѢЩЕН-
НОМУ ВЪ ЕВГЕНІИ ОНЪГИНА (1).**

Въ 1820 г. и—какъ по всей вѣроятности предположить можно—весною этого года, Пушкинъ, опредѣленный на службу въ Кишиневъ, оставилъ Петербургъ. Неизвѣстно, что побудило его вѣхать на мѣсто своего новаго назначенія чрезъ Екатеринославъ, тѣмъ болѣе, что дорога и изъ Псковской губерніи и изъ Москвы въ Бессарабію лежитъ не на этотъ городъ. Изъ статьи, написанной покойнымъ братомъ поэта, Львомъ Сергѣевичемъ (2), знаемъ мы однако, что въ Екатеринославѣ генералъ Раевскій нашелъ Пушкина въ сильной горячкѣ, и повезъ съ собою на Кавказскія воды. Съ Кавказа вмѣстѣ съ семействомъ генерала, поѣхалъ онъ по Кубани и чрезъ Тамань въ Крымъ. Тутъ, конечно, могъ онъ быть и въ Керчи, видѣть Митридатову гору и познакомиться съ Броневскимъ. Съ Тамани Пушкинъ поѣхалъ моремъ на южный берегъ Крыма, и прожилъ тутъ три недѣли въ Юрзуфѣ, въ домѣ генерала Раевского. Изъ Юрзуфа Пушкинъ, по всей вѣроятности, ѣздилъ въ Бахчисарай, потому что въ то время кромѣ этого города ничего не было любопытнаго въ Крыму; а красотами природы могъ онъ довольно налюбо-

(1) Свѣдѣнія эти сообщены намъ изъ Пр: Д. А. Вороновскимъ и П. С. Пущинимъ, покойнымъ Т. С. Марини, тит. сов. В. И. Гординскимъ, помещикомъ П. С. Леонардомъ, надв. сов. В. З. Писаренко, сослуживцемъ Пушкина по Кишиневу и Одессѣ, и г. студентомъ Ратко. Съ цѣлію собрать разныя свѣдѣнія о нашемъ славномъ поэтѣ, предпринимали мы въ январѣ нынѣшняго года и поѣздку въ Бессарабію.

(2) Москвит. 1853, N 10. Замѣтимъ при этомъ, что отставной майоръ Левъ С. Пушкинъ умеръ не въ Парижѣ, а года черезъ полтора по возвращеніи своемъ изъ столицы Франціи, въ Одессѣ, въ июль 1852 г. Заграничная поѣздка поправила было его здоровье, и позволила продолжать службу при одесской портовой таможнѣ, въ которой былъ онъ членомъ. Итъ за пять до его смерти не переставали мы повторять ему о необходимости написать полную біографію его славнаго брата.

ваться, живя вблизи от Аю-Дага, у подошвы Яйлы, въ виду Чатырдага и на самомъ берегу моря. По крайней мѣрѣ, кажется, въ жизни поэта не было другаго случая, когда бы могъ онъ видѣть древнюю столицу крымскихъ хановъ (3). Стихотвореніе же «Фонтану Вахчисарайскаго дворца» относится къ 1820 г. (4). По многимъ стихамъ въ этомъ стихотвореніи видно, что оно написано на самомъ мѣстѣ фонтана. Какимъ путемъ Пушкинъ отправился съ южнаго берега въ Кишиневъ,—не знаемъ.

А. С. Пушкинъ, былъ назначенъ, въ званіи чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ чинѣ коллежскаго секретаря, состоять при исправлявшемъ должность полномочнаго намѣстника Бессарабской области генералъ-лейтенантъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Въ Кишиневъ Пушкинъ прибылъ въ половинѣ сентября 1820 г., вѣроятно около 20 числа этого мѣсяца. По крайней мѣрѣ письмо его къ брату отъ 24 сент. того же года, содержащее въ себѣ какъ бы отчетъ въ повѣздкѣ его изъ Петербурга и въ пребываніи на водахъ и у Раевского, обличаетъ скорость своего отправления по пріѣздѣ на мѣсто постоянного жительства.

Пріѣхавъ въ Кишиневъ, Пушкинъ остановился въ небольшой горенкѣ въ гостинницѣ русскаго переселенца, Ивана Николаева (5). Кажется, вскорѣ послѣ того онъ переехалъ въ домъ Инзова. На домъ этотъ до сихъ поръ еще всѣ въ Кишиневѣ указываютъ, какъ на постоянное мѣсто жительства Пушкина въ этомъ городѣ. Этотъ большой, двухъ-этажный домъ, со службами, построенъ на краю города, на возвышеніи, господствующемъ надъ окрестностью, и въ то время окруженъ былъ садомъ и виноградникомъ. Тутъ же находился и канареечный и другихъ птицъ заводъ, составлявшій предметъ особеннаго любопытства жителей. Самъ Инзовъ, никогда не бывъ женатъ, любилъ садоводство и ботанику, а къ Пушкину привязался, какъ къ сыну. Теперь домъ, жилище Инзова, приходитъ въ

(3) Смотри ниже.

(4) См. стихотворенія Александра Пушкина, Часть I. Спб. 1829. Изданіе это драгоценно потому, что въ немъ стихотворенія распределены въ хронологическомъ порядкѣ, съ означеніемъ годовъ и подъ наблюденіемъ самого автора. Въ этомъ изданіи есть и такія произведенія, какихъ въ изданіи 1838 года нѣтъ.

(5) См. «Выдержки изъ дневника Вл. Горчакова». (Москвит. 1850, N 2). Не можемъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ не пожалѣть, что эти драгоценныя «Выдержки» не продолжаются. Въ нихъ такъ много характеристическаго, относительно послѣднихъ годовъ царствованія Императора Александра, а съ другой стороны такъ много коренной русской души, русскаго ума, русскаго взгляда на жизнь, русскаго чистосердечія, что, живя здѣсь, не въ Великой, а въ Новой Россіи, плачешь и просишь о продолженіи.

развалины, а отъ сада и виноградника осталось два-три дерева, да нѣсколько кустовъ (6).

Тогдашній Кишиневъ не похожъ былъ на нынѣшній. Весь онъ заключался въ теперешнемъ, такъ называемомъ, Старомъ городѣ, который тогда былъ еще болѣе грязенъ, и нынѣ слѣды своего прежняго азіатскаго характера сохранилъ только въ кривыхъ улицахъ. Отъ пушкинскаго времени остался еще рядъ низкихъ лавокъ съ тяжелыми колоннами и сводами. Эти лавки на столь же искривленной, какъ и другія, но иъкогда самой большой и многолюдной, улицѣ. На ней часто видали нашего поэта съ длинными волосами, въ фуражкѣ, или съ коротко остриженными, въ красной фескѣ (7), съ желѣзной палицей въ рукѣ, иногда даже, такъ какъ онъ съ Кишиневымъ не церемонился, въ пестромъ архаукѣ. Это послѣднее свидѣтельствуяютъ многіе. Новаго города съ его прямыми улицами, прекрасными, бѣлыми домами, садомъ и бульваромъ, тогда почти не было еще. Въ немъ построены были только митрополія и дома вице-губернатора Крупенскаго и члена Верховнаго Правленія Варооломея.

Иззовъ ласкалъ Пушкина, и когда запрещалъ ему идти въ какое-нибудь общество или собраніе, поэтъ сердился, не шель къ обвду, сказывался больнымъ. Домъ Иззова служилъ и мѣстомъ ареста. Такъ наприм. за извѣстную пощечину, данную мужу одной дамы, которая назвала поэта трусомъ (8), долженъ онъ былъ, по словамъ П. С. П., просидѣть двѣ недѣли. Аресты и запрещенія являлись

(6) Иззовъ занималъ этотъ домъ послѣ своего предшественника, генер. Бахметева, который былъ первымъ полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабіи, по присоединеніи этого края къ Россіи. Домъ этотъ принадлежитъ семейству Доничъ. Послѣ Иззова онъ много потерпѣлъ отъ землетрясенія. Гранворованный видъ его приложенъ былъ къ Одесскому альманаху на 1840 г.

(7) Пушкинъ иногда подверженъ былъ горячкѣ; а потому принужденъ былъ брить голову, и тогда, въ короткомъ кругу, носилъ феску. Вообще же онъ отрицивалъ волоса. Такимъ образомъ В. П. Горчаковъ въ ноябрѣ 1820 засталъ его въ Кишиневѣ съ короткими волосами, а по вторичномъ прибытіи въ тотъ же городъ въ началѣ 1821 уже съ длинными. (См. вышеозн. «Выдержки»). Отъ того-то и разпорчія въ показаніяхъ о головномъ уборѣ Пушкина. Усовъ онъ не носилъ.

(8) У Льва С. Пушкина «оскорбительная дерзость». П. С. Пушкинъ, какъ очевидецъ этой исторіи, прибавляетъ однако, что во время расправы съ мужемъ, въ рукахъ Пушкина былъ пистолеть. Нельзя не желать, чтобы при новомъ изданіи сочиненій Пушкина, которое, какъ слышно, готовится, внесены были въ его біографію и разныя анекдоты о немъ, какъ наприм. лицейскіе стихи: «И пзумленные народы» и проч.; случай съ г-жею Кирхгофъ, первое свиданіе поэта съ Вл. П. Горчаковымъ въ театрѣ, описанное столь живо въ «Выдержкахъ». Въ этомъ описаніи верный портретъ вышней «язіономіи Пушкина.

куда-либо, а въ слѣдствіе ихъ и неявки къ столу, случались, однако, рѣдко. Пушкинъ, какъ мы сказали, жилъ у Инзова, обѣдалъ, по большей части у него же, и проводилъ время по произволу. У себя читалъ, писалъ и часто стрѣлялъ восковыми пулями въ цѣль изъ пистолета. Вечера проводилъ онъ въ обществахъ, танцевалъ, влюблялся, игралъ въ карты.

Тогдашнее кишиневское общество раздѣлялось на два отдѣла, связанные между собою общими условіями образованности,—отдѣлы русскій и молдавскій (9). Это было общество военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, состоявшихъ по службѣ при генералахъ И. Н. Инзовъ и Михаилъ Фед. Орловъ (10), командовавшемъ дивизіею, штабъ которой находился въ Кишиневѣ, и потомъ общество туземныхъ бояръ и помѣщиковъ. Мих. Фед. Орловъ въ 1821 году женился на дочери генерала Раевского, въ Кіевѣ, и въ томъ же году воротился въ Кишиневъ вмѣстѣ съ супругою. Въ русскомъ обществѣ были Фед. Фед. Орловъ, братъ Мих. Фед.; П. С. Пуцинъ, бригадный генералъ; братья А. Л. и В. Л. Давыдовы; Вл. П. Горчаковъ; Н. С. Алексеевъ (11), и нумизматъ, статскій совѣтникъ Эльфректъ. Два послѣдніе состояли при канцеляріи Инзова. Братьевъ Раевскихъ, Александра и Николая Николаевичей, тогда кажется не было въ Кишиневѣ. Понятно, что родное чувство поэта находило обильную пищу для себя въ этомъ обществѣ, которое замѣняло ему, въ известной мѣрѣ, родной очагъ сѣвера. Изъ туземныхъ семействъ во время Пушкина, въ Кишиневѣ, наиболее принимали у себя семейства: Ипсиланти, вице-губернатора Крупенскаго, губернатора Катакази, члена Верховнаго Совѣта Вареоламея.

«Съ cadaго вечера, говорить очевидецъ, Пушкинъ собиралъ новые восторги и дѣлялся новымъ поклонникомъ новыхъ, хотя мнимыхъ, богинь своего сердца». Повторимъ слова поэта:

Мгновенно сердце молодое
Горить и гаснетъ; въ немъ любовь

(9) Въ 1820 году, чрезъ восемь лѣтъ по присоединеніи Бессарабіи къ Россійской имперіи, разница въ этихъ обществахъ не могла не быть разительнѣе, нежели теперь.

(10) Позднѣе, живя въ Москвѣ, онъ издалъ сочиненіе о государственномъ кредитѣ.
(11) Къ этому-то Н. С. Алексѣеву, по поводу скромной любви его къ супругѣ товарища, которая была молдаванка, писано посланіе Пушкина. Въ изданіи его стихотвореній 1329 года, оно помѣщено подъ 1821 годомъ. (См. «Выдержки изъ Дневника». Москвит. 1850; № 2, стр. 157). Замѣчательно, что большая часть стихотвореній Пушкина вызвана жизнью или впечатлѣніями природы, которая поразила самого его, и носятъ на себѣ печать ихъ. Потому-то публика и вправе ожидать отъ новаго изданія сочиненій Пушкина, что въ этомъ изданіи, по крайней мѣрѣ большая часть мелкихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ именно впечатлѣнія жизни, будутъ пояснены возможно полными примѣчаніями.

Проходить и приходять вновь:
Въ немъ чувство каждый день иное.

Изъ тогдашнихъ двницъ въ кишиневскомъ обществѣ, Пушкину болѣе другихъ нравились боярышни-куконицы: одна изъ сестеръ Россети, которой ножки, какъ вообще въ Одессѣ и Кишиневѣ убѣждены были въ то время, воспѣлъ онъ въ первой главѣ Онегина (12), Вареоломей, которая вышла потомъ за-мужъ за греческаго консула въ Одессѣ, г. Мано, и отличалась рѣдкой красотой; Прункуль, брюнетка небольшого роста, двница очень образованная, тогда рѣзвая, шаловливая и милая до чрезвычайности, и наконецъ т-те Э., предъ которой вздыхалъ и Н. С. Алексѣевъ. (См. посланіе къ нему).

Живя въ Кишиневѣ, Пушкинъ проказилъ немилосердо. По всему видно, что онъ не дорожилъ кишиневскимъ обществомъ, которое по доброй или недоброй волѣ, терпѣло его шалости, по большей части ни для кого однако не оскорбительныя. Свинина, кажется, издателя прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ», бывшаго въ Кишиневѣ вскорѣ послѣ Пушкина, любили тамъ гораздо менѣе, нежели Пушкина: это выдавали намъ за достовѣрное люди, заслуживающіе всякаго довѣрія (:3). Какъ бы то ни было, кажется, на Кишиневцахъ Пушкинъ, сознававшій уже въ то время свое назначеніе въ русской поэзіи и жизни, хотѣлъ вымѣстить досаду на свое пребываніе въ тамошней полу-ссылкѣ (14) и на отдаленіе отъ Петербурга. Каждый день выходили съ нимъ исторіи, и въ одной изъ нихъ поэтъ нашъ повелъ себя круто. За картами поссорился онъ съ какимъ-то господиномъ изъ кишиневской молодежи, и за обиду отплатилъ ему неслыханно оскорбительнымъ образомъ. Инзовъ, чтобы предупредить всякія дальнѣйшія непріятности, командировалъ Пушкина въ

(12) Что это были ножки одной изъ южныхъ красавицъ, подтверждается стихами:

Взлетѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сверномъ, печальномъ снѣгѣ,
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье (*).

(13) Кромѣ Свинина, изъ литераторовъ нашихъ въ Кишиневѣ былъ еще Вельманъ, какъ показывается в его «Странникъ»; не знаемъ только при Пушкинѣ или потомъ.

(14) Что пребываніе Пушкина въ Бессарабіи было полу-ссылкой, ссылаемся на Словарь Бантыша-Каменскаго. (Часть II, 1847. Дополненіе, стр. 68).

(*) Доселѣ еще въ домахъ бессарабскихъ помѣщиковъ много широкихъ, восточныхъ дивановъ и ковровъ. Которыя эти плугъ турецкими крестьянами и очень искусно.

Измаиль,—куда онъ въ это время и вздѣлъ; а его противника, совершенно въ противоположную сторону, въ Новоселицу (15). Въ послѣдствіи добрый начальникъ помирилъ ихъ.

Замѣтимъ, что слѣды пребыванія Пушкина въ Измаиль сохранились въ посланіи къ Баратынскому, при которомъ именно упомянуто, что оно писано изъ Бессарабіи, тогда какъ при другихъ посланіяхъ, писанныхъ изъ Кишинева и слѣдовательно изъ той же Бессарабіи, этого упоминанія нѣтъ. Стихотвореніе это относится къ 1822 году (16). Вотъ стихи, указывающіе на Измаиль:

Сія пустынная страна
Священна для души поэта,
Она Державинимъ воспѣта
И славою Русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ...

.....
И съ нею часто при дунѣ
Брожу вдоль берега крутаго (17).

Въ Бессарабіи ходитъ по рукамъ много стиховъ, приписываемыхъ Пушкину. Безъ сомнѣнія, большая часть ихъ принадлежитъ не ему; да и объ остальныхъ тоже ничего достовернаго, въ этомъ отношеніи, сказать нельзя. Между этими стихами есть и описаніе кишиневского общества 1820-тыхъ годовъ. Вотъ стихи изъ этого описанія.

Музыка Варломея
Становись скорѣй въ кружокъ.
Инструменты строй живѣе
И играй на славу дроку! (18)
Наблюдая нѣжны связи
Съ дамой всякъ ступай любов;
Въ первой партъ К.
Съ скромной С. женой.

(15) Случай этотъ переданъ намъ тогдашнимъ сослуживцемъ Пушкина, В. З. Писаренко. Онъ прибавляетъ, что Пушкинъ въ порывѣ гнѣва, снявъ съ ноги сапогъ и подошвой ударилъ противника въ лице. П. С. Пущинъ ничего не знаетъ объ этомъ происшествіи; но онъ оставилъ Кишиневъ въ началѣ 1822 года. Пушкинъ же оставался тамъ до весны 1823 года.

(16) См. изданіе стихотвореній Александра Пушкина 1829 года. Если исторія съ подошвой случилась въ 1822 году, то П. С. Пущинъ, который, бывъ тогда уже въ Одессѣ, могъ и не знать о ней.

(17) Окрестности Измаила несравненно пустыннѣе, нежели окрестности Кишинева. Измаиль лежитъ въ Буджакской степи. — Державинъ написалъ знаменитую оду на взятіе Измаила. Кагуль лежитъ не подалеку отъ этого города. — Берегъ къ Дунаю крутъ въ Измаиль. Берега рѣчки Бька въ Кишиневѣ плоски.

(18) Национальный молдавскій танецъ.

Стихи эти однако, должно замѣтить, не обличаютъ пушкинскаго стиха. Подъ именемъ Пушкина ходитъ еще эпиграмма, которую, однако, помнится, читали мы гдѣ-то въ печати:

Не спорю, милый мой, — умный ты многихъ,
Да только не людей, четвероногахъ.

Вотъ еще начало стиховъ, уже съ бѣльшимъ правдоподобіемъ приписываемыхъ Пушкину:

О ты, прескучный городъ Кишиневъ,
Тебя языкъ бранить не перестанетъ.
Тамъ лавки грязныя жидовъ....

Пушкинъ прожилъ въ Кишиневѣ съ сентября 1820 года по май—іюль (19) 1823 года, и думаемъ безвыздно, кромѣ вышеозначенной поѣздки въ Измаиль.

7 мая 1823 года, генераль-лейтенантъ графъ (нынѣ Свѣтлѣйшій князь) М. С. Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области. 28-го іюля того же года графъ въ Кишиневѣ принялъ должность отъ генерала И. Н. Инзова, который, по случаю увольненія графа Ланжерона въ іюль 1822 года въ отпускъ, за границу, управлялъ краемъ, и который, въ тоже время, назначенъ былъ главнымъ попечителемъ иностранныхъ переселенцевъ южнаго края Россіи (20). Въ это время канцелярія полномочнаго Намѣстника Бессарабской области, была переведена изъ Кишинева въ Одессу. вмѣстѣ съ нею и чиновники этой канцеляріи, — въ числѣ ихъ и Пушкинъ — перешли въ штатъ графа Воронцова. Все они переехали на жительство въ Одессу, потому что графъ избралъ мѣстомъ своего постоянного пребыванія этотъ городъ (21).

Въ Одессѣ Пушкинъ жилъ сначала въ Hôtel du Nord, на Итальянской улицѣ, нынѣ домъ Сикара. Тутъ, по свидѣтельству П. С. Пушкина, писалъ онъ своего Онѣгина, на лоскуткахъ бумаги, полураздѣтый, лежа въ постель. Однажды, когда онъ описывалъ театръ, ему замѣтили: не вставить ли онъ въ это описаніе своего обычая наступать на ноги, пробираясь въ креслахъ. Пушкинъ вставилъ стихъ:

Идти межъ кресель по ногамъ.

(19) Смори ниже.

(20) См. исторію Одессы, составленную Кон. Смольяниновымъ. Одесса. 1853, стр. 189.

(21) Когда именно графъ М. С. Воронцовъ прибылъ въ Одессу, мы не могли узнать; но старожилы помнятъ, что это было во время сильныхъ жаровъ, следовательно, вероятно, въ іюль. Известно, что самые сильные жары бывають въ Одессѣ между началомъ и 21 іюля. В. З. Писаренко сказывалъ намъ, что И. Н. Инзовъ, при первомъ свиданіи своемъ съ новымъ намѣстникомъ въ Акерманъ, куда отправился онъ, конечно, навстрѣчу ему, сдалъ и Пушкина на руки графу.

Потомъ поэтъ нашъ жилъ на Ришельевской улицѣ, на углу ея съ Дерибасовскою, въ верхнемъ этажѣ дома, принадлежавшаго сперва барону Рено, а потомъ его дочери княгини Кантакузенной. Окна дома выходять на обѣ улицы, и угълый балконъ принадлежалъ поэту, которыйhalbъ съ него могъ видѣть и море. Почти въ глазахъ у него былъ театръ — тогда тотъ же, ~~этотъ~~ и нынѣ — и одноэтажный домъ, въ которомъ лѣтъ за 8 до того жилъ герцогъ Ришелье (теперь зданіе Ришельевской гостиницы). Далѣе къ театру, на другомъ углу того же квартала, и противъ дома Ришелье, помѣщалось казино, о которомъ упоминаетъ онъ въ Онѣгинѣ, при описаніи Одессы, и въ которомъ сиживалъ онъ иногда въ своемъ кишиневскомъ архалухѣ и фескѣ.

Нарядъ этотъ Пушкинъ оставилъ въ Одессѣ. Здѣсь на улицахъ показывался онъ въ черномъ сюртукѣ и въ фуражкѣ или черной шляпѣ, но съ тою же желѣзною палицей (22). Сюртукъ его постоянно былъ застегнутъ и изъ-за галстука не было видно воротничковъ рубашки. Волоса у него и здѣсь были острижены подъ гребешокъ или даже обриты (23). Говорятъ еще, что на рукѣ носилъ онъ большое золотое кольцо съ гербовой печатью.

(22) Подобную же, желѣзную палицу носилъ въ Одессѣ, потомъ, уже послѣ Пушкина, Тепляковъ, поэтъ не безъ достоинствъ. У него на пальцѣ начертано было *memento mori*. Тепляковъ жилъ въ Одессѣ, кажется съ 1830 по 1834 годъ.

(23) Никто, впрочемъ, изъ тѣхъ, которые знали Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ, и съ которыми мы имѣли случай говорить, не помнитъ его болѣзнь. Могло однако случиться и такъ, что поэтъ былъ боленъ и не всѣ знали о его болѣзни. Стихотвореніе же къ NN, начинающееся словами: «Я ускользнулъ отъ Эскулапа» относится къ его болѣзни въ Петербургѣ, а не къ той, послѣ которой былъ онъ въ 1820 году на Кавказѣ, ниже къ другой какой-либо. Въ изданіяхъ стихотвореній 1826 и 1829 годовъ, эти стихи самимъ авторомъ помѣщены подъ 1819 годомъ. Конечно, въ изданіи 1841 г. (томъ IX, стр. 200 и 201) сказано: «Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недель я выздоровѣлъ. . . . Это было въ февралѣ 1821 года. Первые восемь томовъ Русской исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію». Справедливо однакожь замѣчать авторъ «Выдержекъ изъ Дневника», что «все это могло быть въ 1819-мъ году» (когда было написано и стихотвореніе къ NN) или въ февралѣ 1820 года. Въ февралѣ 1821 года Пушкинъ былъ уже въ Кишиневѣ, гдѣ Лейтона, сколько намъ извѣстно, не было. Первые три тома Исторіи Государства Россійскаго, втораго Сленяновскаго изданія, вышли въ 1818 году, слѣдующіе же пять (4, 5, 6, 7 и 8) въ 1819 году; (остальные — съ 1821 по 1824). Принявъ въ соображеніе, что стихотвореніе къ NN писано въ 1819 году, что слова: «Я ускользнулъ отъ Эскулапа большой, обритый, но живой»; можно было написать только послѣ

Въ то время, при графѣ Воронцовѣ, служили многіе молодые люди, достигшіе въ послѣдствіи важныхъ государственныхъ должностей. Пушкинъ особенно близокъ былъ съ Алекс. Ирак. Левшинымъ; съ Александромъ Ник. Раевскимъ, который жилъ тогда въ Одессѣ, и имѣлъ на нашего поэта какое-то господствующее вліяніе; съ братомъ его Николаемъ, который пріѣзжалъ иногда въ Одессу; съ Гуманскимъ, поэтомъ, о которомъ упоминается при описаніи Одессы, и съ нѣкоторыми другими молодыми людьми.

Достоверно, что Пушкинъ знакомъ былъ еще въ Одессѣ съ какимъ-то Англичаниномъ, котораго въ письмахъ своихъ называлъ «единственнымъ умнымъ атеемъ, какого онъ встрѣчалъ», называя при этомъ случавъ атеизмъ «системой, не столь утѣшительной, какъ обыкновенно думаютъ». Вообще Пушкинъ въ это время, если и былъ иррелигіозенъ, то только на словахъ. Демонъ и многія другія стихотворенія показываютъ, что въ душѣ его таилась глубокая, благотворная теплота, источникъ самаго искренняго вѣрованія. Пушкинъ, въ глубинѣ сердца, былъ одно, а другое былъ онъ въ свѣтѣ, въ кругу молодежи, съ которою желалъ дѣлать всѣ заблужденія молодости.

Въ Одессѣ также, какъ и въ Кишиневѣ, Пушкинъ по утрамъ читалъ, имѣя здѣсь порядочный запасъ для этого въ бывшей французской книжной лавкѣ Рубо; писалъ, стрѣлялъ въ цѣль, гулялъ по улицамъ. Обѣдывалъ онъ то у Дмитраки, въ греческой рестораціи, то на Итальянской улицѣ, въ Hôtel du Nord, вмѣстѣ съ польскими, изъ сосѣднихъ Кіевской и Подольской губерній, помѣщиками, которые, какъ сказывали намъ, умѣли приласкать его къ себѣ, хотя по словамъ людей, въ то время близкихъ къ нему, онъ не любилъ польскаго языка. Съ товарищами своими Пушкинъ обѣдалъ, по большей части, у Отона, котораго ресторація помѣщалась въ маленькомъ домѣ, на Дерibasовской улицѣ, гдѣ потомъ уже въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ, былъ модный магазинъ m-me Стодъ, а теперъ

тяжкой болѣзни», что «Отрывки изъ записокъ А. С. Пушкина» (изд. 1841 г. т. IX, стр. 200—202), въ первый разъ явились въ печати уже по его смерти, что въ послѣдующихъ словахъ въ отрывкѣ на стр. 201. «Когда, по моему выздоровленію, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ», — подъ словомъ «свѣтъ», разумѣется, конечно, не кишиневскій свѣтъ; что первые 8 томовъ И. Г. Р. въ Слениновскомъ изданіи вышли въ 1818—1819 г. и что изданіе сочиненій Пушкина 1838—1841 отличается особенной не исправностію, — принявъ, говоримъ, все это въ соображеніе, мы, кажется вправѣ заключить, что и стихотвореніе «Я ускользнулъ отъ Эскулапа» и отрывокъ въ Запискахъ А. С. Пушкина (стр. 200—202. Изд. 1841) относятся къ одной и той же болѣзни, которою, какъ по всему выходитъ, Пушкинъ одержимъ былъ въ Петербургѣ, въ февралѣ 1819 года.

m-me Помазини. Довольно часто обедалъ Пушкинъ и у графа, котораго столъ открытъ былъ постоянно для всѣхъ служившихъ при немъ. Тогда графъ не имѣлъ еще собственнаго дома въ Одессѣ и лучшая часть города, гдѣ теперь бульваръ, не существовала. На мѣсто это вывозили мусоръ и навозъ. Графъ жилъ тогда на Херсонской улицѣ, въ домъ Фундуклея, гдѣ помѣщался потомъ (до 1833 года) Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Канцелярія же генераль-губернатора, которую тогда и долго потомъ, обыкновенно называли «графской» и куда Пушкинъ хаживалъ получать свое Петербургское жалованье, помѣщалась на той же улицѣ, ближе къ больницѣ, въ домъ Ромаре.

Очевидцы сказывали намъ, что иногда, въ послѣ-обѣденное время, а иногда и въ лунныя ночи, Пушкинъ тѣкалъ за городъ, въ двухъ верстахъ отъ него, на дачу, бывшую Рено, гдѣ открывается весь полукругъ морскаго горизонта, и гдѣ лѣтомъ 1828 г. Е. И. В. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна изволила имѣть свое пребываніе. При Пушкинѣ на дачѣ этой не было ни большихъ построекъ, ни роскошныхъ бесѣдокъ съ мраморными статуями и обелисками, которые разставлены были въ нихъ въ послѣдствіи. Тогда это было дико-поэтическое мѣсто уединенія, въ которомъ нашъ поэтъ, конечно, бродилъ надъ моремъ, и, внемля говору его валовъ предавался своимъ заветнымъ мечтамъ. Можно думать, что стихотвореніе «Къ морю»

Прощай, свободная стихія,
Въ послѣдній разъ передо мной •
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой,

было написано въ этомъ уединеніи. Поэтъ прощался въ немъ съ стихіей, которая подарила его многими, столь прекрасными думами (24).

Старикъ-извозчикъ, по прозванію Береза, который долго былъ при здѣшнемъ клубѣ и по ночамъ отвозилъ запоздалыхъ гостей домой, рассказывалъ намъ, что какъ-то Пушкинъ не заплатилъ ему за одну изъ подобныхъ повздокъ, на «хуторъ» Рено. На другой день является онъ къ «графскому чиновнику» и требуетъ денегъ. Пушкинъ брился въ это время. Увидя дерзкаго извозчика у себя въ комнатѣ, онъ бросился на него съ бритвою въ рукахъ. Бѣднякъ едва успѣлъ спастись. Деньги, разумется, были отданы потомъ; но этимъ случаемъ, какъ и другими, Пушкинъ вселилъ къ себѣ, такъ называемый «респектъ» въ простомъ народѣ.

(24) Въ изданіи 1829 г. оно помѣщено подъ 1824 годомъ. Въ этомъ году Пушкинъ оставилъ Одессу.

Вечера свои въ Одессѣ, Пушкинъ проводилъ, по большей части въ обществѣ. Въ то время у графа бывали танцевальныя вечера по два раза въ недѣлю. Нашъ поэтъ былъ непремѣннымъ ихъ посѣтителемъ. Тутъ вниманіе его обращали на себя m-elle Бларамбергъ, одна изъ дочерей известнаго археолога. Пушкинъ бывалъ еще у негоціанта Ризничъ (25). Здѣсь молодая жена хозяина, чело­вѣка уже не первыхъ лѣтъ, составляла душу общества. Она была родомъ изъ Генуи, славилась красотой и страстно любила играть въ карты. Пушкинъ съ своими друзьями бывалъ у ней довольно часто, игралъ, волочилъ за хозяйкой. Не къ ней ли написано стихотвореніе. «На языкъ, тебѣ невнятномъ» (26). Г-жа Ризничъ вскорѣ потомъ уѣхала за границу, гдѣ и умерла. Другіе вечера поэтъ нашъ проводилъ въ театрѣ, въ casino, у друзей.

Между тѣмъ, живя въ Одессѣ, Пушкинъ продолжалъ шалить. Обстоятельство же, что никакой особенной должности, никакихъ занятій по службѣ онъ не имѣлъ, наводило въ большей части публики сомнѣніе въ его дѣльности. Разъ, въ 1824 г. дали ему въ распоряженіе два батальона солдатъ и послали съ ними въ херсонскій уѣздъ истреблять саранчу. Въмѣсто всякаго официального донесенія по этому предмету, онъ прислалъ стихи.

Саранча
Летѣла, летѣла,
И съѣла;
Сидѣла, сидѣла,
Все съѣла
И вновь улетѣла (27).

- (25) Въ его собственномъ домѣ, на Херсонской, на углу, нансось отъ дома генерала Пущина, противъ новаго зданія Ришельевскаго Лицея. Этотъ домъ принадлежалъ потомъ Арсеньевой, послѣ Нарольскому. Въ 1852 г. бывали въ немъ литературныя вечера, по наслѣдству перешедшіе сюда, въ Одессу изъ Москвы, отъ покойнаго Ф. Ф. Кокошкина.
- (26) Въ изданіи 1829, стихотвореніе это отнесено къ числу писанныхъ въ разныя годы. Въ этомъ отдѣлѣ занимаетъ оно второе мѣсто и напечатано послѣ стиховъ «Птичка», которыя начинаются словами: «Въ чужбинѣ свято наблюдаю». Нельзя ли заключить, что подъ чужбиною разумѣется здѣсь Одесса. И что стихотвореніе «На языкъ тебѣ невнятномъ», тутъ же помѣщенное, то же принадлежитъ Одессѣ. См. въ статьѣ Л. С. Пушкина. (Москвит. 1853, N 10).
- (27) Подлинникъ этого оригинальнаго донесенія хранится, какъ мы слышали, въ одномъ изъ частныхъ архивовъ. Въ публикѣ стихи эти передаются изустно во множествѣ редакцій. Этотъ фактъ передавъ намъ В. З. Писаренко, который тогда же, въ одно время съ Пушкинымъ, отправленъ былъ съ тѣмъ же порученіемъ въ Тираспольскій, нынѣ Одесскій, уѣздъ и также съ двумя батальонами солдатъ.

Подобныя исторіи еще бы ничего; но шалости 25-лѣтняго поэта иногда переступали всякую мѣру, особенно въ эпиграммахъ. Это-то, равно какъ и разныя знакомства (см. выше) было причиною, что, вскорѣ послѣ своей херсонской командировки, Пушкинъ принужденъ былъ оставить Одессу. Изъ Словаря Бантыша-Каменскаго знаемъ мы, что онъ былъ высланъ изъ нея въ имѣніе отца своего, стат. сов. С. А. Пушкина, село Михайловское, Псковской губерніи, Опочкинскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы онъ находился подъ надзоромъ мѣстнаго начальства (28). Предъ выѣздомъ изъ Одессы нашъ поэтъ получилъ 389 р. ас. проговоровъ на 1621 версту, на три лошади. Сверхъ того, изъ собственной канцеляріи генералъ-губернатора отпущено ему было 150 р. ас. въ зачетъ причитавшагося ему за майскую треть жалованья, которое изъ Петербурга высылали въ эту канцелярію, но за означенную треть выслано не было (29). Изъ Одессы Пушкинъ выѣхалъ 30 іюля (1821) и, обязавшись подпиской въ точности слѣдовать назначенному маршруту—по чему и освобожденъ былъ отъ того, чтобы особый чиновникъ провожалъ его.—Миновавъ Кіевъ, чрезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ, Витебскъ, прибылъ онъ на мѣсто своего назначенія августа 9, того же 1824 г. (30).

Нечего и прибавлять, что судьба въ то время какъ будто приберегла для насъ Пушкина, тогда пылкаго и буйнаго, удаливъ его сперва въ Бессарабію изъ шума столичной жизни, гдѣ подверженъ онъ былъ искушеніямъ разнаго рода, и потомъ изъ Одессы, подъ родительскій кровъ. Тутъ онъ углубился въ самого себя, читалъ, размышлялъ и созрѣлъ для славы современнаго царствованія въ дѣятельнѣйшій отечественной поэзіи. Въ 1826 г. Великій Государь прозрѣлъ въ назначеніе Пушкина и призрѣлъ его у своего престола.

На пути изъ Одессы въ Михайловское (1821), Пушкинъ провѣхалъ, такъ сказать, по сердцу Малороссіи и видѣлъ Омельникъ,

(28) Свѣдѣніе это заимствовано Бантышемъ-Каменскимъ изъ послужнаго списка А. С. Пушкина. См. Словарь достопамятныхъ людей. 1847. часть II, дополненіе. Тамъ помѣщены нѣкоторыя подробности, которыя мы сочли излишнимъ повторять. Намъ сказывали, что въ Опочкинскомъ имѣніи своемъ Пушкинъ жилъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ помѣщика Новоржевскаго уѣзда, Рокотова.

(29) Съ 1 мая по день увольненія вовсе отъ службы (8 іюля), Пушкину слѣдовало всего 128 руб. ас. съ коп.

(30) Вся эти подробности сообщили намъ, за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, покойный тайн. сов. Марини, у котораго въ домъ случайно нашли мы дѣло о выѣздѣ Пушкина изъ Одессы.

Рвшетилровку, Бьлоцерковку, Хороль, Лубны, Пирятинъ, Прилуки и Нѣжинъ (31). Ъхалъ онъ, слѣдовательно,—судя по разсчету десятидневной ѣзды, съ лѣвкою къ начальству въ Псковъ — и по ночамъ, дѣлая въ сутки отъ 180 до 200 верстъ. Полтавскую губернію, поэтому, проѣзжалъ онъ между 2 и 4 августа. Въ эту пору малоросійское лѣто бываетъ во всей еще прелести своей, а тамошнія ночи, особенно въ началъ августа, полны восхитительной нѣги. Не онъ ли нашептали нашему поэту, если не всю Полтаву, то извѣстные стихи:

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо; звезды блещутъ;
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.

Надобно замѣтить, что до сихъ поръ память пребыванія Пушкина въ Кишиневъ сохранилась потчи по всей Бессарабіи. Въ Одессѣ, при ея подвижномъ населеніи, помнать его гораздо менше. Потому въ Бессарабіи народный вымыселъ не упустилъ отнести къ имени поэта множество такого, чего съ нимъ никогда не было и приписать ему много такихъ стиховъ, которыхъ онъ никогда не сочинялъ (32).

Одинъ только вопросъ остается не вполне рѣшеннымъ. Это — ѣздилъ ли когда-либо Пушкинъ изъ Кишинева и Одессы въ Крымъ и на Кавказъ, или оставался онъ постоянно въ этихъ городахъ, за исключеніемъ двухъ небольшихъ поѣздокъ въ Измаилъ и въ Херсонъ, о которыхъ упомянули мы выше. Бантышъ-Каменскій говоритъ (33), что Пушкинъ въ 1821 г. «увидѣлъ громады Кавказа, потомъ перенесся въ Грузію, оттуда посѣтилъ (1823) Тавриду». Равнымъ образомъ, въ Одесскомъ альманахѣ на 1840 г. въ статьѣ Н. И. Надеждина (34) сказано: «въ послѣдствіи (т.-е. послѣ пребыванія въ Кишиневѣ) Таврида, другой уголокъ новой Россіи, вошла въ жизнь поэта, еще глубже, еще плодотворнѣе». Кажется, Бантышъ-Каменскій не зналъ о пребываніи Пушкина на кавказскихъ водахъ въ 1820 г.; такъ какъ надобно было объяснить чѣмъ-нибудь происхожденіе Кавказскаго плѣнника, то и предположилъ онъ большую поѣздку поэта изъ Кишинева на Кавказъ, въ Грузію и въ Крымъ. Слова же Н. И. Надеждина, по самому тону своему, суть не иное,

(31) Такъ идетъ почтовая дорога.

(32) Факты, приведенные нами въ этой статьѣ, собраны, по этой причинѣ, съ особенной осторожностью, такъ что за нихъ, кажется, вѣпоручиться можно.

(33) Словарь достоп. людей. 1847. Томъ II. Ополченіе, стр. 69.

(34) Од. альм. 1840. «Литературная лѣтопись Одессы» стр. 17.

что какъ предположеніе. Надобно замѣтить, что никто изъ здѣшнихъ сослуживцевъ и современниковъ поэта не знаетъ, да и по дѣламъ не видно, чтобы Пушкинъ ѣздилъ изъ Кишинева или Одессы куда-либо вдаль. Едва ли при томъ Инзовъ и послѣ него одесское начальство могло рѣшиться отправить или отпустить молодого чело-вѣка, состоявшаго подъ ихъ ближайшимъ наблюденіемъ, куда-либо въ дальнюю потѣзку. Въ 1824 г. писалъ онъ къ Д—у, «на приглашеніе вѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крима».

Нельзя, мой толстый Аристиппъ,
Хоть я люблю твои бѣсѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденнымъ Тавриды (35).

По всему видно, что кромѣ двухъ случаевъ, когда Пушкинъ былъ въ Измаилѣ и Херсонѣ, онъ ни разу не оставлялъ Кишинева и Одессы (36). Крымъ и Малороссію, онъ видѣлъ, кажется только по разу въ жизни (37).

Описаніе Одессы, оставленное Пушкиннымъ въ его «Опѣгнѣ» чрезвычайно вѣрно и дышетъ поэтическимъ впечатлѣніемъ дѣйствительности. Теперь Одесса перемѣнила свою фнзіономію. Тогда улицы ея гораздо болѣе пестрѣли разноплеменнымъ населеніемъ. На нихъ встрѣчалось много восточныхъ нарѣдовъ, которыхъ теперь совсѣмъ не видно. И теперь, часто слышится здѣсь итальянскій языкъ; но тогда по улицамъ говорили имъ гораздо болѣе. Теперь на каждомъ шагѣ, евреи и соотчичи ихъ жидки; тогда ихъ было гораздо меньше. За то безпрестанно попадались Арнауты и Греки съ греческой плащидой или турецкой халвой на лоткахъ. вмѣсто плащиды и халвы теперь по временамъ благоухаетъ русскій сбитень. На сценѣ тогда безусловно господствовала опера: теперь русскій водевилъ и недавній балетъ тѣснятъ ее. Но не мѣшаетъ комментировать весь этотъ отрывокъ:

Одессеу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ.

Стихотвореніе (подъ заглавіемъ, кажется, Элегія), въ которомъ Туманскій упоминаетъ о садахъ Одессы, и къ которому относится

(35) Стихотвореніе это помѣщено въ изданіи 1829 г. съ припискою, означенною нами въносными знаками. Въ изданіи 1838 г. этой приписки нѣтъ.

(36) Развъ письма его, которыя современемъ будутъ, можетъ быть, обнародованы, докажутъ противное.

(37) Въ 1829 г. Пушкинъ воротился съ Кавказа не черезъ Крымъ.

это мѣсто, помѣщено было, сколько мы помнимъ, въ Сѣверныхъ цвѣтахъ за первые годы.

Корсаръ въ отставку, Морали, -
лице не вымышленное. Его часто видали въ бесѣдѣ и на прогулкахъ съ Пушкинымъ.

Я бѣ могъ сказать: въ Одессѣ грязной.

Въ 1824 г. даже позднѣе разныя мѣста на одесскихъ улицахъ, гдѣ можно было погрязнуть по шею, были огораживаемы для предостереженія пѣшеходовъ и экипажей. Особенно топло было изъясненное мѣсто между Лицеумъ и Казеннымъ садомъ. мѣсто, по которому Пушкину часто приходилось проходить отъ себя въ домъ графа.

Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ

По улицѣ дерзаетъ въ бродъ.

Въ то время многія дамы, да и мужчины (изъ Фанары и Перы, въ Константинополь) во время грязи, носили на ногахъ родъ котурновъ, такъ называемыя галензи. Эти галензи и теперь въ употребленіи въ Константинополь; въ Одессѣ же встрѣчаются онѣ уже очень рѣдко.

Но ужъ дробить каменя молотъ.

Съ перваго же приѣзда своего въ Одессу, въ 1823 г. М. С. Воронцовъ, приказалъ мостить улицы Одессы туземнымъ известнякомъ, по системѣ Макъ-Адама.

Еще есть недостатокъ важный

Чего бѣ вы думали? воды

Потребны тяжкіе труды....

Въ то время, по улицамъ Одессы, безпрестанно разѣзжались водовозы съ крикомъ: воды, воды! Въ послѣдствіи систерны и въ недавнее время водопроводъ значительно уменьшили число ихъ.

Особенно, когда вино

Безъ пошлины привезено.

Въ Одессѣ въ то время, какъ отчасти и теперь, много было греческихъ и молдавскихъ винъ. О крымскихъ еще и помину не было.

Бывало, пушка зарева

Лишь только грянетъ съ корабля—

съ брандвахты, которая каждой весною приходитъ въ Одессу изъ Севастополя, чтобы содержать караулъ между Практической и Карантинной гаванью, и уходитъ поздней осенью.

Съ крутаго берега сбѣгая,

Ужъ къ морю отправляюсь я.

Въ то время купальня, съ восточной кофейней, которую содержалъ какой-то Грекъ, помѣщалась налѣво отъ Практической гавани у «Камней». Теперь камни скрыты, сдѣлана набережная и новая верфь Практической гавани, а купальни перенесены подъ бульваръ.

Къ купальнѣ ходили по крутой, прибрежной отлогости, съ той улицы, которая ведетъ отъ новаго базара и дома, въ которомъ жилъ графъ, къ этой отлогости.

..... Ужъ благосклонный
Открыть casino. На балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный.

Казино это т.-е. кофейня съ газетами и на чистую руку, — помѣщалась на углу, въ другомъ отдѣленіи того же большаго дома Рено, въ которомъ жилъ Пушкинъ. Балконъ этого Казино выходитъ на театральную площадь, противъ бывшаго дома герцога Ришелье. Справа съ балкона открывается море и Карантинная гавань.

На столь услужливомъ Ономомъ.

Отонъ живетъ еще и по нынѣ. Онъ прѣхалъ изъ Франціи до 1823 года, въ званіи кухмистра какого-то генерала, и, содеража потомъ ресторацію, готовилъ много парадныхъ обѣдовъ и въ томъ числѣ въ честь покойнаго Брюлова, за тѣмъ въ честь князя П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, М. С. Щепкина и другихъ.

Тамъ упоминательный Россини....

На одесскомъ театрѣ въ 1820-хъ годахъ ставили по большей части, оперы Россини, Беллини и Донизетти. Теперь сценою овладѣлъ Верди.

А примадонна, а балетъ.

При Пушкинѣ на одесской сценѣ отличалась Каталани, сестра знаменитой пѣвицы.

А ложа, гдѣ красой блистала,
Негоціантка молодая.

Многія изъ тогдашнихъ негоціантокъ отличались и красотой, и свѣтскостію, но не ш-ше ли это Ризничъ?

А мужъ въ углу, въ просонкахъ дремлетъ....

Тогда, какъ и теперь, негоціанты любили жениться уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, составивъ капиталъ.

Толпа на площадь побѣжала....

На театральную, вблизи которой жила тогда большая часть почитателей театра.

А мы режемъ речитативъ.

Слова буквально вѣрныя въ отношеніи ко многимъ изъ нашей немусыкальной молодежи. Теперь изъ театра выходятъ, не повторяя слышанныхъ арій.

Тихо спать Одесса....
И бездыханна и тепла
Нлмая ночь.

Эта заключительная картина дышетъ всею вѣрностію поэтическаго впечатлѣнія южной ночи.

К. ЗЕЛЕНЦКІЙ.

Одесса.

Апрѣля 2. 1854.

КАРТИНЫ АХАННАГО РЫБОЛОВСТВА

ПРИ УСТЬЕ УРАЛА.

I.

Со времени поселенія казаковъ на Уралѣ и до конца прошедшаго столѣтія, рыболовство служило для нихъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ жизни. Прежде Уралъ до такой степени изобиловалъ рыбой, что казаки ограничивались ловомъ ея только въ рѣкѣ, а о морѣ и не думали: одинъ Уралъ, безотвѣтный данникъ, давалъ имъ всего вдоволь, всего съ избыткомъ,—и оттого-то, славя эту рѣку въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, казаки не иначе называли его какъ «Яикъ (1), ты, нашъ, Горыничъ; золотое твое донышко, серебряная твоя покрывка» и проч. Но съ конца прошлаго или съ начала нынѣшняго столѣтія, Уралъ годъ-отъ-году сталъ быстро мелѣть, суживаться, и покрываться косами (островами); устья его засариваются пескомъ, иломъ и ракушей; глубокіе рукава, которыми онъ вливался въ море, пересыхаютъ, такъ что нынѣ изъ множества ихъ остались только три, да и тѣ, кажется, скоро, зароясь пескомъ и ракушей, скроются подъ землею или, наконецъ, раздробясь въ мельчайшіе протоки, заростутъ травой и камышемъ и образуютъ болото (2). Предположеніе это тѣмъ больше вѣроятно, что на той части морскаго побережья, въ которую вливаются устья Урала, показались видимые и подводные каменные и песчаные, смѣшанные съ ракушей, острова, составляющіе кругообразную загороду Урала. Естественно, что при такомъ упадкѣ водъ (3), устья Урала служатъ уже весьма плохимъ проводникомъ рыбы изъ моря; отчего Уралъ до неимовѣрной степени оскудѣлъ, противъ прежняго, рыбой, такъ что рассказы стариковъ о былыхъ, благословенныхъ временахъ;

(1) Уралъ до 1775 г. назывался Яикомъ.

(2) Подобной неутѣшительный примѣръ представляетъ намъ сосѣдка Урала—р. Эмба. Десять лѣтъ назадъ она впадала въ море двумя, хотя небольшими рукавами; но въ 1852 году, весной, Гурьевскіе казаки зашли туда на охоту, и уже устья ея не нашли: онъ совершенно исчезли въ пескахъ и камышевыхъ заросляхъ; только по примѣтамъ можно было догадаться, гдѣ были устья.

(3) Нынѣ самый глубокій фарватеръ въ устьяхъ Урала только 2½ фута, а прежде, лѣтъ 20 тому назадъ, по немъ проходили, съ полнымъ грузомъ, большія мореходныя разшивы, которыя сидятъ въ водѣ, по крайней мѣрѣ, на 6 или 7 футовъ. Однимъ словомъ, куда ни взглянешъ по побережью моря,—ведь встрѣчнешъ быстрый упадокъ водъ: гдѣ прежде плавали суда и большія лодки—тамъ нынѣ бродятъ кулики и цапли.

когда, по ихъ словамъ, рыбы было, «что сору» — кажутся намъ, бѣднымъ потомкамъ, баснословными. Между тѣмъ народонаселеніе въ уральскомъ войскѣ увеличивается, а нужды и потребности казаковъ, при ихъ военномъ званіи, удваиваются, утраиваются. Земля же, на которой живутъ Уральцы, большею частію или песчаная, или солоновато-глинистая и къ воздѣлыванію неспособная, исключая сѣверной и сѣверо-восточной ея части, гдѣ хотя и развивается земледѣліе, но оно, по малому пространству плодородной почвы, не можетъ удовлетворить и третьей доли войскового народонаселенія. И вотъ такая-то крайность заставила Уральцевъ обратить вниманіе на море. Въ числѣ рыболовствъ, отправляемыхъ ими на Каспійскомъ морѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *Аханное*. Оно названо такъ отъ слова *ахань*, что значитъ сѣть, которой ловятъ рыбу. Аханнимъ рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ, въ зимнее время, занимаются большею частію одни Уральскіе казаки (1), и изъ нихъ преимущественно жители приморскаго городка Гурьева, и Полинейцы; для которыхъ это рыболовство столько же необходимо, сколько соха и борона для русскаго поселеннаго. Оно поитъ и кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ казака, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ отплату за одолженіе, не рѣдко лишаетъ его послѣдней копейки, дѣлаетъ нищимъ и пускаетъ съ сумой по-міру. Мало этого, оно подчасъ играетъ и самую жизнь казака, завлекая его въ глубь моря и предавая тамъ ярости волнъ и льдовъ непостояннаго и бурнаго Каспія.

Я, пишущій эти строки, живо помню бѣдственный 1843 годъ, въ который сотни Уральцевъ, моихъ земляковъ, лишились почти всего своего достоянія, а нѣкоторые, вдобавокъ, простились и съ жизнью. Тотъ годъ до сихъ поръ еще живетъ, и безъ сомнѣнія долго будетъ жить, въ памяти рыболововъ, особенно Гурьевскихъ жителей, подъ именемъ несчастнаго. Это-то событіе я и взялъ за основу моего разсказа.

II.

Осень 1842 года стояла въ Гурьевѣ городкѣ тихая и теплая. Ночи были сырыя и туманныя, а дни свѣтлые и ясные, какъ весенніе. Дикіе гуси, утки и другія водяныя птицы зажились на ильменяхъ, заливахъ и проранахъ морскихъ, не думая отлетать въ полуденную сторону на зиму. Промышленники *жаркаго* рыболов-

(1) Я такъ говорю потому, что аханами рыбачать на Каспійскомъ морѣ и Астраханцы, но въ маломъ размѣрѣ; — главную же роль въ рыболовствѣ играютъ у нихъ крючья, употребленіе которыхъ въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ запрещено.

ства (1) давно уже съѣхали съ моря, суда ввели въ прораны, лодки вытаскали на берегъ и всѣ рыболовные снаряды склади въ амбары.—Неводчики также покинули Уралъ и высушили невода (2). *Войско* (3) расплавилъ послѣднюю гурьевскую *ятовь* и возвратилось въ Уральскъ. Весь Гурьевъ пришелъ въ движеніе. Начались и кончились сборы и приготовленія къ Аханному рыболовству. Вновь навязаны и выдублены аханы, старые починены; лошади ожкормлены и нажированы, можно сказать, до-нелзя; сани, конская упряжь, пѣшни, багры, шесты, словомъ всѣ орудія, большія и малыя, необходимыя къ рыболовству, исправлены, упрочены; провизія людямъ и фуражъ лошадямъ заготовлены. Пора уже ѣхать въ море, но нѣтъ зимы. Исходилъ уже ноябрь, но онъ скорѣе похожъ былъ на весенній, чѣмъ на послѣдній осенній мѣсяць. Близокъ былъ и декабрь, но зима все не показывалась.

Аханьщики съ безпокойствомъ посматривали на сѣверъ, ожидая оттуда, какъ благодати, морозовъ. «Вотъ, что-то принесетъ намъ Николинъ день и чѣмъ-то онъ насъ порадуетъ, говорили одни».—«Какъ не будетъ морозовъ, присовокупляли другіе, шабашъ—пропадай аханы!» Ожиданія ихъ не были напрасны. Съ первыхъ чиселъ декабря появились легонькіе морозы; къ половинѣ того мѣсяца они усилились. Уралъ и море покрылись льдомъ. Скоро чрезъ рѣку стали ѣздить на лошадяхъ съ тяжелыми возами; но на морѣ ледъ былъ еще тонокъ, ненадеженъ; только къ концу декабря онъ, по-видимому, укрѣпился. Тогда гурьевскій начальникъ, заботясь о благосостояніи вѣреннаго его управленію народа, выбралъ двоихъ казаковъ, изъ среды самыхъ зажиточныхъ, опытныхъ, знакомыхъ съ мѣстами рыболововъ, и послалъ ихъ въ море, освидѣтельствовать толщину и крѣпость льда. Чрезъ два дня посланные возвратились и привезли три куска льду, вырубленные ими въ разныхъ пунктахъ морской глубины. Не успѣли они выдти изъ саней, остановившихся передъ домоу гурьевскаго начальника, какъ толпа не-

(1) Рыболовство, отправляемое казаками на Каспійскомъ морѣ, на судахъ и лодкахъ осенью, названо *жаркымъ*, въ отличіе отъ другаго, подобнаго ему, производимаго на тѣхъ же мѣстахъ весною, и извѣстнаго подъ именемъ *курхайскаго*.

(2) Рыболовство, производимое въ Уралѣ неводами близъ Гурьева, во время глубокой осени.

(3) *Войскомъ* называется весь наличный комплектъ казаковъ, которые осенью, зимой и весной рыбачатъ въ Уралѣ общей массой по рубежамъ, или *ятовьямъ*. *Ятовьями* называются такія мѣста въ Уралѣ, гдѣ преимущественно набирается рыба партіями.—Подъ именемъ же *рубежи* разумѣть надо черту, назначенную начальствомъ въ день рыболовства поперегъ Урала, ниже которой никто не смѣетъ рыбачить подъ страхомъ наказанія.

терпѣливыхъ казаковъ—рыболововъ окружила ихъ. Всѣ вмѣстѣ, и и каждый порознь, наперерывъ, перебывая одинъ другаго, закидали прѣхавшихъ съ моря вопросами: «Что новенькаго скажете намъ?» спрашивали одни; «далеко-ли пріятели ѣздили?» говорили другіе;— «чѣмъ порадуете насъ, атаманы молодцы? восклицали третьи.

Такимъ и подобнымъ вопросамъ не было конца, и вопрошаемые не знали, кому на что отвѣчать. Наконецъ отворились двери дома и на крыльцѣ его показался начальникъ Гурьева, войсковый старшина П. М. Бородинъ, а вслѣдъ за нимъ вышли А. Р. Ливкинъ и П. Ф. Зеленцовъ, оба сотники, назначенные отъ войсковой канцеляріи начальниками на Аханное рыболовство — одинъ въ правую, а другой въ лѣвую сторону отъ устьевъ Урала. Толпа, дотолъ шумѣвшая и кричавшая, затихла и разступилась. Офицеры подошли къ санямъ. Тутъ одинъ изъ прѣхавшихъ казаковъ, вынувъ изъ-подъ циновки три небольшія льдинки, сказалъ: «Эта изъ черней (1). ваше высокоблагородіе съ 1½ сажени. Эта—указавъ на другую, немного тоньше первой—съ 2¼ саженной глубины, а эта—тутъ онъ взялъ въ руки третью и самую тонкую льдину — съ 4 саженной глубины».—Дальше мы не ѣздили,—сказалъ другой казакъ: ледъ очень тонокъ и пускаться по немъ въ море опасно.

Осмотрѣвъ эти льдинки, и убѣдясь по нимъ въ прочности морскаго льда до извѣстныхъ предѣловъ разстоянія, гурьевскій начальникъ, обратившись къ рыбопромышленникамъ, которые въ то время обступили его тѣснымъ кружкомъ и молча съ нетерпѣніемъ ждали его рѣшенія, сказалъ имъ: «Теперь, ребята, можете вѣхать на промыселъ; но слушайте! дальше 4-хъ саженной глубины я ѣздить вамъ не совѣтую; поберегите свои животы и имущество, и не доводите до отчаянія вашихъ семейныхъ».

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Покорнѣйше благодаримъ за отеческое наставленіе и попеченіе! — было отвѣтомъ казаковъ.

Въ минуту всѣ разошлись по домамъ, тревожные безотчетнымъ чувствомъ радости и печали, надежды и страха на предстоящее рыболовство.

Остатокъ дня и наступившая за тѣмъ ночь прошли въ совершенной тишинѣ и бездѣйствіи; но зато утро слѣдующаго дня было самое шумное. Далеко до разсвѣта Гурьевъ проснулся и всталъ на

(1) *Черняки* казаки называютъ берега моря, и названіе это, вѣроятно, произошло отъ слова: *чернь*; такъ какъ морскіе берега, когда приближаешься къ нимъ съ моря, сначала показываются черной полосой на горизонтѣ. Отъ слова *черни* происходитъ и названіе *черневой* т.-е. прибереговой. *Я пхиль или стояль въ черялтѣ* говоритъ казакъ.—Это значитъ, другими словами: *Я пхиль или стояль въ виду или близъ береговъ*.

ноги; каждый домъ представлялъ живую картину, полную дѣятельности и тревожной хлопотливости. Войдемте, читатель, въ одинъ изъ этихъ домовъ и посмотримте, что тамъ дѣлается. Ворота были растворены настѣжъ. На дворъ и на улицъ около воротъ стояли во множествѣ сани; около нихъ ходили, бѣгали и суетились рыболовы-хозяева и работники ихъ киргизь-кайсаки, укладывая овесъ для лошадей, провизию для себя, аханы и прочую рыболовную принадлежность. Женщины, затопивъ печки, приготавливали для отъѣзжающихъ сытный обѣдъ, а на дорогу напекали имъ мясныхъ пирожковъ и другихъ скоромныхъ яствъ, такъ-какъ это происходило дня за три передъ праздникомъ Рождества Христова. Не забыли между-тѣмъ догадливые казаки сходить или спосылать съ 2-хъ или 3-хъ ведернымъ боченкомъ въ питейный домъ, и запастись оттуда отрадной жидкостью, которая на моръ, среди льдовъ и тумановъ, живить и грѣеть казака, замѣняя ему теплую избу.

Наконецъ, къ половинѣ дня все уложено; лошади напоены, накормлены; люди пообѣдали и одѣлись въ дорожное, теплое платье. Тогда одинъ изъ промышленниковъ, отправляющійся на ловъ въ главъ своей артели, идетъ въ конюшню—предварительно помолясь Богу—выводитъ оттуда старую, бывалую на моръ лошадь, и впрягаетъ ее. Смирное, привыкшее къ этому, животное, стоитъ какъ вкопанное. Послѣ того, уходя въ избу, онъ даетъ знакъ работникамъ и другимъ промышленникамъ, младшимъ членамъ своей артели. Тѣ живо кидаются къ лошадямъ, каждый къ своей, и также ихъ впрягаютъ въ сани. Но тутъ иногда встрѣчаются маленькія затрудненія. Молодые изъ лошадей, не бывшія отъ роду въ запряжкѣ или бывшія, да мало, но ходившія дотолъ въ теченіе всего лѣта въ табунахъ, а передъ тѣмъ мѣсяца два стоявшія въ конюшнѣ на привольномъ корму—разжирѣли и одичали, не подходятъ къ санямъ и бѣсятся. По Уральскаго казака бѣшенство лошади не смущаетъ и не пугаетъ, а напротивъ радуется. При помощи одного, двоихъ работниковъ, онъ вцѣпится непокорной лошади за уши и втащить ее въ оглобли, откуда уже ей не вырваться. Но ежели, сверхъ чаянія, рьяность лошади преодолѣетъ его силу, онъ, самъ разгорячася не меньше ея, оттянетъ и закрутитъ веревкой, или такъ называемымъ свистомъ, верхнюю губу животнаго, и—конецъ тогда его бѣшенству. Послѣ того все семейство собирается въ избу, гдѣ всѣ, какъ отъѣзжающіе на промыселъ, такъ и остающіеся дома, съ благоговѣніемъ становятся предъ иконами и зажигаютъ лампы и свѣчи Св. Угодникамъ Божиимъ, особенно предъ ликомъ Николая Чудотворца, котораго казаки въ особенности чтутъ передъ други-

ми Святыми, называя его отцемъ и покровителемъ рыболовства. Старшій въ семействѣ читаетъ вслухъ молитвы; прочіе шопотомъ повторяютъ ихъ за нимъ, сопровождая каждое крестное знаменіе земнымъ поклономъ. По окончаніи молитвъ, начинается прощанье, которое, мимоходомъ сказать, ни въ одномъ домѣ не обходится безъ слезъ и безъ водки.

Между тѣмъ на дворѣ происходитъ въ своемъ родѣ подобная этой картина. Работники киргизы, по вѣроисповѣданію магометане, сходятся въ одно мѣсто, становятся вкружокъ, присѣдаютъ на корточки или опускаются на колѣни, склоняютъ головы на распростертые ладони рукъ, и въ молчаніи, зажмуривъ глаза, внимаютъ съ набожностію одному, посреди ихъ сидящему, который, зная мало-мальски наизусть нѣсколько молитвъ, читаетъ ихъ вслухъ и, безпрестанно ударяясь лбомъ о землю, взываетъ къ Аллаху, прося его о сбереженіи ихъ жизни и здоровья. Заключивъ молитву проведеніемъ рукъ по лицу, Киргизы встаютъ и также, въ свою очередь, прощаются съ своими родственниками, которые приходятъ къ нимъ для того изъ-за Урала, изъ своихъ бѣдныхъ юрты.

Настала пора ѣхать. Всѣ на своихъ мѣстахъ, у своихъ саней. Вотъ тронулись сани передоваго, старшаго въ артели; за ними потянулись прочія. При выходѣ изъ воротъ на улицу казаки снимаютъ шапки и крестятся. Киргизы, изъ подражанія Русскимъ, тоже скидаютъ туманы съ бритыхъ своихъ головъ. Отъ двора до Урала аханщички не ѣдутъ, а идутъ пѣшкомъ около саней, держа въ рукахъ возжи. Въ такомъ видѣ они достигаютъ рѣки, и по отлогому берегу ея спускаются на ледъ. Туда за ними слѣдуютъ матери, жены, дѣти, сестры, словомъ всѣ члены семейства, которые могутъ ходить, и уже тамъ окончательно съ ними прощаются. Такимъ образомъ изъ всѣхъ прочихъ домовъ, артель за артелью, съѣзжаются сюда аханщички. Здѣсь, на льду Урала, въ виду своихъ домовъ, собирается почти все народонаселеніе Гурьева, какъ участвующее въ Аханномъ рыболовствѣ, такъ и неучаствующее, изъ одного только любопытства. По поданному начальниками рыболовства знаку, сотни промышленниковъ, обнявъ въ послѣдній разъ своихъ родныхъ, вспрыгиваютъ на воза, подбираютъ возжи, чтобы укротить нетерпѣливость и рьяность лошадей, которыя, почуя подъ собой ледъ, храпятъ, взвываются на дыбы и рвутся впередъ, — и потомъ съ словами: «прощайте родные! молитесь Богу!» гикнуть: кони взвываются и полетать, зазыблется, зашумитъ и загудитъ ледъ подъ санями; посыплются хрустальной пылью брызги изъ-подъ

копытъ; раздадутся и разольются веселыя пѣсни удалыхъ казаковъ, которые, то разъединяясь, то сѣзжаясь въ кучки, скрываются наконецъ, толпа за толпой, за ближайшимъ поворотомъ рѣки.

Скорѣе чѣмъ черезъ часъ ѣзды, аханьщики достигаютъ устьевъ Урала, отстоящихъ отъ Гурьева городка въ 14 верстахъ. Тамъ, въ виду пустынного моря, они останавливаются, чтобы заготовить топливо изъ растущаго по взморью камыша, а также и для того, чтобы, поздоровавшись съ батюшкой синимъ-моремъ, какъ величаютъ его казаки, выпить про его бурную милость и про свое здоровье по чаркѣ водки; потомъ, поговоривъ и посудивъ между собой насчетъ рыболовства, раскланиваются другъ съ другомъ и, взаимно пожелавъ одинъ другому счастливаго, прибыльнаго залова, расстаются; одни ѣдутъ вправо, другіе влѣво, держась береговъ; а третьи, самые зажиточные, слѣдовательно и превосходящіе другіхъ числомъ и качествомъ рыболовныхъ снастей, прямо отъ устьевъ Урала на югъ, въ открытое море, искать добычи на глубинѣ. Ѣдутъ они отсюда уже не шибко, какъ изъ домовъ, а тихо, мѣрной грунью, и не толпами, а вереницей въ одинъ сани. Передовой, самый опытнѣйшій казакъ и знающій море какъ свой дворъ, ведетъ за собой прочіхъ, повѣряя по временамъ путь свой компансомъ, который у него, а равно и у всѣхъ рыболововъ, всегда, и днемъ и ночью, лежитъ за пазухой.

III.

Мѣсто около устьевъ Урала, дотолѣ шумное и многлюдное, опустѣло. Только близъ одного островка осталось трое саней. Около нихъ ходили: казакъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, молодой казаченокъ, да киргизецъ. Старикъ рылся въ возахъ, отыскивая въ нихъ чего-то съ озабоченнымъ видомъ. Наконецъ, отошедъ отъ послѣдняго и бросивъ съ досадой подъ ноги холщевой мѣшокъ, изъ котораго посыпались пирожки и кокурки, онъ съ какимъ-то страхомъ сказалъ:

— Такъ и есть! Забыли нашего кормильца.

— Чего забыли, дѣдушка?—спросилъ молодой казаченокъ.

— Миколу Святителя,—отвѣчалъ старикъ будто нехотя, сквозь зубы, и потомъ, обратясь къ киргизцу, сказалъ:—Бисбатырка! выпряги пѣгаго, да скачи домой, скорѣй скачи, дуй во всѣ лопатки! Скажи Татьянѣ: я забылъ образъ Миколу Святителя, знаешь? онъ тамъ въ мѣшочкѣ, на образной полицѣ.

— Знай, бачка! знай! пробормоталъ киргизецъ, и стремглавъ бросился выпрягать лошадей. Черезъ двѣ минуты онъ мчался уже на пѣгомъ, забывъ даже второпяхъ скинуть съ него хомутъ.

По отъѣздѣ работника старикъ присѣлъ на возъ и приа-думался. Внукъ, собравъ съ полу разсыпанные дѣдомъ пироги и кокурки, подошелъ къ нему. Оба молчали. Наконецъ паренъ заговорилъ:

— Дѣдушка!...

— Что тебѣ надо?

— Зачѣмъ ты Бисбатырку послалъ домой, въ такую даль? вѣдь туда, да оттуда будетъ безъ мала верстѣ 30; наврядъ-ли онъ вернется сюда и къ ночи.

— Зачѣмъ! Развѣ ты не слыхалъ зачѣмъ?

— Слышать-то слышалъ, дѣдушка, да...

— Что да?

— Да вѣдь образъ-то у насъ есть еще другой.

— Какой?

— Складной. Мнѣ бабушка дала.

— А что на немъ?

— На немъ Спаситель, Пречистая Богородица, да Иванъ Кре-ститель.

— Гм....

— Что же ты, дѣдушка, ничего не скажешь? Развѣ мало съ насъ одного образа? Есть на что помолиться.

— Мало-не-мало, а все-таки образъ не тотъ!

— По мнѣ такъ все равно: тотъ-ли образъ, другой-ли, былъ-бы только истовой.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на внука и покачалъ головой. Потомъ окинувъ его грустнымъ взоромъ, сказалъ:

— Ты, Миша, молодъ и больно глупъ! Ничего не смы-слишь, ничего не знаешь, а споришь со мной, со старикомъ. Слава Богу, шестой уже десятокъ доживаю на бѣломъ свѣтѣ, — всего извѣдалъ, всего натерпѣлся. А ты что? Ты еще молокососъ! у тебя и матернино молоко на губахъ не обсохло. Ты ни на грошъ не понимаешь, такъ я тебѣ скажу: Миколинъ образъ — родительское благословеніе. Покойникъ мой батюшка — царство ему небесное, не ной его косточки въ сырой землѣ — оставилъ мнѣ этотъ образъ; съ нимъ онъ и самъ во всю жизнь не расставался. Бывалъ онъ и на службѣ царской, бывалъ и въ страженіяхъ. Разъ въ Туречинѣ, подъ Анапой — онъ сказывалъ — Турокъ выстрѣлилъ въ него изъ пищаля, почитай въ упоръ; но Микола Святитель закрылъ, защи-тилъ его: басурманская пуля попала въ образъ, который висѣлъ у отца на шеѣ, и разлепилась. — Я и самъ, въ свою пору, когда былъ молодъ и когда силъ было побольше, потаскался по походамъ;

довольно-таки. Гдѣ я не-былъ? Былъ и на Аральскомъ морѣ съ Бергомъ, былъ и съ Цилюковскимъ въ степи, былъ и съ Мансуровымъ на Марышлакѣ (*); но вездѣ возилъ съ собой Миколу Святителя, и всегда, по его заступленію, возвращался цѣль и невредимъ, даже ни одинъ конь подо мной никогда не издыхалъ; а чего ужъ мы тамъ не терпѣли: и голодъ, и холодъ, всего-всего вдоволь, что только казакъ можетъ вынести! — На рыболовства-ли какія я отправлялся, въ Астрахань-ли плавалъ — чуть не въ рѣшетъ, ты знаешь, какое у меня было плохое суденышко — на охоту-ли за лебедями или за кабанамъ ѣздилъ—Микола Святитель всегда былъ со мной, и оттого-то я всегда и вездѣ имѣлъ удачу, а ежели и случались въ иную пору маленькія неудачи, такъ, по крайности, большаго несчастія не видалъ. Одинъ разъ только, тому, не солгать, будетъ лѣтъ 20-ть — я по гробъ это не забуду — поѣхалъ я на Городище по звѣря, и какъ-то второпяхъ забылъ образокъ и вовсе, окаянный, не поминлся св. угодику. Что жъ, думаешь, случилось? То, что и рассказывать индо стыдно; звѣря-то я не убилъ, чего со мной, почестъ, никогда не случилось, а только слегка ранилъ, а онъ былъ, безъ хвастанья скажу, превеличайшій кабанъ, какихъ только мнѣ доводилось на моемъ вѣку видѣть, чуть не съ полуторника. Вотъ онъ и бросился на меня прямо — а винтовки-то, вишь, зарядить я ужъ не успѣлъ — да и давай изъ стороны въ сторону косить, рубить, чуть-чуть не выпустилъ мнѣ кишки. Я совсѣмъ думалъ было проститься съ вольнымъ свѣтомъ; да по счастью недалеко былъ ерикъ: я какъ бросилъ въ звѣря винтовку! онъ какъ принялъ ее на клыки! а я этимъ временемъ бухъ въ воду! да на другой берегъ, въ камышъ,—тѣмъ и спасся! Винтовку ужъ на третій день я взялъ; вся она была измята, а ложа изгрызена въ щепки. Хоша я дешево отдѣлялся отъ звѣря, однакожь по сию пору у меня на икрахъ, да на бедрахъ остались рубцы отъ ранъ, которыхъ, по милости кабана, было штукъ десять. Съ тѣхъ поръ до сего времени не случилось со мной такой напасти, да и не дай Богъ. А нынче, вотъ видишь....

Съ послѣдними словами старикъ замолчалъ, опустилъ голову и призадумался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова, не преподнимая головы, заговорилъ, но уже не съ прежнимъ жаромъ, а съ какой-то грустью, тихо, будто самъ съ собой:

— Да, да! Это не къ добру.... быть несчастьемъ надъ моею голушкой! Или лошадушекъ съ сбруей я въ синемъ-морѣ погублю, или животикъ свой тамъ схороню.... Думалъ-было я пристать къ

(*) Полуостровъ Мангашлакъ.

артели М... и отправиться въ глубь, въ вольны воды, но видно теперь пораздумать придется.... Хорошо-было-бы оставаться въ черняхъ.... безопасно.... но чорта-ли, Господи прости, я тамъ добыю? да это еще — Христось съ нимъ — не терпитъ! — Тутъ онъ положилъ руку на сердце, и помолчавъ немного, продолжалъ:—Такъ и быть! поѣду же! Одинъ поѣду, свою одну голову помесу, а Мишу оставляю въ черняхъ.... Пропадать, такъ ужъ пропадать мнѣ старику, а ему надо еще пожить на утѣху и на подпору матери сироткѣ. Быть по сему!

Кончивъ рѣчь, старикъ выпрямился, поднялъ сѣдую голову, и положивъ руку на плечо внука, съ прежнимъ веселымъ видомъ сказалъ:

— Не тужи, не думай ни о чемъ, Миша! Чему быть, того не миновать! Учись у меня, пока я живъ, быть твердымъ, молодцемъ, настоящимъ казакомъ. Спознавайся и съ моремъ; когда-нибудь доведется и одному тебѣ по немъ разъѣзжать. Главное: помни Бога и Святыхъ Его, да не пренебрегай родительскимъ благословеніемъ, а о другомъ прочемъ и думки не думай.

— И радъ-бы не думалъ ни о чемъ, дѣдушка, да поневоля думается. Вотъ какъ мы сидимъ себѣ здѣсь безъ дѣла, а этимъ временемъ другіе по прежде насъ займутъ хорошія мѣста аханамі: такъ мы и съѣдемъ послѣ на голыхъ. Небось есть о чемъ подумать.

— Нечего объ этомъ думать! Господь Богъ милостивъ: Онъ за насъ обдумаетъ; на Него надо надѣяться.

— Какъ же! Разставляя карманы; большая нужда до насъ Богу; больно люди-то мы важны; нельзя не заботиться о насъ Богу.

— Э, э, э, касатикъ! Ты, какъ видно, изъ молодыхъ, да ранній. Желалъ-бы знать, откуда ты это наималя такого духа? Смотри, голубчикъ, берегись: у Бога востеръ топоръ. Не залетай больно высоко,—такъ рѣзнешься оттуда, что и своихъ не узнаешь! Кстати, я расскажу тебѣ на это одинъ случай. Помнишь ты Ивана Иваныча Есырева? Да какъ тебѣ его не помнить: десяти годовъ еще нѣтъ, какъ угомонили его, сердечнаго, басурманы.—Онъ былъ казакъ хорошій, степенный и отважный; силу онъ имѣлъ богатырскую, ну просто молодець, какихъ рѣдко. Исходи хоть изъ конца въ конецъ все наше войско, немного сыщешь такихъ, каковъ былъ Иванъ Иванычъ; только одинъ грѣшокъ водился за нимъ, не въ укоръ будь сказано его памяти: онъ ужъ слишкомъ много надѣялся на себя. Все: «я, да я; мы, да мы», а о Богѣ ни слова. «Самъ плохъ—говорилъ онъ всегда — не дастъ Богъ». — Оно, пожалуй, и такъ съ одной стороны, но съ другой не очень-то ладно. Есыревъ забывалъ

или вовсе не зналъ другую поговорку старыхъ людей, которые даромъ—что были все люди простые, съ виду немудраціе, говорили безъ затѣй, спроста, но пустяковъ никогда не городили, какъ нынѣшняя ваша братья, молодежь. Когда я еще былъ мальчишкой, какъ ты теперь, я слыхалъ отъ стариковъ, что «безъ Бога — ни до порога», и доселѣ этого правила держусь; помни и ты его, Миша. Есыревъ—то, вишь, этого знать не хотѣлъ, и отъ того онъ угодилъ впросакъ. Много ходить толковъ насчетъ этого, но или кто перевереть, или кто не довереть, а изъ этого и выходитъ чушь. Пока Бисбатырка ѣздитъ домой, я успѣю поразсказать тебѣ, какъ это было. Слушай—ка.

— Однимъ лѣтомъ — кажись въ 1836 году, поѣхали наши Гурьевцы въ Астрахань на судахъ гурьбой.—Такъ приказано было отъ начальства, чтобы сподручнѣе отбиваться отъ Туркменцовъ, которые въ тѣ времена, за грѣхи, видно, наши, сильно разбойничали на нашемъ морѣ и полонили русскихъ людей.—Въ числѣ другихъ поѣхалъ въ Астрахань и Есыревъ. Тамъ ему удалось прежде всѣхъ нагрузить судно подрядомъ. Вотъ онъ накупилъ и для себя хлѣба и собрался плыть назадъ въ Гурьевъ одинъ, не дождавшись товарищей. Съ нимъ была жена его съ маленькой дочерью и двое работниковъ киргизовъ. Жена и товарищи уговаривали его пождать прочихъ, и всѣмъ вмѣстѣ плыть въ Гурьевъ, какъ плыли они изъ Гурьева. Но онъ не слушалъ никого. Ему говорили о Туркменцахъ. Куда—те! нашъ Иванъ Ивановичъ.... Онъ плевалъ на нихъ. «Развѣ у меня отсохли, что—ли, руки!» кричалъ онъ. «Развѣ меня даромъ называютъ Иванъ—баготыр!»

Его дѣйствительно такъ называли Киргизы за его молодечество. Жена совѣтовала ему хоша отслужить молебень Господу Богу.—«Молись, если хочешь, сама!» сказалъ онъ ей съ сердцемъ. «Ты баба; это твое дѣло; а меня, казака, и безъ того Богъ знаетъ.» И не разсуждая ни съ кѣмъ больше, онъ закричалъ своимъ работникамъ: «якорь *чигарь!* парусъ *куттерь!*» (1). Съѣлъ на ружпель, да и былъ таковъ.

— Для черезъ три по выѣздѣ изъ Астрахани, разыгралась сильная буря и отнесла Есырева къ туркменскимъ берегамъ, къ Калпинуму кряжу. Когда буря затихла, онъ направилъ судно къ Гурьеву; но послѣ шторма вѣтеръ дулъ тихонькій, и судно чуть—чуть двигалось впередъ.—Вотъ въ одну темную ночь Есыревъ замѣтилъ лодку, которая подплывала къ нему съ боку. Онъ окликалъ её, и ему съ лодки отозвались по—русски, что то были астраханцы—

(1) Это значить: якорь *вынимай*, парусъ *поднимай!*

«Чего вамъ надо, друзья? спросилъ Есыревъ». — Хлѣба, отвѣчали ему съ лодки: выручи насъ, Бога ради, да укажи, по какому курсу намъ держаться; насъ этимъ штормомъ отбило отъ судна, и мы теперь безъ компаса не можемъ попасть на него; оно около Кулаловъ (1).

— Хорошо, братцы, сказалъ Есыревъ, и передалъ румпель киргизцу, а самъ спустился въ трюмъ, чтобы достать оттуда хлѣба.

Не вышелъ еще Есыревъ изъ трюма, какъ на палубѣ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

— Эхъ, мошеники! надули, бестин!—закричалъ Есыревъ, и какъ тигръ выпрыгнувъ изъ трюма. Туркменцы кинулись на него кучкой, человекъ до 10-ти. На ту пору случился на палубѣ желѣзный ломъ. Есыревъ какъ схватить этотъ ломъ, да какъ примется крестить имъ и вправо и влѣво — только шлычки басурманскіе полетѣли на полъ! Двоимъ разбойникамъ онъ раскроилъ башки; двоимъ или троемъ переломалъ ребра; кому отшибъ руку, кому ногу. Но вѣдь одинъ въ полъ богатырь не будешь, голубчикъ, и на рать, говорится, не песокъ сыпать.—Къ Туркменцамъ подоспѣли изъ лодки еще товарищи. Какъ вода, нахлынули они, собаки, на Ивана Ивановича, и влѣпили въ него нѣсколько сабель и *чакановъ* (2); брызнула на всѣ стороны кровь Есырева и залила его сердечнаго: онъ упалъ безъ памяти.... Киргизы же, его работники, какъ только Туркменцы вскочили на судно и выстрѣлили изъ ружей, пали ницъ и не шевелились.

Вотъ такимъ-то манеромъ заполонили нехристи нашего Есырева и поплыли на его суднѣ къ Марышлаку. — У Туркменцевъ, надо сказать тебѣ, былъ въ полону астраханецъ; его-то они застращали и принудили говорить съ Есыревымъ, когда подплывали къ его судну; этимъ они его и обманули, а безъ того-бы имъ, собакамъ, и воснѣ не видать заполнить его; онъ-бы и близко не подпустилъ ихъ къ судну; вѣдь у него въ казенкѣ всегда были наготовѣ заряжены два ружья, да пребольшая турецкая сабля.

На берегу разбойники судно сожгли; хлѣбъ-же и все добро, какое въ суднѣ было, а также и людей, раздѣлили по себѣ. Есыревъ достался одному, жена его другому, а малютка дочь третьему. — Работниковъ Есырева, киргизовъ, какъ одной съ собой вѣры, разбойники отпустили на волю.

(1) Названіе острововъ.

(2) Общеупотребительное киргизское оружіе, состоящее изъ небольшого топорика на длинной, аршина въ два, рукояткѣ. Раны, нанесенныя чаканомъ, особенно по головѣ, смертельныя сабельныхъ.

Въ то время у Туркменцевъ былъ праздникъ или просто-напросто поминки, которыя они дѣлали по убитымъ товарищамъ. На этихъ поминкахъ разбойники хотѣли было зарѣзать Есырева, чтобы, по своему закону, отлить кровь за кровь; но одинъ какой-то *акъ-сакаль*, старикъ разговорилъ это дѣлать; онъ присовѣтовалъ лучше продать русскаго въ Хиву, за дорогую цѣну. Такъ и положили.

Недѣли черезъ три, когда поджили немного у Есырева раны, Туркменцы повезли плѣнниковъ въ Хиву. Есыревъ, какъ человекъ опасный, былъ закованъ въ желѣзы. Дня три Туркменцы ѣхали по степи, и вотъ вечеромъ остановились въ Лопатинѣ ночевать. Иванъ Ивановичъ каждую минуту только и думалъ — какъ-бы избавиться отъ разбойниковъ и отомстить имъ за безчестіе своей жены, которую, вишь одинъ изъ Туркменцевъ безъ церемоніи прибралъ къ себѣ... Какой мужъ вынесетъ такую кровную обиду! Не стерпѣлъ Иванъ Ивановичъ! Не смотря на слова жены, которая уговаривала его покориться волѣ Божіей, не смотря ни на что — онъ рѣшился дѣйствовать не на животъ, а на смерть. Въ полночь, когда Туркменцы спали, онъ всталъ, сотворилъ крестное знаменіе, благословился и сорвалъ съ ногъ своихъ желѣзы, почестъ съ кожей и мясомъ; подошелъ сперва къ тому разбойнику, который завладѣлъ его женою, — взмахнулъ кандалами и раскроилъ злодюю черепъ! Послѣ того онъ принялся и за другихъ, — разможнилъ голову еще одному поганцу; хотѣлъ урѣзать третьяго, но тотъ, бестія, проснулся и закричалъ; Туркменцы вскочили и бросились на Есырева. — Долго онъ, бѣдняжка, отбивался отъ нихъ кандалами; долго они съ нимъ возились и не одолѣвали; напоследокъ, человекъ съ шесть или съ семь разбойниковъ окружили его со всѣхъ сторонъ, изранили его саблями и кинжалами, кинулись на него кучкой, повисли у него на рукахъ и на ногахъ, повалили его на земь, и тутъ ужъ изрубили въ куски.

Кончивъ это, старикъ вздохнулъ, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «царство небесное тебѣ, вашъ храбрый Иванъ Ивановичъ!»

Потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Конечно, кому что на роду написано, того не обойдешь, не объѣдешь; ну, а все-таки лучше выйдетъ, ежели мы станемъ во всемъ долагаться на Господа Бога и надѣяться на Его помощь и заступленіе, а не на свою силу и молодечество.

— А вонъ, дружище, смотри-ка, прибавилъ старикъ: и Бисбатырка къ намъ летитъ, да какъ скоро! Видно съ образомъ ему на дорогѣ повстрѣчались.

Черезъ четверть часа послѣ того старикъ съ маленькой своей артелью скрылся въ морѣ и догонялъ уѣхавшихъ прежде его рыболововъ.

IV.

Далеко въ правую сторону отъ устьевъ Урала, еще дальше прямо отъ береговъ въ море, собрались казаки и остановились на льду широкимъ, шумнымъ таборомъ. Въ срединѣ, между савей и лошадей, виднѣлась раскинутая кибитка. Въ ней распорядитель рыболовства, *атаманъ* (1), сидѣлъ около огонька и переписывалъ на списокъ промышленниковъ и ихъ работниковъ, отмѣчая противу имени каждаго рыбакова число лошадей и ахановъ, и повѣряя, по данной ему отъ войсковаго начальства инструкціи, не имѣеть-ли кто изъ казаковъ лишнихъ и запрещенныхъ снастей, вопреки общественныхъ постановленій. Кончивъ перепись и повѣрку, и считавъ, какое пространство должны занять рыбаковы снастями, а также на сколько частей, или участковъ, должно будетъ раздѣлить занятое ими пространство, начальникъ вышелъ изъ кибитки и предложилъ промышленникамъ, по-исконн существующему обычаю, бросить жребій—кому какимъ пользоваться участкомъ. Изготовленные прежде билеты съ NN, начиная съ перваго до послѣдняго сколько было тутъ артелей (2), положили въ шапку одного казака, покрыли платкомъ и поставили въ кругу на льду. Тогда каждый артельщикъ подходилъ и вынималъ изъ шапки билетъ; какой номеръ на билетѣ, тѣмъ онъ владѣлъ и участкомъ. По разобраніи билетовъ аханьщики всѣмъ обозомъ подались немного къ чернямъ и остановились. Въ минуту сдѣлали во льду прорубь и воткнули въ нее пукъ камыша. Этимъ означили они точку, отъ которой уже въ глубь моря, прямо на югъ, по стрѣлкѣ компаса, провели линію, обозначивъ ее вѣхамъ. Эта линія называется у промышленниковъ *баканомъ*. Послѣ того баканъ раздѣлили между себя на участки по доставшимся жеребьямъ, и тогда уже каждый рыбоволь съ своей артелью расположился на мѣстѣ, и—ловъ рыбы начался.

Здѣсь, съ позволенія читателей, я остановлюсь и займусь вообще описаніемъ Аханнаго рыболовства.

-
- (1) Въ давнее время, когда Уральское казачье войско управлялось по своимъ казачьимъ обычаямъ, всякій офицеръ или старшина или просто-напросто выбранный обществомъ казакъ, назначаемый начальникомъ на какое-либо рыболовство, назывался *атаманомъ*. — Слово это и до сихъ поръ осталось въ употребленіи у народа.
- (2) Каждая артель ограничивается числомъ 10 лицъ войсковаго сословія. Работники не изъ казачьяго званія, какъ простые помощники по рыболовству, въ счетъ нейдутъ, и на нихъ никакого участка не отводится. Артель можетъ состоять изъ меньшаго, но ни въ какомъ случаѣ изъ большаго числа людей.

Точно такой же баканъ, параллельно первому, проводится въ одно и тоже время и въ лѣвой сторонѣ отъ устьевъ Урала, гдѣ, въ свою очередь, часть промышленниковъ рыбачить подъ начальствомъ другаго офицера. — Та же часть аханщиковъ, которая отправится на глубь, въ вольныя воды, состоитъ подъ распоряженіемъ начальника правой стороны. — Стороны обомхъ бакановъ, обращенныя къ устьямъ Урала и, слѣдовательно, лежащія одна противу другой, называются лицевыми; и пространство между ними остается неприкосновеннымъ, для того, чтобы устье рѣки всегда было открыто со стороны моря для входа рыбы. Кто осмѣлится тутъ (т.-е. между баканами), выставить хотя одну сѣть, — тотъ, какъ воръ, какъ нарушитель общественныхъ правъ, отдается подъ военный судъ. — Въ баканахъ, въ жеребьевыхъ участкахъ, полагается каждому казаку, будь онъ служащій, отставной, малолѣтокъ (1), все равно—выставлять только 15-ть ахановъ, и то въ три ряда, слѣдовательно по 5-ти ахановъ въ рядъ; оберъ-офицеру вдвое, а штабъ-офицеру втрое больше противу казака. — Позади же бакановъ, а также и тамъ, гдѣ они оканчиваются и гдѣ начинаются вольныя воды, дозволяется всѣмъ вообще лицамъ казачьяго сословія, какаго бы они чина ни были, выставлять столько ахановъ, сколько кто можетъ по своему состоянію.

Ограниченіе числа ахановъ въ баканахъ сдѣлано на томъ основаніи, что въ лицевой сторонѣ каждаго бакана рыбы гораздо больше ловится, чѣмъ позади бакановъ; потому что рыба собирается партиями на зиму преимущественно противъ устьевъ Урала, на прѣсной или, по крайшей мѣрѣ, на опреснѣвшей отъ впаденія рѣки водѣ, и, разгуливая тамъ, какъ разъ, чуть коснувшись сторонъ, запутывается въ аханы; а потому баканы, какъ наиболее прибыльныя мѣста, и дѣлятся поровну между промышленниками. — Вѣтъ-же бакановъ, т.-е. на глуби, въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ (2), гдѣ самыя льды непостоянны, а ходячи, случается порой уловъ рыбы въ наибольшемъ количествѣ, чѣмъ даже въ самыхъ бака-

(1) Малолѣтками называются казачьи дѣти, отъ 15 до 18-го лѣтнаго возраста, не зачисленные въ казаки, но несущіе повинности т.-е. отправляющіе въ войскъ своего рода службу.

(2) Замѣтить надо, что подъ именемъ *вольныхъ водъ* не должно разумѣть, что воды эти въ Каспійскомъ морѣ не принадлежатъ Уральцамъ. Нѣтъ, онѣ собственныя казачьихъ, собственность, Высочайше дарованная Монархами. Названы же онѣ *вольными* только впротинность бакановъ, гдѣ казакъ рыбачить не по произволу, какъ въ вольныхъ водахъ, а по жеребью.

нахъ, — но тамъ просторъ, раздолье, — тамъ никто ни кому не помѣшаетъ, никто ни кого не стѣснитъ; притомъ еще не всякій туда поѣдетъ; только «ажиточный казакъ, для котораго ничего не стоитъ бросить нѣсколько сотъ цѣлковыхъ, или слишкомъ предприимчивый, у котораго девизъ: «панъ или пропагъ»;—только такой казакъ пускается на рискъ, и попади онъ на рыбу, которая, по замѣчанію старожиловъ гурьевскихъ, живетъ на глуби огромными партіями или, по выраженію казаковъ, ятовями, — попади онъ, говорю, на эти ятови, и будь къ тому зима морозная, тихая и малоснѣжная — онъ счастливъ, онъ въ барышахъ. Но въ противномъ случаѣ, т.-е. когда судьба не наведетъ его на рыбу, (казакъ крѣпко убѣжденъ и ничто его въ томъ не разувѣритъ, что каждый его шагъ заранѣе рассчитывается и предопредѣляется судьбой), притомъ будь зима маломорозная, вѣтреная и многоснѣжная — конецъ концовъ, казакъ раззорился! Но — (вотъ удивительный характеръ) — онъ хладнокровно ждетъ слѣдующаго рыболовства. Не помогло оно—ждетъ еще слѣдующаго. Такимъ образомъ, вытягиваясь въ нитку, онъ, можно сказать, бьется съ счастьемъ не на животъ, а на смерть. Вышелъ побѣдителемъ — и для этого достаточно ему одной удачной зимы, — хорошо: онъ снова заживаетъ припѣваючи. Нѣтъ: безропотно идетъ въ работники къ другому, бывшему у него же, можетъ-статься, года за три прежде, въ работникахъ, или же, наконецъ, нанимается на вѣшнюю службу. Изъ этого видно, и на самомъ дѣлѣ бываетъ такъ, что нынче этотъ богатѣетъ, а тотъ бѣднѣетъ; завтра наоборотъ. Но чтобы не терпѣлъ казакъ, гурьевскій житель, ежели есть только малѣйшая возможность, онъ ни за что въ свѣтъ не разстанется съ моремъ, съ которымъ онъ съ дѣтства сроднился, безъ котораго онъ жить не можетъ, и въ которомъ заключается источникъ его богатства, — источникъ его матеріальной и нравственной силы, — раздольное поприще его отваги, его молодечества!

Рыболовство, отправляемое въ баканахъ и за баканами, вблизи ихъ на одной съ ними глубинѣ, обходится безъ большихъ расходовъ; слѣдовательно при неудачной зимѣ рыболовъ тутъ не терпитъ и большого убытка, какой въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжно выпадаетъ на долю того, кто рыбачить на глуби, въ вольныхъ водахъ. Двое, трое казаковъ съ работниками свободно обходятся въ баканахъ, и вообще въ черняхъ, двумя лошадьми при маломъ количествѣ ахановъ: на глубъ же требуется на каждого челоуѣка лошадь съ упряжью, при большомъ числѣ снастей. Въ черняхъ нѣтъ опасности: въ морѣ же на глуби, она каждый часъ, каждую минуту

смотреть въ глаза. Въ черняхъ сохраняются рыболовныя снасти: на глуби онѣ могутъ погибнуть въ одинъ часъ, въ одну минуту. Насупротивъ устьевъ Урала есть въ морѣ острова. Между ними и берегами ледъ во всю зиму стоитъ неподвижно, и съ какой бы стороны ни дули вѣтры, и какъ бы они сильны ни были — черневой ледъ, по которому проводятся баканы, стоитъ нетронутымъ; по этому рыболовы живутъ на немъ, какъ на сушѣ, внѣ всякой опасности. За островами же, гдѣ конецъ бакановъ, ледъ подверженъ дѣйствию вѣтровъ; оттого тамъ казакъ не смѣетъ дремать, а то какъ разъ лишится лошадей и всѣхъ рыболовныхъ снастей, а подчасъ и самъ успѣетъ отвернуться отъ гибели. Впрочемъ объ этомъ ниже въ своемъ мѣстѣ, будетъ рассказано.

Чтобы собраться на глубь, казакъ долженъ по меньшей мѣрѣ обзавестись четырьмя лошадьми, ежели не больше; иначе онъ не въ состояніи поднять и завезти въ море рыболовныя снасти и другіе припасы. Управляя одною лошадыю самъ, для достальныхъ онъ нанимаетъ работниковъ, киргизцевъ, если нѣтъ у него дѣтей, братьевъ или кого-нибудь изъ домашнихъ. Надобно замѣтить, что 12-ти лѣтній казаченокъ сопутствуетъ уже отцу или брату во всѣхъ промыслахъ, въ томъ числѣ и въ аханность, не смотря на трудность и опасность послѣдняго. Покупка лошадей и ихъ содержаніе, — постройка ахановъ и другихъ рыболовныхъ орудій, — наемъ и содержаніе работниковъ обходится весьма дорого. Напримѣръ, каждая лошадь стоитъ отъ 30 до 50 р., кормъ ей въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ до 20 р., плата работнику съ содержаніемъ и частию одежды до 20 р., аханы, которыхъ на каждую лошадь полагается 50 штукъ, до 50 р., — сани съ подрѣзами и конская упряжь до 20 р., — другихъ мелочей къ тому, какъ-то: багровъ, пешней, папонъ, веревокъ и проч. на 5 р. — Вообще сборъ одной лошади, ежели обзаводиться снова, обходится, среднимъ числомъ, въ 150 р., — слѣдовательно, четыре лошади въ 600 р. серебр. Есть семейства въ Гурьевѣ городкѣ, которыя собираются каждую зиму на аханное рыболовство на 10, 20 и 30 лошадяхъ. Судите, послѣ того, чего будетъ стоить такая сборка. Впрочемъ, разъ сдѣланные аханы, сани и другія вещи служатъ, при ремонтѣ, по нѣскольку лѣтъ сряду. Но какъ бы то ни было, аханное рыболовство сопряжено съ большими расходами; словомъ, нѣтъ въ войскѣ Уральскомъ ни одной рыбной ловли, которая-бы хотя приблизительно равнялась съ этимъ рыболовствомъ въ столь огромномъ требованіи денегъ на сборы.

Казакъ, отправляющіеся рыбачить на глубь, въ вольныя воды, ѣдутъ отъ черней вмѣстѣ, по одному пути, до 4-хъ саженной

глубины, — что будетъ отъ берега верстъ за 50. Тамъ они, раздѣлясь на артели, разстаются: кто остается тутъ, кто ѣдетъ вправо, кто влѣво, а кто прямо на югъ въ море, еще верстъ за 20. Каждая артель на избранномъ ею мѣстѣ располагается станомъ, и помѣщается въ раскинутыхъ на льду войлочныхъ шатрахъ, имѣющихъ видъ усѣченныхъ конусовъ и называемыхъ *кошарами* (1). Внутри кошаровъ дѣлають подстилку изъ камыша или сѣна, и на нее набрасываютъ кошмы (войлоки), оставляя въ срединѣ мѣсто для разведенія огня. Вокругъ кошаровъ разставляютъ сани и къ нимъ привязываютъ лошадей, которыя отъ вѣтровъ и бурановъ защищаются кошечными попонами. Попоны эти дѣлаются большія; начинаются онѣ отъ ушей животнаго, и обнимая весь его корпусъ, оканчиваются у самыхъ копытъ заднихъ ногъ, облекая такимъ образомъ лошадь какъ въ броню. Кромѣ того промышленники защищаютъ лошадей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и себя (2), еще подобіемъ двора или загороды, которую они дѣлають полукругомъ, со стороны вѣтра, изъ камыша, заготовляемаго для топлива, сѣна, мѣшковъ съ овсомъ и проч. При перемѣнѣ вѣтра, они измѣняютъ и положеніе сдѣланныхъ на живу-руку загородъ, перенося ихъ съ одного мѣста на другое. Но все это, говорить правду, плохая оборона отъ зимнихъ вьюговъ и мителей, среди гладкаго и открытаго моря. Только казачья натура, укоренившаяся годами привычка, да жажда прибыли дѣлають казака нечувствительнымъ къ перенесенію стужи. О спутникѣ его, Киргизъ-Кайсакъ, и говорить нечего: онъ почти родится на снѣгу и весь вѣкъ свой проводитъ на открытомъ воздухѣ.

Съ первозимья, когда замерзаетъ на морѣ ледъ, не обходится безъ того, чтобы его не ломало, не крошило; отъ чего во многихъ мѣстахъ на поверхности льда образуются ледяные же бугры, валы и кочки, которые извѣстны у казаковъ подъ именемъ *хитповъ*. Нагроможденныя въ безпорядкѣ одна на другую льдины въ этихъ храпахъ, находясь долгое время на воздухѣ, вывѣтриваютъ, и ежели растопить ихъ въ котлѣ, онѣ даютъ прѣсную воду. Эту-то самую воду аханьщички употребляютъ въ питье и на ней приготавливаютъ пищу, такъ какъ морская вода, извѣстно, и ледъ, на ней плавающій, горько-солены. Но лошади лишены этого удобства, по той причинѣ, что добываніе воды изъ льда, таяніемъ его на огнѣ

(1) Отъ киргизскаго слова: *кошы*, или *кось*, т.-е. станъ.

(2) Считаю нужнымъ замѣтить, что первая забота у аханьщичковъ о лошадяхъ, да и вообще гдѣ бы ни былъ казакъ, на промыслахъ-ли, въ походахъ-ли онъ больше всего, больше самого себя, печется о лошади. «Конь подо мной говорить казакъ—то и Богъ надо мной».

въ котлахъ, для 5, 10 и болѣе лошадей, совершенно невозможно по недостатку не только времени, но и дровъ, въ которыхъ на морѣ встрѣчается больше нужды, чѣмъ даже въ самой провизин; по этому лошади довольствуются уже, вмѣсто поила, снѣгомъ, а за немнѣимъ его (иногда далеко въ морѣ вовсе не бываетъ снѣгу) мелко-источеннымъ льдомъ изъ храповъ. Такого рода лишеніе весьма изнурительно для лошадей, ибо не удовлетворяя вполне жажды, онѣ мало уже ѣдятъ корму, отъ чего худѣютъ; но благодаря ихъ дикой, киргизской породѣ, онѣ съ честію выносятъ трудность аханнаго рыболовства, и зато, въ родѣ награды, отъ весны вплоть до зимы, отдыхаютъ и отъѣдаются на пастбищахъ.

Въ началѣ моей статьи сказано, что *аханъ* не иное что какъ сѣтъ; аханы, связанные изъ обыкновенной, (конопляной) тонкой и выглубленной пряжи (1), у всѣхъ рыбопромышленниковъ имѣютъ одну, установленную войсковымъ начальствомъ длину—именно 10 сажень; ширина же ихъ бываетъ различна, отъ 2-хъ до 5-ти сажень, смотря потому, на какой глубинѣ онѣ предназначаются къ рыболовству. Чѣмъ мельче вода, тѣмъ полотнище ахана уже, а чѣмъ глубже, тѣмъ оно шире. На этомъ основаніи и ячеи, т.-е. петли, у ахановъ дѣлаются также различной величины, отъ 1 до 1½ четверти въ длину. Чѣмъ рыба крупнѣе, тѣмъ для нея и ячея должна быть шире, а чѣмъ рыба мельче, тѣмъ и ячея уже. На глуби рыба ловится вообще крупная, а въ черняхъ мелкая; оттого и аханы бываютъ: морскіе кружно-ячейные, а черневые мелко-ячейные.

Аханы разставляются слѣдующимъ образомъ:

Дѣлаютъ во льду круглыя проруби, разстояніемъ одну отъ другой на 10 сажень, т.-е. во всю длину ахана. Изъ проруби въ прорубь просовываютъ подо льдомъ длинный шестъ, называемый *прогономъ*; за прогономъ тянется длинная веревка; посредствомъ этой веревки втягиваютъ подъ ледъ уже и самые аханы, связывая концы *подвѣтъ* одного съ концами *подборъ* другаго (2). Отъ узловъ, гдѣ связаны эти концы, или, по выраженію аханщиковъ, *приухи*, выходятъ чрезъ проруби на поверхность льда веревки, которыя привязываются за средину небольшихъ ветловыхъ или таловыхъ палочекъ, а тѣ, ложась поперекъ проруби, поддерживаютъ

(1) Аханы изъ выглубленной пряжи служатъ до 3-хъ лѣтъ и больше,—но изъ невыглубленной за одну зиму въ водѣ испрѣвоятъ и уже на другую зиму дѣлаются негодными, а потому, такіе натурально не въ употребленіи.

(2) Думаю не всякому извѣстно, что такое *палеоры*.—Это ни больше, ни меньше какъ веревки, которыя, и сверху и снизу, подшиваются или присаживаются къ аханамъ и всѣмъ рыболовнымъ сѣтямъ.

аханы и не даютъ имъ тонуть. Такимъ образомъ, зацѣпленные одинъ за другой аханы висятъ подо льдомъ на подобіе живой стѣны, безпрестанно движущейся и колышущейся. Но чтобы отъ сильнаго теченія воды не могли аханы взвиваться кверху и примерзать ко льду (въ такомъ случаѣ они безвозвратно погибаютъ въ морѣ)—къ нимъ съспода привязываютъ небольшіе куски булыжника.

Въ вольныхъ водахъ аханьщики выставляютъ, или, по выраженію ихъ, *выбиваютъ* аханы произвольно, по своему усмотрѣнію, по разнымъ направленіямъ, около своихъ становъ, въ нѣсколько линій или рядовъ. Линіи эти, или ряды, аханьщики называютъ по своему *порядкамъ*.

Съ утра до вечера промышленники ходятъ по *порядкамъ* и пересматриваютъ, или по словамъ ихъ, *перебираютъ* аханы. Подошедъ къ проруби, рыболовы сперва разчищаютъ ее ото льда, за ночь замерзающаго; потомъ берутъ за веревку (*), поддерживающую аханы, и наконецъ ею слегка ихъ приподнимаютъ. Эта операція дѣлается съ цѣлью узнать—не запуталась ли въ аханы рыба, и называется *наслушваніемъ*. Если почувютъ, т.-е. *наслышутъ*, въ которомъ—либо аханъ рыбу—(а узнать это очень легко по ея движенію и тяжести) то аханъ тотчасъ съ одного конца отпускаютъ, а за другой вытаскиваютъ на ледъ вмѣстѣ съ запутавшеюся въ него рыбою, ежели она подъ силу людямъ. Но ежели рыба попадетъ въ аханъ очень большая, какъ напримѣръ бѣлуга отъ 20 до 35-ти пудовъ, что двое, трое промышленниковъ не могутъ вытащить ее изъ воды, въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ уже къ пособію лошади: тихонько подтянувъ къ себѣ голову рыбы, аханьщики немедленно прорѣзываютъ ей нижнюю губу, вдѣваютъ въ прорѣзъ толстую веревку; веревку прицѣпляютъ за гужи и—чудовище на льду. Такія бѣлуги, впрочемъ, рѣдкость нынѣче; но прежде, лѣтъ 30 или 40 назадъ тому, не только въ 35, даже въ 45 и 50-ть пудовъ бѣлуги не считались рѣдкостью. Замѣтно, рыба въ Каспійскомъ морѣ годъ съ годомъ мельчаетъ и уменьшается въ числѣ. Въ нашихъ, Уральскихъ дачахъ покрайней мѣрѣ видно это; не знаю, такъ ли въ другихъ частяхъ Каспійскаго моря.

Аханами на глубинѣ больше всего ловятъ бѣлугъ; осетры, шипы, особенно крупныя, и севрюги попадаются рѣдко. Въ черняхъ же преимущественно ловится бѣлая рыбаца, мелкіе шипята и осетрята, а иногда и стерляди. Паловленную рыбу и добытый изъ нея клей и икру аханьщики, время отъ времени, переваживаютъ съ моря въ

(*) Эта веревка называется *наслушкой*, а палка, къ которой она привязана *костылькомъ*.

Гурьевъ, гдѣ и сбываютъ русскимъ торговцамъ, прїѣжающимъ туда за этимъ собственно ежегодно изъ Московской, Владимірской и другихъ внутреннихъ губерній. Цѣна рыбъ бываетъ различна, смотря потому какой уловъ ея и какой сѣздъ покупателей. Если рыбы наловливается мало, а покупателей сѣздается въ Гурьевъ много,—то рыба продается дорого: и наоборотъ, т.-е. когда рыбы много, а покупателей мало—цѣна рыбъ понижается. Но вообще крупная рыба: бѣлуги, шипы и севрюги продается отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. сер. за пудъ. За пудъ же большихъ осетровъ, всомъ отъ 4 до 8 пудовъ, платятъ отъ 5 до 8 р. сер. Бѣло-рыбца отъ 1 р. до 1 р. 50 к. сер. за пудъ.—Мелкіе осетрята, шипята, бѣлужата и севрюжата идутъ иногда въ одной цѣнѣ съ бѣло-рыбцей но большею частію дешевле ея.—Икра зернистая отъ 10 до 15 р. сер. за пудъ. Паисная же икра, для продажи на аханномъ рыболовствѣ не готовится, — а вязига во все изъ рыбы не вынимается.—Клей продается отъ 55 до 65 к. сер. за фунтъ въ сыромъ состояніи, т.-е. съ пузырями, какъ бываетъ вынуть изъ рыбы,—а очищенный и высушенный отъ 2 р. 30 к. до 2 р. 60 к. за фунтъ.

Казаку, собравшемуся на аханное рыболовство на 10-ти лошадахъ, достаточно поймать до 500 пудовъ рыбы, чтобы выдти изъ убытковъ и получить хорошіе барыши, ежели добычу отъ лова можно назвать барышомъ. Барышомъ казакъ пользуется по своему, чисто по-казачьи, не откладывая копѣйки на черный день и поступающая буквально по словамъ Св. Писанія: «не печитесь объ утрѣ». Обезпечивъ себя отъ всѣхъ повинностей по войску, о другомъ о чемъ казакъ мало думаетъ; даже не обращаетъ вниманія на расходы по дому, гдѣ уже самовластно хозяйничаетъ жена его, которая, пользуясь довѣріемъ и безпечностію дражайшаго своего супруга, не забываетъ и себя, стараясь въ житье-бытьѣ своемъ подражать богатымъ боярынямъ. При первомъ прїѣздѣ въ Гурьевъ торговцевъ, она спѣшитъ обзавестись лишнимъ шелковымъ платочкомъ, золотымъ колечкомъ, брилліантовыми сережками и тому подобными дорогими бездѣлушками. По послѣ, глядишь, при двухъ, трехъ неудачныхъ рыболовствахъ казакъ садится, такъ сказать, на мель, и чтобы съехать съ нея, отбираетъ отъ благовѣрной своей супруги скопленные ею украшенія и, закладывая или продавая ихъ, собирается уже на рыболовство, а общипанная жена его, вмѣсто штофа и атласа, одѣвается послѣ того въ нанку и китайку. Но въ такихъ случаяхъ казакъ (отдать справедливость счастливому его характеру) не унываетъ самъ и утѣшаетъ огорченную свою подругу слѣдующими словами: «не отъ того мы, голубушка, обѣдняли, что сладко пили ѣли, и одѣвались хорошо,—а такъ на наши деньги прахъ пришолъ».

Аханьщики въ отнoсь!—*Аханьщики за разносoм!*—*Аханьщики попали въ лoмь!*—Вотъ три небольшія рѣчи, которыя часто слышатся въ Гурьевъ-городкѣ, почти изъ устъ каждаго обывателя, когда производится аханное рыболовство. По числу словъ, рѣчи эти весьма кратки, но смыслъ ихъ пространенъ, и дѣйствія, ими выражаемыя, различны; потому что различны слова: *отнoсь*, *разносoм* и *ломь*, вполнѣ понимаемыя только Гурьевскими обывателями. *Отнoсь* для аханьщиковъ можетъ быть и благотворнымъ, и зловреднымъ; *разносoм* — ни тѣмъ, ни сѣмъ, а только иногда замедленіемъ хода рыболовства, — но *ломь* — чистою гибелью, ежели не людямъ, то лошадямъ и рыболовнымъ свастямъ.

Тихо и морозно. Море спокойно и ледъ недвижимъ. Рыбаки обычной чередой ходятъ по порядкамъ и выбираютъ изъ ахановъ рыбу, стаскивая ее къ кошарамъ на станъ. Вдругъ налетаетъ сильный, порывистый вѣтеръ съ сѣвера или отъ сѣверо-запада. Вода подо льдомъ заколышется и ударится къ югу или юго-востоку. Ледъ не выдерживаетъ стремленія воды, лопается на необозримое пространство, почти поперекъ всего моря, и уносится туда же, унося съ собою и промышленниковъ съ ихъ станами и рыболовными припасами. Пять, десять, пятнадцать верстъ, даже и больше иногда, плывутъ аханьщики на льду по теченію воды или стремленію бури до тѣхъ поръ, пока ледъ подъ ними не упрется въ другую, плавающій въ открытомъ морѣ, а тотъ, въ свою очередь, не приткнется къ неподвижному льду, около береговъ Мангышлака или Камынаго—кряжа.—Это *отнoсь*.

Часто случается, что аханьщики вовсе не замѣчаютъ, когда ихъ отнесетъ. Такъ, напримѣръ, ложась свечера спать головою къ востоку, просыпаются по утру головою къ западу. Тогда они уже понимаютъ въ чемъ дѣло, и тотчасъ опуская въ воду шесть или на веревкѣ камень, измѣряютъ глубину моря и по ней дѣлаютъ заключеніе—(всегда, надобно замѣтить, справедливое)—около какихъ мѣстъ они находятся. Отнoсь бываетъ и въ совершенно тихую погоду, отъ одного только теченія или колебанія воды. — Иногда, при вѣтряной погодѣ, аханьщики въ теченіе цѣлой зимы безпрестанно дѣлаютъ на льдинахъ невольныя путешествія по Каспійскому морю, не съѣзжая даже при этомъ съ мѣста. Подобнаго рода странствіе покажется для васъ, читатель, (я разумью всякаго не-Уральца), страннымъ, опаснымъ, даже невозможнымъ; но для насъ, Уральцевъ, оно вошло въ привычку, и каждый казакъ, который занимается морскимъ рыболовствомъ, смотритъ на все это, какъ на дѣло очень обыкновенное.

Счастливы аханьщики, ежели относъ совершится безъ особыхъ явленій, просто какъ я описалъ. Тогда имъ ни до чего нѣтъ надобности. Главное вниманіе обращаютъ они на дно морское: илстое,—то и рыба тутъ держится во множествѣ, а аханьщикамъ только это и нужно. Благословляя судьбу, перенесшую ихъ на хорошее мѣсто, они съ радостію продолжаютъ облегчать иѣдра моря отъ лишняго бремени, вовсе не обращая вниманія на то, что позади ихъ къ чернымъ открылась широкая сіяющая полоса воды. Пройдетъ три, четыре дня, полоса (эта покрывается, при тишинѣ и морозѣ, новымъ льдомъ), по которому, ежели толщина его достигнетъ до полутора вершка, аханьщики спѣшатъ отправлять въ Гурьевъ наловленную рыбу и рыбные продукты, чтобы выгоды ихъ тамъ сбыть.

Перезѣзды на тяжелыхъ возахъ черезъ эти молодые льды, или такъ называемые *разносы*, вполне характеризуютъ казаковъ, какъ воиновъ, издавна славящихся безстрашіемъ и безпечностію къ опасностямъ. Такъ, напримѣръ, выпивъ стаканъ, другой водки, надвинувъ на бекрень шапку или лисій тумакъ, помахивая, отъ нечего дѣлать, кнутомъ, напѣвая или пасвистывая родную, доморощеную пѣсню—казакъ безъ оглядки скачетъ на своемъ любимомъ буланомъ конѣ, не страшась того, что ретивый и также, какъ самъ онъ, безстрашный буланка пробиваетъ до воды подковой ледъ. Да и съ какой стати бояться этого казаку? Онъ по опыту знаетъ, что конь его, разъ купавшійся въ морѣ, не провалится сквозь льда, а ежели и провалится, то не утонетъ. Скорѣ провалятся съ рыбой сани, которыя во много разъ тяжелѣ лошади. Но и противъ этого казакъ принимаетъ заранѣ мѣры: за сани привязана крѣпкая веревка; другой конецъ которой заткнуть у казака за кушакомъ. Лишь только обрушатся сквозь льда сани, онъ въ тожъ мгновеніе соскакиваетъ съ нихъ и поддерживаетъ ихъ веревкой, чтобы они не грузнули. Между тѣмъ сбѣгаютъ къ нему товарищи или работники: кто выпрягаетъ лошадь, кто рыба—по рыбѣ облегчаетъ сани, кто вытаскиваетъ ихъ изъ воды, и — нутешествіе снова продолжается, какъ будто ничего не бывало. Такимъ образомъ выѣзжаютъ на твердый ледъ, а тамъ, какъ говорятъ казаки, завей возжи—и дома.

Но не всегда удается аханьщикамъ такъ скоро перелетать черезъ разносы. При теплой или вѣтряной погодѣ, разносы долго не замерзаютъ; отъ чего по нѣскольку недѣль приходится казакамъ жить за водою, и тѣмъ самымъ, во вредъ своему хозяйству, не быть въ состояніи доставлять во время въ Гурьевъ рыбу, цѣна которой понижается по мѣрѣ того, какъ аханное рыболовство приближается къ концу.

Кромѣ обваловъ на тонкомъ, молодомъ льду, путь аханьщико-въ затрудняется иногда и на старомъ твердомъ разсѣлинами, извѣстными подъ именемъ *зырыковъ* (*). Если зырыкъ неширокъ на примѣръ, въ аршинъ или въ полтора, его проѣзжаютъ не замѣчая. Передовая и слѣдовательно, самая смѣлая и приученая въ обозѣ лошадь, нагнувъ голову и наостривъ уши, сама собой, безъ понужденія со стороны хозяина, перескакиваетъ черезъ такой зырыкъ, перенося почти на спинѣ возъ; другія, за ней слѣдующія, лошади поступаютъ точно также. Но если зырыкъ слишкомъ широкъ, отъ нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ саженей, тогда передовая лошадь, приблизясь къ краю зырыка и обнюхавъ воду, останавливается, фыркаетъ и отступаетъ назадъ. Это даетъ знать аханьщикамъ, что надобно дѣлать мостъ и они его дѣлаютъ, употребляя при этомъ случаѣ пешни за сваи, веревки за переклады и за связи а льдины за подстилку. Такого рода мостъ или, правильнѣе, изъ такого рода матеріаловъ мостъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ: сообразно ширины зырыка выкалываютъ изъ льда четырехугольную льдину; шестами и баграми всовываютъ ее въ зырыкъ на то мѣсто, гдѣ предполагается переправа, наблюдая при томъ, чтобы края этой льдины какъ можно ближе касались краевъ зырыка; потомъ подо льдину съ двухъ сторонъ подпускаютъ толстыя, крѣпкія веревки; одни концы этихъ веревокъ привязываютъ къ двумъ пешнямъ, на крѣпко вбитымъ въ твердый ледъ на сторонѣ зырыка, а другіе концы веревокъ прикрѣпляютъ къ двумъ же пешнямъ, утвержденнымъ на противоположномъ краю зырыка. Послѣ того, наконецъ, какъ по мосту, по этой льдинѣ, поддерживаемой веревками, предприимчивые аханьщики, возъ-за-возомъ, и переѣзжаютъ.

Выше я сказалъ и здѣсь повторю, что счастье аханьщико-въ, если ихъ отнесетъ тихо, спокойно, всю артелью вмѣстѣ, со всѣмъ станомъ, со всѣми аханами и лошадьми. Но бывали и бываютъ случаи, что ледъ треснетъ именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раскинуты ихъ станы, такъ что часть рыбаковъ съ лошадьми остается на мѣстѣ, а другая, противъ воли, уплываетъ на оторванной льдинѣ въ море. Въ такихъ случаяхъ аханьщики теряютъ немало времени на соединеніе другъ съ другомъ. Та часть изъ нихъ, на сторонѣ которой останется меньше ахановъ, выбирая, иди, по выраженію казаковъ, *выдирает* ихъ изъ воды, отыскиваетъ другую, разумѣется тогда, когда представится къ тому возможность,

(*) Слово *зырыкъ* Уралцы усвоили отъ сосѣдей своихъ Киргизовъ, въ языкѣ которыхъ *зырык* или *зыртик* значить дыру или худое мѣсто на чемъ-нибудь.

т. е. когда разность, неизбежное следствие отнота, покротся снова льдомъ. Были примѣры, что ледъ разрывало въ срединѣ самыхъ кошаровъ. Можно себя представить, какая тогда должна произойти между рыбаковъ суматоха, особенно ежели явление это застигнетъ ихъ ночью спящими. Вотъ что недавно случилось на стану одного изъ Уральскихъ чиновниковъ. Вечеромъ, часу въ 8-мъ, онъ сидѣлъ въ кошарѣ и пилъ чай, въ ожиданіи осетриной ухи, варившейся въ котлѣ на таганѣ. Дворовый челоувѣкъ сидѣлъ напротивъ своего господина и подкладывалъ въ огонь подъ котель комышь. Рабочіе люди уѣзжали въ то время въ Гурьевъ съ рыбою. Все было тихо. Вдругъ раздался подо льдомъ ударъ, подобный пушечному выстрѣлу; рыболовы вздрогнули; кошаръ потрясся; огонь, ярко горѣвшій дотолѣ въ кошарѣ потухъ, а котель съ похлебкой покачулся и въ тужъ минуту упалъ съ тагана и юркнулъ въ воду. Г-нъ Назаровъ (это былъ войсковой старшина Иванъ Петровичъ) понялъ въ чемъ дѣло, въ одно мгновение приподнялъ снизу кѣшмы кошара и выскочилъ вонъ, схвативъ, такъ сказать, налету (и самъ не зная зачѣмъ, какъ онъ самъ послѣ сказывалъ), таганъ, на которомъ стоялъ котель и который, окунувшись до половины въ воду, чуть не нырнулъ вслѣдъ за котломъ, — тогда какъ подлѣ Назарова лежали вещи во сто разъ лучше тагана, напримѣръ, волчій тулупъ или небольшой чайный погребчикъ, въ которомъ сверхъ-того было немало и денегъ.—Служитель послѣдовалъ примѣру своего господина; но къ сожалѣнію выпрыгнулъ въ противоположную сторону. Вскорѣ кошаръ разодрало надвое, и все, что было въ немъ изъ одежды и провизіи, потонуло. Посчастію и на той, и на другой сторонѣ разнота были неподалеку кошары другихъ аханьщиковъ; въ нихъ-то г. Назаровъ и дворовый его челоувѣкъ нашли себя пристанище.

Но все это для привыкшихъ и освоившихся съ опасностію аханьщиковъ чистый вздоръ. Вотъ бѣда для нихъ. Лыдина, на которой ихъ отнесетъ и которая простирается въ длину и ширину на 30 или 50 верстъ, столкнется съ другой такой же величины, если больше, стремящейся на встрѣчу первой противу вѣтра отъ внутренняго, такъ сказать, колебанія моря. При столкновеніи такихъ огромныхъ лыдинъ, онѣ обѣ потрясаются, испускаютъ громы, лѣзутъ одна на другую, уничтожаютъ сами себя, разбиваясь съ краевъ въ куски. Куски эти, сильно напираемые съ обѣихъ сторонъ огромными лыдинами, вертятся, трутся и громоздятся другъ на дружку; одни лѣзутъ вверхъ, а другіе погружаются внизъ и упираются въ морское дно, такъ что въ короткое время на томъ мѣстѣ, гдѣ столкнутся лыдины, образуются огромные высокіе бугры, похо-

жіе на вершинѣ горы, и извѣстны подъ именемъ *шихановъ*. При этомъ случаѣ даже самый вѣтеръ, какъ замѣчаютъ казаки, дувшій до толъ по одному направленію, останавливается, превращается въ вихрь и, сцепившись со льдомъ и водой, помагаетъ имъ разыгрывать чертовскую, какъ выражаются казаки, свадьбу. Это *ломъ!*

Всѣ, что ни попадется въ ломъ, сокрушается, уничтожается и погибаетъ. Ломъ прекращается уже тогда, когда между двухъ враждебныхъ льдинъ стануть, упершись въ морское дно, шиханы.— Аханьщики, предвидя ломъ, но долетающимъ до нихъ звукамъ, происходящимъ отъ взлома и трескати льда, заблаговременно приготавливаются увернуться отъ гибельнаго дѣйствія этого разрушительнаго явленія. Немедленно впрягаютъ лошадей, укладываютъ въ сани все, что можно увезти, и, держа подъ уздцы лошадей, стоятъ какъ на стражѣ, готовые каждую минуту броситься въ противоположную сторону отъ лома, туда, гдѣ надѣются спасти свою жизнь, не помышляя уже объ аханахъ, которые остаются въ водѣ на жертву лома, по той причинѣ, что выборка ихъ изъ воды требуетъ весьма долгаго времени. Но когда ломъ достигнетъ аханьщиковъ неожиданно, врасплохъ, т.-е. когда онъ начнется близко отъ стана,— тогда они, забывая всякую мысль о спасеніи имущества, садятся верхомъ на лошадей и скачутъ съ того мѣста на другое, гдѣ нѣтъ лома. Черезъ нѣсколько часовъ тамъ, гдѣ кипѣла до толъ жизнь, являются одни шиханы, поглотивъ въ себя все достояніе казаковъ. Послѣ того, разумѣется, аханьщики, повѣсивъ головы, возвращаются домой, утѣшаясь надеждою на будущія рыболовства.

Но ежели вся эта кутерьма кончится безъ ущерба рыболовнымъ снастямъ,—казакъ беззаботно предается рыболовству, посмѣивается изподтишка надъ Каспіемъ и надѣяется его не очень лестными для него привѣтствіями, заключивъ ихъ такими словами: «ну, что обжора.... взяю?» — У казаковъ, надо замѣтить, вообще, а у аханьщиковъ въ собенности въ высшей степени развито чувство безстрашія, самонадѣянности и безопасности къ опасностямъ. Во всѣхъ критическихъ обстоятельствахъ и невѣрныхъ предпріятіяхъ они подкрѣпляютъ и напутствуютъ себя общою русскою поговоркою: «волка бояться, въ лѣсъ не ходить.»

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ТОРГОВЫЙ ФЛОТЪ ВЪ АНГЛІИ (*).

Изъ всѣхъ торговыхъ портовъ Англии, Шотландіи и Ирландіи ни одинъ не можетъ оспоривать первенства у лондонскаго. Ливерпуль, Бристоль, Голло, Ньюкестль, Плимуть, Лейтъ, Глазговъ, Гриннокъ, Коркъ, Бельфасть, Дублинъ далеко не равняются съ Лондономъ. Изъ 39,000 кораблей, вошедшихъ, въ 1847 году, въ различные порты британскихъ острововъ, 9,403 заплатили дань Темзѣ. Однимъ словомъ четверть морской торговли королевства принадлежитъ Лондону.

Государственные люди, историки и экономисты согласно признаютъ, что самые существенные элементы морскаго могущества заключаются въ количествѣ и качествѣ торговой силы. Не она ли, въ самомъ дѣлѣ, снабжаетъ военные экипажи и вознаграждаетъ потери, причиняемыя войнами и бурями?—По этому изученіе состоянія экипажей на торговыхъ корабляхъ представляетъ весьма значительный интересъ. Но чтобы можно было понять всю важность открытыхъ комиссіею фактовъ, скажемъ сначала, въ чемъ состоятъ въ настоящее время морскія силы Англии, а потомъ въ какомъ положеніи находятся владельцы и строители кораблей.

1 января 1848 года, Англии владѣла 252 военными судами, лучшійшими кораблями, шлюпами, бригами, катерами, шкунами, яхтами, охранительно береговыми судами, почтовыми пакетботами, и проч. съ 25000 человекъ экипажа.

Въ томъ же году, въ торговомъ флотѣ насчитывалось 33,672 судна, и 236,069 человекъ экипажа.

Таковы, по официальнымъ рапортамъ, силы и средства, на которыхъ основывается могущество и богатство Англии.

Что касается до настоящаго положенія корабле-владельцевъ и кораблестроителей, слѣдующія извлеченія изъ отчета, опубликованнаго въ *Edimburg magazine*, даютъ о немъ понятіе точное и верное.

(*) Годы за четыре назадъ некоторымъ изъ государственныхъ людей Англии пришла мысль открыть глаза правительству, безпрестанно говорящему о благосостояніи страны. Въ слѣдствіе этого извѣстнѣйшимъ публицистамъ поручено было изслѣдовать положеніе рабочихъ классовъ въ Англии. Эти изслѣдованія, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, каждый день печатались въ *Morning-Chronicle*, журналъ вполне консервативномъ и аристократическомъ. Основанный на самыхъ тщательныхъ и подробныхъ разспросахъ, и подтвержденный официальными документами трудъ этотъ признавъ въ настоящее время національнымъ памятникомъ. Настоящая статья о торговомъ флотѣ въ Англии составляетъ часть этого труда.

Абердинъ, 2 февраля 1850. Напрасно старались бы скрыть бедственное состояніе морскихъ дѣлъ въ нашемъ портѣ; все, вокругъ насъ, представляетъ самый мрачный, самый безотраднѣйшій видъ. Наши доки наполнены кораблями всевозможныхъ классовъ и размѣровъ, и имъ нечего дѣлать. Предлагаемые грузы (и тѣ очень рѣдки) далеко не достигаютъ надлежащей цѣны.—Строители наши, не смотря на великую и заслуженную славу, не получаютъ заказовъ. За недостаткомъ заказовъ, они построили изъ спекуляціи нѣсколько кораблей—великолѣпные образцы морской архитектуры; но ни одинъ покупатель не является; мы имѣемъ сорокъ пять разношерстныхъ кораблей,—цѣна доселѣ небывалая въ нашемъ портѣ.

Бостонъ, 2 февраля 1850. Смотритель нашего порта, болѣе сорока лѣтъ находящійся на службѣ, говоритъ, что онъ никогда не видалъ морскія дѣла въ такомъ печальномъ состояніи какъ теперь. Онъ крѣпко вѣритъ, что наше будущее безнадежно.

29 января 1850. Корабли этого порта находятся въ самомъ плачевномъ положеніи.... Груза очень трудно достать, а когда и найдется, то плата разорительно-низкая. Командирамъ нашихъ каботажныхъ судовъ платится обыкновенно изъ барышей, получаемыхъ отъ кораблей, которыми они командуютъ; въ последнее время эти барыши, а следовательно и доходы командировъ, до того уменьшились, что многіе изъ нихъ оставили командованіе и сдѣлались простыми матросами, для того, чтобы имѣть лучшее жалованье. Кораблестроеніе здѣсь почти совсѣмъ убито; никто не хочетъ рисковать своими капиталами, употребляя ихъ на каботажныя суда,—до того низка фрахта, до того будущее сумрачно.

Коркъ, 29 января 1850. Жалованье нашихъ корабельныхъ командировъ сократилось цѣлою третью. Въ прежнее время на нашей верфи вообще бывало кораблей семь или восемь, теперь только одинъ. Командиры принуждены покориться убавкѣ жалованья, чтобы не оставить семействъ своихъ безъ хлѣба. Тѣ, которымъ посчастливилось сберечь нѣсколько денегъ, сдѣлались портными, купцами, канатными мастерами, прибрежными лоцманами и проч.

Дрогеда, 1 февраля 1850. Здѣсь нѣтъ кораблей въ постройкѣ, а между тѣмъ у насъ хорошия верфи. Нѣтъ кораблей въ починкѣ, а между тѣмъ у насъ превосходный трюмъ; у насъ четыре или пять разношерстныхъ кораблей, но хозяева не хотятъ поправлять ихъ. Они охотно продали бы ихъ, но невозможно найти покупателя. Впрочемъ, еслибъ не командиры и не экипажи, которымъ надобно же чѣмъ нибудь жить, всѣ наши корабли, я думаю, были бы разношерстены, потому что они не получаютъ ни шиллинга. Я глу-

боко убѣжденъ, что черезъ семь лѣтъ половина нашихъ кораблей исчезнетъ. Что въ прежнее время было разсадникомъ для нашихъ военныхъ кораблей, не будетъ существовать въ самомъ непродолжительномъ времени; прибрежная торговля почти совсѣмъ прекратится.

Что касается до нашихъ моряковъ, всякій день они прогуливаются у насъ по набережнымъ, отыскивая мѣсть и не находя ихъ, въ слѣдствіе полного уничтоженія нашей коммерціи. Потому какъ они, такъ и ихъ семейства находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.

Ливерпуль, 29 января 1850. Морская торговля здѣсь чрезвычайно вездорова. Фрахты только только, что не въ убытокъ: *среднимъ числомъ, они по крайней мѣрѣ 15 на сто ниже, чѣмъ въ прошедшемъ году.*

Мерипортъ, 29 января 1850. Кумберландъ издавна славится своими кораблями, которые уважаются торговцами всего міра; но къ крайнему прискорбію я принужденъ сказать, что въ настоящее время *корабельные мастера Мерипорта, Чоркайптона и Чайпгевена совершенно не имѣютъ заказовъ.*

Плимутъ, 2 февраля 1850. Морскія дѣла этого порта въ самомъ плачевномъ состояніи. Много кораблей разснашено, и въ слѣдствіе того экипажи ихъ находятся безъ должности и наши набережныя совершенно опустели.

Изъ *деяти* верфей нашего порта, на *одной* только есть *одинъ* корабль въ постройкѣ. Много шкиперовъ и матросовъ безъ должностей бродятъ по нашимъ набережнымъ. Правда, намъ говорить, что теперь можно имѣть за *10 пенсовъ* (25 коп. сер.) то, что прежде стоило *вдвое, но къ чему служить такая дешевизна работнику, который не можетъ добыть ни одного пенни* (2½ коп. сер.)?

Ронкорнъ, 1 февраля 1850. Фрахты по крайней мѣрѣ 25 на 100 ниже, чѣмъ въ 1845, 1846 и 1847 годахъ. Корабельное мастерство почти совсѣмъ оставлено. Никто не отваживается употреблять на него своихъ капиталовъ, потому что никакъ нельзя рассчитывать на ихъ возвращеніе (*).

	шил.	шил.
Фрахты Сингапора упали отъ . . .	105	до 60
Калькутты	117	— 77
Гоингъ-Конга	105	— 55
Бомбея	95	— 60
Цейлана	95	— 70

(*) Таблица, публикованная Линдсеємъ и Комп., показываетъ, что въ четыре послѣдніе года, фрахты понизились отъ 35 до 50 на сто. Мы приведемъ слѣдующіе примѣры:

Мавриція	84 — 60
Каллио	95 — 63
Гаванны	85 — 47
Одессы	95 — 49
Александрии	19 — 5
Кронштадта	33 — 19
Квебека	47 — 32

«Мы не представляемъ здѣсь, говорить авторъ, обзоръ множества другихъ документовъ, подтверждающихъ тѣ же факты».

Изъ всѣхъ портовъ, окружающихъ британскіе острова, доносятся такіе же печальные, отчаянные вопли.

Теперь посмотримъ въ лучшемъ ли положеніи находятся британскіе моряки, и можетъ ли Англія надѣяться на своихъ матросовъ болѣе, чѣмъ на арматоровъ.

Торговый англійскій флотъ раздѣляется на флотъ прибрежный и флотъ, торгующій съ иностранными землями. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, раздѣляется на многія отрасли и заключаетъ въ себя корабли различнаго построенія, различной вместимости и различныхъ названій, смотря по странамъ, съ которыми корабли эти ведутъ торговлю.

Изъ лондонскаго порта корабли преимущественно отплываютъ въ слѣдующія страны: въ Австралію, въ Восточную Индію и Китай, въ западную Индію, въ Балтійское море и сѣверную Америку, въ Южную Америку, въ Бразилію, въ Гудзоновъ заливъ, въ Соединенные-Штаты, въ Средиземное море, въ Португалію и Испанію, въ Африку, къ мысу Доброй-Надежды, въ Южное море и Гренландію.

Показанія моряковъ, принадлежащихъ къ различнымъ отраслямъ этихъ торговыхъ путей, собраны комиссіею съ особеннымъ тщаніемъ. Мы приводимъ подлинныя слова ея, безъ малѣйшихъ прибавленій.

Португалія.—Я плаваю вотъ уже тринадцать лѣтъ. Я возвращаюсь изъ Опорто. Я получалъ 2 фунта 10 шиллинговъ, какъ матросъ перваго разряда. Я нахожу это недостаточнымъ, но въ Дуврѣ жалованье теперь очень низко. Оно должно быть 2 фунта 15 шиллинговъ по крайней мѣрѣ, на корабляхъ, торгующихъ съ Португаліею. Въ небольшихъ путешествіяхъ матросъ не всегда зянуть; можно положить, что въ годъ навѣрно четыре мѣсяца бываетъ безъ дѣла. Сверхъ того, мы должны каждый мѣсяць заплатить 1 шиллингъ на *seamen's fund*, откуда никогда не бываетъ возврата. Я не знаю, куда дѣвается это. — Послѣдній капитанъ мой былъ морякъ добрый, но я знаю многихъ, которымъ уже никакъ не должно

бы повтрять жизнь людей. Дурное обращеніе, дурное содержаніе и дурное жалованье—вотъ причины дезертерства. Сказать правду, торговая морская служба дѣлается *все хуже и хуже*. Я боюсь, что жалованье еще убавится и тогда неизвѣстно, какіи будутъ послѣдствія. Когда матросы сходятся вмѣстѣ, они болтають о своихъ неудовольствіяхъ. Я слыхалъ, многіе изъ нихъ говорили, *что они никогда не стануть сражаться за такую страну*. Я сражася въ Китаѣ за свою сторону; быть можетъ и еще стану сражаться за нее, *впрочемъ хорошенько не увѣренъ въ этомъ*.

Средиземное море.—«Я плаваю тридцать лѣтъ; началъ съ пятнадцати и вотъ до сего времени—мнѣ теперь сорокъ пять. Въ послѣдній разъ, я отправился Средиземнымъ моремъ въ Константинополь, оттуда въ Черное море, потомъ въ Азовское, въ Керчь. Мало занимаются людьми на борту. Бакъ такъ бываетъ набить, какъ хлѣвъ порослятами, и часто дождь проникаетъ туда до такой степени, что можно сказать, люди спятъ буквально въ водѣ. Сходятъ они мокрые, а выходятъ еще мокрѣе. Случалось мнѣ видать, и очень часто, выходятъ матросы изъ бака, и отъ платья у нихъ валятся паръ, какъ отъ паровика. Часто страдаютъ они отъ холода и часто отъ лихорадки. Простыни никогда не перемѣняются, постели ни разу не провѣттриваются во все путешествіе.

«По моему мнѣнію, великое было бы благодѣяніе, если бы матросы торговой морской службы подчинены были испытаніямъ и обязаны были имѣть свидѣтельства о способности ихъ и воздержности. Множество превосходныхъ кораблей погибло такимъ образомъ отъ невѣжества и пьянства командировъ. Когда шкиперъ не свѣдуецъ и неопытенъ, экипажъ скоро замѣчаетъ это и теряетъ къ нему уваженіе. Дисциплина падаетъ, и случисъ опасность, при недовѣрiи матросовъ къ капитану, гибель почти неизбѣжна.

Въ послѣднее мое путешествіе, матросы перваго разряда получали по два фунта въ мѣсяцъ. Это недостаточно. *Не удивительно, что столько Англичанъ въ американской службѣ*. Тамъ и плата лучше, и обхожденіе лучше. — Будь жалованье повыше, не стали бы люди дезертировать въ Нью-Йоркъ и въ другихъ американскихъ городахъ, гдѣ хорошее житье натурально сильно соблазняетъ. Что ни дѣлай, *одно настоящее средство уменьшить побѣги*, это лучше платить и лучше обращаться съ людьми. Въ этомъ все дѣло.

Западная Индія. «Я плавалъ около одиннадцати лѣтъ. Въ послѣдній разъ я ходилъ въ Западную Индію, въ Кайнстонъ (Ямайка). Матросы перваго разряда получали по два фунта пяти шиллинговъ въ мѣсяцъ. Это обыкновенная такса за плаваніе въ Западную Ин-

дню, но я могу утверждать, что это недостаточно. Я получаю по 2 фунта 10 шиллинговъ и по 2 фунта 15 шиллинговъ за тоже путешествие, отправляясь изъ Клайда. Въ шотландскихъ портахъ и Ливерпулѣ никогда не платятъ меньше 2 фунтовъ 10 шиллинговъ. По моему ни гдѣ плата такъ не дешева какъ въ лондонскомъ портѣ; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: тамъ столько досужихъ рукъ, и столько чужестранныхъ моряковъ, которые готовы наняться за что ни на есть, лишь бы отправиться. Мой послѣдній капитанъ былъ добрый морякъ, но совсѣмъ не зналъ своего дѣла, что впрочемъ встрѣчается у многихъ офицеровъ. А хорошо ли это — вверять начальство надъ кораблемъ челоуку, не подвергнувъ его предварительно надлежащему испытанію? Часто люди молодые получаютъ начальство, по милости; есть у арматора или у участника родственники, и вотъ имъ поверяютъ, отдаютъ въ ихъ руки существованіе всего экипажа. У насъ напримѣръ подшкиперъ опрельненъ былъ арматорами, тогда какъ онъ едва могъ связать каблукъ. На борту матросъ не смѣетъ слова сказать за свои права, а скажи — всѣ офицеры нападутъ на тебя, убавятъ жалованье и будутъ притѣснять еще больше. Чтобы показать вамъ, какія вещи происходятъ на купеческихъ корабляхъ, я расскажу вамъ, что знаю. — Недвно были мы близъ острововъ Чинка, въ окрестности мыса Горна, чтобы нагрузиться гуаномъ. Мы были какъ разъ позади корабля изъ Бристоля. Въ субботу, какъ это водится между купеческими кораблями, послали мы попросить бутылку, чтобы выпить за здоровье жень. Капитанъ-бристолецъ сказалъ, что будь онъ проклятъ, если дастъ бутылку. — Экипажъ продолжалъ настоятельно потребовать тогда онъ сошелъ въ каюту и воротился съ парюю пистолетовъ. Сначала онъ выстрѣлилъ въ одного матроса, которому пуля оцарапала лобъ и оторвала верхушку уха. Потомъ изъ втораго пистолета онъ убилъ на поваль другаго, всадивъ ему пулю въ грудь. Капитанъ этотъ былъ не пьянъ.

«Самое вѣрное и единственное средство остановить дезертерство, это лучше обращаться съ людьми, давать большую плату и лучше кормить, тогда они не стануть жаловаться.

«На послѣднемъ кораблѣ, я не имѣлъ постели; на бакѣ было мѣсто только для четырехъ коекъ. Одна принадлежала повару; повара безпокоить не приходится. Въ трехъ остальныхъ каждый ложился поочередно, но моя очередь никогда не приходила. Во все путешествие я спалъ на боченкѣ съ водою. На индійскихъ корабляхъ я работалъ тринадцать, четырнадцать, даже шестнадцать часовъ въ день, хотя по англійскому закону слѣдуетъ только отъ ше-

сти до шести. Да и не было никакой необходимости работать дол- лже; это была фантазія капитана, вотъ и всё. Хотѣли скорѣй до- вхаты; съ искуснымъ и добрымъ до экипажа капитаномъ нѣтъ ничего легче сдѣлать это и безъ изнуренія людей. Имъ и не такъ хо- рошо платять, и не такъ хорошо съ нимъ обращаются и не такъ хорошо ихъ кормять, чтобы они заботились о выгодахъ арматора. Каковъ арматоръ до меня? Онъ не заботится обо мнѣ.—Отъ чего же я долженъ заботиться о немъ?»

Восточная Индія. — «Я двадцать два года на морѣ. Послед- нее мое путешествіе было въ Адень, оттуда въ Коломбо, столицу острова Цейлана, потомъ въ Кохинъ, на Малабарскій берегъ. Жа- лованье мое, какъ матроса перваго разряда, было два фунта въ мѣ- сяць, что недостаточно для хорошаго моряка, если принять въ раз- сужденіе работы его и то, что онъ долженъ быть парусникомъ и умѣть дѣлать все, что требуется на борту. Потомъ, смотрите, какіе труды мы переносимъ на морѣ: намъ случается оставаться на па- лубѣ по двое сутокъ къ ряду; не то что отдохнуть, некогда даже бываетъ повсть. Всѣ моряки, съ которыми мнѣ случалось говорить объ этомъ, такихъ же мыслей какъ я, т.-е. что жалованье должно быть увеличено.—На последнемъ моемъ кораблѣ, припасы чрезвы- чайно дурны. Сухари, мука, говядина и свинина были остатки отъ провизіи предшествующаго путешествія въ Цейланъ. Въ сухаряхъ завелись черви, и мы принуждены были класть ихъ въ печь, чтобъ имѣть возможность ѣсть. Въ боченкахъ сѣхари отсырываютъ, печь ихъ засушиваетъ и червей убиваетъ, но мы все-таки принуждены были ѣсть этихъ насѣкомыхъ. Мы сильно жаловались на это; намъ отвѣчали, что помочь этому нельзя, и для того, чтобъ ѣсть хоро- шее, мы должны были повсть дурное. Свинина и говядина были также отвратительны, протухлы до невѣроятности. Изъ пяти фун- товъ свинины уваривалось обыкновенно два фунта».

Квебекъ. — «За путешествіе въ Квебекъ и на Волчью рѣку я по- дучалъ 2 фунта 10 шиллинговъ въ мѣсяць; это недостаточно, потому что никакимъ морякамъ не приходится вытерпѣть столько трудовъ и утомленія, какъ отправляющимся въ Сѣверную Америку. Припа- сы были хороши, но помѣщеніе людей въ бакъ очень дурно. Вода текла туда со всѣхъ сторонъ, такъ что, по пріѣздѣ, я выбросилъ постель свою за бортъ; не стоило труда перетаскивать ее на землю, до того она сгнила отъ сырости.

«Побѣги очень обыкновенны въ Квебекѣ. Люди легко могутъ скрыться тамъ, и потомъ достигнуть Штатовъ, гдѣ и платять и кормять гораздо лучше. Побѣги непременно будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не увеличатъ жалованье и не улучшатъ содержанія.

«Съ самаго отъѣзда, капитанъ нашъ заниль на пропалу до такой степени, что, отъѣхавъ семь сотъ миль мы опять поворотили въ Англию; въ двадцати-четыре часахъ отъ Плимута, капитанъ нашъ образумился, и мы опять поплыли въ Северную Америку. Одиннадцать дней онъ оставался въ каютѣ, большой. Когда онъ выходилъ на палубу, то свирѣпо смотрѣлъ на всѣхъ, хотя былъ не золь; онъ жестоко пилъ въ Америкѣ. Жизнь людей была съ нимъ не въ безопасности; къ счастью, подшкиперъ былъ искусный морякъ. Это милость Божія, что мы воротились цѣлы и невредимы. Капитанъ имѣлъ такой азартъ къ крепкимъ напиткамъ, что близъ Данженеса, онъ далъ фунтъ стерлинговъ за галлонъ спирта лоцману одного катера. Когда мы отплыли отъ Америки, на корабль было три съ половиной галлона водки. Капитанъ выпилъ все почти одинъ, и за девять дней до прихода въ Данженесь, на корабль не осталось ни одной капли спирта. Поваръ говорилъ мнѣ, что, за неимѣніемъ водки, капитанъ готовъ былъ пить купорось. Мнѣ жаль было капитана, потому что не смотря на все свое пьянство онъ не былъ тиранъ».

Бразилія. — «Я былъ девять лѣтъ съ половиной на морѣ. Я только что воротился изъ Бразиліи. Мнѣ случалось бывать на такихъ негодныхъ корабляхъ, что спасеніе наше зависѣло единственно отъ счастья и отъ хорошей погоды. Въ путешествіи моемъ въ Бразилію припасы были очень дурны; капитанъ самъ сознавалъ это, и бранилъ агента, разумеется, я думаю, не громко. Впрочемъ капитанъ нашъ былъ добрый морякъ; но мнѣ случалось плавать съ офицерами, которые ничего не смыслили въ мореплаваніи. Такъ у меня былъ капитанъ, который думалъ, что онъ находится на стверозападномъ берегу Ирландіи, тогда какъ онъ былъ около береговъ Корваліса.

«Въ путешествіи, о которомъ я вамъ говорю, говядины нельзя было всть; она походила на кусокъ краснаго дерева, который повалили въ угольной пыли. Нѣтъ ни одного корабля, на которомъ бы давали ее болѣе четырнадцати унцій. Жалованья я получалъ 2 фунта 15 шиллинговъ въ мѣсяцъ, какъ матросъ перваго разряда. По моему это недостаточная плата; она должна быть 3 фунта, по край-

ней мврѣ; тогда моряки не были бы недовольны, подобно мнѣ, и не покидали бы своей стороны. По моему мнѣнію побѣги происходятъ только *отъ дурнаго жалованья и отъ дурнаго обращенія*. Не потому что моряки предпочитаютъ американскую службу английской; но, вотъ видите, мы предпочитаемъ хорошую плату дурной и хорошее содержаніе дурному; кто не сдвмалъ бы также? Я слыхалъ отъ многихъ моряковъ, что они не будутъ драться противъ родной стороны; *но что и за нее они также не спануть драться*, особенно противъ Америки. Я слыхалъ даже, *что они охотно стали бы драться противъ своей стороны* за Американцевъ. Я самъ не сталъ бы драться за свою сторону, развѣ только положеніе моряковъ будетъ улучшено. На борту часто разговариваютъ, за чью сторону стали бы, въ случаѣ войны, и *почти естъ говорить, что оставить свою сторону при первомъ случаѣ*.—Такъ дурно обращаются съ матросами!

Балтика. «Я нахожусь на морѣ тридцать два года. Последнее путешествіе мое было въ Мемель, въ качествѣ подшкипера. Моряки очень жалуются на то, что шкиперы оставляютъ Лондонъ, не взявъ достаточнаго количества людей. Часто шкиперы даже хвастаются такимъ умышленнымъ нарушеніемъ закона. Но что мы можемъ противъ этого сдвмать. Послѣ путешествія, одного слова дурнаго капитана достаточно для того, чтобъ погубить хорошаго матроса и помѣшать ему найти другой корабль. Я зналъ многихъ шкиперовъ вовсе неспособныхъ править кораблемъ. Они никогда не могли бы сказать гдѣ находятся. Съ ними и экипажъ и судно постоянно въ опасности. Цевъжды то эти именно и обращаются съ людьми самымъ жестокимъ образомъ.

«На Балтійскомъ морѣ морякамъ дурно платятъ, и следовательно они вообще недовольны, особенно когда подумаютъ о жалованьи на американскихъ корабляхъ. *Если бы у насъ случилась война съ С. единенными-Штатами, я твердо убѣжденъ, что матросы англійскихъ купеческихъ кораблей откажутся сражаться съ Америкою* И для чего они будутъ сражаться? Англійскій морякъ знаетъ, что ему не дадутъ должнаго; дайте ему надлежащее и онъ будетъ биться за островъ какъ бульдогъ. Таково мнѣніе и мое и многихъ другихъ людей, которыхъ я знаю. Потому мы нисколько и не заботимся о своей сторонѣ, да и за что заботиться—то? Мы невольники на морѣ, а капитанъ властелинъ. Пѣсня говоритъ: «Британцы никогда не будутъ невольниками».—Вздоръ, чистый вздоръ! отаргательно даже слушать.

Южное море. — «Я только что воротился изъ экспедиціи въ Южное море. Въ этихъ обширныхъ пустыняхъ тихаго Океана духъ часто бываетъ точно какъ разбитъ, уничтоженъ. Иногда не увидишь бывало въ четыре мѣсяца ни одного паруса. Ничего, ничего другаго кромѣ рыбы и воды, даже и рыба-то рѣдко показывается. Эти обширныя пустыни дѣйствуютъ страшнымъ образомъ на простыхъ моряковъ. На китоловныхъ корабляхъ припасы не таковы, каковы должны быть; вообще они бываютъ очень дурнаго качества. Имѣется нѣсколько боченковъ хорошей провизіи напоказъ инспектору, остальные остаются въ тѣни. Какъ только вышли въ море, все, что есть хорошаго, идетъ въ каюты. Горохъ, мука, хлѣбъ, сохраняемые иногда въ продолженіе четырехъ лѣтъ, (срокъ путешествія рыболовнаго судна) бываютъ вообще дурны, потому что о нихъ нисколько не заботятся. Оставляя Англію, капитанъ беретъ на 300, 400 и на 500 фунтовъ готоваго платья, настоящее тряпье, купленное за бездѣнокъ у лоскутниковъ, и которое потомъ уступаютъ экипажу, какъ бы изъ милости, съ барышемъ полутора на сто. Я видалъ, какъ платили 3 фунта за негодную куртку, сквозь которую просто свѣтилось. Въ Лондонѣ я купилъ бы гораздо лучше за 12 пинлинговъ. — Путешествіе, о которомъ я говорю, продолжалось четыре года. Мы собрали пятьдесятъ бочекъ масла. Въ Англіи, хозяева корабля, настоящіе торговые царьки, сказали мнѣ, что корабль привезъ очень мало, или вовсе не привезъ ничего масла, и такимъ образомъ мнѣ не приходилось получить ни одного пени. Я зналъ противное. Я спросилъ, какъ будто былъ чужой, у сторожа Лондонъ-Дока, гдѣ разгруженъ былъ корабль. Онъ сказалъ мнѣ, что на корабль было масла 51 бочка, каждая въ 80 фунтовъ, всего 1080 фунтовъ (на 25,250 р. сер.). Я имѣлъ право на полученіе 30 фунтовъ, сверхъ жалованья. Матросамъ не позволяютъ употреблять мѣршиковъ изъ среды себя, и потому судохозяева часто обкрадываютъ ихъ.

«Сказать правду, матросы такъ несчастны, что я не знаю, какъ они не бросаются за бортъ. Осмѣлся только сказать слово, тебя сажаютъ въ кандалы, и въ первомъ портѣ капитанъ отнесетъ окорокъ ветчины или фунтъ сыру консулу, и матросъ осужденъ, не выходя на землю. Потому, побѣги постоянно будутъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока съ моряками будутъ лучше обращаться и меньше ихъ обкрадывать. Всѣ недовольны, всѣ не любятъ своей стороны. Станутъ ли матросы сражаться противъ Америки, если бы возго-

рвалась война? *Нѣтъ, они не будутъ сражаться.*—А я: буду ли я сражаться? *Нѣтъ, нѣтъ!* Въ Америкѣ не обкрадываютъ моряковъ.

Австралія. — «Въ послѣдній разъ я былъ подшкиперомъ на корабль, который перевозилъ переселенцевъ отъ правительства».

«Я провѣдиль годъ и полтора мѣсяца. Что вы думаете», получилъ я за всю эту службу, въ которой подвергалъ жизнь свою опасности, и работалъ ежечасно во все время? 10 фунтовъ 2 шиллинга. Вот. ~~то~~ стоило мнѣ годъ и полтора мѣсяца самыхъ жестокихъ трудовъ. Я бы долженъ былъ получить около 32 фунтовъ. Жалованье мое, какъ подшкипера, было 2 фунта 10 шиллинговъ въ мѣсяцъ. Въ прежнее время за такую работу платили 3 фунта 10 шиллинговъ и даже 4 фунта. Но мелкіе арматоры урзываютъ у насъ жалованье, сколько могутъ, дотоль, пока не доведутъ до голодной смерти насъ и наши семейства. Остальныя, следовавшіе мнѣ деньги были конфискованы за то, что я говорилъ въ защиту своихъ правъ. Съ пятерыми моими товарищами было поступлено также.

«Корабль нашъ вмѣщалъ около четырехъ сотъ тоннъ: следовательно, по регламенту, онъ долженъ былъ имѣть шестнадцать матросовъ перваго разряда и четыре юнга; но насъ, вмѣсто шестнадцати было только восемь матросовъ. Такимъ образомъ мы должны были работать вдвойнѣ день и ночь. Мы жаловались капитану, что на корабль недостаетъ рукъ. Онъ обѣщался взять еще людей въ Сидней. По прибытіи въ Сидней, онъ отказался исполнить свое обѣщаніе, потому что жалованье тамъ было выше, чѣмъ въ Лондонѣ. Тогда мы сказали ему, что не хотимъ больше работать. Онъ называлъ это возмущеніемъ, и жалованье наше сокращено было еще почти 20-ю фунтами на человѣка. Такимъ образомъ арматоры выиграли больше 100 фунтовъ, и, что всего лучше, они неудовольствовались этимъ. Изъ бездѣлицы, которая намъ приходилась, они брали еще фунтъ лишній, подъ предлогомъ благотворительнаго учрежденія, какъ говорятъ они. Что это было такое? Я ничего не знаю, а могу вамъ утвердительно сказать только то, что эти люди пагуба страны, потому что матросъ, прежде защищавшій островъ, теперь недоволенъ какъ нельзя быть недоволеннымъ. Это позоръ, если посмотрѣть, какъ обращаются съ нами. *Потому рассчитывать на насъ теперь нельзя ни сколько.* Если случится война съ Америкою, *тысячи изъ насъ стануть за нее.* Мы хуже негровъ-невольниковъ; о тѣхъ заботятся, о насъ нисколько. На корабль офицеры поступаютъ съ нами.

какъ имъ заблагоразсудится. Если ты имѣешь смѣлость, и отвѣтишь слово, офицеръ, который тиранствуетъ надъ тобою, заковываетъ тебя въ желѣзы и конфискуетъ твое жалованье; за каждый день оковъ, онъ удерживаетъ недѣлю платы, и можетъ такимъ образомъ забрать все жалованье. Наши родственники дали намъ нѣкоторое воспитаніе, и мы теперь въ состояніи видѣть и чувствовать зло и несправедливости, намъ дѣлаемыя. Если не будутъ поступать съ нами лучше теперяшняго, мы *принуждены будемъ сдѣлаться пиратами*. Королевскій флотъ точно также недоволенъ, какъ купеческій. Если бѣ случилась война съ Франціею, мы могли бы сражаться противъ нея, потому что мы издавна питаемъ на нее зло. Что касается до меня, я не могу равнодушно видѣть француза. Дурно было не защитить острова отъ *Мусьё*; но на Америку, *у меня никогда не поднимется рука на нее*. Тамъ съ морякомъ обращаются какъ должно. Потому, говорю я, на насъ теперь разчитывать нельзя.

Американскіе корабли. — «Я Шотландецъ, но я оставилъ англійскую службу, и поступилъ на американскую. Прежде я былъ на борту одного изъ вашихъ англійскихъ кораблей, который шелъ въ Каллао, хотя не въ состояніи былъ держаться въ морѣ. Около Мыса Горна, мы не выпускали изъ рукъ помпъ. На бакъ до такой степени промокало, что нельзя было спать. Мы постоянно были въ опасности, а на морѣ нѣтъ средствъ отступить. Прибывъ въ Каллао мы жаловались консулу на состояніе корабля. — Онъ отвѣчалъ намъ, что онъ ничего не сдѣлаетъ для насъ, что это не его дѣло, и что мы могли умереть на улицахъ, если намъ угодно. — Между Лондономъ, Каллао и Клинчами, то есть горою Гуано, капитанъ три раза перемѣнилъ экипажъ. Всѣ старые матросы, за исключеніемъ двухъ или трехъ, остались въ Каллао. Чтожъ вы думаете, когда этотъ корабль воротился наконецъ въ Лондонъ? его починили, и нашли еще годнымъ къ переправленію эмигрантовъ въ Астралію, куда его и отослали. — Вотъ уже пять лѣтъ теперь, какъ я нахожусь въ американской службѣ. Она гораздо лучше англійской: тамъ и лучше жалованье, и пища лучше, и корабли лучше. Тамъ не убавляютъ у тебя половину пайка; голоденъ, такъ можешь вѣсть до сыта; притомъ, что на англійскомъ кораблѣ идетъ только въ капитанскую кюоту, у американцевъ идетъ на бакъ къ матросамъ. Я получаю теперь 15 долларовъ въ мѣсяць, то есть 3 фунта, 2 шиллинга и 6 пенсовъ, и ни малѣйшихъ хлопотъ съ тамождными. Табакъ съ собою

вы берете въ американскомъ портѣ, гдѣ онъ стоитъ 3 или 4 пенса фунтъ. Васъ снабжаютъ кофе, сахаромъ и ромомъ. Табакъ для жеванья, перваго сорта, стоитъ только 10 пенсовъ. Табакъ по 3 пенса за фунтъ такъ же хорошъ, какъ покупаемый вами здѣсь по 3 пенса за унцію. Такимъ образомъ тамъ за ту же цѣну вы будете имѣть фунтъ вмѣсто унціи. На англійскомъ кораблѣ, за ту же самую службу я получу по большей мѣрѣ 2 фунта или 2 фунта 5 шиллинговъ, и въ добровку постоянно буду умирать съ голоду. Постели на американскихъ корабляхъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ на англійскихъ. Потому скоро придетъ то время, когда всѣ лучшіе англійскіе моряки перейдутъ въ американскую службу. И теперь на американскихъ корабляхъ все почти англійскіе матросы. Нашъ экипажъ состоитъ изъ девятнадцати человекъ; четверо только природные американцы, остальные англичане. Я бѣжалъ въ Квебекъ. Побѣги англійскихъ матросовъ не уменьшатся до тѣхъ поръ, пока не будутъ лучше обращаться съ ними, лучше кормить ихъ. Дисциплина на американскихъ корабляхъ точно такая же, какъ на англійскихъ. Но въ Англии матросъ считается ни за что, тогда какъ въ Америкѣ каждаго матроса цѣнятъ настоящимъ образомъ. Тамъ матросъ человекъ. Если бы вспыхнула война, я могу отвѣчать за себя и за сотни другихъ, что мы будемъ сражаться не за Англію противъ Америки, а за Америку противъ Англии. Я не стану проливать кровь за страну, которая морить насъ съ голоду и обкрадываетъ. Нѣтъ, ни за что не стану я жертвовать жизнью за убавителей пайковъ.

Пароходы. — «Я двадцать лѣтъ служу на пароходахъ, истопникомъ и механикомъ. Я служилъ на пароходахъ королевскихъ и на пароходахъ купеческихъ, во всѣхъ частяхъ Средиземнаго моря, отъ Гибралтара до Одессы, въ западной Индіи, на берегахъ французскихъ, бельгійскихъ и голландскихъ, въ Гамбургѣ, въ Балтійскомъ морѣ, въ Испаніи и Португаліи. Я участвовалъ въ экспедиціи Донъ Педро, подъ начальствомъ капитана Макъ-Дугалла. Наконецъ я состоялъ на каботажной службѣ, около береговъ англійскихъ шотландскихъ и ирландскихъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я служилъ на пароходѣ, ходившемъ изъ Лондона въ Булонь. Я получалъ въ недѣлю 30 шиллинговъ, безъ харчей. Теперь еслибъ я занялъ опять то же мѣсто, съ двадцатилѣтнею опытностью, мнѣ дали бы 24 шиллинга только, вмѣсто 30. Прежде механикъ получалъ въ недѣлю 3 фунта, безъ

харчей, теперь онъ получаетъ отъ 38 до 44 шиллинговъ, это много. Последнее мое путешествіе было въ Марсель, и я какъ истопникъ получалъ 20 шиллинговъ въ недѣлю; правда насъ кормили; но я лучше согласился бы ѣсть свой хлѣбъ, потому что припасы, которые намъ давали, были чрезвычайно дурны.

«Постели и содержаніе людей вообще стало хуже, чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ симъ. Нисколько не беспокоятся о томъ, какъ толпимся мы въ самыхъ ужасныхъ норахъ. Особенно помѣщеніе дурно бываетъ на желѣзныхъ пароходахъ. Желѣзо всегда бываетъ холодно и мокро; сырость проникаетъ и въ постель, такъ что, по выходу изъ печнаго жара, мы рѣшительно замерзаемъ въ нихъ. Чтобы выносить такую жизнь, надо имѣть днемъ сложеніе перга а ночью сложеніе эскимоса.

«Я служилъ на американскихъ пароходахъ, и потому знаю, отчего англійскіе матросы недовольны. *Ни одинъ изъ насъ, если случится война не захочетъ сражаться противъ Америки.* На томъ американскомъ пароходѣ, на которомъ я служилъ, *кромя троихъ, весь экипажъ, съ капитаномъ исключительно, состоялъ изъ Англичанъ.* А насъ было ни-много-ни-мало *сто тридцать шесть* человекъ.»

Впрочемъ не въ одномъ купеческомъ флотѣ Англій замѣчается такой упадокъ; и военный паровой флотъ ея находится не въ лучшемъ состояніи, несмотря на огромныя суммы, ежегодно издерживаемыя на него адмиралтействомъ.

Интересно прочитатъ письмо, адресованное лорду Джову Росселю адмираломъ Непиромъ въ іюнь 1849 года.

Этотъ документъ, надѣлавшій много шума въ Англій, заслуживаетъ уваженіе, потому что исходить отъ человека, въ совершенствѣ знающаго британскій флотъ. Адмиралъ Непиръ командовалъ англійскою эскадрою въ Лиссабонѣ, во время реставраціи Дона Педро, и при Сен-Жан-д'Акрѣ, въ восточной экспедиціи.

.... Милордъ, пишеть онъ, я обязанъ былъ войти во всѣ эти подробности, чтобъ доказать, что съ столь недостаточными паровыми морскими силами страна не безопасна. У Французовъ паровой флотъ гораздо сильнѣе нашего. У насъ больше лошадиныхъ силъ и я думаю значительнѣе вмѣстительность; но, милордъ, Франція имѣетъ двадцать паровыхъ фрегатовъ, изъ которыхъ каждый можетъ

принять тридцать двѣ пушки и легко перевезти двѣ тысячи солдатъ. Эти корабли, повидимому, построены были для исполненія должности пакетботовъ, а потомъ преобразованы въ военныя суда; и хотя адмиралтейству не разъ было сообщаемо объ этомъ, оно не вѣрило, или по крайней мѣрѣ показывало, что не вѣрить. Я видѣлъ эти корабли, я всходилъ на нихъ и удостоверился въ этомъ. Теперь я думаю въ этомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ извѣстно, что нѣкоторые изъ этихъ пароходовъ не много больше, чѣмъ въ сутки перевезли каждый по двѣ тысячи человекъ изъ Тулона въ Чивита-Веккию, а одинъ съ кораблемъ на буксирѣ переправилъ цѣлый полкъ кавалеріи. — Я не буду спрашивать у васъ, милордъ, за чѣмъ въ настоящую минуту Французы въ Римъ. — Для моего доказательства достаточно, что они находятся тамъ, и переправились, *не предупредивши* Римлянъ о своемъ прибытіи.

— Я советую вашему сіятельству посмотреть на картъ, на разстояніе, отдѣляющее Тулонъ отъ Чивита-Веккии, и разстояніе, существующее между Шербуромъ и Портлендомъ. Экспедиціи, милордъ, въ настоящее время уже не то, что онѣ были до изобрѣтенія пара и желѣзныхъ дорогъ. Тогда потребны были цѣлые мѣсяцы для собранія войскъ и средствъ къ переправѣ, и потомъ потребны были еще мѣсяцы для приведенія ихъ къ мѣсту назначенія.

«Теперь Французы осаждаютъ Римъ; — очень вѣроятно, они овладѣютъ имъ, и мы, очень вѣроятно, сдѣлаемъ представленія, если осмѣлимся. Ужели вы, милордъ, забыли Сирійское дѣло, когда почти объявлена была война, когда корабли наши ожидали людей нѣсколько мѣсяцевъ въ Спитгедв, когда Французы такъ превосходили насъ, *что мы могли быть разбиты по частямъ?* Если вы, милордъ, забыли это, то я не забуду! — Развѣ вы, милордъ, забыли Таитское дѣло, гдѣ мы до такой степени были безсильны, что принуждены были кончить его, дурно ли хорошо ли, лишь бы кончить?»

«Развѣ вы забыли, милордъ, что мы послали флотъ въ Копенгагенъ, и захватили Датскій флотъ, *среди глубокаго мира, безъ объявленія войны?* — Развѣ вы забыли, милордъ, что мы послали эскадру перехватить испанскіе корабли, то же безъ объявленія войны? — Наконецъ, милордъ, развѣ вы забыли письмо, въ которомъ герцогъ Веллингтонъ изложилъ беззащитное состояніе нашей страны?»

«Я не забуду ни одного изъ этихъ фактовъ и съ величайшею боязнію смотрю на настоящее наше положеніе. Лордъ Ландсдоунъ сказалъ, что мы еще не сдѣлали должныхъ представленій Франціи

и Австріи противъ ихъ политики. Я спрашиваю у вашего сіятельства: да въ состояніи ли мы дѣлать подобнаго рода представленія? Когда Римъ будетъ взятъ, — я не знаю, что тогда случится? Если мы произнесемъ угрозу, если мы произнесемъ одно враждебное слово, что воспрепятствуетъ Французамъ собрать тѣже самые пароходы, которые переправили французскую армію въ столицу католическаго міра, и *перевезти армію въ столицу протестантскую?* — На это отвѣтятъ, быть можетъ, что у нихъ безъ того полны руки дѣла, и что они заняты междуусобными распрями? Но, милордъ, ничто не соединяетъ ихъ такъ, поспѣшно, какъ военный крикъ. Въ своей рѣчи президентъ сказалъ Франціи, что она имѣетъ армію въ четыреста пятьдесятъ тысячъ; что она имѣетъ парусный флотъ почти равный нашему, а паровой гораздо выше нашего.

Теперь французская армія, кажется, раздѣлена партіями, но если мы осмѣлимся сдѣлать представленіе, — если осмѣлимся прошептать одно задорчивое слово, — правительству стоитъ только поднять руку и произнести имя Англіи, и вся армія, красные республиканцы, словомъ всѣ бросятъ шапки вверхъ, и побѣгутъ къ морскому берегу, точно также, какъ золотоискатели бѣгутъ въ Калифорнію. И они нашли бы здѣсь болѣе богатую и болѣе легкую добычу, чѣмъ копать землю».

«И чѣмъ мы, милордъ, воспрепятствуемъ этому? — Если бы между Дувромъ и Кале былъ мостъ, и Франція была бы спокойна, сняли ли бы вы своихъ часовыхъ? — Тѣмъ болѣе нельзя на это отважиться, когда Людовикъ Филиппъ сверженъ съ трона. — Есть мосты, милордъ, подвижные. — По одному изъ такихъ мостовъ тридцать тысячъ человекъ перешли изъ Тулона въ Римъ. По другому, еще большая сила можетъ перейти изъ Шербурга въ Портлендъ».

«Скажутъ, быть можетъ, что я раскрываю наготу страны. Письмо герцога Веллингтона сдѣлало это уже прежде меня; впрочемъ въ этомъ отношеніи письмо его превосходительства было лишнимъ. Французское правительство не хуже насъ самихъ знаетъ силу каждаго военнаго корабля, состояніе каждаго полка, число нашихъ пушекъ, и смѣю сказать, даже число ружей, заключающихся во всѣхъ нашихъ арсеналахъ. Признаюсь: меня тревожитъ беззащитное наше состояніе, и дай Богъ, чтобы я въ свою очередь встрѣжилъ правительство, парламентъ и націю»...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗАГРАНІЧНЫЯ.

Взглядъ Французовъ на Прибалтійскія гавани Россіи. Ревель; Кронштатъ. Непрístupность Кронштата съ моря. — Невозможность блокады. — Воздушныя замки. — Умѣнье пускать пыль въ глаза. — Наполеонъ и Маршалъ Массена. — Лудовикъ Наполеонъ и передѣлки въ Булонскомъ лѣсу. — Панегирикъ въ родѣ эпитаграммы. — Новыя сочиненія о Турціи. — Художникъ турко-филъ. — Дѣйствія Англичанъ при Копенгагенѣ, Сень-Жанъ-Дакръ и Алжирѣ. — Англійскія скачки во Франціи и французскія лягушки въ Англіи. — Дѣйствіе того и другаго на оба союзныя народа.

Недавно еще Англичане, а вслѣдъ за ними и скороспѣлые ихъ союзники (что прежде вѣчные враги) Французы, рукоплескали хвастливымъ рѣчамъ адмирала Непира, который, какъ-то немножко *развеселившись*, вообразилъ, что ужъ одно появленіе его новой *Армады* въ Балтійскомъ морѣ, приведетъ Русскіхъ въ ужасъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ, вѣроятно бывъ въ состояніи болѣе нормальномъ, *gallant admiral* объявилъ своимъ соотечественникамъ и союзникамъ, чтобы они не ожидали отъ него подвиговъ слишкомъ блестящихъ, потому, дескать «что мнѣ, Чарльзу Непиру, предстоить имѣть дѣло съ непріателемъ сильнымъ, храбрымъ, у котораго дешево ничего взять нельзя, и который притомъ успѣлъ приготовиться къ оборонѣ». Теперь, наконецъ, пока Непиръ плаваетъ по Балтійскому морю, ждетъ, какъ говорится, погоды, и по слухамъ, вѣроятно уже дошедшимъ до него изъ Одессы о четырехъ пушечной

батарея Щеголева, видѣть еще яснѣе, что у Русскихъ дешево не дается не только настоящая крѣпость, но даже и деревянная, наскоро устроенная плотина,—издатели французскихъ газетъ, какъ бы начиная уже предвидѣть, что кампанія союзнаго бальтійскаго флота едва ли будетъ имѣть не только блестящія, но хотя сколько-нибудь значительные, результаты,—печатаютъ и перепечатаваютъ въ своихъ изданіяхъ обзорнѣе нашихъ бальтійскихъ гаваней. Гавани эти, по ихъ взгляду: то *довольно крѣпки*, то не *совсѣмъ удобны* для подхода кораблей. А о Кронштатѣ, который Непирь грозился взять чуть ли не въ пять часовъ, теперь идетъ совершенно другой вопросъ: они толкуютъ ужь не о томъ, во сколько часовъ можно взять Кронштатъ,—а о томъ только — естли какая-нибудь возможность его взять?

Приводимъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ этой статьи.

«Ревель, столица Эстоніи, составляетъ одинъ изъ главныхъ военныхъ портовъ Россіи, и одну изъ значительныхъ ея крѣпостей. Онъ во 130 верстахъ отъ Петербурга. Число жителей его простирается отъ 20 до 25 тысячъ. Ревельскій портъ глубокъ и обширенъ. Тамъ верфь для постройки кораблей, морской арсеналъ, пушечный литейный заводъ и все нужное для военного порта. Ревель, стоящій на возвышеніи, хорошо укрѣпленъ, особенно со стороны гавани, надъ которой господствуетъ крѣпость, хотя нѣсколько и отдаленно. Фарватеръ, составляющій входъ въ гавань, пролегаетъ между наносныхъ островковъ и песчаныхъ отмелей, между которыхъ чрезвычайно трудно пройти безъ вѣхъ и другихъ признаковъ, снятыхъ теперь по случаю военного времени.

«Островъ Кронштатъ имѣетъ три мили въ длину и полторы въ ширину, но западная часть его очень суживается. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ песчаными отмелями, кромѣ юго-западной оконечности, на которой устроенъ городъ и портъ. Песчаная отмель, идущая отъ Ораніембаума, около берега Ижорской земли, почти до самаго Кронштата, оставляетъ только излучистый и очень узкій фарватеръ, для входа въ портъ съ открытаго моря».

«Не смотря на то, что Кронштатъ составляетъ и первый военный портъ и первый морской арсеналъ въ цѣлой Россіи, гавань его не имѣетъ той глубины, какую имѣетъ ревельская. Собственно въ гавани хотя и есть мѣста отъ 30—35 футовъ глубины, но фарватеръ не глубже 25 футовъ. Для обыкновенныхъ линейныхъ кораблей этого достаточно, но для новыхъ, 130-ти пушечныхъ, какъ напримеръ, Веллингтоновъ, мелко, потому что этотъ корабль не отва-

жились проехать ни через Зундъ, ни через Королевскій проливъ въ Копенгагенъ. Полагаютъ, что для него нужна глубина отъ 26—27 футовъ, и въ особенности для безопаснаго плаванія по узкому мѣсту, окруженному подводными отмелями. Отъ Кронштата до Петербурга нѣтъ уже хода для военныхъ кораблей, а есть только рейдъ, глубина котораго ограничивается 15-ю или 16-ю футами. Этотъ рейдъ, хотя и огражденъ съ одной стороны Кронштатомъ, а съ другой высотами Ораніембаума, но и то и другое худо защищаетъ его отъ вѣтровъ. Еще далѣе къ Петербургу оконечность Финскаго залива имѣетъ только до 8 футовъ глубины. Купеческіе корабли, съ нѣсколькими тяжелымъ грузомъ, остаются или въ Кронштатѣ или на этомъ рейдѣ, откуда грузъ ихъ перевозится въ Петербургъ уже на легкихъ судахъ.

«Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ Кронштатѣ его батареи, гранитныя укрѣпленія и широкая гранитная набережная, окружающая три пристани: купеческую, и двѣ военныя, изъ которыхъ одна служитъ для починки и вооруженія кораблей, другая для помѣщенія дѣйствующей флотиліи. Верфь, деки, магазины, мастерскія, резервуары, спуски — все сдѣлано въ Кронштатѣ превосходно. Вездѣ видны вкусъ, изящество, великолѣпіе».

«Входъ въ пристани, о которыхъ сказали мы, и самое приближеніе къ нимъ, защищены пятью укрѣпленіями, выходящими, такъ сказать, изъ моря, и семью укрѣпленіями береговыми, устроенными на самомъ гребнѣ набережной изъ огромныхъ кусковъ тесаннаго гранита, до того, какъ говорятъ твердаго, что его нельзя разбить ядрами. Всѣ эти укрѣпленія вооружены двухъ и трехъ-этажными закрытыми батареями, орудія которыхъ направлены вдоль излучинъ фарватера такъ, что носовая часть всякаго судна, входящаго въ него, подвергается страшной массѣ выстрѣловъ, не имѣя между тѣмъ никакой возможности отвѣчать на эти выстрѣлы съ своихъ бортовъ, потому, что для этого корабль или долженъ бы былъ повернуться къ батареямъ бокомъ, или поравняться съ ней. Но перваго на узкомъ мѣстѣ ему сдѣлать нельзя; а прежде, чѣмъ онъ поравняется съ батареей, онъ будетъ разстрѣлянъ въ щепы. И если одинъ корабль попадетъ въ такое положеніе, остальные не могутъ ни подать ему помощи, ни продолжать свое плаваніе и вступить въ атаку».

«Изчислимъ всѣ укрѣпленія и батареи, подъ которыми надобно проходить въ Кронштатѣ. Начнемъ съ береговыхъ: 1) Петерсфортъ, выдающійся въ море круглой куртеной, по бокамъ которой устроены два бастиона, съ пробитыми въ стѣнахъ амбразурами. Надъ правымъ бастиономъ, или точнѣе башней, возвышается корабельная мачта, на которой выкидывается сигналъ, возвышающій о прибли-

женія кораблей. Подъ этого укрѣпленія поставлена еще небольшая плоская батарея. 2) Кессель-батарея, открытая и обведенная парапетомъ. 8-ми пушечная. 3) Пристанная батарея, устроенная вѣн городской стѣны, на небольшомъ мысѣ, — 10-ти пушечная. 4) Большая батарея, прикрывающая торговый портъ съ западной стороны, расположенная на набережной; она поставлена фасомъ противъ входящихъ судовъ и вооружена 70-ю пушками и 12-ю мортирами — всего 82-мя орудіями. На этомъ пунктѣ набережная дѣлаетъ уголъ, поворачивая отъ запада къ востоку. 5) Фортъ Меньшиковъ, противъ набережной военно-запаснаго порта. Это довольно высокая башня, имѣющая форму обширнаго параллелограмма, пробитаго 44-мя амбразурами, расположенными въ четыре этажа, считая въ томъ числѣ и платформу. На этой послѣдней поставлены 80-ти и 110-ти фунтовыя бомбическія пушки, калибръ которыхъ вмѣщаетъ въ себя бомбы отъ 10 до 12 дюймовъ въ діаметрѣ. 6) Батарея, господствующая надъ набережной военно-запаснаго порта, и наконецъ, 7) батарея, прикрывающая портъ дѣйствующей флотиліи, находящейся на восточной оконечности какъ острова, такъ и самаго города. При указаніи на укрѣпленія, расположенныя по набережной, мы разумѣли подъ этимъ словомъ не собственно набережную гранитную, спускающуюся къ морю ступенями, но широкую плотину, опоясывающую все три порта, и отдѣляющую ихъ одинъ отъ другаго. Она устроена изъ свай, фашишнику и земляной насыпи, столько твердой и прочной, что она служитъ основаніемъ для батарей и путемъ для провоза различныхъ матеріаловъ и тяжестей. Каждая изъ трехъ пристаней имѣетъ по два входа, и каждый изъ этихъ шести входовъ прикрытъ большимъ полулуномъ, то-же устроеннымъ на сваяхъ. Эти полулуны составляютъ бока куртинъ, образуемыхъ платиною».

«Таковы береговыя укрѣпленія и батареи Кронштата, съ которыхъ направлено на фарватеръ 150 орудій, вмѣстѣ съ 400-ми орудіями, расположенными на пяти укрѣпленіяхъ, окруженныхъ водой. Не нужно и говорить, что фарватеръ проходитъ посреди всѣхъ этихъ укрѣпленій, но надобно замѣтить, что всякая попытка пройти вѣн ихъ выстрѣловъ, невозможна, потому что въ такомъ случаѣ угрожаетъ неминуемая опасность съѣсть на мель. Сдѣлаемъ теперь подробное обозрѣніе тѣхъ укрѣпленій, которыя, какъ ужъ сказали мы, устроены посреди воды, на нѣсколькихъ островкахъ и отмѣляхъ. 1) Фортъ Константинъ, находящейся почти противъ форта Петерса и Кессель-батареи. Онъ устроенъ изъ огромныхъ сосновыхъ брусевъ, чрезвычайно прочно скрѣпленныхъ и до того твердыхъ,

что ядра отъ нихъ отскакивають (!!!) (*). На немъ одинъ рядъ закрытыхъ амбразуръ, изъ-за которыхъ смотрять 25 орудій большаго калибра; 2) фортъ Александръ, круглой формы, составляющій огромную гранитную массу, унизанный закрытыми амбразурами въ четыре этажа, и вооруженный 116-ю орудіями, частью 70-ти и 80-ти фунтоваго калибра, для ядеръ отъ 8 до 10 дюймовъ въ діаметрѣ, частью обыкновеннаго 32-хъ фунтоваго калибра; 3) фортъ Св. Петра, гранитный, находящійся передъ пристанной баттареей, и вооруженный 50-ю пушками, изъ которыхъ 28, поставлены за закрытыми амбразурами, а остальные за парпетомъ; 4) фортъ Рисбанкъ вполонину гранитный, вполонину деревянный, съ двумя этажами амбразуръ, помѣщающихъ въ себя 60 пушекъ. Это укрѣпленіе не совсѣмъ оконченное, и самое отдаленное отъ острова; 5) большой фортъ Кроншлотъ или фортъ Коронный, есть самое древнее укрѣпленіе и самое ближайшее къ порту. Онъ имѣетъ форму неправильнаго пятигольника съ бастіонами на каждомъ углу; 56 орудій поставлены на немъ въ закрытыхъ амбразурахъ, и 32 на открытой баттарее съ парпетомъ. Одной стороной фортъ Кроншлотъ обращенъ къ форту Меньшиковъ, и проходъ между этими двумя страшными укрѣпленіями не шире 200 метровъ. Фортъ Меньшиковъ построенъ на морѣ, но мы причислили его къ береговымъ укрѣпленіямъ потому, что онъ соединяется съ островомъ плотинной и запираетъ каналъ со стороны острова, т.-е. съ лѣвой корабля, который къ нему подходитъ, а Кроншлотъ съ противоположной».

«Изчисленіе всѣхъ этихъ укрѣпленій даетъ намъ въ итогъ 12 страшныхъ баттарей, съ пятью стами орудій, состоящихъ изъ пушекъ, мортиръ и гаубицъ самаго большаго калибра, и огонь которыхъ направленъ перекрестно на всѣ нужные пункты. Кронштатъ былъ хорошо укрѣпленъ издавна, но изъ двѣнадцати изчисленныхъ нами укрѣпленій два: фортъ Меньшиковъ и фортъ Рисбанкъ, устроены уже Императоромъ Николаемъ. Всѣ люди, знающіе дѣло, соглашаются, что атака Кронштата съ моря представляетъ слишкомъ мало вероятностей къ успѣху. Позади гавани вода слишкомъ мелка, — следовательно обойти островъ кругомъ невозможно. Узкость фарватера, по которому корабли должны подходить къ крѣпости, лишаетъ ихъ всякой возможности вытянуть фронтъ и открыть огонь со всѣхъ бортовъ въ то самое время, когда батареи начнутъ ужъ ихъ громить своими перекрестными выстрѣлами. Въ случаѣ неудачной атаки, потеря флота была бы слишкомъ велика и могла бы ослабить его до того, что уже русскій флотъ превзошелъ бы его своей силою».

(*) Видно Французъ ужъ испытали, что и дерево-то русское здоровье ихъ чугуна.

«Но мы описали только южную сторону острова и города Кронштата. Взглянемъ теперь на сѣверную. Съ этой стороны идетъ тоже морской рукавъ, сливающийся съ Невой, но онъ не глубже 4-хъ или 5-ти футовъ, и слѣдовательно по немъ не могутъ проходить военные корабли даже и третьяго разряда. Кромв того этотъ проходъ, между сѣверо-восточной оконечностью Кронштата и небольшимъ мысомъ Лизенезе, загороженъ двумя рядами свай, между которыми навалены огромные камни».

«Береговыя укрѣпленія этой стороны, состоятъ изъ плотины, фланги которой прикрыты полулунками, устроенными на сваяхъ и насыпи. На куртлинахъ сдѣланы батареи, въ формѣ кавальеровъ, каждая о 16 пушкахъ, поставленныхъ въ закрытыхъ амбразурахъ. Крѣпостной валъ съ западной стороны, насыпанный на самомъ материкѣ острова, спускается уступами къ глубокому рву, который, перерѣзывая островъ во всю его ширину, соединяется обѣими своими оконечностями съ моремъ и наполняется его водой. Противъ этого вала и въ одной милѣ разстоянія отъ него, на вдающемся въ море языкѣ земли, поставлены четыре укрѣпленія, защищающія подходъ къ острову съ обѣихъ оконечностей западной его стороны. Главное изъ этихъ укрѣпленій есть небольшой фортъ Александръ, съ четырьмя узкими бастіонами; онъ прикрытъ еще батареей, обращенной на каналъ съ южной его стороны, редутомъ Михаилъ, находящимся между этими двумя укрѣпленіями, и зубчатымъ ретраншаментомъ, занимающимъ всю ширину острова въ этомъ мѣствѣ. Наконецъ на самой оконечности той стороны есть еще батарея или редуть, называемый фортъ Екатерина. Мелководье, окружающее Кронштатъ, гранитныя укрѣпленія и батареи южной его стороны, земляныя укрѣпленія сѣверной, западной и восточной сторонъ, сотни орудій, направленныхъ на всѣ осадные пункты—составляютъ въ целомъ массу грозную и неприступную».

Послѣ этого обозрѣнія всѣхъ укрѣпленій Кронштата, и сознанія въ томъ, что съ моря онъ взять быть не можетъ, французскіе журнальные стратегики начинаютъ придумывать, нельзя ли взять его какимъ-нибудь другимъ способомъ.

На всѣ разсужденія французскаго стратегика по этому случаю всего лучше отвѣчать стихами его же соотечественника Лафонтена:

Quel esprit ne bat la campagne?
 Qui ne fait chateaux en Espagne?

 Autant les sages que les fous:
 Chacun songe en veillant, il n'est rien de si doux.

Потомъ мы напомнимъ ему сказку объ Альнакартъ и жалкій результатъ всѣхъ его заносчивыхъ мечтаній, и наконецъ приведемъ послѣднюю строфу прекрасныхъ стиховъ кн. П. А. Вяземскаго, напечатанныхъ въ 8 кн. нашего журнала.

... Былъ Витгенштейнъ, Багратионъ, Раевской,
 Да и теперь есть кое-кто у насъ:
 Пришла жь вамъ мысль испить водицы Невской!
 Такъ чтожь? гостямъ мы рады, въ добрый часъ!
 Но знай впередъ, кто бь ни былъ ты, дружище,
 Вода Невы опасна новичкамъ;
 Она—она—какъ бы сказать почище?
 Но послѣ мы о томъ напомнимъ вамъ.

Описавъ потомъ всѣ остальные наши прибалтійскія гавани и найдя ихъ болѣе или менѣе неприступными, авторъ этой статьи, въ заключеніе ея, вотъ что говорить о русскомъ флотѣ:

«Русскіе матросы, выбираемые на эту службу, преимущественно изъ Финляндцевъ, превосходны, и тѣ, которые отзываются съ пренебреженіемъ какъ объ офицерахъ такъ и вообще обо всемъ экипажѣ русскихъ кораблей, впадаютъ въ страшную ошибку. Правда, что русскій Балтійскій флотъ не выходитъ никуда изъ этого моря, но за то въ немъ русскіе моряки, по твердому знанію мѣстности, имѣютъ надъ нашими важное превосходство».

— Наполеонъ (не Лудовикъ, а настоящій Наполеонъ), бывши какъ-то на охотѣ, ранилъ, неудачнымъ выстрѣломъ, маршала Массену въ глазъ. Рана была не опасная и не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій, но Массена долженъ былъ однакожъ просидѣть нѣсколько дней дома и прибѣгнуть къ медицинскому пособию. Наполеонъ, желая загладить свой промахъ, слишкомъ невыгодный для маршала, послалъ ему сказать, что назначаетъ его главнокомандующимъ Испанскою арміею, и для передачи ему всѣхъ нужныхъ по этому случаю инструкцій ждетъ только его выздоровленія. Это назначеніе дѣйствительно польстило самолюбію Массены. Онъ почти забылъ свою болѣзнь и сказалъ съ веселымъ видомъ: «Да, онъ всегда былъ мастеръ пускать пыль въ глаза».

Лудовикъ Наполеонъ старается подражать и въ этомъ отношеніи своему дядюшкѣ, и между тѣмъ какъ *размахиваетъ* его *шпагой*, никакъ не забываетъ пускать пыль въ глаза *великому* народу, который, какъ кажется, не совсѣмъ доволенъ его воинственнымъ азартомъ.

Въ *Монитеръ* отъ 9 апрѣля напечатано слѣдующее:

«Сегодня, 8 апрѣля, въ присутствіи Ихъ В.В. Императора и Императрицы, происходило открытіе новыхъ украшеній, сдѣланныхъ въ Булонскомъ лѣсу. Вода изъ Сены проведена въ рѣку, ко-

торая начинается съ середины Мортемара, и земляныя работы которой совершенно уже кончены».

« Скалу, съ которой должна падать вода, работники украсили бандеролями, знаменами, и щитомъ съ слѣдующей надписью: *Работники Императору и Императрицѣ*. На вершинѣ скалы былъ поставленъ, на пьедесталѣ, Императрицынъ бюстъ.

« Для присутствія на этомъ торжествѣ была наряжена мѣстная національная гвардія.

« Въ три часа пріѣхали Императоръ и Императрица, приветствуемые кликами работниковъ и многочисленной толпы. Они заняли мѣсто, съ великой герцогиней Баденской, подъ нарочно приготовленной для нихъ палаткой. »

« По знаку, поданному сенскимъ префектомъ, вода поднялась на скалу и полилась оттуда, каскадомъ, въ рѣку. »

« Ихъ Величества сѣли въ карету при громкихъ кликахъ: да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Императрица! »

« Вода поднимается въ резервуаръ рѣкъ Булонскаго лѣса посредствомъ насосовъ. Оттуда она проведена на скалу подземной трубой, въ 40 саженъ длины. Прочія работы и измѣненія въ Булонскомъ лѣсу продолжаютъ дѣлаться, и въ скоромъ времени будутъ окончены. »

По системѣ преобразованія Булонскаго лѣса въ англійскій паркъ, оказалось необходимымъ поднять средину Мортемара, составляющую самый возвышенный пунктъ мѣстности, еще на двѣнадцать или пятнадцать метровъ, посредствомъ насыпи. Это обстоятельство повело къ операціи, чрезвычайно любопытной для садоводовъ.

Распорядитель работъ, г. Варе, никакъ не хотѣлъ, при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, пожертвовать прекраснымъ ливанскимъ кедромъ, который уже лѣтъ двадцать какъ посаженъ на срединѣ Мортемара, гдѣ надобно дѣлать насыпь. Г-ну Варе пришла мысль поднять и его, совсѣмъ его корнями, по мѣрѣ насыпи.

Онъ велѣлъ обрѣть вокругъ пил, на одинъ метръ разстоянія, канаву въ два метра глубины; потомъ, сколотивъ изъ достокъ ящикъ около земли, вырытой изъ канавы и приваленной къ дереву, кедръ, посредствомъ инструментовъ нарочно для того сдѣланныхъ, вытащили изъ материка, и поддержали на подмосткахъ, четырьмя контръ-форсами.

Для этого употребили восемь багровъ, перекинутыхъ черезъ высокіе блоки. Около канавы срубили прочную платформу, на которой и утвердили контръ-форсы. Кромѣ того, для поддержанія равновѣсія, дерево обвязали во многихъ мѣстахъ канатами, которые потомъ прикрѣпили къ окружающимъ его подмосткамъ.

Передъ тѣмъ, когда надобно было поднимать кедръ, привезли и приготовили вагоны съ землей; потомъ начали дѣйствовать блоками, и кедръ, вмѣстѣ съ досчатой кадкой, наскоро устроенной, какъ уже мы видѣли, около его корня, поднялся на три фута. — Между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ висѣлъ на воздухъ, съ вагоновъ, устроенныхъ по *опрокидной* (*bascule*) системѣ, подсыпали подъ него, въ канаву, все нужное количество земли, для его поддержанія.

На другой день та же операція повторилась, и такимъ образомъ будетъ она повторяться до тѣхъ поръ, пока кедръ поднимется до назначенной высоты.

Часто пересаживали большія деревья и безъ этого способа, но деревья такія, корни которыхъ могутъ оставаться обнаженными на нѣкоторое время безъ большаго вреда. Для дерева же столько нѣжнаго и такъ трудно принимающагося какъ кедръ, предосторожность г-на Варе была необходима.

— Людовику-Наполеону не счастливится съ сравненіями изъ Римской Исторіи: одинъ изъ его письменныхъ маршаловъ, г. Гранье де Кассаньякъ, напечаталъ длинную статью въ *Constitutionnel* объ его литературныхъ заслугахъ, и въ заключеніе кто же попалъ на языкъ пылкому панегиристу? Неронъ. Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ. А панегириста вѣрно попуталъ лукавый: *Saulx-Tavannes blamait Neron avec justice de s'être borné à regretter, en mourant, le lettré que perdoit l'Italie. L'Italie et le monde avoient perdu bien plus encore; ils avoient perdu, depuis la seconde moitié du regne de Tibère, la tradition de la grande et nationale politique de César et d'Auguste. Les lettres assises n'en sont pas moins dignes d'admiration et de respect, surtout lorsque leurs oeuvres mettent en lumière les plus nobles cotés de la pensée humaine, et lorsqu'elles sont pour un pays, comme Napoléon III l'a été pour la France, la reconnaissance de la société et de la monarchie, avec un grand écrivain de plus.*

— Во Франціи, по случаю улучшеній и переменъ въ Булонскомъ лѣсу, г. Варе придумалъ новый способъ пересадки деревъ, — въ Англии, по случаю войны, придумали новаго устройства вагоны для раненыхъ. Кузовъ каждаго вагона раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ въ каждой можно помѣстить четырехъ раненыхъ, уложивъ ихъ очень спокойно. На наружныхъ мѣстахъ могутъ еще помѣститься шесть человекъ, раненыхъ не такъ тяжело. Вагоны эти на лежащихъ рессорахъ, и при томъ спокойствіи и удобствѣ, какія могутъ найти въ нихъ раненые, они и сами очень удобны для перевозки. Говорятъ, что такихъ вагоновъ отправлено въ Восточную армию уже достаточное количество.

— По поводу настоящихъ событій все европейскія литературы наводнены сочиненіями о Востокъ вообще и о Турціи въ особен-ности. Въ Парижѣ выходитъ выпусками: «Историческая, политическая и живописная картина Россіи и Турціи.» (*Tableau historique, politique et pittoresque de la Russie et de la Turquie*). Изъ нея помѣщены во французской Иллюстраціи два рисунка: «Русскій военный обозъ» и «Сраженіе при Ольтеницѣ». Въ какомъ духъ писанъ текстъ книги, мы не знаемъ, потому что въ Иллюстраціи не приводятъ изъ нея ни одного отрывка, но судя по картинкѣ, изображающей сраженіе при Ольтеницѣ, надобно думать, что издатели принадлежать къ числу *туркофиловъ*: въ русскихъ рядахъ видны убитые и раненые, — въ турецкихъ — ни одного!... а между тѣмъ въ картинкѣ схваченъ самый пылкій моментъ сраженія. Видно художникъ, рисовавшій ее, вопреки старинной и извѣстной намъ поговорки Суворова, крѣпко *жалеть бусурмановъ*. Русскій военный обозъ, ввроятно, показался художнику любопытнымъ сюжетомъ для картинки потому только, что все обозныя тяжести подвозятъ на волахъ и въ длинныхъ малороссійскихъ арбахъ.

Полковникъ Шеней (*Chesney*), тотъ, который недавно составилъ «Географическое изслѣдованіе объ Эфратѣ», издалъ «Описаніе Турецко-Русской кампаніи 1828 и 1829 годовъ, съ примѣчаніями, относящимися къ настоящей войнѣ. Какъ человекъ положительный, Шеней смотритъ на вещи безъ увлеченія, и подсмѣивается надъ теми, которые однимъ почеркомъ пера взяли уже и Кронштатъ и Севастополь. По его мнѣнію союзная эскадра ровно ничего не можетъ сдѣлать Севастополю, и онъ горячо оспариваетъ тѣхъ, которые, по этому случаю, приводятъ въ примѣръ Копенгагенъ, Алжиръ и Сень-Жанъ-Дакръ. Во время блокады Копенгагена, — говоритъ онъ, — Нельсонъ самъ былъ въ критическомъ положеніи, и его грозное письмо заставило замолчать непріятельскія баттаренъ въ самую ту минуту, когда онъ боялся быть разгромленъ ими. При взятіи Алжира, лордъ Эксмутъ обманулъ непріятеля переговорами, и пока длилъ ихъ, нечувствительно вводилъ, одинъ по одному, свои корабли въ гавань. При Сень-Жанъ-Дакрѣ Египтяне тоже дали время открытъ къ нему путь англійскому адмиралу. Русскіе въ этихъ случаяхъ не любятъ подобныхъ *церемоній*». Книга Шенея любопытна при теперешнихъ обстоятельствахъ для всехъ вообще; а для людей, принимающихъ участіе въ нынѣшней войнѣ, въ особенности.

Туристы тоже доставили много отчетовъ о своихъ временныхъ, прогулкахъ по Турціи, и самая любопытная изъ нихъ, — это про-

гулка Варрингтона Смита, который много путешествовал по Америкѣ, былъ въ Россіи и татарскихъ степяхъ. Цѣлый годъ прожилъ онъ въ султанскихъ владѣніяхъ, и употребилъ этотъ годъ съ большою пользою. Онъ не любитъ пустыхъ разсужденій; онъ пишетъ только то, что видѣлъ и что подмѣтилъ, и описываетъ Турокъ такими, каковы они въ самомъ дѣлѣ. Не нравится ему полуазиатскій и полоевропейскій костюмъ, который султанъ Махмутъ началъ носить и вводить; но зато очень нравится турецкая кухня. По этой ли, личной, причинѣ, или потому, что теперь мода на Турокъ и на все турецкое и въ Парижѣ и въ Лондонѣ, — только Варрингтонъ Смитъ помѣстилъ, между прочимъ, въ своей книгѣ подробную карту.... вы вѣрно думали турецкой имперіи?... Нѣтъ, просто, турецкаго обѣда....

Такъ какъ весь этотъ обѣдъ состоитъ изъ сластей, пряностей и отчасти даже изъ *хашиша*, приготовляемаго въ родѣ конфектъ, обернутыхъ въ фиговныя листья, то Французы и Англичане боятся, что всѣ эти блюда будутъ не совсѣмъ по вкусу ихъ солдатамъ. А больше всего побаиваются они *хашиша*, который, какъ извѣстно, имѣя то же самое наркотическое свойство, какъ и опиумъ, подчасъ можетъ превратить европейскую дисциплину чисто въ турецкую. Мы знаемъ, что страсть къ опиуму и хашишу прививается къ людямъ, вкусившимъ этихъ веществъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ страсть къ пьянству; теперь, въ добавокъ ко всѣмъ чудесамъ, совершающимся въ Европѣ, недостаетъ только того, чтобы образованныя нація, хлопотавшія такъ сильно объ уничтоженіи торговли опиумомъ въ Китаѣ, сами пристрастились къ подобнымъ снадобьямъ.

— Говоря о кушаньяхъ и вкусахъ, нельзя не сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Французы и Англичане сдружились, они начали передавать другъ другу и свои вкусы: французы получили вкусъ къ англійскимъ *steepie chase*, и недавно многіе парижскіе *джентльмены* отличались въ запуски съ Англичанами на этой головоломной скачкѣ, происшедшей въ окрестностяхъ Парижа; а англійскіе *messieurs* получили вкусъ къ французскимъ лягушкамъ, фрикасе изъ которыхъ грозитъ своимъ нашествіемъ плаумъ-пуддингу. Говорятъ, что французскія дамы несовсѣмъ довольны введеніемъ этихъ скачекъ съ барьерами, канавами и прочими тому подобными *сюрпризами*, по поводу которыхъ самый лучшій танцоръ въ одну минуту можетъ сдѣлаться хромоногимъ. Еще недавно мы видѣли, не помнимъ въ какомъ-то французскомъ иллюстрированномъ журналѣ, очень острую и забавную каррикатуру на англійскія скачки. Изображенъ человекъ, по кислому выраженію лица котораго, по перевязанной головѣ и подвязанной

рукъ видно, что онъ жестоко расшибся. Его ведутъ подъ руки; не вдалекъ лежитъ издыхающая лошадь. Кругомъ собравшаяся толпа машетъ шляпами въ знакъ привѣтствія. Подъ картинкой подписано: «человѣкъ и лошадь, *имѣвшие удовольствіе* выиграть пари.» Теперь Французы сами рукоплещутъ этой немножко грубоватой забавѣ Джонъ Булл.

На сколько правы Французовъ отъ сближенія ихъ съ своими грубыми соотчужденцами черствѣютъ, на столько правы Англичанъ, по той же самой причинѣ, смягчаются. Вотъ что случилось недавно на Гьюмаркетскомъ театрѣ. Давали оригинальную трагедію подъ названіемъ «Герцогиня Елеонора», пьесу чрезвычайно неровную, гдѣ сцены слабыя и безцвѣтныя вдругъ смѣняются сценами сильными и ужасными. Герцогиня Елеонора—Медея новѣйшихъ временъ. Мужъ ея убитъ, и автору вздумалось выставить на сцену, известный и употребительный въ прежнія времена, *судъ крови*, основанный на томъ суевѣрїи, что по приближеніи убійцы, изъ раны убитаго должна, выступить кровь. Но когда принесли на аван-сцену трупъ—содрогнулась не убійца, а публика... Трупъ на сценѣ англійскаго театра! раздался ропотъ; да развѣ мы живемъ во времена Вебстера и Деккера? Извините, для насъ давно прошли и самыя времена Шекспира, — «Очевидно, говорить фельетонистъ, разсказывающій это происшествіе, что если такая деликатная взыскательность пойдеть еще далѣе, такъ мы скоро должны будемъ вмѣсто похоронъ Офелїи въ Гамлетъ, праздновать на сценѣ ея свадьбу, и вмѣсто того, чтобы задушить Дездемону подушкой. Отелло долженъ будетъ совершенно измѣнить дѣйствіе и сказать ей: «Милая мол, вставай! поѣдемъ въ Венецію кататься въ нашей гондолѣ.» А Макбету и Макдуфу вмѣнено будетъ въ обязанность каждый разъ предупреждать публику, что они дерутся не вострыми шпагами, а тупыми рапирами. Англійскіе журналы, тоже не совсѣмъ довольные такой нервной чувствительностью театральнoй публики, отзываются объ этомъ съ насмѣшкой, спрашиваютъ, не превратилась вдругъ вся Англія въ царство женщинъ, и не есть ли уже это сдѣланіе легкаго лягушечьяго фрикасе, разжидившаго густую кровь грубыхъ и флегматическихъ Британцевъ. Какъ бы то ни было только Герцогиня Елеоноръ пришлось кончить свое патологическое слѣдствіе за кулисами, и трагедію тотчасъ же замѣнили маленькой пьеской: «*Три медвѣдл.*» Въ этой маленькой пьескѣ заключалась и маленькая насмѣшка директора театра, который хотѣлъ напомнить ея зрителямъ, что, по замѣчаніямъ Шекспира, публика его временъ предпочитала медвѣжью травлю театру.

— Султанъ назначилъ французскимъ и англійскимъ — или правильнѣе англійскимъ и французскимъ, солдатамъ, потому что старшинство вездѣ за Англичанами, — кромѣ обыкновенной порціи хлѣба и мяса, порціи кофе, чаю, шоколаду и сахару. По этому англійскіе журналисты, кромѣ опасеній по поводу хашивша, болтятся также, чтобы всѣ эти сласти не произвели на нервы ихъ солдатъ такого же дѣйствія, какое произвело фрикасе изъ лягушекъ на нервы театральнoй англійской публики.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Бомбардированіе Одессы.—Облѣдъ въ честь ея защитниковъ.—Голосъ Крошштату.

Англичане и Французы стараются доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ правоту свою въ дѣлѣ бомбардированія Одессы, и ссылаются на то, что будто бы ихъ вынудилъ къ тому невѣжливый пріемъ, сдѣланный русскими ихъ пароходу, посланному для переговоровъ. Удивительно, какъ они, люди столько изворотливые, не стараются нисколько оправдать себя въ томъ, что у нихъ недогнула рука совершить свой темный подвигъ въ такія минуты, которыя чтутся уже слишкомъ воснадацать вѣковъ—самыми великими и торжественными минутами всего христіанскаго міра!... Неужто ужъ до такой степени

Британецъ въ сдѣлкѣ съ Магометомъ
И такъ отурчался Французъ,

что они считаютъ такой поступокъ ровно ни во что?.. Еще далеко для совершающихся событій судъ потомства, — судъ грозный, неумолимый, нелицепріязненный, но исторія ужъ пишетъ страницу, которая заклеитъ вѣчнымъ пятномъ двѣ образованнѣйшія европейскія націи...

Вотъ что рассказываетъ о бомбардированіи Одессы очевидецъ, ея житель:

27-го марта (с. с.) подошелъ у насъ къ берегу англійскій пароходъ, и по немъ произведенъ былъ выстрѣлъ холостымъ зарядомъ: этимъ давали знать, чтобъ онъ не шелъ далѣе. Онъ остановился и послалъ лодку подъ переговорнымъ флагомъ, которая подъѣхала къ каратинному молу, и спросила извѣстій объ англійскомъ и французскомъ консулахъ. Командантъ порта отвѣчалъ, что они уже за нѣсколько дней уехали, и объявилъ, чтобъ, за неизмѣнимъ другихъ вопросовъ, она скорѣе отчалила отъ берега, потому что есть приказаніе стрѣлять во всякое непріятельское судно, которое подойдетъ къ берегу на пушечный выстрѣлъ. Лодка удалилась, а пароходъ, напротивъ того, сталъ приближаться къ берегу.

Сдѣлано было вновь нѣсколько выстрѣловъ для предостереженія его, но, какъ онъ все еще шелъ впередъ, выстрѣляли въ него ядромъ и попали; тогда онъ повернулъ и удалился. Черезъ четыре дня (1-го апрѣля) появились три парохода, и подъ переговорнымъ флагомъ стали внѣ пушечнаго выстрѣла. Послали опросить ихъ, и они отвѣчали, что желаютъ имѣть удовлетворительное объясненіе о пушечномъ выстрѣлѣ противъ судна съ переговорнымъ флагомъ. Словесное объясненіе показалось имъ недостаточнымъ, и они объявили, что будутъ ждать письменнаго, которое имъ и было дано. Во время переговоровъ и ожиданія, три парохода бросились на десятокъ несчастныхъ каботажныхъ судовъ, которыя и были ими захвачены. Одно изъ нихъ, чтобъ спастись, кинулось на мель. Это печальное зрѣлище возбудило негодованіе всѣхъ жителей города, сбѣжавшихся на бульваръ, чтобъ видѣть, какъ большое военное судно преслѣдуетъ и поражаетъ ядрами жалкую лодку, держась однако же само за выстрѣлами нашихъ скромныхъ батарей, недавно построенныхъ наскоро. Эти три парохода ушли на другой день, ведя на буксирѣ захваченныя ими суда съ экипажами».

«8-го апрѣля поутру, Англо-французская эскадра, изъ 19-ти ливійныхъ кораблей и 9-ти пароходовъ, стала въ трехъ тысячахъ метрахъ отъ Одессы. Уже прежде того слухи о бомбардировкѣ заставили нѣкоторыя богатая семейства принять мѣры осторожности и переѣхать въ загородныя дома, отдаленныя отъ моря. Но большая часть жителей не хотѣли вѣрить этимъ печальнымъ слухамъ, и оставались въ городѣ. Мы думали, что торговый городъ, обитаемый большею частію иностранцами, наполненный англійскими и французскими товарами, городъ безъ защиты и укрѣпленій, кормившій въ прошедшій вѣкъ весь Западъ, предназначенный, можетъ быть, и въ будущемъ къ спасенію его отъ голода, не имѣлъ, по-видимому, никакой причины опасаться нападенія двухъ народовъ, высокопарно возвѣстившихъ, что они не хотятъ нарушать всемірной торговли. По этому-то и было построено наскоро малое только число батарей, чтобы турецкіе и египетскіе корабли не напали на насъ, надѣясь на безнаказанность, обезпечиваемую силами ихъ союзниковъ и покровителей....»

«9-го числа, около четырехъ часовъ по-полудни, адмиралы прислали парламентаря къ Генералу Барону Остенъ-Сакену, съ письмомъ, которымъ требовали, чтобъ имъ тотъ-часъ же выдали всѣ русскіе, французскіе и англійскіе корабли, находящіеся въ практической и карантинной гаваняхъ. Слѣдственно не правда, чтобы флоты пришли единственно для отомщенія за пушечный выстрѣлъ, потому что адмиралы гово-

рили о немъ только мимоходомъ. Эту мнимую причину выставили уже потомъ, желая чѣмъ-нибудь оправдаться въ варварской и безсовѣстной бомбардировкѣ коммерческаго города. При томъ же, зачѣмъ бомбардировать городъ за пушечный выстрѣлъ вмѣсто того, чтобъ истребить однѣ батареи? Дерзкое и безразсудное требованіе адмираловъ, разумѣется, было оставлено безъ отвѣта. На другой день, 10-го числа, въ шесть часовъ утра, были мы пробуждены ужасною канонадою. Все еще думая, что атакуютъ однѣ батареи, большая часть жителей вышли на улицу, чтобъ посмотреть на это. Вскорѣ мы были разочарованы градомъ бомбъ, чиненныхъ ядеръ и конгревовыхъ ракетъ, свиставшихъ около ушей нашихъ».

«Девять непріятельскихъ пароходовъ стрѣляли по городу и по батареямъ, съ которыхъ выстрѣлы до нихъ не достигали. Наконецъ они сосредоточили свои усилія противъ крайней батареи практическаго мола, на которой были четыре пушки, подъ командою прапорщика Щеголева, молодого человека двадцати одного года. Эта батарея геройски сопротивлялась въ теченіе девяти часовъ сряду. Она вся была избита ядрами, два орудія были подбиты, но огонь ея не прекращался, доколѣ не загорѣлся досчатый сарай, на бѣду находившійся по близости. Но непріятель, не довольствуясь атакою, всѣхъ своихъ силъ, направленныхъ на эту единственную батарею (къ нему еще подошелъ въ это время одинъ винтовой линійный корабль), обошелъ ее и, безнаказанно презрѣвъ честь и истинную неустрашимость, зажегъ конгревовыми ракетами большую часть мола и кораблей, стоящихъ въ этой гавани, и нѣсколько домовъ бѣднаго предмѣстья Пересыпи, крытыхъ соломою, и осыпалъ наконецъ въ то же время градомъ бомбъ всю часть города, простирающуюся по берегу съ этой стороны. Въ то же время вышелъ изъ линійнаго корабля, и началъ бросать бомбы на дачу Ланжерона въ совершенно иной части города. Этотъ ужасный и гнусный бой двухъ сотъ противъ одного продолжался двѣнадцать часовъ, въ теченіе которыхъ непріятель, превосходными своими силами, громилъ городъ съ трехъ разныхъ пунктовъ, окруживъ его треугольникомъ огня и чугуна. Два раза пытались непріятели дѣлать высадку, но были отбиты съ потерею. Они подходили къ берегу на гребныхъ судахъ, чтобъ ближе бросать свои губительныя конгревовыя ракеты, тогда какъ городъ защищался только двумя пушками и сухопутнымъ войскомъ. И при всемъ томъ они не успѣли ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій. У нихъ повреждены были три парохода, и отведены на буксиръ. Они потеряли большое число людей съ опрокинувшихся лодокъ, и только успѣли беззавно зажечь нѣсколько кораблей и

хитрости, но не могли истребить огнемъ обширныхъ складовъ строеваго лѣса на Пересыпи. Въ числѣ сожженныхъ ими кораблей были одинъ англійскій, одинъ австрійскій и одинъ голландскій. Три матроса англійскихъ и французскихъ убиты ядрами своихъ соотечественниковъ».

«На другой день, въ воскресенье, 11-го апрѣля, возобновилась атака, и возобновилась съ прежнею своею силою. Но, къ величайшему нашему удивленію, она черезъ часъ прекратилась, и уже не возобновлялась. Потомъ узнали мы, что одна изъ нашихъ бомбъ разбила у одного винтоваго корабля кормовую часть, убивъ нѣсколько человекъ, и зажгла самый корабль; этому случаю приписываютъ внезапное прекращеніе боя и быстрое, окончательное удаленіе непріятеля. Пополудни увидѣли мы на одномъ изъ адмиральскихъ кораблей черный полуспущенный флагъ, и распространился слухъ, что капитанъ этого винтоваго корабля убитъ. Въ Понедѣльникъ (12-го) поутру слышно было еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Полагали, что насъ будутъ бомбардировать въ продолженіе часа каждое утро, но вскорѣ узнали, что эти выстрѣлы направлены не противъ батарей нашихъ, или города, но для возданія почести убитымъ».

«Во время боя, всѣ иностранцы, въ особенности многіе Французы, живущіе въ нашемъ городѣ, выражали все свое негодованіе и прискорбіе, видя это бѣшеное нападеніе на торговый и почти безоружный городъ. Нѣкоторые изъ нихъ, движимые понятными чувствами, старались доказать, что городъ бомбардированъ не съ умысломъ, а нечаянно попадавшими въ него бомбами. Считаю долгомъ опровергнуть это нелѣпное утврненіе, которымъ стараются смягчить жестокость преступленія, опровергая его по минованіи опасности. Должно обнаружить истину во всей ея наготѣ, заклеивъ въ глазахъ честныхъ людей всего свѣта тѣхъ, которые, зрѣло обдумавъ, рѣшились на такой стыдъ и преступленіе».

Приведемъ еще выписку изъ письма другаго очевидца, этого достопамятнаго событія, очень хорошо характеризующую, и духъ Одесскихъ жителей въ эту критическую минуту и духъ нашихъ войскъ, бывшихъ тамъ:

«Надо отдать честь одесскому населенію: во все время опасности нигдѣ не было замѣтно ни малодушія, ни страха. Великороссы здѣсь еще безстрашнѣе, нежели на коренной родинѣ: прикосновеніе съ другими племенами возбуждаетъ въ нихъ чувство своего нравственнаго превосходства. Слухъ о бомбардировкѣ нѣсколько не тревожилъ народъ въ его обыкновенныхъ занятіяхъ. Рассказываютъ, будто одинъ

бондарь, услышавъ, что городъ будутъ *бондировать* (т.-е. бомбардировать) и ползгал, что это какой-нибудь актъ, относящійся къ его ремеслу, явился къ начальству съ предложеніемъ своихъ безвозмездныхъ услугъ».

«Вечеромъ въ пятницу замѣтна была на всѣхъ лицахъ какая-то тревожная торопливость: видно было, что важное извѣстіе пробѣжало въ народъ. Мы условились при началѣ канонады собраться на Ришельевской улицѣ у одного изъ москвичей, потому что въ опасности быть вмѣстѣ какъ-то веселѣе и покойнѣе. Было уже около полуночи, когда я пришелъ на свою квартиру; по улицамъ слышался глухой стукъ нагруженныхъ телегъ. Я полагалъ, что канонада не скоро дойдетъ до моего дома, но вышло на-оборотъ.

«Берегъ моря, на которомъ расположена Одесса, очень-высокъ. Шесть недавно устроенныхъ батарей защищаютъ берегъ: 1-я, въ 8 орудій, находится при началѣ залива у дачи графа Ланжерона; 2-я, въ 6 орудій и 3-я, въ 16, на карантинной гавани; 4-я, въ 8, посреди берега, направо отъ знаменитой лѣстницы въ 200 ступень, которая идетъ отъ моря къ бульвару; 5-я и 6-я на карантинной гавани. Всѣ полагали, что ударъ непріятеля обрушится прежде всего на батарею N 1-й, но ошиблись».

«Въ 7 часу громъ канонады разбудилъ меня. Я отправился на назначенное сборное мѣсто. Проходя по де-Рибасовской улицѣ, узналъ, что непріятельскіе пароходы подошли подъ шестую батарею, и стали такъ къ ней, что только одна пушка могла отвѣчать на ихъ выстрѣлы, что ядра падали уже въ новый лицей, и даже на де-Рибасовскую. Дѣйствительно, на этой послѣдней улицѣ ядро ударило въ окно 2-го этажа, изъ котораго еще не успѣли выбраться жильцы; къ-счастью, никого не убило и не ранило. Огонь выстрѣловъ былъ непрерывный; по временамъ раздавался ужасный залпъ съ цѣлаго борта большаго корабля. На Ришельевской улицѣ были расположены: конная артиллерія и дивизионъ уланъ, послѣдній прямо около нашего сборнаго мѣста. Трудно было узнать въ точности, что именно происходило. Возвращавшіеся съ бульвара говорили, что одна наша пушка продолжаетъ отстрѣливаться отъ нѣсколькихъ пароходовъ, но что за дымомъ нельзя рассмотреть положеніе дѣла. Ядра между-тѣмъ долетали къ Михайловскому монастырю, что доказывало, что непріятель дѣлаетъ попытки и противъ первыхъ 3-хъ батарей. Мы стояли съ походными посохами и рѣшились не прежде удалиться съ нашего сборнаго мѣста, какъ тогда, когда ядра будутъ долетать до насъ. Нѣсколько часовъ прошло въ разговорахъ и слухахъ: кто говорилъ, что на непріятельской эскадрѣ замѣтны были

лошади, и что слѣд. непріятель намѣренъ сдѣлать высадку. Это известіе очень порадовало наши войска. Разсуждали еще о томъ, до какихъ мѣстъ могутъ долетать ядра и проч. Часовъ въ одиннадцать прѣвхалъ къ дивизиону одинъ уланскій солдатъ, стоявшій вблизи бульвара. На вопросъ офицеровъ, чтѣ дѣлается на батареяхъ, солдатъ отвѣчалъ: «Наши бьютъ, — два парохода подбиты.» Мы знали, что непріятельскіе пароходы подошли подъ 6-ю батарею такъ, что могли ее громить изъ всѣхъ своихъ пушекъ, между-тѣмъ какъ она могла отвѣчать только изъ одной: поэтому каждый пойметъ, что известіе улана было принято съ недоверіемъ. «Да не врешь ли ты, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: вѣдь ты не видалъ, стоялъ далеко отъ 1-й батареи!» Солдатъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ повторилъ прежде сказанное. Подвигъ Щеголева до того невѣроятенъ, что и теперь всѣ опытные офицеры говорятъ о немъ, какъ о неслыханномъ, всѣ въ изумленіи, но надо было любоваться невозмутимымъ видомъ улана вѣстника: онъ сообщилъ о подбитіи одною пушкой двухъ кораблей какъ о чемъ-то очень естественномъ, чему такъ и быть должно! До такой степени чувство непобѣдимости, порожденное 150-лѣтними побѣдами, твердо укрѣплено въ душѣ русскаго солдата, что онъ самые неслыханные въ военной исторіи подвиги считаетъ съ нашей стороны дѣломъ очень-обыкновеннымъ! Его товарищи приняли это известіе съ такимъ же хладнокровіемъ и продолжали завтракать, угощаемые обывателями соседнихъ домовъ. Мы отправились, чтобъ узнать навѣрное о вѣсти, которой сильно хотѣлось вѣрить, а все-таки не вѣрилось. Известіе подтвердилось; канонада между-тѣмъ гремѣла неумолкаемо. Множество народа стремилось къ бульвару посмотреть на пальбу, такъ-что милиція должна была удерживать безстрашное любопытство. Бодрость одесскаго населенія была по-истинѣ удивительна. Въ полдень мы начали справляться, гдѣ бы пообѣдать; трактиры были заперты, и открылось, что одна мужественная нѣмка, содержательница общаго стола, приготовила обѣдъ, не смотря на громъ пушекъ. Мы застали тамъ множество народу, обѣдъ кипѣлъ среди одушевленныхъ разговоровъ и выстрѣловъ. Вновь-приходящіе сообщали новыя известія; чтѣ было часъ назадъ считалось старымъ. Изъ оконъ видно было, что жители улицъ, лежащихъ за соборомъ, также начали двигаться къ Молдаванкѣ. Больше мужественные увязывали драгоценнѣйшее имущество, и ждали на мѣстѣ приближенія грозы, въ томъ числѣ и наша нѣмка, которая успѣшила убрать гравюры, украшавшія ея столовую. Проходя чрезъ соборную площадь, на которой стояло нѣсколько тысячъ пѣхоты и кавалеріи съ артиллеріей,—я увидѣлъ,

что одинъ батальонъ быстро пошелъ къ Пересыпи; мнѣ сказали, что непріятель, кажется, намѣренъ сдѣлать высадку въ этой части города, лежащей въ самомъ концѣ залива. Жители Одессы стали привыкать къ выстрѣламъ, и я зашелъ на свою квартиру: домъ былъ почти пустъ, ключъ отъ моего обиталища валялся при входе: я зашелъ къ себѣ немного отдохнуть. Въ Одессѣ, гдѣ много празднаго народа, во всѣ эти тревожные дни не было ни одного воровства, хотя квартиры были не заперты, и даже на лѣстницахъ и дворахъ лежали узлы, и стояли нагруженные экипажи, безъ всякаго призора. Въ 5 часовъ я пошелъ по направленію къ новому базару. Тѣмъ же мальчишекъ катала еще теплое ядро, Я спросилъ, гдѣ они его взяли. «Упало вотъ здѣсь на новомъ базарѣ, убило бабу да солдата». Мальчишки продавали свою добычу. Одинъ парень, не принадлежавшій къ компаніи, владѣвшей ядромъ, закричалъ мальчишкамъ: «Что вы, дураки, бросьте, разорветъ сейчасъ!...» Мальчишки отпрыгнули назадъ, хитрецъ подхватилъ ядро, и ушелъ, преследуемый первыми пріобрѣтателями. Выстрѣлы продолжались хотя и не такъ часто, какъ прежде. Въ шесть часовъ канонада умолкла, и толпы народа кинулись на бульваръ осматривать ея слѣдствія. Весь результатъ 12-часовой канонады состоялъ въ нѣсколькихъ сожженныхъ домахъ на Пересыпи, въ разбитыхъ стеклахъ, въ пробоинахъ въ нѣкоторыхъ домахъ на бульварѣ, въ сбитой батарее Щеголева, которая защищалась съ такимъ неслыханнымъ мужествомъ. Одно ядро ударило въ гранитный пьедесталъ монумента герцогу Ришелье, поставленнаго среди бульвара; кусокъ гранита былъ имъ оторванъ. Любопытное дѣло: Одесса воздвигла монументъ благородному французу, котораго память до-сихъ-поръ чтить, а французское ядро полетѣло въ него какъ будто бь съ цѣлью показать, что тотъ народъ, къ которому принадлежитъ одинъ изъ основателей Одессы, черезъ 40 лѣтъ пришелъ истреблять ее. Въ сердцѣ русскомъ не умереть ни то, ни другое воспоминаніе! Вся непріятельская эскадра стояла въ своей первоначальной линіи; одинъ пароходъ стоялъ отдѣльно противъ бульвара. Вечеръ былъ очень-тихий; на практической гавани горѣли молъ и довольно-большой купеческій корабль. Кто-то замѣтилъ, что на непріятельскомъ пароходѣ снимаютъ дагеротипный видъ пожара, и что вѣрно явится во французской или английской иллюстраціи картинка съ громкимъ именемъ «Bombardement d'Odessa!»

10-го апрѣля бомбардировали Одессу, 20-го общество одесскаго клуба, въ честь своихъ защитниковъ, въ главѣ которыхъ стоитъ Баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, давало публичный обѣдъ. На обѣдѣ

присутствовало до 120 особъ. Обѣдъ этотъ былъ не трезвой событія, грозившаго гибелью всему городу, но истиннымъ светлымъ торжествомъ надъ безсиліемъ врага, постыдившаго себя и нравственно и существенно. Рѣдкіе растенія и цвѣты украшали входъ въ залы клуба и самыя залы. Во время обѣда играли два оркестра музыки: военный и Итальянской оперы. Первый тостъ, разумется, былъ провозглашенъ за здоровье Государа Императора; потомъ за здоровье Д. Е. Остенъ-Сакена, и наконецъ за здоровье храбрыхъ защитниковъ Одессы, особенно за здоровье, присутствовавшихъ на обѣдѣ, и въ числѣ ихъ за юнаго героя Щеголева.

Въ заключеніе всего, нами сказаннаго о Кронштатѣ и объ Одессѣ, здѣсь очень кстати привесть нѣсколько строфъ изъ послѣдняго стихотворенія Ѡ. Н. Глинки, напечатаннаго въ N 104 Сѣверн. Пчелы:

ГОЛОСЪ КРОНШТАТУ.

Держись, Кронштатъ!... Молитесь, люди!
Гори, свѣча, у алтаря!...
Не расшибуть гранитной груди
У нашего богатыря!...

★

И наша голубая лента,
У ногъ Петрова монумента,
Нева не выдастъ Царскій Домъ:
За громъ—врагамъ отгрянетъ громъ!!..

★

.....
★
Когда же гордый не смѣрится,
Готовыхъ видя насъ къ войнѣ,
Монументальный Самъ помчится
Царь Петръ на бронзовомъ конѣ!...

★

И ты, Кронштатъ, грозой пылая,
Сквозь вихри дыма и огня,
Услышишь голосъ Николая
И топотъ мѣднаго коня!...

М О Д Ы.

— Чѣмъ далѣе, тѣмъ роскошнѣе становятся наряды дамъ. Кисея, органди, батисты, жаконеты изгнаны; ихъ носить только дома утромъ. Шелкъ, барежъ, кружева, крепъ, блонды — вотъ элементы костюмовъ, назначенныхъ для выѣздовъ и прогулокъ, *costumes parés*. Это могутъ видѣть читательницы изъ слѣдующаго описанія нѣсколькихъ нарядовъ, назначенныхъ для загородныхъ гуляній.

— Платѣ барежевое амарантоваго цвѣта, затканное на оборкахъ атласной гирляндой пальмъ, золотого, бѣлаго и зеленаго цвѣта; въ край оборки пришитъ еще рюшъ креповыхъ лентъ съ фестономъ золотого цвѣта; лифъ съ баской и рукава отдѣланы рюшемъ и бантами тѣхъ же лентъ. Превосходная шаль изъ крепа-де-тинъ, затканная птичками, мушками, бабочками, колибри по черному фону, наброшена на плеча. Шляпка итальянской соломки, отдѣлана лентами въ четверть шириною, съ бархатными узорами, блондой и двумя букетами бѣлыхъ цвѣтовъ.

— Платѣ синее, шелковое, съ бѣлыми и черными кѣтками, убранное на переднемъ полотнищѣ, въ видѣ фартучка, рюшемъ и бантами синихъ лентъ; такой же рюшъ украшаетъ лифъ и рукава; вмѣсто мантили, кружевная черная шаль. Шляпка изъ полосокъ синей тафты и широкой бѣлой блонды, отдѣлана бѣлыми и синими марабу и широкой блондовой полу-вуалью; подъ полями гирлянда блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ; подвязушки изъ широкихъ бѣлыхъ лентъ, съ синими полосами.

— Платѣ бѣлое, шелковое, съ мелкими кѣтками свѣтло-зеленаго цвѣта; юбка отдѣлана тремя фестонированными оборками; лифъ съ высокими воротомъ, безъ всякихъ украшеній; рукава обшиты

внизу трия фестонированными оборками; небольшой кружевной воротничек приколотъ къ лифу зеленымъ малахитовымъ брошемъ; подрукавники также кружевные; мантилья кисейная бѣлая вся исчезающая подъ великолѣпнымъ шитьемъ гладью, и тонкими кружевами. Шляпка составлена изъ розоваго крепа, блондъ, цвѣтовъ и лентъ.

— Платье бѣлое кашемировое, шитое на оборкахъ, баскѣ и рукавахъ шелкомъ,—гладью; манишка и подрукавники кружевные; модный бѣлый кашемиръ шитый золотомъ, широкой каймой, накинута на плеча; шляпка розовая, креповая, украшенная блондой и цвѣтами.

— Новыя мантильи имѣютъ большую частію форму мантилій шарфовъ; онѣ дѣлаются изъ тафты, пу-де-суа и муара аптикъ, и преимущественно темныхъ тѣней, такъ напр: бронзоваго, темно-коричневаго, чернаго и проч. Отдѣлку ихъ составляетъ application, иногда—кружево, нерѣдко—очень широкая бахрама или тюлевые оборки съ разводами, высѣченными изъ бархата и наклеенными на нихъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Подвѣсничный нарядъ: — платье изъ пу-де-суа, отдѣланное рюшемъ лентъ; вуаль тюлевый. Нарядъ для причащенія: платье кисейное, убранное прошивками; вуаль тюлевый. Дѣтское платьице бархатное съ атласными отворотами.

Печатать позволяется. Москва. Мая 4-го дня. 1854 г.

Цензоръ М. Пожисневъ.

Въ типографіяхъ: Л. Степановой и В. Готье.

МОСКВИТЯНИНЪ.

№ 10.

Май.

кн. 2.

1854.

ГРЕКАМЪ.

Греки, вамъ выпалъ, по волѣ судьбы,
Жребій кровавый, но жребій завидной,
Въ бурное время всемірной борьбы
Вамъ суждено отъ неволи постыдной
Край свой, отчизну свободы, спасти....
Съ Богомъ по славному предковъ пути!

Жребій завидный вамъ выпалъ, на долю;
Въ долгихъ страданьяхъ, какъ злато въ огнѣ,
Вы искусились, вы знали неволю;
Время свободѣ воскреснуть въ странѣ,
Гдѣ первобытно, какъ въ дни мірозданья
Свѣтъ возсіялъ, возсіяли познанья.

Вы разцвѣтили, украсили міръ
Всѣмъ что есть лучшаго въ мірѣ до нынѣ;
Чувство высокаго—былъ вашъ кумирь,
Вы поклонялись ему, какъ святынь;
Намъ въ укориэну, доселѣ оно
Цѣльное въ вашихъ сердцахъ спасено.

Вѣкъ нашъ — предатель, — вы ввѣрили сѣмя.
 Намъ благодатное, чтоже оно
 Вынесло въ наше плачевное время?
 Съ ядомъ, смертельнымъ для духа, зерно;
 Знанія, это святое наслѣдство,
 Мы обратили въ постыдное средство.

Насъ чрезъ моря переносятъ пары.
 Наши суда изумительно ходки,
 Вы благодатной природы дары
 Лодкамъ ввѣрили, и бранныя лодки
 Переносились чрезъ волны морей
 Съ благословеньемъ небесъ для людей.

Мы для чего по морямъ вѣроломнымъ
 Молніей рѣемъ! не жажда-ль добычь
 Въ даль увлекаетъ — къ народамъ насъ темнымъ?
 Сынь просвѣщенной Европы — ихъ бичъ,
 Жажда корысти нашъ богъ всемогущій,
 Мы посягаемъ для ней и на кущи.

Братя Іуды — мы всѣ торгоши!...
 Греки, чѣмъ намъ передъ вами гордиться?
 Знаньями? знанья не все для души;
 Если корыстью душа омрачится. —
 Ангелу страшно въ нее заглянуть, —
 Можетъ ли къ ней онъ съ любовью прильнуть?

Въ битву, бессмертныхъ героевъ потомки,
 Въ битву по славному предковъ пути!
 Время отрадную вѣсть принести
 Праотцамъ, нынѣ почюющимъ въ мирѣ;
 Тѣни ихъ носятъ въ горнемъ зѣврѣ;

Слухомъ къ Элладѣ привикли они;
 Въ сердцѣ волнуется сладостный трепеть;
 Медленны ихъ нетерпѣнія дни;
 Смутный межъ ними то шопотъ, то лепеть...
 Вдругъ раздается торжественный кликъ:
 « Свѣргнуто съ Эллина иго владыкъ! »...

Слава Элладѣ, исторгшей свободу
 Въ свѣч упорной изъ рукъ мусульманъ!...
 Эллины, вы пережили невзгоду;
 Жребій завидный на долю вамъ данъ;
 Въ битвѣ за родину, чуждые страха.
 Вы подломили престолъ Паддишаха...

Насъ изумляютъ и радуютъ насъ
 Подвиги ваши на поприщѣ славы.
 Билъ избавленія вашего часъ;
 Въ-время въ путь вы вступили кровавый!...
 Часъ избавленія вашего билъ, —
 Въ храмы съ молитвою Господу снѣ...

Вамъ измѣнили по вѣрѣ собратья;
 Преданнымъ всею Европой лишь мы
 Жаркія къ вамъ простирали объятія...
 Дѣти Европы, не дѣтили вы тѣмы?
 Кто въ васъ узнаетъ поборниковъ свѣта?
 Въ бой васъ ведутъ бунчуки Магомета...

Вотъ благодатное, Греки, зерно,
 Вотъ просвѣщенье, у васъ занято!
 Чтимое свято въ Элладѣ, оно, —
 Въ неблагочестной отчизнѣ чужое, —
 Аду на радость, не благо а зло, —
 Правовъ заразу, — въ Европу внесло...

Мы христіане, мы жарко Христу
 Молимся въ храмѣ, — но шагъ лишь отъ храма,
 Мы пригвождаемъ Его ко кресту;
 Мы христіане. — и къ стягу ислама
 Насъ сребролюбцевъ сзываетъ Коранъ
 Въ жаркую свѣчу противъ христіанъ...

Дѣти Эллады, вамъ выпалъ на долю
 Жребій завидный, вамъ небомъ дано
 Цѣпи расторгнуть, извѣдавъ неволю;
 Вамъ суждено просвѣщенія зерно
 Пересадить изъ злотворнаго лона
 Въ край благотворный, въ отчизну Платона.

Это зерно нодь руками у васъ,
 Влагой кропимое свѣжею, чистой,
 Отпрыски пустить и выростеть въ клась
 Полный, тяжелый, роскошно-зернистой,
 Эллыны, край вашъ — наукъ колыбель,
 Помните ихъ благородную цѣль!

Ваши бессмертные предки стремились
 Къ ней, неуклонно высокимъ дыша,
 Съ цѣлью они благородной учились;
 Часто съ предвѣловъ земли ихъ душа
 Въ небо носилася легкой пернатой,
 Тамъ ея было Офирское злато.

Дѣти Эллады, высокая цѣль
 Небомъ указана вамъ, подвизайтесь,
 Какъ подвизались вы въ брани досель;
 Помня несчастья, не забывайте
 Въ счастья, храните невинность сердець;
 Бодрствуйте, дѣло вѣнчаетъ конецъ.

Ваши Сократы и въ темные вѣки
 Чувствомъ умѣли Творца постигать;
 Вы христіане, вы новые Греки,
 Васъ осѣняетъ небесъ благодать;
 Будьте ей храмомъ, и ваша Эллада
 Мѣсто заступитъ Эдемскаго сада.

Марта 23, 1854.

С. РАИЧЪ.

ЯКОВЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ ШУШЕРИНЪ

И

СОВРЕМЕННЫЯ ЕМУ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗНАМЕНОСТИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Посвящается М. С. Щепкину).

Въ началѣ 1807-го года, оставилъ я К.....ій университетъ и получилъ аттестатъ, съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія я зналъ только по насльшкѣ, и какихъ въ университетѣ еще не преподавали. Этого мало: въ аттестатѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ «оказалъ я значительные успѣхи», а нѣкоторыми «занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ». Въместѣ съ моимъ семействомъ, отправился я, по последнему зимнему пути, въ Оренбургскую губернію, въ мое любимое А.....во, которое тогда не было еще селомъ Знаменскимъ. Въ первый разъ встрѣтилъ я весну въ деревнѣ уже не мальчикомъ, въ первый разъ предался вполне моей страсти къ ружью, которою до тѣхъ поръ я занимался урывками во время лѣтнихъ вакацій. Весна, лѣто и осень, пролетѣли, какъ пріятный сонъ, и съ наступленіемъ зимы, отправились мы въ Москву съ тѣмъ, чтобъ весною ѣхать въ Петербургъ, гдѣ хотѣли опредѣлить меня въ службу. Въ Москвѣ прожили мы около семи мѣсяцевъ. Я любилъ театръ, не меньше ружья, и сдѣлался его постояннымъ посѣтителемъ. Вдругъ дошла до меня вѣсть, что бывшая к.....ая актриса Дек-

луша (*), отъ которой я былъ всегда въ восхищеніи (вмѣстѣ со всей к.....ой публикой)—бѣжала отъ своего господина, вышла за извѣстнаго мнѣ, очень хорошаго, молодаго человѣка, г-на Пети, служившаго въ к.....мъ почтамтъ, и ѣдетъ въ Москву, чтобъ дебютировать на московскомъ театрѣ. Мнѣ сказали, что извѣстный и уважаемый тогда актеръ Плавильщиковъ, за нѣсколько лѣтъ прѣзжавшій въ К....., много разъ игравшій съ Ѳеклушей, и всегда замѣчавшій ея талантъ, самъ пригласилъ ее на московскую сцену. Я часто видался въ Москвѣ съ бывшимъ товарищемъ моимъ по казанской гимназіи, но гораздо меня старшимъ годами, П. М. Алехинымъ, служившимъ въ артиллеріи и стоявшимъ съ своей батареей въ Москвѣ. Я успѣшилъ сообщить ему неожиданную и радостную новость; онъ былъ такимъ же горячимъ поклонникомъ таланта Ѳеклуши, какъ и я, и мы оба были твердо увѣрены, что появленіе ея на московской сценѣ произведетъ общій восторгъ. Постоянно справляясь у Плавильщикова, не прѣехала ли наша гениальная дебютантка, мы наконецъ узнали, что она въ Москвѣ, и достали ея адресъ. Въ тотъ же день я и Алехинъ отыскиали Ѳеклушу. Въ старой Конюшенной, въ приходѣ Іоанна Предтечи, въ полуразвалившемся домишкѣ дьякона, нанимала двѣ комнатки г-жа Пети съ своимъ мужемъ и новорожденной дочерью: присутствіе бѣдности было видно во всемъ. Съ юношескимъ жаромъ высказали мы все,

(*) Крѣпостная дѣвушка содержателя к.....го театра П. П. Е.....ва, который, по страсти своей къ театру, посвятилъ всю свою жизнь на устройство его въ К.....и, что, разумется, стоило ему очень дорого; но К.....ъ обязана П. П. Е.....ву, полною благодарностью; К.....ъ имѣла замѣчательный театръ тогда, когда губернскихъ театровъ, и то весьма плохихъ, въ цѣлой Россіи было очень мало. Главные актеры и актрисы к.....го театра были слѣдующіе: г. Волковъ, режиссеръ и театралный utilité на всякія роли; г. Грузиновъ на роли благородныхъ отцовъ; г. Расторгуевъ на роли молодыхъ любовниковъ, повтѣрь и весельчаковъ; г. Прытковъ на роли слугъ. Это были актеры наемные. Всѣ остальные принадлежали г-ну Е. . . . ву: Ѳедоръ Львовъ—герой и первый любовникъ; Михаилъ Колмыковъ—главный комикъ; Николай Комяковъ—буфъ арлекинъ; Анисья Комякова—любовница въ драмахъ и комедіяхъ; Ѳекла Аникіева—первый талантъ на роли первыхъ любовницъ въ тригедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и операхъ; Марѳа Аникіева—молодая любовница предпочтительно въ операхъ. Впрочемъ, въ случаѣ надобности—всѣ играли въ операхъ. Другихъ актеровъ и актрисъ не помню.

что было у насъ на душѣ: и наши к.....іе восторги и наши московскія надежды. Съ живымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь, какое благотворное впечатлѣніе произвели мы на бѣднаго Пети и жену его, которые были очень смущены холоднымъ пріемомъ начальства московской театральнѣй конторы и нѣкоторыхъ актеровъ. Плавильщиковъ усердно хлопоталъ; чтобы г-жѣ Пети позволили дебютировать, и чтобы скорѣе назначили ей время дебютовъ; онъ ручался за ея успѣхи, не примѣчая того, что это ручательство никому не нравилось. Отказать Плавильщикову и дебютанткѣ, не было возможности; но въ назначеніи дебюта нашлось множество препятствій. Пети хотѣла начать трагедіей; предлагала болѣе десяти пьесъ, которыя всѣ игрались на московскомъ театрѣ, и всѣ эти пьесы, по какимъ-то особеннымъ причинамъ, не могли быть скоро даны; наконецъ Плавильщиковъ вытаскилъ изъ стараго репертуара, давно забытую трагедію Княжнина «Софонисбу» и начальство согласилось. Въ этой трагедіи такъ мало было интереса и для тогдашней публики, что дебютанткѣ надобно было имѣть не только большой трагическій талантъ, но и громкую извѣстность, чтобъ явиться съ успѣхомъ въ роль несчастной Софонисбы. Надобно къ этому прибавить, что тогдашней любимицею Москвы была актриса Воробьева, въ самомъ дѣлѣ имѣвшая много неподдѣльнаго чувства (*). Ея многочисленные почитатели, а можетъ быть, и она сама, подумали, что Плавильщиковъ, находившійся не въ ладахъ съ Воробьевой, хочетъ ее скабалировать, какъ тогда выражались, и выписалъ для этого какую-то провинціальную актрису. Они постыжили распуścić невыгодные слухи о новой дебютанткѣ и приготовили ей холодный пріемъ. Я былъ зрителемъ этого несчастнаго спектакля. Казалось, все было соединено, чтобъ произвести на публику непріятное впечатлѣніе. Трагедія состояла изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Сифакса, царя Нумидскаго, супруги его Софонисбы и Массиниссы, князя Нумидскаго,

(*) Торжествомъ г-жи Воробьевой была роль Берты въ Гусситахъ подъ Наумбургомъ. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ всѣ плакали *навзрыдь*, слушая страданія матери, и самъ плакалъ вмѣстѣ съ другими зрителями.

разумется съ неизбежными наперсниками. Сифакса игралъ нестерпимѣйшій актеръ, г. Прусаковъ, а Массиниссу;—Плавильщиковъ. Я пришелъ въ ужасъ, когда появилась на сцену Софонисба: маленькаго роста, черненькая, худенькая, одѣтая въ яельный костюмъ, очень плохо прилаженный къ ея росту..... Смѣхъ встрѣтилъ несчастную дебютанку; отъ природы слабѣй ея голосъ, почти прерывался и едва былъ слышенъ отъ сильнаго смущенія. Плавильщиковъ, замѣтя, что дѣло идетъ плохо, вздумалъ поддержать пѣсу и ободрить дебютанку усиленіемъ собственной игры: онъ подвѣлъ на цѣлую октаву и безъ того свой громкій голосъ, и недостатокъ внутренняго огня—вознаграждалъ безпощадными криками и жестами; въ порывѣ усердія онъ задѣлъ пальцемъ за свой парикъ, который взвился очень высоко вверхъ, былъ подхваченъ имъ на лету и проворно надѣтъ на голову. Не смотря на уваженіе къ Плавильщикову, зрители расхохотались. Мы съ Алекинымъ, особенно я, находились въ страдательномъ положеніи. Не взирая на всю эту ужасную обстановку, было нѣсколько выраженій, сказанныхъ Феклушею съ такимъ чувствомъ, что онѣ произвели впечатлѣніе на публику, а слова Софонисбы: «Прости въ послѣдній разъ!» говоря которыя, она бросилась въ объятія Массиниссы, втораго своего супруга, были проникнуты такою силою внутренняго чувства, такою выразительностью одушевленной мимики, что зрители увлеклись; взрывъ громкаго рукоплесканія потрясъ театръ, и многіе закричали браво; но это не поправило дѣла: трагедія надѣла до смерти зрителямъ, и когда, по окончаніи пѣсы, мы съ Алекинымъ и нѣсколькими пріятелями Плавильщикова вздумали вызывать дебютанку—общее шиканье и смѣхъ заглушали наши вызовы. Жалко было смотрѣть намъ на бѣдную г-жу Пети, которая подъ именемъ Феклуши, привыкла въ К.....и десять лѣтъ сряду приводить въ восторгъ зрителей своей игрой, и которую, рукоплесканія постоянно встрѣчали на сценѣ и провожали со сцены. Не менѣе былъ жалокъ и сконфуженъ мужъ ея, страстно любившій свою жену и считавшій ее геніальнымъ талантомъ. Но дебютантка не совсѣмъ потеряла присутствіе

духа и надѣялась на свой второй дебютъ, который былъ назначенъ черезъ недѣлю въ комедіи «Ошибки или утро вечера мудренѣе». Пети должна была играть Софью, дочь Старомыслова. Я видѣлъ не одинъ разъ въ К.....и Феклушу въ этой роли, и хотя восхищался ею тогда, но теперь начиналъ смутно понимать, что второй дебютъ будетъ неудачнѣе перваго, и что та половина роли, въ которой Софья является свѣтской петербургской дѣвушкой—будетъ сыграна дебютанткой дурию. Предчувствія мои оправдались, хотя я и не былъ зрителемъ втораго дебюта, потому что черезъ три дня отправился вмѣстѣ съ своимъ семействомъ въ Петербургъ, гдѣ и получилъ скоро отъ Алехина горестное описаніе втораго дебюта г-жи Пети (*).

Въ продолженіе моего трех-мѣсячнаго личнаго знакомства съ этими двумя, по истинѣ жалкими существами, я бывалъ у нихъ почти ежедневно. Я называлъ ихъ жалкими не потому, чтобы они были несчастны; они, пожалуй, даже были счастливы въ настоящемъ, потому что искренно, горячо любили другъ-друга; но ихъ будущность казалась мнѣ и Алехину, не смотря на нашу молодость—весьма не благонадежною, и даже злобнѣющею. Впрочемъ, кажется Алехинъ, который былъ старѣе и разумнѣе меня, внушилъ мнѣ такіа мысли. Вотъ краткая исторія обоихъ Пети: Феклуша, крѣпостная актриса г-на Е.....ва, была не хороша собою, хотя со сцены казалась красавицей; она имѣла черные выразительные глаза, а вечернее освѣщеніе, бѣлилы и румяны доканчивали остальное. Въ ея игрѣ, которая не успѣла сформироваться по образцамъ петербургскихъ артистовъ, гдѣ помѣщикъ два года водилъ въ театръ и училъ своихъ главныхъ актеровъ и актрисъ—было много естественности и неподдѣльнаго внутренняго чувства. Живя въ Петербургѣ г-нъ Е.....въ возилъ иногда Феклушу и другаго актера, Феодора, даже къ Дмитревскому, который *прошелъ* съ ними нѣсколько ролей. Феклуша сказывала мнѣ, что Иванъ Аванасьичъ, очень ее хвалилъ, очень ласкалъ и называлъ «mon petit démon».

(*) Г-жа Пети, не принятая на московскую сцену, опредѣлилась на какой-то губернской театрѣ, и вскорѣ умерла. Что случилось съ ея мужемъ—не знаю.

Все это потомъ подтвердилъ мнѣ самъ Дмитревской. Оеклуша на сценѣ восхищала всѣхъ безъ исключенія, а многихъ молодыхъ людей сводила съ ума. Надобно замѣтить, что она была скромная дѣвушка. Въ числѣ ея обожателей былъ юноша очень пріятной наружности, тихій и застенчивый m-r Petit, Французъ по фамилии, неумѣвшій и говорить по-французски. Какъ онъ попалъ въ К....ъ и почему служилъ при почтамтѣ—не знаю; но я, бывая иногда съ Г. И. К. у Г. К. Воскресенскаго, (сынъ котораго былъ моимъ товарищемъ въ гимназій), почтамтскаго чиновника, видѣлъ у него нѣсколько разъ г-на Пети. Этотъ тихій юноша влюбился въ Оеклушу, будучи еще 17 лѣтъ. Долго любилъ онъ безмолвно, не замѣчаемый предметомъ своей любви; но постоянство восторжествовало. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пети возмужалъ, Оеклуша его замѣтила и полюбила: эта, уже взаимная любовь, тянулась еще два года. Наконецъ цѣлый городъ принялъ въ ней участіе и хлопоталъ о соединеніи влюбленныхъ; но г. Е.....въ ни за что на это не соглашался. Причина была очевидна. Онъ предчувствовалъ, что театръ лишится Оеклуши. Общество разсердилось и нѣсколько извѣстныхъ молодыхъ людей помогли Пети увезти Оеклушу и обвиняться съ нею. Дѣлать было нечего: г. Е.....въ принужденнымъ нашелся простить свою бѣглянку, потому что за нее вступилась аристократія К...ни и самъ губернаторъ. Оеклуша точно не долго осталась при к.....мъ театрѣ. У m-r Petit не было никакого состоянія, кромѣ маленькаго жалованья, котораго онъ лишился, оставя службу при почтамтѣ; но у Оеклуши было накоплено, около 2,000 рублей ассигнаціями; эта сумма составила изъ подарковъ к.....ой публики. Тамъ существовало обыкновеніе, чему я самъ бывалъ свидѣтелемъ не одинъ разъ — бросать деньги актеру или актрисѣ прямо на сцену во время самаго представленія, для изъявленія своего удовольствія. Иногда дѣлали складчину заранее, иногда импровизировали ее тутъ же, въ креслахъ: чей-нибудь кошелекъ наполнялся серебромъ и золотомъ, или ассигнаціи завертывались въ бумагу, и подарокъ бросался къ ногамъ дѣйствующаго лица, иногда въ самой патетической сценѣ.

Я видѣлъ, какъ сумасшедшая отъ любви Нина (извѣстная опера) приходила въ себя, поднимала кошелекъ, клала его въ карманъ, раскланивалась съ зрителями и — дѣлалась опять сумасшедшею Ниною. Такіе знаки одобренія состояли не менѣе, какъ изъ ста рублей, а въ экстренныхъ случаяхъ доходили и до 200 руб., разумѣется, ассигнаціями. Чаше всѣхъ получала ихъ Феклуша, и она говорила мнѣ, что если бы умѣла беречь деньги, то могла бы скопить и пять тысячъ рублей. Весьма было простительно бѣдной Феклушѣ повѣрить общимъ, восторженнымъ похваламъ к.....хъ театраловъ и вообразить, что стоитъ ей только показаться на московской сценѣ, чтобы заслужить благосклонность публики, получить хорошее жалованье и со временемъ — громкую славу. Нечего говорить, что влюбленному мужу своему, она казалась чудомъ совершенства.... И вотъ они отправились въ Москву. Дорога и нѣсколько мѣсяцевъ проведенныхъ въ ожиданіи дебютовъ, истощили ихъ маленькій капиталъ, и я нашелъ ихъ уже въ крайности; но полныхъ надеждъ на счастливое будущее. Я старался ободрить ихъ и долженъ сказать, это мое теплое участіе, было принимаемо ими съ горячей благодарностью. Одинъ разъ встрѣтилъ я у нихъ страстного любителя театра, купца Какуева, имя котораго я забылъ; онъ былъ уже старикъ, очень пріятливый и почтенной наружности; онъ былъ большой пріятель съ Плавильщиковамъ и черезъ него познакомился съ Пети. Разумѣется, меня также съ нимъ познакомили; нахвалили ему мое чтеніе и мои сценическія способности (*). Старикъ очень меня полюбилъ, обласкалъ, слушалъ мое чтеніе и даже цѣлую сцену изъ «Ненависти къ людямъ и раскаяніа», которую мы съ Феклушей ему продекламировали; я игралъ Мейнау, а г-жа Пети, Ейлаіно. Какуевъ сказалъ мнѣ, что онъ вполне цѣнить мое дарованіе, но въ тоже время видитъ, что я стою на ложной дорогѣ. Зная, что черезъ нѣсколько дней я долженъ отправиться въ Петербургъ, Какуевъ предложилъ мнѣ, познакомиться меня съ его другомъ въ Петербургъ, съ однимъ изъ

(*) Я много игрывалъ въ К...и, на университетскомъ театрѣ.

умнѣйшихъ актеровъ Яковомъ Емельяновичемъ Шушеринымъ. Я принялъ съ восхищеніемъ и благодарностью такое предложеніе. За день до моего отъѣзда оба Пети и я провели вечеръ у почтеннаго любителя театра Какуева, и онъ написалъ и отдалъ мнѣ обещанное письмо къ Шушерину.

Какъ настоящіе низовые дворяне, зажившіеся въ деревнѣ, которымъ не столько по скупости, сколько по непривычкѣ кажутся дикими всякіе расходы, мы и въ Петербургъ отправились на своихъ лошадяхъ. Тамъ ожидала насъ уже нанятая, не дорогая квартира въ Коломнѣ, приготовленная Г. И. К.....мъ. Кромѣ его, у насъ было въ Петербургъ только два дома знакомыхъ: Д. Б. М....го и В. В. Р....ій, да двое молодыхъ людей М.....хъ. Давши одинъ день отдохнуть лошадямъ, запрягли четверку, въ дорожную кольмагу, одѣли меня въ студентской мундиръ, вооружили шпагою, треугольной шляпой и послали съ визитами въ оба вышеупомянутые дома. Я отправился, и не забылъ положить въ карманъ письмо Какуева къ Шушерину. М...., мой крестный отецъ, служилъ тогда генераль-провіантъ-мейстеромъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей. Р...ій тоже былъ честнѣйшій человекъ, но сурово-строгій и неблагоклонный старикъ; онъ былъ другомъ и помощникомъ извѣстнаго А. Ѳ. Лабзина, главы тогдашнихъ мартинистовъ. Вся братія считала его фанатикомъ. Посидѣвъ не по долгу въ обоихъ этихъ домахъ, я посѣтилъ отыскать квартиру Шушерина, который жилъ на Сѣнной площади. Сидя въ каретѣ, я сочинилъ великолѣпныя фразы, которыя собирался продекламировать, отдавая письмо, что и исполнилъ. Въ послѣдствіи Шушеринъ много смѣялся, вспоминая эту *рацею* (какъ онъ называлъ). Шушерину было тогда 60 лѣтъ; но его физическія и умственные силы находились въ полной крѣпости мужества, и онъ самъ говаривалъ мнѣ, что не намѣренъ прожить менѣе ста лѣтъ. Черты лица Шушерина были не хороши: носъ небольшой, нѣсколько вздернутый къ верху, широкія скулы и маленькіе сѣрые глаза, но за то выразительные, умные, даже хитрые. Все лицо для сцены было невыгодно, потому что не имѣло

рвзкихъ чертъ, лишено было подвижности фізіономіи. Много внослѣдствіи слыхалъ я жалобъ Шушерина на эти недостатки, которые мѣшали его сценическимъ успѣхамъ и которые надобно было преодолѣть, переливая все внутреннее чувство въ выраженіе глазъ и одушевленный голосъ. Шушеринъ, одѣтый какъ больной, въ туфляхъ, халатъ и колпакъ, принималъ меня въ гостиной; выслушалъ не улыбнувшись мою торжественную рѣчь, сказалъ нѣсколько самыхъ вѣжливыхъ словъ, усадилъ на креслахъ: возлѣ себя и попросилъ позволенія прочесть письмо Какуева. Прочитавъ его, онъ посмотрѣлъ на меня пронизательными глазами и сказалъ: «Послушайте, молодой человекъ, будемте говорить по просту. Если все то, что пишеть мнѣ объ васъ, старинный мой пріятель Какуевъ, совершенно справедливо, то мы придемъ другъ-другу по сердцу. Въ настоящее время вашъ вѣздъ въ Петербургъ, случился для меня очень кстати. Я старъ и боленъ (я посмотрѣлъ на него вопросительно); службы моей при театрѣ продолжать не могу. Я лечусь (и онъ указалъ мнѣ на столѣикъ уставленный склянками съ лекарствами) и не выхожу изъ комнаты. Ваше общество будетъ для меня очень пріятно. Вы человекъ образованный, учились въ университетѣ, занимаетесь литературой и страстно любите, какъ мнѣ пишутъ театрѣ и желаете имѣть добраго руководителя въ игрѣ на сценѣ; я учился правда, на мѣдныя деньги, но Богъ не обидѣлъ меня дарованіемъ. Я много видѣлъ на своемъ вѣку, много вытерпѣлъ, до всего дошелъ самъ и горжусь тѣмъ. Я всегда любилъ знакомство съ умными, просвѣщенными людьми, и оно лучше книгъ замѣнило мнѣ недостатокъ воспитанія. Я всегда буду вамъ радъ, особенно по вечерамъ. Вечеръ мой начинается въ шесть часовъ и оканчивается въ десять. Мы будемъ читать и разговаривать. Мнѣ пріятно будетъ вспомнить исторію моего актерскаго образованія, а вамъ будетъ интересно и не бесполезно ее выслушать...» Эти слова привели меня въ восхищеніе. Мнѣ представилась такая пріятная будущность, такое неожиданное исполненіе моихъ мечтательныхъ желаній и несбыточныхъ надеждъ, что я мгновенно соскочилъ съ декламаторскихъ ходуль, бро-

сился на пшено къ Шушерину и далъ полную свободу моеѣ живой и горячей натурѣ. Переставъ корчить степеннаго молодого чловѣка, и даже педанта — явился я восемнадцатилѣтнимъ, откровеннымъ, простымъ юношей, который въ одинъ часъ выболталъ все, что шевелилось у него на сердцѣ и ронлось въ молодой головѣ. Впослѣдствіи Шушеринъ часто съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этой быстрой переменѣ и признавался, что именно за эту перемену полюбилъ меня. Напившись кофею у Шушерина и даже позавтракавъ, я воротился домой, гдѣ нѣсколько удивился, моему долгому отсутствію. Я нашелъ у насъ К...го. Я обрадовался ему вдвойнѣ, какъ истинному другу нашего семейства и какъ моему безкорыстному воспитателю. К...ій хорошо зналъ мою безумную страсть къ театру, и поспѣшилъ сообщить мнѣ, что въ этотъ вечеръ знаменитая m-lle George, въ первый разъ дебютируетъ на петербургской сценѣ. Дебютантка являлась въ самой блистательной своей роли — въ Расиновой Федрѣ. Разумѣется, у меня загорѣлось сильное желаніе ее видѣть. К...ій меня увѣрилъ, что кресло достать теперь уже нельзя; но что можно найти мѣсто въ партерѣ, если отправиться туда часа въ четыре. Меня не утешала скука дожидаться болѣе двухъ часовъ до начала представленія; но я боялся, что мы сѣдемъ поздно обѣдать, а безъ обѣда матушка ни за что меня не отпуститъ, ибо у насъ обѣдали двое М.....хъ: первый изъ нихъ П. П. служилъ тогда штабсъ-капитаномъ въ Измайловскомъ полку, а другой А. П. служилъ въ Банкѣ, и былъ ревностнымъ поклонникомъ Лабзина. Досадуя на такое препятствіе, я хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы дали поскорѣе обѣдать, и какъ мы не имѣли еще привычки обѣдать слишкомъ поздно, то въ половинѣ четвертаго, сѣли за столъ. Но увы, обѣдъ тянулся нестерпимо долго. Нашъ деревенскій поваръ и наши деревенскіе лакеи заставляли насъ дожидаться каждаго блюда добрыхъ четверть часа, а блюдъ было много. Мое волненіе и нетерпѣніе становились замѣтными для всѣхъ. К...ій вздумалъ меня успокоить и обратился ко мнѣ съ улыбкой, которая сейчасъ меня разсердила. «Послушайте, сказалъ онъ, если вы

не попадете сегодня въ театръ и не увидите перваго дебюта m-lle George, то я доставлю вамъ такое утѣшеніе, какого вы не ожидаете. «Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я громко на этотъ разъ, я желалъ бы только одного, чтобы мнѣ позволили встать изъ-за стола и отправиться въ театръ.» — «Но вы не знаете, продолжалъ онъ, что утѣшеніе, которое я вамъ хочу предложить, также касается до театра.» — «Это какъ-то странно, сказалъ я голосомъ, въ которомъ слышно было сильное огорченіе и раздраженіе; но если такъ, то говорите; теперь уже пятый часъ и я терлю надежду увидѣть первый дебютъ m-lle George. Я довольно огорченъ, утѣшайте.» — Я познакомлю васъ съ замѣчательнымъ талантомъ и очень умнымъ человѣкомъ, съ Шушеринымъ. — «Еще разъ, покорно благодарю, возразилъ я; но вы опоздали: сегодня я два часа сидѣлъ у него и мы съ нимъ друзья. — Въ короткихъ словахъ рассказалъ я К...му, какъ это случилось. Между тѣмъ нетерпѣніе мое возросло до крайней степени. Я не могъ владѣть собою, и въ то же время, мнѣ было такъ совѣстно постороннихъ людей, которые смотрѣли на меня съ удивленіемъ, что я готовъ былъ заплакать. Мать моя сожалѣлась надо мною, и чтобы избавить меня отъ какихъ-нибудь глупостей, рѣшилась отпустить въ театръ. «Встань, сказала она; я попрошу извиненія у нашихъ любезныхъ гостей за твою неучтивость.» Не нужно было повторять этого позволенія. Каменный театръ находился очень близко, и черезъ 10 минутъ, я стоялъ уже въ партеръ, который былъ такъ полонъ, что только двое зрителей рѣшились втиснуться послѣ меня. Въ серединѣ партера кому-то сдѣлалось дурно; я воспользовался движеніемъ толпы, и когда выводили больнаго, подвинулся значительно впередъ. Хотя я ничего подобнаго m-lle George не видывалъ, но внутреннее чувство сказало мнѣ истину и я не раздѣлялъ общаго восторга зрителей, которые такъ хлопали и кричали, что казались дрожащими стѣны театра. Я осмѣлился сказать своимъ сосѣдямъ, что дебютантка слишкомъ поетъ стихи и что игра ея холодна. Дорого стоила мнѣ моя откровенность: около меня стояли и сидѣли по большей части Французы, и я былъ осмѣянъ и

обруганъ безъ пощады. Впослѣдствіи я прислушался къ пѣнію m-lle George и оно меня не поражало болѣе; но первое впечатлѣніе мое насчетъ холодности ея игры утвердилось еще болѣе, и не смотря на европейскую знаменитость этаго таланта, я осмѣлюсь сказать и теперь, что истиннаго чувства, сердечнаго огня у ней не было — была блестящая наружность, искусная, великолѣпная, но совершенно не естественная декламация — и только.

Семейство мое пробывъ въ петербургѣ полтора мѣсяца. Меня опредѣлили переводчикомъ въ комиссію составленія законовъ, гдѣ К...ій уже служилъ помощникомъ редактора или начальника отдѣленія. Я остался въ Петербургѣ съ меньшимъ братомъ, которому было тогда двѣнадцать лѣтъ. Мы наняли довольно хорошую квартиру въ Троицкомъ переулкѣ, недалеко отъ Аничковскаго моста, и вотъ началась моя тихая, однообразная жизнь. До обѣда я работалъ въ комиссіи, а братъ учился. Мы обѣдали обыкновенно дома, покуда не познакомились съ Шишковыми, кромѣ воскресенья которое проводили у Р...ихъ. Послѣ же обѣда, сначала черезъ день, а потомъ ежедневно, кромѣ вечеровъ проводимыхъ въ театрѣ, въ шесть часовъ я всегда, вмѣстѣ съ братомъ, уже звонилъ у дверей Шушерина. Нѣсколько первыхъ вечеровъ посвящены были единственно разговорамъ. Я рассказалъ все, что касалось до меня и до моего воспитанія. Шушеринъ сообщилъ мнѣ свое настоящее положеніе при театрѣ, сперва съ нѣкоторой осторожностью, а потомъ довольно откровенно. Впослѣдствіи полюбивъ меня и получивъ полную довѣренность къ моей скромности, онъ рассказалъ мнѣ подробно свое прошедшее, не всегда безукоризненное, свое настоящее, и свои надежды на будущее. О прошедшемъ, я поговорю послѣ; настоящее же его положеніе состояло въ слѣдующемъ. Уже 11 лѣтъ, какъ онъ перешелъ изъ Москвы на петербургскій театръ, перешелъ съ тою цѣлью и надеждой, чтобы прежняя его театральная служба, при частномъ театрѣ у Медокса въ Москвѣ, была зачтена въ послѣдствіи за службу при Императорскомъ театрѣ, въ чемъ онъ уже успѣлъ, съ помощью какихъ-то покровителей, которыхъ приобрѣтать

онъ былъ большой мастеръ. Теперь слѣдовало ему прослужить при Петербургскомъ театрѣ только два года, такъ называемой *благодарности*, послѣ назначенія полной пенсіи, которая состояла тогда изъ двухъ тысячъ рублей ассигнаціями для артистовъ, занимающихъ первое етрію; но Шушерину не хотѣлось оставаться долѣе на петербургской сценѣ, потому что репертуаръ измѣнился, и ему приходилось играть невыгодныя для себя роли: для *любовниковъ*, онъ уже устарѣлъ, а въ *герояхъ* его совершенно затмилъ актеръ Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ; къ тому же онъ не любилъ Петербурга, и только о томъ и думалъ, какъ бы ему перебраться въ Москву. Чтобы достигнуть и того и другаго, то есть пенсіи и Москвы, онъ, предварительно условившись съ однимъ изъ своихъ милостивцевъ (Сн.....мъ), притворился больнымъ, охалъ и стоналъ при тѣхъ посѣтителяхъ, къ которымъ не имѣлъ довѣренности, соблюдалъ при нихъ строгую діету, и даже принималъ лекарства, которыя щедро прописывалъ ему благосклонный театральнй докторъ. За то на единѣ, и даже при мнѣ, при С.....вѣ, или при Д. И. Я. . вѣ — онъ сбрасывалъ скучную маску: былъ живъ, веселъ, добръ какъ молодой человекъ и ѣлъ необыкновенно аппетитно и жирно. Въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль устроились правильно наши вечера, и вотъ началась для меня настоящая театральная школа.

На одной квартирѣ съ Шушеринымъ, въ особыхъ комнатахъ жила Надежда Федоровна, вдова его пріятеля, замѣчательнаго московскаго актера И. И. Калиграфа. Она была красавицей съ молодую и въ свое время также извѣстною актрисою на роли *злodeйкъ*. Въ одно время съ Шушеринымъ она перешла на петербургскую сцену и также по болѣзни выходила на пенсію, на 600 рублей ассигнаціями въ годъ, которую и получила прежде Шушерина, что было устроено имъ самимъ, съ намѣреніемъ облегчить полученіе своей пенсіи гораздо значительнѣйшей, ибо давать ихъ актерамъ съ московскаго театра Медокса, считая частную службу за казенную — было тогда дѣломъ новымъ и могло встрѣтить затрудненія. Надежда Федоровна была постоянной нашей

собьѣдницей, присутствовала и при чтеніяхъ; но когда Яковъ Емельяновичъ рассказывалъ про свою забубенную молодость или ставилъ меня на какія-нибудь роли, она уходила въ свою комнату, уводила съ собою моего брата, разговаривала съ нимъ или заставляла читать вслухъ.

Не могу вспомнить безъ восхищенія объ этомъ блаженномъ времени! Съ какимъ нетерпѣніемъ бывало ждалъ я половины шестаго, чтобъ идти на Синую площадь! Какъ весело и гостепріимно свѣтился огонекъ въ окошкахъ Шушерина! Я примѣчалъ его изъ далска, и ускорялъ нетерпѣливые шаги! Поспѣшно отворялась дверь при первомъ звонѣ колокольчика, и ласково привѣтствовала насъ Степанъ (*), говоря: «пожалуйте, Яковъ Емельяновичъ и Наджда Θεодоровна васъ дожидаются чай кушать». Въ самомъ дѣлѣ, насъ встрѣчали съ такимъ радушіемъ, съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ, что и теперь пріятно объ этомъ вспомнить. Рѣдко мѣшали намъ посторонніе посѣтители (**).

Шушеринъ началъ съ того, что выслушалъ всѣ, сколько-нибудь значительныя роли, которыя я игрывалъ; но предварительно я прочитывалъ вслухъ всю піесу; тогда онъ опредѣлялъ характеръ лица, которое мнѣ слѣдовало сыграть со всѣми его подробностями; опредѣлялись даже отношенія его къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ и ко времени, когда происходило дѣйствіе; я выучивалъ роли наизусть съ величайшею точностью, гораздо тверже, чѣмъ зналъ тогда, когда игралъ ихъ на театрѣ въ К...ни; потомъ Шушеринъ читалъ за тѣ дѣйствующія лица, съ которыми у меня шла сцена, а я игралъ свою роль, въ полномъ смыслѣ этого слова. Не рѣдко случалось, что я повторялъ по нѣскольку разъ одну и ту же сцену. Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ прошель онъ со мною болѣе двадцати зна-

(*) Степанъ, еще будучи мальчкомъ, былъ купленъ Шушеринымъ, кажется на имя Я... ва и воспитанъ въ ивгѣ и баловствѣ. Въ настоящее время, онъ уже былъ вольноотпущеннымъ и служилъ Шушерину по найму: и господинъ и слуга очень любили другъ-друга.

(**) Посторонними посѣтителями бывали: Д. И. Языковъ, В. П. Бергъ, Н. И. Гвѣдичъ, Н. И. Ильинъ, С. въ и нѣкоторые актеры.

чительныхъ ролей (*) кромѣ мелкихъ и я теперь не могу надвинуть его терпѣнію и любви къ искусству. Съ самаго моего дѣтства, я никогда не игралъ молодыхъ людей любовниковъ, какъ говорится на театральномъ языкѣ. Судя, по большому запасу огня, которымъ я былъ надѣленъ отъ природы, по моему росту и наружности, Шушеринъ думалъ, что я долженъ непременно играть любовниковъ и что я случайно попалъ на роли благородныхъ отцевъ и стариковъ, и нѣсколько разъ пробовалъ меня, заставляя играть Сенда въ «Магометъ», Фрица въ «Сынъ любви» и Цедерштрема въ «Бѣдности и благородствѣ души», но успѣха не было: любовный огонь у меня не выражался. Убѣдившись въ этомъ, Шушеринъ хотѣлъ, чтобы я игралъ молодыхъ людей не влюбленныхъ и особенно налегалъ на роль «Полиника» въ «Эдипъ въ Афинахъ»: все напрасно... чувства выражались у меня какъ-то не молодо и не бышено. Напротивъ въ роли Эдипа, онъ былъ мною очень доволенъ. Впрочемъ, мы занимались не одними театральными пьесами. Я читалъ вслухъ все интересное, что только появлялось въ литературѣ; разумеется были прочтены всѣ любимыя мои стихотворцы; вообще у Шушерина было много эстетическаго чувства.

Года черезъ полтора, когда дѣло о пенсіи подвинулось значительно впередъ и можно было назвать его почти вѣрнымъ, Шушеринъ сталъ по немногу снимать съ себя маску мнимой болѣзни; сталъ иногда прогуливаться и ходить со мною изрѣдка въ театръ, хотя послѣднее дѣлалъ съ большою осторожностью, переодеваясь въ самое простое платье, такъ, что его рѣшительно никто не узнавалъ въ театрѣ. Тогда начинала входить въ славу Катерина Семеновна Семенова. Я видѣлъ ее въ первый разъ въ роли Ксении, въ «Дмитрѣ Донскомъ» и раздѣлялъ общее восхищеніе зрителей; но Шушеринъ къ великому удивленію моему сказалъ мнѣ, что она начинаетъ портиться и что онъ рѣшительно не доволенъ

(*) Разумеется, въ томъ числѣ были роли, которыхъ я никогда не игралъ, но чтобы заставить Шушерина проходить ихъ со мной, я его обманывалъ и говорилъ, что ихъ игралъ, или что долженъ буду играть на домашнемъ театрѣ у Шашкова и у Лабзина.

ею въ трагическихъ роляхъ, кромѣ ролей «Антигоны» и «Корделии», что она попала въ руки такихъ учителей, которые собьютъ ее съ толку, выучать ее съ голосу завыванію по нотахъ. «Да, любезный другъ, говорилъ мнѣ Шушеринъ, Семенова такой талантъ, какого не бывало на русской сценѣ, да едва ли и будетъ. Ты не можешь судить о ней, не видавши ее въ тѣхъ роляхъ, которыя она игрывала, будучи еще въ школѣ, когда ею никто не занимался и не училъ ее. Ее надобно видѣть въ «Примиреніи двухъ братьевъ» или «Корсиканцахъ» Коцебу. Какъ скоро будутъ давать эти пьесы, я иду вмѣстѣ съ тобой въ театръ. Я замѣтилъ въ ней даже перемѣну, когда игралъ въ послѣдній разъ «Эдипа» и «Леара», въ Антигону и Корделию: она начинала надуваться и завывать. Я тогда же ей сдѣлалъ замѣчаніе; но она отвѣчала мнѣ, что ее такъ учатъ. И знаешь ли ты, кто ея главный учитель? Ты, кажется, слышалъ его чтеніе у А. С. Шишкова? Это Н. И. Гнѣдичъ, хотя я его очень люблю и уважаю, но боюсь, что этотъ одноглазый чортъ погубитъ талантъ Семеновой.» — Въ непродолжительномъ времени, мы вмѣстѣ съ Шушеринымъ видѣли ее въ обихѣ, выше мною названныхъ пьесахъ Коцебу; игра Семеновой меня очаровала, и я, почувствовавъ ея истинное достоинство; но Шушеринъ говорилъ, что она прежде играла простѣе и естественнѣе. «Стоя на колѣняхъ» съ жаромъ воскликнулъ Шушеринъ, надо было смотрѣть ее въ этихъ двухъ роляхъ!» Онъ находилъ, что слѣды проклятой декламации уже начинали и здѣсь показываться. Я тогда не умѣлъ и не могъ этого замѣтить.

Разнесся слухъ, что Гнѣдичъ переводитъ Вольтерова «Танкреда», для того чтобы Семенова въ роли Аменанды показала во всемъ блескъ свой талантъ и могла бы достойно соперничать съ *madame George*, игрою которой Гнѣдичъ не былъ вполнѣ доволенъ; онъ особенно чувствовалъ въ ней недостатокъ огня, которымъ самъ былъ надѣленъ даже въ излишество. Вскорѣ Гнѣдичъ, заѣхавъ къ Шушерину сказалъ ему, что переводитъ «Танкреда» и даже привезъ прочесть начало своего перевода, который по тогдашнему времени по-

казался намъ превосходнымъ. Переводъ былъ конченъ и пѣса поставлена съ необыкновенною поспѣшностью, въ три мѣсяца. Все исполнилось такъ, какъ предполагалъ переводчикъ: Семенова торжествовала и въ публикѣ образовалась партія, которая не только сравнивала ее съ m-lle George; но въ роли Аменаиды отдавала ей преимущество. Въ послѣдствіи переводъ Танкрѣда былъ напечатанъ съ приложеніемъ портрета Семеновой и стихами къ ней переводчика. Мы съ Шушеринымъ видѣли Семенову въ роли Аменаиды два раза; во второй разъ Шушеринъ смотрѣлъ ее единственно для повѣрки сдѣланныхъ имъ замѣчаній послѣ перваго представленія, которыя показались мнѣ не совсемъ справедливыми; но Шушеринъ былъ правъ и убѣдилъ меня совершенно. Превозносимая игра Семеновой въ этой роли представляла чудную смѣсь, которую могъ открыть только опытный и зоркій глазъ такого артиста какимъ былъ Шушеринъ. Игра эта слагалась изъ трехъ элементовъ: первый состоялъ изъ незабытыхъ еще вполне приѣмовъ, манеры и формы выраженія всего того, что игрывала Семенова до появленія m-lle George; во второмъ — слышалось неловкое ей подражаніе въ напѣвъ и быстрыхъ переходахъ отъ оглушительнаго крика въ шопоть и скороговорку. Шушерину при мнѣ сказывали, что Семенова, очарованная игрою Жоржъ и день и ночь упражнялась въ подражаніи, или лучше сказать въ передражниваніи ея эффектной декламаци; третьимъ элементомъ, слышимымъ болѣе другихъ — было чтеніе самаго Гнѣдича, пѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное; и, конечно, всегда согласное со смысломъ произносимыхъ стиховъ, чего однако, онъ не всегда могъ добиться отъ своей ученицы. Вся эта амальгама, озаренная поразительною сценическою красотою молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ неподражаемаго, очаровательнаго голоса — производила увлеченіе, восторгъ и вырывала громъ рукоплесканій. Послѣ втораго представленія «Танкрѣда» Шушеринъ сказалъ мнѣ съ искреннимъ вздохомъ огорченнаго художника: «Ну, дѣло кончено: Семенова погибла невозвратно, то есть, она дальше не

пойдетъ (*). Она не получила никакого образованія и не такъ *умна*, чтобы могла сама выбиться на прямую дорогу. Да и зачѣмъ, когда всѣ восхищаются, всѣ въ восторгѣ? А что могло бы выдти изъ нея!... И до своей смерти, Шушеринъ, не могъ безъ огорченія говорить о великомъ талантѣ Семеновой, погибшемъ отъ вліянія пагубнаго примѣра ложной методы декламации г-жи Жоржъ, и разныхъ учителей, которые всегда ставили Семенову на ея роли съ голоса.

Другою знаменитостью на Петербургской сценѣ, былъ трагическій актеръ Алексѣй Семѣновичъ Яковлевъ. Талантъ огромный, одаренный всеми духовными и тѣлесными средствами; но увы, шедшій также по ложной дорогѣ. Онъ вышелъ изъ купеческаго званія; не имѣлъ никакого образованія, и что всего хуже имѣлъ сильную склонность къ веселымъ компаніямъ. Передъ его вступленіемъ на сцену, некоторое время занимался имъ знаменитый ветеранъ театральнаго искусства Иванъ Леонасьевичъ Дмитревскій, и потому-то первые дебюты Яковлева снискали ему благосклонность публики, которая неумѣренными знаками одобренія поспѣшила испортить своего любимца. Гдѣ есть театръ, тамъ есть и записные театралы. Это народъ самый вредный для молодыхъ талантовъ: они кружатъ имъ головы восторженными похвалами и угощеніями, всегда сопровождаемыми излишествомъ употребленія *даровъ Вакха*, какъ говаривали наши стихотворцы. Но несчастію Яковлевъ и прежде имѣлъ къ нимъ склонность. Чадъ похвалъ и вина охватилъ его молодую голову; онъ счелъ себя за великаго актера, за мастера, а не за ученика въ искусствѣ, сталъ рѣже и рѣже посѣщать Дмитревскаго и наконецъ совсѣмъ его оставилъ. Новыя роли не пройденныя съ Дмитревскимъ игрались нелѣпо. Благосклонность публики однако не уменьшалась. Стоило Яковлеву пустить въ дѣло свой могучій органъ, кстати или не кстати —

(*) Шушеринъ былъ совершенно правъ: чудный талантъ К. С. Семеновой не развился, и игра ея съ каждымъ годомъ становилась слабѣе до самаго окончанія ея театральнаго поприща.

это все равно, и театръ гремѣлъ и ревѣлъ отъ рукожлесканий и браво. Стихъ Озерова въ Дмитрѣв Донскомъ:

« Мечи булатные и стрѣлы каленыя »

въ которомъ слово *стрѣлы* произносилось, Богъ знаетъ почему, съ протяжнымъ, оглушительнымъ трескомъ, или другой стихъ въ роли «Тезея»:

« Мой мечъ союзникъ мнѣ »

причемъ Яковлевъ вскрикивалъ, какъ изступленный, ударяя ладонью по рукояткѣ меча — приводилъ въ истовый восторгъ зрителей, отъ котораго даже останавливался ходъ пьесы; я бѣсился, и передъ этими стихами заранѣе выбѣгалъ въ театральнй корридоръ, чтобъ пощадить свои уши отъ безумнаго крика, топанья и хлопанья. Яковлевъ до того забывался, что иногда являлся на сценѣ не въ трезвомъ видѣ. Но публика не замѣчала или не хотѣла замѣтить — и хлопала по обыкновенію.

Въ самую эту эпоху, сидѣли мы одинъ разъ съ Шушеринымъ и я что-то читалъ ему. Вдругъ раздался необыкновенно громкій звонокъ и черезъ минуту ввалился въ гостиную полу-пьяный Яковлевъ. Онъ остановился въ дверяхъ и громозвучнымъ голосомъ сказалъ:

« Здравствуй братъ
Визирать!

Какъ изволишь поживать? »

Къ удивленію моему, Шушеринъ проворно соскочилъ съ дивана, на которомъ лежалъ, бросился на встрѣчу гостю, снялъ колпакъ, началъ кланяться и шутовскимъ голосомъ отвѣчалъ:

« Слава-сте Богу
Живемъ по немногу. »

Откуда взялся этотъ разговоръ на виршахъ, я не знаю. Дѣло въ томъ, что Шушеринъ, не любившій Яковлева, какъ счастливаго соперника, захотѣлъ потѣшиться своимъ гостемъ и показать мнѣ его, во всей невыгодной его славу. Чтобы не беспокоить Надежду Феодоровну, которая съ моимъ братомъ сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, онъ вывелъ Яковлева въ залу, затворилъ двери въ гостиную, приказалъ подать самоваръ,

бутылку рому и огромную чашку, которую не грѣхъ было назвать маленькой вазой, и мы втроемъ сѣли посреди комнаты около круглаго стола. Шушеринъ наполнилъ гостя до плеча и цѣлый вечеръ безжалостно дурачилъ. Онъ называлъ сѣго великимъ Яковлевымъ, заставлялъ декламировать разныя мѣста изъ его ролей, подстрекая словами: «Ну, Алексѣй Семенычъ, покажи себя, не ударь лицомъ въ грязь; мнѣ хочется, чтобы вотъ молодой мой пріятель (указывая на меня) увидѣлъ тебя во всей славѣ твоего великаго таланта.» И пьяный Яковлевъ доходилъ до неистовства, до отвратительнаго безобразія. Наконецъ Шушеринъ съ притворнымъ участіемъ упросилъ его разсказать о недавно случившемся съ нимъ несчастномъ происшествіи, которое Яковлевъ, трезвый, скрывалъ отъ всѣхъ, и которое состояло въ слѣдующемъ: подгулявшій Яковлевъ вышелъ съ какой-то поздней пирушки, и, не имѣя своего экипажа, потребовалъ, чтобъ одинъ изъ кучеровъ отвезъ его домой; кучера не согласились, потому что у каждаго былъ свой баринъ или свой съдокъ; Яковлевъ сталъ ихъ бранить, называть скотами, которые не понимаютъ счастья вести великаго Яковлева, и, какъ эти слова ихъ не убѣдили — принялся съ ними драться; кучера разсердились, и такъ отдѣлали его своими кнутьями, что онъ нѣсколько дней былъ боленъ. Сцена отвратительная, но жалкая; а Шушеринъ валялся со смѣху, слушая добродушный и вполне откровенный разсказъ Яковлева. Эта черта въ Шушеринѣ мнѣ очень не понравилась, и я поспѣшилъ уйти домой; въ слѣдъ за мною Шушеринъ выпроводилъ Яковлева безъ всякихъ церемоній. Въ этотъ же разъ, покуда не совсѣмъ опьянѣлъ, Яковлевъ разсказалъ намъ, что онъ знакомъ съ Державинымъ, и ходитъ къ нему читать или декламировать его оды; что Державинъ, слушая ихъ, приходитъ въ восторгъ и дѣлаетъ разныя жесты, и, когда Яковлевъ, читая оду «Богъ» произнесъ стихъ:

«Кого мы называемъ Богъ!»

Державинъ схватилъ съ головы колпакъ, и такъ низко наклонился, что стукнулся лбомъ объ столъ, за которымъ

сидѣль. Яковлевъ и Шушеринъ смѣялись; но мнѣ вовсе не казалось смѣшнымъ такое горячее сочувствіе знаменитаго нашего лирика къ своимъ высокимъ произведеніямъ.

Мнѣ случилось еще провести одинъ вечеръ у Шушерина съ Яковлевымъ; но въ этотъ разъ онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Иваномъ Аванасъичемъ Дмитревскимъ, котораго я до тѣхъ поръ не видывалъ, да и послѣ не видалъ: и такъ это было для меня одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ вечеровъ во всей Петербургской жизни. Яковлевъ съ Дмитревскимъ сошлись нечаянно; первый былъ еще совершенно трезвъ, и появленіе старика очень его смутило, потому что онъ не навѣщалъ бывшаго своего наставника, нѣсколько мѣсяцевъ. Дмитревскій былъ уже очень слабъ, даже дряхлъ; съ трудомъ передвигалъ ноги и ходилъ съ помощью чловѣка; онъ показался мнѣ средняго роста; но какъ станъ его былъ сгорбленъ годами, то можетъ быть я и ошибся; лица его я разсмотрѣть не могъ, потому что глаза его не сносили свѣта и свѣчки были поставлены сзади; голосъ тогда былъ у него уже слабый и дребезжащій, онъ немного пришепetyивалъ и сюсюкалъ; голова тряслась безпрестанно, однимъ словомъ: это были развалины прежняго Дмитревскаго. Посѣщеніе его, вовсе неожиданное для Шушерина, къ которому ѣзжалъ онъ чрезвычайно рѣдко, я считалъ для себя особенною милостію судьбы. Шушеринъ представилъ меня Дмитревскому, какъ дилетанта театральнаго искусства. Старикъ былъ со мной очень ласковъ и учтивъ, какъ чловѣкъ жившій всегда въ хорошемъ обществѣ. Я говорилъ съ нимъ о К....нскомъ театрѣ и объ его ученицѣ Феклушѣ; онъ очень ее помнилъ и подтвердилъ мнѣ всѣ ея рассказы. Во все время нашего разговора, сконфуженный Яковлевъ молчалъ; но скоро Дмитревскій самъ къ нему обратился, и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Иванъ Аванасъичъ, дряхлый тѣломъ, былъ еще бодръ и свѣжъ умомъ. Онъ принялся такъ ловко цунять Яковлева за его поведеніе, за неуваженіе къ искусству, за давнишнее забвеніе своего прежняго руководителя, проложившаго ему путь къ успѣхамъ на сценѣ, что Яковлевъ не зналъ куда дѣваться: кланялся, обнималъ старика и только

извинялся тѣмъ, что множество ролей и частые спектакли отнимають у него все время. Дмитревскій улыбался, и въ нѣсколькихъ словахъ показалъ, что это все вздоръ, что онъ знаетъ весь репертуаръ Яковлева не хуже его самого. Въ числѣ оправданій, Яковлевъ упомянулъ о поѣздкѣ своей въ Москву; онъ распространился о своихъ блистательныхъ успехахъ на Московской сценѣ, и въ доказательство вынулъ изъ кармана, и показалъ намъ дорогую золотую табакерку, осыпанную крупными брилліантами, съ самою лестною надписью. Табакерку цѣнили въ 5,000 рублей. Досадно, что я не помню надписи; но кажется она состояла въ томъ, что Московское дворянство изъявляетъ свою благодарность знаменитому артисту Яковлеву. Эта табакерка ужасно возгордила его; даже теперь взглянувъ на нее, онъ вдругъ ободрился и началъ говорить о себѣ съ дерзкою самоувѣренностью. Онъ сказалъ между прочимъ, что никто еще въ Россіи не удостоился получить такого блистательнаго знака благодарности отъ цѣлаго сословія благороднаго Московскаго дворянства, что судъ знатоковъ въ Москвѣ гораздо строже, чѣмъ въ Петербургѣ; потому что въ Москвѣ народъ не занятый, вольный, живетъ въ свое удовольствіе и театромъ занимается серьезно, тогда, какъ здѣсь все люди занятые службой, которымъ нѣкогда углубляться въ тонкости театральнаго искусства, все чиновники да гвардейцы, что его игра въ роли «Отеллы» (*) всего болѣе понравилась Московской публикѣ, и что она два раза требовала повторенія этой пьесы. При сихъ словахъ вдругъ обратился онъ съ вопросомъ къ Дмитревскому, сильно раздраженному его хвастовствомъ: «Позвольте узнать, достопочтеннѣйшій Иванъ Аванасъичъ, довольны ли вы моею игрою въ роли «Отелло», если вы только удостоили вашимъ присутствіемъ представленіе этой пьесы?» Дмитревскій часто употреблялъ въ разговорахъ слова «душа моя»; но букву ш онъ произносилъ нечисто, такъ что ее заглушалъ звукъ буквы с; помолчавъ и посмотря иронически на вопрошаю-

(*) Трагедія «Отелло» была переведена съ Французской передѣлки Дюсиса, г-мъ Вельяминовымъ.

шаго, онъ отвѣчалъ: «Видѣль, дуса моя; но за чѣмъ тебѣ знать, что я думаю о твоей игрѣ? Вѣдь тебя хвалятъ, и всегда вызываютъ; благородное руссiйское дворянство тебѣ подарило табакерку. Чегожь тебѣ еще? Ты хорошь, прекрасень, неподобень.» Яковлевъ чувствовалъ, что это насмѣшка. «Нѣтъ, достопочтеннѣйшій Иванъ Аванасъичъ, продолжалъ Яковлевъ съ жаромъ и даже чувствомъ, мнѣ этого мало. Ваша похвала для меня дороже похвалы всѣхъ царей и всѣхъ знатоковъ въ мiрѣ. Я обращаюсь къ вамъ, какъ артистъ къ артисту, какъ славный актеръ настоящаго времени къ знаменитому актеру прошедшаго времени.» Яковлевъ поднялся съ кресель, сталъ въ позицію передъ Дмитревскимъ, ударилъ себя рукою въ грудь и голосомъ «Отелло» произнесъ: «Правды требую, правды!» Скрывая негодование, Дмитревскiй, съ убiйственнымъ хладнокровiемъ отвѣчалъ: «Если ты непременно хочешь знать правду, душа моя, то я скажу тебѣ, что роль Отеллы ты играешь, какъ сапожникъ.» Эффектъ былъ поразителенъ: Шушеринъ плавалъ въ восторгѣ, потому что терпѣть не могъ Яковлева, и хотя не любилъ, но уважалъ Дмитревскаго; я весь превратился въ напряженное вниманiе; Яковлевъ, такъ великолѣпно и смѣло вызвавшiй строгiй приговоръ, пораженный почти собственнымъ оружиемъ, нѣсколько мгновений стоялъ неподвижно, потомъ поклонился Дмитревскому въ поясъ, и смиренно спросилъ: «Да чѣмъ же вы недовольны Иванъ Аванасъичъ?» — «Да всѣмъ», отвѣчалъ Дмитревскiй, давшiй вдругъ волю своей горячности: «Что ты, напримѣръ сдѣлалъ изъ превосходной сцены, когда призываютъ Отелло въ Сенатъ, по жалобѣ Бранцiо? гдѣ этотъ благородный, почтительный воинъ, этотъ скромный побѣдитель, такъ искренно, такъ простоушно говорящiй о томъ, чѣмъ понравился онъ Десдемонъ? Кого ты играешь? Буяна, сорванца, который махая кудачами, того и гляди, что хватить въ зубы кого нибудь изъ Сенаторовъ...» и съ этими словами Дмитревскiй съ живостью поднялся съ кресель, сталъ посреди комнаты и проговорилъ наизусть почти до половины монолога Отелло, съ совершенною простотой, истиной и благородствомъ. Всѣ мы были поражены

изумленіемъ, смѣшаннымъ съ какимъ то страхомъ. Передъ нами стоялъ не дряхлый старикъ, а бодрый хотя и не молодой Отелло; жеста не было ни одного: почтительный голосъ его былъ твердъ, произношеніе чисто и голова не тряслась (*). Шушеринъ опомнился первый, бросился къ Дмитревскому, схватилъ его подъ обѣ руки, цѣловалъ въ плечо и восклицалъ: «Вотъ великій актеръ, вотъ неподражаемый артистъ!» съ большимъ трудомъ довелъ его до кресель. Дмитревскій такъ ослабѣлъ, что попросилъ рюмку мадеры. Яковлевъ стоялъ какъ опущенный въ воду. Всѣ молчали, точно испуганные сверхъестественнымъ явленіемъ. Оправившись Дмитревскій сказалъ: «Разгорячилъ ты меня старика, душа моя, и я пролежу отъ того недѣли двѣ въ постель». Голосъ его дребезжалъ, языкъ пришепетывалъ и голова тряслась по прежнему:—«Пора мнѣ домой, продолжалъ онъ. Если хочешь, душа моя Алеса, вѣдь я прежде всегда такъ называлъ тебя, то прѣзжай ко мнѣ: я пройду съ тобой всю роль. Прощай Яковъ Емельяновичъ». Дмитревскій едва могъ подняться съ кресель; Степанъ вмѣстѣ со слугой Дмитревскаго, повели его подъ руки; Шушеринъ забывъ свою мнимую болѣзнь и холодную погоду, схватилъ свѣчу, и, въ одномъ фланелевомъ плафрокѣ, побѣжалъ проводить знаменитаго гостя и самъ усадилъ его въ карету. Когда онъ воротился, Яковлевъ стоялъ въ томъ же положеніи, задумчивый, смущенный и безмолвный. Шушеринъ принялся хохотать. «Что братъ? Озадачилъ тебя старикашка?» — «Да, отвѣчалъ Яковлевъ; я услышалъ истину.» — Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что Шушеринъ не поддержалъ въ Яковлевѣ такого добраго расположенія. Онъ принялся шутить, хвалить Яковлева, и даже сказалъ, что всякому слову Дмитревскаго вѣрить нельзя, а въ доказательство его фальшивости, рассказалъ происшествіе случившееся съ нимъ самимъ. Когда я прѣехалъ изъ Москвы въ Петербургъ, такъ говорилъ Шушеринъ, по вызову здѣшней дирекціи, для поступленія въ службу на

(*) Шушеринъ рассказывалъ мнѣ, что голова у Дмитревскаго давно начинала трястись; но что когда бывалъ онъ на сценѣ, это было непримѣтно, а равно и недостаткомъ его произношенія.

Императорскій театръ, мнѣ были назначены три дебюта: «Сынъ любви», «Эмилія Галотти» и «Дидона» трагедія Княжнина, въ которой я съ успѣхомъ игралъ роль «Ярба.» Я обратился къ патриарху русскихъ актеровъ, къ Ивану Аванасьичу, который зналъ меня давно въ Москвѣ, всегда очень хвалилъ и способствовалъ моему переходу въ Петербургъ. Не смотря на это, я боялся, чтобы его отзывы о моихъ дебютахъ не повредили мнѣ, потому что не надѣялся на прежнія похвалы его, сказанныя мнѣ въ глаза. Я хотѣлъ его напередъ задобрить и просилъ его, чтобы онъ прослушалъ мои дебютныя роли; и хотя онъ отговаривался, что это не нужно, что ученаго учить только портить; но я просилъ неотступно и онъ выслушалъ меня. По первымъ двумъ ролямъ моихъ дебютовъ, я получилъ подозрѣніе, что Иванъ Аванасьичъ хитритъ: самыя лучшія мѣста въ моихъ роляхъ, которыя я обработалъ и исполнялъ хорошо, онъ какъ будто не примѣчалъ, а напротивъ тѣ мѣста, которыя были у меня слабы, и которыми я самъ былъ недоволенъ, онъ очень хвалилъ. Постой же, старый хрычъ, подумалъ я; я тебя выведу на свѣжую воду. Первые два дебюта сошли очень хороши. Когда я прѣхалъ къ Ивану Аванасьевичу съ ролею Ярба, то прочелъ ее всю, какъ слѣдуетъ кромѣ одного мѣста, которое у меня было лучше всѣхъ, и въ которомъ Московская публика меня всегда отлично принимала; это 1-е явленіе въ 4-мъ дѣйствіи, гдѣ Ярбъ бросается на колыни и обращается къ Юпитеру.

О ты, котораго всѣ чтутъ моимъ отцомъ,
 Великій Юпитеръ, держави! страшный громъ!
 Зри сыну твоему творимыя досады!
 Впервые для своей молю тебя отрады:
 Когда ты мой отецъ, яви, что я твой сынъ.
 Изъ мрака грозныхъ тучъ, и проч.

Видя же, что въ природѣ ничего не дѣлается и Юпитеръ молчитъ; Ярбъ съ яростью встаетъ и говоритъ:

Но что, слова мои напрасно я теряю.
 И своего отца безъ пользы умоляю!
 Когда ты не разишь, отцомъ тебя не чту,
 И только тщетную, въ тебѣ я зрю мечту.

Я прочелъ эти стихи такъ слабо, такъ дрянно, что мнѣ было стыдно смотреть на Ивана Аванасьича. Что же онъ? Обнялъ меня и говоритъ: «Прекрасно, неподобно, точно такъ, какъ я прежде игрывалъ эту роль.» Я спросилъ даже, не слабо ли я играю это мѣсто, не нужно ли его усилить; но онъ увѣрялъ, что надобно точно такъ играть. Во время представленія пьесы, Иванъ Аванасьичъ сидѣлъ на креслахъ, между двухъ первыхъ кулисъ. Я, разумѣется, игралъ это явленіе совсѣмъ не такъ, какъ читалъ; публикѣ оно очень понравилось, долго хлопали и кричали браво. Когда я сошелъ со сцены и подошелъ къ Дмитревскому, онъ обнялъ меня, превозносилъ похвалами, а на ухо шепнулъ мнѣ: «ты селяма, бестія, плутъ, мосенникъ; ты знаешь за что.» Долго онъ не могъ простить мнѣ этой штуки, и сколько я ни увѣрялъ его, что это случилось нечаянно, что это былъ сценическій порывъ, котораго я въ другой разъ и повторить не съумю — старикъ грозилъ пальцемъ и начиналъ меня ругать.» — Этотъ разсказъ очень поколебалъ Яковлева въ довѣренности къ Дмитревскому. Потомъ онъ сильно подпилъ и уходя сказалъ: «Побѣду къ старику, только надуть себѣ не дамъ.» Я забылъ сказать, что въ этотъ же вечеръ, еще до пріѣзда Дмитревскаго, Яковлевъ сказалъ намъ, что написалъ поэму въ стихахъ. Шушеринъ лукаво улыбнулся и сказалъ, что очень бы желалъ ее послушать, и Яковлевъ вынулъ изъ кармана тетрадку и прочелъ нѣсколько куплетовъ. Стихи были, или показались намъ, очень хороши и мы оба, изумленные такой неожиданностью, горячо ихъ хвалили. Яковлевъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь (это былъ любимый его жестъ) и сказалъ обращаясь къ Шушерину: «Да братъ, это Этна, въ которой много кипитъ огня. Завтра прочту свою поэму Гавріилу Романовичу Державину.» Я послѣ видѣлъ эту пьесу, напечатанную отдѣльно. Это была не поэма, а большая лирическая пѣснь, духовно-нравственнаго содержания, написанная по тогдашнему весьма хорошими стихами, и конечно, обличала новое дарованіе въ этомъ замѣчательномъ и талантливомъ человѣкѣ. Поступокъ Шушерина меня огорчилъ. Изъ всѣхъ разсказовъ объ Яковлевѣ должно было за-

ключить, что въ основаніи характера этого челоуѣка, много лежало благороднаго и прекраснаго. Оставшись наединѣ съ Яковомъ Емельянычемъ, я упрекалъ его, но онъ отшучивался и отвѣчалъ мнѣ, что я еще молодъ и когда проживу съ его на свѣтѣ, то иначе буду смотреть на людей.» Только Шушеринъ съ этихъ поръ сдѣлался осторожнѣе и старался при мнѣ ничего подобнаго не говорить.

Гнѣдичъ переводилъ тогда Илліаду. Онъ позвалъ Шушерина къ себѣ, чтобы выслушать осьмую пѣснь, только что имъ конченную. Шушеринъ былъ такъ любезенъ, что сейчасъ вспомнилъ обо мнѣ и выпросилъ позволеніе привезть меня съ собою: до тѣхъ поръ я не былъ лично знакомъ съ Гнѣдичемъ. Онъ переводилъ Илліаду, начавъ съ седьмой пѣсни, потому что считалъ переводъ первыхъ шести пѣсней Кострова вполне удовлетворительнымъ; переводилъ онъ ямбами съ рифмами и дошелъ до половины десятой пѣсни. Всемъ извѣстно, что въ послѣдствіи, по совѣту С. С. У., подкрѣпленному совѣтомъ А. Н. О., Гнѣдичъ уничтожилъ свой ямбическій переводъ, и началъ переводить Илліаду съ первой пѣсни гекзаметрами. Я помню, что тогда, не понимая дѣла, я очень сожалѣлъ объ этой переменѣ. Мы пошли съ Шушеринымъ пѣшкомъ, и онъ предупредилъ меня, что Гнѣдичъ будетъ читать съ такимъ жаромъ и съ такими жестами, что опасно сидѣть близко къ нему, особенно съ криваго глаза, и заранѣе потѣшался уродливостію его декламации. Все это въ Шушеринѣ мнѣ было досадно. Гнѣдичъ принялъ насъ радушно, и послѣ нѣсколькихъ словъ о театрѣ и о Семеновѣ, причѣмъ Шушеринъ не пропустилъ okazji сказать, вопреки своему убѣжденію, что она очень успѣваетъ подъ его руководствомъ — принялся читать осьмую пѣснь Илліады. Предсказанія Шушерина сбылись. Гнѣдичъ, читая передъ актеромъ и передъ неизвѣстнымъ ему молодымъ челоуѣкомъ, котораго онъ считалъ также, чѣмъ-то въ родѣ актера — далъ себѣ полную волю. Тутъ я увидѣлъ, что не имѣлъ понятія о чтеніи Гнѣдича, хотя и слышалъ его одинъ разъ у А. С. Шишкова, гдѣ онъ читалъ седьмую пѣснь Илліады при довольно многочисленномъ собраніи почтенныхъ

слушателей. Гнѣдичъ декламировалъ неистово, съ движеніями и жестами, въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшными. Я сидѣлъ прямо противъ него, а Шушеринъ съ боку, и я видѣлъ какъ онъ забавлялся, что мѣшало мнѣ восхищаться славными стихами Гнѣдича. Судьба захотѣла въ этотъ разъ исполнить пошлость Шушерина; Гнѣдичъ въ пылу декламаціи такъ махнулъ рукой, что задѣлъ за подсвѣчникъ, который вмѣстѣ съ свѣчей пролетѣлъ мимо головы Шушерина, онъ бросился поднять подсвѣчникъ; но Гнѣдичъ схватилъ его за руку, удержалъ на мѣстѣ, и яростно смотря ему въ лицо дочиталъ, какъ Діомидъ, посадивъ возницей Нестора на свою колесницу, полетѣлъ противъ Гектора.... Я поднялъ свѣчку, натурально переломившуюся и поставилъ на другой столъ. Вскорѣ пришла и моя очередь, Гнѣдичъ вдругъ обратился ко мнѣ, перекинулся черезъ столикъ, за которымъ сидѣлъ и, произнося стихъ:

«Сего же злаго пса стрѣла не улучшаетъ!» (*).

едва не выкололъ мнѣ глазъ своимъ указательнымъ пальцемъ. Шушеринъ смѣялся, за спиною у чтеца, и дѣлалъ мнѣ такіе уморительные жесты, что я самъ едва не расхохотался. Послѣ окончанія чтенія онъ былъ такъ не деликатенъ, что спросилъ у Гнѣдича, «не ушибъ ли онъ руку о подсвѣчникъ?» но послѣдній съ досадою отвѣчалъ: «нѣтъ». Наконецъ мы простились съ хозяиномъ. Я искренно благодарилъ за удовольствіе, которое доставили мнѣ его стихи, а Шушеринъ благодарилъ очень двусмысленно, говоря, что Николай Ивановичъ его утѣшалъ, и что онъ никогда не забудетъ этого вечера. Когда мы вышли на улицу Шушеринъ такъ принялся хохотать, что мы нѣсколько времени простояли на одномъ мѣстѣ. Я хмурился, и не смѣялся, и это еще болѣе смѣшило Шушерина. Я сказалъ ему, что не смотря на уродливья выходки, въ чтеніи Гнѣдича такъ много силы и выразительности, что я слушалъ его съ большимъ удовольствіемъ; но Шушеринъ возразилъ, что было бы еще выра-

(*) Гекзаметромъ этотъ стихъ переведенъ Гнѣдичемъ такъ:

«Только сего не дается, савръшаго пса мнѣ умѣтять.»

зительнѣе, еслибъ Гвидичъ, желая придать болѣе силы своему стиху, пустилъ въ меня подсвѣчникомъ, какъ Гекторъ, бросившій камень въ Тевкра.... Шушеринъ не вполне понималъ Гомера, и слова *песъ*, особенно *псица*, какъ называетъ Ириса богиню Палладу Аѳину, возмущали и смѣшили его.

Была прекрасная лѣтняя ночь, тихая и свѣтлая, какъ это бываетъ иногда въ Петербургѣ. Изъ садовой мы вышли на набережную Фонтанки, хотя это было дальше, и такъ прошли до Сѣнной. Брата моего уже не было у Надежды Θεодоровны, въ окнахъ было темно; онъ ушелъ спать домой, потому что мы жили тогда уже на другой квартирѣ, въ домъ Волкова, очень близко отъ Шушерина, въ томъ переулкѣ, который идетъ съ Сѣнной на Екатеринку.

Проходя со мною роль: «Неизвѣстнаго» въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», имѣвшей большой успѣхъ на многихъ европейскихъ театрахъ, Шушеринъ не былъ мною доволенъ, и требовалъ отъ меня болѣе простоты и естественности. Чтобъ показать мнѣ, какъ должно играть эту роль, онъ пошелъ со мною въ нѣмецкій театръ, на которомъ, актеръ Фьяло или Фьяль (кажется такъ) по мнѣнію Шушерина и всѣхъ знатоковъ игралъ эту роль превосходно. Оба мы не знали нѣмецкаго языка; но игра Фьяло была такъ выразительна, а пѣса намъ такъ известна, по русскому переводу, что мы оба понимали ее совершенно и на нѣмецкомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ игра Фьяло могла назваться совершенствомъ естественности и простоты чувства. Съ непривычки эта простота даже меня удивила, особенно потому, что окружающія его дѣйствующія лица, хотя также играли довольно просто, но все не попадали въ одинъ тонъ съ неподражаемымъ Фьяло. Я передѣлалъ свою игру въ роль «Неизвѣстнаго» и Шушеринъ былъ такъ доволенъ, что даже обнялъ и поцѣловалъ меня (*).

Я продолжалъ между-тѣмъ, отъ времени до времени смотрѣть Жоржъ. Отдавая всегда отчетъ въ моихъ впечат-

(*) Попробовать эту передачу на сценѣ мнѣ не удалось.

тѣвнѣяхъ Шушерину, я возбудиль его любопытство и онъ самъ захотѣль взглянуть на европейскую знаменитость. Мы выбрали для этого Федру, всю роль которой я перевелъ для Шушерина, (нѣкоторыя мѣста даже стихами), хотя онъ и читалъ Федру въ старинномъ переводѣ. Я за-ранѣе обратиль его вниманіе на эффектныя мѣста и даже натвердилъ нѣкоторыя стихи по французски, стихи, которыми m-lle George постоянно приводила въ восхищеніе публику. Шушеринъ, можетъ быть отъ того, что былъ предупрежденъ мною, оцѣнилъ съ разу по достоинству славную актрису; онъ говорилъ: «Удивляюсь, благоговѣю, преклоняюсь передъ ея искусствомъ^(*), но не слышу души.» Тѣмъ не менѣе онъ захотѣль еще ее видѣть, и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы видѣли ее еще разъ въ Федрѣ, въ Андромахѣ, въ Танкредѣ и въ Семирамидѣ. Въ роли Аменанды, она дѣйствительно уступала Семеновою; но за то торжествовала въ Семирамидѣ. Эту роль она играла лучше всѣхъ ролей, и Шушеринъ хвалилъ ее даже пристрастно, потому что увлекался великолѣпной наружностью, красотою, голосомъ и царственнымъ величіемъ актрисы. Когда Семирамида вошла на тронъ въ вѣнцѣ, со скипетромъ, въ царственной мантии, и, обратясь къ присутствующимъ, начала свою знаменитую рѣчь, Шушеринъ едва усидѣль на креслахъ, и сказалъ мнѣ «я стану на колѣни». Мы разобрали игру m-lle George, какъ говорится по ниточкѣ, и вотъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ состоялъ весь механизмъ и вся ея характеристика. M-lle George играла свои роли холодно, безъ всякаго внутренняго чувства. Пластика была великолѣпна, въ полномъ смыслѣ этого слова. George была совершенная красавица: прекрасныя, довольно крупныя черты ея лица, необходимое условіе, чтобъ казаться совершенствомъ красоты на сценѣ, были подвижны и выразительны, особенно глаза; высокой ростъ, удивительныя руки, сила и благородство въ движеніяхъ и жестахъ — все было превосходно. Я думаю, что одна ея мимика безъ словъ, произвела бы дѣйствіе сильнѣе. Характеры ролей, истинность

(*) Шушеринъ употреблялъ слово искусство не въ томъ значеніи, которое придано ему теперь, а въ смыслѣ умѣнья, мастерства.

ихъ всегда приносились въ жертву эффекту; слѣдовательно— даже теперь выговорить страшно — ея игра была бессмысленна, относительно къ характеру представляемаго лица. Всякую роль, m-lle George, предварительно разскала на множество кусковъ: въ каждомъ изъ нихъ находились иногда два стиха, иногда полтора, иногда одинъ, иногда нѣсколько словъ, а иногда и одно слово, которыми она поражала слушателей; для усиленія эффекта избранныхъ стиховъ, выраженій и словъ, она обыкновенно употребляла три способа: 1) она тянула, пѣла, хотя всегда звучнымъ, но сравнительно слабымъ голосомъ, стихи предшествующіе тому выраженію, которому надобно было дать силу; вся наружность ея, какъ будто опускалась, глаза теряли свою выразительность, а иногда совсѣмъ закрывались, и вдругъ бурный потокъ громозвучнаго органа вырывался изъ ея груди, всѣ черты лица оживлялись мгновенно, раскрывались ея чудныя глаза и неотразимо-ослѣпительный блескъ ея взгляда, сопровождаемый чудною красотою жестовъ и всей ея фигуры — довершалъ поразеніе зрителя. 2) Громозвучная, пѣвучая и всегда гармоническая декламація вдругъ обрывалась, и выразительнымъ шопотомъ, слышнымъ во всѣхъ углахъ театра, произносились тѣ слова, которымъ назначено было, такъ сказать, вливаться въ душу зрителей. Не нужно прибавлять, что мимика и вся наружность соответствовали такому быстрому переходу. 3) Способъ состоялъ въ томъ, что изъ скороговорки, вдругъ вылетали нѣсколько словъ и нерѣдко одно слово, произносимое безъ напѣва, протяжно, какъ будто по складамъ, съ сильнымъ удареніемъ на каждый слогъ, такъ что избранное выраженіе поразительно впечатлѣвалось въ слухъ и, пожалуй, въ душу инаго зрителя. Этотъ послѣдній способъ, употребляемый иногда обратно, такъ что скороговорка врывалась въ протяжно пѣвучую рѣчь, въ Петербургъ менѣе производилъ дѣйствія, какъ я слышалъ отъ многихъ, чѣмъ на другихъ европейскихъ театрахъ, такъ что въ послѣдствіи m-lle George употребляла его гораздо рѣже, и многіе говорили, что игра ея въ Россіи усовершенствовалась. Изъ такой постановки роли, необходимо слѣдуетъ, что онѣ были всѣ

обдвѣланы предварительно, *передъ зеркаломъ*, въ продолженіи долгаго времени. Вся мельчайшія интонаціи голоса, малѣйшія движенія лица, рукъ и всего тѣла, всякая складка на ея платьѣ, долженствующая образоваться при такомъ то движеніи, все было изучено и никогда не измѣнялось. Мнѣ случилось быть въ театрѣ вмѣстѣ съ двумя ея поклонниками и сидѣть между ними: я командовалъ всеми движеніями *m-lle George*, зная ихъ наизусть, такъ, что выходило очень смѣшно. Я шепталъ; «ступи шагъ впередъ, отодвинь назадъ лѣвую ногу, опусти глаза, раскрой вдругъ глаза, тхни на распѣвъ, шепчи, говори по складамъ, скороговоркой, откинь шлейфъ платья назадъ...» и все вточности исполнялось въ ту-же минуту. Одинъ изъ моихъ сосѣдей разохотался, а другой рассердился. *M-lle George* такъ механически играла свои роли, что слушая иногда, повидимому, съ благоговѣньемъ или по крайней мѣрѣ сильнымъ наружнымъ волненіемъ, она бранилась шопотомъ съ своими товарищами, за не вовремя *поданныя реплики*, или съ своей прислужницей, стоявшей не далеко отъ нея за кулисами, забывшею подать ей какую нибудь нужную вещь при выходѣ на сцену. Это слышалъ не я одинъ, а весьма многие; находились такіе люди, которые ставили ей въ достоинство такое умѣнье—въ одно и тоже время раздѣляться на два лица. Игра *m-lle George* была положена, такъ сказать на ноты, твердо выучена наизусть и съ неизмѣнною точностью повторялась всегда. *George* не обращала ни малѣйшаго вниманія на мысль автора, на общій ладъ (*ensemble*) пьесы и на тонъ реплики лица, ведущаго съ нею сцену; однимъ словомъ: она была одна на сценѣ, другія лица для нея не существовали. Послѣ этого можно ли назвать ея игру художественнымъ воспроизведеніемъ личности представляемаго лица? Это было проявленіе какихъ-то движеній или волненій души, внѣшнимъ образомъ выражающихся, навизанныхъ на нитку, какъ ни попало. Нѣтъ, никогда не признаю я искусства въ такомъ умѣньѣ передражнивать внѣшнюю природу человѣка, хотя бы оно было возведено до высокой степени! Конечно, она подражала не одной внѣшней природѣ, она подражала и выраженію страстей

человѣческихъ, но это подраженіе вообще было безжизненно, безхарактерно, безразлично. Зритель видѣлъ въ ея чертахъ и слышалъ въ ея голосѣ *какое-то* волненіе, *какую-то* силу, и, по смыслу произносимыхъ его словъ, по характеру представляемаго лица, долженъ былъ принимать это волненіе или за гнѣвъ, или за отчаяніе и т. п. Но, конечно, ни одинъ зритель не могъ найти въ игрѣ m-lle George выраженія печали, любви и преимущественно нежности, хотя бы роль требовала именно такихъ чувствъ. Говорили: George производитъ сильное дѣйствіе, осваляетъ глубокое впечатлѣніе. Положимъ такъ, да какого рода это впечатлѣніе? Если не художественное, то не дай Богъ его испытывать. Это впечатлѣніе на нервы, а не на душу. Такое впечатлѣніе можетъ произвести всякое физическое явленіе: внезапный свѣтъ, темнота, стукъ. Если мы пойдемъ дальше и будемъ искать такого рода эффектовъ, то развѣ предсмертныя томленія умирающаго человѣка, или казнь преступника не произведетъ еще сильнѣйшаго впечатлѣнія? Но представленіе такихъ предметовъ на сценѣ, было бы оскорбленіемъ искусству и художественному чувству образованнаго человѣка, и чѣмъ вѣрнѣе подраженіе, тѣмъ хуже. Впрочемъ, George не умѣла хорошо умирать на сценѣ (и слава Богу), хотя имѣла на то претензію (*).

Я наконецъ не могъ уже видѣть, безъ неудовольствій, m-lle George, между тѣмъ, какъ Семенова и Яковлевъ, у ко-

(*) В. А. Каратыгинъ, пользовавшійся также громкой славой, былъ нѣкоторымъ образомъ, таже George въ своей игрѣ, хотя я ставлю его въ одномъ отношеніи выше: роли у него были таже *сдѣланы*, то-есть, выучены передъ зеркаломъ съ разными, заранѣе придуманными, эффектными выходками; пластика — таже иногда великолѣпна, хотя хриплый, подорванный голосъ и нервскія, малоподвижныя черты лица мѣшали ему достигнуть того совершенства, которымъ отличалась въ мимикѣ George; но вотъ въ чемъ онъ превосходилъ еѣ: всѣ его роли были обдуманы и проникнуты мыслью; характеры вѣрны и выдержаны, и онъ грѣшилъ только въ излишней эффектности вѣшняго исполненія, не проникнутой внутреннимъ огнемъ. Вообще у него мало выражалось чувства, вѣроятно подавляемаго несчастною методою, но была сила, отчасти замѣняющая чувство. Лучшими его ролями я считаю: Людовика XI и особенно Лейчестера въ Маріи Стюартъ, въ которыхъ актеръ играетъ — актера на сценѣ. Я сказалъ, что пластика была у него *иногда* великолѣпна, потому что были роли, въ которыхъ эта пластика являлась не совсѣмъ изящною.

торыхъ, хотя не было ролей цѣльныхъ, но всегда были мѣста, въ которыхъ природный талантъ ихъ, то-есть, *одушевленіе*, вырываясь съ неподдѣльною силою — доставлялъ мнѣ иногда истинное наслажденіе.

Припоминая всѣ рассказы Шуперина объ его жизни и театральномъ поприщѣ, слышанные мною въ разное время, я соединю ихъ въ одно цѣлое и расскажу, по большой части собственными его выраженіями и словами, которыя врезались въ моей памяти и даже нѣкогда были мною записаны. Къ сожалѣнію всѣ мои тогдашнія записки, давно мною утрачены, потому что я не придавалъ имъ никакого значенія. Разумѣется, я многое забылъ и потеря эта теперь для меня невознаградима.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНАХЪ.

I.

Географическій обзоръ.

Въ VIII и IX вѣкѣ на Балтійскомъ поморьѣ между Вислою и Эльбою (Дабю) обитали племена Славянскія. Ихъ было очень много, большихъ и малыхъ. Главныя же были: Поморяне, Ране, Лютичи или Велеты, Гаволяне (или Стодоране) и Бодричи.

Поморяне жили отъ Вислы до Одры по берегу моря. На востокъ они граничили съ Прусами, народомъ Литовскаго поколѣнія, на югъ съ Польскими Славянами, своими ближайшими родичами, отдѣляясь отъ первыхъ Вислою, ⁽¹⁾ отъ вторыхъ Вартою и Нотецью (Netze) ⁽²⁾. Рѣка Персанта ⁽³⁾ дѣлила Поморскую землю на двѣ половины, западную (или переднее Поморье) и восточную (или заднее Поморье). Это дѣленіе важно, потому что обѣ половины Поморья имѣли въ Исторіи весьма различную судьбу ⁽⁴⁾. Къ западнымъ Поморянамъ принадлежали также *Волянцы*, на знаменитомъ островѣ Волинѣ (Wollin) ⁽⁵⁾. На сѣверо-западъ

(1) Periplus Otturi et Wulfstani apud Langebek Scr. г. Danicarum. II. 115.

(2) Крѣпости Волянѣ (Filehne), Чарниковѣ и Накло, всѣ три на Нотеци, лежали на границѣ Поморья.

(3) Имя это, по видимому не Славянское, объясняется однако изъ Славянскаго языка, корнемъ *прѣс*, *прис*, мочить, прыскать, и стариннымъ окончаніемъ причастія *ант*: *Персанта* значило бы, собственно, *брызжущая*.

(4) Въ восточномъ Поморьѣ съ XIII вѣка является особая отрасль Славянская, также весьма близкая къ Полякамъ, *Кашубы*, остатки конхъ сохранилась до сихъ поръ въ западномъ углу между низовьемъ Вислы и Балтійскимъ моремъ: происхожденіе ихъ и отношеніе къ собственнымъ Поморянамъ будетъ нами разсмотрѣно въ послѣдствіи.

(5) Я пишу *Волянѣ*, а не *Волинѣ*, потому что на *ы* въ этомъ словѣ указываютъ многія сродныя названія, какъ-то *Velun* (теперь по-Польски Wielen, по-Нѣмецки Filehne), древняя Поморская крѣпость на Нотеци (Mart. Gall.

отъ Поморанъ , на большомъ островѣ Ранѣ (иваче Рунѣ, Руѣ, теперь Рюгенъ), обитала славная вѣтвь Славянская, *Ране* или *Руане* (*). Между всѣми Балтійскими Славянами они почитались старшими, главнымъ племенемъ.

На западъ отъ Одры (†) по берегу моря, противъ Ранѣ, жило храброе и славное племя, по прозванію *Велеты* или *Лютичи*. Восточную ихъ отрасль, занимающую побережье р. Укры, составляли *Укряне*. Западная отрасль, по преимуществу величавшаяся именемъ *Велетовъ* и *Лютичей*, дѣлилась на 4 союзныхъ колѣна: *Ратарей*, *Доленчанъ*, *Черезпльчанъ* и *Кичанъ*. Онѣ обитали по берегамъ р. Пвны (‡).

II. 48) (*у* есть звукъ самый близкій къ *и*), и Русская *Волма*; притомъ же имя маленькой вѣтви Гаволянъ, называвшейся также *Волмичами* или *Волмичанами* (*Vulini, Vilbi*, гдѣ теперь Windisch Willinsdorf), Видуклинъ пишетъ *Vuloini*: сочетаніемъ *oi* онъ, очевидно, хотѣлъ передать Славянское *и*.

(6) Первоначальная форма имени этого острова была, вѣроятно, *Рул* или *Ругла*: на это указываетъ названіе древняго народа *Rugii* (Tac. Germ. 43). Форма *Рана* и *Ране* есть Славянская (epistola Wiboldi abbatis Stabulensis et Corbeiensis въ «Codex Pomeranus dipl. herausg. v. Hasselbach, Kosegarten und Medem» 45: «regione quadam, quæ a Teutonicis Ruvia, a Sclavis autem Rana dicitur») и, безъ сомнѣнія, сокращена изъ *Рулка*, *Рулне*, какъ *паса батисе* во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ изъ *полса*, *болтиса*, и т. п. — У Гельмольда часто читаемъ: *Rani qui et Rugiani* (I, 2. II, 12.), *Rani sive Rugiani* (I, 6. I, 37. II, 12.). О всѣхъ формахъ этого имени въ древнихъ памятникахъ см. Fabricius, *Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen*. I, 66.

(7) Adam. Bremens. *Gesta Hamniburgensis ecclesie pontificum* (*у* Пептца, *Monumenta Germanie historica*, IX). II, 19: «Oddara... Pomeranos dividit a Wilzis». — Helmold. *Chronica Slavorum* (ed. Bangertus Lubecæ 1659). I, 2. *Odora... dividens Pomeranos a Wilzis*.

(8) Adam. Brem. III, 21. cum multi sunt Winulorum (т. е. Славянъ) populi fortitudine celebres, soli quatuor sunt qui ab illis Wilzi, a nobis dicuntur Leutici, inter quos de nobilitate potentiaque contenditur. Hi sunt scilicet Chizzini et Circipani qui habitant citra Panim fluvium, Tholosantes et Betheri qui ultra Panim degunt. — Helm. I, 2. Kyzini et Circipani cis Panim, Tholensi et Redari trans Panim habitant. Hi quatuor populi a fortitudine Wilzi sive Latici appellantur. Нельзя, однако, принять безусловно извѣстія, что только Кичане, Черезпльчане, Доленчане и Ратарей именовались Лютичами или Велетами: Адамъ и Гельмольдъ сами говорятъ, что Велеты (Вильци) отдѣлялись Одрой

На юго-западъ отъ Лютичей была земля *Стордорская* ⁽⁹⁾, по р. Гаволь (Havel) и Спревъ (Spreew). Она раздѣлена была между нѣсколькими мелкими племенами, изъ коихъ только два замѣчательны въ Исторіи: *Брежане*, близъ впаденія Гаволи въ Эльбу (по-Славянски *Лабу*), и *Стордоряне*, по среднему теченію Гаволи, гдѣ вливается въ нее Спрева. Брежанъ и Стордорянъ называли также общимъ именемъ Гаволянъ ⁽¹⁰⁾. На западѣ Лаба отдѣляла Гаволянъ отъ Нѣмцевъ; на югъ вѣтви ихъ простирались до р. Эльстры: ихъ сосѣдями въ этой сторонѣ были Славянскія племена, Лабскіе Сербы и Лужичане.

отъ Поморянъ, и, значитъ, причисляютъ къ нимъ и Украинъ. Что, также вопреки словамъ Адамъ, названіе *Лютичи* было Славянское, а не Нѣмецкое, доказывается его употребленіемъ у Нестора и у автописцевъ Польскихъ и Чешскихъ Другое имя этого народа представляетъ двѣ формы, Славянскую: *Велетмы* (или Вельты) и извѣстную по законамъ Нѣмецкаго выговора: *Вильцы*; въ томъ удостоверяетъ насъ и свидѣтельство Эйгарда (Annales, у Пертца въ I томѣ), а. 789: *Slavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione, Weletabi* (т. е. Велетове, форма именн. падежа множеств. числа) *dicuntur*.—Впрочемъ, о различныхъ формахъ всѣхъ этихъ названій въ древнихъ источникахъ см. Шафарика, Слав. Древности II, § 44, 3. 6.

(9) *Cosmæ Chron. Boemorum* (у Пертца, т. XI) I, 15: *de durissima gente Luticensi ... ex provincia nomine Stodor.* (О слияніи Стордорянъ съ Лютичами будетъ говорено въ послѣдствіи).

(10) Helm. I. 37. *Brizanorum et Stoderanorum populi, hi videlicet qui Havelberg et Brandenburg habitant.* 88. *terram Brizanorum, Stoderanorum.* Въ употребленіи этихъ именъ, Гаволянъ, Стордорянъ, Брежанъ, у древнихъ писателей много неопредѣленнаго и сбивчиваго: имя *Гаволянъ* встрѣчается наичаще и въ смыслѣ наиболее общемъ, по Титмаръ и Кведлинбургская хроника, по видимому, отождествляютъ ихъ съ Стордорянами (*Thietmari Chron.* у Пертца т. V.) IV, 20: *Stoderania, quæ Hevellun dicitur; Chron. Quedlinb.* (а. 997.) *Ztoderaniam, quam vulgo Heveldum vocant; Адамъ Бременскій*, напротивъ, отличаетъ ихъ: II, 18. *Sunt et alii Sclavaniæ populi, qui inter Albiam et Oddaram degunt, sicut Heveldi qui juxta Habolam fluvium sunt, et Doxani, Leufuzzi, Wilini et Stoderani cum multis aliis.* Намъ кажется всего впрямь, на основаніи свидѣтельства Гельмольда, привять между множествомъ мелкихъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ въ Бранденбургской странѣ (къ которымъ и относится, между прочими, приводимыя Адамомъ, Доршане, Любушане и Вольтяне), два главныхъ: Брежанъ и Стордорянъ, съ городами Гавельбергомъ и Бранденбургомъ, а къ остальнымъ приложить названіе Гаволянъ, какъ общее обозначеніе ихъ мѣста жительства. Вопросъ запутывается еще тѣмъ, что корен-

На сѣверо-западъ отъ Гаволянъ и Лютичей поселилось большое племя *Бодричей* (или *Аботритовъ*) (11). Они занимали весь берегъ Балтійскаго моря отъ Рѣкеницы до Свентины и соприкасались на западѣ съ Нѣмцами и Датчанами: границею были рѣки Лаба (Эльба), Бѣла (Velle), верхняя Травна и Свентина (12). Бодричи также дѣлились на разныя вѣтви: собственные Бодричи въ тѣсномъ смыслѣ, называвшіеся иначе *Рарогами*, занимали только середину этого пространства; на западной границѣ, между Свентиной, Травной и моремъ, жили *Вагры*, на югъ отъ нихъ, въ углу между Бѣлой и Лабой—*Полабцы*; южнѣе, между Эльдой и Степеницей (Stepnitz) — *Глиняне*; на востокъ, по р. Варновъ—*Варны*. Ваграмъ принадлежалъ и островъ *Фембра* (13).

ныя Славянскія названія важнѣйшихъ мѣстностей въ этомъ краѣ неизвѣстны: нельзя сказать, *Гаволяне* было ли Славянское имя, потому что мы не знаемъ настоящаго названія самой рѣки Гаволы и главнаго на ней города, Гавельберга. Славянское имя Бранденбурга также темно: передѣлка его въ *Браниборъ*, по созвучію, принятая некоторыми позднѣйшими писателями, не опирается ни на какое древнее свидѣтельство; гораздо естественнѣе сохраненное Польскимъ преданіемъ названіе *Сгорълецъ*; буквальный переводъ котораго представляется въ Нѣмецкомъ *Brennanburg* (древнѣйшая форма), *Brandenburg* (форма позднѣйшая); мы его принимаемъ, какъ наиболее вѣроятное, хотя при одномъ этомъ свидѣтельствѣ нельзя поручиться за совершенную достовѣрность.

(11) Формы *Аботриты*, *Оботриты*, *Абодриты*, (*Nort*) *abtreti*, *Apdrede* и т. д. Нѣмецкія; настоящее Славянское названіе неизвѣстно. Не зная лучшаго, мы принимаемъ предположеніе Шафарика, что этотъ народъ собственно именовался *Бодричами*. Оно оправдывается многими мѣстными названіями (приведенными у Шафарика II, § 44, 7), и аналогіею по значенію съ другими племенными именами Балтійскихъ Славянъ (см. ниже XXIV). Настоящая форма была, вѣроятно, *Бѣдричи* (звукъ, соответствующій древнему ъ-ру существовалъ у Балтійскихъ Славянъ), и неопредѣленностью произношенія этого ъ-ра можно, кажется, объяснить приставку гласной передъ *б* въ Германскихъ формахъ *Abotriti*, *Apdrede* и т. п. Всѣ эти формы исчислены у Шафарика I. с.

(12) Такъ можно обозначить общими чертами эту границу, которую весьма подробно описываетъ Адамъ Бременскій (II, 15).

(13) Ad. Brem. II, 18. Populi Sclavorum multi, quorum primi sunt ab occidente.... Waigri, eorum civitas Aldinburg maritima. Deinde secuntur Obodriti, qui nunc altero nomine Reregi vocantur, et civitas eorum Magnopolis. Item versus nos Polabingi, quorum civitas Razispurg. Ultra illos sunt Lingones (Глиняне) et Warnabi.—Helm. I, 2. Sunt et insulae Baltici maris, quae incoluntur

II.

Положеніе Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами. — Родство съ Поляками. — Ляшское племя.

Прикасясь по всей западной границѣ къ народамъ Германскаго поколѣнія, Датчанамъ и Нѣмцамъ, Балтійскіе Славяне съ юга и юго-востока примыкали непосредственно къ единокровнымъ племенамъ Славянскимъ, простиравшимся сплошною массою на огромныя пространства, за Дунай и Днѣпръ: на югѣ примыкали они къ вѣтвямъ Сербо-Лужицкимъ, за которыми находились Чехи; на юго-востокѣ къ Полякамъ. Но ни съ тѣми, ни съ другими не было у нихъ прямого и легкаго сообщенія: Сербы и Лужичане отрѣзаны были отъ Славянъ Балтійскихъ непроходимыми песками и болотами и составляли племя совершенно отъ нихъ отдѣльное, какъ по нарѣчію, такъ и по историческому развитію. Поляковъ также разобщали естественныя преграды отъ сосѣдственныхъ Гаволянъ и Поморцевъ. И теперь еще, между западною частию Польской земли (14) и бывшею землею Стодорскою (15) лежатъ страшныя пески, по которымъ порядочная дорога невозможна; конечно, въ старину было еще хуже, и дѣйствительно, по древнимъ памятникамъ, между этими странами не видно ни какого сообщенія. Точно также и переднее Поморье отдѣлялось отъ Польши непроходимыми лѣсами и болотами, простиравшимися, на южной сторонѣ Нотеци, на нѣсколько дней пути, и по которымъ еще въ началѣ XII вѣка не было дороги (16). Только въ восточное (заднее) Поморье лежалъ открытый путь изъ Польши, и оно-то всегда, болѣе или менѣе, отъ нея зависѣло.

a Slavis, quarum una Vemere vocatur. Haec opposita est Wagiris... Подробности объ этихъ вѣтвяхъ и о разныхъ формахъ ихъ именъ см. у Шафарика I. с.

(14) Познанскіи герцогствомъ.

(15) Бранденбургіемъ.

(16) Sefr (Vita S. Ottonis auctore synchrono. qui Sefridum præ oculis habuit et hinc inde contraxit, въ Acta Sanctorum in. Julii tom. I), 57.

Но не смотря на такое совершенное разобщеніе Балтійскихъ Славянъ отъ Польскихъ (кромя той, до XIII вѣка почти не замѣтной въ Исторіи, части Поморья, которая простиралась за Персантою), между ними было самое близкое, кровное родство. Вѣтви Балтійскія и тѣ, которыя образовали Польскій народъ, т. е. собственные Поляне, Мазуры и Слензаны (Силезцы), составляли вмѣстѣ одно обширное племя Ляховъ. Ясно о томъ свидѣтельство древнѣйшаго Русскаго Лѣтописца. «Словѣни же ови пришедохъ съдома на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лютичи, инии Мазовшане, инии Поморяне» (17). Значитъ, названіе Ляховъ было племенное и обнимало какъ Польскихъ Славянъ, такъ и вѣтви Балтійскія, Поморянъ и Лютичей. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ еще: «Ляхове же, и Пруси, Чюдъ присѣдять къ морю Варяжскому» (т. е. Балтійскому) (18). Собственные Поляки, сколько извѣстно, не жили на берегу Балтійскаго моря; стало быть, подъ именемъ Ляховъ разумѣются здѣсь ближайшіе ихъ соплеменники, приморскіе жители, Лютичи и Поморяне. Къ послѣднимъ дѣйствительно примыкали Прусы, какъ и говоритъ Несторъ.

Русская лѣтопись упоминаетъ только, изъ Балтійскихъ Славянъ, о Поморьянѣхъ и Лютичахъ; Бодричи и Стодоряне, болѣе отдаленные, ей неизвѣстны. Но языкъ ихъ восполняетъ недосказанное Несторомъ. Остатки его, дошедшіе до насъ (а ихъ довольно много, если порыться тщательно въ древнихъ источникахъ), показываютъ очевидно, что всѣ эти народы имѣли одинъ языкъ, который являетъ всѣ признаки Польской рѣчи (19).

Итакъ одно племя Славянскаго корня занимало всю простран-

(17) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, I, 3.

(18) Тамъ же, 2.

(19) Объ языкѣ Балтійскихъ Славянъ будетъ въ концѣ сочиненія приложено подробное разсужденіе. — Племенная связь Балтійскихъ Славянъ съ Польскимъ народомъ признавалась и лѣтописцами Нѣмецкими: Ad. Br. II, 18. *Slavania igitur, amplissima Germaniarum provincia* (т. е. земля Балтійскихъ Славянъ), *a Winulis incolitur, qui olim dicti sunt Wandalii. Decies major esse fertur, quam contra Saxonia, praesertim si Boemiam, et eos qui trans Oddaram sunt Polanos,*

ную равнину на полуденной сторонѣ Балтійскаго моря, отъ З. Буга черезъ Вислу по самую Лабу (Эльбу), доходя на югъ до Карпатскихъ горъ и истоковъ Одры. Подобно Ляхамъ, и восточныя отрасли Славянскія составляли другое, еще обипирнѣйшее племя, которое населяло всю страну отъ Новгорода до Днѣпровскихъ пороговъ, и потомъ получило названіе Русскаго народа. Въ началѣ исторіи являются, такимъ образомъ, два великихъ, почти равныхъ по объему, отдѣла Славянскаго поколѣнія, одинъ на востокъ, другой на сѣверо-западъ. Но потомъ одинъ изъ нихъ сплотился крѣпко въ цѣльный народъ и возрасталъ постоянно; другой же, никогда не достигнувъ единства и внутренней крѣпости, постоянно уменьшался.

III.

Имя Ляховъ и Славянъ.

Сѣверозападные Славяне, составлявшіе Ляшское племя, т. е. вѣтви Польскія и Балтійскія, сами себя никогда не называли Ляхами. Видно, они не ощущали себя единымъ племенемъ. Ляхами звали ихъ восточные сосѣди, Литва и Русскіе Славяне, выражая этимъ словомъ мѣстность, въ какой они жили. Ляхъ, безъ сомнѣнія, значило *житель низменности*, луговой земли. Такъ по-Литовски *Lenkas* — Ляхъ, а *lenke* лугъ, низменное мѣсто; Польское (*łag, łęka*) лугъ, Русское (въ Архангельской губерніи) *ляга лужа* и др. относятся къ этому же корню.

Не имѣя племеннаго названія, Ляхи обозначали себя лишь однимъ самымъ общимъ именемъ всего поколѣнія, *Славянами*, и за тѣмъ знали только частныя прозвища отдѣльныхъ вѣтвей, взятая, какъ и у другихъ Славянъ, большею частію отъ мѣстности: «прозваша имени свои, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ», говоритъ Несторъ⁽²⁰⁾. Таковы имена: Поморане, Волынцы,

quia nec habitu, nec lingua discrepant, in partem adjeceris Sclavania. — Замѣчательно, что въ самой Польшѣ въ XV вѣкѣ, т. е. долго послѣ истребленія всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, знали еще о ближайшемъ кровномъ родствѣ Лютычей съ Поляками: Dlug. I. III, p. 244. Liutici quoque populi genus a Slavis et Polonis ducentes.

(20) П. С. Р. Лѣт. I, 3.

Черезитняне, Ране, Укряне, Полабцы, Гаволяне, Спреване, Морачане и мн. др. Только немногія прозвища выражали не мѣсто жительства, а свойство отрасли (21).

У однихъ Славянскихъ племень мѣстное прозвище со временемъ исчезло (на прим. у Русскихъ); у другихъ стало употребляться исключительно. Весьма рано сдѣлалось оно господствующимъ у восточной половины Ляховъ: они составили народъ, который, по мѣсту жительства, получилъ названіе Полянъ или Поляковъ. Уже съ X вѣка начинаютъ рѣже относить къ нимъ общес имя Славянъ. За то Лахи Балтійскіе по преимуществу называли себя Славянами, землю свою Славянскою: Поморяне даже въ XIII и XIV в. (22). Въ XVII столѣтіи еще живо, (а можетъ быть, и теперь еще нашлось бы) въ Люнебургскомъ краѣ, нѣсколько крестьянъ, жалкихъ остатковъ Древанъ, отрасль знаменитыхъ Бодричей, и тѣ называли свой исковерканный языкъ не иначе, какъ рѣчью Славянскою (23).

IV.

Имя Вендовъ. Первыя извѣстія о Прибалтійскихъ Вендахъ. Распространеніе Свевовъ на Поморьѣ.

Западные и сѣверные сосѣди Балтійскихъ Славянъ, народы Германскіе, обозначали ихъ тѣмъ же именемъ, какимъ и всѣхъ вообще Славянъ, т. е. Вендами или Виндами.

Подъ этимъ именемъ Балтійскіе Славяне являютя въ первыхъ историческихъ извѣстіяхъ, какія сохранились объ нихъ, у Греческихъ и Римскихъ писателей: сами Греки и Римляне, конечно, не имѣли съ Балтійскими Славянами прямыхъ сношеній, и получали объ нихъ свѣдѣнія лишь отъ сосѣднихъ народовъ, преимущественно же отъ Германцевъ: понятно, что они и прилагали къ нимъ то имя, какимъ ихъ обозначали Германцы. Ятартъ, искони добываемый на берегахъ Балтійскаго моря и дорого цѣнившійся древними, направилъ торговлю на дальній сѣверъ и обратилъ на

(21) Объ нихъ см. ниже, XXIV.

(22) Напр. въ Поморскихъ грамотахъ этого времени.

(23) Dobrowsky Słowanka: *Sliwinski junsik*.

него вниманіе Грековъ. Уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. носилось у нихъ смутное сказаніе, что янтарь отыскивается въ странѣ Венетовъ (т. е. безъ сомнѣнія, Венедовъ или Славянъ) ⁽²⁴⁾. Однако свидѣнія ихъ объ этомъ такъ темны и перепутаны, что ничего изъ нихъ нельзя заключить.

Извѣстіе о Балтійскихъ Виндахъ возобновляется въ половинѣ I-го в. до Р. Х., но въ странномъ, можно сказать, дикомъ видѣ: Квинтъ Метелль Целеръ, бывший (около 58 г. до Р. Х.) проконсуломъ Галліи, получилъ — такъ рассказываетъ Корнелій Непотъ, — въ подарокъ отъ одного Германскаго князя нѣсколькихъ Индовъ, распросилъ объ ихъ происхожденіи и узналъ, что они, путешествуя для торговли, загнаны были бурей изъ Индійскихъ водъ на берегъ Германіи. Очевидно, эти Инды были просто Винды (Славяне), которыхъ занесло изъ Балтійскаго моря (оно дѣйствительно называлось въ древности Венедскимъ) въ Нѣмецкое ⁽²⁵⁾. Видно, что проконсулъ Целеръ никогда не слышалъ о Виндахъ и принялъ ихъ за Индѣйцевъ, о которыхъ, безъ сомнѣнія, читалъ; ошибка понятная: ибо тогда географы не знали, что изъ Индіи нельзя съ востока приплыть въ Германію.

Стало бытъ, въ то время были Винды на Балтійскомъ поморьѣ. Сто лѣтъ спустя, Плиній говоритъ опредѣленнѣе, что Венеды жили, вмѣстѣ съ другими народами, на востокъ отъ Вислы, а на западъ отъ Сарматовъ ⁽²⁶⁾. У Тацита Венеды являются на огромномъ пространствѣ между Певками (жившими, сколько извѣстно, близъ Чернаго моря, около Днѣпра) и Финнами ⁽²⁷⁾, значить, тамъ же, гдѣ помѣщаетъ ихъ Плиній, въ земляхъ, лежащихъ отъ Вислы на востокъ.

Однако и тогда Славяне, вѣроятно, простирались гораздо далѣе на западъ, но тамъ, подпавши власти Нѣмецкихъ дружинъ, которыя въ это время постоянно выходили на чужбину искать

(24) См. объ этомъ подробныя свидѣнія у Шафарика, Слав. Др. I, § 8, 1.

(25) См. тамъ же, § 8, 3.

(26) Hist. Natur. IV, 13... hæc habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt.

(27) Tacit. de Germ. 46. Venedi... quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniiis pererrant.

добычи и земель, скрылись за своими покорителями от вниманія иностранныхъ историковъ.

Уже въ I в. до Р. Х. между Нѣмцами рѣзко обозначалось раздвоеніе, которое всегда сопровождало ихъ въ исторіи: уже тогда дѣлились они на собственныхъ Германцевъ (нижнихъ Нѣмцевъ) и Свевовъ (верхнихъ Нѣмцевъ): первые жили ближе къ сѣверному морю, вторые къ Дунаю ⁽²⁸⁾. Собственные Германцы имѣли постоянныя жилища и личную поземельную собственность; они отличались бѣльшимъ миролюбіемъ и склонностью къ земледѣльческой жизни; Спевы, предпочитавшіе пастушескій бытъ хлѣбопашеству, во время Цезаря признавали землю общиннымъ владѣніемъ; ежегодно, на сходкѣ, старшины отводили землю для каждой семьи, и владѣніе ежегодно мѣнялось; не всѣ сидѣли дома, а ежегодно отправлялось на чужую сторону нѣсколько тысячъ вооруженныхъ Свевовъ, за которыхъ остальные работали, и такъ они чередовались, то работая, то воюя. Они считали похвальнымъ искать себѣ военной добычи: часто на сходкѣ кто-нибудь изъ князей говорилъ, что хочетъ вести дружину, пусть объявляетъ, кто съ нимъ пойдетъ, и тотчасъ находились охотники, и народъ хвалилъ ихъ; а того, кто бы, разъ вызвавшись, потомъ отказался, навсегда корилъ, какъ бѣглеца и безчестнаго труса ⁽²⁹⁾. Долго хранили Спевы этотъ бытъ: 150 лѣтъ послѣ Цезаря, Тацитъ находилъ у нихъ ту же мѣну земель, и при немъ еще былъ тамъ во всей силѣ обычай молодымъ людямъ итти за князьями на чужбину, искать счастья ⁽³⁰⁾.

Не можетъ быть, чтобы постоянный, болѣе полутора вѣка продолжавшійся, выходъ вооруженныхъ дружинъ, которыя шли воевать внѣ родины и, конечно, не всѣ возвращались домой, а оставались, гдѣ имъ было выгодноѣ, не произвелъ важнаго переворота въ сосѣднихъ странахъ. И дѣйствительно, Спевское племя, первоначальная жилища котораго были въ южной Германіи, у

(28) Объ этомъ см. Pfister, Geschichte der Teutschen, I, 57 и въ др. мѣстахъ. Тацитъ рѣзко отдѣляетъ въ Германіи *Спевовъ* и *не-Спевовъ*.

(29) Caesar, de Bello Gallico. IV, 1. VI, 22, 23.

(30) Tac. Germ. 13. 14.

верхняго Рейна и Дуная, распространилось непомѣрно па востокъ и сѣверъ. Около Р. X. Свевская отрасль ⁽³¹⁾, Маркоманны (что значить *пограничные люди*) покорили Богемію. Во время Страбона (въ началѣ перваго вѣка) и другія вѣтви Свевовъ, Гермундуры и Ланкосарги ⁽³²⁾, находились уже на восточномъ берегу Эльбы ⁽³³⁾, а въ концѣ этого столѣтія, при Тацитѣ, владѣнія Свевовъ отъ Богеміи простирались до Балтійскаго моря и до самой Вислы ⁽³⁴⁾. Что эти земли не принадлежали Севамъ искони, а были завоеваны, и то не цѣлкомъ, выселившимся народомъ, а бродячими дружинами, которыя покорили тамошнихъ Славянъ, на это есть много указаній. Не безъ основанія добросовѣстный Плиній, при исчисленіи Нѣмецкихъ народовъ, соединяя въ одинъ особенный разрядъ племена Германскія, которыя занимали Балтійское поморье (Бургундовъ, Варновъ, Кариновъ и Гутоновъ), обозначаетъ ихъ всѣхъ именемъ Виндиловъ (иначе Вандиловъ, Вандиликовъ) ⁽³⁵⁾. Этимъ именемъ Германцы на Балтійскомъ поморьѣ были прозваны, очевидно потому, что жили на Виндской землѣ, между Виндскимъ населеніемъ. Потомъ имя Виндиловъ или Вандаловъ присвоено было по преимуществу одной изъ Прибалтійскихъ отраслей Свевовъ, родственной Бургундамъ и Готамъ, которая прославила его въ Исторіи. Но во все продолженіе среднихъ вѣковъ хранилось преданіе о какомъ-то родствѣ Вандаловъ съ Славянами, и это названіе принималось часто въ смыслѣ Вендовъ или Славянъ.

На Сѣверъ отъ горъ, ограничивающихъ Богемію, древніе писатели помѣщаютъ обширный народъ Лугіевъ, дѣлившійся на разныя колѣна. И Лугіи были, безъ сомнѣнія Нѣмцы, поселившіеся на Славянской землѣ; это имя объясняется не иначе, какъ изъ Славянскаго языка (жители луговъ, тоже что Ляхи), да къ тому

(31) Тамъ же, 42.

(32) Вѣроятно вмѣсто *Ланкосарги* слѣдуетъ у Страбона читать *Лангобарды*.

(33) Strabo VII, 1.

(34) Tac. Germ. 38. 44.

(35) Plin. Hist. Nat. IV, 14.

на древней Римской картѣ прямо поставлены другъ подлѣ друга Лугія-Сарматы⁽³⁷⁾ и Венды-Сарматы: Сарматами же Римляне не называли всѣ вообще не-Германскіе народы въ восточной Европѣ. Тоже, что о Лугіяхъ, можно сказать и о Варнахъ или Варинахъ, которыхъ древніе писатели, Тацитъ и др., помѣщаютъ между Прибалтійскими Германцами: и это имя находитъ объясненіе только въ Славянскомъ языкѣ, именно по говору Славянъ Балтійскихъ, гдѣ *варнъ* произносилось вмѣсто *вранъ*, *воронъ*. Одна изъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ называлась также Варнами, и рѣка Варнова (*die Warpow*) сохраняетъ до сихъ поръ объ нихъ память. Не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что Тацитовскіе Варны была Германская дружина, которая овладѣвъ землею настоящихъ, Славянскихъ Варновъ, прозвалась по имени покореннаго ею народа.

Подлѣ Лугіевъ, на сѣверъ отъ Богеміи, Страбонъ⁽³⁸⁾ вычисляетъ слѣдующія племена: Колдуевъ, Зумовъ, Бутоповъ, Мугилоновъ, Сибиновъ и Семноновъ. Изъ нихъ Семноны составляли знаменитую вѣтвь Свевовъ, которой первоначальная жилища были близъ верхняго Рейна: вотъ какъ далеко заходили въ то время Свевскія дружины; Бутоны, кажется, описка вмѣсто Гутоны⁽³⁹⁾, которые дѣйствительно славились между Прибалтійскими Нѣмцами; имена Колдуевъ и Мугилоновъ явно Славянскія, и сохранились до позднѣйшихъ временъ въ названіи Коледичей (вѣтви Лабскихъ Сербовъ, гдѣ теперь Colditz), и Могильна (города Лужицнъ, теперь Mügeln); наконецъ и названіе Зумовъ не соотвѣтствуетъ ли Прилабской вѣтви Столорянъ, Земчицамъ, и Сибины не искаженіе ли слова Сирбины, т. е. Сербы?

(36) Такъ наз. *Peutingeria tabula*.

(37) Опискою вмѣсто *Lugiones* поставлено *Luriones*, см. Шафарика I, § 18, 3 гдѣ и подробное изслѣдованіе о Лугіяхъ.

(38) VII, 1.

(39) *Guttones* у Плинія, *Gotones* у Тацита, тоже, что Готы

V.

Образъ жизни Германскихъ дружинъ на Балтійскомъ поморьѣ.

Но ясите и убѣдительное запутанныхъ и искаженныхъ названій, самый образъ жизни и бытъ Прибалтійскихъ Германцевъ показываетъ, что они не были постоянные жители тѣхъ мѣстъ, а завладѣли ими силою. Совершенно отличались они образомъ жизни отъ тѣхъ Германцевъ, которые обитали на коренной Нѣмецкой землѣ, между Рейномъ, Эльбою и Дунаемъ. Здѣсь, на своихъ земляхъ, Нѣмцы были осѣдлы и никогда не передвигались всѣмъ народомъ съ мѣста на мѣсто, не смотря ни на какіе перевероты (40): гдѣ Тацитъ находилъ Фризовъ, Хаттовъ (что нынѣ Хессы), Свевовъ (что нынѣ Швабы), тамъ они жили при Карлѣ Великомъ и живутъ еще теперъ; иногда только мѣнялось названіе, но народъ оставался одинъ и тотъ же: такъ восточная часть Свевовъ прозвалась Баварцами, а западная долго была извѣстна подъ именемъ Алеманновъ; такъ Хавки, Хамавы, Ангриваріи и др. сѣверные Нѣмцы уже въ III в. соединились подъ общимъ именемъ Саксовъ, получившимъ въ слѣдующіе вѣка громкую славу.

Такимъ образомъ вся собственная Германія, принадлежавшая Нѣмцамъ искони, была населена народами осѣдлыми, которые дорожили землею, ими вспаханною, и не оставляли ее никогда. Совершенно противоположна осѣдлому быту коренныхъ Германцевъ жизнь тѣхъ племей Нѣмецкихъ, которыя поселились на востокъ отъ Лабы; то были народы бродячіе. Вѣчно находились они въ походѣ и передвиженіи. Въ I вѣкѣ Лугіи жили на Балтійскомъ поморьѣ, въ началѣ II-го в. часть ихъ была уже на нижнемъ Дунаѣ; во II вѣкѣ Вандамы тамъ же сражались съ Римлянами, а въ III в. толпы Вандаловъ и Лугіевъ воевали на Рейнѣ. Потомъ Вандамы ходили, какъ извѣстно, по Галліи, Испаніи, Африкѣ; эта свирѣлая дружина съ Балтійскаго поморья оставила свое имя прекрасной области въ южной Испаніи. И говорить нечего о знаме-

(40) У Свевовъ члены общинъ, какъ мы видели, мѣнялись землями, но въ совокупности Свевскій народъ имѣлъ постоянныя жилища.

нитыхъ переселеніяхъ Готовъ, Гепидовъ, Руговъ, Бургундовъ и др. Такая бродячая жизнь, такія быстрыя передвиженія и дальніе походы невозможны для цѣлаго народа; они возможны только для кочевниковъ, или для военной дружины. Кочевниками, какими являются въ древности Сарматы, а теперь еще Киргизы, Германцы никогда не были, сколько знаетъ ихъ Исторія. Потому всѣ эти Прибалтійскіе Нѣмцы, Луги, Вандамы, Готы, Бургунды, Руги и т. д., составляли, безъ сомнѣнія, военныя дружины. Образуются, какъ описываютъ Цезарь и Тацитъ, въ коренныхъ Нѣмецкихъ земляхъ, иныя, вѣроятно, и въ Скандинавіи, изъ молодыхъ людей, которымъ не нравилась домашняя жизнь и полевая работа, онѣ выходили, видно, мало по малу въ сосѣднія области Вендовъ (Славянъ), подчиняли себѣ туземцевъ и жили между ними пришельцами и господами; не дорожа землею не своею, они охотно ее покидали и шли на легкѣ всюду, гдѣ можно было поживиться.

VI.

Дружина Готская.

Между этими Прибалтійскими Германцами знатнѣйшіе и славнѣйшіе были Готы. О Готахъ мы знаемъ подробнѣе, нежели о другихъ, подобныхъ имъ, Нѣмецкихъ вѣтвяхъ, потому что собственныя ихъ преданія объ ихъ старинныхъ подвигахъ сохранились, и здѣсь-то съ особенною ясностію выказываются въ Готахъ всѣ свойства дружины. Хорошо помнили они, что не жили первоначально на Балтійскомъ поморьѣ, а прибыли туда изъ-за моря, изъ Скандинавіи; Готское преданіе именно разсказывало, что они изъ древней своей родины выселились на трехъ корабляхъ (41). Замѣчательно такое сказаніе о маломъ числѣ ихъ, при появленіи на Поморьѣ: народъ бываетъ многочисленъ, а дружина состоитъ изъ малого числа удалцевъ, и только дружина могла пуститься въ далекое переселеніе на трехъ корабляхъ.

Переплывши море, такъ говоритъ далѣе Готское преданіе (42), они пристали къ землѣ Уламеруговъ, побѣдили ихъ и прогнали, а

(41) Jornandis de Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. 3.

(42) Тамъ же.

потомъ покорили и сосѣдей ихъ, Вандаловъ. Нельзя по этому преданію догадаться, жили ли Улмеруги на островѣ Ругія (Rügen), или на материкѣ, и покоренные Готами Вандамы настоящіе ли (Нѣмецкіе) Вандамы, или Венды т. е. Славяне; какъ бы то ни было, все же Готы помнили, что прибывъ на Балтійское поморье, заняли тамъ свои жилища силою.

VII.

Гражданское устройство Германскихъ дружинъ на Балтійскомъ поморьѣ.

Такое же различіе, какое замѣтно въ образѣ жизни, было и въ гражданскомъ устройствѣ коренныхъ, осѣдлыхъ Германскихъ племенъ и тѣхъ пришельцевъ, которые водворялись на Балтійскомъ поморьѣ.

Во времена Цезаря и Тацита, первые еще не имѣли настоящей государственной власти, и жили по преимуществу общинами, связанными семейнымъ союзомъ (43). У нихъ, правда, и тогда уже проглядывалъ аристократическій духъ, отличительное свойство Германскаго племени: и тогда уже, среди народа, не имѣваго ни городовъ, ни даже деревень, а жившаго въ дрянныхъ избушкахъ, выстроенныхъ врозь, гдѣ попало (44), не разъ выбирался въ старшины и предводители войска, неиспытанный юноша по заслугамъ отца или по знатности рода (45), и лишь потомкамъ знатныхъ родовъ былъ доступенъ почетный санъ королевскій (46). Но еще не образовалось ни настоящей аристократіи, ни постоянной власти. Только маловажныя дѣла предоставлялись суду старшинъ,

(43) *Cæs. de B. G. VI, 23. In pace nullus est communis magistratus. Tac. Germ. 7. Reges ex nobilitate, duces ex virtute sununt. Nec Regibus infinita aut libera potestas; et duces exemplo potius quam imperio. Cæs. l. c. 22. magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum... quantum et quo loco visum est, agri attribuunt. Tac. l. c. familiæ et propinquitates.*

(44) *Tac. Germ. 16.*

(45) Тамъ же 13. *Insignis nobilitas, aut magna patrum merita, Principis dignationem etiam adolescentulis adsignant.*

(46) Тамъ же, 7.

назначавшихся народамъ; важныя рѣшались на общей сходкѣ; вообще власть старшинъ (князей) и королей (*duces, reges*), была самая незначительная (47).

Но когда какой нибудь знатный юноша, удалой и богатый, вызывалъ охотниковъ быть ему товарищами и идти воевать на чужбину, и составлялась дружина (48), то отношенія перемѣнялись: между княземъ и дружиною тотчасъ возникалъ неразрывный союзъ, на жизнь и на смерть; священнымъ долгомъ дружинника было защищать князя и стоять съ нимъ за одно; онъ терялъ личную самостоятельность и сражался уже не за себя, а за своего князя, а князь тѣмъ самымъ принималъ на себя обязанность вести дружину къ побѣдѣ: онъ долженъ былъ подавать примѣръ храбрости, дружина—не отставать. Пережить князя, павшаго въ битвѣ, было для дружинника посрамленіемъ на весь вѣкъ (49). Разумѣется, этотъ обоюдный союзъ, это подчиненіе дружины князю и нравственная отвѣтственность князя за дружину, увеличивались еще болѣе, когда они воевали далеко отъ родины, подвергаясь безпрерывно опасности. Тутъ еще нужнѣе становилось единство крѣпкой власти, и оно непремѣнно являлось. И дѣйствительно, тотъ самый Тацитъ, который рассказываетъ о незначительности княжеской власти въ Германіи, говоритъ совершенно противное о тѣхъ Германскихъ племенахъ, которые жили на Балтійскомъ поморьѣ: именно, онъ свидѣтельствуетъ, что «Готы строже, нежели другіе Германцы, подчинены были власти» и что «Руги и Лемови и всѣ вообще тамошніе Германскіе народы отличались своею покорностью королямъ» (50).

(47) Тамъ же.

(48) Тамъ же, 13. 14. *Cæsar de B. G. VI, 23.*

(49) *Tac. Germ. 14. Cum ventum in aciem, turpe principi virtute vinci, turpe comitatus virtutem principis non adæquare. Jam vero infame in omnem vitam et probrosum, superstitem principi suo ex acie recessisse. Illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriæ ejus adsignare, præcipuum sacramentum est. Principes pro victoria pugnant; comites pro principe.*

(50) Тамъ же, 43. *Trans Lygios Gotones regnantur, paulo jam adductius, quam ceteræ Germanorum gentes, nondum tamen supra libertatem Protinus deinde ab Oceano Rugii et Lemovii; omniamque harum gentium insigne, rotunda scuta, breves gladii, et erga Reges obsequium.*

Такое преобладаніе крѣпкой власти у Прибалтійскихъ Германцевъ въ то время, когда вся Германія еще жила независимыми семьями, указываетъ, кажется, прямо на господство у нихъ дружиннаго устройства.

При всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ именъ, образа жизни и быта, мы можемъ съ полною почти увѣренностью признать, что Германскія племена на Балтійскомъ поморьѣ были пришлыя дружины, покоровшія тамъ древнѣхъ жителей, Вендовъ, т. е. Славянъ.

Такимъ образомъ движеніе безпокойныхъ силъ въ коренной Германіи, особливо между Свевами, а также въ Скандинавіи, впервые перенесло историческую дѣятельность на Балтійское поморье и въ незапамятное время привело тамошнихъ Вендовъ (Славянъ) въ зависимость отъ военныхъ дружинъ Германскихъ.

VIII.

Движеніе Славянъ въ Придунайскихъ земляхъ.

Но пока эти дружины, Луги, Вандалы, Руги, Готы, Бургунды и проч., господствовали на Вендскомъ поморьѣ, южные соплеменники подвластныхъ имъ Славянъ съ своей стороны задвигались, и ихъ движеніе отдалось и здѣсь. Вотъ что объ этомъ говоритъ древняя Русская лѣтопись⁽⁵¹⁾: «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска... Волхомъ (иначе «Волохомъ»)... нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилаемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне». Кто такіе были Волхи или Волохи, прогнавшіе Славянъ изъ Дунайской страны, объясняетъ та же лѣтопись. Рассказывая о покореніи этой страны Венграми (въ концѣ IX вѣка), она говоритъ, что Венгры, пришедши съ востока, устремились «черезъ горы великія» (въ нынѣшней Седмиградіи) и начали воевать съ Волхами и Славянами, которые

(51) П. С. Р. Лѣтоп. I, 3.

туть жили: «сѣдаху бо ту преже Словѣни, а Вольхве (иначе «Волохове») пріаша землю Словѣнску; по семъ же Угри прогнаша Вольхи и наслѣдиша землю и сѣдоша съ Словѣни...» (52). Слѣдовательно, Несторъ подѣ именемъ Волховъ разумѣтъ Валаховъ, которые именно, вмѣстѣ съ Славянами, обитали въ Дунайской странѣ при нашествіи Венгровъ, были ими частію прогнаны, частію покорены, и удержались въ тѣхъ мѣстахъ донинѣ. А эти Валахи—потомки Римлянъ, которые при Траянѣ завоевали Дакию и поселились въ ней военными колоніями. Въ самомъ дѣлѣ, Волохи, Валахи, Welsche и т. п. есть общее названіе, которымъ многіе Славянскіе народы и Нѣмцы обозначаютъ и теперь еще Итальянцевъ.

Нельзя однако же принимать Несторова извѣстія въ буквальномъ смыслѣ, будто Славяне, уходя изъ Дакии отъ Траяновыхъ войскъ, пришли и заселили Балтійское поморье: невѣрность сказанія тѣмъ яснѣе, что Несторъ оттуда выводитъ не однихъ Ляховъ, но и всѣхъ Русскихъ Славянъ. Даже если бы цѣлая Дакия принадлежала Славянамъ (а въ ней были народы и не Славянскіе), то и тогда изъ нея не могли бы выйти всѣ Славянскія племена, расселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финнскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ.

Но и совершенно отвергать этого сказанія нельзя также: оно все проникнуто какимъ-то правдивымъ духомъ старины; ктому же значеніе Траяна въ судьбѣ Славянъ доказывается преданіемъ, которое столько вѣковъ о немъ хранила народная память южной Руси.

Слова Кіевской лѣтописи, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, что Славяне, тѣснимые на Дунаѣ Римлянами, пришли въ движеніе и стали повсюду распространяться и усиливаться, и въ землѣ Ляхской, на Балтійскомъ поморьѣ, и въ восточныхъ странахъ, гдѣ потомъ возникла Русь.

(52) Тамъ же, 10.

IX.

Усиленіе Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ во II в.

Дѣйствительно, во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., вскорѣ послѣ Траяна, Германцы начинаютъ уходить съ Балтійскаго поморья, и на ихъ мѣсто выступаютъ племена Славянскія. Въ началѣ царствованія Траяна, когда писалъ Тацитъ о Германіи, Готы жили на Поморьѣ; во II вѣкѣ они отправились на востокъ и потомъ, повернувшись на юго-востокъ, въ концѣ этого вѣка находились уже на Черномъ морѣ. О странствіи ихъ по Скиѣи подробно говоритъ Юрнандъ⁽⁵³⁾, но рассказывая по ихъ народнымъ пѣснямъ и преданіямъ, разумеется, не подозреваетъ, чтобы усиленіе враждебныхъ народовъ, а не добрая воля, побудило ихъ покинуть Балтійскую страну.

Въ слѣдъ за Готами удалились и другія Нѣмецкія дружины, Лугія, Вандамы, Бургунды, Руги и пр., кто на юго-востокъ, къ Черному морю, кто черезъ Богемію къ Дунаю, нѣкоторые даже въ собственную Германію, къ Рейну.

Съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе усилялись Славяне на Балтійскомъ поморьѣ. Въ послѣдней половинѣ II-го вѣка, когда Птолемей составлялъ свою знаменитую географію, Балтійскіе Венеды совсѣмъ ужъ не то, что при Тацитѣ. Тацитъ помѣщаетъ ихъ за Вислою, какъ-то совершенно въ тѣни за Германскими народами. У Птолемея, Балтійское море, или по крайней мѣрѣ южная часть его, называется Венедскимъ заливомъ⁽⁵⁴⁾; Венеды являются у него въ числѣ великихъ народовъ Сарматіи и живутъ по всему Венедскому заливу⁽⁵⁵⁾; о Готахъ, которые при Тацитѣ находились въ сосѣдствѣ Лугіевъ, значить далеко на западъ отъ Вислы, вотъ что говоритъ Птолемей: «Меньшіе народы, населяющіе Сарматію, суть: Готы, близъ рѣки Вислы, подъ Венедами, а за ними Финны и т. д.»⁽⁵⁶⁾. Стало быть, со времени Тацита ихъ ото-

(53) Јогн. 4 и слѣд.

(54) Ptolemaei Geographia III, 5.

(55) Тамъ же.

двинуло уже далеко на востокъ. Варини, при Тацитѣ жившіе въ самой западной части Балтійскаго поморья, въ сосѣдствѣ съ Лангобардами и Англами⁽⁵⁷⁾, помѣщаются Птолемеемъ близъ истоковъ Вислы⁽⁵⁸⁾. Наконецъ, у него являются на Балтійскомъ поморьѣ уже и племена съ чисто Славянскими названіями: Поляне (*Βούλανες*), Пѣняне (*Πενυΐται*), Вельты (*Ουέλται*). Наиболее опредѣлительно говоритъ онъ о Вельтахъ и отводитъ имъ жилища на южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ племенъ Литовскихъ (Осіевъ, т. е. Литвы⁽⁵⁹⁾), и Карвововъ и Кареотовъ, т. е. Куроновъ или Корси, жителей нын. Курляндіи). Такииъ образомъ уже во II в. Славянское племя Велетовъ (которые иначе прозывались Лютичами) обитало на Балтійскомъ поморьѣ, тамъ же почти, гдѣ оно потомъ славно подвизалось, и храбро погибло, 1000 лѣтъ спустя: можетъ быть только, оно съ теченіемъ времени нѣсколько подвинулось на западъ.

Х.

Указаніе Юрнавда на Прибалтійскихъ Славянъ во II вѣкѣ.

Есть другое, восходящее до этого же времени, хотя записанное позже, извѣстіе о пребываніи во II в. Славянскихъ народовъ на Балтійскомъ поморьѣ. Юрнавдъ, писавшій древнюю исторію Готовъ, по ихъ пѣснямъ и сказаніямъ, исчисляетъ въ одномъ мѣстѣ народы, которые жили въ сосѣдствѣ съ Готами. Только онъ, вѣроятно не понявъ въ точности Готскаго преданія, заключавшаго такое исчисленіе, а можетъ быть, имѣя и преданіе, уже искаженное отъ времени, перенесъ всѣ эти народы въ ту страну, откуда Готы первоначально вышли, въ Скандинавію. Такииъ образомъ Скандинавія, въ которой, сколько извѣстно, никогда не было много разныхъ народовъ, у него наполнилась безчисленными ихъ множествомъ. Но онъ приводитъ между ними такіа названія,

(56) Тамъ же.

(57) Tac. Germ 40.

(58) Ptol. I. c.

(59) См. Шафарика I, § 18, 2.

по которымъ тотчасъ можно заключить, что это исчисленіе обнимаетъ не одну Скандинавію, но и всѣ земли около Балтійскаго моря. Такъ упоминаются между сосѣдями Готовъ, будто бы населявшими Скандинавію, Датчане (Dani), жители Борнгольма (Bergio), Голландіи (Hallin), Ютландіи (въ Скандинавскихъ памятникахъ Jothungar, у Юрнанда Othingi), благородные Руги (Ethelrugi), Фявны (Finnaiþæ, Finni). Вмѣстѣ съ этими Прибалтійскими народами Юрнандъ перенесъ туда и Прибалтійскихъ Славянъ: Вагровъ (Evageræ), Виндо-Велетовъ (Vinoviloth) и Лютичей (Liiothida). «Эвагеръ, онъ говоритъ, смѣшанные съ Отингами» (т. е. Ютами): Славянскіе Вагры дѣйствительно жили съ Ютами въ сосѣдствѣ и непрерывномъ столкновеніи. О Лютичахъ Юрнандъ также выражается весьма справедливо, что они обитали въ мѣстахъ равнинныхъ и плодородныхъ, и по этому подвергались вторженіямъ другихъ племенъ: картина не вѣрная въ отношеніи къ Скандинавіи, но соответствующая именно Балтійскому поморью. Притомъ нельзя не замѣтить, что Юрнандово исчисленіе почерпнуто изъ двухъ сказаній, сплоченныхъ въ одно, такъ что два раза приводятся названія однихъ и тѣхъ же народовъ: Шведовъ (Suethans и Suethidi) и Фявновъ (Finnaiþæ и Finni)⁽⁶⁰⁾. Этимъ объясняется, что онъ упоминаетъ два раза также объ одномъ и томъ же Славянскомъ народѣ, подъ двумя разными названіями: Велетовъ и Лютичей.

Такъ какъ въ концѣ II в. по Р. Х. Готы жили уже далеко отъ прежнихъ своихъ жилищъ на Балтійскомъ поморьѣ, и въ началѣ III-го были на Черномъ морѣ, то не можетъ быть сомнѣнія, что ихъ сказанія о Прибалтійскихъ народахъ изображали по-

(60) Jorn. c. 3. Scanzia.... insula..... in cujus parte arctoa gens Adoget consistit..... Alia vero ibi gentes tres Crefennæ..... alia gens.... Suethans..... Sequuntur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liiothida, quorum omnium sedes sub humo plana ac fertili, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur. Post hos Athelnil, Finnaiþæ, Fervir, Gautigoth.... Dehinc mixti Evageræ Othingis..... Sunt ex his exteriores Ostrogothæ, Raumaricæ, Raagnaricii, Finni..... nec non... Vinoviloth, Suethidi, Cogeni.... Dani..... Grannii, Aganzia, Unixæ, Ethelrugi, Archiranni....

ложение того края не позже II-го в., и Готское предание о Ваграхъ, Внндо-Велетахъ и Лютнцахъ подтверждаетъ и дополняетъ слова Птолемея о Венедахъ и Вельтахъ.

XI.

Дальтйшее движеніе Славянъ. Готское царство Эрманарика.

Въ III-мъ вѣкѣ Славяне все напирали на Нѣмецкія дружины и гнали ихъ съ Балтійскаго моря во всѣ стороны, и на востокъ, и къ Римской границѣ. Страшно потрясали въ то время упадавшую Римскую Имперію всѣ эти Нѣмцы, которые, какъ говоритъ Юлій Капитолинъ ⁽⁶¹⁾, бѣжали отъ верхнихъ варваровъ (а *superioribus barbaris*), т. е. отъ народовъ, давившихъ на нихъ съ сѣвера и востока. Между тѣмъ Готы, бродя по Скиѣи, покорили себѣ племена, которыя позже составили Русское государство. Замѣчательно, что тогда на Днѣпрѣ произошло тоже самое, что прежде было на Балтійскомъ поморьѣ. Какъ тамъ Лугія и Вандамы были Нѣмецкія дружины, которыя получили свои названія отъ подвластныхъ Славянъ, такъ и на Днѣпрѣ Готы, поселившись между Полянами и Древлянами, прозвались, по своимъ подданнымъ, Грютунгами (*Greuthungi*), отъ *griot* песокъ, песчаное мѣсто, и Тервингами (*Thervingi*), отъ *triu* дерево ⁽⁶²⁾. Вотъ какъ легко дробились Нѣмецкія дружины на чужой землѣ и, подчиняясь вліянію покоренныхъ Славянъ, даже отступали отъ кореннаго Германскаго обычая, не допускавшаго народныхъ названій по мѣсту жительства.

Власть Готовъ на востокъ быстро росла. Король Эрманарикъ покорилъ себѣ огромное пространство земель, властвовалъ надъ Чудью, Новгородомъ, Мерею, Мордвою ⁽⁶³⁾ и др., воевалъ съ Славянами и покорилъ ихъ. Иорнандъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Разбивъ Эруловъ, Эрманарикъ поднялъ оружіе на Венетовъ, которые, неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильные часломъ, сначала было сопротивлялись. Но ни къ чему не служить

(61) См. Шафарика, § 18, 4.

(62) Замѣчаніе А. С. Хомякова.

(63) Iorn. 23. Scythas, Thuidos..... Merens, Mordens (imnis)... Novego...

на войнѣ многочисленность, особливо противъ Божьей помощи, и хорошо вооруженнаго войска. Эти Венеты... происходятъ отъ одного корня, теперъ раздѣлены на три вѣтви, именно на Вепетовъ, Антовъ и Славянъ (Veneti, Antes, Sclavi), и хотя они теперъ, за грѣхи наши, вездѣ свирѣпствуютъ, однако тогда всѣ повинувались власти Эрманарика » (64).

Таково сказаніе Иорнанда о великомъ Готскомъ королѣ. Трудно только по немъ судить, покорены ли были Эрманарикомъ и Ляшскіе Славяне въ Балтійской странѣ, или одни только Русскіе, и съ какими именно Славянами онъ велъ войну.

ХП.

Освобожденіе Балтійскаго поморья отъ нѣмецкихъ дружинъ Аттилою.

Но Гунны разрушили царство Эрманариково, и явился на землѣ бичъ небесный, въ кару Германскимъ дружинамъ, попиравшимъ другіе народы. Какое бы ни было происхождение Гунновъ и откуда бы они ни вышли, но во всякомъ случаѣ очевидно, что они дѣйствовали въ союзѣ съ Славянами и имѣли въ виду истребить дружины, которыя такъ долго угнетали Славянъ и на Балтійскомъ поморья, и далѣе на востокъ. Аттила, когда велъ свое страшное войско въ Галлію, говорилъ именно, что идетъ только для того, чтобы настигнуть и погубить одну изъ этихъ дружинъ, Вестготовъ, которые убѣжали отъ Гунновъ къ Римлянамъ и поселились за Луарой. Добровольно подчинились ему Славянскія племена, между прочими вѣроятно и Балтійскія, силою покорилъ онъ Германцевъ. Великіе у него были замыслы: соединить въ одно государство всю независимую отъ Римлянъ Европу и ея сломить силу Римской Имперіи. Когда онъ умеръ, государство его распалось въ прахъ; но одно дѣло исполнилъ онъ до конца, и оно пережило его вѣкъ: изгналъ окончательно Нѣмецкія дружины, которыя властвовали въ восточной Европѣ, и освободилъ отъ чужихъ народовъ Славянскія земли. Послѣ его смерти не было ни одного Нѣмецкаго племени на всемъ Балтійскомъ поморья до самыхъ

(64) Тамъ же.

Карпатскихъ горъ, и во всей странѣ, которая потомъ назвалась Русью. Готы, Гепиды, Вандалы, Бургунды, Лангобарды, Руги, всѣ эти храбрые дружинники, скрылись передъ грозой въ далекія страны, или сосредоточены были подъ властію Гунновъ въ опустѣлой Дакіи и Панноніи. Балтійское поморье было очищено для дѣятельности Славянъ.

XIII.

Остатки Германскихъ пришельцевъ на Балтійскомъ Поморьѣ. — Извѣстіе о Видиваріяхъ.

Но многовѣковое подчиненіе Поморья и тамошнихъ Славянъ Германцамъ, постоянное пребываніе въ этой землѣ, въ продолженіе столькаго времени, чужихъ дружинъ, приходившихъ туда отовсюду, и наконецъ, самая борьба съ ними и ихъ истребленіе, все это не могло не имѣть сильнаго дѣйствія на Балтійскихъ Славянъ, на ихъ нравы, устройство и бытъ: они должны были непремѣнно, ранѣе и болѣе всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ, подвергнуться чужому вліянію и чужой примѣси. Въ самомъ дѣлѣ, Иорнандъ рассказываетъ, что *Видиваріи*, занявшіе, близъ устьевъ Вислы, жилища, покинутыя Гепидами, были сбродомъ разныхъ племенъ, изъ которыхъ составился одинъ народъ ⁽⁶⁵⁾. Видиваріи есть древняя Германская, въ особенности Скандинавская, форма имени Виндовъ или Славянъ: *Vindvarr* значитъ житель Виндской земли, точно также какъ *Bojovarii*—жители Бойской земли, *Cantvarii* жители Кента и т. п.; производное отсюда слово *Vindverskr* часто употребляется въ древнихъ Скандинавскихъ памятникахъ и значитъ: Виндскій, Славянскій.

Стало быть, Видиваріи, заступившіе мѣсто Гепидовъ, когда тѣ удалились (въ III в.) съ Балтійскаго моря къ Черному (а

(65) Тамъ же, 5. Ad litus Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ehibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati; post quos ripam Oceani item Esti tenent. Тамъ же, 17. (Gepidae)... commanebant in insula Visclae amnis vadis circumacta.... Nunc eam, ut fertur, insulam gens Vividaria (исправъ Vidivaria) incolit, ipsis ad meliores terras meantibus. Qui Vividarii ex diversis nationibus acsi in unum asylum collecti sunt et gentem fecisse noscuntur.

вѣрнѣе, заставившіе ихъ удалиться) были Славяне. Говоря что Видиваріи живутъ близъ устьевъ Вислы, Иорнадъ тутъ же рассказываетъ, что восточными сосѣдами ихъ были Эсты, а Эстами Германцы называли въ древности народы Литовскаго племени, по преимуществу Прусовъ: изъ всего этого можно заключить, что подъ именемъ Видиваріевъ разумѣлись собственные Поморяне.

Конечно, извѣстіе, что эти Видиваріи составились изъ сброда разныхъ племенъ, преувеличено; но оно имѣетъ, безспорно, нѣкоторое основаніе. Проживъ нѣсколько столѣтій подъ властію разнородныхъ дружинниковъ, Нѣмцевъ и Скандинавовъ⁽⁶⁶⁾, Балтійскіе Славяне не могли съ ними не смѣшаться; притомъ же нельзя предполагать, чтобы при освобожденіи Славянъ, начавшемся во II в. и оконченномъ только Аттілою, всѣ эти пришельцы были до послѣдняго изгнаны или истреблены; естественно, многіе изъ нихъ, основавшіеся въ Славянской землѣ, остались тамъ навсегда и слились съ преобладающимъ народомъ. Наконецъ вѣроятно и то, что въ восточной части Поморья, ближе къ Вислѣ, Славяне приняли также не малую примѣсь Литовскаго племени.

Вотъ почему Иорнадъ и могъ назвать Поморокихъ Славянъ-Видиваріевъ сбродомъ разныхъ народовъ, и вотъ въ какомъ смыслѣ понятно его сказаніе.

Слова Иорнада о Видиваріяхъ имѣютъ особенно важное значеніе: слышно въ нихъ ясное и достовѣрное свидѣтельство современника, что Славяне на Балтійскомъ поморьѣ были проникнуты чужими вліяніями и примѣсью чужихъ народовъ уже съ той самой поры, какъ они, избавившись отъ Германскихъ дружинъ, начали жить жизнію независимою.

XIV.

Извѣстіе о Прибалтійскихъ Славянахъ въ VI вѣкѣ.

Объ этихъ Поморскихъ Славянахъ сохранилось отъ конца VI в. любопытное извѣстіе. Византійскіе лѣтописцы рассказываютъ,

(66) Есть даже основаніе предполагать, что между ними скитались и нѣкоторые Кельтскія дружины, см. Шафарика I, § 17, 8. 9.

что въ 590 г. привели къ императору Маврикію, сбиравшемуся выступить изъ Фракіи въ походъ противъ Аваровъ, трехъ-плѣтниковъ, безоружныхъ, съ одними лишь гуеями; они были родомъ Славяне, обитали у предѣла западнаго Океана (очевидно, Балтійскаго моря); къ ихъ князьямъ Аварскій Ханъ прислалъ посольство съ дарами и просилъ помощи противъ Грековъ; князья отправили ихъ къ нему послами, извиниться, что по дальности и трудности пути не могутъ оказать ему этой помощи; въ дорогѣ они провели 15 мѣсяцевъ, были задержаны Ханомъ, который не хотѣлъ отпустить ихъ на родину, и наконецъ бѣжали къ Грекамъ; ходять же они съ гуеями, потому что не владѣютъ оружіемъ, такъ какъ ихъ земля не производитъ желѣза (67).

Чрезвычайно важно это свидѣтельство (въ истинѣ его сомнѣваться нельзя, потому что Славянскіе послы имѣли съ Греками прямыя сношенія и даже отправлены были на житье въ Греческій городъ Ираклію, а ихъ показанія были внесены въ лѣтопись современникомъ). Изъ него мы видимъ, что Славянское поморье въ VI в. было независимо, подъ управленіемъ своихъ князей, и что оно еще хранило связь съ отдаленною Дакією, гдѣ жили Авары: не была ли эта связь остаткомъ того древняго общенія между Дунайскою страной и Балтійскою, которое должно было существовать, когда Аттила изъ Дунайской своей столицной деревни повелѣвалъ сѣверными Германцами и Славянами? Во всякомъ случаѣ, приведенный разговоръ Византійскихъ историковъ свидѣтельствуеетъ, что Поморскіе Славяне, не смотря на безоружность ихъ пословъ и отсутствіе въ ихъ землѣ желѣзныхъ рудъ, уже въ VI в. были народомъ сильнымъ и воинственнымъ: иначе съ какой стати было бы Аварскому Хану звать ихъ въ такую даль на помощь противъ Грековъ? Послы же вѣроятно были люди вѣще, какіе нибудь жрецы или кудесники, и потому шли не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ гуеями.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

(67) Theophylactes VI, 3.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМѢСЬ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Продолженіе).

Къ № 41. *(Изъ книги одного Медика-Философа).*

Движеніе есть самое лучшее лекарство. Оно истребляетъ въ тѣлѣ зародыши болѣзней, укрѣпляетъ его и дѣлаетъ способнымъ къ пренесенію всякихъ трудовъ. Кто часто видитъ восхожденіе солнца, работаетъ съ веселымъ духомъ, садится за столъ съ покойнымъ сердцемъ, и ложится спать съ пріятною томностію, тотъ можетъ прожить сто лѣтъ. Ничто такъ не сокращаетъ жизнь нашу, какъ душевныя безпокойства, злобной и мстительной духъ, слишкомъ живыя удовольствія и глубокая меланхолія. — Наслаждайся надеждою, тихими и мирными удовольствіями; будь умеренъ въ сластолюбіи; переимѣняй свои упражненія; читай Исторію и Поэтовъ, для обогащенія души своей разными пріятными идеями; разсматривай чудеса Натуры — и дни твои будутъ подобны теченію светлой рѣки.

Къ № 42. Сельская жизнь.

Любовь къ земледѣлію свойственна человѣку во всѣхъ климатахъ и во всѣхъ состояніяхъ, отъ престола до хижины. Городской житель покупаетъ себѣ загородной домъ или раз-

водитъ садъ на террасахъ, на балконахъ, на окнахъ. Свобода, тишина, обработываніе земли, собираніе плодовъ всякаго роду, экономія, рыбная ловля, охота, домашнія дѣла, хозяйственныя попеченія, гости, друзья, которые въ деревнѣ гораздо пріятнѣе, нежели въ городѣ; республика пчель, которую Философъ Аристомахъ занимался цѣлыя 60 лѣтъ, рассматривая всегда съ новымъ удивленіемъ чудесную работу сихъ животныхъ, ихъ благоустройство и согласіе; удовольствіе посадить цвѣтокъ, привить дерево и видѣть успѣхъ трудовъ своихъ; размышленіе о феноменахъ Патуры: о хлѣбномъ зернѣ, которое гниетъ, снова рождается, и въ теченіе времени покрываетъ обширное поле золотыми колосами; о маленькомъ шарикѣ, изъ котораго рождается самое большое и долговѣчное дерево—перемѣна годовыхъ временъ, перемѣна упражненій и забавъ; наконецъ неизъяснимое удовольствіе жить на своей землѣ, и получать прибыль отъ своихъ трудовъ — все сіе такъ занимательно, и такъ привязываетъ человека къ сельской жизни, что городъ съ блестящими и шумными своими утѣхами дѣлается уже для него скучнымъ и неспособнымъ.

Сикстъ V былъ въ молодости своей самой бѣдной чело­вѣкъ. Пришедши въ Римъ, и собравъ милостынею нѣсколько денегъ, онъ не зналъ, на что лучше употребить ихъ: на обѣдъ для утоленія голода, которой мучилъ его, или на пару башмаковъ, въ которыхъ онъ имѣлъ также крайнюю нужду. Одинъ изъ мимошедшихъ примѣтилъ его задумчивость и спросилъ о причинѣ ея. «Государь мой! отвѣчалъ онъ: я долженъ рѣшить жаркой споръ между желудкомъ и ногами моими.»

Человѣкъ рѣдко знаетъ свои выгоды. Лидія прекрасна лицомъ и миловидна; только не имѣетъ ни знаній, ни ума. Раиса дурна собою, но умна и знающа. Если бы Лидія молчала, то зрители восхищались бы ею, если бы Раиса говорила, то слушатели удивлялись бы ей какъ Фонтенелю. Къ несчастію Лидія говорить безъ умолку, а Раиса хочетъ

казаться молчаливою. Что же выходитъ? Мы слушаемъ Лидію, и забываемъ, что она хороша; смотримъ на Раису, и забываемъ, что она умна.

Къ № 43. О воздухѣ.

Воздухъ можно назвать переносчикомъ, нашихъ мыслей и связію умовъ человеческихъ. Я говорю: рождаются звуки, и воздухъ вливаетъ ихъ въ слухъ другихъ людей, которые узнаютъ чрезъ то мои мнѣнія, желанія, и проч. Каждой звукъ есть вѣстникъ, уведомляющій человѣка о происходящемъ вокругъ его. — Безъ воздуха не могли бы мы наслаждаться и благоуханіемъ цвѣтовъ, которые черезъ него сообщаютъ намъ ароматы свои.

Декартъ говорить, что сія тонкая стихія есть совокупленіе маленькихъ нерегулярныхъ частицъ; или пыль, происходящая отъ быстрого движенія безчисленныхъ треугольниковъ, которые между собою трутся. Декартъ былъ великой Геометръ; но можно мечтать и геометрически.

Психа Миеологіи изображаетъ душу человѣческую, которая обитаетъ въ тѣлѣ, такъ какъ сія царевна живетъ въ чертогахъ Купидоновыхъ. Посредствомъ чувствъ сообщается она со всею Натурою, которая есть для нее неизсѣкаемый источникъ удовольствій. Все служить ей, подобно какъ Нимфы служатъ милой супругѣ бога любви. Вездѣ великолѣпныя зрѣлища: тамъ небо съ безчисленными свѣтилами, здѣсь цвѣтушіе ковры земли съ безчисленными красотоми. Но великая Причина всего пребываетъ, и должна пребывать для нее тайною; самая любовь и всѣ удовольствія не терпятъ изъясненій. Однимъ словомъ, душа смертнаго должна пить Нектаръ Природы, не раздробля химически его сущности. Но къ несчастію, суетное любопытство отравляетъ для насъ ядомъ всѣ удовольствія, и щастіе улетаетъ!—Почти всѣ древнія преданія народовъ относятъ человѣческія бѣдствія на счетъ суетнаго любопытства.

Къ № 44. Гостепрѣимство есть добродѣтель Ирландцевъ. Самой бѣднѣйшей Ирландской крестьянинъ, сядя за столъ, отворяетъ двери своего жилища, не смотря ни на холодъ, ни на дурное время, въ знакъ того, что всякой странникъ имѣетъ право войти къ нему въ домъ, и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать.

Квады составляли довольно многочисленную націю въ древней Германіи, и были ужасомъ другихъ народовъ. Не проходило года, чтобы они не ограбили и не сожгли множества деревень въ сосѣдственныхъ земляхъ; за всѣмъ тѣмъ гостепрѣимство было для нихъ священною добродѣтелію. Они принимали странниковъ съ ласкою и дружелобіемъ; угощали ихъ въ своихъ хижинахъ, надѣляли всѣмъ нужнымъ для продолженія пути, и благодарили Небо за то, что Оно посылаетъ къ нимъ мирныхъ гостей. Какъ согласить противорѣчіе въ характеръ сей націи? — Нѣчто подобное рассказываютъ о нынѣшнихъ Арабахъ, которые то ласкаютъ, то грабятъ путешественниковъ.

О Т Р Ы В К И.

Смерть славнаго Греческаго Лирика Пиндара достойна примѣчанія. Въ минуту піитическаго вдохновенія, онъ заигралъ на арфѣ, и въ пламенномъ гимнѣ молилъ боговъ о испосланіи ему такового дара, которой для смертныхъ утѣшительнѣе всего прочаго: вдругъ глаза его затмились, и онъ упалъ мертвой, въ объятія прекраснаго отрока, имъ воспитаннаго (*).

Римлянина Гальбу обвиняли въ праздности. «Друзья! скажалъ онъ: вы можете требовать у людей отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, а не въ томъ, чего они не дѣлаютъ.» — Отвѣтъ остроумень, но несправедливъ.

Проперцій называетъ ночь *гостиницею любви*.

Къ № 45. Натуралисты замѣтили, что тѣ животныя, которыя не долго на землѣ существуютъ, болѣе другихъ веселятся бытіемъ своимъ. Посмотрите на эфемеровъ, живущихъ

(*) По крайней мѣрѣ, такъ пишутъ нѣкоторые.

только одинъ день, или нѣсколько часовъ; посмотрите на бабочекъ, порхающихъ съ цвѣточка на цвѣтокъ, и вы увѣритесь въ истинѣ сего примѣчанія. Для всякаго новаго пришельца мѣръ сей кажется восхитительнымъ зрѣлищемъ; все прекрасно; все улыбается, все призываетъ къ наслажденію. Живи долѣе, и волшебныя красоты исчезнуть; чувство бытія потеряетъ свою цѣну, и нѣкоторая томность заступитъ мѣсто прежняго удовольствія въ сердцѣ нашемъ.—Цицеронъ говоритъ, что всѣ философическія изслѣдыванія плѣняютъ умъ не столько важностию предмета, сколько новостию своею. Сія склонность человѣческаго сердца ко всему новому не есть ли убѣдительное доказательство будущей жизни?

Разныя мысли.

Древніе говорили, кто въ двадцать лѣтъ ничего не знаетъ, въ тридцать ничего не дѣлаетъ, въ сорокъ ничего не имѣетъ, тотъ ничего не узнаетъ, не сдѣлаетъ и не пріобрѣтетъ въ жизни своей.

Кто скрываетъ свои лѣта, тотъ стыдится прошедшей жизни своей.

Надежда есть ния вещи, которая существуетъ только въ одномъ воображеніи.

Я откажусь отъ удовольствія, говоритъ Эпикуръ, и предпочту ему самую горестъ, еслии раскаяніе должно непосредственно за онымъ слѣдовать.

Людовикъ XII твердилъ всегда, что любовь есть милостивая царица для молодыхъ людей, а для стариковъ—злая тиранка.

*

Одинъ молодой человекъ вздумалъ предложить извѣстному Диомелю такой вопросъ, котораго никто еще изъ Ученыхъ не могъ рѣшить по сіе время. *Я не знаю*, отвѣчалъ скромной Философъ. *Какая жъ польза быть Академикомъ!* сказалъ молодой человекъ—и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, говоря съ другими о вещахъ, мало ему извѣстныхъ, такъ запутался въ словахъ, что долженъ былъ со стыдомъ

замолчать. Тогда Г. Дюамель подошелъ къ нему съ улыбкою, взялъ за руку и сказалъ: *видишь, молодой человекъ, какая польза быть Академикомъ: мы не говоримъ о томъ, чего не знаемъ.*

Къ № 46. Семнадцатилетняя дѣвушка въ одной Шотландской деревнѣ, близъ Эдмбурга, лишилась на вѣки любовника своего, въ самой тотъ день, когда надлежало быть ихъ свадьбѣ. Несчастная пошла на кладбище за гробомъ его, и рѣшилась навсегда тамъ остаться; сама построила себѣ хижину изъ сухихъ вѣтвей, и живетъ въ ней уже около десяти лѣтъ. Весною и лѣтомъ, осенью и зимою, сидитъ она отъ утра до вечера подлѣ могилы своего друга и смотритъ на нее неподвижными глазами. Всѣ крестьяне любятъ ея, и часто со слезами просятъ, чтобы она оставила кладбище — но тщетно! Всякой день по очереди носятъ они къ ней блюдо гречневой каши (обыкновенная пища тамошнихъ поселянъ). Она хороша лицомъ, была, высокаго росту, и стройна собою; волосы ея достають почти до земли. Всякому прохожему говорить она: *Боби!* (Шотландская копѣйка); а на деньги, собираемая милостынею, покупаетъ себѣ платье. Хижина ея нѣсколько мѣсяцевъ въ году бываетъ покрыта снѣгомъ; но бѣдная *Боби* (имя, которымъ ее прозвали) никогда не жалуется на холодъ. Можетъ быть, что умъ ея отъ сильной горести не много повредился; однакожъ нельзя сказать, чтобы она была сумасшедшая. На вопросы о чувствахъ ея сердца, *Боби* отвѣчаетъ только знаками: указываетъ на гробъ и вздыхаетъ. Она никогда не плачетъ, но всѣхъ другихъ заставляетъ плакать.

(Изъ Англійскихъ Вѣдомостей, но только не новыхъ).

Къ № 47. О памяти.

Неумѣренной сонъ, болѣзнь, а особливо ударъ въ голову, могутъ совершенно затмить память. — Фукидидъ въ описаніи Аѳинской язвы рассказываетъ, что многіе люди послѣ сей ужасной болѣзни забыли своихъ друзей, самихъ себя и все

на свѣтъ.—Я слышалъ объ одномъ молодомъ челоувѣкѣ, которой, упавъ съ балкона, совсѣмъ обезумѣлъ, такъ что не узнать ни отца, ни матери своей. Одинъ Нѣмецкой Профессоръ, которой 40 лѣтъ старался обогащать память свою, вдругъ лишился ее отъ того, что двѣ толстыя книги съ верхней полки упали ему на голову; а другой, ударившись затылкомъ объ стѣну, забылъ Греческой языкъ, и долженъ былъ принягся снова за азбуку. — О ненадежность знаній челоувѣческихъ!

(Изъ *Морицова Психологическаго Магазина*).

Одинъ стихотворецъ, которой однакожь болѣе *крадъ*, нежели *творилъ*, хвалился въ собраніи умныхъ людей, что ему *ничего не стоить* написать тысячу стиховъ.—«Не мудро, сказали ему: все краденое приходитъ *даромъ*».

Къ № 48. О садахъ.

Садъ есть мѣсто чистаго удовольствія и кроткаго душевнаго веселья. Тамъ Природа разсыпаетъ дары свои и благодѣянія; тамъ Искусство подражаетъ Природѣ, и трудится для того единственно, чтобы челоувѣкъ вошелъ и съ пріятнымъ чувствомъ улыбнулся.

Много прекрасныхъ зданій и великолѣпныхъ палатъ; но много ли хорошихъ садовъ? Сколько надобно ума, вкуса и воображенія, чтобы сдѣлать ихъ пріятнымъ гульбищемъ для нежныхъ меланхоликовъ, для утомленнаго глубокомыслиемъ Философа, для мечтателя-Поэта! Вашъ мраморъ и бронза не прельщаютъ меня, гордые богачи! Украшайте ими, если хотите, дома свои; но въ саду хочу я видѣть одну изысканность Природы, доведенную искусствомъ до высочайшей степени совершенства. Устелите землю коврами бархатной зелени; усѣйте ихъ цвѣтами, для глазъ и обонянія равно любезными; насадите лѣсочки, темныя, частыя; проведите въ густоту ихъ серебряныя ручейки и свѣтлыя рѣчки; приманите птичекъ, соловьевъ и малиновокъ — и когда услышу концертъ ихъ —

когда увижу гнѣздо горлицъ на древнемъ вязѣ, осѣняющемъ зеркальной прудъ — тогда скажу: *вы имѣете вкусъ; ваша садъ прекрасенъ* — тогда я часто буду приходиться къ вамъ, иногда съ книгою, иногда съ другомъ, иногда съ одними мыслями своими; сяду на берегу рѣчки, и забуду суету міра въ мечтахъ своего воображенія (*).

Къ № 49. О вліяніи души на тѣло.

Отъ сильнаго вниманія души, устремленнаго на одинъ предметъ, не рѣдко унимается самая жестокая тѣлесная боль. — Я знаю по собственному опыту, что веселой разговоръ съ любезными людьми, въ которомъ душа занята бываетъ легкимъ и пріятнымъ образомъ, есть лучшее лекарство отъ *мигрени*. Напротивъ того излишнее напряженіе ума производитъ сію болѣзнь въ сильной степени; то же самое дѣйствіе имѣетъ и совершенная праздность души, источникъ несносной скуки. Путешественники рѣдко бываютъ больны, отъ того, что мысли ихъ безпрестанно занимаются новыми предметами, и притомъ безъ всякаго утомительнаго напряженія. — Душа имѣетъ великое вліяніе на тѣло, не смотря на то, что она совсѣмъ другой природы. Человѣку, которой слишкомъ много работаетъ умомъ, рѣдко помогаютъ лекарства; за то и болѣзнь не такъ скоро можетъ въ немъ усилиться, какъ въ другомъ человѣкѣ. — По ничто не имѣетъ такого чудеснаго вліянія на тѣло, какъ сильныя страсти: онѣ не только дѣлаютъ насъ нечувствительными къ жесточайшей боли, но даже и самую смерть на нѣкоторое время удаляютъ. Бывали примѣры, что герои въ жару сраженія не чувствовали ранъ своихъ, отъ которыхъ они, по окончаніи битвы, черезъ минуту умирали. Мулей Молукъ, Марокской Императоръ, въ день сраженія съ Донъ-Себастьяномъ, Королемъ Португальскимъ, былъ такъ боленъ и слабъ, что не могъ стоять на ногахъ; но когда войско его начало отступать, онъ забылъ свою болѣзнь, соскочилъ съ носилокъ, остановилъ бѣгущихъ, снова

(*) Напечатано 16 Іюня.

повель ихъ противъ непріятеля, одержалъ совершенную побѣду и.... упалъ мертвой. — Безпокойство души, которое происходитъ отъ страха и надежды, всего пагубнѣе для тѣла, и Медикъ бываетъ иногда принужденъ отнять всю надежду у больного, чтобы тѣмъ скорѣе вылечить его. Известное несчастіе приводитъ душу въ ужасъ; но сей ужасъ мало по малу превращается въ унылое спокойствіе. Напротивъ того безпрестанное сомнѣніе истощаетъ всѣ тѣлесныя силы.

(Изъ книги Профессора Герца).

Къ № 50. Есть люди, которыхъ можно во всемъ увѣрить; которые мыслятъ о вещахъ такъ, какъ имъ другіе велятъ мыслить; которые даже о самихъ себѣ заключаютъ по людскому мнѣнію, а не по собственному чувству. Въ доказательство чего служить слѣдующій анекдотъ:

Всѣ, которые читали сказки младшаго Кребильиона, удивляются его остроумію: кто зналъ такъ хорошо свѣтскихъ женщинъ? кто умѣлъ описывать ихъ такими живыми красками? Друзья его вздумали надъ нимъ подшутить и увѣрить его, что онъ лишился своего блестящаго разума и тѣхъ пріятностей, которыя дѣлали его любезнымъ въ обществѣ. Однажды за ужиномъ — когда Кребильионъ былъ еще веселъ и забавнѣе обыкновеннаго — они согласились всѣ молчать, взглядывать другъ на друга съ видомъ удивленія, и вмѣсто того, чтобы смѣяться его шуткамъ, пожимать плечами. Бѣдной, легковѣрной Кребильионъ пришелъ наконецъ въ отчаяніе, бросился на канапе, закрылъ лице руками, и сказалъ, проливая слезы: *теперь вижу, вижу, что я поглупѣлъ! Ахъ друзья мои! мнѣ это уже давно кажется. Для чего же вы не велѣли мнѣ молчать? Для чего не хотѣли сказать правды? Что дѣлать? Вамъ отъ меня скучно — знаю — но я люблю васъ всею душою, и не могу съ вами разстаться. Позвольте мнѣ хотя смотрѣть на умныхъ людей: даю честное слово не говорить впередъ ни слова!* — Друзья его, вмѣсто того, чтобы надъ нимъ смѣяться, были до слезъ тронуты, обняли его и увѣрили, что онъ уменъ и милъ по прежнему.

Къ № 51. Поэзь во снѣ.

Геттингенской Профессоръ Венеръ долженъ былъ однажды для своего класса сочинить Греческіе стихи; думалъ, трудился цѣлой день, но безъ всякаго успѣха, и наконецъ легъ спать. Черезъ нѣсколько часовъ онъ проснулся, кликнулъ слугу, велѣлъ подать бумаги и чернилицу, исписалъ цѣлую страницу, положилъ на столъ и опять заснулъ. На другой день по утру, забывъ, что было ночью, снова принялся за свои Греческіе стихи, и опять не могъ выдумать ничего хорошаго; вскочилъ со стула въ превеликой досадѣ, началъ ходить по комнатамъ и — увидѣлъ на столѣ бумагу съ Греческимъ письмомъ; взялъ ее, и нашелъ прекрасныя стихи, написанныя собственною его рукою. Вообразите его удивленіе и радость! Какое благополучіе! Но какъ это случилось? Откуда взялась бумага? Слуга пришелъ, и рѣшилъ недоуміе своего Профессора, которой за такое чудо готовъ былъ принести въ жертву Аполлону — по крайней мѣрѣ сто воловъ.

(Изъ Морцова Психологическаго Магазина).

Къ № 52. Анекдотъ изъ Хроники забавныхъ происшествій.

Англичанинъ Ростбиѣ, будучи въ Вѣнѣ, всякой день являлся въ театрѣ, и всегда въ новомъ, прекрасномъ фракѣ. Одинъ Фламандской Баронъ, ревностной любитель Талии и Мельпомены, которому не рѣдко случалось сидѣть въ ложѣ подлѣ него, видя, что многіе зрители занимались болѣе кафтаномъ сего Англичанина, нежели пѣсою, не могъ наконецъ утерпѣть, чтобы не сказать съ досадою: «Чему вы дивитесь, государи мои? Завтра, если угодно, я одѣнусь гораздо пышнѣе его.» — Ростбиѣ услышалъ, разсердился и закричалъ: «Не льзя стать! я быюсь объ закладъ, о тысячи гинейхъ, «что мой кафтанъ будетъ въ десять разъ богаче вашего.» — Баронъ согласился на сей вызовъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы не нашивать на платѣ ни брилліантовъ, ни другихъ драгоценныхъ каменьевъ. На другой день многіе пришли въ комедию единственно за тѣмъ, чтобы видѣть, кто выиграетъ

закладъ. Въ шесть часовъ явился Англичанинъ, и ослѣпилъ всѣхъ зрителей блескомъ своего платья. Черезъ полчаса пришелъ и Баронъ—въ простомъ ратиновомъ кафтанѣ. «Вы конечно забыли, сказалъ ему Ростѣвъ: подите домой и одѣньтесь.» — *Я одѣтъ*, отвѣчалъ онъ. — «Ты съ ума сошелъ! закричали всѣ его пріатели: закладъ проигранъ; плати деньги.» — Не такъ скоро, друзья мои! сказалъ онъ съ покойнымъ видомъ, — разстегнулъ фракъ свой, и показалъ, что оной подложенъ.... прекрасною Рубенсовою картиною! Всѣ удивились его забавной выдумкѣ, и рѣшили, что одна такая подкладка стоитъ десяти блестящихъ кафтановъ. Ростѣвъ топнулъ ногою, заплатилъ деньги, и ушелъ, проклиная Рубенса и всѣ картины на свѣтъ.

Къ № 53. Въ Англии, въ Эссекскомъ Графствѣ, есть мѣстечко, называемое *Думмо-парва*. Одинъ изъ богатыхъ жителей онаго, умершій въ концѣ треглянадесяти вѣка, ввелъ тамъ странное обыкновеніе, которое хранится еще и донинѣ. А именно, всякой мужъ, которой черезъ 366 дней, послѣ женитьбы своей можетъ публично, передъ олгаремъ дать клятву, что онъ ни разу еще не поссорился съ женою, и не сожалѣлъ ни минуты о томъ, что женился, долженъ получить въ награжденіе двухъ гусей, утокъ и голубей, и сверхъ того похвальной листъ отъ имени всѣхъ жителей — *Думмо-парвскія* летописи упоминаютъ только о трехъ мужьяхъ, которые въ теченіе пяти вѣковъ получили сіе награжденіе!

Одинъ человекъ въ Лондонѣ ударился объ закладъ, о 500 фунт. стерл., что онъ цѣлой годъ будетъ ежедневно перемѣнять свое жилище; но сіи безпокойные переезды изъ дому въ домъ такъ ему наскучили, что онъ черезъ два мѣсяца рѣшился заплатить противнику своему 500 фунт. стерлинговъ и призналъ себя побѣжденнымъ.

Къ № 54. Овъ олень и звѣриной ловль.

(Переводъ изъ Бюффона).

Олень есть одинъ изъ тѣхъ невинныхъ и кроткихъ звѣрей, которые сотворены, кажется, единственно для того, чтобы оживлять и украшать мирныя пустыни лѣсовъ въ обширномъ саду Натуры. Приятной видъ, стройность, гибкость всѣхъ членовъ; голова, осѣненная *живыми деревьями*, которыя, подобно растѣніямъ, всякой годъ возобновляются; величина, легкость и сила, отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ лѣсныхъ обитателей. Будучи благороднѣйшимъ изъ оныхъ, служить онъ и для человека благороднѣйшею забавою: Герои всѣхъ временъ любилн, въ свободныя часы, искать его въ густотѣ лѣсовъ. Звѣриная ловля приготовляетъ людей къ войнѣ, научая ихъ владѣть оружіемъ и конемъ. Привычка къ движенію и трудамъ, легкость и проворство нужны какъ для ловца, такъ и для война. Охота есть училище военнаго искусства, и самое приятное утѣшеніе для людей обремененныхъ дѣлами, утѣшеніе, которое питаетъ, оживляетъ душу, и бываетъ всегда ново, всегда равно-занимательно.

Чѣмъ лучшимъ можетъ заняться тотъ человекъ, которой по своему состоянію долженъ быть всегда окруженъ скучнымъ множествомъ людей, приступающихъ къ нему съ прозбами, съ жалобами, съ дѣлами? Знатные болѣе насъ угнетены припужденіемъ всякаго рода; и трудясь безпрестанно для общаго блага, они жили бы только для другихъ, а не для себя, есть ли бы не могли иногда удалиться отъ шумной толпы — самыхъ льстецовъ своихъ. Чтобы наслаждаться собою, *личными дѣйствіями* души, тайными желаніями, и сими глубокими внутренними чувствами, которыя всего уладительнѣе, всего безцѣннѣе, они имѣютъ нужду въ уединеніи: чтожь можетъ быть уединеніе дремучаго лѣса, гдѣ, такъ сказать, одна Натура царствуетъ?

Человекъ не созданъ вѣчно думать, заниматься умозрѣніемъ, отвлеченными идеями, сидѣть на одномъ мѣстѣ и жить въ кабинетѣ, какъ въ центрѣ бытія своего; не созданъ онъ и для того, чтобы вести безпрестанно-шумную, мятежную

жизнь, всегда принуждать себя и следовать невольнымъ образомъ движенію другихъ людей. *Представлять*, играть ролю какою-бы то ни было, не есть жить. Мы должны болѣе дѣйствовать, нежели думать; болѣе наслаждаться, нежели уметь. Истинное удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы свободно располагать бытіемъ своимъ; истинное добро или богатство наше есть—небо, земля, лѣсъ, поле, лугъ, гдѣ Природа щедрою рукою разсыпаетъ для насъ полезное и пріятное.

Къ № 55. Баронъ М-нъ, Камер-геръ покойнаго Короля Прусскаго, Фридриха II, имѣя слабую память, безпрестанно твердилъ имена тѣхъ людей, которыхъ онъ, по своей должности, представлялъ Ея Величеству; вдовствующей Королевы. Однажды, когда онъ шелъ представить молодаго Англичанина, Графа Эссекса, Господинъ Буловъ, Саксонской Посланникъ, сказалъ ему въ насмѣшку: «По крайней мѣрѣ не забудьте, что «это не тотъ Эссексъ, которому отрубили голову.» Баронъ не преминулъ воспользоваться его дружескимъ наставленіемъ, и сказать Королевы: «Имѣю честь представить Вашему Величеству Графа Эссекса, не того, которому отрубили голову.»— Сей же самой Баронъ рассказывалъ, что онъ былъ однажды при осадѣ города, только не помнить, съ чьей стороны: между осажденными или осаждающими.

Славной Итальянской Поэтъ Тассъ, будучи въ великой бѣдности, написалъ сонетъ къ своей кошкѣ, просилъ ее, чтобы она свѣтила ему ночью глазами своими, ибо ему не на что было покупать свѣчь!

Къ № 56. Недавно умеръ въ Англіи, близъ Оксфорда, Францискъ Вилькесъ, земледѣлецъ, на сто-девятомъ году отъ рожденія своего. До самой смѣрти не зналъ онъ ни болѣзни, ни дряхлости, и суевѣрные поселяне, сосѣди его, думали, что ему никогда не умирать. Старики увѣряли, что онъ получилъ даръ безсмертія отъ одной Ирландской вѣдьмы, и въ доказательство сего рассказывали множество чельныхъ басенъ. Сер-

дитой быкъ, говорили, убилъ его однажды до смерти; въ тотъ же день Вилькесъ ожилъ и пошелъ работать въ поле. Въ другой разъ онъ купался въ рѣкѣ и утонулъ: черезъ два дни увидѣли его живаго и здороваго. Упавъ съ кровли высокаго дому, онъ сломилъ себѣ шею и почернѣлъ какъ уголь; а черезъ нѣсколько часовъ пошелъ на свадьбу къ своему пріятелю, и плясалъ больше всѣхъ. Наконецъ Вилькесъ умеръ какъ и всѣ люди, и поселяне разувѣрились въ мнимомъ его безсмертіи.

Одинъ ученый мужъ и великой знатокъ Русскаго языка, которой провелъ всю жизнь свою въ размышленіи о томъ, какъ должно говорить по-Русски правильно, умирая сказалъ дѣтямъ своимъ: «я оставляю васъ на вѣки. *Прощайте* — или *простите*: потому что и то и другое можно сказать безъ ошибки.»

Къ № 57. О Боннетѣ.

Изъ всѣхъ ученыхъ и знаменитыхъ мужей которыхъ недавно лишилась Европа, Боннетъ оставилъ по себѣ *любезнѣйшую* память. Кто зналъ его какъ Авгора, кто зналъ его какъ человека, тотъ всегда будетъ вспоминать, объ немъ съ чувствомъ любви и благодарности. Извѣстіе о послѣднихъ дняхъ жизни его можетъ быть интересно для нѣкоторыхъ читателей.

Здоровье сего великаго мужа совершенно разстроилось въ концѣ Сентября мѣсяца 1792 году, такъ что онъ долженъ былъ, по совѣту Докторовъ, оставить любезное свое уединеніе, деревню *Жанту*, и переехать въ Женеву. Со слезами вышелъ онъ изъ сельскаго кабинета своего, и сказалъ: *миръ уже сюда сюда не возвращаться! Желаніе мое не исполнилось: я хотѣлъ умереть въ Жанту!* — Добродѣтельная его супруга, не смотря на слабость и болѣзнь свою, не отходила отъ постели его, и старалась нѣжными попеченіями продлить угасавшую жизнь безсмертнаго Философа, милаго ея сердцу. — «Послѣднія минуты моего друга и наставника (пишетъ извѣстный

« въ ученое свѣтъ (Соссюръ) будутъ всегда живы въ моей
 « памяти. Съ какимъ вниманіемъ, съ какимъ глубокимъ чувст-
 « вомъ наблюдаю я всѣ движенія души его! Съ нимъ случи-
 « лось то же, что съ Певтономъ, съ Паскалемъ и съ другими
 « Философами, которые изыяшно утруждали свой разумъ:
 « болѣзнь его приводила иногда въ безпорядокъ дѣйствіе нерв-
 « ной системы, и въ сіи минуты представлялись ему разные
 « обманчивыя видѣнія, то утѣшительныя, то печальныя, въ
 « которыхъ съ трудомъ можно было разувѣрить его. Впрочемъ
 « умъ сего мудреца никогда совсѣмъ не заглѣбался. Желая
 « занимать его пріятнымъ образомъ; — я часто сообщалъ ему
 « разные новыя открытія Натуралистовъ, или метафизическія
 « идеи, и всегда долженъ былъ удивляться тонкости его суж-
 « деній. Нѣсколько разъ, послѣ самыхъ жестокихъ припадковъ,
 « онъ съ великимъ любопытствомъ спрашивалъ меня о
 « новыхъ происшествіяхъ свѣта, и говорилъ со вздохомъ: мой
 « другъ! я не доживу до ясныхъ дней въ нравственномъ мірѣ;
 « глаза мои закроются подъ грозными тучами. — Между тѣмъ
 « страданія его умножались, и не смотря на удивительное
 « терпѣніе свое, онъ молилъ Бога о смерти.

« Вечеру, 19 Мая, духъ его преселился въ горнія
 « обители. . . .

Къ № 58. Почти во всѣхъ Лондонскихъ вѣдомостяхъ пи-
 сали о старикѣ Вилліамѣ Догласѣ и женѣ его, которые ро-
 дились въ одинъ день, въ одномъ домѣ; были окрещены въ
 одинъ часъ, въ одной церкви; не разставались другъ съ дру-
 гомъ ни на одинъ день до самой свадьбы, жили въ любви
 и согласіи болѣе семидесяти лѣтъ, наконецъ умерли самую
 тихую смертію въ одинъ день, на одной постели, и были
 погребены въ одной могилѣ, на кладбищѣ той церкви, въ
 которой ихъ крестили за 90 лѣтъ предъ тѣмъ. Шастли-
 вые супруги!

*

Для нѣкоторыхъ людей самая лучшая мелодія есть ни-
 что иное, какъ непріятной шумъ. Аббатъ Террасонъ, извѣст-
 ной Французской Авгоръ, былъ изъ сего числа. Однажды

просили его изъяснить то чувство, которое производитъ въ немъ хорошая симфонія. *Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что я слышу вокругъ себя множество гремушекъ; больше ничего.*

*

Нѣкто Мильколумбъ Флемингъ, ученикъ славнаго Боэргага, сочинилъ на Латинскомъ языкѣ Поэму о *гипохондрическихъ и гистерическихъ припадкахъ*, и доказываетъ въ предисловіи съ великою основательностію, что она для человѣческаго роду гораздо важнѣе Гомеровыхъ Поэмъ.

Къ № 59. Недавно нашлись въ Англіи разныя рукописи безсмертнаго Шекспира, которыя показываютъ теперь за деньги въ Лондонѣ, въ домъ Господина Аерланда; а именно: 1) манускриптъ трагедіи Лира и Отелло; 2) письмо къ женѣ его, писанное съ жаромъ молодаго любовника, и пятическимъ слогомъ; вмѣстѣ съ онымъ было послано къ ней и кольцо съ волосами его, которое также сохранилось.—3) Шекспировы мысли о Религіи, служащія доказательствомъ его набожности; 4) приходъ и расходъ деньгамъ, и другія домашнія записки; 5) игра воображенія, шутки и разныя поздравленія въ стихахъ.—Англичане, обожающіе сего великаго Барда, обрадовались такой находкѣ, какъ безцѣнному сокровищу, и домъ Господина Аерланда отъ 10 часовъ утра до пяти часовъ вечера бываетъ наполненъ любопытными.

*

Славной Галлеръ, Философъ, Поэтъ, Физиологистъ и проч., за десять минутъ до смерти своей сказалъ хладнокровно Доктору, щупая свой пульсъ: *мой другъ! пульсовая жила перестала биться; я умираю.*

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗЕРКАЛО ТЕТКИ МОЕЙ МАРГАРИТЫ. *

(АВТОРА ВЕВЕРЛЕЯ).

..... «There are times
When Fancy plays her gambols in despite
Even of our watchfull senses, when in sooth
Substance seems shadow, shadow substance seems,
When the broad, palpable and mark'd partition
'Twixt that which is and is not, seems dissolved,
As if the mental eye gain'd power to gaze
Beyond the limits of the existing world.
Such hours of shadowy dreams I better love
Than all the gross realities of life.

Anonymous.

..... Бываетъ время,
Когда мечта разыгрываетъ фарсы,
Какъ бы на зло всѣмъ бодрствующимъ чувствамъ;
Когда сама существенность — видъ тѣней,
А тѣни образъ сущности приѣмлютъ,
Когда столь ясный, рѣзкій, осязаемый
Раздѣлъ межъ тѣмъ, что есть и нѣтъ чего,
Для насъ какъ будто бы вполне разрушенъ,
И нашъ духовный взоръ приобретаетъ
Способность видѣть внѣ предѣловъ міра; —
И эти-то мгновенья снова-виднѣй
Милѣй мнѣ грубыхъ сущностей сей жизни.

Anonymous.

Тетка моя, Маргарита, принадлежала къ числу тѣхъ до-
стопочтенныхъ сестеръ милосердія, на которыхъ лежать въ
иныхъ семьяхъ, всѣ заботы и хлопоты, неразлучныя съ ватагой

(*) Эта повѣсть Вальтера-Скотта не была напечатана ни въ одномъ изъ рус-
скихъ журналовъ, и мы не помнимъ даже вошла ли она въ переводы
Дешанлета. А между тѣмъ, она кроме литературнаго интереса, имѣетъ еще
и то, что въ ней есть нѣкоторыя черты, относящіяся къ семейной хро-
никѣ и личности великаго романиста.

дѣтей, за вычетомъ лишь тѣхъ страданій, съ которыми соединено ихъ появленіе на свѣтъ. У насъ было большое семейство, и всѣ мы имѣли и различныя наклонности, и различное тѣлосложеніе: иные изъ насъ были вялы и брюзгливы — и ихъ отсылали къ теткѣ Маргаритѣ, чтобы она ихъ забавляла; иные же грубы, дики и неугомонны — ихъ также отсылали къ теткѣ Маргаритѣ, чтобы она ихъ усмирала, или скорѣе, чтобы избавиться отъ нихъ и не слышать ихъ возни; тѣ, которые были нездоровы — отсылались къ ней же, чтобы она за ними ходила; а тѣ, которые были упрямы — съ тѣмъ, чтобы нѣжностью тетки Маргариты приучились они къ послушанію; — короче, на ней лежали всѣ разнообразныя обязанности матери; но лишь безъ довѣренности и достоинства, соединенныхъ съ этимъ званіемъ. Дѣятельной этой картины ся разнообразныхъ заботъ — уже болѣе нѣтъ: изъ всѣхъ насъ и слабыхъ и крѣпкихъ, нѣжныхъ и грубыхъ, брюзгливыхъ и милыхъ дѣтей, которыя съ утра до ночи толпились и шумѣли въ небольшой ся приѣмной — въ живыхъ остался только я, не смотря на то, что съ самаго дѣтства была большимъ ребенкомъ и болѣе нѣжнаго сложенія, нежели прочіе ся питомцы.

У меня вошло въ привычку, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока ноги не откажутся служить мнѣ, — посѣщать, по крайней мѣрѣ, раза три въ недѣлю, эту почтенную родственницу. Домъ ея находится въ разстояніи не болѣе полумили отъ Форштата, гдѣ я живу, и къ нему можно пройти не только по большой дорогѣ, отъ которой онъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, но и по дорожкѣ, идущей по зеленому лугу и между красивыхъ полей. Я такъ мало испыталъ страданій въ жизни, что считаю уже для себя величайшею непріятностію и ту мысль, что многія изъ этихъ уединенныхъ полей должны когда-нибудь застроиться; уже по той, которая ближе къ городу, тельги, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, тянулись въ такомъ множествѣ, что вся ея поверхность была ими заставлена. Доски, высокими треугольниками нагроможденные, во многихъ мѣстахъ возвышались на ми-

лыхъ мнѣ пустыряхъ, и небольшой группѣ деревь, украшавшей ихъ съ запада и произраставшей на ихъ отлогомъ скатѣ, рабочіе угрожали срубкою, что явно показывала бѣлая краска, которою были намѣчены эти деревья, готовые уступить свое мѣсто узорочному лѣсу дымовыхъ трубъ.

Это огорчило бы и другихъ въ моемъ положеніи: грустно мнѣ было вспомнить, что пастбища, принадлежавшія когда-то отцу моему (а его фамилія пользовалась нѣкоторымъ уваженіемъ въ свѣтѣ), были проданы по участкамъ для облегченія затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ пришелъ, запутавшись въ какомъ-то коммерческомъ оборотѣ, предпринятомъ для поправленія разстроеннаго состоянія. И между тѣмъ какъ приготовленія къ постройкѣ были въ полномъ ходу, это обстоятельство выставилось мнѣ на видъ многими изъ числа тѣхъ друзей, которые боятся, чтобы при нашемъ несчастіи и оно не ускользнуло отъ вашего вниманія. «И такое пастбище! и вблизи же самаго города! Засѣять бы его рьпой да картофелемъ, такъ каждый акръ принесъ бы до 20 ф. стерлинговъ, — а застроить его — ну что!... Вѣдь это золотое дно! И все-то пошло такъ, ни за-что изъ рукъ старыхъ его владѣльцевъ!» — Но мои утѣшители не заставляютъ меня ужь очень-то жалеть объ этомъ: мнѣ лишь бы только можно было оглядываться безо всякой помѣхи въ даль прошедшаго — и я охотно бы уступилъ и настоящій доходъ, и надежды на будущія выгоды тѣмъ, которые купили эти участки, уступленные имъ отцомъ моимъ. Но я сожалею объ искаженіи этихъ пустошей больше потому, что это разрушаетъ опору моихъ воспоминаній, и мнѣ бы, думаю, пріятнѣе было видѣть эти *графскія загороди* (earls' closes) въ рукахъ чужихъ, но сохранившими прежній свой сельскій видъ, нежели, считая ихъ своею собственностію, видѣть, что они взрыты плугами, или покрыты стросніями. Я вполне разделяю чувства бѣднаго Логана:

“The horrid plough had razed the green
Where yet a child I stray'd;
The axe has fell'd the hawhorn screen,
The scool-boy's summer shade.”

(Жестокій плугъ траву изрылъ,
Гдѣ я, дитя, игралъ,
Топоръ кусты всѣ повалилъ,
Гдѣ, въ зной, въ тѣни лежалъ.)

Но я, впрочемъ, надѣюсь, что ужь не доживу до этого опустошенія, которое мнѣ угрожаетъ; и хотя по духу предпримчивости нашего времени, и сдѣланы къ нему кос-какія приготовленія, но меня обнадеживаетъ мысль, что послѣдовавшія за тѣмъ перемѣны до того охладили духъ спекулятивности, что осталая лѣсистая дорожка, ведущая къ дому тетки Маргариты, останется нетронутою пока мы съ ней живы. Для меня это очень важно, потому что всякая тропинка по этому направленію, по которой я хаживалъ лугомъ; соединена для меня съ воспоминаніями моего дѣтства: тутъ есть *загородка-вертушка*, напоминающая мнѣ о грубой моей нянькѣ, которая бывало упрекала меня въ моей болезненности, и вела съ небрежностію и ворчаньемъ по шероховатымъ каменистымъ тропинкамъ, межъ тѣмъ какъ братья мои съ веселымъ смѣхомъ бѣжали и скакали, ни мало ихъ и не замѣчая. Мнѣ памятно, какъ я старался тогда подавлять въ себѣ горькое чувство, сознаваясь въ ихъ надо мной превосходствѣ; какъ я завидовалъ, глядя на легкія и живыя движенія моихъ братьевъ, не подверженныхъ такимъ тѣлеснымъ недостаткамъ, какъ я... Но увы! эти надежныя лады всѣ перетонули на обширномъ океанѣ времени, и лишь одна изъ нихъ, повидному, наименѣе способная переносить волненія зыби (какъ говорятъ моряки), когда прошла буря, счастливо достигла до пристани. — Здѣсь же былъ и болотистый прудъ, гдѣ мы, пуская свои маленькіе кораблики изъ водянаго *шпажника* (*), едва спасли отъ потопленія упавшаго въ воду старшаго моего брата, который потомъ

(*) *Pacremie* — *glaiseule des marais*, *water-flags*, *Wasserschwertel*.

убить на войнѣ подъ знаменами Пельсона. Тутъ же былъ и орѣховый лѣсокъ, гдѣ братъ мой Гѣнри любилъ собирать орѣхи, между тѣмъ какъ ему и не приходило въ голову, что онъ умретъ въ индѣйскомъ джонглѣ, гоняся за рупіями.

Да и сколько еще другихъ воспоминаній на этомъ недалекомъ пути! Какъ часто, останавливаясь и опираясь на трость, я гляжу кругомъ, и сравнивая себя съ тѣмъ, чѣмъ я былъ и что я есть — едва-едва не сомнѣваюсь въ тождествѣ собственной своей особы. Но наконецъ я останавливаюсь передъ заросшей жимолостью галлереей жилища тетки моей Маргариты, передъ неправильнымъ его фасадомъ, и странно выдававшимися рѣшетками оконъ, которыя, казалось, мастеровые нарочно постарались пробить такъ, чтобы одно не походило на другое ни по виду, ни по мѣсту, ни по стариннымъ карнизамъ, ни по привѣскамъ, которыя служили имъ украшеніемъ. Мы какъ-то могли удержатъ за собой господскій домъ этихъ *графскихъ загородей* (earl's closes), въ слѣдствіе извѣстныхъ семейныхъ распоряженій, по которымъ онъ остался въ пожизненное владѣніе тетки Маргариты. И на этомъ-то незначительномъ владѣніи, болѣею частью и основанъ призракъ рода Бѣтвелесвыхъ графскихъ загородей и кое-какія права, соединенныя съ отеческимъ наслѣдіемъ. Последній же его наслѣдникъ—это я, больной, немощной старикъ, не совсемъ-то неохотно приближающийся къ могилѣ, поглотившей все, что было для него милого.

Посвятивъ, такимъ образомъ, двѣ-три минуты на эти размышленія, я бывало вхожу въ домъ, или, какъ сказано, во флигель прежняго зданія, и нахожу женщину, на которую время мало имѣло вліянія, потому что тетка Маргарита до конца сохранила для меня, говоря сравнительно, почти тѣ же лѣта, какихъ была она въ раннемъ моемъ отрочествѣ и какихъ десятилѣтнему ребенку представляется человекъ лѣтъ пятидесяти шести. Неизмѣнный костюмъ старой этой лѣди, конечно, много способствовалъ къ утверженію меня во мнѣніи, что время какъ бы остановилось для тетки Маргариты.

Темнаго или шоколаднаго цвѣта шелковое платье, на локтяхъ съ оборками изъ той же матеріи, изъ-подъ которой выглядывали другія изъ меклинскаго кружева, черныя шелковыя перчатки или *митѣнки*; бѣлые волосы, зачесанные назадъ и свернутыя кольцомъ подъ кисейнымъ чепчикомъ, бѣлизны неукоризненной, обхватывающимъ почтенное ея лицо— костюмъ, который не былъ въ модѣ ни въ 1780, ни въ 1826 году, но свой собственный, принадлежавшій лично теткѣ Маргаритѣ. Тутъ бывало и сидитъ она, какъ сживала лѣтъ тридцать тому назадъ, съ самопрялкой или чулкомъ; этой работой, зимой, она занималась передъ огонькомъ, а лѣтомъ, передъ окномъ; много-много, если она когда выходила въ галлерейку, и то въ очень теплые и ясные лѣтніе вечера. По наружности своей она похожа была на прекрасно-устроенный машинный аппаратъ, который исполняетъ вѣрно свое назначеніе, и совершаетъ свой постоянный ходъ, хотя постепенно ослабвующій, но въ которомъ еще не замѣтно, чтобы онъ скоро пересталъ дѣйствовать.

Заботливость и нѣжность, которыхъ тетка Маргарита была добровольной рабыней, посвящая себя воспитанію дѣтей, — теперь обратились на сохраненіе здоровья и удобства жизни одного престарѣлаго и немощнаго чловѣка — единственнаго родственника, принадлежавшаго къ ея семейству, и который одинъ и могъ находить занимательность въ сокровищахъ ея домашнихъ преданій, какъ жалкій скупецъ, прячущій свое золото, чтобы никто не смѣлъ воспользоваться имъ послѣ его смерти.

Разговоръ мой съ теткой Маргаритой не относился ни къ настоящему, ни къ будущему: въ прошедшемъ у насъ было больше, нежели сколько можно было желать; а что касается до того, что въ будущемъ, то по сю сторону гроба, у насъ не было уже никакихъ надеждъ, ни страха, ни опасеній. И потому очень естественно, что мы оглядывались на прошедшее и забывали о настоящемъ упадкѣ нашего состоянія и знаменитости нашего дома, а вспоминали только о томъ времени, когда онъ пользовался богатствомъ и счастіемъ.

Изъ этого легкаго очерка читатель узналъ все, что нужно, о теткѣ Маргаритѣ и ея племянникѣ, для того, чтобы понять слѣдующіе разговоръ и разсказъ.

На прошедшей недѣлѣ, отправившись, въ поздній лѣтній вечеръ, навѣстить старую лэди, къ которой я уже ввель моего читателя, — я былъ принятъ, какъ и всегда, съ свойственною ей любовью и ласковостію; но она, между тѣмъ, казалась что-то задумчивою и расположенною къ молчанию. Я спросилъ ее о причинѣ: «Они стали очищать старинную часовню» — отвѣчала она. — «Джону Клайгодженсу, кажется, пришло въ голову, что матеріаль ея — и, какъ я полагаю, брѣнные останки нашихъ предковъ — очень пригодны на удобреніе полей.»

Услышавъ это, я вскочилъ, и съ такой живостію, какой и не запомню въ себѣ уже давно, но тотчасъ же потомъ сѣлъ, межъ тѣмъ какъ тетка моя, положивъ свою руку на мой рукавъ, присовокупила: «Эту часовню, мой милый, съ давняго времени считали общимъ владѣніемъ, и употребляли для поклажи всякаго скарба, — и какое же мы имѣемъ право противиться челоуѣку, который употребляетъ свою собственность, какъ ему кажется выгоднѣе? Кромѣ того, я говорила съ нимъ, и онъ очень учтиво и съ большою готовностію общалъ мнѣ, что если найдеть кости или какіе памятники, то они будутъ тщательно сохранены, нетронуты и оставлены на своемъ мѣстѣ: чего же болѣе я могла требовать? И вотъ, первый камень, какой они нашли, былъ съ именемъ Маргариты Бѣтвель, 1585 года; я просила, чтобы его бережно отложили въ сторону; на немъ, какъ я полагаю, означенъ годъ ея смерти, — и онъ, такимъ образомъ, служа памятникомъ моей тѣзкѣ, жившей двѣсти лѣтъ назадъ, во-время вырытъ, чтобы оказать и мнѣ ту же самую услугу. Домашнія дѣла мои, что касается до распоряженія небольшимъ моимъ земнымъ имуществомъ, давно уже приведены въ порядокъ, — а вѣрно ли сведены счеты и подведены итоги наши съ небомъ — кто это знаетъ?»

«Послѣ того, что вы сказали, тетушка» — отвѣчалъ я — «мнѣ остается только взять шляпу и уйдти, — я бы такъ и

сдѣлать, — но тутъ есть нѣчто такое, что имѣеть некоторос отношеніе къ вашей пѣбожности. Думать о смерти должно во всякое время, но предполагать, что она ближе къ намъ потому, что найденъ старый надгробный камень — суевѣріе, — и вась-то, съ вашимъ строгимъ и на пользу обращеннымъ разсудкомъ, вась, которыя столь долгое время были подпорой падшаго нашего дома, вась-то я меньше всѣхъ могъ бы подозрѣвать въ такой слабости!»

«Да я и не заслуживаю такого подозрѣнія, мой родной» — возразила тетка Маргарита, — «если только идетъ рѣчь о настоящихъ житейскихъ дѣлахъ. Но что касается до другаго, то я имѣю на счетъ этотъ предразсудокъ, съ которымъ и не хотѣла бы разстаться: этимъ чувствомъ я отдѣляюсь отъ моего вѣка, и присоединяюсь къ той жизни, къ которой поспѣшаю; и хотя оно, повидимому, и приводитъ меня теперь на край могилы, и заставляетъ думать лишь о ней, — но я не желала бы, чтобы оно разсыялось: оно успокоиваетъ мое воображеніе, ни мало, впрочемъ, не имѣя вліянія ни на мой разсудокъ, ни на мои поступки.»

«Признаюсь, добрыйшая моя тетушка» — отвѣчала я, — «что скажи это кто другой, а не вы, я бы считъ это за такое же своеправіе, какое обнаружилъ священникъ, который, не оправдываясь въ певѣрности своего способа чтенія, хотѣлъ лучше по привычкѣ, читать по прежнему *simpliciter* вмѣсто *sumpsimus*.»

«Хорошо» — отвѣчала тетка, — «я должна объяснить тебѣ мою непоследовательность въ этомъ отношеніи, сравнивъ ее съ другою. Я, какъ ты знаешь, принадлежу къ числу старомодныхъ якобинокъ, но я такова только по чувству и чувствительности, межъ тѣмъ какъ нѣтъ такой вѣрнопопдапной какъ я, и никто не возсылаеть такихъ теплыхъ молитвъ о здравіи и благоденствіи Георга IV (да даруетъ ему Богъ долгіе дни!), какъ я. И я думаю, что благосердый этотъ государь и не сочтетъ для себя великимъ оскорбленіемъ, со стороны старухи, если она, спокойно сидя въ своихъ креслахъ, вотъ въ такіа сумерки, погружается въ раздумье о ве-

ликихъ и отважныхъ мужахъ, которые по чувству своего долга поднимали оружiе противъ его дѣда, и о томъ какъ они, заступились за своего законнаго государя и отчество —

«They fought till their hand to the broadsword was glued,
They fought against fortune with hearts unsubdued.»
(Сражались дотолѣ, покуда мечи приростали къ рукамъ,
Сражались съ судьбой безъ боязни, безвѣстной свободнымъ сердцамъ.)

Такъ и не приходи никто въ такое время, когда вся голова моя наполнена *плѣдами, пиброками, клейморами*, и не спрашивай у меня: почему я принимаю ихъ, и въ то же время боюсь, не могу не согласиться въ томъ, что общественныя выгоды требуютъ, чтобы теперь ничего этого не было. Я дѣйствительно, не смѣю не признать справедливымъ твое сужденiе; но хотя и убѣждена противъ своей воли, а ты все-таки ничего не выиграешь своими доказательствами. Это все равно, что если бы ты человеку влюбленному по уши, сталъ говорить о несовершенствахъ его любезной; — онъ, будучи вынужденъ выслушать тебя, все бы подъ конецъ твоей рѣчи, отвѣчалъ тебѣ: «тѣмъ она мнѣ еще милѣ!»

Мнѣ то и было на руку, что я измѣнилъ мрачный оборотъ мыслей тетки Маргариты на другой, болѣе спокойный, и потому отвѣчалъ ей въ томъ же тонѣ: «И прекрасно, я тѣмъ болѣе увѣренъ, что нашъ добрый король можетъ быть еще благонадежнѣе въ вѣрноподданнической преданности мистрисъ Бѣтвелъ, какъ если бы онъ имѣлъ право Стюартовъ по происхожденiю и права по акту престолонаслѣдiя.»

«Можетъ быть, моя приверженность, еслибъ она была послѣдовательна, могла бы быть и теплѣе въ пользу соединенiя правъ, о которыхъ ты говоришь» — сказала тетка Маргарита, — «но клянусь тебѣ, что она была бы столько же искренна, если бы даже права короля и были основаны лишь на одной волѣ нации — какъ объявлено при революціи, — тѣмъ болѣе, что я не признаю вашего народнаго *jure divino*.»

«И вы, не менѣе того, якобинка?»

«И я не менѣе того, якошка, или скорѣе я даю вамъ право причислять меня къ той партіи, которой послѣдователи

ю времена королевы Анны, назывались *своенравными*, потому что увлекались—то чувствомъ, то известными началами. Короче, какъ жестоко съ вашей стороны, что вы не позволяете мнѣ, старухѣ, быть непослѣдовательною въ моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, межъ тѣмъ какъ всѣ люди таковы въ отношеніи къ житейскимъ дѣламъ своимъ,—и вы не укажете мнѣ изъ нихъ ни на одного, котораго страсти и предразсудки не увлекали бы съ пути, предписаннаго ему разсудкомъ.»

«Такъ, тетушка, — да вѣдь вы добровольно заблуждаетесь, и потому васъ должно вывести на прямую дорогу.»

«Умоляю—пощади меня!»—возразила тетка Маргарита.— «Это мнѣ напомнило одну гаэлическую пѣсню, которой слова я, можно сказать, искажаю дурнымъ выговоромъ:

«*Hatil mohatil, na dowsky mi.*»

«*I am asleep, do not wake me.*»

(«Сплю я, сплю — не будите меня!»)

«Увѣряю тебя, родной мой, что эти сны на яву, которые мучать мое воображеніе, и которые твой любимый Вортсвортъ называетъ «своенравіемъ мысли»—лучше всѣхъ, и самыхъ дѣлательнѣйшихъ дней моей жизни. Я, вмѣсто того, чтобы смотреть впередъ, какъ то бывало въ моей юности, и строить для себя волшебные замки, на краю гроба — обращаю свои взоры назадъ—на дни и обычаи лучшаго моего времени, — и печальный, но въ то же время успокоивающій воспоминанія, становятся для меня такъ близки и занимательны, что я считаю почти преступленіемъ быть благоразумнѣе или разсудительнѣе, или менѣ имѣть предразсудковъ, нежели тѣ, къ которымъ стремлюсь мыслію, вспоминая молодья свои лѣта.»

«Думаю, что наконецъ, я понялъ, что вы разумете» — отвѣчалъ я, — «и понимаю почему вы иногда предпочитаете обманы свѣтло-тѣней вѣрному свѣту разума.»

«Когда нечего дѣлать» — сказала, она: — «то можемъ, если намъ нравится, сидѣть и въ темнотѣ; ну, а если есть дѣло, то нужно вѣлеть зажечь свѣчи.»

«Но среди такого призрачнаго и невѣрнаго свѣта» — продолжалъ я — «воображеніе строить свои очарованныя и

заманчивыя видѣнія, и иногда выдаетъ ихъ чувствамъ за существованность.»

«Да» — отвѣчала тетка Маргарита, какъ очень начитанная женщина — «тѣмъ, которые сходны съ переводчиками Тасса —

«Prevailing poet, whose undouhting mind
Believed the magic wonders which he sung.»
(«Поэта рѣдкаго, чей умъ, не зная сомнѣній,
Самъ вѣрилъ волшебствамъ своихъ же пѣснопѣній.»)

Для этого не нужно, чтобъ вы были проникнуты мучительнымъ ужасомъ, который, обыкновенно, производить такіа чудеса:—такая вѣра, въ наше время, прилична только глупцамъ да дѣтямъ. Не нужно, чтобы въ ухахъ у васъ звенѣло и вы переменялись въ лицѣ, какъ Теодоръ, видѣвшій приближавшагося призрака-охотника. Все что нужно для наслажденія тонкихъ организмовъ сверхъ-естественнымъ страхомъ — заключается лишь въ томъ, чтобъ вы были лишь способны чувствовать легкій трепеть, пробѣгающій по васъ какъ мурашки по тѣлу, когда вы слушаете какой-нибудь страшный рассказъ — рассказъ достовѣрный, который рассказчикъ — убедивъ сперва васъ, что онъ никогда не вѣритъ такого рода легендарнымъ сказкамъ — выбралъ искусно и передаетъ его вамъ какъ что-то такое, чего онъ самъ объяснить не можетъ. Другой признакъ тотъ, когда вамъ какъ будто страшно оглянуться кругомъ себя, — но это бываетъ ужъ тогда, когда рассказъ дойдетъ до высочайшей степени занимательности; а третій, когда вы бонтесь, оставаясь, вечеромъ, одни въ своей комнатѣ, взглянуть въ зеркало. Вотъ признаки, которые я считаю кризисами женскаго воображенія, сроднившагося съ температурой, доставляющей ей способность наслаждаться исторіей о духахъ. А какое расположеніе нужно для этого въ мужчинѣ — я не берусь описывать.»

«Да послѣдній-то симптомъ, любезная тетушка, — боязнь взглянуть въ зеркало — кажется мнѣ, рѣдко что-то бываетъ въ особахъ прескраснаго пола...»

«О! какой же ты еще новичекъ въ тайнахъ туалета, дорогой мой племянничекъ! Женщины съ страхомъ глядятся въ зеркало, готовясь войти въ общество, а когда онѣ возвращаются домой, то зеркало не имѣетъ уже для нихъ прежняго очарованія. Жребій уже брошенъ—выпалъ ли онъ имъ удачный или неудачный, такъ и быть: впечатлѣніе уже сдѣлано. Но не входя въ дальнѣйшія подробности туалетныхъ тайнъ, скажу тебѣ, что и сама я, какъ и многіе другіе добрые люди, не охотно взглядываю въ гладкую и темную поверхность большаго зеркала, въ слабоосвѣщенной комнатѣ, гдѣ блескъ свѣчей, отражаясь въ глубокомъ мракѣ зеркальнаго стекла, скорѣе имъ поглощается, нежели отраженіемъ своимъ освѣщаетъ самую комнату: а глубоко-темная поверхность и есть то поприще, на которомъ фантазія разыгрываетъ свои фарсы; тутъ-то ей и удобно вызывать другія лица вмѣсто отраженія нашего собственнаго, или показывать (какъ мы бывало читывали, въ дѣтствѣ, въ волшебныхъ сказкахъ Галювена) какіе-то незнакомые намъ образы, выглядывающими у насъ изъ-за сѣни. Короче, когда я бываю расположена къ духовидѣнію, то приказываю всегда горничной закрывать зеркало зеленой занавѣской прежде, нежели вхожу въ свою комнату: пусть же лучше испугается она, увидѣвъ тамъ привидѣніе, если въ немъ есть какое. Но говоря по правдѣ, боязнь глядѣть въ зеркало въ известное время и на известныхъ мѣстахъ, думаю, произошла у меня отъ одной исторіи, рассказанной мнѣ моею бабушкой: съ ней именно и случилось то происшествіе, о которомъ сейчасъ хочу рассказать тебѣ.

ЗЕРКАЛО.

ГЛАВА I.

«Ты, я знаю, охотникъ» — сказала моя тетка — «до очерковъ общества прошедшаго времени, — и потому опишу тебѣ сэра Филиппа Фёрестера, характеристическаго развратника лучшаго шотландскаго общества, въ концѣ прошедшаго

стоletія. Я его, правда, никогда не видывала, но матушка моя мнѣ много рассказывала о его остроуміи, волокитствахъ и мотовствѣ. Веселый этотъ кавалеръ процвѣталъ въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столетія. Это былъ настоящій сэръ Чарльзъ Изн и Ловлюсь своего времени и своей страны: онъ извѣстенъ и безчисленными дуэлями, и счастливыми своими интригами. Въ модномъ свѣтѣ онъ пользовался неограниченнымъ первенствомъ; и если присовокупить къ этому два-три анекдота изъ его жизни, за которые — «если бы законы обинмали весь частности» — онъ, вѣрно, стоилъ бы быть повышеннымъ, — то уже конечно популярность такого лица служить вѣрнымъ указаніемъ, что если въ настоящій періодъ, люди стали не добродѣтельнѣе, то по крайней мѣрѣ, пристойнѣе; или, что тогда до правъ чловѣка хорошаго тона гораздо труднѣе было достигъ, нежели въ наше время, и потому тотъ, кто тогда удачно умѣлъ завладѣть имъ, пользовался всѣми возможными снисходительностію и преимуществами. Ни одному *фату* нашего времени не сошла бы съ рукъ такая гадкая исторія, какъ та, которую онъ сыгралъ съ хорошенькой Пегги Грейндстонъ, дочерью мельника въ Силлермильсѣ: ужь конечно, это не обошлось бы безъ хлопотъ лорду адвокату, — а сэру Филиппу она принесла столько же вреда, сколько градъ можетъ причинить порчи твердой каменной плитѣ. Его принимали въ обществѣ такъ же, какъ и прежде, и въ тотъ день, какъ хоронили эту бѣдную дѣвушку, онъ обѣдалъ съ герцогомъ А., — а она, бѣдняжка, умерла отъ аневризма. — Но это ни мало не касается до моего разсказа.

Ну, теперь ты долженъ выслушать небольшое разсужденіе о разныхъ родственникахъ и свойственникахъ; но я обещаю тебѣ не слишкомъ объ этомъ распространяться. Для достовѣрности моего разсказа, тебѣ нужно знать, что этотъ сэръ Филиппъ Фдрестеръ, съ красивой своей наружностью, свѣтскими своими преимуществами и ловкими приѣмами, женился на младшей дочери Кингсъ-Кодленда, миссъ Факнеръ; старшая же сестра этой лэди прежде еще вышла за-мужъ за моего дѣда сэра Джозефа Ботвелла, принесла за собою въ

нашъ домъ богатое приданое: миссъ Джемима или миссъ Джемми Факнеръ, какъ ее звали, получила такимъ образомъ до 10,000 ф. стерлинговъ дохода, что тогда считалось очень хорошимъ состояніемъ.

Эти двѣ сестры были очень не похожи одна на другую, хотя каждая изъ нихъ имѣла своихъ обожателей. Въ лэди Ботвелъ еще замѣтна была кровь Кингсъ-Коплэнда: она была смѣла, но не до дерзости, горда и желала возвысить свой домъ и свое семейство, и очень, какъ говорятъ, подстрекала на это моего дѣда, который по свойствамъ своимъ, былъ человѣкъ безпечный, но и его, своєю настойчивостію она умѣла (если это только не клевета) завлечь въ политическія отношенія, — а лучше бы было ихъ не касаться. Она, впрочемъ, была женщина съ высокимъ духомъ и мужскимъ здравымъ смысломъ, какъ видно изъ ея писемъ, которыя и до сихъ поръ еще хранятся за панелями моего кабинета.

Но Джемми Факнеръ представляла контрастъ съ сестрой своей, во всѣхъ отношеніяхъ: умъ ея хотя былъ и не выше обыкновеннаго, но и не ниже; красота ея, пока еще она была въ полномъ цвѣтѣ молодости, заключалась болѣе въ нѣжности тѣлосложенія и правильности чертъ лица, безъ особенной силы выразительности. Но и эти прелести увяли подъ бременемъ страданій, при невзгодномъ ея замужствѣ: она была страстно привязана къ своему супругу, а онъ обращался съ нею съ жесткою, хотя и приличною холодностію, и для нея, чье сердце было столько же нѣжно, какъ слабъ разсудокъ, это казалось прискорбнѣе, чѣмъ самое дурное обращеніе. Сэръ Филиппъ принадлежалъ къ числу сластолюбцевъ, то-есть вполне себялюбивыхъ эгоистовъ: его образъ мыслей и характеръ сходенъ былъ съ его шпагой—острою, блестящею и полированою, не не гибкою и безжалостною. И такъ какъ онъ строго соблюдалъ всѣ обычныя приличія въ отношеніи къ своей супругѣ, то этимъ самымъ и умѣлъ лишать ее даже чувства состраданія свѣта; а какъ ни бесполезно и ни ничтожно оно само по себѣ для страдальца, но знать, что лишешь и этого, а особливо для женщины съ такимъ образомъ мыслей какъ лэди Фбрестеръ — еще мучительнѣе.

Но свѣтское мнѣніе старалось еще виновнаго ея мужа поставити жертвою страдающей жены его: иные даже называли ее жалкой, бездушнѣй женщиной, и говорили, что имѣй она хоть искру сестрина ума, то могла бы обратити на путь истинный хоть какого сэра Филиппа, будь онъ самимъ необузданнымъ Факонбриджемъ. Но большая часть ея знакомыхъ, играя роль откровенности, твердили, что вина съ обѣихъ сторонъ, между-тѣмъ какъ тутъ были—лишь тиранъ да жертва. Разсуждали обыкновенно такъ: «ужь конечно, никто не станеть оправдывать сэра Филиппа Фрестера, мы все знаемъ что такое сэръ Филиппъ; да вѣдь и Джемми Факнеръ съ самаго начала могла знать чего ей ожидать отъ него? Зачѣмъ ей было осѣтити сэра Филиппа? Онъ бы и не взглянулъ на нее, если бы она сама не кинулась къ нему на шею съ своими ничтожными десятью тысячами ф. стерлинговъ дохода. Я увѣрена, что если онъ искалъ денегъ, то онъ все чрезъ нее и потерялъ: я знаю, гдѣ бы, въ такомъ случаѣ, онъ поступилъ понадежнѣе.... А она, если уже ей хотѣлось имѣть его мужемъ, — не могла ли она домъ свой сдѣлать для него болѣе пріятнымъ, почаще приглашая его пріятелей, а не мучить его визготней дѣтей, и стараться, чтобы все у нея въ домъ было хорошо и въ лучшемъ тонѣ? О! я вполне убѣждена, и утверждаю, что сэръ Филиппъ полюбилъ бы домашнюю жизнь, имѣй онъ жену, которая бы умѣла съ нимъ обращаться!»

Но въ этихъ милыхъ пересудахъ, которыми воздвигалось прочное зданіе семейнаго счастья, забывали лишь объ одномъ — что недоставало краеугольнаго камня; и что для того, чтобъ угощать людей хорошаго общества, потребовались бы средства со стороны сэра Филиппа, — а его доходовъ — при раззоренномъ его состояніи — не достало бы на такое хлѣбосолюство, тѣмъ болѣе, что ему, какъ порядочному челоуѣку, нужно было откладывать и на свои собственные *menus plaisirs*. И потому, не смотря на мудрыя разсужденія его друзей прекраснаго пола, сэръ Филиппъ вездѣ въ чужихъ людяхъ былъ и милъ и любезенъ, и не жилъ почти дома, оставая въ немъ скучать въ одиночествѣ жену свою.

Наконецъ, находясь въ затруднительномъ положеніи на счетъ своихъ финансовъ, и наскучивъ немногими часами, которые онъ проводилъ въ своемъ грустномъ домѣ, сэръ Филиппъ Фбрестеръ рѣшился предпринять небольшое путешествіе на материкъ, и вступить въ службу въ качествѣ волонтера: модные люди его времени обыкновенно такъ дѣльвали, — а нашъ же кавалеръ полагалъ притомъ, что военная осанка, не излишне уже строгая, возвысивъ его на столько, чтобы придать еще больше блеска ему какъ *beau garcon* — была необходима для поддержанія того высокаго поста, какой онъ занималъ въ кругу фэшинабельномъ.

Рѣшимость сэра Филиппа повергла жену его въ ужасъ, что такъ огорчило этого достойнаго баронета, что онъ вопреки своему обычаю, старался какъ можно болѣе ее успокоивать, и однажды привелъ ее даже въ слезы, въ которыхъ, впрочемъ, грусть была не совсѣмъ безъ отрады. Лэди Бѳтвель просила у сэра Филиппа какъ милости, позволенія, пригласить свою сестру съ ея семействомъ въ свой домъ на время его отсутствія. Сэръ Филиппъ охотно согласился на это предложеніе, избавлявшее его отъ издержекъ, не говоря уже о томъ, что этимъ онъ зажималъ ротъ глупцамъ, которые бы стали говорить: какъ это онъ оставляетъ жену и семейство, и превозноситъ лэди Бѳтвель, къ которой онъ питалъ нѣкоторое уваженіе, какъ къ такой женщинѣ, которая говорила съ нимъ свободно, а иногда и съ строгостію, ни мало не боясь ни его насмѣшливости, ни блестящей его репутаціи.

За день или за два до отъезда сэра Филиппа, лэди Бѳтвель взяла на себя смѣлость, прямо спросить его, въ присутствіи сестры, чего не рѣдко и желала, но на что никакъ не могла рѣшиться робкая жена его.

« Скажите, пожалуста, сэръ Филиппъ, куда вы поѣдете, прибывши на материкъ? »

« Я изъ Лейта отправлюсь въ Гельветъ съ нарочнымъ пакетъ-ботомъ. »

« Это я очень хорошо понимаю » — отвѣчала сухо лэди Бѳтвель — « но я полагаю, вы не на долго же останетесь въ

Гельветъ, — а мнѣ бы хотѣлось знать: куда вы отправитесь отсюда? »

« Вы, моя милая лэди, дѣлаете мнѣ такой вопросъ, котораго я не смѣлъ бы предложить и самъ себя: отвѣтъ зависить отъ рѣшенія войны. Впрочемъ, я полагаю, какой бы оборотъ ни приняли дѣла, стать на зимнія квартиры, подать свою бумагу на опредѣленіе, и на столько изучать благородное военное искусство, на сколько это нужно для авантюриста-аматёра, и наконецъ, бросить взглядъ на ходъ дѣлъ, о которомъ столько читаемъ въ газетахъ. »

« Но я надѣюсь, сэръ Филиппъ » — продолжала лэди Бѣтвель — « вы все-таки будете помнить, что вы мужъ и отецъ, и уступая порыву воинственной вашей мечты, вы не станете подвергать себя опасностямъ, что для васъ и не нужно, и которымъ обязаны жертвовать люди, посвятившіе уже себя военному ремеслу. »

« Вы, лэди Бѣтвель, оказываете мнѣ много чести » — отвѣчалъ нашъ авантюристъ — « обращая ваше вниманіе на такое ничтожное обстоятельство. Но чтобы успокоить лестную для меня на этотъ счетъ заботливость, осмѣлюсь вамъ напомнить, что я не могу подвергать случайностямъ войны свое отеческое достоинство, которое вы такъ милостиво поручаете моему покровительству, не подвергая нѣкоторой опасности одного очень честнаго малаго, котораго зовутъ Филиппомъ Фбрестеромъ, съ которымъ я веду дружбу, лѣтъ уже тридцать, и съ которымъ, хотя иные и называютъ его негодеемъ, я никакъ не желаю разстаться. »

« Прекрасно, сэръ Филиппъ, вы лучше знаете что вамъ дѣлать; я мало имѣю права мѣшаться въ ваши дѣла — вы не мой мужъ. »

« Боже сохрани! » быстро произнесъ сэръ Филиппъ, но впродѣмъ, тотчасъ же присовокупилъ — « Боже сохрани, чтобы я пожелалъ лишить моего друга сэра Джоффри такого неоцѣннаго сокровища! »

« Но вы мужъ моей сестры » — возразила лэди — « а я полагаю, что вы видите, какъ теперь разстроена.... »

«Я это только и вижу съ утра до ночи» — отвѣчалъ сэръ Филиппъ — «пора уже думаю я, мнѣ кое-что замѣтить.»

«Я ни мало не намѣрена отвѣчать на ваше шутовское возраженіе» — сказала лэди Бѳтвель, — «Но вы должны чувствовать, что все это разстройство духа, происходитъ отъ опасеній на счетъ вашей личной безопасности.»

«Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, что лэди Бѳтвель такъ беспокоится о такомъ ничтожномъ предметѣ.»

«Но если я беспокоюсь о томъ, чтобы узнать кое-что о намѣреніяхъ сэра Филиппа Фдрестера, то потому, что это озабочиваетъ сестру мою, — въ противномъ случаѣ, я знаю, что и онъ самъ не захотѣлъ бы, чтобы меня это занимало; — но я беспокоюсь также и о братѣ.»

«Вы разумѣете майора Факнера, вашего брата со стороны матери, — къ чему онъ-то тутъ при нашемъ теперешнихъ разсужденіяхъ?»

«У васъ съ нимъ былъ какой-то разговоръ, сэръ Филиппъ» — отвѣчала лэди Бѳтвель.

«Очень естественно — мы родные» — возразилъ сэръ Филиппъ — «а потому и разговаривали другъ съ другомъ.»

«Вы уклоняетесь отъ отвѣта» — сказала лэди — «подъ выраженіемъ: *разговоръ*, я разумѣла, крупный разговоръ, по случаю вашего обращенія съ женой.»

«Если вы полагаете» — возразилъ сэръ Филиппъ Фдрестеръ — «что майоръ Факнеръ былъ столько простъ, что вздумалъ дѣлать мнѣ наставленія, и вмѣшиваться въ мои домашнія обстоятельства, то вы, лэди Бѳтвель, дѣйствительно, вполне можете быть увѣрены, что я совсѣмъ не люблю такого рода посредничества, и готовъ попросить его поберечь свои совѣты до тѣхъ поръ, пока ихъ у него попросятъ.»

«И при такомъ-то образѣ мыслей вы и намѣрены вступить въ тотъ самый полкъ, гдѣ служить мой братъ Факнеръ?»

«Никто лучше майора Факнера не знакомъ съ долгомъ чести» — отвѣчалъ сэръ Филиппъ — «и мнѣ, желающему заслужить себѣ имя, ничего не остается дѣлать, какъ идти по слѣдамъ такого путевода, какъ онъ.»

Лэди Ботвель встала, подошла къ окну, и слезы полились изъ глазъ ея.

«Такъ вотъ какою лишь жестокой насмѣшкой» — сказала она — «вы удостоиваете отвѣчать на наше опасеніе на счетъ ссоры, [которая можетъ повлечь къ ужаснымъ послѣдствіямъ! Боже мой! Что же это за сердца у мужчинъ, если они могутъ такъ шутить ужасомъ другихъ!»

Сэръ Филиппъ былъ тронуть, и оставилъ насмѣшливый тонъ, которымъ до сихъ поръ говорилъ.

«Милая лэди Ботвель» — сказалъ онъ, взявъ ее за руку, которую она ему не давала — «вы все принимаете слишкомъ серьезно, а я, можетъ быть очень легко: наша размолвка съ майоромъ Факнеромъ имѣла поводомъ не земныя отношенія; — если бы произошло между нами что-нибудь такое, что должно бы было окончиться *par voie de fait*, какъ говорятъ во Франціи, то ни который изъ насъ не сталъ бы отказываться отъ такой *встрѣчи*.... Позвольте мнѣ сказать, что если бы было извѣстно, что вы или лэди Фрестеръ подозреваете такую катастрофу, то это было бы лучшимъ средствомъ кончить дѣло такъ, какъ оно и должно быть кончено.... Я, лэди Ботвель, знаю, какой у васъ здравый разумъ, и надѣюсь, что вы меня поймете, когда вамъ скажу, что я дѣйствительно вынужденъ обстоятельствами уѣхать отсюда на нѣсколько мѣсяцевъ, — Джемима не пойметъ этого, — отъ нея только и слышишь вопросы: отъ чего ты не сдѣлаешь того или другаго, или третьяго, а когда ей докажешь, что средства, предлагаемая ею никуда не годятся — снова нужно ей повторять то же самое. И такъ, прошу васъ сказать ей, любезная лэди Ботвель, что я убѣдилъ васъ; — она, должно сознаться, что принадлежитъ къ числу тѣхъ особъ, съ которыми властію сдѣлаешь больше, нежели разсужденіями. Подарите меня хотя нѣкоторымъ вашимъ довѣріемъ — и вы увидите: какъ я вполне буду его достоинъ.»

Лэди Ботвель покачала головой, какъ бы полу-довольная имъ: «О, какъ трудно вполне довѣриться тому, у кого основанія, на которыхъ зиждутся его правила, такъ шатки!» —

Но я постараюсь, какъ умѣю, успокоить Джемину, — а что касается до прочаго, то я могу лишь сказать одно — что въ настоящемъ вашемъ предпріятіи, вы дадите отвѣтъ Богу и людямъ.»

« Не бойтесь, чтобы я обманулъ васъ » — сказалъ сэръ Филиппъ — « самый надежный для меня путь — чрезъ главную почту, Гельветслуисъ, куда и прикажу адресовать къ себѣ письма. Но что касается до Факнера, то наша единственная съ нимъ *встрѣча* — будетъ за бутылкой бургонскаго, — и на счетъ его вы можете быть вполне спокойны.»

Лэди Бѣтвелъ сама никакъ не могла успокоиться; притомъ замѣчала, что и сестра ея портила собственное свое дѣло, принимая его *слишкомъ горячо* (какъ обыкновенно выражаются горничныя): она, даже при постороннихъ людяхъ и въ приемахъ, а иногда и на словахъ, показывала свое неудовольствіе на отъездъ мужа, что, конечно, доходило и до него и ему не нравилось. Но не чѣмъ было помочь этимъ домашнимъ размолвкамъ — и онѣ кончились только его отъѣздомъ.

Жаль мнѣ очень, что я не могу съ точностію означить года, когда сэръ Филиппъ Фѣрестеръ пріѣхалъ во Фландрію: знаю только, что это было въ то время, когда открылась, и съ большимъ ожесточеніемъ, война, и много уже было очень кровопролитныхъ, хотя и неопредѣленныхъ стычекъ, между Французами, съ одной, и союзниками, съ другой стороны. Изъ всѣхъ усовершенствованій нашего времени, нѣтъ, можетъ-быть, ни одного, которое бы было полезнѣе той аккуратности и посѣшности, съ какою сообщаются извѣстія изъ одной страны въ другую. Во время кампаній Марльборуга, непріятности многихъ, которые имѣли у себя родныхъ въ самой арміи, или по дорогѣ къ ней ведущей, увеличивались еще болѣе медленностію самыхъ извѣстій, опаздывавшихъ цѣлыми недѣлями, послѣ того, какъ доходили къ намъ слухи о кровопролитныхъ сраженіяхъ, въ которыхъ, можетъ-быть, лично участвовали и тѣ, о комъ съ такою боюзнію бились сердца ихъ. Къ числу тѣхъ, которые наиболее

безпокоились этой неизвѣстностію, принадлежала — чуть-было не сказала, покинутая — жена разгульнаго сэра Филиппа Фѳрестера. Однимъ письмомъ извѣстилъ онъ ее о прибытіи своемъ на материкъ, — а больше она и не получала. Узнали, правда, изъ газетъ, что служащему волонтеромъ сэру Филиппу Фѳрестеру, поручена была какая-то соединенная съ опасностію рекогносцировка, которую онъ и исполнилъ съ величайшею отважностію, ловкостію и смѣлленностію и получилъ за то благодарность отъ своего начальника. Чувство гордости, при извѣстии о томъ, что онъ отличился, вызвало было на мгновеніе краску на блѣдныя щеки жены его, но воспоминаніе объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, снова покрыло ихъ мертвенною блѣдностію. Но послѣ этого онъ ничего не слышали ни о сэръ Филиппѣ, ни о братѣ своемъ Факнерѣ. Конечно, положеніе леди Фѳрестеръ было не безпримѣрное: цѣлыя сотни находились точно въ такомъ же, — но люди слабаго ума, обыкновенно раздражительны; и замедленія того рода, которыя иные переносятъ съ свойственнымъ имъ равнодушіемъ или философскою преданностію, другіе же, съ способностію вѣрить въ возможность лучшаго — были невыносимы для леди Фѳрестеръ: она, оставшись одна, будучи излишне-чувствительна, и не имѣя силы воли, ни природной, ни приобрѣтенной — совершенно упала духомъ.

ГЛАВА II.

Не получая дальнѣйшихъ извѣстій, ни посредственно, ни непосредственно, отъ сэра Филиппа, несчастная его жена почерпала для себя какого-то рода утѣшеніе изъ самой его безпечности, которая часто такъ ее огорчала. «Онъ такъ легкомысленъ» — говаривала она по сту разъ сестрѣ своей — «что никогда не станетъ писать, если всѣ дѣла идутъ своимъ порядкомъ: онъ всегда таковъ, — но случись что-нибудь необычайное, онъ бы извѣстилъ насъ.»

Лэди Ботвелъ выслушивала свою сестру, не стараясь утѣшать ее. Вѣроятно, она полагала, что и самое дурное извѣстіе изъ Фландріи имѣло бы въ себѣ нѣчто утѣшительное; и что лэди Фбрестеръ, овдовѣвши, — если уже таковъ ея грустный жребій, — могла бы испытать радости, незнакомыя ей, какъ супругъ самаго веселаго и ловкаго изъ Шотландскихъ джентельменовъ. Это убѣжденіе ея еще болѣе усилилось, когда онъ изъ свѣдѣній, полученныхъ ими изъ главной квартиры, узнали, что сэръ Филиппъ не находился уже при полку: не былъ ли онъ взятъ въ плѣнъ, или раненъ въ непрерывныхъ стычкахъ, въ которыхъ любилъ отличиться, или по неизвѣстнымъ причинамъ, по свосравной своей переменчивости мыслей, добровольно оставилъ службу — онъ не могли узнать ни отъ одного изъ его земляковъ, находившихся въ лагерь союзниковъ, и сами не знали что объ этомъ подумать. А между тѣмъ заимодавцы его стали неотвязчивы и вступили во владѣніе его имуществомъ, угрожая ему тюрьмою, если онъ будетъ имѣть смѣлость возвратиться въ Шотландію. Эти новыя непріятности еще болѣе увеличивали негодованіе лэди Ботвелъ противъ скрывшагося мужа сестры своей; но жена его изъ всѣхъ этихъ невзгодій извлекала для себя все болѣе поводы къ грусти объ отсутствіи того, котораго воображеніе ея рисовало теперь, какъ еще до замужства, любезнымъ, веселымъ и влюбленнымъ.

Въ это-то самое время появился въ Эдинбургъ какой-то человекъ съ страннымъ образомъ дѣйствій и требованій. Его обыкновенно называли Падуанскимъ докторомъ, потому что онъ получилъ образованіе въ знаменитомъ университетѣ Падуи. Предполагали, что у него были какіе-то странные рецепты, и говорили, что онъ, какъ медикъ, посредствомъ ихъ, производилъ чудныя излеченія. Но, хотя съ одной стороны, эдинбургскіе медики называли его шарлатаномъ, но многіе, съ другой, и изъ числа ихъ нѣкоторые изъ духовныхъ особъ, удостовѣряясь въ дѣйствительности его средствъ и силъ его медицинскихъ предписаній, предполагали, что докторъ Баптиста Даміотти употреблялъ чары и другія непозволительныя средства для пріобрѣтенія успѣха въ своей прак-

тикъ. Тѣ же, которые прибѣгали къ нему, были всенародно увѣщеваемы, какъ люди, ищущіе здравія отъ идоловъ, и вѣряющіе себя помощи, пронстекающей изъ Египта. Но покровительство, которымъ Падуанскій докторъ пользовался отъ друзей своихъ, людей съ вѣсомъ и значительностію, давало ему возможность презирать такого рода обвиненія и принимать на себя, даже въ самомъ Эдинбургѣ, извѣстномъ своею ненавистію къ колдунамъ и некромантамъ, званіе предсказателя будущаго. Носился даже слухъ, что за извѣстную плату, и не, очень впрочемъ значительную, докторъ Баптиста Даміотти могъ рассказывать судьбу лицъ отсутствующихъ, и даже показывать своимъ посѣтителямъ призрочныя формы ихъ друзей и занятія ихъ въ настоящее мгновеніе. Слухи эти дошли и до лэди Фѳрестеръ, которая достигла до той степени нравственной пытки, когда страдалецъ готовъ выдержать все, лишь бы сомнѣніе его обратилось въ извѣстность.

Будучи робка и нерѣшительна во многихъ отношеніяхъ, она, по извѣстному настроенію души своей, равно была упорна и беззаботна,—а сестра ея, лэди Бѳтвель, не безъ удивленія и испуга, услышала о ея непреклонной рѣшимости посѣтить этого ученаго доктора и узнать отъ него о судьбѣ своего мужа. Лэди Бѳтвель доказывала ей все неправдоподобіе такого рода требованій иностранца, утверждая, что это ничто иное какъ обманъ.

«Мнѣ нѣтъ нужды!» — отвѣчала покинутая супруга — «что это меня подвергнетъ насмѣлкѣ: если въ искусствѣ его есть хотя тысячная доля правдоподобія истины, и я могу узнать, что дѣлается съ моимъ мужемъ,—то я ни за что въ свѣтъ не откажусь отъ этой попытки.»

Лэди Бѳтвель, далье, говорила ей, что незаконно прибѣгать къ такого рода запрещеннымъ вѣдѣніямъ.

«Сестра» — отвѣчала страдалица — «кто умираетъ отъ жажды, тотъ готовъ напиться и отравленной воды, а кто страдаетъ подъ гнетомъ неизвѣстности, долженъ искать увѣренности, хотя бы силы, предлагающія ее, были и свято-

татственныя и адскія. Я одна пойду узнать судьбу свою, и нынче же вечеромъ узнаю ее, — и восходящее солнце слѣдующаго дня увидить меня, если не болѣе счастливою, то, по крайней мѣрѣ, болѣе преданною.»

«Сестра» — сказала лэди Бѳтвель — «если уже ты приняла такую странную рѣшимость, то пойдешь не одна: если этотъ человекъ — обманщикъ, то ты слишкомъ сильно будешь взволнована, открывъ его плутовство; — а если — чему я не могу вѣрить — есть какая-нибудь истина въ томъ, на что онъ имѣетъ требованіе, то ты не должна подвергаться одна такого рода страннымъ открытіямъ. Я пойду съ тобою, если ты рѣшаешься идти. Но пораздумай снова о своемъ предпріятіи, и откажись отъ открытій, къ которымъ нельзя приступить безъ преступленія, а можетъ быть, и не безъ опасности.»

Лэди Фѳрестеръ бросилась въ объятія сестры, и сто-кратно благодарила ее за предложеніе ей сопутствовать, отклоняя въ то же время съ выраженіемъ задумчивости дру-жескій совѣтъ, съ которымъ оно было соединено.

И вотъ, когда настали сумерки — тѣ часы дня, когда Падуанскій докторъ принималъ своихъ посѣтителей, которые приходили съ нимъ совѣтоваться, объ эти лэди, одѣвшись женщинами низшаго сословія, то-есть, прикрывъ себя голову и лицо *плѣдами*, какъ ихъ нашивали люди этого разряда, — ибо въ этотъ аристократическій періодъ, по тому какъ на-дѣвался *плѣдъ*, а равно и по тонкости его матеріи, узнавался классъ, къ которому кто принадлежалъ, — объ эти лэди вышли изъ своего дома въ Эдинбургскомъ Канонгетъ. Лэди Бѳтвель выдумала это переодѣванье, частию для того, чтобы не узнали ихъ, когда онѣ пойдутъ къ дому заклинателя, а частию и для испытанія его проникательности, когда онѣ явятся передъ этимъ таинственнымъ лицомъ. Слуга лэди Фѳрестеръ, че-ловекъ испытанной вѣрности, былъ ими употребленъ для того, чтобы задобрить доктора обыкновенною платой, и рассказать ему, что будто жена одного солдата желала узнать о судьбѣ своего мужа — о чемъ, вѣроятно, и часто спрашивали этого мага.

До последней минуты, когда часы ихъ палатцо пробили восемь, лэди Бѣтвель внимательно слѣдила за сестрой своей, надѣясь, что она откажется отъ своего предпріятія; но такъ какъ тихіе и даже робкіе характеры въ нѣкоторыя минуты способны къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ, — то и лэди Фбрестеръ осталась непоколебимою до самаго того времени, какъ имъ должно было отправляться. Мало надѣясь на удачу попытки, но рѣшаясь не оставлять сестры своей въ такую критическую минуту, лэди Бѣтвель шла вмѣстѣ съ лэди Фбрестеръ по темнымъ закоулкамъ и улицамъ, межъ тѣмъ какъ впереди шель слуга, показывавшій имъ дорогу. Наконецъ, вдругъ повернулъ онъ на узкій дворъ и постучался у двери готическаго стили, которая вела въ зданіе довольно древнее. Она отворилась, хотя и не видно было привратника, и слуга, отойдя въ сторону, далъ знакъ господамъ своимъ, чтобы онъ вошли, — что едва успѣли онъ сдѣлать, какъ дверь сама затворилась, оставя проводника ихъ на дворѣ. Объ лэди увидѣли себя въ небольшихъ свѣцахъ, освѣщенныхъ темногорѣвшеною лампою, и изъ которыхъ, когда затворилась дверь, не было уже никакого сообщенія съ свѣтомъ и вѣншимъ воздухомъ. Дверь же внутренней комнаты, которая была полуотворена, находилась въ дальней части сѣней.

«Теперь уже намъ нечего колѣбаться» — сказала лэди Бѣтвель, и пошла впередъ. Войдя въ дверь внутренняго покоя, онъ увидѣли окруженнаго книгами, ландкартами и химическими аппаратами, разнаго вида и формы — ученаго мужа.

Но въ наружности Итальянца онъ не замѣтили ничего особеннаго: это былъ человекъ смуглый и съ рѣзкими чертами лица, свойственными его странѣ, лѣтъ около пятидесяти и совершенно одѣтаго, въ черное, — обыкновенный костюмъ людей его званія. Большія восковыя свѣчи въ серебряныхъ канделябрахъ съ реверберами освѣщали эту комнату, достаточно меблированную. Когда лэди вошли, онъ всталъ, и не смотря на ихъ одежду низкаго сословія, пріималъ ихъ со всѣмъ уваженіемъ, приличнымъ ихъ званію, что иностранцы очень строго наблюдаютъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые, по происхожденію своему, имѣютъ на это право.

Лэди Ботвель, желая сохранить свое инкогнито, между тем как доктор просил их садиться, указывая им на почетное место своего кабинета, старалась уклониться от его вежливого приглашения, как неприличного их званью. «Мы, сэръ, бѣдныя простолюдинки» — сказала она — «и потому только, что вот сестра моя находится въ величайшемъ безпокойствѣ, мы и рѣшились прибѣгнуть къ вашему *Достоинству*, не можете ли вы....»

Онъ улыбнулся, и прервавъ ее, сказалъ: «Я очень знаю, сударыня, о разстройствѣ духа вашей сестры, и знаю также, что удостоенъ посѣщеніемъ двухъ лэди высшаго круга — лэди Ботвель и лэди Фѳрестеръ. Если бы я не умѣлъ отличить ихъ отъ того класса общества, котораго онъ приняли костюмъ, то мало было бы вѣроятности въ томъ, что могу удовлетворить ихъ любопытству на счетъ желаемаго имъ извѣстія.»

«Я очень понимаю».... — сказала лэди Ботвель.

«Простите моей дерзости, милэди, что я прерываю васъ. — Вы хотѣли сказать, что я знаю ваши имена чрезъ вашего слугу; но, думая такъ, вы оказываете несправедливость его вѣрности, и, если смѣю прибавить, искусству покорнѣйшаго вашего слуги — Баптисты Даміотти.»

«Я не думала ни того, ни другаго» — отвѣчала лэди Ботвель, сохраняя спокойный свой тонъ, хотя и была нѣсколько этимъ удивлена — «но положеніе это для меня нѣсколько ново. — Если вы знаете, кто мы, то вамъ, конечно, извѣстно зачѣмъ мы и пришли къ вамъ.»

«Желаніе узнать о судьбѣ одного шотландскаго джентельмена хорошей фамиліи, который теперь находится, или находился недавно на материкѣ» — отвѣчалъ провидѣць — «по имени — кавальерѣ Филиппо Фѳрестеръ, джентельмена, который имѣетъ честь быть супругомъ этой лэди, и — если вы позволите говорить прямо — по несчастію, не заслуживаетъ этого неоцѣннаго счастья.»

Лэди Фѳрестеръ глубоко вздохнула, а лэди Ботвель отвѣчала:

«Если вы знаете цѣль нашего посѣщенія, хотя мы объ этомъ вамъ и не сказывали, — то намъ остается сдѣлать лишь одинъ вопросъ: имѣете ли вы возможность избавить сестру мою отъ томленій неизвѣстности?»

«Имѣю» — отвѣчала Падуанскій ученый — «но прежде, мнѣ остается узнать еще одно: станеть ли у васъ на столько духа, чтобы собственными глазами видѣть, что дѣлаетъ въ эту минуту кавальеро Филиппо Фбрестеръ, или вамъ угодно будетъ узнать объ этомъ изъ словъ монахъ?»

«На это пусть отвѣчаетъ сама сестра» — сказала лэди Бѣтвель.

«Собственными своими глазами сберусь я съ силами увидѣть то, что вы можете показать мнѣ» — сказала лэди Фбрестеръ, съ тою же рѣшимостью духа, которая подстрекала ее съ самой минуты предпринятаго ею на счетъ этого намѣренія.

«Но это соединено съ опасностію.»

«Если только золотомъ можно вознаградить за такую попытку» — отвѣчала лэди Фбрестеръ, вынимая кошелекъ....

«Такого рода опыты предпринимаю я не изъ выгодъ» — отвѣчал иностранецъ — «такими цѣлями я не унижу своего искусства. И если я беру деньги съ людей богатыхъ, то лишь для того, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ, и притомъ, отъ вашего слуги получилъ я больше, нежели сколько нужно. Спрячьте, сударыня свой кошелекъ: адептъ науки не нуждается въ вашемъ золотѣ.»

Лэди Бѣтвель, считая этотъ отказъ иностранца сестрѣ своей лишь за хитрость шарлатана, который хотѣлъ этимъ выманить еще большую сумму, и желая, чтобы эта комедія скорѣе кончилась, предложила ему съ своей стороны еще денегъ, говоря, что этимъ онъ будетъ въ состояніи еще болѣе расширить предѣлы своихъ подаваній.

«Пусть лэди Бѣтвель расширитъ предѣлы своей собственной христіанской любви» — возразилъ Падуанецъ — «я разумю, не въ подаваніи милостыни, въ чемъ у лэди, я знаю, нѣтъ недостатка, но въ сужденіи своемъ о людяхъ, — и пусть

сдѣлаеть одолженіе Баптистъ Даміотти, принявъ его за честнаго человека, пока онъ не оказался еще плутомъ. Не удивляйтесь, сударыня, что я отвѣчаю вамъ скорѣе на ваши мысли, нежели на выраженія — и снова говорю: станеть ли у васъ довольно духа, чтобы смотрѣть на то, что я готовъ показать вамъ?»

«Признаюсь сэръ» — отвѣчала леди Бѳтвель — «что ваши слова проникають меня какимъ-то ужасомъ; но что желаетъ видѣть сестра моя, отъ того не откажусь и я вмѣстѣ съ нею.»

«Но опасность состоитъ только въ томъ, чтобы вамъ не измѣнила ваша рѣшимость. Видѣніе можетъ продолжаться не болѣе семи минутъ; и если вы его прервете, произнеся хотя одно слово, то не только этимъ разрушатся чары, но угрожаетъ даже нѣкоторая опасность и самымъ зрителямъ. Но если вы можете быть на столько тверды, чтобы сохранить молчанье на семь минутъ, то ваше любопытство будетъ удовлетворено безъ малѣйшей опасности — за это я вамъ ручаюсь моею честью.»

Хотя леди Бѳтвель думала сама въ себѣ, что условіе это тутъ ничего не значить, но подавила въ себѣ самой подозрѣніе, какъ бы вѣря, что адептъ науки, въ суровыхъ чертахъ котораго замѣтна была полу-улыбка, можетъ дѣйствительно читать сокровенныя ея помыслы. Настало потомъ торжественное молчанье; и наконецъ леди Бѳтвель, собравшись съ духомъ, отвѣчала медику, какъ онъ называлъ себя, что она готова съ твердостью и безмолвно выдержать видѣніе, которое онъ обѣщавъ имъ представить. Услышавъ это, онъ, вѣжливо имъ поклонившись, сказалъ, что идетъ сдѣлать на счетъ этотъ свои приготовленія — и вышелъ изъ комнаты. — Обѣ сестры, взяли другъ друга за руки, и какъ бы желая, какъ можно тѣснѣе прижавшись одна къ другой, отклонить угрожавшую имъ опасность, сѣли вмѣстѣ на столышіе рядомъ стулья: Джемима искала опоры въ мужественной и обычной отважности леди Бѳтвель, а та, съ другой стороны, старалась ободрить себя отчаянною рѣшимостью сестры своей. Одна, можетъ быть, думала про себя, что сестра ея ничего не боится, а другая

мыслила, что если уже не боится столь слабодушная женщина как Джемима, то как же можно сграшиться чего-либо той особь, которая обладала такую твердостью и рѣшимостью, какова ея.

Черезъ нѣсколько мгновений онъ были выведены изъ размышленій о собственномъ своемъ положеніи звуками музыки, столь пріятной и торжественной, что какъ будто гармоніей этой съ намѣреніемъ старались отвлечь ихъ отъ ихъ ощущеній, и въ то же время настроить на высокіе помыслы, которые желали возбудить въ нихъ предварительными разговорами. Звуки этой музыки производимы были на какомъ-то неизвѣстномъ имъ инструментѣ, но послѣ того случайно моя бабушка узнала, что то была гармоника, которую ей удалось слышать въ последнее время ея жизни.

Но когда замолкли эти какъ бы небесные звуки, въ дальнемъ концѣ кабинета отворилась дверь, и онъ увидѣли Даміотти стоявшаго на возвышеніи, отдѣлявшемся отъ полу на двѣ или на три ступени и показывающаго знаками, чтобы онъ приблизились. Одежда его была такъ отлична отъ прежней, въ какой онъ былъ за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ, что онъ едва могли узнать его; и мертвая блѣдность лица, и какое-то напряженіе въ мускулахъ, какъ бы челоуѣка устремляющаго всю свою мысль на какой-то странный и отважный образъ дѣйствія — вполне измѣнили нѣсколько насмѣшливое выраженіе, съ какимъ онъ прежде смотрѣлъ на нихъ, и особливо на лэди Бѣтвель. На босыхъ его ступняхъ надѣто было что-то въ родѣ древнихъ сандалій; ноги у него были обнажены до коленъ, а тѣло его плотно обтягивалъ изъ темно-красной матеріи узкій кафтанъ, сверху прикрытый широкимъ распашнымъ палліумомъ, нѣсколько похожимъ на бѣлольняный стихарь у католиковъ; шея и затылокъ были открыты, и длинныя черныя, тщательно разчесанныя волосы распускались по плечамъ его.

Когда объ лэди, по данному имъ знаку, подошли къ нему, онъ въ пріемахъ своихъ не показывалъ уже той церемонной учтивости, которую расточалъ предъ ними прежде: но напротивъ того, съ видомъ повелительнымъ далъ имъ знакъ, чтобы

онъ приближались. И когда обѣ сестры, рука въ руку, и ве твердымъ шагомъ подошли къ мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, — онъ для предостереженія ихъ, нахмурилъ брови и положилъ на губы палецъ, какъ бы напомнивъ имъ еще разъ о томъ, чтобы онъ хранили безмолвіе; и потомъ, идя впереди ихъ, ввелъ ихъ въ другую комнату.

То былъ огромный покой, котораго стѣны завѣшены были черною матеріей, и словно какъ приготовленный для погребальнаго обряда. Въ дальнемъ концѣ стоялъ столъ, или что-то въ родъ жертвенника, покрытый матеріей такого же мрачнаго цвѣта; на немъ лежали разныя вещи, похожія на обыкновенные волшебные аппараты. Но ихъ онъ не могли рассмотреть, войдя въ эту комнату, ибо она освѣщалась только угасающимъ свѣтомъ двухъ догоравшихъ лампъ. Маэстро — говоря языкомъ Итальянцевъ, называющихъ такъ людей вышписаннаго нами ремесла — подойдя къ этому какъ бы жертвеннику, сдѣлалъ коленнопреклоненіе, по обычаю католическихъ священниковъ, какъ они это дѣлаютъ предъ Распятіемъ, и перекрестился. Лѣди, рука въ руку, слѣдовали за нимъ безмолвно. Двѣ или три низкія, но широкія ступени, вели на площадку къ самому жертвеннику, или къ чему-то на него похожему. Здѣсь онъ остановился, и поставилъ обѣихъ сестеръ подлѣ себя, снова показавъ имъ знаками, чтобы онъ наблюдали молчаніе. Потомъ, протянувъ голую свою руку изъ-подъ льняной одежды, указательнымъ пальцемъ коснулся до пяти большихъ свѣточей или факеловъ, стоявшихъ по бокамъ жертвенника — и они отъ прикосновенія его руки, или скорѣе, пальца, зажглись одни за другими, и пролили яркій свѣтъ по всему покою. Въ это-то мгновеніе посѣтительницы наши могли рассмотреть, что на этомъ подобіи жертвенника, лежали крестообразно два обнаженные меча, большая разогнутая книга, и какъ онъ полагали списокъ съ Библии, на неизвѣстномъ имъ языкѣ, а подлѣ этой таинственной книги — человѣчeskій черепъ. Но ихъ всего болѣе изумило огромное широкое зеркало, занимавшее все пространство за жертвенникомъ, и которое будучи освѣщено зажженными факелами, отражало разложенныя на немъ вещи.

Маэстро, ставъ между двумя оестрами, и взявъ ихъ за руки, молча показалъ имъ на зеркало. И вотъ стали онъ пристально глядѣть на гладкую и темную его поверхность, на которую онъ велѣлъ имъ устремить все вниманіе. Вскорѣ стекло приняло новый и странный видъ: оно уже болѣе не отражало находящихся вокругъ предметовъ, но какъ бы представляя собственныя, заключающіяся въ немъ картины, стало показывать новые образы, сперва въ какомъ-то безпорядкѣ, неясными, смѣшанными, какъ бы создающимися изъ хаоса, и наконецъ въ опредѣленныхъ и симметрически-расположенныхъ формахъ. Постепенно, послѣ разныхъ измѣненій свѣта и тьмы, въ чудномъ этомъ зеркалѣ, сталъ образовываться длинный рядъ сводовъ и колоннъ, которыя послѣ многихъ колебаній остановились, и въ зеркалѣ явился видъ внутренности какого-то чужеземнаго храма. Колонны его были стройны и украшены гербами, своды высоки и великолѣпны, а помость весь былъ устланъ плитами съ надгробными надписями. Но не было отдѣльныхъ капеллъ, ни образовъ, ни распятія надъ престоломъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ церквахъ католическихъ. И такъ это была протестантская церковь, но не въ Англіи, а гдѣ-то на твердой землѣ. Пасторъ, облаченный въ мантію и воротничекъ, стоялъ у трапезы причащенія съ открытою передъ нимъ библіею, съ прислуживающимъ ему сзади клерикомъ, и казалось, готовился совершать какое-то богослуженіе по обряду Церкви, къ которой принадлежалъ онъ.

Наконецъ, въ средній отдѣлъ храма, вошли кака-то лэди и джентельменъ, а позади ихъ многочисленная группа мужчинъ и женщинъ, парадно и богато одѣтыхъ. Невѣста, черты которой сестры могли ясно рассмотреть, была, казалось, не болѣе шестнадцати лѣтъ и необыкновенной красоты. Жениха въ лицо онъ еще не видали, потому что онъ стоялъ къ нимъ задомъ, но стройность его стана и ловкость пріемовъ, возбудили въ обихъ сестрахъ одинаковое предчувствіе; и когда онъ вдругъ оборотился къ нимъ лицомъ, предчувствіе это къ ужасу ихъ, оправдалось: онъ въ веселомъ, стоявшемъ противъ нихъ женихъ, узнали сэра Филиппа Фбрестера. Жена его готова была вскрикнуть — и при этомъ еще не вполне

вырвавшимся у нея звукъ, формы картины въ зеркаль заколебались, и, казалось, готовы были исчезнуть.

« Это можно сравнить, » — сказала лэди Бётвель, продолжая рассказывать эту чудную повесть, — « съ исчезающимъ отраженіемъ прибрежныхъ предметовъ въ глубокомъ и спокойномъ прудѣ, когда бросишь въ него камень, и тѣни въ немъ начинаютъ разсѣваться и померкать. » — Маэстро сжалъ руки обѣихъ лэди, какъ бы напоминая имъ объ ихъ обещаніи и опасности, которой онѣ подвергались. Полу-восклицаніе замерло на устахъ лэди Фдрестеръ, — и видѣніе въ зеркаль, послѣ минутнаго колебанія, снова показалось со всею ясностью картины, съ тою только разницею, что здѣсь всѣ фигуры двигались, какъ живыя.

И вотъ, снова, стало видно какъ призракъ сэра Филиппа Форестера, теперь уже ясно обрисовавшійся и въ станѣ и въ чертахъ лица, велъ къ пастору эту прекрасную собой дѣвушку, которая шла съ нимъ съ какою-то недовѣрчивостію и вмѣстѣ гордостью любящей души. Но между тѣмъ какъ служитель алтаря устанавливалъ предъ собою чету и готовъ былъ начать обрядъ, вошла въ церковь другая группа людей и въ числѣ ихъ два или три офицера. Они пробрались впередъ, не смотря на то, что пришли только посмотреть на эту церемонію, — и вдругъ одинъ изъ офицеровъ, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, бросился къ вѣнчающейся четѣ; его спутники, какъ бы привлеченные восклицаніемъ, сопровождавшимъ это дѣйствіе, всѣ обратились къ нему. Онъ обнажилъ свою шпагу, а женихъ свою — и оба устремились другъ на друга; а всѣ другіе, какъ принадлежавшіе къ свадебному поезду, такъ и вошедшіе послѣ зрители — сдѣлали то же. Тутъ все перемѣшалось и пришло въ безпорядокъ; пасторъ, и нѣкоторые со стороны вѣнчавшихся, которые были постарше и посерьѣзнѣе, старались, повидимому, восстановить спокойствіе, между тѣмъ какъ разгоряченные противники махали своими шпагами... Но въ эту минуту пролетѣть уже срокъ, долѣ котораго нашъ некромантъ, по его словамъ, не могъ допускать своихъ волшебныхъ зрѣлищъ: — картина

снова стала застилаться туманомъ и постепенно исчезать; своды и колонны храма распались и стали невидимы — и поверхность зеркала вновь отразила лишь горящие факелы и грустно-таинственные предметы, которые были разложены передъ нимъ на столѣ.

Докторъ опять ввелъ своихъ посѣтительницъ въ ту же комнату, изъ которой онъ пришелъ; тамъ, на случай надобности, приготовлены были спирты, эссенціи и т. п. средства. Онъ попросилъ ихъ съѣсть; онъ безмолвно повиновались. Лэди Фбрестеръ въ отчаяніи ломала себѣ руки, и казалось, будто чары видѣнной ею картины все еще были предъ ея глазами.

«Неужели то, что мы теперь видѣли, совершается въ эту же минуту?» спросила наконецъ лэди Бѳвель, насилу собравшись съ мыслями.

«За это,» — отвѣчалъ Баптиста Даміотти, — «я не могу ручаться: оно или теперь совершается, или не задолго предъ этимъ совершилось, — по крайней мѣрѣ, это последнее примѣчательное обстоятельство, въ какомъ находился кавальеро Фбрестеръ.»

Лэди Бѳвель сильно беспокоилась о положеніи сестры, которая была почти въ безчувственномъ состояніи; она не знала, какъ перевезть ее домой.

«Я ужъ объ этомъ позаботился,» — сказалъ адептъ, — «и послалъ впередъ вашего слугу, чтобы привезть вамъ карету. Не бойтесь за здоровье вашей сестры; а возвратясь домой, дайте ей принять вотъ этой эссенціи — и къ завтрашнему же утру она будетъ себя чувствовать лучше. Не многіе, — прибавилъ онъ съ задумчивостью, — возвращаются отсюда столько же здоровыми, какими приходятъ сюда: тотъ, кто хочетъ знать неизвѣстное съ помощью таинственныхъ средствъ, всегда платитъ за это дорого. А теперь судите сами: каково положеніе тѣхъ, которые обладаютъ способностью удовлетворять такого рода требованіямъ. Прощайте, — не забудьте же дать эссенціи.»

«Я не стану давать ничего, что отъ васъ получу,» — отвѣчала лэди Бѳвель; — «достаточно и того, что я видѣла.»

Вы, можетъ быть, хотите отравить насъ, чтобы сохранить тайнѣ ваше некроманство, можетъ быть боитесь, что мы станемъ жаловаться на васъ, за насмѣшку, за оскорбленіе... »

« Вы не можете жаловаться на оскорбленія со стороны моей, » — возразилъ докторъ, — « вы сами искали того, который нисколько и не благодаритъ васъ за сдѣланную ему честь: онъ никого къ себѣ не заманиваетъ, а даетъ отвѣты лишь тѣмъ, которые ихъ требуютъ, и сами ищутъ его. Впрочемъ, вы только нѣсколько раньше узнали о несчастьи, которое, къ сожалѣнію, должны будете испытать. Но я слышу шаги вашего слуги у дверей, и долѣе не смѣю удерживать ни васъ, лэди, ни сестры вашей. Извѣстія, которыя вы получите съ первымъ пакетъ-ботомъ, объяснятъ вамъ подробности того, чего вы уже частію сами были свидѣтельницами, — но совету ю вамъ не вдругъ давать эти письма въ руки вашей сестрѣ. »

Сказавъ это, онъ пожелалъ лэди Бѣтвель спокойной ночи. Она, между тѣмъ какъ докторъ провожалъ ее со свѣчей, накинула на свой странный нарядъ черную мантію, а докторъ, отворивъ двери, поручилъ своихъ посѣтительницъ попеченіямъ ихъ слуги. Лэди Бѣтвель съ трудомъ могла довести сестру свою до экипажа. Когда онъ пріѣхали домой, лэди Форестеръ нужны были медицинскія пособія; — явился домашній ихъ медикъ, и щупая пульсъ больной, покачалъ головою.

« Я вижу сильное нервическое разстройство, » — сказалъ онъ, — « мнѣ нужно знать: отъ чего оно произошло? »

Лэди Бѣтвель рассказала ему, что онъ были у заклинателя, и что лэди Форестеръ узнала дурныя новости о своемъ мужѣ.

« Этотъ шарлатанъ съ своими снадобьями можетъ обогатиться, если еще долѣе останется въ Единбургѣ, » — сказалъ патентованный медикъ. — « Вотъ уже мнѣ приходится лечить, по милости его, седьмой нервическій припадокъ, — и всѣ они происходили отъ испуга. » — Онъ сталъ разсматриват

эссенцію, которую лэди Бётвель, машинально, держала въ рукѣ, попробовалъ ее на языкѣ; и сказалъ, что она близко подходитъ къ средству, которое нужно употребить въ этомъ случаѣ, и избавляетъ аптекаря отъ труда составлять другое. Потомъ замолчалъ, и, взглянувъ значительно на лэди Бётвель, прибавилъ: «мнѣ, полагаю я, не должно спрашивать о способахъ дѣйствія этого Итальянца?»

«Дѣйствительно, докторъ,» — отвѣчала лэди Бётвель, — «я должна хранить тайну о томъ, что тамъ происходило; — можетъ быть, онъ и плутъ, — но если уже мы были такъ глупы, что рѣшились къ нему прибѣгнуть, такъ ужъ не честно было бы выводить это наружу.

«*Можетъ быть плутъ* — вотъ еще,» — сказалъ докторъ, — «я радъ ужъ тому, что вамъ угодно допустить эту возможность въ томъ, что является къ намъ изъ Италіи.»

«Что является изъ Италіи, можетъ быть столько же хорошо, какъ если бы оно являлось и изъ Ганновера, докторъ. Но все-таки мы съ вами останемся друзьями, и въ залогъ этого, не будемъ говорить ничего ни о вигахъ, ни о тори.»

«Ужь, конечно! — сказалъ докторъ, принимая отъ нея деньги; но потомъ взявъ шляпу, прибавилъ: — «что Карлъ, что Вильгельмъ — мнѣ все равно для моихъ цѣлей. Но я бы хотѣлъ знать: отъ чего же старая лэди сен-Ринганъ, и всѣ ея приверженцы надорвались кричавши противъ этого иностранца?»

«А! такъ лучше бы было вамъ назвать его Езуитомъ.»

Съ этими словами они разстались.

Бѣдная больная, которой нервы послѣ необыкновеннаго напряженія, пришли въ страшную слабость, продолжала еще бороться съ чѣмъ-то въ родъ безумія, происходившаго отъ суевѣрнаго страха, какъ вдругъ получили изъ Голландіи вѣсти, оправдавшія ея горькія ожиданія.

Извѣстія эти сообщены были знаменитымъ графомъ Стеромъ; въ нихъ заключался разсказъ о грустномъ событіи:

о дуэли между сэромъ Филиппомъ Фбрестеромъ и своднымъ братомъ жены его, капитаномъ Факнеромъ, Шотландско-Голландской арміи, какъ ее называли. На этой дуэли Факнеръ былъ убитъ. Причина ссоры увеличивала еще больше ужась этого событія. Повидимому, сэръ Филиппъ вдругъ покинулъ армію, не будучи въ состояніи заплатить денегъ, которыя проигралъ другому волонтеру. Онъ перемѣнилъ свое имя и поселился въ Роттердамъ, гдѣ умѣлъ приобрести расположеніе какого-то стараго и богатаго бургомистра, а своею красивою наружностью и ловкостью въ обращеніи увлекъ сердце единственной его дочери, молодой и прекрасной дѣвушки и богатой наследницы. Обвороженный блестящими качествами своего будущаго зятя, этотъ богатый купецъ — который такъ высоко уважалъ Англичанъ, что и не счелъ нужнымъ справиться о его званіи и обстоятельствахъ — далъ ему согласіе на его предложеніе. Но эта свадьба, въ одной изъ значительнѣйшихъ церквей города, была совсѣмъ неожиданно разстроена странною случайностью.

Капитанъ Факнеръ, которому было поручено отвезти въ Роттердамъ, для вспоможенія, часть шотландской бригады, занявшей тутъ квартиры, знакомъ былъ еще прежде съ однимъ изъ Роттердамскихъ жителей, а этотъ предложилъ ему, для развлечения, пойти въ соборную церковь посмотреть свадьбу одного изъ его соотечественниковъ съ дочерью богатаго бургомистра. Сэръ Факнеръ пошелъ туда, вмѣстѣ съ знакомымъ ему Голландцемъ и съ другими его пріятелями, да двумя или тремя офицерами шотландской бригады. Но каково же было его удивленіе, когда въ офицеръ узналъ онъ своего шурина, который готовился цести къ алтарю невинную и прекрасную дѣвушку, желая такъ низко и безчеловѣчно обмануть ее. Онъ тутъ же и объявилъ объ его безсовѣстности — и брачный обрядъ остановили. Но вопреки мнѣнію благомыслящихъ людей, которые все признали сэра Филиппа Фбрестера лишеннымъ права носить имя честнаго чловѣка — капитанъ Факнеръ принялъ его вызовъ, и на дуэли былъ смертельно раненъ. — Таковы-то пути Провидѣнія, хотя они для насъ и недостижимы! — А леди Фбрестеръ со времени этого ужаснаго удара никогда уже не поправлялась.

«И это трагическое происшествіе» — спросилъ я — «случилось именно въ то время, когда его показали въ зеркаль?»

«Грустно, что мнѣ придется испортить всю эту исторію» — отвѣчала моя тетка — «а по правдѣ-то сказать, она случилась нѣсколькими днями раньше, чѣмъ представлена была въ зеркаль.»

«Такъ остается, слѣдственно, возможность думать» — сказалъ я, что этотъ хитрецъ какъ нибудь получилъ свѣдѣнія объ этомъ происшествіи.»

«Такъ и полагають тѣ, которые ничему этому не вѣрятъ.»

«А что сдѣлалось съ агентомъ?» спросилъ я.

«Вскорѣ послѣ того пришло повелѣніе задержать его, какъ виновнаго въ уголовномъ преступленіи и какъ политическаго агента Стуратовъ; лэди Бѣгвель, припомнивъ нѣкоторые намеки, вырвавшіеся у доктора, не могла забыть, что его больше всѣхъ, какъ говорится, носили на рукахъ старыя матроны ея собственныхъ политическихъ убѣжденій. И потому дѣйствительно, казалось правдоподобнымъ, что извѣстія полученныя ими съ твердой земли, и которыя лично могли быть ему переданы искуснымъ агентомъ, дали ему возможность приготовить эту фантазмагорическую сцену, которую она видѣла. Впрочемъ, тутъ было столько затрудненій для объясненія этого естественнымъ явленіемъ, что до самаго дня ея смерти она не могла разрѣшить этой загадки, и почти готова была вѣрить, что тутъ не обошлось безъ чародѣйства.

«Но что же, любезная тетушка» — сказалъ я — «что сдѣлалось съ этимъ некромантомъ?»

«О! плохой бы онъ былъ гадатель, если бы не предвидѣлъ, что его собственная судьба могла бы имѣть конецъ очень трагическій и сталъ бы дожидаться когда придетъ къ нему полицейскій служитель съ вышитой серебромъ борзой собакой на рукавъ. Онъ, какъ говорится, далъ тягу, и скрылся изъ Шотландіи. Только носился слухъ о какихъ-то бумагахъ или письмахъ, найденныхъ въ его домѣ, но скорѣ и этотъ слухъ замолкъ,

и о докторъ Баптистъ Даміотти такъ же мало толковали, какъ о какомъ нибудь Галленъ или Гиппократъ.»

«Ну, а сэръ Филиппъ Фдрестеръ»—продолжалъ я—«также со всѣмъ исчезъ со сцены!»

«Нѣтъ» — отвѣчала моя милая разскащица — «объ немъ были слухи, и разъ по одному очень замѣчательному случаю. О насъ Шотландцахъ (если только существовала такая нація) говорятъ, что у насъ одна полная мѣра добродѣтелей, да одна или двѣ неполныхъ мѣръ пороковъ; вообще, о насъ утверждаютъ, что мы рѣдко прощаемъ, и никогда не забываемъ нанесенныхъ намъ оскорбленій, что мы дѣлаемъ себѣ идоловъ изъ нашихъ негодованій и любимъ, какъ выражается Борнсъ, «выкармливать, лелѣять свой гнѣвъ и держать его въ теплѣ.» Такъ и лэди Ботвелъ была не чужда эгихъ ощущеній, и ни что, я думаю, кромѣ возстановленія династіи Стуартовъ, не принесло бы ея сердцу столько наслажденія, какъ случай отомстить сэру Филиппу Фдрестеру за глубокое и двойное оскорбленіе, нанесенное ей лишеніемъ сестры и брата. — Но объ немъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, не было ни слуху, ни духу.

Наконецъ, въ день заговѣнья, когда было особенное собраніе комитета въ пользу бѣдныхъ, въ которомъ участвовало все высшее Эдинбургское общество, а въ томъ числѣ и лэди Ботвелъ, какъ лэди-патронесса, — одинъ изъ служителей шепнулъ ей на ухо, что какой-то джентельменъ желаетъ переговорить съ нею наединѣ.

«Наединѣ? И въ этомъ домѣ? Да что жъ онъ, съ ума сошелъ? скажи ему, чтобы онъ побывалъ у меня завтра утромъ.»

«Я говорилъ ему это, милэди» — отвѣчалъ слуга — «но онъ просилъ меня отдать вамъ это письмецо.»

Она развернула записку, которая была свернута и запечатана какъ-то затѣйливо;—въ ней было написано *«по самой экстренной надобности: дѣло идетъ о жизни и смерти»*. Рука была ей незнакома. Ей вдругъ пришло въ голову, что тутъ идетъ

речь о безопасности кого либо изъ политическихъ ея друзей, и она пошла вслѣдъ за слугою, который ввелъ ее въ небольшую комнату, гдѣ была приготовлена закуска, и куда кромѣ членовъ комитета, никого не впускали. Тутъ нашла она какого-то старика, который увидѣвъ ее, всталъ и почтительно ей поклонился. По его наружности замѣтно было. разстроенное здоровье, и костюмъ его, коѣ-какъ принаровленный къ требованіямъ этикета эгого торжественнаго собранія, былъ поношенъ и потертъ, и висѣлъ мѣшкомъ на исхудавшемъ его тѣлѣ. Лэди Бѣтвель хотѣла-было вынуть свой кошелекъ, думая поскорѣй отвязаться отъ докучливаго просителя небольшимъ подаваніемъ, но боязнь ошибиться остановила ее—и она ждала, что онъ ей скажетъ.

« Я имѣю честь говорить съ лэди Бѣтвель. » спросилъ онъ.

« Да, я лэди Бѣтвель, — но позвольте мнѣ вамъ сказать, что здѣсь не время и не мѣсто для продолжительныхъ объясненій. Что вамъ угодно? »

« У васъ, миледи, была когда-то сестра? »

« Была, — и я любила ее больше всего на свѣтѣ. »

« И братъ? »

« Самый храбрый, нежный и любящій » — отвѣчала лэди Бѣтвель.

« И этихъ родныхъ, милыхъ и близкихъ вамъ, погубилъ необдуманнѣйшій поступокъ одного несчастнаго человека » — продолжалъ незнакомецъ.

« Не поступокъ, а преступленіе безчеловѣчнаго, безсовѣстнаго убійцы » — сказала лэди Бѣтвель.

« Больше мнѣ ничего не нужно » — сказалъ старикъ, кланяясь, и готовясь выйти.

« Пойдите, сэръ, » — вскричала лэди Бѣтвель — « кто вы и для чего пришли въ такое мѣсто и время, возбуждать во мнѣ эти ужасныя воспоминанія? Я хочу знать кто вы. »

« Я не думалъ оскорблять васъ, лэди Бѣтвель, — но, напрогивъ желаю доставить вамъ средство сдѣлать дѣло, дос-

тойное христіанекой любви, которому свѣтъ станетъ удивляться, и за которое воздасть вамъ само Небо. — Но я вижу, лэди не въ такомъ расположеніи духа, чтобы принести эту жертву, о которой я хотѣлъ-было умолять ее.»

«Объясните, сэръ — что вы хотите этимъ сказать» — спросила лэди Ботвель.

«Негодяй, который такъ глубоко оскорбилъ васъ» — отвѣчалъ незнакомецъ — «лежитъ на одрѣ смерти. Дни жизни его — дни бѣдствій, ночи свои проводитъ онъ безъ сна въ мученіяхъ совѣсти — и онъ не можетъ умереть безъ вашего прощенія. Вся его жизнь была непрерывною карою; но онъ не смѣетъ сбросить съ себя свое бремя до тѣхъ поръ, пока ваши проклятія лежатъ гнетомъ на душѣ его.»

«Скажите ему,» — сурово отвѣчала лэди Ботвель, — «чтобы онъ просилъ прощенія у Всевышняго, передъ которымъ онъ такъ много согрѣшилъ, а не у меня, заблуждающейся, подобной ему, смертной. И что ему принесетъ мое прощеніе?»

«О, очень много!» — отвѣчалъ старикъ, — «вся его надежда на помилованіе Неба основывается на вашемъ прощеніи. Вспомните, лэди Ботвель, что и вы когда нибудь будете на одрѣ смерти; что и ваша, какъ и всякаго человѣка, душа, будетъ трепетать отъ предстоящаго ей суда Божія, и испытывать угрызения совѣсти.... тяжело будетъ вамъ, когда совѣсть станетъ шептать: «Какъ молить мнѣ о прощеніи, когда я сама не хотѣла простить!»

«Кто бы ты ни былъ,» — воскликнула лэди Ботвель, — «перестань такъ жестоко трезать меня! Не хочу быть лицемеркой, не хочу, чтобы сердце мое противорѣчило тому, что скажутъ уста мои. Слова эти вскрыли бы землю и вызвали бы на свѣтъ искаженное тѣло сестры моей и кровавое тѣло моего брата!... Простить ему! О! никогда! никогда!»

«Великій Боже!» — сказалъ старикъ, поднимая руки свои къ небу. — «Такъ ли черви, которыхъ ты вызвалъ изъ праха,

должны исполнять заповѣди своего Создателя! Прощай, гордая и немилосердая женщина! Торжествуй, что ты къ страданіямъ желающаго смерти присоединила еще муки религіознаго отчаянія! Но впередъ никогда уже не смѣй издѣваться надъ Небомъ, моля его о прощеніи, въ которомъ ты отказала другому!»

Онъ отвернулся.

«Стой!» — вскричала она. — «Я попробую, — да, я попробую — не могу ли просить ему.»

«Милосердая, добрая леди!» — сказалъ старикъ, — «этимъ вы облегчите отягченную пресгупленіями душу, которая не смѣетъ отдѣлиться отъ своего грѣховнаго земнаго спутника, не примирившись съ вами. А кто знаетъ, можетъ быть ваше прощеніе сохранить еще, для раскаянія, и самую жизнь его.»

«А!» вскричала леди, какъ бы озаренная внезапно блеснувшюю мыслию — «да это самъ онъ... низкій обманщикъ!» и схвативъ сэра Филиппа Фѳрестера за воротникъ (это былъ дѣйствительно онъ), она закричала: «убійца! убійца! держите убійцу!»

Этотъ необыкновенный крикъ, и въ такомъ мѣстѣ, привлекая всѣхъ въ комнату, гдѣ происходило это объясненіе, но сэра Филиппа уже не было. Съ силою вырвался онъ изъ рукъ леди Бѳтвель и побѣжалъ въ дверь, ведущую на площадку лѣстницы, гдѣ впрочемъ ему невозможно было укрыться, потому что по лѣстницѣ непрерывно ходила толпа народа взадъ и впередъ. Но несчастный былъ въ положеніи отчаянномъ: онъ бросился черезъ балюстраду и счастливо соскочилъ съ вышины по крайней мѣрѣ пяти футовъ, въ сѣни, а оттуда ускользнулъ на улицу — и скрылся во мракѣ. Многіе изъ семейства Бѳтвелей бросились за нимъ въ погоню, и еслибы поймали, то можетъ быть, тутъ-же убили бы его, потому что въ то время текла еще горячая кровь въ жилахъ мужчинъ. Что касается до полиціи, она не вступилась въ это дѣло,

потому что совершенное Форестеромъ преступленіе случилось уже давно, и притомъ въ чужой земль. Говорили потомъ, что эта необыкновенная сцена пригоговлена была сэромъ Филиппомъ, какъ отчаянная попытка, которой онъ хотѣлъ узнать: можно ли ему возвратиться на родину, не опасаясь преслѣдованія со стороны семейства, которое онъ оскорбилъ такъ глубоко. Но такъ какъ послѣдствія оказались несогласными съ его желаніемъ, то онъ снова отправился на твердую землю, гдѣ и умеръ какъ скиталець, отвергнутый родиною.

(Съ Англійскаго).

М. ЛЕЖОНЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОЧЕРКИ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ,
М. Каткова. 1853. Замѣчанія на отзывѣ объ нихъ Отечес-
ственныхъ Записокъ.

Въ мартовской книгѣ От. Зап., въ статьѣ о русской литературѣ за 1853 г., былъ напечатанъ странный отзывъ объ «Очеркахъ древнѣйшаго періода греческой философіи», составленныхъ г. Катковымъ. Отзывъ, при всей его несправедливости, написанъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что люди, излишне довѣряющіе журнальнымъ рецензіямъ, и незнакомые съ самимъ дѣломъ, легко могутъ усвоить себѣ ложныя понятія рецензента, какъ о трудѣ г. Каткова, такъ и о значеніи всѣхъ другихъ новѣйшихъ изслѣдованій перваго періода греческой философіи.

Довольно много прошло времени послѣ того, какъ «Очерки» г. Каткова появились въ Пропилеяхъ, и потомъ изданы отдѣльною книгою. Но доселѣ ни въ одномъ изъ нашихъ журналовъ не было разбора этого труда, не было сказано даже ни одного дѣльнаго замѣчанія о немъ. Записные журнальные рецензенты, готовые шумѣть и шумѣть изъ пустяковъ, и заводить длинныя рѣчи и споры о предметахъ, о которыхъ можно бы не говорить ни слова, на этотъ разъ рѣшились показать себя скромными почитателями мудраго и краснорѣчиваго молчанія. И они хорошо сдѣлали: лучше вовсе не говорить о томъ, чего не знаешь, нежели съ самоувѣренностію и догматическимъ тономъ разсуждать о вещахъ намъ нимаю неизвѣстныхъ. Но рецензентъ Отеч. Зап., видно, забылъ это мудрое правило, когда рѣшился *сочинить* и напечатать свой отзывъ объ «Очеркахъ». Въ общемъ отчетѣ о нашей исторической литературѣ за прошедшій годъ онъ долженъ былъ сказать что-нибудь и о трудѣ г. Каткова. Умолчать о немъ неловко: еслибъ этотъ трудъ былъ напечатанъ въ журналѣ, враждебномъ Отеч.

Запискамъ, тогда почему же бы и не помолчать. Еще хуже сказать что ко сочиненію г. Каткова мы будемъ говорить въ особой статьѣ», какъ сказалъ это г. Георгіевскій въ общемъ разборѣ 3-й книжки Прописеевъ, (напечатанномъ въ Отеч. Запискахъ за ноябрь прошедшаго года); эта фраза такъ часто употребляется всѣми журналами, и такъ ополѣла, что ей уже никто не вѣритъ, а многіе подозрительные люди придаютъ ей смыслъ, не очень лестный для того, кто прибѣгаетъ къ ней.—Но что же сказать? — Послѣ словнаго одобренія «Очерковъ» показать въ нихъ какіе-нибудь недостатки, — это требуетъ знанія предмета, о которомъ разсуждаетъ авторъ «Очерковъ», да и не всегда безопасно: вѣдь писатели, особенно ученые—народъ щекотливый, они часто печатаютъ замѣчанія на рецензіи и уличаютъ рецензентовъ въ такихъ недостаткахъ, въ которыхъ никто не захочетъ признаться предъ публикою. Легче и безопаснѣе всего хвалить. Весьма простой и для всякаго удобный способъ писать хвалебныя рецензіи давно уже изобрѣтенъ: надобно прежде всего упомянуть о другихъ, прежнихъ дѣятеляхъ науки, къ области которой принадлежитъ новое сочиненіе, навязать имъ нѣсколько недостатковъ, болѣе или менѣе важныхъ,—и потомъ уже прямо можно заключать, что такъ какъ въ разсматриваемомъ сочиненіи этихъ недостатковъ не обрѣтается, то ясно, что его авторъ оказалъ огромную услугу наукъ. По такому именно способу сочинена рецензія Отеч. Зап. на «Очерки» г. Каткова.

Въ первыхъ строкахъ рецензентъ положительно говоритъ, что «древнѣйшія системы философскаго мышленія оставались до сихъ поръ (т.-е. до г. Каткова) непонятны» (стр. 7), что новѣйшіе изслѣдователи своими произвольными толкованіями древняго ученія, поверхностными воззрѣніями на предметъ его, смѣшеніемъ новыхъ понятій съ старыми только затемнили дѣло, и что, по милости новѣйшихъ изслѣдователей, въ ученіи древнихъ философовъ, доселѣ мы видѣли «вмѣсто смысла безсмыслицу» (тамъ же)!!! Далѣе, какъ бы извиняя себя въ крайне рѣзкомъ приговорѣ о историко-философскихъ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей, онъ пишетъ, что намъ «легко видеть теперь и Гегеля и Риттера и другихъ ученыхъ историковъ философіи послѣ того, какъ дѣло уже сдѣлано г. Катковымъ, и въ изслѣдованіи его возстановленъ (sic!) истинный смыслъ всей древнѣйшей греческой философіи» (стр. 8)... *Непонятный доселѣ древнѣйшій періодъ греческой философіи теперь разъясненъ окончательно, и наука должна произносить имя г. Каткова съ благодарностію»* (стр. 10)!!!!...

Прочитавъ эти слова въ рецензіи, мы сначала не знали, какъ ихъ понимать. Самъ рецензентъ думалъ ли усвоить имъ настоящій смыслъ и силу, или бросалъ ихъ на вѣтеръ? Желалъ ли онъ посмѣяться надъ легковѣріемъ читающей публики, въ томъ предположеніи, что она ничего не смыслитъ въ исторіи древней философіи, и повѣрить всему, что-бы ни было сказано отъ имени редакціи Отеч. Записокъ? Или онъ хотѣлъ уронить этотъ журналъ въ глазахъ образованныхъ читателей, напечатавъ на его страницахъ рецензію, которая можетъ быть образцемъ пристрастной и легкомысленной критики? Имѣлъ ли онъ намѣреніе печатно пошутить надъ г. Катковымъ, или увлекся желаніемъ, польстить его авторскому самолюбію? Но такого рода шутку никто не назоветъ позволительною въ литературѣ. А льстивая рѣчь и неумѣренная похвала, изъ какого бы источника онъ не происходили, не всегда приобрѣтаютъ намъ расположеніе лицъ, къ которымъ онъ относятся. Представимъ себѣ то неспріятное положеніе, въ какое недавно былъ поставленъ г. Булгаринъ. Онъ неумѣренно разхвалилъ одну повѣсть и за то получилъ отъ ея автора и долженъ былъ напечатать письмо, въ которомъ скромно доказывается, что почтенный Фаддей Венедиктовичъ въ своихъ рецензіяхъ не руководствуется ни литературнымъ и критическимъ тактомъ, ни законами эстетическаго вкуса. Надобно полагать, что этотъ случай весьма поучителенъ для всѣхъ журналистовъ, и что никто изъ нихъ не согласился бы на сей разъ быть на мѣстѣ г. Булгарина. А между тѣмъ разсматриваемая нами рецензія именно такова, что она легко можетъ возбудить въ авторѣ «Очерковъ» желаніе повторить для редактора От. Записокъ урокъ, данный редактору Свѣ. Пчелы, если только рецензентъ От. Записокъ, не имѣетъ никакихъ основаній надѣяться на снисходительность г. Каткова. Но рецензенту слѣдовало бы помнить, что и кромѣ г. Каткова, есть публика, найдутся люди, которые дорожатъ именами новѣйшихъ дѣятелей въ исторіи древней греческой философіи и могутъ защитить ихъ великія и многоплоднѣйшія изслѣдованія отъ брани журнальныхъ борзописцевъ. Къ этому прямо ведетъ отзывъ его о сочиненіи г. Каткова, отзывъ, рѣшительно несообразный ни съ достоинствомъ новѣйшихъ изслѣдованій о первомъ періодѣ греческой философіи, ни съ должнымъ уваженіемъ къ русской публикѣ, къ редакціи От. Записокъ и къ самому г. Каткову.

Мы увѣрены, что самъ рецензентъ не убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ, потому что они, какъ увидимъ ниже, очевидно ложны. Не близко знакомый съ историко-философскими трудами новѣйшихъ изслѣдователей о древней греческой философіи, онъ

увлекся неосторожными и несправедливыми замѣчаніями о нихъ, сдѣланными самимъ г. Катковымъ, и до крайности преувеличилъ сказанное авторомъ «Очерковъ». Въ этомъ убѣдиться легко.

« Въ различныхъ исторіяхъ философіи, говоритъ г. Катковъ: (см. его «Очерки» въ 3-й кн. Пропимеевъ, стр. 75—76), весьма легко и спокойно, однимъ характеристическимъ словомъ, показываются отличія древнихъ системъ. Въ чемъ, напр. заключается ученіе Фалеса? Въ томъ, отвѣчаютъ, что начало всего есть вода. Анаксимандръ признаетъ началомъ безпредѣльное. А за нимъ слѣдовавшій Анаксименъ во главу всего поставяетъ воздухъ. Гераклитъ производилъ всѣ вещи изъ огня. Эмпедоклъ полагалъ за основу всего не одну какую-либо стихію, но бралъ для этого всѣ четыре стихіи: огонь, землю, воду и воздухъ....»

Авторъ, указываетъ на различныя исторіи, — на [какія, неизвестно. Если онъ разумѣетъ исторію Винклера, А. Гавриила и другихъ подобныхъ составителей исторіи философіи, то онъ правъ. Но какая была нужда опровергать мнѣнія писателей, теперь уже забытыхъ? Въ другомъ мѣстѣ г. Катковъ старается показать, «какъ поверхностны обыкновенныя толки о древнихъ физиологахъ, приписывающіе каждому изъ нихъ какъ бы въ монополію одну стихію» (тамъ же, стр. 83). Гдѣ же эти толки? И въ какомъ смыслѣ они называются *обыкновенными*? въ смыслѣ понятій *общихъ* и принятыхъ *всеми* историками философіи, или по крайней мѣрѣ *большою* ихъ половиною? Въ такомъ случаѣ слова г. Каткова несправедливы. Правда, и всѣ (всѣ—это конечно важно: вѣдь нельзя же представлять, что мы только одни видимъ предметъ ясно, а всѣ другіе люди слѣпы) всѣ новѣйшіе изслѣдователи древней греческой философіи утверждаютъ, что Фалесъ называлъ первое мировое начало водою, Анаксименъ воздухомъ, а Гераклитъ огнемъ, и утверждаютъ справедливо, основываясь на собственныхъ словахъ этихъ мыслителей и на свидѣтельствахъ о нихъ древнихъ писателей.

Но существо дѣла, какъ оно объяснено новѣйшими изслѣдователями и какъ разумѣетъ его самъ г. Катковъ, состоитъ вовсе не въ этихъ наименованіяхъ, а въ томъ особомъ значеніи, какое имъ усвоилось древними физиологами. Еслибъ историки философіи все движеніе древняго физиологическаго мышленія поставляли только въ перемѣнѣ названій одного и того же всеобщаго начала, или единственно въ томъ, что вода Фалеса замѣнена у Анаксимена воздухомъ, который въ свою очередь уступилъ мѣсто огню Гераклита, тогда вышеприведенныя слова г. Каткова о «различныхъ историкахъ» и «обыкновенныхъ толкахъ» могли бы имѣть свое значеніе, тогда эти

историки действительно были бы достойны тѣхъ жестокихъ упрековъ, которыми такъ щедро осыпаетъ ихъ рецензентъ От. Записокъ.

Но напр. у Риттера, котораго сильно порицаетъ г. Катковъ при всякомъ удобномъ случаѣ, мы читаемъ слѣдующія слова: «что Гераклитъ первое начало всѣхъ вещей называетъ огнемъ, это не составляетъ никакого особенно важнаго различія между его ученіемъ и ученіемъ прежнихъ физиологовъ» (Geschichte der Philos. Th. 1. Hamburg. 1829 S. 240 et sequ.). Каждый изъ нихъ принимаетъ не одну стихію, но всѣ стихіи, говорить о ихъ происхожденіи, представляетъ ихъ видами, состояніями, ступенями одной овеществляющейся сущности. Онъ называетъ эту сущность именемъ какой-либо стихіи, называетъ очевидно не въ обыкновенномъ, у насъ принятомъ значеніи, и даже не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ усволяетъ это же имя стихіи, какъ ступени. Усиливаясь объяснить, почему оно преимущественно предъ другими именами взято для обозначенія перваго начала, онъ даетъ намъ разумѣть, что это имя онъ принимаетъ за отвлеченное, образное выраженіе чего-то другаго, еще не нашедшаго для себя собственнаго имени, какой-то силы, которая въ своемъ вѣчномъ бытіи недоступна человѣческому разуму, и не можетъ быть опредѣлена никакимъ словомъ человѣческимъ. Отсюда ясно, что у каждаго физиолога тотъ самый стихійный элементъ, отъ котораго заимствовано названіе первой сущности, не смѣшивается съ этою сущностію, но отличается отъ ней, какъ одинъ изъ видовъ ея овеществленія. Отсюда же понятно и то, почему древніе физиологи иногда замѣняли одно имя первой сущности другимъ: это не вносило въ ихъ ученіе никакого противорѣчія, никакой существенной перемѣны. Должно однакожь согласиться, что у каждаго изъ нихъ было свое любимое, имъ преимущественно употребляемое наименованіе всеобщаго начала, чего никакъ не могъ скрыть и авторъ «Очерковъ». Въ этомъ смыслѣ надобно видѣть ошибку, или по крайней мѣрѣ значительную неточность выраженія въ слѣдующихъ словахъ г. Каткова: «что та степень, или тотъ видъ бытія первичной сущности, которая (сущность или степень?) характеризуется въ древней физиологій водю или влажностію, есть условіе природы, условіе происхожденія вещей, это вовсе не есть ученіе, исключительно принадлежавшее Фалесу. Это представленіе лежало въ общей системѣ, всѣ въ этомъ отношеніи говорятъ тоже самое» (стр. 83). У Фалеса, сколько можно судить по всѣмъ преданіямъ о его ученіи, вода есть не *степень*, не *видъ* бытія первичной сущности, но водюю называется у него сама эта сущность, не *условіе*, но *всеобщее начало* происхожденія вещей (Aristot. Met. 1, 3 φῦσις

ἀρχὴ πᾶτων. De coelo 11, 12, Plut. de plac. phil. 1. 5.). Напротив у Гераклита, на выражениа котораго ссылается авторъ «Очерковъ», вода или влажность принимается уже какъ первый плодъ овеществленія первоначальной сущности, или міроваго огня. Это ясно видно изъ словъ Гераклита, приведенныхъ у самого же г. Каткова: «смерть этому огню есть происхожденіе воды» (Проп. стр. 83). Вообще древніе физиологи замѣняли одно названіе первой сущности другими именами, но только подобозначущими, или такими, дѣйствительные предметы которыхъ близки одинъ къ другому по своей природѣ, каковы напр. воздухъ, огонь, эфиръ. Но огонь Гераклита, какъ основная сущность, никогда не былъ называемъ водою: такое смѣшеніе именъ было несообразно съ выразительнѣйшими чертами гераклитова ученія.

Въ «Очеркахъ» встрѣчается не мало другихъ мѣстъ, допущенныхъ, думаемъ, по неосторожности, которыя однакожь могутъ дать поводъ подозрѣвать автора въ неуваженіи ко всѣмъ другимъ изслѣдователямъ древней греческой философіи, и въ притязаніяхъ на новостъ взгляда и догматическую рѣшительность приговоровъ. Къ числу такихъ мѣстъ мы относимъ его выходку, направленную по видимому противъ школьниковъ. Раскрывая понятія древнихъ физиологовъ объ огнѣ, г. Катковъ говоритъ: «ни при чемъ такъ комически не высказывается ограниченность мышленія, лишеннаго всякой силы выйдти изъ круга привычныхъ понятій, чтобы вникнуть въ смыслъ философскаго представленія, какъ при этомъ пунктѣ о первоначальномъ огнѣ. Всякій школьникъ готовъ издѣваться надъ древними невѣждами, которые толкуютъ объ огнѣ, какъ о какой-то силѣ, о чемъ-то само-по-себѣ существующемъ, о чемъ то простомъ, тогда какъ огонь есть только феноменъ горѣнія, условленный нѣкоторымъ отношеніемъ кислорода къ другимъ газамъ. Никто (если *никто изъ школьниковъ*, такъ это еще не велика бѣда) однакоже не позаботится вникнуть, въ какомъ ли смыслѣ употребляли свое слово философы, въ какомъ его употребляютъ ихъ ученые критики (все школьники же?). Тотъ ли это огонь, которымъ они обжигаютъ себѣ руки? Точно-ли древніе философы были такъ малосмысленны, что поверхностное явленіе принимали за сущность (Проп. 3 кн., стр. 74 и 75). «Къ чему было здѣсь опровергать мнѣнія школьниковъ? Мало ли чтѣ они думаютъ и говорятъ? Наука какое дѣло до ихъ толковъ? Но въ другомъ мѣстѣ мы, къ удивленію своему, встрѣчаемъ еще болѣе странную выходку уже не противъ школьниковъ, а противъ, изслѣдователей исторіи философіи. По словамъ г. Каткова, знакомому съ литературою исто-

рив философіи извѣстно, что нерѣдко провозглашали Пифагора и его послѣдователей за ученыхъ, которые съ успѣхомъ разрабатывали науки математическія и астрономію: любители этихъ столь полезныхъ знаній сложились въ одно общество для вящихъ успѣховъ въ своихъ занятіяхъ; они вмѣстѣ дѣлали выкладки и повтѣряли другъ друга, и производили астрономическія наблюденія; конечно эти наблюденія еще весьма несовершенныя, но, судя по повѣжеству того времени, когда еще не была издана въ свѣтъ Лапласова Небесная Механика, и не существовало Россова телескопа, нельзя отказать имъ въ уваженіи. Къ сожалѣнію, прибавляютъ, они, несмотря на свои ученые занятія, все еще оставались дѣтьми своего времени, и примѣшивали къ своимъ понятіямъ, къ своимъ математическимъ и астрономическимъ воззрѣніямъ разнаго рода нелѣпости и мноологическія бредни.... У пифагорейцевъ встрѣтишь и какой-то центральный огонь, и Зевсовъ домъ, и мать боговъ, и какую-то область Олимпа, и мноологическія божества, приводимыя въ связь съ геометрическими построеніями (стр. 110 и 111). Почему г. Катковъ не указалъ, гдѣ онъ нашелъ такое сужденіе о пифагорейцахъ? По крайней мѣрѣ изъ новѣйшихъ историковъ философіи (а противъ старыхъ, оставленныхъ мнѣній пусть ратуютъ школьники) никто и никогда не говорилъ о нихъ, такъ положительно-глупо, какъ представляетъ это г. Катковъ. За чѣмъ же въ ученомъ разсужденіи давать столько мѣста своему воображенію и остроумію? Развѣ только для собственнаго упражненія въ діалектическомъ искусствѣ, или для того, чтобъ показать, какъ легко можно было бы опровергнуть это нелѣпое мнѣніе о пифагорейцахъ, еслибы таковое дѣйствительно нашлось гдѣ либо? Считаая дѣйствительно нужнымъ раскрыть нелѣпость этого мнѣнія, г. Катковъ между прочимъ говоритъ: «Мы убѣждены, что они (т. е. пифагорейцы) не могли ею (т. е. математикою) заниматься, по той весьма уважительной причинѣ, что математика, какъ особая наука, извѣстная намъ подъ этимъ именемъ, въ ихъ время вовсе не существовала (стр. 113).» Поздравляемъ г. Каткова съ этимъ убѣжденіемъ. Но въ настоящемъ случаѣ оно не приноситъ ему никакой пользы. И философія, «какъ особая наука, намъ извѣстная подъ этимъ именемъ», во время пифагорейцевъ не существовала. Надобно ли по этому питать въ себѣ убѣжденіе, что они не могли заниматься философіею?

Вслѣдъ за выше приведенными странными толками о пифагорейцахъ, авторъ «Очерковъ» жестоко осмѣиваетъ изложеніе пифагорейской философіи, составленное Риттеромъ, проситъ читателей замѣтить его «важный тонъ», «тяжеловѣсные приемы», «удивитель-

ную плодovitость слова» (О! какъ часто и въ наукѣ и въ жизни приходится повторять: «а самъ киваетъ на Петра!»), находить удовольствіе привести нѣсколько строкъ изъ этого изложенія и называетъ его прямо *галиматьею* (стр. 111—113). Мы не намѣрены защищать Риттера, и не соглашаемся съ его понятіями о пифагорейской философіи, но никакъ не думаемъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ право считать ихъ галиматьею, или «*вопиющимъ смѣшеніемъ*» обиходныхъ представленій съ представленіями метафизическими» (стр. 113). Гегель, не щадившій писателей исторіи философіи въ своихъ отзывахъ о нихъ, называлъ Риттера очень осторожнымъ въ раскрытіи и опредѣленіи подлиннаго смысла древнихъ философскихъ ученій. Читателямъ не мѣшаетъ знать, что г. Катковъ, приводя слова Риттера, пропускаетъ многія мѣста, весьма нужныя для разумнѣя его рѣчи. Вообще авторъ «Очерковъ» питаетъ какое-то неприязненное чувство къ почтенному Риттеру и еще въ первой своей статьѣ не безъ колкостей порицалъ его сужденіе о Демокритѣ, которое, сказать къ слову, съ большею основательностію, чѣмъ у г. Каткова, опровергается у Целлера (*Die Philosophie der Griechen von Dr. Eduard Zeller. Tübingen 1844. Th. 1.*).

Называя Риттерово изложеніе пифагорейской философіи темнымъ и бессмысленнымъ, г. Катковъ даетъ намъ случай привести его собственное толкованіе этой философіи, дабы читатели могли сравнить одно съ другимъ и судить объ относительномъ достоинствѣ каждаго изъ нихъ. Приведемъ прежде слова Риттера, какъ они переданы авторомъ «Очерковъ».

«Пифагорейцы представляли себѣ первую единицу окруженную безграничнымъ, или пустымъ; безграничное было для нихъ мѣстомъ этой единицы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ допускали они, въ этихъ столь между собою разрозненныхъ, противоположностяхъ стремленіе соединиться. Вслѣдствіе этого, единица, начало опредѣляющее, притягиваетъ къ себѣ и втягиваетъ въ себя ближайшую къ ней часть безпредѣльнаго. Пифагорейцы называли это вдыханіемъ безконечнаго, или безконечнымъ вдыханіемъ, посредствомъ котораго пустое входило въ міръ и раздѣляло вещи. Отсюда ясно, что единица пифагорейцевъ первоначально представлялась какъ совершенно цѣльная, нераздѣльная величина, способная однакожъ, посредствомъ раздѣляющаго пустаго пространства, распастись на множество вещей. Тоже самое слѣдуетъ разумѣть и о безграничномъ: само по себѣ оно не имѣетъ раздѣленія, дѣлится же на многія части лишь вслѣдствіе того, что входитъ въ опредѣляющее» (слѣдующія за симъ слова Риттера не приведены у г. Каткова). Такимъ образомъ пифагорейцы

представляютъ себѣ происхожденіе міра какъ бы встрѣчу и совпадениемъ обонхъ противоположныхъ началъ. Но при этомъ не должно упускать изъ виду, что у нихъ безграничное имѣетъ только отрицательную роль въ мірообразованіи: оно есть начало страдательное, только вдыхается другимъ, и въ мірѣ не производитъ ничего, кромѣ пустаго промежутка, пустой середины между единицами, образующими части вѣчнаго, первоначальнаго единства, истинное бытіе, совершенство вещи полагается въ началѣ опредѣляющемъ.... На развитіе міра они смотрятъ какъ на процессъ жизни, условливаемый началами, лежащими въ міровой сущности: безконечная пустота вдыхается въ Ураносъ, или въ мірѣ, и отсюда начинается дыханіе и жизнь міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ мірѣ и время.... Ученіе пиеагорейцевъ о двухъ противоположныхъ началахъ стоитъ въ связи съ ихъ ученіемъ о томъ, что все происходитъ изъ единого и управляется единымъ Божествомъ, ибо тѣ два начала неразрывно связаны въ первобытномъ единствѣ Божества, въ равномъ—неравномъ, въ первичномъ числѣ» (*Geschichte der Philos.* 1829 г. Th. 1 S. 398—401).

Теперь соберемъ всѣ черты, которыми г. Катковъ характеризуетъ пиеагорейское ученіе,—соберемъ, потому, что у самого автора онъ, вслѣдствіе страннаго изложенія «Очерковъ», разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Будемъ говорить его собственными словами.

«Начало всякаго перехода, всякаго движенія, есть вѣчто по натурѣ своей двойственное, двусмысленное, могущее быть такъ и иначе: это пиеагорейская неопредѣленная двоица, діада.... Она выходитъ изъ скрытаго, внутренняго состоянія (?—стр. 69).... Сама она не есть число, и должна быть отличаема отъ опредѣленнаго числа двухъ. Выходя изъ перваго всеобъемлющаго единства, она превращается въ бытіе всенсключающее (?), безграничное (стр. 73).... Понятіе о неотразимой силѣ, условливающей ходъ измѣненія, выражается у пиеагорейцевъ подъ именемъ опредѣляющаго или даже образующаго: *Сущее*, говоритъ Филолай, *есть необходимо либо нѣчто безграничное, либо нѣчто опредѣляющее, либо то и другое вмѣстѣ*. — Здѣсь высказывается противоположность безграничнаго, но опредѣляющаго, какъ противоположность абсолютная (?). Тоже.... говорится въ предполагаемо-архитовомъ фрагментѣ: *необходимо быть двумъ началамъ сущаго: одно служитъ основою, подлежащею сущностию, мѣстомъ осуществленія; другое есть причина того, чему слѣдуетъ быть, осуществиться, выразиться* (стр. 94).... Аристотель свидѣтельствуетъ, что въ пиеагорейской философіи говорилось слѣдующее: *небо едино, но въ него прои-*

кает пустота, разъединяющая его, растворяющая его на многое; вмѣстѣ съ этимъ раздѣленіемъ проникаетъ въ него время; проникаетъ же это раздѣленіе и время изъ безграничнаго, вышшняго духа. Это же самое представляется въ созерцаніи чиселъ: начало раздѣляющее науку чиселъ, проникаетъ въ монаду, внося въ нее пустоту (стр. 95).... Что значить проникающая откуда бы то ни было, куда бы то ни было пустота? Что значить пустота, вдыхаемая небомъ или монадою чиселъ?... Осматриваясь въ системахъ, находимъ это же понятіе раздѣляющей пустоты въ Демокритѣ; пустота характеризуется у него также, какъ не сущее, ничто; она дана вмѣстѣ съ атомами, и раздѣляетъ ихъ.... По всему видно, что тамъ и тутъ имѣемъ мы одно и тоже понятіе (при этомъ пусть вспомнить читатель вышеприведенныя слова Риттера о пноагорейской пустотѣ). И въ категоріяхъ нашего мышленія находимъ нечто подобное. Въ нашемъ естествознаніи мыслится также вмѣстѣ съ атомами это пустое подъ именемъ поръ (стр. 96).... Разберемъ приведенное мѣсто изъ Аристотеля внимательнѣе. Во-первыхъ различимъ два главныя понятія: единство, и раздѣляющее, растворяющее дѣйствіе. Единство представляется и отвлеченно, какъ монада чиселъ въ логическомъ порядкѣ, и подъ видомъ единого неба въ порядкѣ физиологическомъ. Небо есть выраженіе бытія невещественнаго. Но съ представленіемъ этого невещественнаго бытія соединяется представленіе немощи, хаотической безграничности;... и въ этой немощи его таится необходимость измѣненія и перехода; это первый пунктъ движенія впередъ. Въ двойственности' эвпра-хаоса отражается (?) двойство противоположныхъ началъ, изъ которыхъ одно должно стать матеріею, мѣстомъ дѣйствія для другаго. Страдательность одного начала находится въ прямомъ отношеніи къ дѣйственности другаго (101).... Собственно говоря, эпитетъ безграничнаго относится къ этому растворяемому единству; *единое небо* и есть не что иное, какъ этотъ духъ безграничный, т.-е. не имѣющій внутренней самоопредѣляющей силы. Безграничность есть отрицательное, необходимо ему присущее свойство. Но такъ какъ эта отрицательная сторона въ данномъ исключительномъ единствѣ условлена другимъ началомъ, столь же необходимо даннымъ для мысли, или по крайней мѣрѣ служить первымъ пунктомъ для его дѣйствія, первымъ новодомъ для его появленія, то признаки смѣшались между собою, и опредѣляющее начало приняло противоположный себѣ признакъ безпредѣльнаго» (стр. 102). — Это мѣсто можетъ служить образцомъ яснаго, простаго выраженія самыхъ глубокихъ и отвлеченныхъ мыслей!!!!)....

« Пифагорейскій міръ есть не что иное какъ пространство неба съ его неизмѣнными и вѣчными движеніями. Сюда былъ устремленъ умственный взоръ пифагорейцевъ; все прочее примѣшивалось къ ихъ воззрѣнію случайно, болѣе или менѣе подлаживаясь къ ихъ тону. Вращаясь въ этихъ сферахъ, мысль ихъ сама собою принимала математическій характеръ.... (Стр. 115). У пифагорейцевъ срединному огню (или что то же, центральному единству, внутренней гармоніи) противопоставляется огонь периферическій, внѣшній, который съ другой стороны противопоставляется вещественному бытію. Область этого невещественнаго, но внѣшняго огня называется Олимпомъ (стр. 78).... Идея этой *внутренней гармоніи* не есть существенная принадлежность пифагорейской системы.... Заставляя обращаться вокругъ этого центрального огня все небо, планеты, солнце, луну, землю и противоземіе, они забываютъ его, и сами, повинувшись влеченію своей мысли, уносятся въ свою верхнюю область, въ пустынную гармонію ея числъ и движеній.

« Не смотря на таинственное и какое-то великое значеніе центрального единства, оно можно сказать не имѣетъ у нихъ мѣста (?) и хотя верхняя область такъ называемаго ими Олимпа противоположна этому внутреннему бытію, этому дому. Дія, въ ней однако полагаютъ они все божественное.... Верхняя область есть бытіе чистое, свободное отъ стихійныхъ измѣненій и смѣшеній. Еще, какъ бы выше Олимпа, пифагорейцы полагаютъ безграничное огненное начало. Этотъ огонь есть *первый* моментъ въ *физиологической системѣ*, за которымъ непосредственно слѣдуетъ Олимпъ пифагорейскій (*). Этотъ Олимпъ есть не что иное, какъ небесная твердь: маріады непрерывно вращающихся силъ. Къ Олимпу, къ небесной области, въ тѣснѣйшемъ значеніи, примыкаютъ низшія области планеты, солнца, луны, земли и противуземія. Собственно говоря и эти области, существенно не отличаются въ глазахъ пифагорейцевъ отъ вѣчно движущихся силъ небесной тверди. Земля имѣла для нихъ преимущественно звѣздное значеніе. Они отвѣскали отъ *ея значенія стлѣйпаго* (тутъ или опечатка или пропускъ какого-нибудь слова, а иначе выходитъ безсмыслица), или обращали на него гораздо меньшее вниманіе. Бытіе стихійное и собственно физическое, область

(*) Въ какомъ смыслѣ этотъ огонь есть *первый* моментъ? и въ какой физиологической системѣ? Если подъ этимъ послѣднимъ именемъ разумѣть физиологическую систему, раскрытую всеми мыслителями начального періода греческой философіи, въ такомъ случаѣ *первый* моментъ въ этой системѣ, т. е. въ развитіи древнѣйшаго греческаго мышленія будетъ принадлежать уже не пифагорейцамъ, — чего однакожъ авторъ «Очерковъ» не хочетъ допустить.

подлунная, гдѣ дѣйствуютъ производительныя силы, любящія измѣненія, область движенія и жизни, не привлекала къ себѣ ихъ мышленія, вся эта область въ ихъ глазахъ не имѣла никакого интереса для разума» (стр. 115 и 116)....

Мы выписали почти все, что сказано въ «Очеркахъ» о пифагорейской философіи, выписка очень длинна; но пусть никто не говоритъ, что мы скрываемъ мысли г. Каткова, какъ онъ скрываетъ мысли поносимыхъ имъ историковъ философіи, и пусть читатели видятъ, что мы старались облегчить для нихъ трудъ разумнѣя всѣхъ его понятій о пифагорейской школѣ. Между тѣмъ у Риттера взято лишь нѣсколько строкъ и въ числѣ ихъ находятся тѣ самыя, которыя авторъ «Очерковъ» приводитъ въ примѣръ галиматіи. И однакожь риттерово изложеніе пифагорейской философіи уступаетъ ли въ ясности изложенію той же философіи, представленному въ «Очеркахъ», и по крайней мѣрѣ на столько ли уступаетъ, чтобъ авторъ послѣдняго могъ по справедливости назвать первое безсмысленною путаницей? Надѣмся, что добросовѣстный судъ читателей рѣшитъ вопросъ этотъ отрицательно.

По словамъ г. Каткова, Риттеръ представляетъ намъ пифагорейцевъ «какими-то мальчиками школьниками, которые отъ нечего дѣлать, по уходѣ учителя, умничаютъ надъ маленькимъ запасомъ своихъ математическихъ свѣдѣній» (стр. 113). Къ чему опять это остроуміе, которое можетъ нравиться развѣ мальчикамъ школьникамъ, но въ которомъ образованные читатели легко замѣтятъ только одно, ничѣмъ не оправдываемое, презрѣніе г. Каткова къ ученымъ трудамъ почтеннаго Риттера? Вѣрно или невѣрно судить Риттеръ о пифагорейской философіи, это особый вопросъ; но кто прочтетъ всю главу Риттера объ этой философіи и всѣ очерки г. Каткова, тотъ убѣдится, что пифагорейцы во мнѣніи Риттера стоятъ выше, нежели во мнѣніи г. Каткова. По суду Риттера, пифагорейская школа выражаетъ собою второй моментъ въ развитіи древнѣйшаго греческаго мышленія, а авторъ «Очерковъ» находитъ (несправедливо какъ увидимъ ниже) въ ней «самыя отдаленныя начатки философіи».

Возвращаемся къ рецензенту Отеч. Записокъ. Посмотрите, какъ преувеличилъ онъ неосторожныя и рѣзкія выраженія г. Каткова о Риттерѣ и другихъ историкахъ философіи и какъ понялъ сказанное авторомъ «Очерковъ» о школьникахъ.

Рецензентъ прежде всего обвиняетъ новѣйшихъ изслѣдователей въ томъ, что они пополняли отрывочныя изреченія древнихъ мыслителей собственнымъ мышленіемъ, произвольными толкованіями. «Изъ исторіи философіи Гегеля, напр. можно только узнать, что

приходило въ голову этому нѣмецкому философу по поводу того или другаго древняго изреченія, а вовсе не древнѣйшую греческую философію (стр. 7). Говоря строго, всѣ историки вообще и въ частности историки философіи болѣе или менѣе могутъ быть обвиняемы въ произвольномъ толкованіи историческихъ данныхъ. Но по словамъ рецензента выходитъ, что ложныя толкованія изреченій древнихъ фізіологовъ у новѣйшихъ изслѣдователей встрѣчаются въ такомъ множествѣ, что не остается никакой возможности понять истинный смыслъ древнѣйшей греческой философіи: у нихъ, у этихъ изслѣдователей, «вмѣсто смысла выходитъ бессмыслица». — Отъ произвола въ объясненіи древняго ученія до бессмыслицы очень далеко. Слѣды этого произвола мы находимъ у г. Каткова, но ни въ какомъ случаѣ не можемъ сказать, что его изложеніе древнихъ системъ греческой философіи бессмысленно и представляетъ древнихъ философовъ пошлыми дураками. Что касается особенно до Гегеля, то никто еще не говорилъ, что этотъ великій философъ навязываетъ древнимъ мыслителямъ бессмыслицы, напротивъ нерѣдко смыслъ, у него усвояемый прежнимъ философамъ, выше ихъ собственнаго смысла. Справедливо, что Гегеля нельзя поставить въ ряду первыхъ знатоковъ фактическихъ частныхъ исторій философіи. Но въ этой наукѣ и огромная ученость, одна сама по себѣ, еще не дастъ намъ всѣхъ средствъ уразумѣть внутренне значеніе дѣла. Мы собрали большія свѣдѣнія о системѣ философа, хорошо ознакомились со всѣми его мнѣніями, и однакожь легко можетъ быть, что мы еще не понимаемъ существеннаго характера этой системы, духа, ее оживляющаго. Не знаю, извѣстно ли рецензенту, но всѣмъ знакомымъ съ новѣйшею философіею и историко-философскою литературою очень хорошо извѣсто, что Гегель обладалъ необыкновеннымъ историческимъ ясновидѣніемъ, которое свойственно только людямъ гениальнымъ, и по руководству котораго они безъ обширной учености могутъ глубоко проникать въ тайны народной и частной жизни. Не всегда вѣрный и точный повѣствователь частныхъ, Гегель доселѣ остается, сравнительно, лучшимъ судіею тамъ, гдѣ гребутся составить общее понятіе о смыслѣ извѣстной эпохи, о характерѣ какого-нибудь періода въ исторіи философскаго образованія, или объ историческомъ значеніи какого-нибудь мыслителя. И полагаемъ, что самъ г. Катковъ нисколько не постыдится признаться, что онъ много обязанъ Гегелю въ разумнѣи древнѣйшей греческой философіи.

По словамъ рецензента, новѣйшіе изслѣдователи не проникли въ духъ перваго періода греческой философіи, и въ изреченія

древнѣйшихъ мыслителей влагаютъ современныя намъ понятія. «Отсюда вода Фалеса, огонь Гераклита и прочія стихіи, упоминаемыя древними философами, для новѣйшихъ изслѣдователей не имѣютъ другаго значенія, кромѣ того матеріальнаго, какое и до сихъ поръ связано съ этими реченіями» (стр. 7). Вспомните, читатели, что г. Катковъ сказалъ это о мальчикахъ школьникахъ, а его рецензентъ говоритъ тоже самое о всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователяхъ исторіи философіи, и какъ еще говоритъ! Можно ли такъ смѣло, съ такою рѣшительностію и самоувѣренностію выдавать явную ложь за положительную истину, и притомъ въ дѣлѣ науки? О, журналисты! о рецензенты! Когда же наконецъ вы будете уважать публику, науку и самихъ себя? Бесъма хорошо было бы, если бы нѣсколько человѣкъ образованныхъ и добросовѣстныхъ, приняли на себя трудъ отмѣчать и обличать всякую ложь, которая встрѣчается въ нашихъ журналахъ и касается болѣе или менѣе важныхъ предметовъ науки или жизни. Не можемъ не привести по этому случаю замѣчательныхъ словъ Веруламскаго Бэкона строгаго и правдиваго обличителя лжи въ области знанія. «Гнуснѣйшее зло въ наукѣ, говоритъ онъ,—это ложь и обманъ: оно заражаетъ самую природу, душу знанія, которое есть не что иное, какъ образъ истины.... Зло это является въ двухъ видахъ—въ обманѣ и въ легковѣрїи.... Первый происходитъ отъ хитрости, послѣднее—отъ излишней простоты.... но результатъ обоихъ одинъ и тотъ же.... ибо кто легко вѣритъ тотъ охотно и обманывается (De augmentis scientiarum L. I).

Рецензентъ ничего не можетъ сказать въ подтвержденіе своихъ словъ, потому что ни одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей перваго періода греческой философіи никогда и не думалъ доказывать, что вода Фалеса, воздухъ Анаксимена и огонь Гераклита должны быть принимаемы за вещественныя, физическія стихіи, въ томъ матеріальномъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ понимаемъ. Выписываемъ изъ новѣйшихъ историковъ философіи нѣсколько строкъ, положительно опровергающихъ мнѣніе рецензента Отеч. Записокъ.

Зигвартъ, одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей исторіи философіи, говоритъ о Фалесѣ, что его вода отнюдь не есть что-либо неорганическое, но нѣчто, владѣющее органическими силами рожденія, развитія и питанія» (Geschichte der Philosophie. Von Dr. H. C. Sigwart. 1844 г. Stuttgart und Tubingen B. I. S. 47). Анаксимену онъ усвоетъ ту спекулятивную мысль, что начало всего сущаго есть начало само въ себѣ безконечное, нечувственное и невидимое» (ibid. S. 48—въ текстѣ и въ примѣчаніи). У того же

ученаго писателя мы читаемъ о Гераклитѣ слѣдующее: «Огонь есть начало самодвижимое и вседвижушее. Съ понятіемъ самодвиженія Гераклитъ соединяетъ *предикатъ жизни* вообще и въ особенности *жизни духовной, сознательной* (ibid. S. 50). О всѣхъ философахъ до Анаксагора онъ говоритъ, что у нихъ первое начало представляетъ въ себѣ *единство силы и матеріи*, — силы, чрезъ которую, и матеріи изъ которой все произошло (ibid S. 54).

Риттеръ находитъ, что міръ по ученію Фалеса, есть существо живое: «на все, кажущееся мертвымъ, Фалесъ смотрѣлъ какъ на живое и одушевленное: у него магнитъ и камень имѣють душу, и весь міръ исполненъ живыхъ силъ и демоновъ» (Гл. 1. S. 208. 209). Успѣхъ философскаго мышленія въ ученіи Анаксимена Риттеръ полагаетъ между прочимъ въ томъ, что Анаксименъ сравниваетъ начало міра не съ сѣменемъ жизни органической, но съ высшимъ родомъ жизни, съ жизнью нашей души: въ основѣ такого міросозерцанія лежало темное представленіе противоположности между чистою идеею начальнаго существа, безконечнаго и безграничнаго, и между понятіемъ о его состояніяхъ, или происшедшихъ изъ него водахъ, которыя конечны (ibid. S. 214. см. S. 213. 215). Раскрывая ученіе Гераклита, Риттеръ утверждаетъ, что въ глазахъ этого мыслителя «нѣтъ никакого различія между огнемъ и живою силою или душою» и что «въ его сознаниі съ непобѣдимою силою выступало понятіе о существѣ неограниченномъ, совершенномъ и живомъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ этотъ историкъ философіи приводитъ два древнія свидѣтельства: въ одномъ изъ нихъ (изъ Аристотеля) огонь Гераклита называется *бестѣлеснымъ*, и *душою*, а въ другомъ (у Климентя Александрійскаго) сказано, что онъ «былъ, есть и будетъ огонь вѣчно живой» (ibid. S. 241. 242). Вообще у Риттера легко найти множество мѣстъ, гдѣ онъ прямо и положительно говоритъ, что древніе фізіологи, называя первоначальную сущность водою, огнемъ, воздухомъ, усвоили этимъ именамъ отнюдь не тотъ смыслъ, въ какомъ мы ихъ употребляемъ, созерцали въ нихъ вовсе не то, чтò непосредственно представляется нашимъ чувствамъ въ вещественной формѣ этихъ элементовъ (ibid. S. 224 et sequ).

Что касается до понятій Гегеля о стихіяхъ древнихъ фізіологовъ, то достаточно сказать, что, по его словамъ, вода Фалеса есть *не чувственная вода*, въ ея отдѣльности отъ другихъ физическихъ элементовъ и вещей, но «вода *спекулативная, внутреннее бытіе, внутренняя реальность*», и «*всеобщее существованіе*» природы (Vorlesungen über die Geschichte der Philosoph. Berlin. 1833 г. В. I. S. 201 et sequ).

Но довольно и этих свидѣтельств для оправданія нашихъ словъ: люди, знающіе дѣло, о которомъ мы говоримъ, могутъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы стараемся доказать истину, давно имъ известную. Если же иногда новѣйшіе изслѣдователи говорятъ о *матеріализмѣ* школы іонійской, то они же сами объясняютъ, что этотъ матеріализмъ былъ особаго рода и никакъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ материалистическимъ ученіемъ позднѣйшихъ временъ. Древнѣйшіе греческіе мыслители занимались изслѣдованіемъ перваго начала, первой причины всего сущаго; но подъ общимъ именемъ причины они соединяли всѣ тѣ понятія, которыя впослѣдствіи различилъ Аристотель со всею наукообразною точностію. Для нихъ слово: причина — означало и матерію, и дѣйствующее начало, и причину формальную, и цѣль: они не умѣли различить духа отъ природы, — и вещественное бытіе, и сила, имъ двигающая и правящая, у нихъ сливались въ одномъ смутномъ представленіи мировой сущности. Такъ именно опредѣляютъ основной характеръ міросозерцанія древнѣйшихъ физиологовъ греческихъ всѣ новые историки философіи;—и въ этомъ заключается самая простая и весьма уважительная причина, почему никто изъ нихъ не придаетъ стихіямъ этихъ физиологовъ матеріальнаго современнаго значенія.

И такъ надобно допустить одно изъ двухъ: или рецензентъ Отеч. Записокъ нисколько не знакомъ съ изслѣдованіями новѣйшихъ ученыхъ о первомъ періодѣ греческой философіи, или возводитъ на нихъ небывлицы, намѣренно унижаетъ ихъ труды, извращаетъ ихъ мысли, чувствуя въ душѣ всю свою неправоту. Мы соглашаемся скорѣе на первое, чѣмъ на послѣднее предположеніе.

Объясняя, «какимъ путемъ г. Катковъ пришелъ къ истинному пониманію древней греческой философіи, отъ котораго такъ далеки были всѣ предшествовавшіе ему изслѣдователи», рецензентъ говоритъ: «основное его (т. — е. г. Каткова) положеніе состоитъ въ томъ, что исторія философіи, какъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ, не смотря на все разнообразіе системъ, представляетъ существенное единство мышленія» (стр. 8). По неопредѣленности выраженій рецензента, и по господствующему въ его словахъ стремленію возвысить заслуги г. Каткова, читатель легко можетъ подумать, что это положеніе принадлежитъ собственно автору «Очерковъ», и никому другому, что оно есть оригинальный плодъ его мышленія и историко-философскихъ изслѣдованій. На самомъ дѣлѣ, какъ известно и многимъ школьникамъ, это положеніе

давнымъ—давно уже высказано въ наукѣ и раскрыто въ многообразныхъ примѣненіяхъ къ исторіи философіи. Что г. Катковъ усвоилъ его себѣ и приложилъ къ движенію древнѣйшаго греческаго мышленія, это справедливо, но не заслуживаетъ никакой особенной похвалы. Однакожъ рецензентъ опять ведетъ рѣчь свою къ тому, чтобъ превознести г. Каткова, унижая всѣхъ другихъ изслѣдователей, занимавшихся изученіемъ начальнаго періода греческой философіи. Они, по словамъ рецензента, «не опредѣлили точно предмета и содержанія древнѣйшей философіи, не поняли, что она была философіею природы, и поэтому ходили какбы оцупью и во тмѣ» (стр. 7). А г. Катковъ «несомнѣнно показалъ, что одно общее ученіе о процессѣ природы, одна основная система развивается всѣми древнѣйшими мыслителями».—Безспорно, велика была бы заслуга г. Каткова, и мы первые стали бы радоваться, что нашъ соотечественникъ и молодой ученый открылъ глаза иностраннымъ историкамъ философіи, еслибы (conditio, sine qua non) слова рецензента были справедливы. Но, при настоящемъ разумнѣи дѣла, должно удержаться отъ восторга; — и, что еще неприятнѣе, мы находимъ въ себѣ чувство, совершенно противоположное восторгу, чувство сожалѣнія о томъ, что у насъ такъ мало людей, хорошо знакомыхъ съ исторіею философіи и съ новѣйшею историко-философскою литературою, что у насъ еще могутъ въ серьезныхъ журналахъ появляться отзывы объ этой литературѣ, подобные тому, о которомъ говоримъ.

Авторъ «Очерковъ» дѣйствительно доказываетъ, что во-первыхъ всѣ частныя системы древнихъ греческихъ мыслителей образуютъ одну систему, и что во-вторыхъ эта система, по существенному характеру своему, есть система физиологическая. Но, по нашему мнѣнію, самъ г. Катковъ вовсе не думаетъ, что онъ открылъ новый истинный смыслъ ученія древнихъ физиологовъ, прежде неизвѣстный историкамъ философіи. Онъ же говоритъ, что еще древніе писатели обозначали характеръ перваго періода греческой философіи однимъ общимъ именемъ физиологическаго періода. Аристотель прямо называетъ физиологами всѣхъ мыслителей того времени. Согласно съ симъ и новые историки философіи смотрятъ на древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, какъ на дѣятелей одного періода, выражавшихъ въ себѣ одинъ и тотъ же существенный характеръ. Такъ еще Теннманъ признавалъ неотрицаемымъ фактомъ, что пифагорейцы, вмѣстѣ съ другими философами этого періода, занимались изслѣдованіями о природѣ, строили свою систему космологіи и что, по самому характеру мышленія того времени, нельзя было и ожидать отъ нихъ, ничего другаго (*Geschichte der Philos.* v. Tenneman. Leipzig

1798 г. В. I. S. 117). Точно также Риттеръ говоритъ, что « созерцаніе предметнаго преобладало во всѣхъ системахъ этого періода, что « это было совершенно сообразно съ законнымъ ходомъ разумнаго развитія, » и что по сему то въ философахъ древнѣйшихъ греческихъ школъ мы встрѣчаемъ только весьма не многія и притомъ отрывочныя замѣчанія о познаніи и наукообразномъ мышленіи (Т. II. S. 194).

По опредѣляя общій духъ начального періода греческой философіи согласно съ поименованными и другими новѣйшими историками философіи, г. Катковъ расходится со многими изъ нихъ въ понятіяхъ о видовыхъ характеристическихъ различіяхъ школъ и о частномъ направленіи отдѣльныхъ мыслителей этого періода. Многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей различаютъ древнія школы греческаго мышленія слѣдующими чертами.

Школа іонійская занималась собственно и исключительно изслѣдованіемъ фізіологическаго или космологическаго процесса природы. Школа пифагорейская подчиняетъ эти изслѣдованія частію опредѣленіямъ математическимъ, а частію нравственному міросозерцанію и въ свою космологію вводитъ идею о всеобщей гармоніи, о законосообразномъ устроеніи и развитіи міра. Въ мышленіи элеатовъ философія стремится возвыситься надъ прежними опредѣленіями бытія и объять начало сущаго въ формѣ чистой мысли, — открывається противоположность между чувственнымъ наблюденіемъ и высшимъ созерцаніемъ разума, между множествомъ конечныхъ явленій и единствомъ безконечнаго ихъ начала. Отсюда въ школъ элеатской находятъ первые, скудные опыты логическихъ и діалектическихъ изслѣдованій, первые начатки идеалистической метафизики. Такъ опредѣляютъ характеристическія особенности древнѣйшихъ школъ Греціи Теннеманъ, Астъ Рикснеръ, Браунсъ, Гегель, Германъ и въ особенности Зигвартъ, Риттеръ, Шлейермахеръ и Брандись.

Изъ всего содержанія «Очерковъ» ясно видно, что г. Катковъ рѣшительно не согласенъ съ этими понятіями большей части историковъ философіи о древнѣйшихъ греческихъ школахъ. Всѣхъ мыслителей, отъ Оаллесса до Анаксагора включительно, онъ называетъ фізіологами въ строгомъ смыслѣ. «(Объятые сами фізическимъ процессомъ, они, по его словамъ, пробудились къ мышленію, заключенному въ его предѣлахъ» и «каждая изъ главныхъ фізіологическихъ системъ древней философіи соответствуетъ какой либо изъ послѣдовательныхъ фазъ фізіологическаго процесса» (стр. 67. 68). Спрашивается: это воззрѣніе на мыслителей начального періода греческой философіи принадлежитъ ли собственно г. Каткову? Онъ ли первый

высказалъ его, вопреки мнѣнію, *съ стороны* новѣйшихъ изслѣдователей этого періода? Впрочемъ, истина заставляетъ насъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Еще въ 1844-мъ году, въ Тюбингенѣ, вышла книга подъ заглавіемъ: «Философія Грековъ» (Die Philosophie der Griechen)—въ которой сочинитель Эдуардъ Целлеръ, раскрывъ тѣже самыя понятія о значеніи фізіологическаго процесса въ досократической философіи, какихъ держится и г. Катковъ,—и раскрывъ, надобно сказать правду, короче, но яснѣе и съ болѣею основательностію, нежели какъ это мы видимъ у автора «Очерковъ». Мы полагаемъ, что г. Катковъ долженъ былъ указать на трудъ Целлера, потому что въ глазахъ людей, знающихъ дѣло, говоря пословицею, «шила въ мѣшкѣ не утаишь», да и не для чего таить, а незнающіе, безъ этого указанія могутъ ошибочно принять взглядъ автора «Очерковъ» за новый, прежде неизвѣстный въ историко-философской литературѣ,—какъ это и случилось съ рецензентомъ Отеч. Записокъ. Г. Катковъ долженъ былъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что онъ же съ презрѣніемъ говорилъ о различныхъ исторіяхъ философіи и о какихъ-то ясныхъ «обыкновенныхъ толкахъ», будто бы взятыхъ изъ этихъ исторій.

Но во всякомъ случаѣ воззрѣніе Целлера и г. Каткова на древнія греческія школы далеко не можетъ быть названо общепринятымъ. Съ нимъ не согласны всѣ выше перечисленные нами изслѣдователи исторіи философіи. Поэтому надобно было ожидать, что г. Катковъ постарается показать ихъ ошибки, ятобъ чрезъ это самое яснѣе представить дѣло, и новыми доказательствами оправдать собственный взглядъ на него. Но, къ удивленію нашему, мы ничего подобнаго (сюда не относятся неумѣстныя насмѣшки надъ Риттеромъ и школьниками) не находимъ въ «Очеркахъ». Можетъ статься, что г. Катковъ, при положительномъ, фактическомъ раскрытіи дѣла, считалъ ненужнымъ опровергать мнѣнія о немъ другихъ изслѣдователей, но онъ опровергалъ же мнѣнія школьниковъ: развѣ это нужнѣе и полезнѣе для науки? Догматическое рѣшеніе разсматриваемаго вопроса, при существованіи въ немъ спорныхъ пунктовъ, не можетъ привести насъ къ наукообразному его пониманію. Противная автору сторона не призвана на судъ; произволь изслѣдователя не далъ ей права имѣть голосъ,—отъ чего и самое дѣло не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда большинство голосовъ говоритъ въ пользу противнаго мнѣнія. Поэтому между прочимъ мы сказали, что Целлеръ представилъ досократическій періодъ греческой философіи съ болѣею ясностію и основательностію, чѣмъ г. Катковъ: уважая мнѣнія другихъ историковъ

философии объ этомъ періодѣ, Целлеръ старался показать, въ чемъ они погрѣшаютъ, и что надобно принять отъ нихъ, какъ справедливое и важное для объясненія дѣла.

Приводимъ собственныя слова г. Каткова, которыми онъ силится обозначить отличительныя особенности трехъ главныхъ направленій древнѣйшаго греческаго мышленія.

«При изложеніи общей системы (т. е. системы, раскрывшейся въ отдѣльныхъ ученіяхъ физиологовъ), мы видѣли, говоритъ г. Катковъ, что представленіе безграничнаго бытія, духа, полагаемаго (къмъ?) въ основу космоса, *непосредственно вело* (*) къ представленію безчисленнаго множества силъ, наполняющихъ небо, и преданныхъ, вѣчному бѣгу и движенію. Философское мышленіе пифагорейцевъ поглощено созерцаніемъ этого астральнаго бѣга (стр. 118). Непрерывныя и неизмѣнныя движенія небесныхъ сферъ были *исключительнымъ*(?) предметомъ пифагорейской мудрости «(стр. 117).

«Въ мышленіи іонійскихъ философовъ господствуетъ представленіе стихійныхъ переходовъ космической субстанціи. Въ пифагорейскомъ мышленіи основное бытіе вращается въ *пустотъ безграничности*(?), въ міриадахъ астральныхъ силъ (гдѣ вращаются міриады силъ, тамъ уже нѣтъ пустоты безграничности); въ мышленіи іонійцевъ совершается матеріализація космической субстанціи (а у пифагорейцевъ этого нѣтъ? развѣ пифагорейскій Олимпъ, къ которому, по словамъ г. Каткова, примыкають высшія области планетъ, солнца, луны и земли, не есть матеріализація безграничнаго бытія пифагорейцевъ?): она переходитъ изъ одной стихіи въ другую. Созерцаніе этихъ переходовъ преимущественно занимаетъ ихъ умы» (стр. 119).

«Господствующая мысль школы элеатовъ есть отрицаніе движенія, множественности, природы (происхожденія). Въ этомъ отрицаніи состоитъ вся особенность элеатской школы (стр. 131). Мышленіе элеатское есть какъ бы реакція и возстановленіе той первоначальной сущности, которая поколебалась въ умозрѣніи милетскихъ физиологовъ, и была вынуждена подчиниться дѣйствию начала противоположнаго. Въ элеатахъ, мысль энергически и упорно возвращается къ созерцанію того однороднаго бытія, которое, по смыслу

(*) Какъ будто представленіе безграничнаго бытія существовало гдѣ-то прежде, чѣмъ оно привело пифагорейцевъ къ понятіямъ, имъ раскрытымъ. Это представленіе лежитъ въ основѣ пифагорейской системы; и такъ какъ г. Катковъ поставилъ на первомъ мѣстѣ въ исторіи древнихъ школъ греческихъ, школу пифагорейскую, то и долженъ былъ объяснить, откуда въ ней возникло это представленіе, а не смѣяться на общую систему, имъ самимъ составленную.

общей системы, быт в ней первым терминомъ. Всякая возможность иного бытія тщательно устраняется. Такое направленіе мышленія естественно способствовало развитію діалектики, которая, по свидѣтельству Аристотеля, впервые возникла въ элеатской школѣ, (стр. 132. 133).

Доселѣ историки философій обыкновенно полагали и полагаютъ, что развитіе философій греческой идетъ отъ Фалеса, или вообще отъ школы іонійской и что пифагорейцы выражаютъ собою второй моментъ, а элеаты третій моментъ въ ходѣ этого развитія. Но, по мнѣнію г. Каткова, первое мѣсто занимаютъ пифагорейцы, а за ними уже слѣдуютъ мыслители іонійскіе и элеатскіе.

Какія же доказательства представляетъ авторъ «Очерковъ» въ защиту этого мнѣнія? Оно не можетъ найти себѣ подтвержденія въ хронологическихъ данныхъ, по самой ихъ неопредѣленности; а по словамъ г. Каткова, и «вовсе невозможно и недолжно основываться на этихъ данныхъ, при изученіи внутренней исторіи системъ (стр. 109)». Что «Пифагоръ, и его непосредственные ученики ничего не писали», и что «всѣ преданія объ нихъ носятъ характеръ таинственный, полумифическій» (стр. 109.)—это обстоятельство, принимаемое г. Катковымъ за «самый главный признакъ отдаленнѣйшей древности пифагорейской школы» въ сущности ровно ничего не доказываетъ. Сократъ также ничего не писалъ; жизнь и личный характеръ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ дѣятелей въ исторіи образованія также закрыты множествомъ мифовъ. Большая часть мифическихъ разказовъ о Пифагорѣ и его школѣ вымышлена учителями школы Александрійской (единственные биографы пифагора— Порфирій и Ямблихъ), которые для своихъ цѣлей старались всякому древнему ученію и древнему лицу придать характеръ бѣльшей древности.

Вообще существенные признаки, на основаніи которыхъ слѣдуетъ опредѣлять внутреннее послѣдованіе системъ, весьма близкихъ одна къ другой по времени ихъ происхожденія, должны быть взяты изъ внутренняго ихъ характера, изъ свойствъ ихъ философскаго міросозерцанія. Авторъ «Очерковъ» дѣйствительно указываетъ на «неподвижность», на «чисто традиціональный характеръ» пифагорейскаго ученія» на «отсутствіе въ немъ того начала автономіи, которое только и даетъ философскому содержанію философскій видъ силу и значеніе» (стр. 108).

Не понимаемъ, въ чемъ поставляетъ г. Катковъ неподвижность пифагорейскаго ученія, когда онъ же самъ различаетъ въ немъ два направленія, тѣсно однакожь связанныя между собою, — древнѣйшее и позднѣе образовавшееся (стр. 64 и 109), — когда, по

общему голосу всѣхъ историковъ философіи, главная трудность при опредѣленіи истиннаго смысла пифагорейской системы, происходить именно отъ того, что съ теченіемъ времени она испытала значительныя измѣненія.

Ученіе пифагорейцевъ содержитъ въ себѣ немало древнѣйшихъ преданій; это правда. Но тоже надобно сказать и о всѣхъ мыслителяхъ этого періода: всѣ они не мало пользовались древнѣйшими представленіями космогоническими и теогоническими. Иначе и быть не могло. Кто изъ этихъ мыслителей болѣе, и кто менѣе заимствовалъ изъ преданія, и что именно бралъ изъ него,—это опредѣлялось не столько хронологическими ихъ отношеніями, сколько особымъ характеромъ и направлениемъ каждаго мыслителя. И позднѣйшій мыслитель могъ стоять къ преданію ближе, своихъ предшественниковъ. Но всегда должно различать тотъ видъ представленія, какой оно приняло въ философской системѣ отъ его вида въ народныхъ преданіяхъ. Не матеріалъ мысли,—откуда бы онъ ни былъ взятъ,—но особый видъ, способъ его представленія и раскрытія долженъ указывать намъ на относительное положеніе этой мысли въ исторіи философскаго развитія.

Авторъ «Очерковъ» замѣчаетъ въ пифагорейскомъ ученіи отсутствіе «автономіи», мышленія. Это рѣшительно несправедливо, и несообразно съ истиннымъ характеромъ и значеніемъ пифагорейской школы. Въ другомъ мѣстѣ самъ же г. Катковъ называетъ пифагорейцевъ «самодѣтельными мыслителями» (стр. 119). При дѣйствительномъ отсутствіи этой автономіи въ ученіи Пифагора, почему бы вся древность греческая стала провозглашать его возвышеннѣйшимъ и величайшимъ мудрецомъ? почему бы всѣ новѣйшіе изслѣдователи этой древности рѣшились считать его въ ряду первыхъ мыслителей греческихъ? Тогда о Пифагорѣ и его школѣ не следовало бы и говорить въ исторіи философіи, по крайней мѣрѣ съ такою подробностію, съ какою это обыкновенно дѣлается, потому что безъ этой автономіи никакое сочетаніе представленій не можетъ быть названо философскимъ.

Наконецъ это созерцаніе «астральнаго міра», которое поставляется у г. Каткова характеристическою особенностію пифагорейцевъ, не можетъ ли оно доказывать, что школа пифагорейская въ исторіи развитія древняго мышленія должна быть помѣщена прежде школы іонійской? Думаемъ, что противоположный выводъ скорѣе можетъ быть оправданъ указанною особенностію пифагорейскаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ что выше—пифагорейское ли созерцаніе области неизмѣннаго, вѣчнаго, невещественнаго, божественнаго бытія

области, въ которой царствуетъ вѣчно движущаяся душа, владычествующій всѣмъ разумъ или іонійское представленіе стихійныхъ переходовъ міровой сущности, строго-физиологическое объясненіе всѣхъ ея перемѣнъ въ міръ и происхожденія вещей? По естественному ходу развитія человеческого разума, что прежде могло и должно было быть предметомъ его мысли пифагорейскій ли Олимпъ «съ пустынною гармоніею его чиселъ и движеній вѣчныхъ» (стр. 116), съ математическими началами и опредѣленіями чистаго бытія или міръ бытія низшаго, физическаго съ его физическими силами, съ его преходящими явленіями? Изъ приведеннаго у г. Каткова (стр. 117, 118) Филолаева отрывка, изъ котораго мы взяли черты высшей области, умозерцаемой пифагорейцами, по нашему мнѣнію, легко можно видѣть, что пифагорейцы говорили объ области стихійныхъ измѣненій и смѣшеній, какъ о чемъ-то такомъ надъ чѣмъ они значительно возвысились въ своей мысли, что уже не интересуется, не увлекается за собою ихъ разума, и что они считаютъ даже какъ бы недостойнымъ своего мышленія. Мудрость, къ которой долженъ стремиться философъ, они полагаютъ уже въ созерцаніи высшей области. Мудрость, по словамъ Филолая, (они приведены у г. Каткова, который такимъ образомъ самъ даетъ намъ оружіе противъ него), мудрость относится только къ верхней области, а въ той области, гдѣ рождаются и происходятъ вещи, можетъ возникнуть только доблесть. Черезъ это направленіе мыслей пифагорейцевъ приближалась къ той сферѣ метафизическаго умозрѣнія, въ которой вращаются мышленіе школы элеатской.

По не предметъ мышленія особенно отличаетъ пифагорейцевъ отъ другихъ древнихъ мыслителей. Историческое значеніе пифагорейской школы было бы очень невелико, еслибъ оно состояло единственно въ томъ какъ думаетъ г. Катковъ, что пифагорейцы занимались созерцаніемъ неизмѣнныхъ движеній звѣзднаго міра. Не то особенно важно, что они разсматривали *этотъ* міръ, а то, какъ они разсматривали его. У г. Каткова же приводится (стр. 110) мѣсто изъ Аристотеля, ясно и рѣшительно опредѣляющее этотъ послѣдній пунктъ. «Пифагорейцы, говоритъ Аристотель, были особенно преданы математическимъ понятіямъ, и первые (нельзя ли и отсюда заключить, что *прежде* пифагорейцевъ были мыслители, которые не занимались математически опредѣленіями?) дали имъ ходъ; вращаясь въ этихъ понятіяхъ, они признавали математическія начала за начала всего сущаго». Есть еще у Аристотеля другое мѣсто, гдѣ онъ усволяетъ пифагорейцамъ ученіе о числахъ, какъ первообразахъ вещей (Met. 1. 6). Въ томъ же смыслѣ Филолай

представляет числа высшими законами и руководственными всеобщими правилами (у Бека Philolaos Frag. 18. S. 140). Через соглашение сих мѣстъ, изъ которыхъ два послѣднія повидному противорѣчатъ первому, можно опредѣлить смыслъ пифагорейскаго ученія о числахъ такимъ образомъ. — Число есть начало, сущность вещи: оно не существуетъ отдѣльно отъ сей послѣдней (Arist. Met. 1, 6. 14. 3), однакожь и не тождественно съ нею. Число относится къ вещи, какъ нѣчто общее и высшее къ частному и низшему, какъ законъ къ дѣйствіямъ, отъ него опредѣляемымъ и изъ него истекающимъ, какъ сила къ явленію и существо къ его обнаруженію. По всемъ этимъ отношеніямъ пифагорейцы могли считать свои числа не только началами, но и первообразами вещей, а самыя вещи копіями, изображеніями, видами осуществленія этихъ первообразовъ. Отсюда прямо слѣдуетъ прежде всего, что теорія чиселъ составляетъ основной пунктъ, и математическое міросозерцаніе служитъ отличительною чертою пифагорейской системы. Прилагая это міросозерцаніе къ различнымъ предметамъ, пифагорейцы естественно могли придти къ нѣкоторымъ арифметическимъ и геометрическимъ опредѣленіямъ (хотя никто не говоритъ, что въ то время была Арифметика и Геометрія, какъ особыя науки), къ понятіямъ объ отношеніи различныхъ тоновъ музыки и къ созерцанію астрономическому, которое по словамъ самого автора «Очерковъ», «въ сущности совпадаетъ съ созерцаніемъ математическимъ» (стр. 110).

Но кромѣ математическаго значенія и изъ него выходящихъ многообразныхъ примѣненій, пифагорейская теорія чиселъ имѣла еще другое, болѣе возвышенное значеніе. Число, какъ начало бытія вещей, есть *гармонія* всего *сущаго* (Arist. Met. 1, 5. У Бека Philol. Fr. 18). Безъ понятія о гармоніи пифагорейцы не могли представить себѣ возможности происхожденія міра, не могли идти въ своей космологіи дагѣе начальнаго представленія противоположности между безграничнымъ и началомъ опредѣляющимъ. Филолай (Frag. 4) говоритъ: «поелику начала вещей не подобны одно другому и не однородны, то изъ нихъ не могъ бы возникнуть стройный порядокъ бытія, еслибъ не было гармоніи.... Они необходимо должны быть связаны чрезъ гармонію, если только изъ нихъ надлежало произойти міру (космосу). И такъ какъ пифагорейцы, по выраженію Аристотеля (Met. 1, 5), открывали много сходнаго между числами и вещами, то гармонію чиселъ и ихъ отношеній они перенесли и на отношенія дѣйствительныхъ вещей, и весь міръ созерцали, какъ нѣчто стройно организованное, состоящее изъ противоположностей гармонически соединенныхъ. По свидѣтельству древ-

нихъ писателей, самое слово: *космосъ*, въ смыслѣ стройной цѣлости всего сущаго, впервые было употреблено Пифагоромъ (*). Но этому мы никакъ не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Катковымъ, что «идея внутренней гармоніи не есть существенная принадлежность пифагорейской системы, а лишь случайно примѣшалась къ ней изъ мышления совсѣмъ иного порядка» что «она не имѣетъ никакихъ послѣдствій въ самой этой системѣ», и что, «принимая эту идею, пифагорейцы не знаютъ куда ее дѣть» (стр. 115). Дѣло не въ томъ, откуда заимствована эта идея, а главнымъ образомъ въ томъ кто первый сталъ развивать ее философически.

Наконецъ числамъ, какъ уже сказано, пифагорейцы придавали значеніе первообразовъ вещей. Идеальный міръ чиселъ есть для нихъ прототипъ міра вещественнаго. Такое понятіе о природѣ чиселъ само собою показываетъ, что въ мышленіи пифагорейцевъ стало замѣтно выступать различіе между идеєю вещи и самою вещію, между мыслимымъ міромъ понятій и дѣйствительнымъ міромъ предметовъ. Это долженъ былъ признать и авторъ «Очерковъ». Онъ говоритъ, что «понятіе логическаго космоса было въ первые съ нѣкоторою опредѣленностію высказано» въ пифагорейской школѣ.... Что на языкъ пифагорейцевъ *числа* значатъ то же самое, что на языкъ Платона и на нашемъ значатъ *идеи, понятія* (стр. 62), что «логическій космосъ имѣлъ уже отвлеченную самостоятельность.... въ пифагорейскомъ мышленіи», и выразился въ немъ опредѣленнѣе, нежели въ мышленіи Гераклита (стр. 65). Этими словами авторъ «Очерковъ» прямо опровергаетъ собственное понятіе о пифагорейской школѣ, какъ о самой древнѣйшей школѣ греческой.

И такъ мы имѣемъ полное право сказать, что г. Катковъ, не выразумѣвъ истиннаго характера и значенія пифагорейской системы въ исторіи древней греческой философіи. А его желаніе поставить пифагорейцевъ на первомъ мѣстѣ во внутреннемъ послѣдованіи системъ, намъ представляется необъяснимою странностію. Никакимъ образомъ нельзя доказать, рѣшительно несообразно съ законами естественнаго развитія челоуѣческаго сознанія предположить, что впервые пробудившаяся къ философствованію мысль Грека предалась математическому шросозерцаію, и могла вдругъ возвыситься до понятія о логическомъ космосѣ.

(*) Напр. у Плутарха въ *Deeet. phys.* 11 с. 1 читаемъ: *Ποτανοζαζ πλωτοζ ονομαζε την τωνολων περιοχην κοσμον οκταεν αετα ταξετω*

Точно также мы не можем согласиться съ понятіемъ г Каткова о смыслѣ и историческомъ значеніи системы элеатской. Въ этой системѣ авторъ «Очерковъ» видитъ возвратъ мысли къ созерцанію первоначальной міровой сущности, въ которой все пребываетъ въ хаотическомъ смѣшеніи, и ничто не можетъ раскрыться во внѣ (стр. 135). Но какимъ образомъ философствующій разумъ уже послѣ того, какъ его сознанію содѣлались доступны всѣ стихійные переходы бытія въ ихъ физической и логической необходимости, и открылись нѣкоторыя стороны міра логическаго, могъ опять, и притомъ съ энтузіазмомъ, обратиться къ смутному представленію орфиковъ о космическомъ яйцѣ? Г. Катковъ всячески старается показать успѣхъ философскаго мышленія въ этомъ возвращеніи элеатовъ къ древнѣйшему міросозерцанію. «Элеатское созерцаніе говоритъ онъ, не было тѣмъ непосредственнымъ созерцаніемъ, какое мы открываемъ въ древне-пифагорейской школѣ» (стр. 134). Эти слова не могутъ имѣть ни значенія, ни мѣста тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о развитіи философскаго мышленія: ни элеатское, ни пифагорейское созерцаніе не было созерцаніемъ *непосредственнымъ*, въ противномъ случаѣ оно не была бы *философскимъ*. Что въ школѣ элеатовъ возникла діалектика, это справедливо и дѣйствительно доказываетъ, что ихъ мысль выше мысли іонійцевъ и пифагорейцевъ; но не въ діалектикѣ заключается все значеніе элеатовъ: она есть только дальнѣйшій выводъ главнаго начала ихъ философіи.

Выше мы сказали, что школа пифагорейская, увлеченная математическимъ міросозерцаніемъ, приближалась своею мыслию къ высшей области бытія чистаго, свободнаго и вѣчно неизмѣннаго. Въ эту самую область метафизическаго умозрѣнія вступило и въ ней заключалось мышленіе элеатовъ. Они открыли для себя новый путь къ познанію едиаго начала всего сущаго, путь, который по выраженію Парменида, очень далекъ отъ обычной дороги людей и есть единственный путь, приводящій къ истинной мудрости. Это Единое по словамъ Ксенофонта, есть Божество, всюду присущее. не имѣющее ни начала, ни средины, ни конца, вѣчное, неизмѣнное, которое ни видомъ, ни мыслию смертнымъ не подобно; владычествуетъ надъ всеми другими богами и людьми, все видитъ и слышитъ и само въ себѣ есть мысль и высочайшій Разумъ. Парменидъ не именуетъ Едиаго Божествомъ, но усвоетъ ему тѣ же самыя предикаты. Единое Парменида есть бытіе чистое, нерожденное, неподвижное, о которомъ нельзя сказать, что оно *было*, или *будетъ*: оно всегда существуетъ со всюю совокупностію своихъ признаковъ. Оно есть мысль,—и мысль тождественна съ тѣмъ, о чемъ есть

мысль: въ мысли Парменидъ созерцаетъ всю полноту бытія. Какъ единое начало, въ себѣ обнимающее цѣлость бытія и мысли, всегда себѣ равное, неподвижно пребывающее въ своихъ предѣлахъ, оно уподобляется кругу или шару.

По всѣмъ этимъ опредѣленіямъ высшаго начала бытія и знанія видно, что мышленіе школы элеатской очень далеко ушло отъ тѣхъ физиологическихъ представлений, которыми характеризовалось это начало въ понятіяхъ Іонійцевъ. Въ сознаніи элеатовъ міръ логическихъ понятій достигаетъ исключительной самостоятельности, и совершенно заслоняетъ собою міръ бытія дѣйствительнаго. Какъ ихъ начало не терпитъ рядомъ съ собою ничего, ему противоположнаго, не даетъ мѣста никакому рожденію, никакому бытію внѣ себя и своего замкнутаго единства, такъ точно и ихъ мысль съ упорствомъ держится въ созерцаніи единаго чистаго бытія, и внѣ сего послѣдняго не хочетъ видѣть ничего истиннаго и достойнаго ея вниманія. Это чистое бытіе должно и можетъ быть созерцаемо только умомъ, и совершенно недоступно чувствамъ. Отсюда вмѣстѣ съ различіемъ идеальнаго логическаго міра отъ міра дѣйствительныхъ вещей, въ мышленіи элеатовъ тѣсно связано различіе истиннаго, метафизическаго знанія отъ знанія чувственнаго, которое, по ихъ понятію, состоитъ изъ однихъ только невѣрныхъ и измѣнчивыхъ мнѣній. Сочиненіе Парменида рѣзко раздѣляется на двѣ части: въ одной онъ разсуждаетъ о Единомъ истинно-сущемъ, а въ другой о происхожденіи вещей. Но, переходя отъ первой части къ послѣдней, Элеать съ рѣшительностію говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ симъ оканчиваетъ вѣрное слово и мысль объ истинѣ и далѣе намѣревается излагать обманчивыя смертныя мнѣнія.

Все это хорошо извѣстно автору «Очерковъ». Но, по какимъ-то непостижимымъ для насъ причинамъ, онъ обращаетъ мало вниманія на ученіе Элеатовъ о Единомъ сущемъ и преимущественно занимается раскрытіемъ ихъ понятій о происхожденіи міра. Между тѣмъ, по словамъ самого же г. Каткова, этотъ предметъ не имѣлъ и не могъ имѣть для элеатскихъ мыслителей ни интереса, ни истинны (стр. 66, 67). По этому существенное содержаніе элеатской философіи.—то самое, что составляетъ ея славу и значеніе въ исторіи греческаго мышленія, въ «Очеркахъ» осталось не вполне изслѣдованнымъ и объясненнымъ. Г. Катковъ старается поставить на видъ читателю особенно тѣ выраженія элеатскихъ мыслителей о Единомъ (напр. шаровидное, подобное круглой сферѣ), которыя сближаютъ его съ космическою сущностію іонійскихъ физиологовъ. Но надобно замѣтить, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, эти выраженія

у элеатовъ имѣли другой смыслъ, а не тотъ, въ какомъ, они употреблялись въ школѣ іонійской, что элеаты (по крайней мѣрѣ Парменидъ, — ихъ представитель) говорятъ о Единомъ *по понятію* (*ἅπλοσ του λόγου*), а не по матеріи (*Agist. Met. 1, 5. Simplicius Ll. Plot. Eplend. V. l. 1 с. 8*), — и что во всякомъ случаѣ упомянутыя выраженія должны быть подчинены главной идеѣ школы, и могутъ доказывать только ея неспособность удержаться на высотѣ чистаго метафизическаго умозрѣнія, ея неумѣнье владѣть своимъ началомъ и опредѣлять всѣ его стороны сообразно съ его внутреннею природою. Сюда относится приведенное у г. Каткова мѣсто изъ Аристотеля, гдѣ сказано о всѣхъ древнѣйшихъ мыслителяхъ греческихъ, что они опредѣляли свои начала неясно и сбивчиво, и не умѣли употреблять ихъ надлежащимъ образомъ. Но что элеатская школа возвратилась къ орфическимъ представленіямъ о «космическомъ яйцѣ», или «пузырѣ» (стр. 135), этого нельзя допустить. Сознаніе элеатовъ не возвращалось назадъ, но шло впередъ, постепенно возвышаясь какъ надъ фیزیологическими опредѣленіями іонійцевъ, такъ и надъ математическимъ міросозерцаніемъ пифагорейцевъ.

Что касается до той части элеатскаго ученія, которая посвящена собственно фیزیологическому процессу, то г. Катковъ справедливо говоритъ, что она можетъ быть удовлетворительно объяснена только въ связи съ прежними фیزیологическими изслѣдованіями. Но тутъ слѣдовало обратить вниманіе на вопросъ: какъ соединяется эта часть въ сознаніи элеатовъ съ первою метафизическою частію ихъ системы? Какъ связать ученіе о происхожденіи вещей съ тѣмъ понятіемъ элеатской школы, по которому отрицается всякая мысль о происхожденіи, какъ о чемъ-то не сущемъ? Г. Катковъ мало занялся разсмотрѣніемъ этого пункта. Парменидъ, по словамъ Аристотеля, думаетъ, что бытіе должно приписать только истинно сущему Единому, а небытіе не существуетъ; но «вынуждаемый (*αναγκαστορευτος*) слѣдовать явленіямъ, и утверждая, что Единое существуетъ по понятію, а множественное по чувственному представленію, онъ принимаетъ двѣ причины, два начала (бытія явленій), — теплое и холодное (огонь и землю), изъ которыхъ первое сравниваетъ съ сущимъ, а послѣднее съ не сущимъ» (*Agist. Met. 1. 5*). Но Целлеръ справедливо замѣчаетъ (указан. соч. S. 146), что изъ этихъ словъ Аристотеля нельзя вывести никакого положительнаго заключенія о томъ, какимъ образомъ въ умѣ элеата могло возникнуть самое представленіе о не сущемъ, когда, по его понятіямъ, небытіе абсолютно не существуетъ и слѣдовательно не можетъ быть мыслимо, такъ какъ мысль и бытіе тождественны. Если сущее не тер-

пить никакой противоположности себя и не может иметь общенія съ не сущимъ, то на какихъ основаніяхъ элеаты рѣшились допустить тѣсный союзъ сущаго съ не сущимъ въ бытіи явленій? Ясно, что, охраняя чистоту и дѣльность своего понятія о Единомъ, и представляя Единое въ радикальной противоположности съ многообразіемъ измѣняющихся вещей, они не могли ни возвыситься надъ этою противоположностію, ни рѣшительно отринуть бытіе міра дѣйствительнаго.

И такъ внутреннее послѣдовательное развитіе древнѣйшаго греческаго мышленія представлено г. Катковымъ неполно и невѣрно. Принятый у него новый порядокъ древнихъ философскихъ школъ несообразенъ съ ихъ истиннымъ взаимнымъ отношеніемъ. Отсюда и ихъ историческое значеніе не раскрыто и не оцѣнено во всей его широтѣ и исторической истинности. При знакомствѣ автора («Очерковъ» съ фрагментами древнихъ мыслителей, и при добромъ пособіи новѣйшихъ о нихъ изслѣдованій, ему легко было избѣгать всѣхъ этихъ недостатковъ. Но онъ видимо увлекся новою точкою зрѣнія на предметъ своихъ изслѣдованій, увлекся до того, что впалъ въ крайность. Представляя всѣ древнѣйшія системы членами одной физиологической системы, онъ не показалъ надлежащимъ образомъ того существенно важнаго различія, какое можно примѣтить въ способахъ воззрѣнія древнихъ школъ на физиологическій процессъ, въ ихъ формахъ опредѣленія этого процесса и начала, имъ управляющаго. Говоря строго, не по частнымъ предметамъ и направленіямъ древнихъ физиологическихъ изслѣдованій, а преимущественно по этимъ различнымъ способамъ и формамъ воззрѣнія, по этимъ, такъ сказать, логическимъ особенностямъ, которыми въ каждой школѣ характеризовалось и обособлялось общее всѣмъ школамъ міросозерцаніе, мы можемъ уразумѣть послѣдовательный ходъ древнѣйшаго греческаго мышленія. Между тѣмъ, какъ древніе философы занимались физиологическимъ процессомъ, ихъ мысль освобождалась отъ прежнихъ натуральныхъ опредѣленій всеобщаго начала бытія, и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ попытокъ обнять и представить это начало не подъ видомъ какой-нибудь матеріальной сущности, но въ болѣе чистой и отвлеченной формѣ, возвысилась наконецъ до идеи о всеобщемъ Разумѣ (*νοῦς*). Изъ «Очерковъ» г. Каткова нельзя понять, какъ совершилось это развитіе мысли въ древнихъ школахъ, какъ мало по малу она восходила отъ строго физиологическихъ представленій міровой сущности до умозрительнаго понятія о *νοῦς* Анаксагора.

Чтобъ показать, какъ справедливо и глубоко понимали древніе писатели это восхожденіе мысли въ начальномъ періодѣ греческой

философии, — мы приводимъ два мѣста, сюда относящіяся, — одно изъ Аристотеля, а другое изъ Порфирія. Аристотель, передавая мнѣніе Платона о ступеняхъ познанія, говоритъ отъ его лица, что «кромя чувственнаго (τὰ αἰσθητὰ) и идеальнаго (τὰ εἰδητὰ), и между ними находится въ вещахъ математическое, которое различается и отъ чувственнаго, поелику математическое безконечно (т.-е. невидимо) и неподвижно, — и отъ идей, поелику оно выражаетъ въ себѣ множество однороднаго, а идея, каждая сама по себѣ, есть единое (Arist. Met. 1, 6). Порфирій въ жизни Пифагора, опредѣляя смыслъ и историческое значеніе его философіи, пишетъ: «Пифагоръ преподавалъ философію, имѣя въ виду освободить мысль отъ ея оковъ. Безъ мысли ничто не можетъ быть познаваемо; мысль слышитъ и видитъ все въ себѣ самой, а чувственное нѣмо и слѣпо. Къ достиженію своей цѣли Пифагоръ воспользовался математическимъ, поелику она занимаетъ средину между чувственнымъ и мыслию (т.-е. сверхчувственнымъ), и есть какбы ступень къ тому, что существуетъ само въ себѣ и для себя» (De vita Pythag. § 46). Въ другомъ мѣстѣ: «поелику пифагорейцы были еще неспособны ясно, въ формѣ чистой мысли выразить абсолютное и первыя начала, то и воспользовались для ихъ обозначенія математическимъ» (Ibid. § 48). Смыслъ приведенныхъ мѣстъ изъ Аристотеля и Порфирія тотъ, что познающій разумъ, начиная отъ чувственнаго, отъ αἰσθητὰ, восходитъ къ математическому и потомъ уже къ идеямъ. Таково и было движеніе древнѣйшаго греческаго мышленія: изъ ступеней его развитія образовались три школы — іонійская, пифагорейская и элеатская.

Мы указываемъ только главные недостатки «Очерковъ», не упоминая о тѣхъ, которые не имѣютъ особой важности. Но не можемъ не сказать о странномъ способѣ изложенія, принятомъ у г. Каткова въ его «Очеркахъ». Мы знали одного наставника, который, бывало, часто начиналъ свою лекцію такимъ образомъ: «мы уже говорили о томъ-то (о чемъ было говорено нѣсколько классовъ назадъ); но тогда мы забыли сказать вотъ о чемъ, обратимся же назадъ». А иногда онъ забѣгалъ впередъ и говорилъ о предметѣ, о которомъ слѣдовало бы сказать чрезъ нѣсколько классовъ. Ничто подобное сему читатель встрѣтитъ въ «Очеркахъ» г. Каткова. Увлекаемый произволомъ своей мысли, онъ часто обращается назадъ безъ особенной нужды, и, по его выраженію, «дополняетъ прежде-сказанное новыми соображеніями», въ которыхъ читатель не видитъ ничего новаго. Отсюда въ «Очеркахъ» не рѣдко повторяется одна и та же мысль въ разныхъ мѣстахъ (напр. см. стр. 132, 133 — 133

и 157), и связь предъидущаго съ послѣдующимъ разрывается «не неумѣстными, какъ говорить г. Катковъ, экскурсамъ». Одинъ изъ подобныхъ экскурсовъ, по поводу древняго ученія о стихіяхъ, говоритъ о томъ, какъ древніе мыслители думали о чувственномъ представленіи, и какъ отличали его отъ познанія умозрительнаго (стр. 85). Читатель узнаетъ сужденія древнѣйшей философіи объ этомъ важномъ предметѣ, но не поминаетъ ихъ значенія въ исторіи древняго мышленія, потому что они поставлены не на своемъ мѣстѣ и въ экскурсѣ. Вообще въ ученomъ разсужденіи, и особенно въ такомъ, которое обязано представить намъ послѣдовательный ходъ философскаго мышленія въ извѣстное время, эти экскурсы непозволительны, — и мысль автора, разумно владѣя своимъ предметомъ, должна всему назначать приличное мѣсто, и развивать всѣ понятія въ стройной и строгой логической связи. Въ оправданіе нашихъ словъ о безсвязности и отрывочности изложенія «Очерковъ» указываемъ на ту ихъ часть, въ которой авторъ раскрываетъ общую физиологическую систему, соединявшую въ себѣ всѣ частныя изслѣдованія отдѣльныхъ древнихъ школъ и мыслителей. По прочтеніи первыхъ строкъ этой части, одинъ изъ нашихъ знакомыхъ справедливо сказалъ: «г. Катковъ говоритъ точно древняя ипія; желалъ бы я знать, почему онъ начинаетъ прямо съ двоицы, т.-е. съ условія движенія, ничего не сказавъ о томъ, что должно подлежать движенію. Не подражаетъ ли онъ древнимъ фрагментамъ?» — Само собой разумѣется, что, при такомъ изложеніи «Очерковъ», исторія древняго мышленія представляется въ нихъ неясно, сбивчиво и неудобопонятно. Прочитавъ съ напряженнымъ вниманіемъ одно ихъ отдѣленіе, вы съ тѣмъ же вниманіемъ опять должны просмотрѣть прочитанное, сличить различныя выраженія автора объ одномъ предметѣ, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ, и только послѣ этой работы для васъ открывается возможность уразумѣть дѣло.

По словамъ рецензента, г. Катковъ «какъ нельзя лучше владѣетъ неистощимыми богатствами роднаго слова и умѣетъ пользоваться ими для выраженія самыхъ глубокихъ и отвлеченныхъ мыслей, не прибѣгая къ техническимъ терминамъ философіи». Но кто читалъ «Очерки», тотъ очень хорошо пойметъ, что рецензентъ похвалилъ ихъ автору, не пощадивъ истины. Правда, г. Катковъ старался придать своему языку особую энергію и выразительность, и успѣлъ въ этомъ во многихъ случаяхъ, особенно при переводѣ древнихъ изреченій, — что, безъ сомнѣнія, замѣтили его читатели. Но вообще его языкъ сухъ, довольно тяжелозатъ, по мѣстамъ нечистъ и теменъ. Что касается до приписываемаго рецензентомъ г. Каткову умѣнья

владѣть и пользоваться богатствами русскаго языка, то вотъ нѣскольکو примѣровъ, которые могутъ показать, въ какой степени надобно усвоить это искусство автору «Очерковъ», и какова вообще его рѣчь.

Стр. 78: «Такъ какъ космогонія приняла у пифагорейцевъ видъ космографіи, при томъ преимущественно со стороны астрономической, то совершенно подобно тому, какъ локализируется у нихъ центральная гармонія, локализируется и этотъ внѣшній духъ»(?).

Стр. 89: «Переходы въ области центробѣжнаго бытія (у Гераклита) выражаются уже сжатіемъ. Здѣсь безчисленное фиксируется въ своей безчисленности(?) и каждое(?) пассивно тяготеетъ къ другому. Каждое въ этомъ бытіи, утверждаясь въ своей отдѣльности, становится пассивнымъ относительно другаго и означаетъ тѣмъ, что вся сила этого расторгнутаго бытія становится безсиліемъ относительно другой, превосмогающей силы» — Удивительно, какъ просто и ясно! Право, съ трудомъ можно повѣрить, что эта фраза сочинена русскимъ ученымъ, а не нѣмецкимъ мудрословомъ.

Стр. 160: «Демократомъ, какъ продуктомъ, вышедшимъ изъ развитія философскаго разумѣнія въ архаическій періодъ, замыкается этотъ періодъ». — Демократъ — продуктъ: сильно сказано!!

А вотъ эти слова: традиціональный, деградація, астральный, спорадическіе мыслители, экстагическое бытіе, экстагическое состояніе, матеріализація, матеріализованный, реакція, реагирующей, нейтрализованъ, сферосъ, пассивная среда, реальное позваніе, инстанція, спецификація, — и многія другія имъ подобныя, доказываютъ ли, что г. Катковъ владѣетъ «неистощимыми богатствами нашего роднаго слова?» Рекомендуемъ г. Покровскому обратить вниманіе на «Очерки»: въ нихъ онъ найдетъ «неистощимый» матеріалъ для своего памятнаго листка.

Здѣсь мы могли бы кончить свои замѣчанія, такъ какъ ихъ цѣлю было показать неосновательность и ложность отзыва Отеч. Записокъ о новѣйшихъ изслѣдователяхъ исторіи древней греческой философіи и объ «Очеркахъ» г. Каткова. Но мы позволяемъ себѣ думать, что для достиженія этой цѣли довольно того, что сказано. Но читатель можетъ подумать, что и мы въ свою очередь впадаемъ въ крайность, противоположную той, въ которой отличаемъ рецензента Отеч. Записокъ: онъ все въ «Очеркахъ» чрезмѣрно восхваляетъ, а мы, повидимому, намѣрены все въ нихъ порицать. Кто сдѣлаетъ такой выводъ изъ нашего отзыва о трудѣ г. Каткова, тотъ очень ошибется. Мы уважаемъ этотъ трудъ, благодаримъ за него автора, и наша благодарность, — въ этомъ г. Катковъ можетъ быть увѣ-

ренъ, — искреннѣе благодарности его рецензента, хотя и не высказывается въ громкихъ словахъ, ничего, кромѣ несправедливости и пристрастія, въ себѣ не заключающихъ. — Никому не навязывая, и не скрывая своихъ сужденій о предметѣ науки, въ области которой всякому, съ ней довольно знакомому, дозволено имѣть свое мнѣніе, мы скажемъ еще нѣсколько словъ, дабы показать истинное значеніе «Очерковъ» г. Каткова.

Изъ прежде сказаннаго видно, что существенно новаго, достойнаго занять законное мѣсто въ наукѣ, мы ничего не находимъ въ «Очеркахъ». Понятіе г. Каткова объ историческомъ положеніи и значеніи пифагорейской школы, правда, ново, но невѣрно. Общее его воззрѣніе на древнихъ мыслителей, какъ на физиологовъ, въ сущности не можетъ быть названо новымъ въ историко-философской литературѣ. Но въ степени и въ способѣ раскрытія этого воззрѣнія въ «Очеркахъ» мы находимъ немаловажную заслугу со стороны ихъ автора. Сколько намъ извѣстно, г. Катковъ первый потрудился составить общую систему физиологическаго ученія, которое такъ или иначе раскрывалось постепенно и послѣдовательно во всѣхъ древнихъ школахъ и у всѣхъ древнихъ философовъ. Кто знаетъ, какъ трудно представить общій очеркъ ученія одного древняго мыслителя, основываясь на немногихъ отрывочныхъ его реченіяхъ и постороннихъ свидѣтельствахъ о его философіи, тотъ пойметъ, какихъ трудовъ стоило г. Каткову сдѣлать такой же очеркъ общей, всѣмъ древнимъ мыслителямъ принадлежавшей, физиологической системы. При ближайшемъ знакомствѣ съ фрагментами древнихъ философовъ, и со всѣми позднѣйшими извѣстіями о ихъ ученіи, надобно было какъ тѣ, такъ и другія сличить между собой, отдѣлить въ нихъ существенное отъ случайнаго, уяснить себѣ ихъ общее содержаніе и отличить его отъ тѣхъ опредѣленій, въ которыя облакалось оно въ каждой школѣ и въ каждомъ мыслителѣ; — надобно было хорошо знать всѣ особенности языка и терминологіи древнихъ мыслителей, которые часто заимствовали слова и понятія изъ древнѣйшихъ теогоническихъ и космогоническихъ преданій. Въ отношеніи къ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ о древнѣйшей греческой философіи изслѣдователь долженъ соблюдать крайнюю осторожность: кромѣ часто встрѣчаемой въ нихъ неопредѣленности и сбивчивости, они не рѣдко навязываютъ древнѣйшимъ мыслителямъ понятія времени позднѣйшихъ. Словомъ, цѣль г. Каткова требовала, чтобъ онъ былъ въ извѣстной мѣрѣ и критикомъ и филологомъ и владѣлъ способностію понять мышленіе отдаленной эпохи. Не смотря на многіе недостатки его «Очерковъ», мы по справедливости можемъ

сказать, что онъ въ значительной степени обладаетъ этими талантами и при правильномъ ихъ употребленіи, при отсутствіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ ему прямо смотреть на дѣло, могъ бы удовлетворить всѣмъ необходимымъ требованіямъ историко-философскаго изслѣдованія.

Вообще все, что касается собственно до физиологическихъ изслѣдованій со стороны ихъ предмета древнихъ школъ, рассмотрѣно г. Катковымъ подробно, обстоятельно и съ отчетливостію. Ихъ понятія о разныхъ моментахъ физиологическаго процесса объяснены съ знаніемъ дѣла, и хотя не вездѣ связно изложены, но уже чрезъ самое ихъ сопоставленіе дается читателю прямой способъ уразумѣть ихъ общій основный смыслъ и характеристическія особенности. Отрывочныя изрѣченія древнихъ философовъ и стороннія свидѣтельства о нихъ переданы у г. Каткова превосходно и съ весьма дѣльнымъ критико-филологическимъ разборомъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ особенно замѣчательны тѣ мѣста въ «Очеркахъ», гдѣ авторъ излагаетъ ученіе іонійскихъ физиологовъ. Связь этого ученія, равно какъ и ученія другихъ мыслителей этого періода съ греческою мифологіею и древнѣйшими космогоническими представленіями, понятя г. Катковымъ вѣрно и раскрыта съ большею подробностію, нежели какъ это обыкновенно дѣлается у историковъ философіи.

Въ первой части «Очерковъ» мы помнимъ весьма основательныя замѣчанія автора о степени вліянія различныхъ историческихъ обстоятельствъ на развитіе древнѣйшей греческой философіи, и о значеніи племенныхъ особенностей въ образованіи ея отдѣльныхъ школъ. Помнимъ также превосходно составленныя характеристики великихъ мыслителей этого періода, особенно характеристики Гераклита (и во второй части ученіе Гераклита изложено лучше, нежели ученіе другихъ Іонійцевъ) и главныхъ представленій школы элеатской. Вообще эта часть составлена лучше второй части «Очерковъ», хотя по существу дѣла, послѣдняя, разумѣется, важнѣе первой.

Послѣ этого читатель пойметъ, по чему мы такъ строги къ г. Каткову. При его талантахъ, при его знакомствѣ съ древнею и новою историко-философскою литературою, онъ могъ сдѣлать несравненно болѣе того, что сдѣлалъ въ своихъ «Очеркахъ». Не наше дѣло судить о причинахъ, по которымъ онъ успѣшилъ издать свой трудъ. Но мы увѣрены, что онъ успѣшилъ и что безъ этой гибельной для ученыхъ изслѣдованій поспѣшности, его «Очерки» явились бы въ совершенно другомъ видѣ. Искренно желаемъ, чтобъ г. Катковъ продолжалъ трудиться на избранномъ имъ поприщѣ и чтобъ въ послѣдующихъ его трудахъ не было тѣхъ недостатковъ, которые замѣчены нами въ его «Очеркахъ»

п.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКІХЪ АВТОРОВЪ. —
Сочиненія графа Растопчина. Изданіе А. Смирдина. С.-п.-б. 1853.

Графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ — одна изъ самыхъ яркихъ личностей въ исторіи русской жизни, одно изъ самыхъ благородныхъ проявленій народнаго духа. Призванный дѣйствовать въ достопамятную эпоху 12-го года, онъ вполне оправдалъ возложенное на него порученіе покойнаго Государя. Благодаря своей разумной распорядительности, какъ градоначальникъ, сумѣлъ онъ сохранить спокойствіе и тишину въ древней столицѣ; глубокое познаніе русскаго челоуька помогло ему разрушить великолѣпныя ожиданія самонадѣяннаго предводителя Французовъ. Нечего дивиться, если Наполеонъ удостоилъ Растопчина громкимъ титуломъ — *негодля*. Попятно, какое впечатлѣніе должно было произвести безукоризненное и вмѣстѣ сознательное исполненіе долга на душу челоуька, вмѣстѣ обязаннаго счастію и не очень-то чтявшаго святыхъ правъ челоуьчества. И вотъ почему это прозваніе (*misérable Rostopschine*) (*) лучшій аттестатъ въ глазахъ его соотечественниковъ.

Не лучшее прозвище далъ бы Растопчину Наполеонъ, познакомаясь покороче съ духомъ его сочиненій. Та же святая любовь къ родинѣ и непримиримая ненависть къ ея врагамъ, отличавшая Растопчина на поприщѣ политическомъ, отразилась и на всей его дѣятельности литературной. А мы, къ стыду своему, не имѣемъ до сихъ поръ его полной біографіи и только въ прошломъ году *первые* собрались издать его сочиненія.

Въ смирдинское изданіе вошли слѣдующія сочиненія Растопчина:
 1) *Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ* — рѣзкая и энергическая выходка противъ крайностей Русскаго воспитанія, писанная еще до 1812 года. Выписываемъ изъ нея нѣсколько строкъ, могущихъ служить эпиграфомъ ко всему сочиненію: «Господи помилуй! да что за народъ эти Французы! конѣйки не стоятъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ! Вреть ченуху, ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись, либо философъ, либо Римлянинъ, а все нарываетъ въ карманъ; трусливъ, какъ заяцъ, шаловливъ, какъ кошка; хоть ни много дай воли, тотчасъ и напроказить. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію, а то бы увидѣли, что во французской всякой головѣ внутреняя мельница, госпиталь и сумашедшій домъ».

(*) 20-й Бюллетень Наполеона отъ 17 сентября.

2) *Письмо Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москву* (отъ 29 апрѣля 1807 г.), служащее какъ бы продолженіемъ мыслей въ сѣудѣ, написано въ томъ же духѣ «... Жестка, дескать, рѣчь. И вѣдомо такъ, вѣдь правда не пуховикъ. Это нынче изъ нея дѣлаютъ помаду».

3) *Вѣсти или Убитый Живой*, комедія въ одномъ дѣйствіи. Это единственная дошедшая до насъ комедія Растопчина изъ множества его драматическихъ произведеній. Она играна была не разъ на театрахъ обихъ столицъ, а три года тому назадъ напечатана въ *Драматическомъ Альбомѣ* Арапова и Ропполъта. Содержаніе ея и цѣль — осмѣяніе сплетней и чуждыхъ городскихъ слуховъ. Надо замѣтить, что это одна изъ любимыхъ тѣмъ Растопчина.

4) *Письмо Вѣнникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву* — написано по поводу представленія *Вѣстей*, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выведенъ Сила Андреевичъ Богатыревъ. Здѣсь авторъ съ самой добродушной ироніей описываетъ впечатлѣніе комедіи на разные слои московскаго общества, и между прочимъ прибавляетъ: «Не совѣтовалъ бы тебѣ ни ѣздить въ магазины, ни быть больнымъ, ни брать винной поставки. А какъ будто нарочно, послѣ этой комедіи на другой день, публика уморила на два часа одного живаго, докторъ другаго навсегда рвотнымъ, кузнецкія мадамы выкроили еще больше передки и спинки; русскіе филантропы собирали деньги для иностранца, котораго приказано выслать за границу, и одна старая барыня, для очищенія совѣсти, рѣшилась выйти замужъ за нѣмецкаго трубочиста».

5) *Отвѣтъ Силы Андреевича Богатырева Устицѣ Ульяновичу Вѣнникову*. «Нынѣ проповѣди не въ модѣ, а говори о погодахъ»... «Языкъ мой — врагъ мой; увижу дурное, кричу: разбой!»

6) *Письма графа Федора Васильевича Растопчина къ графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому*. Всего девять писемъ отъ 1799 года. Странно, что не вошли сюда письма, напечатанныя еще въ прошломъ году (*). Таковы наприм. 1) объ отправленіи къ Суворову двухъ фельдъегерей для посылокъ вмѣсто употребившихся дотолѣ офицеровъ; 2) объ увольненіи офицеровъ въ отпускъ безъ предварительнаго на то Высочайшаго соизволенія; 3) письмо, чрезвычайно интересное какъ историческій матеріалъ, мы выписываемъ по этому цѣлкомъ.

(*) См. Исторію войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 г., соч. Милютина. Т. I, Часть 1-я, приложенія къ главѣ XIII.

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Государь Императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства отъ 3-го февраля, соизволилъ указать мнѣ доставить къ свѣденію вашему, что желаніе ваше предупреждено было, и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца. Пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію,

Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивый государь!
покорный слуга
Федоръ Растропчинъ.

Февраля 14, 1797.

7) *Растропчинскія афишки*. Относятся къ 1812 году. Первая изъ нихъ явилась въ печати 1-го июля, съ изображеніемъ сверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Корнюшки Чихирина, который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ подъ орломъ собравшемуся народу: «Какъ къ намъ? Милости просимъ... и проч. (*)».

8) *Объявленіе къ католическимъ аббатамъ въ Москву 26 іюня 1812.*

9) *Объявленіе къ Викарію Московскому Августину, 18 октября 1812.*

10) *Объявленіе, обнародованное 20 октября 1812 г. крестьянамъ Московской губерніи.*

11) *Записка, приклеенная къ церковной двери въ селѣ Вороновѣ 1812 года.*

12) *Правда о пожарѣ Москвы*, сочиненіе написанное въ 1823 году въ Парижѣ. «Десять лѣтъ прошло, говоритъ авторъ, со времени пожара Москвы, и я всегда былъ представляемъ потомству и Исторіи какъ виновникъ такого происшествія, которое, по принятому мнѣнію, было главнѣйшею причиною истребленія непріятельскихъ армій, паденія Наполеона, спасенія Россіи и освобожденія Европы. Безъ сомнѣнія, есть чѣмъ возгордиться отъ такихъ прекрасныхъ названій; но никогда не присвоивая себѣ правъ другаго и соскучаясь слышать одну и ту же басню, я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить Исторіею». Затѣмъ разбираются всѣ факты, доказывающіе, что сожженіе Москвы нисколько не входило въ планы Высшаго Начальства, ни въ личныя распоряженія главнокомандующаго. Пожаръ Москвы, по мнѣнію автора, есть

(*) Сочиненія Растропчина. Стр. 163, и проч.

добровольное дѣло обывателей, а побудительныя причины лежать въ самомъ характерѣ русскаго человѣка, въ его некорыстолюбіи и готовности скорѣе уничтожить, чѣмъ уступить, оканчивая ссору словами: *не доставайся же никому*. Величіе и святость этого народнаго подвига невольно приводитъ въ изумленіе и мы съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ истиной, выраженной открыто очевидцемъ и главнымъ представителемъ тогдашней Россіи. Скажемъ болѣе: мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ истинѣ его словъ или видѣть въ нихъ желаніе уклониться отъ своей славы. Конечно, скромность есть свойство великой души и уклоняться отъ похвалъ вдвойнѣ славно для человѣка, но мы не видимъ причинъ, почему бы графу Раstopчину историческую истину приносить въ жертву личной скромности? Со временемъ откроются новые источники для исторіи отечественной войны и ясновидящее потомство вполнѣ оцѣнитъ пожаръ Москвы, какъ событіе, покрывшее славою русское имя—въ лицѣ ли жителей древней столицы или только ея главнаго представителя.

13) *Письмо*, гдѣ авторъ отклоняетъ отъ себя обвиненіе въ нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ Московскаго пожара, каковы: гибель частныхъ домовъ и капиталовъ.

14) *Моя жизнь, списанная съ натуры въ десять минутъ*. Сочиненіе, изданное на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes*. Особенно замѣчательна двѣнадцатая глава: *analyse de ma vie*. «Жду смерти терпѣливо, безъ страха. Жизнь моя была плохая мелодрама, съ хорами, плясками, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Я игралъ въ ней роли героевъ, тирановъ, любовниковъ, благородныхъ отцевъ, резонеровъ, но никогда не брался за роли лакеевъ».

15) *Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго*. Это филиппика противъ негодныхъ Французовъ (говоря словами автора), энергичская жалоба на офранцузившееся русское общество того времени. «Войдешь въ знатный домъ — только и услышишь по русски: *человѣкъ! подай стаканъ воды съ виномъ, либо меду*, а прочіе-то разговоры, всѣ почти не на своемъ языкѣ. Пойдешь и не къ знати, даже къ купцамъ, тоже, да тоже».

16) *Списокъ всѣхъ корпусовъ французской арміи въ 1812 году*. Этимъ оканчивается собраніе сочиненій графа Раstopчина, хотя, правду сказать, трудно понять причины, побудившія издателей внести этотъ списокъ въ книгу, составленную изъ произведеній русскаго автора.

Не мѣшаетъ вообще сдѣлать нѣсколько замѣтокъ объ вышедшемъ изданіи. Статьи, писанныя на французскомъ языкѣ, на русскій

переданы весьма не грамотно, мѣстами даже искажены смыслъ подлинника. Не напечатано многое, известное уже въ печати. Такъ не нашли мы превосходной повѣсти: *Охъ, Французы!* появившейся въ Отечественныхъ Запискахъ, уже лѣтъ десять тому назадъ. А между тѣмъ, нигдѣ такъ не высказался авторъ съ своимъ отличительнымъ характеромъ, съ его меткой ироніей и страшной ненавистью къ Французамъ, какъ въ этой умной, саркастически написанной народной повѣсти. Выпискою изъ нея и заключимъ мы свою статью. «Публика—говорить графъ Раstopчинъ, — вещь безсмертная, премудрая, вѣтреная, орденская дума, уголовная палата, Тить, Неронъ, мать и мачиха....»

КАТИХИЗИЧЕСКІЯ ПОУЧЕНІЯ, говоренныя въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Кіевъ. Университ. Въ тип. 1854 г., въ 8 д. л., стр. VI и 530.

Назначеніе подобнаго рода сочиненій состоитъ въ томъ, чтобы объяснить слушателю и читателю все обязанности христіанина и все догматы нашей церкви въ формѣ сколько можно болѣе простой и доступной понятіямъ каждаго. Этотъ родъ духовной литературы, совершенно отличающійся по своему характеру отъ сочиненій чисто богословскихъ, гдѣ все является въ строгой ученой послѣдовательности, въ непрерывныхъ выводахъ одного положенія изъ другаго, между тѣмъ, какъ здѣсь нужна только простота и ясность мысли, краткость и сила слова,—сдѣлавъ у насъ въ послѣднее время успѣхи быстрые. Самымъ лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить слова и рѣчи Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Московскаго, Преосвященнаго Инокентія и другихъ нашихъ краснорѣчивыхъ учителей церкви.

Авторъ «Катихизическихъ поученій», которые мы теперь разсматриваемъ, рассуждаетъ о слѣдующихъ предметахъ: I. О Вѣрѣ; II. О молитвѣ Господней; III. О блаженствахъ Евангельскихъ; IV. О десяти заповѣдяхъ Божіихъ, и V. О заповѣдяхъ церковныхъ.

Въ этихъ рассужденіяхъ простота изложенія соединена съ христіанскою назидательностію, и каждый ищущій чтенія полезнаго, нравоучительнаго и притомъ доступнаго для самыхъ простыхъ понятій, найдетъ для себя въ этой книгѣ обильную духовную пищу.

ОТКЛИКНУЛОСЬ СЕРДЦЕ ЦАРЮ И ОТЧИЗНА! Современное народное, драматическое представление, написанное стихами стариннаго русскаго разиѣра, художникомъ *М. Владиміровымъ*. С.-Петербургъ, 1854. Въ тип. Эдуарда Праца, 46 стран.

Полное, выписанное нами заглавіе этой небольшой книжки ясно показываетъ цѣль, содержаніе и даже форму этой патриотической пьесы. О литературныхъ же достоинствахъ ея говорить много нечего. Изданіе опрятно, даже красиво и, вѣроятно, разоидется, чего мы отъ души желаемъ.

МАРКИТАВКА. Драма, соч. *Н. Куколышка*. С.-Петербургъ, въ тип. Фишона, 1854 г. въ 12-ю долю, 133 стран.

Сюжетъ для этой драмы, какъ и большая часть произведеній г. Куколышка, взятъ изъ славной эпохи Великаго Петра

Во время славной для насъ войны со Шведами, 1709 года, русскій отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Юрлова, стоитъ въ мѣстечкѣ Вепринѣ; туда же собрались для защиты отъ Шведовъ и окрестные обыватели. По случаю тѣсноты въ городѣ, Юрловъ уступилъ свою квартиру семейству Перелславскаго полковника Тамары, котораго дочь Авдотья Павловна, сосватана за казацкаго сотника Чурко. Женихъ не нравится Дуня, потому что она влюблена въ Юрлова, а Юрлову не нравится Дуня, потому что онъ влюбленъ въ дочь маркитантки, Таню. Юрловъ дѣлаетъ у себя банкетъ, на который, кромѣ гостей и плѣннаго шведскаго капитана Кристерфорса, является и Дуня съ матерью.

«Дуня. Здравствуйте мои маточки любия, сестрицы коханыя (*Увидѣвъ Чурко про себя*). А этотъ тутъ за чѣмъ?... Очень нужно! Вотъ не отцѣпится!»

«Таня. Ахъ какая хорошенькая!»

«Маркитавка. Молчи! А то прогонять.»

«Дуня (*про себя*). А гдѣ же Михайло Ивановичъ? Стоитъ себя, ко мнѣ не подходитъ. Э! Такъ я и сама подойду.... (*громко Юрлову*). Что это вы, Михайло Ивановичъ?»

«Юрловъ. Я-съ? Ничего! Такъ! Все вотъ думаю, гдѣ я въ этой комнатѣ спать уложу Шведскаго капитана.»

«Дуня. Шведъ?!»

«Юрловъ. Да, плѣнный.»

«Дуня. И какой старый и страшный!... И онъ будетъ ночевать въ этомъ домѣ?...»

«Юрловъ. А то гдѣ же?»

«Дуня. Будто у васъ нѣтъ какого подвала или ямы? И не связанъ; да вы ему хоть бы ноги спутали.

«Юрловъ. Да что онъ лошадь, что ли?

«Дуня. Да вы сегодня пренесносный!

«Юрловъ. Ваша правда. Мнѣ самому отъ себя скучно. Но не бойтесь, я надѣвдать вамъ не буду.... *(отходитъ въ глубину театра, къ мужчинамъ).*

«Дуня. *(про себя).* Ушелъ! Это что за новость? Ужь не наговорилъ ли чего ему этотъ гость неожиданный.... Сяду, ни съ кѣмъ говорить не стану, ни съ кѣмъ!»

Дуня не знала къ чему отнести холодное обращеніе съ нею Юрлова. Наконецъ появленіе Тани вывело ее изъ недоумѣнія: она увидѣла, что Юрловъ влюбленъ въ дочь маркитантки.

Вбѣгаетъ жидъ Ицекъ и объявляетъ, что Карлъ подступаетъ къ Веприку. Юрловъ прощается съ Таней и идетъ на защиту Веприка. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, Шведы осадили Веприкъ и Юрловъ съ сержантомъ Частоколовымъ взиты въ плѣнъ и отосланы въ старыя Санджары, куда былъ назначенъ комендантомъ Кристерфорсъ. Таня, при помощи жида Ицка, переодѣвается въ жидовское платье и подъ именемъ Юсселя является въ Старыя Санджары. Кристерфорсъ тотчасъ узналъ въ жиденкѣ Таню, которую любить Юрловъ, заключенный въ оковахъ. Старый капитанъ, вспомнивъ гостепріимство Юрлова въ Веприкѣ, доставилъ ему свиданіе съ Таней. Таня предлагаетъ Юрлову всѣ средства къ освобожденію.

«Таня. О, такъ медлить нечего! Ради Бога, говорите поскорѣе; вы тутъ давно уже; вѣроятно осмотрѣлись; вѣрно придумали средства къ освобожденію; говорите, говорите! Я все исполню.... И говорите поскорѣй, пока еще есть время....

«Юрловъ. Дѣло видимое! Ты не отъ себя, Таня! Тебя Богъ послалъ! Слушай, Таня!

«Таня. Солнце заходитъ! Я буду молиться, а вы отвернитесь и рассказывайте!.... *(лепечетъ несвязныя слова, бьетъ себя въ грудь и кланяется).*

«Юрловъ. Пустое дѣло, Таня! Наши должны быть очень близко отсюда. Можетъ быть самъ Государь не далече; о, тогда бы мы тутъ не засидѣлись. Пусть пришлетъ двадцать драгунъ, казаковъ, хоть крестьянскихъ налетовъ; пусть набьгуть на крѣпость, будто за правду взять ее хотять.... Остальное наше дѣло....

«Таня. И все тутъ?

«Юрловъ. Все!»

«Таня. Ну, такъ за дѣло! *(стремглавъ бросается къ боковой двери; захлопнувъ, запираетъ и беретъ ключъ).*

«Юрловъ. Что ты дѣлаешь Таня?...»

«Таня. Пусть посидятъ тамъ, пока осыдлаютъ лошади! Прости! (убѣгаетъ).»

Именемъ коменданта вытребовавъ бойкаго коня, Таня отправляется въ русскій лагерь и извѣщаетъ объ участи плѣнниковъ. Крестефорсъ узналъ обманъ Тани, но поздно. Горсть драгунъ, присланныхъ на помощь Юрлову, нападаетъ на Веприкъ и отвлекаетъ Шведовъ, а плѣнные, по данному сигналу отъ Частоколова, сбиваютъ съ себя колодки, побѣждаютъ Шведовъ и за тѣмъ спѣшатъ подъ Полтаву на помощь Петру.

По окончаніи славной битвы Полтавской, Юрловъ называетъ Таню своей невѣстой.

Странно, что г. Кукольникъ связалъ этотъ пустой сюжетъ, основанный на ходульной любви маркизанткиной дочери къ офицеру, съ такимъ важнымъ событіемъ какъ Полтавская битва.

Также не совсѣмъ понятною показалась намъ пѣсня, которую поетъ Дуня на банкетѣ у Юрлова.

«Дуня (съ бандурой поетъ).

Коршунъ по небу плыветъ,
Взгляды страстные бросаетъ,
Про любовь онъ рѣчь ведетъ;
Пташка слушаетъ и таетъ...
Ой! Не слушай тѣхъ рвчей;
Рѣчь та лжива и лукава...
Ой, не вѣрь огню очей;
Не любовь въ нихъ, а отравя!
Поздно! Онъ взмахнулъ крыломъ...
Когти мѣткіе вѣцпились...
Только въ воздухъ пустошь
Перья пташки закружились.»

ПРАВИЛА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ *Алексыя Данскаго*,
2-е исправленное изданіе, 1853 г., стр. 234.

Книга эта, какъ видно изъ предисловія къ ней, назначается въ руководство для воспитанниковъ Духовныхъ Семинарій.

Потребность въ хорошемъ руководствѣ къ Словесности для воспитанниковъ Семинарій давно оцѣнительна. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, словесность въ этихъ заведеніяхъ преподавалась по запискамъ, выдаваемымъ преподавателями. Но лѣтъ 15 тому назадъ единственнымъ руководствомъ была Риторика Бургия на Латинскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что Словесность въ Семинаріяхъ читается въ одну только классъ, куда воспитанники поступаютъ совершенно безъ всякаго предварительнаго приготовленія къ слушанію этого курса: Русскій языкъ въ училищахъ преподается весьма въ тѣсномъ объѣмѣ, и то только въ низшемъ классѣ. Понятно, что для воспитанника Семинаріи курсъ Словесности съ перваго раза — темный лѣсъ. После этого можно себя представить, на сколько долженъ быть упрощенъ курсъ Словесности для такихъ слушателей.

Г. Данскій, какъ видно, обратилъ все свое вниманіе на то, чтобы приспособить этотъ курсъ къ требованіямъ и цѣли образованія духовнаго юношества. «Но такъ какъ главная *цѣль духовнаго ученія*, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, состоитъ въ томъ, чтобы *образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей Слова Божія* (Введен. въ Уст. Дух. Семина. § 3), то къ этой цѣли и старался направить все уроки, изложенныя въ семь руководствъ, и примѣры для объясненія правилъ, заимствовать кромѣ Отцевъ Церкви и знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей, изъ Св. Писаній (Уст. Дух. Семина. § 13!).

Мы не будемъ входить въ подробный разборъ опредѣленій, раздѣленій курса и т. п., а скажемъ вообще, что курсъ г. Данскаго действительно удовлетворяетъ требованіямъ и цѣли образованія духовнаго юношества на столько, на сколько это нужно воспитанникамъ Семинаріи; у него примѣры на правила выбраны весьма удачно: — вездѣ или тексты Св. Писанія, или прекрасныя и поучительныя мѣста изъ духовныхъ писателей; — съ этой стороны религиозно-нравственная цѣль — образовать благочестивыхъ служителей — видна на каждой страницѣ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить и того, что система и метода изложенія у г. Данскаго остается прежняя. Курсъ словесности заключенъ въ тѣсныя границы схоластики. Жаль, что г. Данскій не послѣдовалъ новѣйшему взгляду на словесность: вполне можно было бы удовлетворить и современному требованію науки и цѣли образованія воспитанниковъ Семинаріи.

ЗАПИСКИ ГРАММАТИКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ, составленныя и отпечатаванныя преподавателемъ Русскаго языка въ Михайловскомъ-Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, г-мъ *де-Пуло*, для воспитанниковъ этого заведенія.

Современная филология, въ настоящее время, сдѣлала быстрые успѣхи. По слѣдамъ Беккера, Гримма, Гоппа, Гумбольдта пошли многіе и изъ нашихъ ученыхъ, которые въ разработкѣ Русскаго

языка приняли живое участие. Здесь съ честью можно указать на О. Пр. Павскаго, гг. Буслева, Каткова, Костыря, Срезневскаго, Черевтвскаго, Смирнова, Давыдова и др. Разработка Русской филологіи получила совершенно новое направленіе и привела къ счастливымъ результатамъ. Теперь вопросъ, — съ чего начинать изученіе отечественной грамматики, — почитается окончательно рѣшеннымъ. Это изученіе, по мысли Вильгельма Гумбольдта, слѣдуетъ начинать съ синтаксиса, съ разбора предложеній, и потомъ уже переходить къ этимологіи, и при всемъ томъ идти не иначе, какъ путемъ практическимъ. Далѣе, когда воспитанники достаточно уже разовьются въ своихъ понятіяхъ, грамматику предполагается проходить строго и систематически, сравнительно съ языками иностранными, а особенно съ Церковно-Славянскимъ. Глядя съ этой точки на языкъ, стали обращать и на преподаваніе его болѣе вниманія. Военно-Учебнымъ заведеніямъ, какъ видно, первымъ принадлежитъ честь пользоваться плодами спеціальной разработки отечественнаго языка и введеніемъ преподаванія его по этому новѣйшему взгляду, сообразно которому, г-мъ де Пуло и составлена для воспитанниковъ *Грамматика Теоретическо-Историческая*.

Мы не будемъ входить въ подробный разборъ этого труда, а достаточнымъ считаемъ указать читателямъ на тѣ вопросы, которые, по новой программѣ, слѣдовало развить г-ну де-Пуло. Въ его курсъ Грамматика теоретическо-историческая дѣлится на *двѣ* части: въ 1-й излагаются *общія свойства языка*, во 2-й содержится *историческое изученіе языка Русскаго сравнительно съ языкомъ Церковно-Славянскимъ*. Вотъ, напр., какіе вопросы развиваются въ 1-й части: ученіе о словѣ, какъ о выраженіи впечатлѣнія и понятія; — переходъ словъ отъ значенія вещественнаго къ отвлеченному; — части рѣчи знаменательныя и служебныя, — ихъ взаимное отношеніе въ предложеніи; — выраженіе формами языка логическихъ категорій; — части рѣчи служебныя, — отношеніе ихъ къ флексіямъ; — сличеніе языка Русскаго съ Французскимъ и Нѣмецкимъ относительно падежей и предлоговъ; — переходъ мѣстоименія въ числѣ, — союзъ — самое высшее и отвлеченное выраженіе логическихъ отношеній формами языка; — силлогизмы и пр. и пр. Во 2-й части развиты слѣдующіе вопросы. Отношенія языка Русскаго къ Церковно-Славянскому; — свойства общія тому и другому, и особенности каждаго; — древнѣйшія формы языка Русскаго въ отношеніи къ звукамъ, словопроизводству и къ флексіямъ; — развитіе языка Русскаго на мѣстныхъ парвчя и пр. и пр.

Какъ развилъ г. де-Пуло эти и подобныя имъ вопросы, какъ вообще обработать этотъ курсъ, приводимъ отзывъ о немъ, который мы прочли въ 105 N Москов. Ведомостей (1853), Приказа Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ заведеній. Въ отзывѣ этомъ сказано: «1) Трудъ этотъ, для котораго сочинителю предстояло собрать и обработать систематически отдѣльныя монографіи по Русской филологіи, напечатанныя въ различное время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, исполнилъ г. де Пуло съ примѣрною добросовѣстностію, усердіемъ и отличнымъ пониманіемъ дѣла. 2) г. де-Пуло обнаружилъ при этомъ, въ полной мѣрѣ, основательный взглядъ на предметъ въ отношеніи научномъ и пониманіе педагогической важности преподаванія Русскаго языка по методу исторической».

III-я. КНИЖКА ВОРОНЕЖСКИХЪ АКТОВЪ, издаваемыхъ гг. *Второвымъ* и *Александровымъ-Дольниковымъ*

Книжка эта, какъ и первая двѣ, содержитъ въ себѣ богатые матеріалы для исторіи края. Собиратели древнихъ грамотъ съ неутомимою дѣятельностію продолжаютъ рыться въ архивныхъ кипахъ, перечитывать множество документовъ и извлекать изъ нихъ болѣе интересныя. Матеріалы эти постоянно печатаются въ Губернскихъ Ведомостяхъ, а потомъ уже выходятъ особою книжкою.

ПРОПИСЬ ПО СПОСОБУ СКОРОПИСАНІЯ. Составилъ учитель рисованія и чистописанія *Михаиль Складенко*. Литографирована при типографіи Воронежскаго Губернскаго Правленія.

Смотря на всякую пропись вообще, какъ на руководство, по которому бы можно было писать красиво, четко и бойко, и наконецъ какъ на образецъ красиваго почерка и во всѣхъ отношеніяхъ изящнаго, мы находимъ, что «Пропись» г. Складенки далеко не имѣтъ тѣхъ совершенствъ, какія нужны для образца письма. Намъ кажется, что, если уже издавать пропись, то издавать такіе образцы, которые, съ перваго раза, такъ сказать, бросались бы въ глаза, такіе, которыми бы можно было полюбоваться. Вотъ такого-то рода прописей, у насъ и нѣтъ почти. Досель у насъ на Руси много было издано прописей, но всѣ онѣ какъ-то мало удовлетворяютъ требованіямъ вкуса и условіямъ изящнаго почерка. Досель у насъ единственными и образцовыми прописями были—прописи *Дьякова*. Изящнымъ образцовымъ почеркомъ можно назвать только такой, въ которомъ находятся всѣ условія красоты, какъ-то: бойкость, живость, правильность и точность въ очертаніяхъ каждой буквы,—словомъ безукоризненная красота какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Пропись г-на Скляренки мы не можем отнести къ этому разряду, потому что она не имѣетъ тѣхъ красотъ, которыми бы можно было любоваться. Г. Скляренко называетъ свою пропись — *прописью по способу скорописанія*, а на дѣлѣ этого ничего не видно. Онъ предлагаетъ начинающему давно извѣстное начальное упражненіе — писать безконечное число отдѣльных косвенныхъ *палочекъ*; тогда какъ по методу скорописанія, это не допускается, потому что подобное упражненіе скорее наноситъ начинающему вредъ, чѣмъ пользу: пиша это безконечное число палочекъ, ученикъ приучаетъ руку къ почерку тяжелому, къ робости, медленности. Цель скорописанія та, чтобы отнять у пишущаго всякую боязливость и неповоротливость руки, что и достигается особыми предварительными упражненіями, съ которыхъ бы и слѣдовало начинать и въ этой прописи. У г. Скляренки всѣ прописи расположены по транспаранту; по этому же способу предлагается слѣдовать и учащемуся, а въ добавокъ по какимъ-то косвеннымъ клеточкамъ. Въ методу скорописанія этого ничего не допускается; тамъ пишутъ вовсе безъ линий: глазомѣръ лучший транспарантъ; пусть глазъ привыкаетъ къ соразмѣрности строкъ, величинѣ буквъ, къ размѣрности строкъ и т. п. — это надежнѣе.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, 1854 г. № 4-й. АПРѢЛЬ.

«Заднѣпровскія сцены» *В. С. Глинки*, читаются съ тихимъ удовольствіемъ. Просто, безъ особыхъ хитростей искусства, авторъ вводитъ васъ въ жизнь одного бѣднаго семейства, подвергающагося различнымъ искушеніямъ судьбы, но съ честью выходящаго изъ нихъ и, наконецъ, награжденнаго полнымъ счастіемъ. Постройка повѣсти не совсѣмъ искусна, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ въкупается прекрасными и вѣрными подробностями изъ описываемаго авторомъ быта, какою-то теплотою и спокойствіемъ, которыми проникнуть весь разсказъ и, наконецъ, прекраснымъ нравственнымъ направленіемъ. Сколько намъ кажется, имя *В. С. Глинки* является въ печати въ первый разъ; особенно для начала литературной дѣятельности такая повѣсть какъ «Заднѣпровскія сцены», есть шагъ очень хорошій.

Изъ трехъ стихотвореній *А. А. Фета* лучшее — *Степь*, впрочемъ, переводное.

Обращаемся теперь къ отдѣлу «Журналистики» въ послѣдней книжкѣ От. Зап. и—надобно замѣтить, обращаемся съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Не то, чтобы мы встрѣтили въ этомъ отдѣлѣ какія-нибудь самостоятельныя и особенно дѣльныя разсужденія; но насъ порадовала перемѣна направленія, надѣвшаго уже всѣмъ въ своемъ прежнемъ видѣ. Не разъ случалось намъ обличать въ прежней Журналистикѣ От. Зап. то упорство мысли, которое считало своею главною заслугою отстаиваніе во что бы ни стало разъ высказанныхъ убѣжденій, или приговоровъ; ту исключительную наклонность къ дурной полемикѣ, которая иногда дѣлала цѣлыя статьи Журналистики рядомъ сердитыхъ выходокъ и задирокъ, то, наконецъ, презрѣніе, какое оказывалось въ этомъ отдѣлѣ къ мнѣніямъ всѣхъ другихъ критиковъ. Въ настоящей статьѣ или, по крайней мѣрѣ, въ первой ея половинѣ мы почти не нашли высказанныхъ сейчасъ недостатковъ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтились здѣсь съ человѣкомъ, разсуждающимъ довольно спокойно и серьезно объ одномъ изъ важныхъ вопросовъ литературы, повидимому изъ одного желанія разрѣшить или объяснить этотъ вопросъ, а не изъ полемическихъ цѣлей.

Поразсудимъ же общими силами объ этомъ вопросѣ, слѣдя за авторомъ «Журналистики» въ теченіи его мыслей и сообщая свои замѣчанія тамъ, гдѣ они покажутся намъ нужными. Вопросъ, поднятый рецензентомъ, есть вопросъ объ «идеализаціи» или, говоря словами рецензента, вопросъ о томъ «въ какой степени можетъ быть допущено идеальное направленіе въ нашихъ повѣстяхъ, романахъ и драмахъ.» Замѣтимъ мимоходомъ, что теоретически вопросъ этотъ рѣшается трезвычайно просто слѣдующимъ положеніемъ: «на сколько оно (т. е. идеальное направленіе) не противорѣчитъ существеннымъ художественнымъ требованіямъ отъ этихъ родовъ произведеній.» Но дѣло не въ такомъ краткомъ и отвѣченномъ положеніи, а потому послѣдуемъ за рецензентомъ въ его порядкъ мыслей, и, дорогой, постараемся высказать нѣкоторыя объясненія нашего положенія.

Сначала рецензентъ жалуется, что критики наши не хотятъ рѣшить единодушно поставленнаго имъ выше вопроса и жалуется довольно основательно. Дѣйствительно не только этотъ вопросъ, но и многіе другіе почти не тронуты нашею современною журнальною критикою, между тѣмъ какъ текущія явленія литературы представляли къ тому достаточное количество поводовъ. Да и когда впрочемъ было заниматься единодушнымъ рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ? Нынче нужно отдѣлать такое то произведеніе за то, что оно вытекло изъ направленія, противоположнаго нашему, завтра необходимо задѣть нѣсколько литературныхъ враговъ за ихъ старыя обиды и т. д. Да и какъ встрѣчаются нашими журналами попытки къ какому нибудь теоретическому обсужденію литературныхъ вопросовъ: двумя насмѣшливыми строками, если онѣ написаны кѣмъ либо не изъ нашего прихода. Какого же тутъ ожидать единодушнаго рѣшенія?

Но воротимся къ «Журналистикѣ.» Дѣло идетъ о драмѣ г. *Потьхина* «Братъ и Сестра», напечатанной въ нашемъ журналѣ и именно въ ней о женитьбѣ Радугина на крестьянской дочери.

«Нѣтъ ничего легче, въ наше время, говорить рецензентъ, какъ осужденіе подобныхъ идеальныхъ движеній въ характеръ лицъ, выводимыхъ нашими писателями. «Этого не можетъ быть», «это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности» — вотъ тѣ ужасныя слова, которыя заставляютъ литераторовъ нашихъ такъ осторожно обходиться со всѣмъ, что въ литературномъ произведеніи можетъ назваться драматическою дѣятельностью. Но для теоріи литературы, мы полагаемъ, этихъ словъ мало. Теорія литературы никогда не довольствовалась однимъ художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Безъ идеаловъ, безъ идеальнаго представленія не можетъ жить литература, какъ человѣкъ не можетъ существовать въ нашемъ мѣрѣ безъ

каких-нибудь убеждений, безъ понятій, до которыхъ онъ дошелъ или опытомъ или ученіемъ. Кто составилъ ту статистику, которая скажетъ намъ, что вотъ это лицо вѣрно дѣйствительности, а это не вѣрно? гдѣ тѣ средніе выводы изъ разнородныхъ характеровъ, лицъ и идей, которые мы можемъ допускать, какъ нѣчто имѣющее право жить и отвергать всѣ крайности?»

«Поэтому, такой вкусъ и тактъ есть дѣло условное для каждого критика. Отсюда происходитъ то ужасное разнообразіе въ мнѣніяхъ критиковъ о томъ, что вѣрно дѣйствительности и что невѣрно.»

«Но мысль, идея подвергаются ли обсужденію того же такта, неумолимаго и капризнаго? Неужели въ оцѣнѣ мысли мы будемъ прибѣгать къ сужденіямъ прихотливаго вкуса? Намъ кажется только мысль въ состояніи оцѣнить мысль, только образованный умъ можетъ быть судьбою въ этомъ дѣлѣ. Если мысль заключаетъ въ себѣ то, что называется истиннымъ, ей необходимо отдавать справедливость, если бы даже произведеніе было слабо въ отношеніи къ исполненію. Такъ необходимо поступать, чтобы дать жизнь всему идеальному въ литературѣ и не сбросить ея до мелкой и ничтожной наблюдательности надъ явленіями, ничтожными въ жизни общественной. По этому мы находимъ, что мысль, положенная въ основаніе драмы г. Потѣхина, прекрасна, хоть ее и назовутъ идеальной...»

«Идеальный!» у насъ это слово получило совершенно-превратный смыслъ въ последнее время. Сказать о чемъ-нибудь «идеальный» значитъ то же, что сказать *несбыточный*. Въ этомъ виновато направленіе литературы, дагерротипически-вѣрное мелкимъ случаямъ жизни, безъ всякой мысли. Поэзія, или лучше сказать, стихи низвели понятіе объ идеальномъ еще ниже. Когда критика говорить о какомъ-нибудь поэтѣ: «онъ воспѣваетъ идеалы», значитъ этотъ стихотворецъ поэтъ.... совѣстно повторять избитыя фразы.... поэтъ про «луну», «дѣву неземную»... или про что-нибудь въ этомъ родѣ. Виновата ли идеальность, что мы потеряли высокій смыслъ ея? А между тѣмъ, отъ потери истиннаго смысла этой важнѣйшей стороны литературныхъ произведеній — положительной—отъ привычки рутинно произносить слова «дѣйствительность», «объективность» и тому подобныя, мы ставимъ себя въ странное положеніе, когда встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ замѣчательными произведеніями. Первое, что мы отыскиваемъ: какъ-нибудь заподозрить писателя въ идеальности. А ужъ заподозривъ, по нашему мнѣнію, въ этомъ главномъ недостаткѣ, мы безъ оглядки преслѣдуемъ его по истоптанному поприщу идеальности... такъ что бѣдный авторъ часто не знаетъ, за что сыплются на него такія напасти. Все это, говоримъ мы, происходитъ отъ того мелкаго понятія объ идеальномъ, которое усвоили себѣ лучше наши писатели, а за ними и критики; на примѣръ: г. Гончаровъ написалъ цѣлый прекрасный романъ на основаніи этого узкаго понятія, и преслѣдовалъ его въ двухъ частяхъ! Изгнаніе всего идеальнаго способствовало къ появленію произведеній, лишенныхъ всякой внутренней мысли, содержанія. Поло-

жительную идею литературнаго произведенія необходимо выразить въ какомъ-нибудь характерѣ или лицѣ.... Но оттого лицо выйдетъ идеальнымъ, и потому, говорятъ, лучше обойдись безъ всякой мысли и довольствоваться рядомъ картинъ, вѣрно-списанныхъ съ общества или природы».

Нельзя не сочувствовать этимъ словамъ рецензента. Дѣйствительно «безъ идеаловъ, безъ идеальныхъ представлений не можетъ жить литература». — Дѣйствительно изгнаніе всего идеальнаго способствовало къ появленію произведеній, лишенныхъ всякой внутренней мысли, всякаго содержанія». Но нельзя въ тоже время и не сдѣлать нѣсколькихъ поправокъ въ словахъ рецензента. Такъ, напр., его оскорбляетъ мысль, «что всѣ наши сужденія о томъ, что вѣрно дѣйствительности и что не вѣрно, основываются на художественности, такъ критиковъ, на ихъ литературномъ чувствѣ, вкусѣ, выработавшемся отъ долговременнаго знакомства съ хорошими произведеніями.» «Поэтому, прибавляетъ онъ, такой вкусъ и тактъ есть дѣло условное для каждаго критика». Положимъ что такъ. Но если не довѣрять этому условному такту и вкусу, то кому же передать право критическихъ сужденій? Не ужели одной мысли, хотя бы и образованной. Но тогда явится чуть ли не больше противорѣчій между критиками, чему мы и видимъ примѣры въ нашей литературѣ. Только мысль пугливая, хотя и образованная, могла подсказать одному критику От. Зап. опасеніе, чтобы комедія г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» не произвела отвращенія къ образованію. Та же самая мысль заставляетъ восхищаться рассказомъ «Муму» вопреки эстетическому чувству и громко вопіющимъ представленіямъ народности. Да и кто же при такомъ самоуправствѣ мысли въ дѣлѣ искусства назоветъ незаконнымъ наслажденіе напр. французской мысли отъ Вѣчнаго Жида, гдѣ взята и чрезвычайно эффектно выполнена такая широкая мысль, какъ преслѣдованіе Іезуитовъ? Сохрани Боже отнимать совсѣмъ у мысли право оцѣнки литературныхъ произведеній или не допускать участія образованной мысли въ литературной дѣятельности. Словесное искусство шире всѣхъ другихъ родовъ искусствъ и допускаетъ чрезвычайно разнообразное и многостороннее проявленіе умственной и нравственной человѣческой дѣятельности; но оставаясь все таки изящнымъ искусствомъ, оно не можетъ не ставить въ некоторыхъ ограниченій литературныхъ задачъ и формъ и эти ограниченія ставятся именно тѣмъ вкусомъ и тактомъ, тѣмъ также знаніемъ дѣйствительности, которымъ такъ не довѣряетъ рецензентъ. Одно изъ главныхъ достоинствъ нашей литературы и одинъ изъ прочныхъ залоговъ ея будущаго, самостоятельнаго преуспѣянн состоятъ въ томъ, что наши лучшие писатели очень хорошо приучили публику къ художественнымъ требованіямъ и сдѣлали невозможнымъ прочный и долговременный успѣхъ писателей, движимыхъ лишь современною, часто преходящею, хотя бы и горячею мыслию. Пусть мысли, «закрывающія въ себя то, что называется истиннымъ», выражаются въ нашей литературѣ, хотя бы форма, въ которой онѣ

выражены, и была неудовлетворительна, мы всегда встретим их сочувствием; но никогда в тоже время не откажемся совсѣмъ и отъ нашихъ художественныхъ требованій, и между прочимъ отъ требованій вѣрности дѣйствительности и естественности.

Кстати объ этихъ двухъ понятіяхъ. Рецензентъ какъ будто смѣшиваетъ ихъ. А между тѣмъ есть большая разница. Повѣрять каждое созданное авторомъ лице въ его особыхъ нравственныхъ чертахъ дѣйствительностью, было бы конечно странно. Ни такихъ, ни даже подобныхъ лицъ въ указанномъ авторомъ быту могъ не встрѣчать читатель или критикъ. Но привычки, складъ ума, образъ рѣчи и прочее должны быть непременно вѣрны выводимому быту, иначе эта стороша художественной обработки оскорбитъ всякаго, скольконибудь знакомаго съ бытомъ. Кому не знакома напримѣръ кухарка въ повѣсти Лазаревского, рассказывающая, какъ при переездѣ черезъ паромъ, втѣрь развѣла ленты на ея головѣ. Но если бы г. Лазаревскій вложилъ въ нее самыя высокія человѣческія движенія, разумѣлся, не слишкомъ утонченныя и изысканныя, и все это оправдывалось бы художественною задачею и исполненіемъ, неужели тогда нужно бы было собирать статистическія свѣдѣнія о кухаркахъ, чтобы рѣшить вопросъ: насколько истиненъ созданный авторомъ образъ. Въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ должно уже приходиться на помощь тонкое пониманіе естественности лица, доступное лишь художественному вкусу.

Изъ всего сказаннаго читатель конечно увидитъ, что мы вполне сочувствуемъ мыслямъ рецензента От. Зап., какъ протесту противъ односторонняго направленія, овладѣвшаго на время нашей литературой; но безусловно не можемъ допустить всѣхъ его положеній. Впрочемъ мы имѣемъ еще въ виду воротиться къ этому вопросу въ скоромъ времени и потому последуемъ теперь далѣе за рецензентомъ Отеч. Зап.

Послѣ нѣсколькихъ преній о томъ же вопросѣ, завязанныхъ рецензентомъ От. Зап. съ г. Л—въ, —авторомъ статьи «по поводу романовъ и рассказовъ изъ престопаднаго быта», напечатанной въ № 2 и 3 Современника нынѣшняго года, онъ такъ заключаетъ свои разсужденія:

«Читатель понимаетъ теперь то затруднительное положеніе критики, на которое старались мы указать, и котораго она сама, по большаѣ части, не хочетъ сознать. Она смѣло и рѣзко, изъ-за какой-нибудь спорной черты, готова осудить умнаго рассказчика, благомыслящаго писателя, нисколько не обращая вниманія на мысль произведенія и не задавая даже себя вопроса: не лучше ли иногда допустить нѣкоторую идеализацію мысли, даже преувеличенную, нежели ограничить все достоинство произведенія въ скопированіи предмета? Критика никогда не задаетъ себя серьезно вопроса: сама-то она откуда взяла свой прочный фундаментъ, и не настолько ли онъ долженъ и впрочемъ, что заставляетъ нѣсколько шататься самого критика? Не должна ли она быть крайне-снисходительною къ произведеніямъ, въ которыхъ найдетъ умную мысль, доброе намѣреніе?»

Не будет ли доказывать эта уступка — ея собственнаго ума? Понятіе о такъ-называемомъ реализмѣ, и соответствіи идеи и формы, о томъ, что идея писателя должна жить художественно въ лицахъ и ихъ дѣйствіи, перенесено въ эстетику изъ философіи, и какъ абстрактъ, грозный и неприступный, принято всеми критиками. Но разсмотрите ближе этотъ абстрактъ и вы найдете въ немъ много безпощаднаго, неестественнаго. Сколько мыслей, сколько чувствъ приносится ему въ жертву; сколько писателей *терпятъ отъ критики за то, что они умны и голова ихъ хорошо работаетъ...* но не по правиламъ художественной эстетики... Зачѣмъ же критики наши, которые такъ разнорѣчивы въ своихъ приговорахъ, не подумаютъ спросить одинъ у другаго о причинахъ этого разнорѣчія? Или они боятся открыть свою слабую сторону? Зачѣмъ же они такъ грозно-художественны тогда?

Мнѣнія рецензента выставлены здѣсь еще рѣзче чѣмъ прежде, но за то въ той же степени стала ясна и ихъ шаткость. Чего ему хочется, опредѣленно онъ и самъ не знаетъ. Желательно ли ему, чтобы критика отказалась совершенно отъ своихъ художественныхъ требованій и предоставила всякому писателю право облекать въ ложно-художественную форму всякаго рода умныя мысли и добрыя намѣренія? Но тогда она не будетъ эстетическою критикою и въ литературѣ совершенно исчезнетъ отдѣлъ «Словесности изящной.» Даже дубовые стихи, лишь бы содержали справедливыя мысли, должны тогда быть поощряемы критикою. Что же изъ этого выйдетъ? Требуется ли онъ только, чтобы «критика лучше допускала некоторую идеализацию мысли, даже преувеличенную, нежели ограничивала все достоинство произведенія въ скопированіи предмета?» Но это и безъ него уже давно допускается мыслящими критиками. Хочется ли ему разбить понятіе о соответствіи идеи и формы? — Но этого опять никакъ нельзя. Нужно ли ему наконецъ узнать о причинахъ разнорѣчія въ приговорахъ критиковъ? Но это разнорѣчіе очень понятно: оно происходитъ отъ различія въ умственныхъ способностяхъ, образованіи, отъ духа партій, отъ принадлежности критика къ какому нибудь журналу, наконецъ отъ минутнаго настроенія духа, и т. д. — Подождемъ другаго раза, чтобы узнать точнѣе, чего добивается критикъ?

Критическая статья о комедіи Грибоедова — «Горе отъ ума», — написанная по поводу вновь вышедшихъ четырехъ изданій этой комедіи, увольняетъ себя отъ обязанности вновь разбирать эту бессмертную комедію; за то общается съ удовольствіемъ напечатать въ От. Зап. всякіе матеріалы для біографіи или литературной дѣятельности А. С. Грибоедова. Какъ будто, какой нибудь другой журналъ отказался бы напечатать подобные матеріалы!

Въ «Иностранной литературѣ» напечатаны: «Первое соперничество Карла V и Франциска I» (историческій очеркъ Минье) и первая статья П. Н. Кудрявцева — («Римская исторія», соч. Шеллера и «о древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи», историческое изслѣдованіе Герлата).

Ш. О.

С М Ъ С Ъ.

КАРТИНЫ АХАННАГО РЫБОЛОВСТВА

ПРИ УСТЬЕ УРАЛА.

V.

Пора наконецъ обратиться къ аханьщикамъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ моего разсказа.

Прошло недѣль съ шесть, со дня выѣзда ихъ въ море. Погода, сверхъ обыкновеннаго, во все время стояла теплая, пасмурная. Аханьщики въ вольныхъ водахъ рыбачили на глубинѣ 4-хъ сажень. Помня добрый отеческій совѣтъ благоразумнаго гурьевскаго начальника, дальше, по тонкости льда, они не заѣзжали. Въ бакалахъ и вообще на мели въ черняхъ, рыба ловилась, но на глубинѣ, въ вольныхъ водахъ, мало. — Хотя до срока рыболовства — (онъ всегда полагается 1-го марта) — оставалось еще долго; но аханьщики вольныхъ водъ помышляли уже, выбравъ изъ воды аханы, ѣхать въ дома, какъ вдругъ, въ половинѣ февраля — (это было въ 1843 году) — сильнымъ южнымъ вѣтромъ взломало ледъ, со стороны моря, вплоть до острововъ, лежащихъ въ войсковыхъ дачахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ Урала. Не успѣли аханьщики опомниться — вѣтеръ заворотилъ отъ сѣвера, и — вотъ разнесло и разсыяло ихъ на льдинахъ по всему морю! Болѣе двухъ-сотъ человекъ, казаковъ и Киргизовъ, подверглось этой плачевной участи.

Ахнули гурьевскіе жители, когда узнали объ этомъ, безпримѣрномъ въ памяти ихъ отношеніи, и призадумались. Хотя не было дотолѣ примѣровъ смертности на аханномъ рыболовствѣ, но Гурьевцамъ нельзя было не бояться за участь отнесенныхъ аханьщиковъ,

смотря на наступившую въ то время оттепель. Даромъ что былъ февраль, дожди почти каждый Божій день шли; ледъ на Уралѣ совсѣмъ пропалъ; словомъ, настала чистая весна. Между-тѣмъ, какъ на зло, ледъ въ морѣ, противъ устьевъ Урала и по всѣмъ чернымъ казачьихъ дачъ, еще держался, и какъ ни былъ онъ рыхлъ, но все-таки преграждалъ собою путь Гурьевцамъ, пытавшимся ѣхать на легкихъ судахъ и лодкахъ спасать аханьщиковъ. Думали было обратиться въ астраханскіе предѣлы, на тамошнія рыбныя ватаги, но таже самая причина заставляла отказаться отъ такого предпріятія: само-собою разумѣется, что съ тѣхъ ватагъ, гдѣ на морѣ стоялъ еще ледъ, ѣхать на судахъ также, какъ и изъ Гурьева, было-бы невозможно; а на тѣхъ ватагахъ, которыя были очищены ото льда, нельзя уже было застать ни одного судна; потому что Астраханцы всегда вмѣстѣ со льдомъ, лишь только тронется онъ отъ черней, выѣзжаютъ въ море на бой тюленей. И такъ жители Гурьева-городка по необходимости, съ горемъ въ сердцѣ, должны были, какъ говорится, сложа руки, ждать конца участи аханьщиковъ и молиться Богу за ихъ спасеніе. Не было почти въ Гурьевѣ ни одного семейства, которое не оплакивало-бы въ то время одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ или родственниковъ.

Между-тѣмъ вѣсть объ этомъ ужасномъ отношеніи дошла до Оренбурга и встревожила начальника Оренбургскаго края В. А. Обручева. Онъ немедленно командировалъ въ Гурьевъ адъютанта своего штабъ-ротмистра Габбе, для изысканія на мѣстѣ средствъ къ спасенію аханьщиковъ. Не успѣлъ этотъ офицеръ выйти въ Гурьевъ изъ экипажа, какъ пріѣхалъ туда, за этимъ же дѣломъ, генералъ Строевъ. По что въ состояніи сдѣлать сила человѣческая какъ-бы силенъ и могучъ ни былъ человѣкъ — противъ дѣйствій природы!

Все осталось по прежнему. Гурьевъ впалъ въ уныніе, но однакожь не отчаявался.—Одинъ изъ тамошнихъ старожиловъ, проведеншій всю жизнь на морѣ, П. Дервяновъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ отношеніи и выѣхавшій оттуда въ саняхъ на бурдюкахъ, утѣшалъ осиротѣвшія семейства.

— Зачѣмъ плакать, говоритъ онъ всѣмъ и каждому, въ особенности казачкамъ: развѣ я даромъ, что-ли, плавалъ на пузыряхъ (*)? Показалъ примѣръ—и баста! Стыдъ и срамъ послѣ того казакамъ-молодцамъ пропасть въ морѣ, когда я, посмотрите-ка на меня,

(*) Пузырями казаки называютъ бурдюки, а что такое бурдюки, всякому, думаю извѣстно; впрочемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ, я расскажу объ нихъ.

старикашка дряхлый, да и то вы́халь изъ него здоровъ и невредимъ. Дайте-ка срокъ, Эродные; вотъ какъ будетъ потеплѣе, такъ небось, приплывутъ къ намъ наши рыболовчики.

— Да какъ же оно сбудется П. Д....чъ? возражали ему старушки. Ты говоришь, когда будетъ потеплѣе; а тогда, вѣдь, знаешь, и льду-то на морѣ не останется.

— Въ томъ-то и штука, мой касатушки, отвѣчалъ Деревяновъ.—Вотъ извольте-ка понять и обсудить, что я, глупая голова, скажу. Извѣстно, отъ самыхъ Пешныхъ (1) теперь вода; тамъ за ними ледъ въ морѣ взломанъ, плаваетъ кусками; на этихъ-то льдинкахъ мотаются наши удалцы. Вы́зжать имъ оттуда, полагать надобно, придется ужъ на пузырьяхъ, а на это-то они и не тотчасъ рѣшатся. Ну, къ чему они, примѣромъ сказать, твои дѣтки, даромъ зарѣжутъ теперь лошадушекъ, когда подъ ними ледъ еще твердый и они въ чаяніи проплавать на немъ нѣсколько недѣль? Можетъ случиться, напримѣръ, и то, что носить, носить ихъ на льдинѣ, да и принесть къ другой; ежели она побольше, да попрочнѣе ихней—они и переберутся на нее, а ту, глядишь, поднесетъ къ другой, еще побольше и покрѣпче—они и на ту маршъ; а тамъ, съ помощію Божіею, и къ черневому льду недолго добратся; въ черняхъ же ледъ теперь еще держится. Но когда этого имъ не удастся и когда льдины будутъ исчезать, — вотъ ужъ тогда-то аханьщики и примутся за лошадей: снимутъ съ нихъ кожи; сдѣлаютъ.... извѣстно какъ, что вамъ объ этомъ говорить.... сдѣлаютъ пузыри, да и поплывутъ на нихъ, какъ на косныхъ (2), съ Христомъ-Богомъ, кому куда поближе, какъ я, грѣшный, плавалъ въ прежніи годы. Такъ стало быть тужить и горевать не о чемъ!

Слушали казачки рѣчь Дервянова и, вспоминая его приключеніе, отъ котораго онъ такъ удачно отдѣлался, утѣшались (3).

Что же дѣлали въ это время аханьщики? Они бѣдствовали въ полномъ смыслѣ этого слова. Когда взломало ледъ и разнесло ихъ на льдинахъ по морю, они ясно увидѣли, что имъ приходится не до рыболовства и не до сбереженія рыболовныхъ снастей, а только

(1) Названіе острововъ, лежащихъ въ морѣ и принадлежащихъ Уральскимъ казакамъ.

(2) Названіе извѣстнаго устройства небольшихъ легкихъ лодокъ, употребляемыхъ на Каспійскомъ морѣ развѣздными уральскими чиновниками, оберегающими морскія воды отъ тайныхъ (воровскихъ) рыболовствъ.

(3) Приключеніе Дервянова было описано В. И. Далемъ и напечатано въ Свѣ. Пчелъ не помню котораго года; знаю только, что между 1836 и 1840 год.

бы какъ-нибудь спасти себя. У кого аханы были вынуты изъ воды, тѣ взяли ихъ, а у кого они оставались въ водѣ, тѣ такъ тамъ ихъ и бросили, и всѣ устремились къ Гурьеву. Но было ужъ поздно: кругомъ охватило ихъ волнующееся море!

Съ людьми, говорится, смерть красна. Слѣдуя этой пословицѣ, аханьщики стали собираться партіями, чтобы вмѣстѣ, общими силами, изыскивать средства къ своему спасенію. Примѣръ Деревянова былъ еще свѣжъ, памятенъ имъ. Сначала онъ былъ не нуженъ имъ; они надѣялись, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, выхвать къ чернымъ: но подъ конецъ они убѣдились, что нѣтъ другаго средства избавиться смерти, какъ съѣсть на бурдюки. Но къ сожалѣнію нѣкоторые изъ рыболововъ не знали искусства—какъ снять съ лошади кожу, чтобы вышелъ изъ нея годный бурдюкъ. Это проявилось въ артели С. Затворникова, молодого, лѣтъ 22 казака. Въ его артели было четверо Киргизовъ, людей неопытныхъ и отъ природы трусливыхъ, двое казачьихъ мальчиковъ, которые не больше смыслили въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ Киргизцы,—да къ довершенію несчастія двое русскихъ мужиковъ, которые только и знали, во все время бѣдствія, что плакать. Бѣда приходила Затворникову съ такими товарищами. Еще хуже было то, что льдина, на которой онъ держался съ артелью, угодила не изъ толстаго, спервозимья образовавшагося льду, а изъ тонкаго, покрывавшаго гдѣ-нибудь предъ тѣмъ какой-либо разность. Вскорѣ льдина эта, обтираясь и обламываясь съ краевъ объ другія мелкія, но не меньше того вредныя въ этомъ случаѣ, начала уменьшаться, и недѣли въ двѣ до того уменьшилась, что стала погружаться, такъ что аханьщикамъ доводилось стоять на ней по щиколотку въ водѣ. Въ такой крайности Затворниковъ рѣшился столкнуть и столкнулъ, въ воду пять лошадей, чтобы облегчить льдину. Бѣдныя животныя не могли съ разу утонуть, и плавая около льдины, жалобно ржали и вскидывали переднія ноги на льдину.—«Сердце такъ и вело коробомъ, говорилъ послѣ Затворниковъ: слезы, противъ воли, такъ и текли изъ глазъ, какъ я смотрѣлъ на муку лошадей!»—Чтобы скорѣе покончить страданія лошадей, давнишнихъ своихъ спутницъ по морю, Затворниковъ билъ по головамъ ихъ пешней, и тѣмъ помогать имъ уходить ко дну.—«Меня такое взяло въ то время зло (слова Затворникова)—что я забылъ о Богѣ, забылъ о грѣхѣ,—былъ какъ бѣшенный, и чуть-чуть, въ азартѣ, не огрѣлъ одного изъ мужиковъ по башкѣ пешней, за то, что они мнѣ ни въ чемъ не помогали, сидѣли въ саняхъ, какъ бабы, и выли голосомъ, словно за покойника.»

Между тѣмъ день ото дня становилось теплѣе, льдина часть отъ часу исчезала, и Затворниковъ каждую минуту видѣлъ неминуемую гибель; но какъ казакъ, какъ сынъ стараго моряка, не унижалъ и старался, какъ умѣлъ, утѣшать и ободрять своихъ горемычныхъ товарищей. — «Посмотрите-ка, братцы! говорилъ онъ имъ: вонъ впереди насъ шиханы! они, я знаю, около Пешныхъ, недалеко отъ черней; насъ къ нимъ уваливаетъ и сей-часъ ударить объ нихъ; но слушайте-ка! льдина подъ нами и безъ того чуть держится, а какъ толкнетъ ее въ шиханъ, такъ и ее, и насъ поминай какъ звали. Что призадумались? Аль боитесь утонуть? Гмъ! Какъ бы не такъ! Ужь эта стара штука! Видали мы еще не то, да не трусили. Вотъ веревка, возьмись каждый крѣпче за нее, да и держись. Не всѣ съ разу утонемъ; насъ не одинъ; кто-нибудь успеетъ вскочить на шиханъ, а тамъ, одинъ за другимъ, и всѣ вскарабкаемъ на него, а тамъ, Богъ милостивъ, переберемъ и на черневой ледъ; а ежели не удастся — такъ набьдутъ какіе-нибудь ловцы или тюленьщики; теперь ужь время такое, чай полно на моръ астраханскихъ судовъ.

Лишь только успѣлъ Затворниковъ кончить рѣчь свою, какъ льдину поворотило въ сторону и внесло въ мелкій, подобный кашѣ, ледъ, который казаки называютъ *саушъ*. Тутъ она увязла и остановилась. — «Опять, чортъ возьми, неудача! вскричалъ Затворниковъ голосомъ челоуѣка, разсержаннаго на весь свѣтъ; плюнулъ съ досады и сѣлъ въ раздумь на сани.

Затѣмъ наступила темная ночь, не первая, надобно замѣтить, а ужь двадцатая съ того времени, какъ Затворниковъ скитался по морю. Товарищи его рыдали и тѣмъ его бѣсили. — «Слушайте... трусы! сказалъ онъ имъ: ежели вы не перестанете плакать, да сидѣть спустя рукава,—то въ послѣдній разъ видите меня съ собой! Завтра, чѣмъ свѣтъ, брошу васъ здѣсь, какъ подлецовъ! Хоть вплавъ, хоть какъ-нибудь доберусь до шихановъ. Пропадайте вы тутъ, какъ собаки! Лучше, спокойнѣе десять разъ умереть одному, чѣмъ съ вами, съ такой, Господи прости, дрянью...

— «Да что же мы будемъ дѣлать?» проговорили сквозь зубы мужики.

— Что хотите, олухи, только не плачьте! Изрубите которыя-нибудь сани, разведите огонь, сядьте кругомъ его, да сказки сказывайте или пѣсни пойте; боритесь или хоть деритесь; тогда все-таки будетъ какъ-то повеселѣе. А то, вишь, какъ разхныкались, словно дѣвки, которыхъ насильно замужъ выдаютъ. По нашему, не робѣть — такъ выйдеть дѣло! Двухъ смертей, знаете, не будетъ, а отъ одной не отмолился и Анка-воинъ, а онъ вѣдь не намъ чета былъ. Ну, молодцы, за дѣло!

Ободренные, а быть-можетъ и утрашенные угрозою Затворникова, артельщики и работники его развели огонь.—

— Вотъ хорошо; давно-бы такъ болваны! сказалъ Затворниковъ.— А что, Петя, много—ли у насъ хлѣба? спросилъ онъ одного изъ казачатъ.

— « Много еще, отвѣчалъ тотъ.

— А сколько, по твоему, много?

— « Да цѣлыхъ два мѣшка.

— Ну немного много. Нынче на ночь, такъ и быть, по витушкѣ на брата, а завтра на двоихъ одну. Станемъ-те братцы, какъ въ походѣ, порціями ѣсть, чтобы послѣ не голодать, да маханину не жрать. А вы, нехристи, хотите лошадишки? Зарѣжьте чубараго, да и полакомтесь; все равно, бурдюковъ дѣлать не станемъ, не умѣемъ.

Киргизы, къ которымъ были обращены послѣднія слова этой рѣчи, отрицательно покачали головами; имъ было не до ѣды, не до лакомства.

— Ну, не хотите — какъ хотите! сказалъ Затворниковъ. — Была-бы честь предложена, а убитка Богъ избавилъ.

Разсвѣтало. Солнце жарко пекло аханьщиковъ.—Это было уже въ первыхъ числахъ марта — льдина, на которой они держались, чазла; цѣлыя стаи чаекъ вились и играли надъ ними; вокругъ нихъ, время-отъ-времени, выныривали тюлени и, плавая около льдины, съ какой-то завистию посматривали на людей, овладѣвшихъ льдиной, на которой только-бы имъ, жителямъ моря, слѣдовало полежать и погрѣться на весеннемъ солнцѣ. Виднѣвшіеся съ вечера вблизи шиханы тонули въ синей дали; ясно было, что аханьщиковъ за ночь отнесло отъ нихъ въ глубь моря. Спутники Затворникова, киргизы, начисто оробѣли, пали внизъ лицомъ и готовились къ смерти. Смотри на нихъ, можно было подумать, что они мертвы, еслибы по временамъ не слышались испускаемые ими глухіе стоны и частыя возванія: Алла! Русскіе хотя и держались на ногахъ, но находились не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ самые Киргизы. Одинъ Затворниковъ бодрствовалъ. Онъ сдвинулъ въ одно всѣ сани и связалъ ихъ между себя веревками, надвѣясь держаться еще сколько нибудь на такомъ, весьма ненадежномъ плоту. — Послѣдній овесъ, какой у него къ тому времени оставался, онъ рассыпалъ по полу и подпустилъ къ нему лошадей, что бы онѣ, голодуя до толѣ на малыхъ порціяхъ, хотябы передъ концемъ жизни насытились вдоволь; но бѣдныя животныя, какъ-бы предчувствуя по инстинкту, что имъ не пере-

жить этого дня, только понюхали овесъ, но ѣсть его не стали. Это озадачило и бодрого Затворникова, а трусливыхъ его товарищей и подавно.

Черезъ нѣкоторое послѣ того время Затворниковъ увидѣлъ въ дали черную точку. Которая мало-по-малу приближалась къ нему и наконецъ приблизилась до того, что онъ ясно разсмотрѣлъ троицхъ людей съ лошадыю. «Видно такіе же, какъ мы, горемыки, подумалъ Затворниковъ. — Дѣйствительно то былъ казакъ А. Курбетевъ съ мальчикомъ и Киргизцемъ. Судьба свела страдальцевъ вмѣстѣ. Лыдина подъ Курбетевымъ была больше и крѣпче. Затворниковъ съ своими людьми перебрался къ нему.

— Что же вы до сихъ поръ, оболтусы, не дѣлаете пузырей? былъ первый вопросъ Курбетева Затворникову.

— Не умѣемъ какъ дѣлать, отвѣчалъ послѣдній.

— Не умѣете.... Ахъ, чортъ возми! да это скверно! Я и самъ-то не мастеръ на эти штуки. Однако попробуемъ. Много-ли лошадей?... Восемь у васъ, одна у насъ—девять. Людей? Васъ девятеро, насъ трое, всего двѣнадцать человекъ. По-трое на пару. Одна лошадь въ запасъ.... Гмъ!... поучимся-ка на ней. Я слыхалъ когда-то отъ Дервянова, какъ онъ сочинялъ пузыри; сочинимъ и мы, можетъ статься, межу же его. — Эй, вы, орда проклятая! закричалъ онъ на Киргизовъ. Вставайте, да за дѣло принимайтесь! Вишь какъ они развалились, словно не до нихъ дѣло. Хорошо вамъ, поганые басурманы, отлеживаться: лишь только на берегъ—вы и пошли себѣ въ аулы на айрянъ, да на кумысь, а намъ вѣдь еще надо службу царску справлять, да на *курхай* (*) собираться. Ну, что разинули рты? Аль хотите, что-бы я нагрѣлъ вамъ бока леньками! Живѣй за работу!

Киргизы, покорные голосу Курбетева, принялись вмѣстѣ съ нимъ и Затворниковымъ за дѣло.

Въ нѣсколько часовъ лошадей не стало; на мѣсто ихъ явились бурдюки.

Бурдюки дѣлаются вотъ какъ: сперва зарѣзавъ лошадь, отрѣзываютъ ей прочь голову; потомъ съ шеи, кусокъ-за-кускомъ и кость-за-костью, отдѣляютъ ножами и вынимаютъ изъ шкуры, какъ изъ мѣшка, все до-чиста мясо и остовъ лошади; послѣ края шкуры у отрѣза надѣваютъ или иначе сказать нанизываютъ на острый,

(*) Сокращенное слово *курхайское* рыболовство, отправляемое казаками на судахъ весной, по вскрытіи льда.—У казаковъ привычка сокращать названіе рыболовствъ; такъ, напримеръ, они называютъ *аханное* рыболовство просто—*аханы*; *плавенное*—*плавня*, и т. д.

сдѣланный изъ дубоваго саннаго полоза, гвоздь; подѣ самымъ гвоздемъ сжимають шкуру и крѣпко-на-крѣпко перетягивають и уви-вають тонкой бичевой (веревкой), такъ чтобы между складокъ не могъ выходить воздухъ; наконецъ въ ногахъ дѣлають маленькія скваженки, вставляютъ въ нихъ тростниковыя дудочки, и посред-ствомъ ихъ, чередуясь между собой, аханьщички надувають шкуры на подобіе пузырей. Послѣ того бурдюки эти подвязываютъ подѣ сани съ боковъ, къ каждымъ санямъ по два бурдюка. Такого устройства плоты, или, какъ называютъ ихъ въ шутку казаки, *паровые* (пароходы) могутъ поднимать двоихъ и троихъ человекъ, а по нуждѣ и четверыхъ.

Лишь только Затворниковъ и Курбетевъ успѣли устроить и приладить къ санямъ бурдюки, какъ льдина, служившая имъ под-ножіемъ на такомъ гибкомъ и живомъ пути, отъ волненія разлома-лась на мелкіе куски и разсѣялась. Къ счастью, у обѣихъ артелей было довольно хлѣба. Раздѣливъ его еще заранѣе поровну, ахань-щички успѣли по три человекъ на каждыя сани и пустились по морю, по направленію къ Чернымъ. Чтобы не разнесло ихъ врозь, они связали сани веревкой однѣ за другія. По временамъ они при-ставали къ льдинамъ, которыя попадались имъ на пути, и выходили на нихъ, чтобы отдохнуть и расправить свои члены. Тутъ они подновляли воздухомъ и бурдюки, которые отъ продолжительнаго плаванія на водѣ теряли изъ себя часть воздуха, и оттого больше, чѣмъ слѣдовало, грузнули въ воду. Пять дней такимъ образомъ плавали Затворниковъ и Курбетевъ съ товарищами, пробираясь къ чернымъ, но вѣтеръ — къ счастью не очень рѣзкій — уносилъ ихъ отъ нихъ и кружилъ по морю, мало повинувшись весламъ аханьщи-ковъ, сдѣланнымъ изъ санныхъ оглобелъ, да изъ лопатокъ лошади-ныхъ ногъ. Наконецъ въ шестой день такого мучительнаго и ги-бельнаго состоянія, судьба нанесла ихъ на судно тюленыхъ про-мышленниковъ. Добросовѣстные Астраханцы немедленно привезли ихъ къ Гурьеву, на Стрѣлецкую косу.

Затворниковъ и Курбетевъ первые съ артелями явились изъ относа въ Гурьевъ городокъ, гдѣ встрѣтили ихъ сначала какъ вы-ходцевъ съ того свѣта.

— «Слава Богу! говорили между прочимъ обрадованные Гурьевцы, ужъ коли Затворниковъ выплелся, (а онъ, замѣтить въ скобкахъ, не изъ весьма-то ловкихъ казаковъ), такъ другіе, помолодцоватѣе его, и подавно должны выгнать!»

VI.

Среди пустынного, безконечнаго моря, отъ востока къ западу, по краю льдины тянулся обозъ, лошадей до 30; на встрѣчу ему другой лошадей въ 20-ть. Съѣхавшись аханьщики—то были изъ числа несчастныхъ разнесенныхъ по морю—остановились. И тѣ, и другіе искали выѣзда къ берегамъ, а берега—то имъ и не давались. «Куда теперъ поѣдемъ, братцы? спрашивали одни». Поѣдете на полдни, отвѣчали другіе: авось тамъ найдемъ большіе льды; вѣдь насъ туда, кажись, уваливаетъ». Отправились. Но проѣхавъ версты съ три, они и тамъ встрѣтили волнующееся море, покрытое мелкими, избитыми кусками льду. «Стойте, товарищи! вхать не куда!» Остановились. Старые рыболовы сошлись въ кружокъ и стали думать, да гадать—какъ бы горю помочь. По общему совѣту снесли со всѣхъ артелей и сложили въ одно мѣсто хлѣбъ, и приставили къ этому запасу одного казака, чтобы онъ выдавалъ изъ него на день каждому челоуѣку опредѣленную весьма малую порцію. Потомъ отсчитали на каждыхъ тронхъ челоуѣкъ по двѣ лошади и отдали ихъ въ руки Киргизамъ, чтобы они, зарѣзавъ ихъ, снимали съ нихъ по указанному способу, кожи на бурдюки, лишнія сани изрубили на дрова и велѣли Киргизамъ наварить для себя сколько можно больше лошаднаго мяса, а для Русскихъ рыбы, чтобы тѣмъ усилить запасъ продовольствія, такъ—какъ аханьщики предвидѣли, что дѣло пойдетъ въ оттяжку. Не забыли, между прочимъ, казаки и лошадей, оставшихся въ живыхъ. Весь овесъ (сѣна къ тому времени не осталось ни клока) сложили въ одно мѣсто и положили давать его каждой лошади по пригоршнѣ въ день. Кормъ этотъ, больше чѣмъ скудный, дошелъ въ послѣдствіи, замѣтитъ кстатѣ, до совершеннаго почти уничтоженія, такъ—что аханьщики должны были подъ конецъ, для поддержанія жизни въ лошадяхъ, подмѣшивать въ овесъ собственный ихъ пометь, мелкоизрубленныя рогожи и стружки санныхъ крѣулинъ.

Устроившись такимъ образомъ и обезпечивъ себя провизією, на случай голода, и бурдюками, на случай того, еслибы льдина подъ ними уничтожилась, аханьщики разставили кошары, расположились въ нихъ съ свойственнымъ имъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, и стали ждать развязки страдальческой своей участи. Между тѣмъ день за днемъ становилось теплѣе и нерѣдко спрыскивалъ аханьщиковъ дождь, а льдину подъ ними продолжало носить изъ стороны въ сторону: то подвигало ее къ чернямъ, то снова удаляло въ море. Часто аханьщики, свернувъ рукавицы на подобіе зрительныхъ трубъ, посматривали вокругъ себя не шлетъ ли откуда имъ

Богъ помощи. «Нечего глазѣть по сторонамъ напрасно! сказалъ однажды казакъ П. Голубовъ, изъ числа неустрашимыхъ и отважныхъ рыболововъ. Рано теперь; видите, кругомъ со всѣхъ сторонъ заперло насъ льдомъ, а вотъ подождите съ недѣлю, льдины прорѣдѣютъ и море очистится, тогда авось виявятся какія нибудь суда астраханскія. Лучше давайте-ко, братцы, отъ скуки, тюленей стрѣлять. Эй, вы, мои гулебщики (*)! У кого есть ружья? Берите ихъ, да маршъ за мной! вонъ туда, на край льдины; тамъ я вижу есть тюлени, примемся-ка ихъ колотить: они намъ пригодятся.

— «Ужь, чего добраго, не торговать ли ты, дядя Паша, вздумалъ тюленьимъ жиромъ? замѣтилъ съ улыбкой стоявшій около него казаченокъ.

— На, на, на! ахъ, ты бѣсъ, зелены волосы! Да какъ еще говорить, убей его заразой! отвѣчалъ обидясь Голубовъ. Что я выдумалъ того ни тебѣ, ни отцу твоему, старому кобелию во вѣки вѣковъ не выдумать, прибавилъ онъ. Ты еще не знаешь щенокъ, какое угодые въ тюленьемъ жиру, больно большое, больше чѣмъ въ тебѣ, а пожалуй и во всѣхъ что васъ здѣсь ни наестъ, молокосахъ! Онъ, тюлений-то жиръ, впервыхъ горитъ какъ дерево, такъ стало быть замѣна дровамъ; въ дровахъ же, ты знаешь у насъ большая нужда; а во вторыхъ онъ плаваетъ на водѣ, не хуже живаго тюленя, такъ стало быть подмога будетъ и бурдюкамъ. Да что съ тобой толковать! Постой-ка, голубчикъ увидишь это на самомъ дѣлѣ, да еще послѣ научишь дѣтей своихъ, ежели они у тебя будутъ, т.-е. короче сказать, ежели ты, пострѣленокъ не нынче, не завтра не отправишься на тотъ свѣтъ, или не угодишь къ черту на свѣчку.

— «Ну полно, дядя Паша, сердиться, да накликать бѣду; вѣдь я пошутилъ, прости Христа ради, проговорилъ мальчикъ съ непригляднымъ видомъ смиренія и кротости.

— Печего мнѣ на тебя сердиться; не стоитъ; дать вотъ тебѣ хорошую подзатылину, чтобъ ты бестія, впередъ не смѣлъ шутить надъ старшими, такъ станешь знать небось, прикусишь тогда острый свой язычекъ. Возми-ка лучше, бѣсенокъ, прогонъ да пешню да и пойдемъ со мной.

Съ послѣднимъ словомъ вскинувъ на плечо ружье, любимую и неизмѣнную свою турку, Голубовъ пошагалъ къ краю льдины; за нимъ пошли другіе, кто съ ружьемъ кто съ багромъ, а кто съ шестомъ и веревкой.

(*) Гулебщикъ значитъ охотникъ.

Съ часъ аханьщики ходили по окраинѣ льдины и стрѣляли тюленей, которые близко отъ нихъ выныривали. Собирались уже они идти съ добычей на станъ, какъ увидѣли не вдалекѣ отъ себя небольшую льдину, а на ней сани съ привязанной къ нимъ лошадю. Вскорѣ льдину эту принесло къ ихней, и они подошли къ ней, чтобы снять съ нея сани и лошадь. По какъ же они удивились, когда на днѣ саней увидѣли мертваго челоуѣка, который какъ живой, сидѣлъ на корточкахъ, прислонясь спиной къ саннымъ головяшкамъ и держалъ на колѣняхъ въ стиснутыхъ и окоченѣлыхъ рукахъ мѣдную икону. На глазахъ у мертвеца была надвинута баранья шапка. Одинъ изъ аханьщиковъ подошедъ къ нему, приподнял съ головы его шапку, и всѣ тогда узнали въ мертвомъ казака Чирова, того самаго, припомните читатель, который при выгѣздѣ изъ дома на рыболовство позабылъ образъ Николая Чудотворца. Вѣрно застигнутый врасплохъ относомъ и отбитый отъ людей, старикъ умеръ съ голоду. Лошадь его истомленная голодомъ же походила не на лошадь, а скорѣе на скелетъ, обтянутый кожей. Увидѣвъ вокругъ себя людей, она хотѣла повернуться къ нимъ, но лишь только переступила одной ногой, какъ тутъ же упала и не могла встать. Не говоря ни слова, казаки взяли въ руки шесты и оттолкнули отъ себя льдину, на которой находился мертвецъ. Отплывъ саженей 50-тъ льдина столкнулась съ другой вдвое ея большей, не выдержала толчка и разломилась въ мелкіе куски. Первая на дно пошла лошадь, за нею сани, и заключеніе Чировъ. Въ минуту то мѣсто покрылось наплывшей новой льдиной. «Царство небесное тебѣ добрый старикъ!» сказали аханьщики и пошли пригорюнясь на станъ.

Прошло послѣ того еще недѣли двѣ безъ особыхъ приключеній. Во все время аханьщики не сидѣли даромъ, не унывали: одни продолжали стрѣлять тюленей, другіе прилаживали курдюки къ санямъ спускали ихъ въ воду и плавали вокругъ льдины, испытывая прочность созданныхъ самими ими плотовъ; иные же устроивали денные и ночные маяки, чтобы дать о себѣ знать Астраханцамъ, если бы случилось, что сіи послѣдніе плыли на суднѣ недалеко отъ нихъ. Днемъ маяки состояли изъ поднятыхъ вверхъ шестовъ, на концахъ которыхъ развѣвались куски рогожъ или кошомъ. Ночью же маяки дѣлались съ огнемъ. Обыкновенно на самый конецъ шеста втыкали кусокъ или цѣлую тюленью шкуру съ жиромъ; не много ниже этой шкуры привязывали къ шесту пукъ мочалы, мочалу зажигали и шестъ тотчасъ поднимали вверхъ. По мѣрѣ того, какъ пламя отъ мочалы взвивалось къ верху, тюлений жиръ таялъ и каплями падалъ на мочалу отчего огонь въ ней усиливался, и она невдуртѣ уничто-

жаяясь, продолжала горѣть плавно, медленно какъ свѣтильня въ лампѣ; между тѣмъ воспламенялась и самая шкура, и все это горѣло до тѣхъ поръ, пока конецъ шеста не обгоралъ и не падалъ на полъ. Тогда маякъ снова возобновлялся.

Была уже половина марта. Сверхъ обыкновеннаго, жара такъ и пекла аханьщиковъ. Лыдина подъ ними часъ отъ часу рыхлѣла; нужно было съ осторожностію ходить по ней, чтобы не провалиться. Не въ дальнемъ разстояніи отъ аханьщиковъ виднѣлась гряда шихановъ. Рыболовы рассчитывали, что между шихановъ ледъ долженъ быть тверже того, на которомъ они держались, а потому и рѣшились переѣхать туда. Начали уже спускаться на воду сани съ бурдюками и усаживаться на нихъ, какъ вдругъ недумано-негадано, раздался радостный крикъ казака: «судно!»—«Судно! судно!» повторили всѣ въ восторгъ и устремили жадные взоры свои въ ту сторону, куда указывалъ Голубовъ. Дѣйствительно виднѣлось не вдалекъ отъ нихъ судно, шедшее прямо къ нимъ на всѣхъ парусахъ. То были Астраханцы тюленьщики, которые еще за двое сутокъ увидѣли несчастныхъ аханьщиковъ, но не могли за льдами къ нимъ подѣхать.

Черезъ полчаса аханьщики были уже на суднѣ, а черезъ нѣсколько дней—въ Астрахани, куда вывезли ихъ Астраханцы.

Половина изъ лошадей незарѣзанныхъ на бурдюки, къ тому времени пала отъ безкормицы, а остальные, полуживыя брошены были на льдинѣ.

VII.

Еще на одной изъ безчисленныхъ льдинъ, плававшихъ въ то время по Каспійскому морю собралась послѣ взлома льда, партія аханьщиковъ, состоявшая человекъ изъ 30-ти Уральцевъ и изъ 40 Киргизовъ. Въ этой партіи къ сожалѣнію не было почти ни какого порядка, каждый говорилъ свое, и никто не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ другаго, а все оттого, что въ партіи этой Гурьевцевъ было мало. Казаки же, живущіе на форпостахъ по линіи Урала, не привыкшіе къ аханному рыболовству и дотолъ мало видѣвшіе море, недоумѣвали и не довѣряли Гурьевцамъ, считая ихъ, конечно несправедливо, виновниками своего несчастія. «Не смотри на васъ, говорили они имъ, мы бы не заѣхали такъ далеко».

— А чортъ васъ тащилъ сюда! отвѣчали безстрашные Гурьевцы. Впередъ вамъ дуракамъ наука, знайте край да не падайте. Вы всегда лупите на насъ глаза, думаете, что мы чортъ знаетъ какъ живемъ, что все даромъ намъ достается, вотъ оно какъ даромъ-то!

Разногласіе это породило между аханьщиками споръ, отъ спора дошло до брани, и Гурьевцы, и линейные казаки не затруднялись въ наборъ ругательскихъ словъ, которыми они честили другъ друга, послѣдніе наконецъ отступились и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Что вы лаетесь, собаки! Развѣ нельзя просто говорить безъ браннаго слова! Бѣлены что-ли вы объѣлись?

— «Какъ васъ, болвановъ, не ругать отозвался со стороны Гурьевцевъ казакъ. Вишь вы взялись не за свое дѣло, да туда же еще харахоритесь, ломаетесь, будто бы что-нибудь тутъ смыслите. Молчали бы ужь! Гдѣ вамъ арянъщикамъ (1)... кисельничать? Знали бы свой Яикъ, лучше бы было.

— Нечего указывать на Яикъ, сами знаемъ, стыдно бы объ этомъ вспоминать да укорять другъ дружку. Былъ онъ когда-то Яикъ да сплылъ, чай извѣстно и вамъ, величали его когда-то еще Горынычемъ и золотымъ донышкомъ, и тѣмъ и сѣмъ, и мало ли чѣмъ еще. По нынче онъ уже не тотъ, старъ видно, сталъ. Бывало, сказываютъ старики, 10 или 12 саженымъ багромъ наслу дно въ немъ доставали, а нынче, совѣстно сказать, кулики черезъ него бродятъ: гдѣ тутъ водиться рыбъ. Цѣди себѣ въ немъ воду сколько хочешь, брусъ съ оселкомъ выцѣдишь! Пѣтъ ужь, не та пора, отошло оно времечко-то когда наши старики на выборъ ловили осетровъ. Эхъ, братцы! Если бы не нужда, чортъ ли бы къ вамъ сюда поѣхалъ, Господи прости!

Киргизы, видя несогласіе и раздоры Русскихъ, начисто взбунтовались и отказались отъ повиновенія хозяевамъ. Человѣкъ 20-тъ изъ нихъ, подстрекаемые и возмущаемые однимъ дворовымъ чело-вѣкомъ уральскаго чиновника, бросили лошадей, которыми управ-ляли, насовали въ карманы и пазухи хлѣба и, руководимые этимъ крестьяниномъ, пошли прочь отъ партіи на востокъ, къ Прорвин-скимъ чернямъ, (2) которые, по ихъ замѣчанію, находились неда-леко отъ нихъ. Верстъ пять или шесть они шли по ровному, твер-дому льду; но потомъ должны были, оставивъ за собою прочный ледъ, перебираться по взлому, перепрыгивая съ льдины на льдину и подвергаясь каждочасно гибели. Двое изъ Киргизовъ, утрашенные очевидною опасностію, отстали отъ товарищей и возвратились на

(1) Городскіе казаки въ насмѣшку называютъ всѣхъ другихъ живущихъ по фор-постамъ на линіи и питающихся между прочимъ молокомъ, *арлъ ышкками*, отъ киргизскаго слова: *арль* или *айрль*. Арянъ ничто иное какъ наква-шенное и потомъ разведенное съ водой молоко.

(2) Близъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, между устьями рѣки Эмбы и уничтоженнымъ Ново-Александровскимъ укрѣпленіемъ, есть острова, на-зываемые Прорвой, отъ нихъ-то и черня называются Прорвинскими.

другой день къ партіи; а тѣ, которые пошли дальше съ крестьяниномъ, всѣ до одного пропали безъ вѣсти. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что они погибли.

Между тѣмъ въ партіи дѣло все-таки не клеилось, не шло на ладъ. Линейнымъ казакамъ, впервые собравшимся на аханное рыболовство, казалось дико, непонятно—рѣзать лошадей на бурдюки; еще не понятіе—какъ плавать на бурдюкахъ по морю, когда они слышали, что и суда на немъ разбиваются, тонуть. Тогда П. Поповъ, гурьевскій житель, записной и опытный рыбакъ, вставши на возъ съ аханами и поднявши надъ головой руку, вооруженную кнутомъ, сказалъ:

— Если мы будемъ только спорить, да вздорить, то изъ этого ничего путнаго не выйдетъ!... Лучше разъѣдемтесь-ка, братцы, отъ грѣха врозь, кому куда вздумается,—льдины намъ не занимать; она, слава Богу, еще широка, а кому тѣсна, тотъ пускай себѣ ищетъ другую; тогда дѣлай себѣ всякъ, что захочетъ; я съ вами дольше не останусь. Ну, товарищи! Кто охотникъ? За мной! Пошелъ!

Съ послѣднимъ словомъ онъ взмахнулъ кнутомъ и поскакалъ прочь.

— Я съ тобой! я съ тобой! раздалось вразъ нѣсколько голосовъ, и вскорѣ отъ партіи отдѣлилась небольшая толпа аханъщиковъ и скрылась съ передовымъ за ближайшими храпами. Спустя двѣ недѣли эта маленькая партія, предводимая Поповымъ, перебираясь съ льдины на льдину, добралась наконецъ, послѣ неимоверныхъ трудовъ и опасностей, до череваго льду, около Мангышлака, а оттуда, слѣдуя берегомъ, счастливо достигла Гурьева.

Оставшіеся на мѣстѣ рыболовы два дня жили тутъ безъ всякой пользы, были въ нерѣшимости—пуститьсь-ли имъ вслѣдъ за уѣхавшими аханъщиками или оставаться тутъ. Но вскорѣ потомъ налетѣвшая буря разомъ покончила ихъ раздумье: въ нѣсколько минутъ изъ огромной льдины, на которой они находились, образовались куски, и на нихъ-то аханъщики, гдѣ по трое, по четверо, гдѣ по шестеро, противъ воли, разсѣялись во морю. Тогда они по необходимости должны были приняться за бурдюки—эти по видимому пустыя, но на самомъ дѣлѣ спасительныя штуки.

Считаю лишнимъ уже рассказывать бѣдственное ихъ состояніе, а равно и другихъ, скитавшихся въ разныхъ мѣстахъ по морю аханъщиковъ. Всѣ они, снятые въ послѣдствіи на суда Астраханцами, терпѣли одно и то же горе, которое почти во всемъ походило на преждеописанное мною горе другихъ партій. Достоинно замѣчанія только приключеніе тронхъ казачьихъ мальчиковъ, которые по несчастію отдѣлились отъ партіи съ одной только лошадыю,—да одного казака, котораго въ другомъ мѣстѣ отшибло отъ артели совершенно

одного съ небольшимъ хлѣбомъ за пазухой, да съ *подбагреникомъ* (*) въ рукахъ. — Первые трое очутились на маленькой льдинѣ, съ которой они вынуждены были столкнуть въ воду лошадь съ санями, чтобы облегчить льдину, потому что она и безъ того однихъ ихъ насилу держала. Послѣ того они перебирались съ льдины на льдину, которыя, обтираясь одна объ другую, часъ-отъ-часу мельчали и наконецъ дотого измельчали, что имъ всѣмъ троицъ не можно было держаться на одной. Тогда они связали возжи концами вмѣстѣ и сдѣлали такимъ образомъ изъ нихъ кругъ. Схватившись за эти возжи они старались не разъединиться между собою, безпрестанно вытаскивая другъ друга изъ воды, куда, скользя съ маленькихъ льдинъ, они каждую почти минуту падали. Два дня они пробыли въ такомъ гибельномъ состояніи, изнуренные голодомъ и промокшіе до костей. На третій день, когда уже казачаты совершенно обезсилѣли, ихъ прибило къ большой льдинѣ. На ней они встрѣтили партію другихъ аханщиковъ и съ ними уже въ послѣдствіи были сняты Астраханцами на суда.

Казакъ же, — то былъ Д. Бакировъ, житель Гурьева городка, — перепрыгивая съ льдины на льдину, когда отнесло его отъ товарищей, скорѣй вышелъ на твердую, большую льдину. Ходя по ней изъ стороны въ сторону, онъ нигдѣ не находилъ выхода: вездѣ встрѣчалъ бушующее море. Одинъ одиноконекъ, среди пустыннаго, навѣвающаго могильнымъ холодомъ моря, страдая голодомъ — Бакировъ близокъ былъ къ отчаянію. Однажды, какъ сказывалъ онъ послѣ, хотѣлъ-было онъ броситься въ воду; но мысль о женѣ и о дѣтяхъ, а также и о своей душѣ, остановила его отъ самоубійства. — Вооружась терпѣніемъ и положась на Провидѣніе Божіе, Бакировъ машинально, безъ всякаго соображенія, продолжалъ себѣ бродить по льду, куда глаза глядятъ. Шесть дней терпѣлъ онъ муку голода. Наконецъ судьба сжадилась надъ нимъ, наведя его на небольшую рыбу (шипа), брошенную на льду къмъ янбудъ изъ аханщиковъ. Съ жадностію собаки и съ быстротою кошки онъ бросился на добычу, какъ будто боясь, что она можетъ ускользнуть отъ него. Какъ ни была отвратительна сырая рыба — Бакировъ съ удовольствіемъ и наслажденіемъ принялся ѣсть ее. Насытившись, онъ пошелъ дальше, взявъ съ собой и рыбу. Три недѣли онъ питался этой рыбой, скитаясь по морю и переходя съ льдины на льдину, въ надеждѣ выдти къ черпямъ. Но видя наконецъ, что льдины стали рыхлѣть, исчезать, а берега между-тѣмъ нигдѣ не показывались, — онъ рѣшился

(*) Ротъ бигра на короткомъ вязовомъ шестикъ. Подбагреникъ употребляется при вытаскиваніи рыбъ изъ прорубей.

взобраться на одинъ изъ встрѣтившихся ему большихъ шихановъ. Тутъ Бакировъ оковчательно остановился, въ ожиданіи какого-нибудь судна Астраханцевъ. — «Больше всего, говорилъ онъ послѣ: я терпѣлъ и страдалъ на шиханъ отъ холода. Днемъ мнѣ было тепло еще отъ солнышка, но по ночамъ... ай, ай, не приведи Богъ злому Татарину!... у меня зубъ на зубъ не попадалъ; словно я былъ въ погребу, во льду зарытъ.

Сидя на шиханѣ, Бакировъ замѣтилъ однажды, что тюлень, плавая около шихана, посматривалъ на него съ особеннымъ вниманіемъ, пытаясь влѣзть на него. Спрятавшись за одну выдвинувшуюся на шиханъ неровность, Бакировъ подстергъ тюленя, когда тотъ вползъ на шиханъ — мигомъ забагривъ его подбагреникомъ и умертвилъ. Снявши съ тюленя кожу съ жиромъ, Бакировъ досталъ изъ кожаной, висѣвшей на поясу у него сумки, огниво, выскѣкъ огня, натеребилъ ваты изъ бывшаго на немъ бухарскаго халата и развелъ огонь. Это было уже къ ночи. Когда Бакировъ сидѣлъ и грѣлся около огня, въ то время плыло мимо шихана судно тюленныхъ бойцовъ. Астраханцы, увидѣвъ огонь, остановились и послали къ шихану лодку. Не будь у Бакирова огня, Астраханцы проѣхали бы мимо его не замѣтивъ.

VIII.

— А что, Денисъ, ты, я думаю, далъ зарокъ не ѣздить больше на аханное рыболовство, когда сидѣлъ на шиханѣ и ѣлъ сырую рыбу? спросилъ я Бакирова вскорѣ послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ отнуса.

— «Помилуйте, сударь, отвѣчалъ Бакировъ: что я за дуракъ такой, что буду отказываться отъ рыболовства и отрекаться отъ батюшки синя-моря, нашего кормильца! Бросать рыболовство нашему брату, гурьевскому казаку все равно, сударь, что въ землю зарываться: чѣмъ станешь семью кормить, да на что службу царску справлять?

— Да въдь страшно, Бакировъ, замѣтилъ я, какъ разъ утонешь.

— «Ну, такъ чтожь? сказалъ Бакировъ. Съ Богомъ! Двѣ смерти не будетъ, а одной не минуешь, какъ ни шатай, какъ ни валяй. Да что объ этомъ и говоритъ! прибавилъ онъ. Ужь кому, сударь, на роду написано утонуть, тотъ и въ лужѣ утонетъ, а кому еще жить, тотъ и изъ *клянъ-моря* выѣдетъ здоровъ и невредимъ!

И не одинъ Бакировъ, а всѣ Уральцы такого счастливаго мнѣнія.

Въ заключеніе скажу, что аханное рыболовство какъ ни страшно, какъ ни опасно и какъ, въ случаѣ, ни раззорительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и благотѣльно: во-первыхъ оно даетъ средства жить казакамъ безбѣдно, во-вторыхъ, что должно считать еще важнѣе, — оно служитъ для казаковъ отличной школой. На аханномъ рыболовствѣ, казакъ, съ малыхъ лѣтъ свыкается съ опасностію, не ставитъ въ послѣдствіи ее въ грошъ, дѣлается живымъ, ловкимъ, расторопнымъ, смѣлымъ и смѣтливымъ, въ крайнихъ случаяхъ предприимчивымъ и находчивымъ, привыкаетъ къ трудамъ, къ холоду, а подчасъ и къ голоду; словомъ, казакъ на аханномъ рыболовствѣ укрѣпляется тѣломъ и совершенствуется духомъ.

Ж. ЖЕЛѢЗНОВЪ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПАГАНИНИ И ПОСМЕРТНЫЯ ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

Очень мало известно о послѣднихъ минутахъ и даже, можно смѣло сказать, о послѣднихъ годахъ жизни Паганини. Предлагаемыя нами свѣдѣнія собраны въ Ниццѣ, гдѣ умеръ великій виртуозъ; они дадутъ біографамъ возможность слѣдовать за нимъ не только до послѣдней минуты его жизни, но даже и за предѣлы ея. За достоверность этихъ свѣдѣній можно поручиться вполнѣ, потому что они почерпнуты изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

Мимоходомъ же, постараемся выставить передъ читателемъ нѣкоторыя неизвѣстныя еще, странности изъ жизни этого знаменитаго артиста.

I.

Паганини принадлежалъ къ тому разряду гениевъ, которые съ самаго малолѣтства рѣзко выказываютъ свое назначеніе и представляютъ при этомъ огромную плодовитость своего дарованія. Учителемъ его былъ извѣстный въ свое время по всей Италіи скрипачъ Ролла. Объяснивъ ему всѣ правила искусства и увидя невозможныя успѣхи своего малолѣтнаго ученика, онъ бросилъ его, сказавъ, что мальчуганъ знаетъ уже больше учителя.

Во всѣхъ до сихъ поръ ходящихъ въ обществѣ и даже напечатанныхъ разсказахъ о его музыкальномъ воспитаніи нѣтъ ни малѣйшей искры правды. Онъ вовсе никого не убивалъ; не сидѣлъ никогда въ тюрьмѣ, не изливалъ никогда своихъ терзаній по этому случаю на четвертой струнѣ, и никогда не имѣлъ никакого тайнаго сношенія съ адскими силами, потому что былъ всегда очень ревностнымъ католикомъ. Учился онъ играть на скрипкѣ также какъ и всѣ прочіе; только выучился и игралъ не много лучше всѣхъ прочихъ, можетъ быть, благодаря какой-нибудь выпуклости въ черепѣ, которую пусть поищутъ и укажутъ намъ френологи.

Когда онъ явился въ Парижъ, то носилъ уже въ себѣ зародышъ той болѣзни, которая свела его въ могилу. Самый блестящій періодъ его былъ 1815, 16 и 17 годъ. Онъ былъ тогда истинной утѣхой для своихъ соотечественниковъ, Генуэзцевъ, и имя его было уже извѣстно по всей Италіи. Жилъ онъ тогда настоящимъ артистомъ, занимая небольшой уголокъ наверху одного мрачнаго дома, находящагося въ самомъ захолустьѣ Генуи, проводя жизнь въ нищетѣ и отдаваясь всей душой широкому разсуду молодости, всегда исполненному бурь и смитеній. Любовь и игра оспаривали у музыки

его время и сердце. И онъ не былъ тогда такъ скупъ насчетъ своего таланта, какъ это случилось съ нимъ въ послѣдствіи. Безъ всякихъ заднихъ мыслей, отдавалъ онъ своимъ согражданамъ, къ величайшей ихъ радости, и себя и свою скрипку. Онъ услаждалъ ихъ безпрестанно то въ публичныхъ концертахъ, то въ великолѣпныхъ аристократическихъ салонахъ, и даже, по обычаю итальянскому, на улицахъ. Въ то время былъ въ Генуѣ другой, тоже очень даровитый артистъ, уроженецъ Ниццы, нѣкто Палльери Леа. Паганини былъ съ нимъ очень друженъ и особенно уважалъ въ немъ талантливую игру на бассѣ. Кромѣ его, онъ не хотѣлъ и слышать о другомъ аккомпанитѣрѣ. Сколько разъ слышались, по ночамъ, въ дальнихъ закоулкахъ Генуи, волшебная скрипка и усладительная виолончель или звонкая гитара. Оба пріятели проходили такимъ образомъ по разнымъ улицамъ мраморнаго города, импровизируя восхитительныя дуэты подъ окнами красавицъ, очаровывая слухъ пробудившихся сосѣдей и укрощая суровый духъ караульныхъ солдат! Если исполнителей начинала томить жажда, то они входили въ первый, еще не совсѣмъ запертой кабакъ, и прохлаждались тамъ по образцу артистовъ времянъ Бенвенуто Челлини. Разъ какъ-то одинъ богатый синьоръ попросилъ Паганини дать вечеромъ серенаду одной дамѣ. Тотъ явился на условленное мѣсто вмѣстѣ съ Леа, которому приходилось исполнить партію на гитарѣ, и Дзефирино, отличившимъ неаполитанскимъ виолончелистомъ. Еще до начала серенады, оба его товарища замѣтили у него въ правой рукѣ открытый ножичекъ: для какой надобности онъ былъ у него въ это время? На вопросы же ихъ онъ все молчалъ. Серенада началась. Вдругъ, посреди блестящей прелюдіи раздается звукъ оборвавшейся струны; скрипка испустила нѣжной квинты. — «Проклята! ночная сырость!» восклицаетъ Паганини, продолжая все-таки играть на трехъ струнахъ. Черезъ нѣсколько времени исчезаетъ и Леа. — «Видите ли, что значитъ сырость-то?» проговорилъ онъ съ притворною досадою, нисколько однакожъ не смущаясь и продолжая все-таки играть. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ нотъ, лопается въ свою очередь и гѣ. — «Скверныя струны, проворчалъ онъ съ сердцемъ, какъ теперь быть?» Любownikъ, слѣдившій все время за музыкантами, дрожитъ за конецъ серенады. Какъ отдѣляется Паганини отъ своего положенія? у него осталась всего одна струна! Но вотъ виртуозъ улыбнулся и началъ исполнять на одномъ vol, — и съ какою легкостью, съ какою влюю! — все то, что сыгралъ до того на трехъ струнахъ. Всякій, догадывается, что сырость нисколько не участвовала въ злополучіи квинты и двухъ ея сосѣдокъ; виной всему былъ ножичекъ.

Подобными штуками началъ Паганини выказывать цѣлый рядъ эксцентричностей, сообщившихъ его таланту такой страннѣйшій характеръ. Та, которую мы сейчасъ расскажемъ, была чисто въ итальянскомъ духѣ. Въ концѣ одного концерта, даннаго имъ въ Генуѣ, его скрипка проговорила слушателямъ: *добрый вечеръ!* и такъ ясно, что всѣ поняли артиста и отвѣтили ему *buona sera!* (добрый вечеръ!) Въ Парижѣ, въ отвѣтъ на это пожали бы плечами; а въ Генуѣ публика была въ восторгѣ отъ такой выходки.

Какъ многіе великіе артисты, онъ гордился своимъ талантомъ: онъ былъ убежденъ, что въ Парижѣ какой-нибудь собрать посягнетъ изъ зависти на его жизнь. Вотъ почему ему такъ не хотѣлось туда отправляться; а если онъ и поѣхалъ, то въ слѣдствіе увѣренности, что во Франціи на-много онъ пополнить свое состояніе, и безъ того ужъ довольно значительное. Въ Англіи тоже не покидали его разныя опасенія, дающія такой страннѣйшій колоритъ его характеру. Однажды, во время великолѣпнаго его концерта, какой-то знатный лондонскій житель поднялся вдругъ съ своего мѣста и, прервавши виртуоза, обратился къ оторопѣвшей публикѣ съ слѣдующей рѣчью: «И вамъ не совѣстно платить по гинѣ за входъ къ этому жалкому, презрѣнному скоромаху, котораго все достоинство состоитъ въ томъ, что вытягиваетъ онъ какіе-то особенные звуки изъ своего проклятаго деревяннаго башмака, снабженнаго кошачьими кишками? Не ужъ-то не можете вы употребить на что-нибудь лучшее ваши деньги? Не лучше ли было раздать ихъ бѣднымъ? Посмотрите-ка на этого великаго шарлатана, не похожъ ли онъ на чорта? онъ улыбается, онъ радъ, что можетъ, благодаря вашей глупости, обирать васъ! Ахъ, вы простофили, простофили!» Этотъ чудакъ джентльменъ не успѣлъ еще окончить своего спича *ab irato*, какъ Паганини, не помня себя отъ страха и воображая, что злодѣи гонятся за нимъ по пятамъ, исчезъ уже изъ залы и летѣлъ по дорогѣ въ Манчестеръ. Въ другомъ городѣ Англіи, онъ также заподозрилъ, что составился заговоръ на его жизнь и тоже скрылся со всевозможною поспѣшностью. О малодушіе, неразлучная подруга гордости!

Если онъ имѣлъ завистливыхъ соперниковъ, наводившихъ на него такой ребяческій страхъ, то производилъ въ свою очередь много восторженныхъ страстей, доходившихъ до ослѣпленія, которыя были гораздо больше ему по сердцу. Такимъ образомъ, увлеченная его игрою, уѣхала съ нимъ изъ Англіи, одна молодая миссъ. Въ одномъ маленькомъ городкѣ Италіи онъ былъ любимцемъ одной княгини изъ владѣтельной фамиліи. Журналы рассказывали приключеніе его съ одной молодой Американкой, миссъ Каролиной.... ко-

торая бросила отца, чтобы соединить свою участь съ участію великаго скрипача. Паганини предложилъ ей свою руку; но онъ былъ тогда въ Европѣ, а геронни романа въ Нью-Йоркѣ. Разстояніе, отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга, рѣшило вопросъ, и артистъ остался холостымъ человѣкомъ. Вообще, этихъ жертвъ у него было очень много, и онъ покидалъ ихъ всегда весьма равнодушно.

Онъ былъ капризенъ, причудливъ, часто даже грубъ. Вотъ что случилось съ нимъ въ Пармѣ.

Находясь какъ-то въ этой столицѣ въ то время, какъ великая герцогиня Марія-Луиза, вдова Наполеона, давала праздникъ, онъ написалъ церемоніймейстеру, что желаетъ участвовать въ назначенномъ въ тотъ вечеръ концертѣ. Едва онъ успѣлъ послать письмо, какъ, вслѣдствіе какого-то каприза объявилъ тотчасъ же, что не намѣренъ играть, потому что оставляетъ столицу. Церемоніймейстеръ требуетъ, чтобы онъ явился къ нему для объясненія, давши притомъ замѣтить, что если обязательство, данное обыкновенному лицу, строго соблюдается, то тѣмъ болѣе священно должно быть обязательство, данное лицу царственному. Маэстро все-таки настаиваетъ на своемъ и хочетъ уехать въ Миланъ или въ Туринъ подъ предлогомъ какого-то важнаго, необходимаго дѣла. Тотъ прибѣгаетъ къ угрозѣ, а это для всякаго доказательство, не терпящее возраженія, въ особенности же для Паганини: дѣло, стало быть, было рѣшено, артистъ будетъ играть.

Концертъ начался. При дворѣ великой герцогини Маріи-Луизы строго соблюдался этикетъ въ платьѣ. Послѣ четверти часа ожиданія, является великій артистъ, наряженный въ старинный французскій кафтанъ изъ небесно-голубаго бархата, усыянный огромными пуговицами изъ отлично вышлифованной стали; длинный камзолъ съ замысловатыми разводами, сшитый, вѣроятно, изъ остатковъ какой-нибудь старинной ткани, скрывалъ совершенно его тощій животъ; узенькіе панталоны изъ благаго сатина, взятые, какъ и весь прочій костюмъ, у сосѣдняго ветошника, сидѣли въ обтяжку, даже съ некоторою нескромностью, на его поджарыхъ бедрахъ; бѣлые шелковые чулки непомѣрной ширины какъ будто висѣли на его страшно худощавыхъ ногахъ, и описывали изъ своихъ складокъ безчисленное множество причудливыхъ арабесковъ; огромные, неуклюжіе башмаки, обхваченные поперегъ массивными серебряными пряжками, довершали его нарядъ и какъ нельзя страннѣе гармонировали съ тощимъ его станомъ. При взглядѣ на эту смѣшную фигуру, въ залѣ раздался общій хохотъ, и этотъ невольный смѣхъ усилился, когда замѣтили, что вся грудь его была унижена какими то

странными украшениями; дѣло въ томъ, что онъ увѣсилъ себя всеми драгоценностями, полученными имъ въ видѣ подарковъ или отъ владѣтельныхъ особъ или отъ ихъ вельможъ; тутъ были и кресты, и разные знаки отличія всѣхъ возможныхъ формъ и величинъ, и звѣзды, и перстни, и булавки, и брошки, и запонки, и птицы, и рыбы, и миниатюрныя скрипки, и лиры, и арфы, и смычки, и все это либо изъ золота, либо изъ серебра, либо изъ платины, однимъ словомъ, цѣлая лавка всякаго товара; эти бездѣлушки, при малѣйшемъ движеніи, приходили въ страшное столкновеніе между собою и производили стукъ, что еще болѣе увеличивало веселое расположеніе зрителей. Наконецъ хохотъ унялся; великій артистъ началъ играть, и былъ, по обыкновенію, превосходенъ.

Достигши апогея своего таланта, онъ не давалъ себѣ засыпать въ застоѣ лѣни, какъ это часто случается со многими великими артистами, которые, изучивши уже музыку и блеснувши передъ публикой, смотрятъ на свой инструментъ какъ на достигнутое уже средство къ обогащенію. Онъ искалъ все новыхъ тайнъ искусства, но не по избитымъ путямъ, и даже внѣ прежней дороги, по которой самъ слѣдовалъ до того времени. Потребность отыскать или создать что-нибудь новое, необыкновенное—никогда не оставляла его она вѣчно его терзала и онъ все добивался открывать въ скрипкѣ новыя, неслышанныя дотоле звуки. Отдавшись этимъ тяжелымъ попыткамъ, онъ забылъ совсѣмъ своего Гварнери. Не игралъ уже онъ, какъ бывало прежде, ни съ кѣмъ изъ своихъ собратьевъ. Не занимался даже пѣсами, которыя приходилось играть ему въ концертахъ; довольствовался для этого послѣдней репетиціей. Одинъ изъ его друзей, нѣкто Хаузеръ, очень даровитый живописецъ, жилъ, около трехъ мѣсяцевъ, стѣна объ стѣну съ нимъ въ одномъ какомъ-то городкѣ Германіи; ему случалось очень часто слышать, какъ онъ брался ночью за скрипку и до самаго утра пилилъ на ней, стараясь вырывать изъ нея самыя странныя звуки. Съ наступленіемъ же дня, у сосѣда его воцарялась глубокая тишина.

Извѣстно, что онъ игралъ смычкомъ, переломленнымъ и перевязаннымъ потомъ ниткою. И не желалъ другаго.

Въ 1836-мъ году, графъ Чессоль, членъ одной изъ почетнѣйшихъ фамилій города Ниццы, превосходный скрипачъ и болѣе артистъ, чѣмъ простой любитель, отправился нарочно въ Туринъ для знакомства съ Паганини. Онъ нашелъ его больного и совсѣмъ упавшаго духомъ. Съ большимъ участіемъ совѣтовалъ онъ ему вхатъ въ Ниццу дать нѣсколько концертовъ, гдѣ зимою большой приливъ состраданцевъ и обшачать ему богатую жатву. Не далѣе какъ черезъ

мѣсяць онъ точно явился въ Ниццу. Леа, о которомъ было говорено выше, поспѣшилъ предложить ему великодушное гостепрѣимство, которое тотъ принялъ.

Какъ ни упрасивалъ его графъ Чессоль сыграть что-нибудь, но не могъ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль, добиться отъ него ни одной ноты. Но, разъ какъ-то, бывши въ хорошемъ расположеніи духа, Паганини открылъ наконецъ ящикъ и вынулъ скрипку. — «Садитесь теперь, сказалъ онъ ему, и слушайте!» — «Что услышалъ я тогда, говорилъ потомъ объ этомъ самъ графъ того невозможно себѣ представить. Я не вѣрилъ, чтобы рука человѣческая могла передавать такіе звуки. Онъ импровизировалъ, — я небесныя пѣсни, неизяснимыя гармоніи лились изъ-подъ волшебнаго его смычка». Въ подобныхъ случаяхъ онъ игралъ долго, ибо какъ скоро находило на него вдохновеніе, онъ никакъ не рѣшался освобождаться отъ него, а напротивъ, до послѣдней минуты охотно подчинялся его обаятельной силѣ.

По настойчивымъ просьбамъ Леа, онъ рѣшился участвовать въ нѣкоторыхъ музыкальныхъ собраніяхъ и, какъ кажется, съ большою охотой бывалъ на нихъ, хотя число ихъ доходило до тринадцати, а это можно смѣло назвать феноменомъ для Паганини. Онъ читалъ ноты съ удивительной легкостью, владелъ смычкомъ съ невѣроятнымъ искусствомъ, и извлекалъ изъ скрипки изумительные звуки, въ особенности въ *acuti*; но за то *движеніе*, стилъ передавались имъ не вполне хорошо. Онъ игралъ съ невыразимою прелестью нѣкоторыя *andante* Моцарта, и въ особенности *andante* изъ шестаго квартета въ *re mineur*; но обременялъ нѣкоторыя мѣста украшеніями, затемнявшими только характеръ пьесы. Классическая музыка была вовсе не его дѣломъ, и она плохо ладилась съ совершенно романтической натурой его таланта. Онъ исполнялъ часто первый квартетъ Бетховена въ *fa* и въ три такта; и предпочиталъ его остальнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ принадлежитъ къ числу менѣе замѣчательныхъ. Къ послѣднимъ же его великимъ квартетамъ онъ никогда и не прикасался. Впрочемъ, онъ не былъ разборчивъ, исключителенъ въ своихъ вкусахъ: онъ удивлялся всѣмъ великимъ людямъ музыкальнаго міра; всегда отзывался съ особеннымъ восторгомъ о Гюккѣ, и благоговѣлъ передъ ученостью Шпора.

Проживши около трехъ мѣсяцевъ въ Ниццѣ у друга своего Леа, онъ далъ всего три концерта и уѣхалъ въ Марсель, куда приглашали его съ большою настойчивостью. Онъ уже былъ окончательно разстроенъ здоровьемъ, и отъ него оставалась одна только тѣнь, но тѣмъ не менѣе, талантъ его нисколько не упалъ, а сохранился во всемъ прежнемъ блескѣ.

Онъ пребылъ въ Марсели нѣсколько мѣсяцевъ; въ продолженіе этого времени хозяину его квартиры, Брѣну, который былъ нота-ріусомъ и вмѣстѣ большимъ любителемъ музыки, удалось нѣсколь-ко разъ слушать, какъ онъ игралъ квартеты. Большую же часть времени проводилъ онъ по прежнему въ прискавіи новыхъ эффек-товъ и звуковъ наиболее оригинальныхъ. Разъ одинъ нескромный свидѣтель былъ наказанъ за свое любопытство этой чудовищной игрой. Знаменитый скрипачъ, Эрнстъ, слѣдовалъ повсюду за Пага-нини: какъ скоро онъ узнавалъ, въ какомъ городѣ тотъ находился, то въ скоромъ времени являлся самъ туда, поселялся въ сосѣдней съ нимъ комнатѣ и превращался весь въ слухъ. Паганини едва успѣлъ пріѣхать въ Марсель, какъ Эрнстъ очутился тамъ же. На этотъ разъ, ему не удалось помѣститься рядомъ съ нимъ; сосѣдомъ Паганини былъ Леа. И потому онъ обратился къ нему съ прось-бою, чтобы позволилъ переночевать ему нѣсколько ночей въ его комнатѣ. Какъ Леа ни увѣрялъ, что онъ потерлеть только по пусту время, но онъ настоялъ на своемъ и получилъ наконецъ то, чего такъ добивался. Къ одиннадцати часамъ вечера, Паганини вернулся домой, и Эрнстъ былъ на своемъ посту. Онъ приложилъ ухо къ замоч-ной скважинѣ и ждалъ. О счастье! раздался звукъ скрипки; вотъ сей-часъ повесутся безъ сомнѣнія какія-нибудь божественныя гармоніи, раздастся какая-нибудь восхитительная прелюдія. Увы! вмѣсто всего этого любопытный услышалъ одни только дикіе, пронзительные, раз-дирающіе душу звуки. Эрнстъ тотчасъ же понялъ цѣль этихъ стран-ныхъ упражненій: Паганини *налегалъ особенно смычкомъ на чет-вертую струну*; какъ онъ ни бѣдся, а все выходило либо раздра-тельное взвизгиваніе, либо несносное маяуканье. Ясно было, что онъ хотѣлъ добиться отъ *sol* звука однимъ тономъ ниже того, какой издаетъ она при обыкновенномъ ударѣ по ея струнѣ. Онъ прово-дилъ, стало быть, часть своихъ ночей въ прискавіи *fa dièze* Эрнстъ все-таки не переставалъ навѣщать комнату Леа каждую ночь, въ продолженіе цѣлой недели; и все наслаждался одними только адскими скрежетаньями четвертой струны. До тѣхъ поръ онъ упор-ствовалъ въ своемъ любопытствѣ, пока не разломилъ ему оконча-тельно спины.

Можно сказать, что послѣдній періодъ своей жизни Паганини провелъ въ преслѣдованіи этого невозможнаго *fa dièze*, ибо до по-слѣдней своей минуты, не смотря на всю раздрательную музыку, онъ настойчиво требовалъ этой ноты отъ непреклонной *sol*, никакъ и соглашавшейся въ этомъ случаѣ предложить ему свои услуги.

Силы его истощались съ каждымъ днемъ, и онъ чувствовалъ, что скоро наступить для него время, когда онъ лишится всякой возможности играть передъ публикой. Однакожь, когда Сардинскій король пригласилъ его въ Туринъ на два концерта въ пользу бѣдныхъ, то онъ нашелъ въ себѣ еще столько силы, что явился по этому призыву и далъ два концерта, но упросилъ пьемонтское правительство заплатить всѣ издержки, сдѣланныя имъ во время пребыванія его въ Туринъ и простирившіяся до шестидесяти франковъ.

Эти два концерта были послѣднимъ его привѣтомъ публикѣ.

II.

Въ ноябрь 1839 года, графъ Чессоль получилъ отъ Пеганини письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что думаетъ въ скоромъ времени вернуться въ Ниццу и провести тамъ всю зиму. Вскорѣ онъ дѣйствительно прѣвхалъ, но былъ въ такомъ разслабленіи, что надобно было нести его въ нанятую для него комнату, находившуюся въ третьемъ этажѣ одного стариннаго дома. Всѣхъ поражала сдѣлавшаяся въ немъ перемена: убхалъ онъ хотя и больной, но съ виду все-таки еще здоровый; а воротился изнеможенный, хилый и до того худой, что страшно было взглянуть на него. Дыхательное горло совсѣмъ ослабло у него и почти не отправляло своего назначенія; слабые звуки, вылетавшіе изъ него, вмѣсто того, чтобы проходить черезъ ротъ, неслись по прямой дорогѣ въ носовыя полости. И потому, если онъ разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, то зажималъ себѣ носъ, и голосъ принужденъ былъ тогда возвращаться назадъ и держаться обыкновенной своей дороги; слушавшій его подставлялъ какъ можно ближе ухо, и уловлялъ одни только невнятные звуки.

Однакожь онъ надвлялся еще оправиться отъ этого состоянія; онъ часто говорилъ графу Чессоль о будущихъ своихъ путешествіяхъ въ Россію и Америку, гдѣ предполагалъ сдѣлать большой сборъ рублей и долларовъ. Съ дѣтской радостью показывалъ онъ письмо, которымъ одинъ спекуляторъ уведомлялъ его, что выстроить въ Соединенныхъ Штатахъ нарочно для его концертовъ залу, въ которой могло бы помѣститься десять тысячъ человекъ.

Съ виду онъ казался развалиной, умирающимъ, почти призракомъ; но священный огонь все еще горѣлъ въ этой полуразрушившейся оболочкѣ, не покидалъ ее до самой послѣдней минуты его жизни и только вмѣстѣ съ нимъ потухъ.

Онъ окружилъ себя всякаго рода струнными инструментами, подлѣ него лежали цѣлыми дюжинами скрипки, алѣты, виолончели, и все почти безцѣнные и достойные красоваться въ самыхъ

искусныхъ рукахъ. Онъ хотѣлъ умереть среди этихъ вѣрныхъ спутниковъ его славы, напоминавшихъ ему самыя чистыя, самыя лучшія минуты его жизни. Иногда онъ спрашивалъ свой любимый инструментъ; и тогда, позабывъ свою слабость, извлекалъ изъ него дивныя звуки. Продолжительное волненіе, овладѣвавшее имъ, во время этихъ минутъ одушевленія, должно было разрушить постепенно и послѣднія силы его организаци. Онъ часто забавлялся, какъ ребенокъ: однажды, нѣсколько человекъ находилось въ комнатѣ съ нимъ; комнаты, все заняты были разговоромъ, какъ вдругъ съ ужаснымъ шумомъ разражается драка собаки съ кошкой. У Паганини точно была собака, а у одной жилицы кошка и притомъ права довольно задорнаго; такъ безъ всякаго сомнѣнія, они-то и цацкились другъ въ дружку. Прибѣгаютъ разнять ихъ; ищутъ ихъ, но не находятъ; а вмѣсто ихъ, встрѣчаютъ хозяина квартиры, притчушаго съ злою улыбкою свою скрипку и отправляющагося къ кресламъ все съ той же улыбкою.

Графъ Чессоль бывалъ у него каждый день, и они проводили время въ томъ, что пробовали скрипки, которыхъ у Паганини было вдоволь. Последнее время великій виртуозъ занимался исключительно дѣломъ наставника. Онъ посвящалъ своего ученика во все свои тайны. Больше же всего онъ твердилъ ему о вѣрности. «Вѣрность, говорилъ онъ, есть не что иное, какъ булавочная головка, къ которой исполнители приближаются болѣе или менѣе». Кому знакомы все трудности скрипки, такъ тотъ пойметъ это сравненіе и найдетъ, что оно совершенно точно и очень остроумно.

Однажды, онъ взялся самъ настроить скрипку своего ученика, и провозился съ этимъ семь или восемь часовъ. Между тѣмъ графъ ушелъ; когда же возвратился, то засталъ его, импровизирующаго на той скрипкѣ чудесныя темы и безконечныя варіаціи. Лице его было красно, глаза сверкали, волосы взъерошены; нельзя передать словами того, что съ нимъ происходило. Онъ былъ въ какомъ-то сильномъ нервномъ расстройствѣ, не замѣтилъ вошедшаго къ нему ученика и продолжалъ все играть; но наконецъ, изнурившись, упалъ почти замертво въ кресла.

Въ последнее время игралъ онъ почти все на гитарѣ, и то собственно для того только, чтобы прозвучить вновь написанную имъ музыку. За нѣсколько дней до его смерти, графъ Чессоль замѣтилъ случайно на его столѣ листъ бумаги, на которомъ было написано имъ новое музыкальное произведеніе.

Когда его ученикъ исполнялъ не по его правиламъ какой-нибудь пассажъ, онъ схватывалъ у него скрипку, и, опершись на нее

пришлось левымъ локтемъ, игралъ слабою рукою, объясняя ему при этомъ аппликатуру, ударъ смычка и смыслъ того пассажа.

Не одному графу Чессоль благопріятствовала судьба попасть въ его ученики: онъ согласился равнымъ образомъ дать нѣсколько уроковъ своему соотечественнику Сивори, пришедшему въ Ниццу нарочно для того, чтобы удостоиться этой чести.

Будучи артистомъ, и притомъ еще великимъ, Паганини не былъ все-таки щедръ и великодушенъ. Всѣмъ известна была его скупость. Въ Марсели, равно какъ и въ Парижѣ онъ отказался играть въ пользу бѣдныхъ, чѣмъ навлекъ на себя сильное ожесточеніе канбьерскихъ торговцевъ. Они, воображая его близкимъ роднею чорту, искали долго случая поколотить его.

Противъ обвиненія его въ скупости возражали обыкновенно тѣмъ, что онъ послалъ какъ-то двадцать тысячъ франковъ Берліозу. Дѣло-то въ томъ, что Паганини былъ, въ этомъ случаѣ, только подставнымъ именемъ; вотъ какъ это случилось: одно лице, которому Берліозъ оказалъ услугу, находясь въ недоумѣніи, какимъ образомъ заставить его принять подарокъ, напало наконецъ на мысль предложить ему отъ имени Паганини двадцать тысячъ франковъ. Этотъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на придуманную штуку, потому что она выставила его великодушнымъ знатнымъ синьоромъ. И знаменитый композиторъ принялъ въ простотѣ души этотъ подарокъ, который отвергъ бы безъ сомнѣнія, если бы онъ былъ предложенъ отъ другаго лица. Очень можетъ быть, что Берліозъ до сихъ поръ не знаетъ, какъ жестоко былъ обманутъ своимъ собратомъ.

Страсть къ деньгамъ, казалось, особенно усилилась въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ чувствовать приближеніе минуты, когда придется разстаться съ этими сокровищами, добытыми талантомъ и сбереженными скупостью. Будучи милліонеромъ, онъ жилъ въ Ниццѣ страшно бѣдно и расчетливо! Расходы его были самые ничтожныя. Онъ не хотѣлъ и слышать о докторѣ, торговался съ аптекаремъ, и если лекарство казалось ему очень дорого, то бралъ половину или треть его.

Онъ принужденъ былъ терпѣливо сносить безпрестанныя обиды и униженіе отъ своего слуги. Чтобы прогнать отъ себя этого мерзавца ему надобно было отправить его на свой счетъ во Францію, а Паганини не имѣлъ духу рывнуться на такую издержку.

Когда онъ давалъ концерты въ Ниццѣ, то просилъ сдѣлать новый ящикъ для опусканія бидетовъ при входѣ въ театръ, потому что опасался за непрочность прежняго, изъ котораго украли бы пожалуй какъ-нибудь мошеннически нѣсколько билетовъ, и, стало быть, нѣсколько экю.

Странная несообразность въ немъ, какъ артист! Скупость, кажется, не должна бы находить себѣ мѣста въ этихъ богатыхъ и благородныхъ натурахъ, гдѣ предстоитъ скорѣе царствовать безкорыстію и щедрости. Впрочемъ, Паганини не былъ единственнымъ феноменомъ этого рода: всѣмъ извѣстно, что та же страсть господствовала и въ Рембрандтѣ. Рассказываютъ о немъ анекдоты, ясно доказывающіе, до какой крайней неучтивости простиралась въ немъ эта манія. Тоже, конечно, было и съ генуэзскимъ маэстро.

Можно сказать, что смерть застала Паганини среди доспѣховъ, то-есть, со скрипкою въ рукѣ за восемь дней до своей кончины, онъ показывалъ графу Чессоль аппликатуру въ одномъ пассажѣ концерта. Онъ просилъ его достать дуэты Виотти, которые хотѣлъ разыграть вмѣстѣ съ нимъ; но они прибыли уже поздно....

III.

Въ продолженіе трехъ дней Паганини не покидалъ постели; онъ ослабѣвалъ постепенно, безъ всякихъ страданій.

Двадцать седьмага мая 1840 года, въ пять часовъ вечера, его не стало. Онъ скончался тихо, садясь обѣдать.

Онъ родился въ Генувъ въ февраль 1784 года. До конца жизни сохранилъ онъ силу характера, достойную болѣе благородной души. Никогда не было слышно отъ него ни жалобъ, ни сожалѣній.

Какой же болѣзнію онъ умеръ? Онъ не кашлялъ, и если и страдалъ отъ кашля, такъ только по временамъ; а между тѣмъ потухалъ все постепенно, свѣдаемый какою-то неотвратимою болѣзнію. Доктора говорятъ, что умеръ онъ будто бы отъ сухотки; но всякій, способный угадывать тайну жизни великихъ артистовъ, скажетъ съ полною увѣренностью, что причиной его смерти былъ его геній. Безсонныя ночи среди занятій, жажда славы, сильныя потрясенія въ слѣдствіе успѣха, постоянное безпокойство озавтрашнемъ днѣ, которому случается иногда очень жестоко поплатиться за вчерашнюю извѣстность, всего этого было, кажется, достаточно, чтобы разрушить нервическую и слабую организацію. Но окончательно уничтожилъ ее тотъ богъ, который овладѣлъ его душою. Для публички, слушавшей прелестную его музыку, онъ былъ не болѣе какъ удивительный механикъ; она видѣла въ немъ только ловкость пальцевъ, мелькавшихъ по струнамъ, и рукъ, владѣвшей такъ искусно смычкомъ. Но не знала, что происходило у него на душѣ, какое сильное упоеніе волновало это слабое тѣло, когда послушный инструментъ передавалъ его мысли въ полныхъ страсти звукахъ. Тѣмъ только, кто не отрывалъ своихъ глазъ отъ лица знаменитаго маэстро;

когда онъ исполнилъ какую-нибудь меланхолическую пьесу, или *andante* Моцарта, только тѣмъ понятно, что эъ *кровожадный зверь* пожиралъ эту пламенную душу и хилую ея оболочку.

Большей части людей не извѣстно, какія тревожныя чувства овладѣваютъ великими артистами, когда бывають они подѣ владычествомъ вдохновенія. Виолончелистъ Батта всегда бывалъ нездоровъ послѣ своихъ концертовъ. Въ самый день концерта, онъ обыкновенно не дѣлъ ничего, зная уже за рання, что къ вечеру вернется домой съ лихорадкой. Съ Листомъ бываетъ не иначе. Съ Аларомъ то же. Шопенъ былъ убитъ музыкой. Если вы замѣтите, что артистъ вполне веселъ и развязенъ послѣ продолжительнаго музыкальнаго сеанса, то говорите смело, что онъ не истинный артистъ, а только отличный механикъ.

Жизнь Паганини, по крайней мѣрѣ въ глазахъ толпы, была полна таинственности, и будто отмѣчена, какъ и наружность его, печатью неотразимаго рока. Его смерть не вскрыла нисколько въ настоящемъ свѣтѣ его жизни, а напротивъ, придала ей еще больше таинственности. Живой, онъ былъ во всемъ оригиналомъ, никакъ не подходившимъ подѣ обыкновенный уровень; ставши трупомъ, — все-таки удержалъ за собою эту особенность.

Священникъ объявилъ, что Паганини, при послѣднихъ минутахъ, отказался принять Св. Тайны. Это произошло въ слѣдствіе маленькаго недоразумѣнія: большой, принуждаемый къ исповѣди, отвѣчалъ, что онъ еще не такъ близокъ къ смерти, чтобы нуждаться въ увѣщаніяхъ церкви, что, когда настанетъ та минута, онъ съ большою готовностью исполнитъ эту великую обязанность. Притомъ, онъ не въ силахъ былъ говорить такъ внятно, чтобы духовникъ могъ разслушать его. Онъ только отложилъ это напутствованіе до другаго времени; а священникъ подумалъ, что онъ рѣшительно отвергъ его посредничество. Въ слѣдствіе этого произошелъ отказъ ему въ католическомъ погребеніи. Колокола даже оставались безмолвны, когда душа великаго артиста требовала погребальнаго звона. Какъ графъ Чессоль и сынъ покойника ни настаивали, чтобы похоронили его какъ католика; какъ ни хлопоталъ объ этомъ графъ Мэстръ, губернаторъ провинціи; наконецъ, какъ ни вступался въ это дѣло самъ король Карлъ Альбертъ, который писалъ епископу, чтобы онъ не допустилъ подобной явной несправедливости; но все было тщетно: прелатъ остался непреклоненъ. Предвидя долгую жаркую борьбу, тѣло набальзамировали и нарядивши его самымъ пасквильнымъ образомъ, надѣвъ на него поддѣльные, до безобразія огромныя воротнички, бѣлый чудовищный галстукъ и бѣлый нитяный

колпакъ, украшенный голубою лентою, завязанною съ боку въ видѣ огромной розы, положили на катафалкъ. Потомъ, отворили двери, и толпы любопытныхъ прибѣгли со всѣхъ сторонъ посмотреть на смертные останки знаменитаго челоѣка. Черезъ нѣсколько дней положили его въ гробъ; но приливъ посѣтителей былъ всегда значительнъ, и всѣ хотѣли видѣть самый трупъ. Чтобъ удовлетворить этому требованію иностранцевъ, толпа которыхъ все увеличивалась съ каждымъ днемъ, на крышѣ гроба, противъ лица покойника, сдѣлали отверстіе и вставили стекло. Но духовенство Ниццы, негодуя что тотъ самый челоѣкъ, который умеръ, по его словамъ, безъ покаянія во грѣхахъ своихъ, и котораго прокляла церковь, былъ однакожъ предметомъ такого добровольнаго почета, испросило у правительства позволеніе скрыть отъ глазъ толпы этотъ, трупъ. Къ тому же, возникъ формальный процессъ, и покойника надлежало помѣстить въ отдѣленіе Совратившихся съ Пути гдѣ онъ могъ бы выжидать приговора своей участи.

IV.

Почти всѣ иностранцы, посѣщающіе зимою Ниццу, благодаря солнцу, которое тогда на-много благоприятнѣе здѣсь, чѣмъ въ Парижѣ, Лондонѣ или Петербургѣ, знаютъ Вильфраншъ, военный портъ этого города. Взобравшись, не болѣе какъ въ двадцать минутъ, по довольно крутому берегу, ведущему къ вершинѣ Монборона, вы останавливаетесь вдругъ, пораженные видомъ залива, образующаго этотъ прекрасный портъ: Узкій полуостровъ, виднѣющійся на западной оконечности залива, рѣзко и смѣло вдается въ него и кончается скалистымъ мысомъ, украшеннымъ красивымъ маякомъ. Этотъ полуостровъ отдѣляетъ отъ себя, ближе къ востоку, вѣтвь, на которой выказывается страннопріимный домъ и небольшой портъ Св. Іоанна. Въ ногахъ у васъ, подлѣ самыхъ волнъ, на скалѣ, разстилается кокетливо передъ вашими взорами Вильфраншъ. Если же вы обернетесь, то передъ вами предстанетъ великолѣпная панорама,—*вся Ницца* у васъ какъ на ладони.

Вильфраншъ въ настоящее время большая деревня; въ немъ вы на каждомъ шагѣ встрѣтите виды, достойные кисти великаго мастера. Дорога, ведущая къ порту Св. Іоанна и лежащая по другую сторону полуострова, проходитъ почти надъ Вильфраншемъ и потомъ оставляетъ его вправо, пробѣгая извиристо по возвышенности замыкающей портъ съ сѣверной стороны. Она пробѣгаетъ въ тѣни оливковыхъ и лимонныхъ деревьевъ, являющихся здѣсь въ самыхъ гигантскихъ размѣрахъ. Подобной роскошной растительности вы не встрѣтите въ прочихъ окрестностяхъ Ниццы. Кое-гдѣ проглядыв-

вають фермы изъ-за деревьевъ, охраняющихъ ихъ отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца. Передъ ними же, и иногда на значительной глубинѣ, растиаетъ море свои тихія, темно-голубыя и чистыя какъ зеркало воды. Всѣ косогоры, даже и у самаго берега, роскошно озѣнены зелеными гигантами.

Если вамъ случится допасть въ центръ подковы, образуемой мѣстностью порта Вильфраншъ, то постарайтесь отыскать просѣку промежъ двухъ густыхъ стѣнъ померанцевыхъ деревъ. Тогда откроется вашимъ взорамъ такая чудная картина, которой нѣтъ другой подобной: передъ вами предстанетъ заливъ во всемъ своемъ протяженіи, и вы будете созерцать всѣ граціозныя изгибы этого миниатюрнаго Босфора. Прямо противъ васъ будетъ красоваться Вильфраншъ, не много далѣе крѣпость, зданія морскаго арсенала, рейды и лазарета. Если же вы перенесете нѣсколько въ лѣво ваши взоры, то увидите маякъ, стройно и смѣло возвышающійся на одинокой скалѣ, и опять тотъ же страннопріимный домъ съ его старинною круглою башнею и небольшою, но красивою церковью.

Сюда-то, въ лазаретъ, о которомъ было упомянуто сейчасъ, и перенесли тѣло Паганини, ночью, съ военнымъ конвоемъ, словно опасаясь, чтобы не отбили эту драгоценность.

И вотъ одиноко покоится онъ подъ кровомъ этого зловѣщаго зданія; поставили его туда, словно какого-нибудь зачумленнаго, или словно подозрительный какой-нибудь товаръ. Море своимъ шумомъ убаюкиваетъ его, заснуваго уже на-вѣки; буря со свистомъ разгуливаетъ кругомъ его одинокаго праха, а Вильфраншскій маякъ озираетъ по ночамъ его гробъ своимъ огромнымъ яркимъ глазомъ. Лежитъ онъ тамъ въ безызнѣвности, нѣкогда всемогущій вслѣбникъ, сообщавшій толпѣ электричество посредствомъ своего жезла и возбуждавшій къ себѣ въ людяхъ такое же удивленіе, какъ и герой, одержавшій сто побѣдъ. Онъ жилъ для толпы, а теперь покоится въ одиночествѣ; онъ удостоился уловить тайну небесной музыки, а ему отказываютъ *De profundis*; онъ завоевалъ себѣ мѣсто въ пантеонѣ, а у него оспариваютъ шесть какихъ-нибудь футовъ земли, подлѣ самаго послѣдняго горожанина; его восхваляли, неистово рукоплескали ему, и не отдають теперь послѣдней чести его смертнымъ останкамъ; повсюду являлся онъ съ триумфомъ, какъ побѣдитель, а теперь словно выдерживаетъ посмертный карантинъ, выглядывая въ окошечко своего гроба, въ надеждѣ увидѣть чью-нибудь привѣтливую улыбку или услышать какую-нибудь любимую свою мелодію! Онъ сталъ предметомъ ужаса, поселяницъ крестится, лишь только завидитъ домикъ, принявшій его

подъ свой кровъ; рыбакъ рассказываетъ дрожащимъ отъ страха голосомъ, что когда плыветь онъ въ лодкѣ мимо недобраго жилища покойника, то видитъ посреди мрака блѣдное лице съ уставленными на него умоляющими глазами, и слышитъ жалобно льющуюся музыку, похожую на пѣсню невинно заключеннаго.

Бываетъ иногда, что приходится людямъ страдать за одно свое имя, то же случилось и съ нашимъ покойникомъ: — *Paganino* или *Paganini*, уменьшительное отъ слова *Pagano*, язычникъ. Такъ стало быть, ему на роду было написано, что рано или поздно съ нимъ поступать какъ съ язычникомъ.

Покойникъ ждалъ терпѣливо приговора своей участи и, казалось, хотѣлъ побѣдить своимъ глубокимъ самоотверженіемъ, ненависть къ нему духовенства. Такъ какъ онъ находился въ совершенной праздности, то вздумали дать ему занятіе: къ графу Чессоль явился жидъ съ предложеніемъ купить тѣло, для показя его въ Англии. Впрочемъ, онъ не по жидовски началъ это дѣло: онъ предложилъ 30,000 франковъ за Вильфраншскую мумію, думая, этою суммою задобрить умершаго скупаго. Онъ былъ вполне увѣренъ, что звукъ денегъ пріятно только пощекотитъ слухъ знаменитаго маэстро, а никакъ ужъ не заставитъ покойника вскочить и дать ему оплеуху, какъ это рассказываютъ про умершаго Сида и Толедскаго жида.

Какихъ странныхъ приключеній не пришлось испытать Паганини, послѣ своей смерти.

30,000 франковъ! плодъ нѣсколькихъ концертовъ! Паганини-виртуозъ даже и по смерти!

Между тѣмъ, процесъ шелъ своимъ порядкомъ. На рѣшеніе Ницскаго епископа, состоявшееся 28 іюля 1840 года, наследникъ покойника подалъ апелляцію въ архіепископальный трибуналъ, находящійся въ Генуѣ. На этотъ разъ, мнимый язычникъ былъ нѣсколько счастливѣе. Судя по запискѣ, составленной въ этомъ трибуналѣ, Паганини старались выставить, какъ христіанина и католика. Но тѣмъ не менѣе архіепископъ утвердилъ рѣшеніе первой инстанціи.

Прибѣгли къ верховному суду, къ папѣ. Тиара была великодушнѣе митры: католическій первосвященникъ, отмѣнивъ оба опредѣленія, отослалъ дѣло для обсужденія въ верховное судилище, составленное изъ трехъ архіепископовъ; но, въ ожиданіи окончательнаго приговора того судилища, повелѣлъ положить тѣло подсудимаго во временную могилу на христіанскомъ кладбищѣ.

Карантинъ Паганини въ Вильфраншскомъ лазаретѣ продолжался болѣе трехъ лѣтъ!

Но для Паганини еще не кончились посмертныя приключенія.

V.

Какъ-то въ одну звѣздную ночь, въ августѣ 1843 года, вопелъ кто-то въ Вильфраншскій лазаретъ съ бумагою за подписью интенданта провинціи и въ сопровожденіи двухъ судовщиковъ и двухъ, носильщиковъ, которымъ приказалъ вынести гробъ; положивши его въ небольшое судно, они поплыли отъ берега на всѣхъ веслахъ!—

Минували мѣсяцъ, вслѣдъ за тѣмъ страніопріимный домъ, и продолжали все держаться къ востоку. Паганини отправлялся на родину, въ Геную.

Приставали въ Бордигера, въ Санъ-Ремо, въ портъ св. Маврикія, въ Савонь, и въ другихъ пристаняхъ. Какъ скоро судно причаливало къ берегу, таможенные чиновники, обступивъ его, спрашивали съ грознымъ видомъ:

— «Что везете?»

— «Веземъ Паганини, отвѣчалъ владѣлецъ судна, того самого, что игралъ такъ хорошо (*aque ou que soupara tan ben*).»

Тѣ разсматривали тѣло, ворочали его на всѣ стороны, желая увѣриться, не набито ли оно контрабандой, и насилу рѣшились пропустить его.

О, великій Паганини! нѣтъ тебѣ покоя! вчера былъ ты въ лазаретъ, сегодня очутился на безпокойномъ челнокѣ; душа, проклятая въ Вильфраншѣ, твѣнь, скитающаяся по морю; отвергнутый христіанами, и жадно добываемый жидомъ, какъ зачумленный содержался ты въ продолженіи трехъ лѣтъ, и подъ конецъ всего стала подозрительнымъ тѣломъ для таможи!...

Какъ! простой Челнъ для этихъ славныхъ останковъ, для этого Креза, оставившаго далеко за миллионъ своему сыну! Кажется, для нихъ не было бы нисколько безславно, но развѣ еще не вполне по заслугамъ, совершить это путешествіе на великолѣпномъ кораблѣ, обвѣшенномъ чернымъ крепомъ въ сопровожденіи лучшихъ оркестровъ; а между тѣмъ, ныряютъ они робко по морю на утломъ челнѣ, до того ничтожномъ, что два человѣка легко привяжутъ имъ!

Все тотъ же исключительный и фантастическій Паганини, какимъ былъ и при жизни.

Наконецъ судно вошло въ гавань Генуи. *Тотъ, кто игралъ такъ хорошо*, не кончилъ еще однакожъ посмертнаго своего странствованія.

Опѣ прибѣлъ на родину, а она неблагодарная, совершенно равнодушно встрѣтила его!... отдавшаго ей, по завѣщанію, свою Аустерлицкую пѣсню, свою любимую скрипку, своего Гварниери!

Потомъ повезли его въ герцогство Парму. Здѣсь только нашелъ онъ покой, въ которомъ такъ долго ему отказывали. Его привезли въ прекрасную виллу Гаіоне, купленную его сыномъ за нѣсколько лѣтъ до того, и положили въ нарочно устроенный для него склепъ.

Но гоненія на этотъ несчастный прахъ опять возобновились. Известно, что въ католическихъ духовныхъ процессахъ нужно три одинаковыхъ приговора, чтобы затратить всякій путь къ апелляции; и когда папа отсылалъ это дѣло на судъ архіепископовъ, оно позатихло было на некоторое время, но вдругъ завязалось опять съ прежнею силою. Да притомъ надобно припомнить, что папа велѣлъ положить тѣло подсудимаго не иначе какъ въ *временную* могилу.

Праха мнимаго язычника воротился опять на прежній свой постъ, въ отдѣленіе «Совратившихся съ Пути».

СУХАРЕВА БАШНЯ ВЪ СВЯТОМЪ ВОСКРЕСЕНІИ.

Прежде описанія этого торжища, считаю не лишнимъ сказать кстати кое-что о самой Сухаревой башнѣ.

Безспорно, что Кремль, какъ опочивальня святыхъ, какъ бережница, усыпальница праха нашихъ славныхъ Царей, занимаетъ и по мѣстности своей, и по исторіи, и по многимъ другимъ отношеніямъ первое мѣсто въ Москвѣ; не только иностранцы, но и Русскіе (жители отдаленныхъ губерній), прїѣзжая въ Москву, первую честь воздаютъ Кремлю: они помолятся святымъ угодникамъ, поклонятся гробницамъ нашихъ вѣнценосцевъ, полюбуются на дивныя палаты царскія, подивятся громадной Царь-пушкѣ и мѣдному шатру-колоколу, посмотрятъ, придерживая шапку, на стройнаго молодца Ивана Великаго, на этого кремлевскаго богатыря въ золотой коронѣ, на чугунное ожерелье пушекъ, около арсенала, на эти трофеи русскаго оружія, послушаютъ кимвальный звукъ торжественнаго колокола, регента всѣхъ колоколовъ московскихъ — и рука каждаго опять зашевелится на груди въ благоговѣйной молитвѣ....

Сколько живыхъ урочищъ въ Москвѣ! Но послѣ Кремля Сухарева башня пользуется особенною славою; путешественники, побывавши на Ивановской колокольнѣ и осмотрѣвши оттуда со всѣхъ сторонъ чудную панораму Москвы, какъ на ладонкѣ, отправляются смотреть на Сухареву башню, на эту, по юмористическому выраженію народному, Perezrълюю невѣсту Великаго Ивана. Исторія основанія ея многимъ извѣстна: кто изъ Русскихъ, особенно изъ жителей Москвы, не знаетъ, что она построена Петромъ I-мъ въ память вѣрности къ Престолу полковника Стрѣлецкаго полка, стольника Лаврентія Панкратьевича Сухарева, во время Стрѣлецкихъ смутъ, въ 1689 г. Имя и подвигъ этого доблестнаго мужа принадлежать исторіи. Великій Государь особенно любилъ полкъ Сухарева и назначилъ его для примѣрнаго сраженія съ своими потѣшными. По уничтоженіи стрѣльцовъ и полкъ Сухарева былъ переименованъ въ 1701 г.

Около мѣста, на которомъ выстроена теперь Сухарева башня, находились Стрѣлецкія слободы, въ нынѣшнихъ Мѣщанскихъ улицахъ. Въ глубокою старину только Кремль назывался *городомъ*, а другія части Москвы *посадами* (*). Прежде здѣсь былъ земля-

(*) И царскими селами, напр. *Кудрино*, *Суцеево*; къ нимъ принадлежали *Воробьево* и *Симоново*.

ной валь (это названіе сохраниено и до нынѣ). Сухарева башня выстроена на границѣ улицъ: Срѣтенской и Мѣщанской; архитектура ея готическая, которая въ XVII столѣтіи была въ Россіи въ особенномъ вкусѣ. Это зданіе состоитъ изъ четырехъ-этажнаго корпуса; вышина его съ гербомъ простирается до 35 сажень и 1-го аршина, (она только 8 сажнями ниже Ивана Великаго). Самая башня называется *шатеръ*. Въ 3-мъ этажѣ замѣчательна зала, называемая *Рапирною*, вѣроятно фехтовальная. Въ башнѣ, или въ шатрѣ, находились большіе часы. Жаль, что архитекторъ ея не извѣстенъ. Памятники, свидѣтельствующіе о построеніи Сухаревой башни, суть двѣ каменные плиты, находящіяся подъ воротами, со стороны Срѣтенки, съ надписями, въ которыхъ, между прочимъ, значится, что Сухарева башня строилась три года — съ 1692 до 1695 (*). Прежде здѣсь была съѣзжая изба Леонтьевского Приказа, но, по уничтоженіи стрѣльцовъ, Великій Петръ, въ 1701 г. помѣстилъ тамъ училище математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, куда указано было вызывать *цифирныхъ дѣлъ мастеровъ* (т.-е. преподавателей математики), какъ значится въ указѣ. Это училище, въ послѣдствіи времени, переведено было въ Петербургъ, подъ именемъ Морской Академіи, а въ 1753 г. переименовано въ Кадетскій корпусъ; слѣдовательно, памятный въ нашей военной исторіи, по заслугамъ своихъ питомцевъ, морской Кадетскій корпусъ былъ основанъ на Сухаревой башнѣ. Почти же существованіе ея, вспомнимъ доблестныя дѣянія Петра съ его младенцемъ и вѣсть дѣдушкой флотомъ, вспомнимъ разгулъ его по Балтикѣ, когда онъ раздвигалъ границы своего государства оружіемъ, вспомнимъ Чесму и наконецъ современный, славный подвигъ нашихъ моряковъ *при Синопѣ*, громоносный звукъ котораго отозвался во всей Европѣ.

Послѣ перемѣщена была на Сухареву башню изъ Кремля Адмиралтейская контора, упраздненная въ 1806 г. Теперь на Сухаревой башнѣ находится комиссіонерство, для заготовленія разныхъ матеріаловъ для адмиралтейства.

Вотъ очеркъ исторіи Сухаревой башни.

Въ прадѣдовскія времена про нее ходила не добрая молва о чародѣйствѣ графа Якова Вилимовича Брюса, извѣстнаго своими математическими познаніями, основателя первыхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ школъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ; Брюсъ, вѣроятно, имѣлъ вліяніе и на Сухаревскую школу, суевѣрные звали его чернокнижникомъ; преданіе о его таинственныхъ занятіяхъ до-

(*) Отечество. достоп.

стигло и до нашихъ времявъ; говорятъ, будто бы въ зданіи башни закладены брусковскія волшебныя книги, содержащія въ себѣ секретъ безсмертія.

Въ старину, подлѣ воротъ этой башни, обращенныхъ къ Срѣтенкѣ, находились по обѣ стороны караульныя палаты и казенный амбаръ, а подлѣ воротъ, къ Мѣщанской слободѣ, или Переяславкѣ, небольшая часовня съ кельею Николаевского Перервинскаго монастыря; (эта часовня находится и теперь на томъ же мѣстѣ, только въ другомъ, улучшенномъ видѣ). Подлѣ часовни, по тогдашнему обыкновенію, сидѣли, поджавши ноги, какъ и на Спасскомъ мосту, слѣпые, юродивые нищіе, доморощенные наши рапсолисты, и распѣвали своимъ протяжнымъ и гнусливымъ голосомъ пѣсни объ убогомъ и богатомъ Лазарѣ, объ Алексѣвѣ Божьемъ-человѣкѣ и о Ѳедорѣ Тиронѣ.

Съ Сухаревой башни видѣ на Москву, не только теперь, но и въ старину былъ прекрасенъ, особенно по противоположности своей: при взглядѣ на Кремль — развивалась панорама храмовъ и домовъ и царственный, картинный Кремль (1), а съ другой стороны видѣлся океанъ зыблущейся зелени, точно оазисъ, сады, поля и рощи. Тогда было множество дачъ и пустырей въ самой Москвѣ; на устьѣ Яузы размахивали своими гигантскими, скрипучими крыльями вѣтряныя мельницы; за Переяславкой, (за нынѣшней 1-й Мѣщанской) по Троицкой дорогѣ, тянулся Алексѣевскій лѣсъ. Теперь взглянемъ на другія окрестности Сухаревой башни. Въ одной сторонѣ, около Самотеки, были еще поля, на нихъ колосилась рожь, а между нею, разумѣется, синѣлись романческіе васильки. Тамъ, по преданію, въ Троицынъ день, наши прабабушки завивали вѣнки, пѣли себѣ на привольѣ: *Подъ я пою бѣлы шателъ*, и кумились, цѣлуясь сквозь завитые вѣнки (2). Далѣе зеленѣлись кудринскія рощи, куда хаживали, (также по преданію) за грибами.

На противоположной сторонѣ, на мѣстѣ нынѣшней Шереметевской больницы, находились Черкасскіе огороды (3), тамъ соби-

(1) Въ 1784 году, Москва раздѣлена уже была на 20 частей, 88 кварталовъ и заключала въ себѣ 131 улицу, 471 переулокъ, 9 соборовъ, 24 монастыря, 323 церкви, (изъ которыхъ теперь нѣкоторыя уничтожены), 8,426 домовъ и при нихъ 1,523 сада, и болѣе 200,000 жителей (Старин. указатель Москвы).

(2) Подобныя гулянья въ Троицынъ день были еще за Дорогомиловымъ мостомъ и на Девичьемъ полѣ, гдѣ, въ царствованіе Екатерины II, показывалъ себя великанъ *Гернхардъ Жили*, урожденецъ Тридентскій; онъ былъ величійною 3-хъ аршинъ съ половиною.

(3) Когда графъ Шереметевъ женился на княжнѣ Черкасской, съ того времени это мѣсто стало принадлежать фамиліи графовъ Шереметевыхъ.

разъ лжехристъ Андриюшка своихъ клеветовъ (1). Домъ, занимаемый теперь Спасскими казармами, принадлежалъ Графу Гендрикову (2), въ который въ послѣдствіи времени, помѣстили артиллерійскій дворъ, переведенный отъ церкви Сергія Пушкарей; (по этому двору получившей свое названіе *Пушкарей*). На самой же Срѣтенкѣ, близъ Сухаревой башни у Троицы *на Листахъ*, находилась картинная выставка доморощенныхъ лубочныхъ произведеній, печатанныхъ у церкви Успенія *въ Печатишкахъ*. Любознательные читатели могутъ найти подробное описаніе лубочныхъ картинокъ и сказокъ въ брошюрѣ, изданной И. М. Снегиревымъ. Кромѣ всевозможныхъ сказокъ, на этой выставкѣ продавались картины, изображающія: Мамаево побоище, и Казанское взятъе, и, какъ кумовья Ѳедоты идутъ съ работы, и щуку семихвостку, и погребеніе kota мышами, и самый Страшный Судъ, и какъ дѣти старика пеленали, и какъ семеро одѣвались въ кафтанъ англійскаго мясника, и взятіе Очакова съ солдатскою пѣснью:

Не спиши ты, зима, съ морозами,
 Не бурлите вы, вѣтры, холодные,
 Не защита вы Очакову, и проч. и проч.

Доблесть оружія нашихъ воиновъ всегда находила и находитъ звучный отголосокъ во всѣхъ сословіяхъ народа. Старожилы помнятъ, а нѣкоторые, вѣроятно, и имѣютъ подобныя картины изъ громоноснаго 1812 года. Въмѣстѣ съ портретами архистратиговъ нашего войска: Кутузова, Платова, Кульнева и друг. (ужъ я не говорю про чудо-богатыря Суворова), изображено и бѣгство Французовъ, когда зарево Москвы опалило усы врагамъ нашимъ, и эти незваные гости, поглодавъ у насъ въ Москвѣ вороньи кости, и вмѣсто московскихъ калачей, получивъ гостинцы изъ желѣзныхъ печей, утушивъ пылъ свой прохладительными русскими штыками, какъ герои мелодрамы, въ шляпахъ съ развѣвающимися перьями и въ сарафанахъ, въ киверахъ и въ сапогахъ, въ мундирахъ и кокошникахъ, гонимые, не только оружіемъ русскихъ воиновъ, но вилами и дубьемъ крестьянъ, живомертвые, влачились, наступая на трупы своихъ земляковъ, втоптанныхъ въ землю...

(1) Известный бродяга, который дерзалъ называть себя именемъ Христа; онъ жилъ въ Варсонофьевскомъ монастырѣ его призывала къ себѣ сама Императрица Екатерина II-я и увѣщавала раскаяться, но тщетно; въ самый жестокій холодъ онъ ходилъ босой и съ открытою головою; наконецъ его отправили на покаяніе и заставляли, по преданію, пилять камни и толочь воду; а можетъ быть и вить изъ песку веревку.

(2) Занимъ была дочь несчастнаго кабинетъ-министра Волинскаго, казеннаго при Императрицѣ Аня, по прозванію Бирона.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько интересныхъ предметовъ отыщется въ нашей исторіи для изустныхъ и живописныхъ изображеній. Гдѣ не пылалъ русскій фонтель: подѣ ледяными вѣнцами Альповъ, и за Балканами, и въ странѣ Козылбатской, и за щетнистымъ хребтомъ Казбека! Гдѣ не раздавался богатырскій посвистъ: русское ура, нашего могучаго воинства, несокрушимаго, какъ камень горы Арарата!...

Въ заключеніе описанія Сухаревой башни въ старинномъ быту ея, скажу, что подѣ нея находился сарай, въ которомъ сохранялся такъ называемый *маскародный корабликъ* (*). Петръ Великій, по случаю Ништатскаго мира, въ 1721 году, и бывшаго тогда по случаю его торжества, приказалъ построить этотъ корабликъ и назвалъ его *Миротворецъ* ит. Тогда его, испещреннаго флагами и разными символическими украшеніями, съ матросами въ полной формѣ, сидѣвшими на мачтахъ, возили по Москвѣ, при стеченіи многочисленныхъ, любовавшихся на то зрителей и при оглушительныхъ вопляхъ общей радости. Подобная оригинальная процессія была въ 1744 году, также при торжественномъ мирѣ съ Швеціею. Когда эта славная, сухаревская игрушка пришла въ ветхость, Императоръ Павелъ I-й въ 1799 году приказалъ ее исправить. Обыкновенно, во время гулянья около Сухаревой башни (26 августа въ день свят. Адриана и Паталіи) сарай отворяли, и любопытные зрители стекались смотрѣть на прекрасную модель грознаго русскаго флота; отъ дѣдушки-ботика расплодилось много достойныхъ внуковъ, въ раскатахъ грома нашей флотиліи воздаются славныя поминки покойнику.

Извѣстно, что въ наше время Сухарева башня есть полицца полмосквы; въ ней находится главный резервуаръ мытищинской воды, легкой, чистой, свѣтлой.

Теперь взглянемъ на Сборное воскресенье: оно по своимъ торжищамъ, извѣстно изстари. Первое мѣсто въ этотъ день занималъ прежде скотный рядъ, и чего, чего не было тамъ на продажной выставкѣ, сколько интересныхъ предметовъ для гастрономовъ, для охотниковъ, даже для франтовъ средней руки; подвижной товаръ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ всегда тамъ состоялъ изъ лакомствъ, разнаго рода, красы Обжорнаго ряда. (тамъ встарину бывалъ и цѣлый обѣдъ, по гривнѣ съ рыла, это фактъ), изъ заржавленныхъ ружей и пистолетовъ, изъ черкесскихъ шашекъ, опредѣленныхъ для щепанія лучины, изъ собакъ длиннорылыхъ и тупорылыхъ изъ осанистыхъ пуделей и серьезныхъ мосекъ, изъ миловидныхъ болонокъ, аристократокъ собачьяго рода, этихъ дам-

(*) Сгорѣвшій въ 1812 году во время общаго пожараща.

скихъ игрушекъ (*), изъ брылястыхъ меделянокъ, изъ задорныхъ пѣтуховъ съ ихъ покорными, босовогими дамами, изъ важныхъ индюковъ, изъ амурезныхъ голубковъ, этихъ старинныхъ почтальоновъ, изъ подержаннаго платья, изъ всякой рухляди, и т. под. Тамъ, почуя весну, оглашали толкущихся, изъ тьмочисленныхъ клѣтокъ, милочки-птички разногласнымъ напѣвомъ своимъ; но съ того времени, когда устроились торжища на Смоленскомъ рынкѣ и у Сухаревой башни, и когда Толкучку изъ Охотнаго ряда перевели на Лубянку, это торжище стало не такъ многолюдно. Въ Охотномъ ряду бываютъ теперь только сосѣдніе жители, охотники, собачники, голубятники, да еще развѣ наблюдатели нравовъ, зѣваки и простолюдины.

Смоленскій рынокъ представляетъ въ этотъ день также обширную торговлю, и по людной мѣстности своей, и по множеству продуктовъ; но Сухарева башня, безспорно, должна, во всѣхъ отношеніяхъ, стоять предъ прочими торжищами на пьедесталѣ: известно, что каждое воскресенье площади ея бываютъ заняты народными толпами, но въ этотъ день и народность, и гулянье, и торговля бываютъ тамъ въ огромныхъ размѣрахъ, въ полномъ разгарѣ. Лѣвая площадь ея отъ Срѣтенки заставлена бываетъ и возами барышничьихъ дровъ, рубленныхъ въ Сущевѣ, и цѣлыми обозами и балаганами съѣстныхъ припасовъ; здѣсь найдете вы всевозможныя огородныя овощи, (постомъ почти одно только постное снадобье): и мерзлую рыбу съ выпученными глазами, и гору калачей и сгибей, и гирлянды баранокъ, крупныхъ и мелкихъ какъ янтарныя бусы, и грибы, удавленные на ниточкахъ, и невинныхъ святковъ, и проч. и проч. Здѣсь пристань хозяекъ дома съ большими сакъ-вожами въ рукахъ, а чего, чего вы не найдете въ этихъ погрузительныхъ мѣшкахъ: и расходную книгу, и разныя выкройки, и преисъ-курантъ колониальныхъ товаровъ, и поминанье и проч. и пр.,—цѣлую кладовую. На этомъ рынкѣ клубъ кухарокъ и поваровъ.

Теперь взглянемъ на правую площадь Сухаревки, особенно въ то время, когда отойдетъ обѣдня въ величественномъ храмѣ Шереметевской больницы; въ этотъ день тамъ поетъ цѣлый дивный хоръ чудовскихъ пѣвчихъ; степеніе богомольцевъ бываетъ тамъ огромное; изъ обонхъ воротъ больницы тянется цѣпь экипажей и появляются движущіяся толпы мужчинъ и вереницы разряженныхъ дамъ; большая часть пѣшеходовъ направляются къ сухаревскому рынку. Протѣснимся и мы между ними, отдадимъ на жертву бока свои; видите

(*) Глядя на которыхъ, нѣкто восторженно переложилъ извѣстную пѣсню: *Я птичкой быть желаю, чтобъ къ милому летѣть... Такими образомъ Я мисской быть желаю, у ногъ твоихъ лежать, и т. д.*

какъ тамъ спираются плечами и держатъ себя въ оборонительномъ положеніи, отъ неотразимой давки. Вотъ сначала раскинуты балаганы съ обувью; тамъ найдете вы все — отъ стройнаго, легкаго башмачка—(быть можетъ послужившаго уже на паркетъ) до неуклюжей, растоптанной кенги. Кто хочетъ примѣрить, не только башмакъ, но что угодно, тотъ можетъ совершить туалетъ свой за-просто, во всеувиdнiе, *среди долины ровныя*. Отъ низкаго обратимся къ высокому: вотъ слѣдуетъ головной товаръ, разумѣется наружный, продаютъ шляпы и фуражки разныхъ фасоновъ, изъ которыхъ каждый, по увѣренію продавца, есть модный. Этотъ товаръ надекатированъ въ Пѣвческой: тутъ фуражки и колпаки, впрочемъ, безъ позвонковъ, и шапки съ кистями, для кулачныхъ бойцовъ, всякому къ лицу; кому шляпа мала, ее, пожалуй, наколотятъ на голову, какъ обручъ на бочку, кому велика—увѣрятъ, что она ссядется. Извѣстно, что дешевые товары есть удочки, на которыя многіе просто ожесточенно идутъ.

Съ другой стороны отъ Срѣтенки разставлены помосты со всевозможными сластями: прозаическіе и литературные пряники, т.-е. съ буквами, соперники литературныхъ блиновъ, пекущихся въ рестораціи, въ Сокольникахъ, и вяземскіе пряники, приготовляемые на Солянкѣ, изюмъ черносливъ-кислосливъ, варенье *а ла кулага* (въ которой, говорятъ, кошка увязла), съ неукоризненнымъ цвѣтомъ дегтя и проч., и проч. цѣлый раекъ для невзыскательныхъ желудковъ. Между простымъ лакомствомъ тамъ есть и разубранные конфеты съ замысловатыми картинками, изображающими: и нимфъ съ малиновыми подбородками, и балаганныхъ франтовъ въ испанскихъ плащахъ съ синими бородками. Эта выставка граничитъ съ дамскими потребностями, тамъ лакомятся желудокъ, здѣсь взоры, особливо женскіе, на нѣкоторыя принадлежности ихъ туалета—хамелеона; смотрите: пушные и худоцавые салопы, растегайчики — накидки, цвѣтные шарфы, фантастическія платица баядерокъ, сотканныя изъ воздуха, цѣлые куафюры изъ цвѣтовъ, *а ла ера-лашъ*, чепчики, получепчики и чепчищи для мамокъ, шляпки въ родѣ кибитокъ, и капоры въ родѣ шалашей и будокъ, отъ которыхъ стремглавъ отлетаютъ воробьи и галки; часы и часики, лебединый боа и муфты нѣжной, кошачьей породы, или изъ шкурокъ такихъ звѣрковъ, которыхъ не узнали бы и натуралисты. Дешево и сердито!

Далѣе слѣдуютъ галантерейные товары, тутъ сверкаетъ фольга и золоченая бронза, змѣйки-колечки, дутыя бусы и разныя цѣпочки, помада для рощенія волосъ у плѣшивыхъ, которою, если натереть ладонь, то и на ней, пожалуй, выростутъ волосы, духи для одер-

жимыхъ насморкомъ. мыло и вакса съ пріятнымъ запахомъ, цѣлѣ-
томъ и даже вкусомъ. Чего хочешь, того просишь!

Вотъ и чьи-то живописные портреты, рисованные съ оригина-
ловъ въ то время, когда у нихъ болѣли зубы; глаза у нихъ вѣрно
поссорились, потому что отвернулись другъ отъ друга; вотъ и кар-
тины, представляющія Кавказскія горы Саратовской губерніи. Здѣсь
есть и коллекціи нумизматики и минералогин, между которыми ка-
мень, называемый *чортовъ палецъ*, играетъ не послѣднюю роль. А
ужь игрушекъ-то, игрушекъ, да вѣдь для всякаго возраста есть
свои игрушки...

Правѣ выставлена мебель: и простая, и комфортабельная, и
новая, и леченая,—всякій высматриваетъ товаръ себѣ по вкусу; иной,
а болѣе иная, проходя мимо трюмо, какъ будто ненарочно взгля-
нетъ въ него, чтобъ поправить свою прическу, или сдвинуть съ за-
тылка шляпку, помятую на сухаревскомъ приступѣ, въ тѣснотѣ.
Иная найдетъ, что стекло въ зеркалѣ вѣрно, и подаритъ его улыб-
кой, вѣдь улыбки дешевы, (кстати къ дешевымъ товарамъ); иная,
взглянувъ въ него, скорчитъ гримаску; иная изъ проходящихъ весела,
какъ птичка, выпущенная о Благовѣщенъ-на волю, другая грустна,
вѣрно у нея на умѣ пѣсенка: *Грустно, мамушка, весело жить одной!*

Вѣдь всякій живетъ по своимъ средствамъ, гдѣ жъ бы взять
иному поддержанныхъ и дешевыхъ вещей, а здѣсь ихъ большой вы-
боръ. Здѣсь можно обуться, вполне одѣться, наѣсться, и даже, если
позволятъ хозяева мебели, сладко выспаться на мягкихъ пружин-
ныхъ диванахъ, подъ баюканьемъ канаречныхъ и разныхъ дру-
гихъ органовъ и гуслей-самогудовъ. Тамъ есть и фортепьяно, на
которыхъ можно сыграть: *чижики, чижики, гдѣ ты былъ?* и прочіе
охрипые, быть можетъ простудившіеся отъ воздушной выставки
музыкальные инструменты; вотъ и всякіе экипажи, отъ высокой,
какъ эшафотъ, кареты (изъ оконъ которой наши бабушки во время
ѣзды, высовывали голову, чтобъ не измятъ аршинной прически
своей) до бѣговыхъ санокъ-летунковъ, отъ тощаго, длиннаго таран-
таса — до дѣтской качалки.

Въ числѣ мужскаго платья найдете вы маскарадные костюмы
и для неместоваго Отелло, и для поджараго Гамлета и даже для
выспренней Офелии, московскаго иудѣина; тамъ смиренно виситъ и
форменный фракъ съ недочетомъ пуговиць, и цѣлый мундиръ съ
одной фалдой, и порыжьшая треуголка, измятая, какъ винная
ягода, и проч. и проч.

Теперь взглянемъ на книжное царство, тамъ, между мусоромъ,
рогожечной растрепанной литературы, найдете вы много хорошаго;
но ловкіе букинисты знаютъ цѣну своему товару; сочиненія извѣст-

ныхъ авторовъ, особенно классическія, вы не купите за безцѣнокъ, хотя все-таки гораздо сходнѣе опубликованныхъ цѣнъ; въ иномъ мѣстѣ найдете вы книги въ симметрическомъ порядкѣ, въ другомъ навалены онѣ грудой, и вы невольно поклонитесь имъ, если захотите узнать названіе ихъ. Тамъ составлено такое попури изъ разрозненныхъ томовъ, что одинъ только библіофилъ, съ верблюжьимъ терпѣніемъ, можетъ открыть и отдѣлать наприм. сочиненіе мистическаго Эккартгаузена отъ проказника Поль-де-Кока, или пѣвучаго Тасса—отъ вѣснаго Мартына-Задеки. Впрочемъ букинисты сейчасъ оцѣнятъ покупателя; вотъ смотрите, подходит сибирка и развертываетъ ландкарту, или пытливо гладитъ лысый глобусъ, она охотно смотритъ, ей хочется знать, гдѣ Турка живетъ, вотъ ей и предлагаютъ: *Битву Русскихъ съ Кабардичцами*, сибирка сторговалась и купила ландкарту, она мысленно гордится, что стала обладательницей цѣлой части свѣта; а вотъ дубленый тулупъ ищетъ календаря, хоть какого-нибудь старенькаго; этотъ покупатель забылъ день именинъ своей сватьи Феклы и находитъ, что поданный ему календарь слишкомъ сухощавъ, почему и спрашиваетъ: *есль ли въ немъ имена-то?* продавецъ серьезно увѣряетъ его, что въ его календарѣ есть еще *личія* имена, покупатель успокоивается — и оба они предовольны. Вотъ и какая-то барыня съ усами ищетъ книжной справки, когда ей сажать куръ на лица, ей кстати предлагаютъ поэтическую повариху, которая учитъ, какъ варить супъ изъ незабудокъ и дѣлать меланхолію подѣ соусомъ или суконные пироги съ можжевелникомъ.

Вотъ въ сторонѣ разостланы и тигровыя шкуры, содранныя съ телятъ, вотъ распѣваютъ: ковры половые, пироги съ жару, по пятаку за пару, смазныя оладьи тетушки Маланы, давай деньги, тшь даромъ, и т. д.

Наконецъ, на выходѣ рынка, найдете вы всевозможную посуду, деревянную и глиняную, даже безыменную: тамъ и одутловыя бочки, и сіяющія, какъ бездны, кадки, и стройныя рюмочки съ завидной таліей и подбоченившійся кофейникъ, и семейный чайникъ съ птичьимъ носомъ, и бабушка бутыль, окруженная, будто внучками, стаканчиками и кружечками, и пузырьки съ лебдиными шейками и масляницы съ многоглядными, напомаженными барашками, и разныя фарфоровыя игрушки: овечки, зайчики, и проч. и проч. Тамъ много раззолоченыхъ чашекъ съ оттопыренными губами разныхъ формъ и достоинствъ, даже съ плутешками купидонами, только что вышедшими изъ купальни; но ужъ не найдете вы чашекъ, представительницъ милой. патриар-

хальной старинны, съ надписями: *кого люблю, того дарю*, эти подарки совершались давно, давно, когда еще дѣвы играли въ фанты, въ кошку и мышку, а не въ ералашъ, когда еще онѣ смотрѣли на три звѣздочки, мигающія на небосклонѣ и на эполетахъ, а не курили бумажныхъ дудочекъ, или папиросъ. О, тогда эти дѣвы (гдѣ вы?) пѣли въ часы раздумья, подъ аккомпаниментъ *тихой гитары, друга души унылой*, Черную шаль или *Гусарь на саблю опираясь*. Тогда, вмѣстѣ съ чашками, дарили еще бисерныя зубочистки, спурки для часовъ, символическіе супирчики съ залогомъ волосъ, а кавалеры отдаривались альбомами съ ливнемъ стиховъ въ родѣ слѣдующихъ: *Лучше въ морь утопиться, чѣмъ въ несклонную влюбиться*, и съ картинками, изображавшими урны, стрѣлы, обгорѣлыя какъ головъшка, сердца, голубковъ сизокрылыхъ, сизоносыхъ, цѣлующихся, милоющихся.... Увы! тогда и не прекрасный полъ твердилъ: *Я и мирточкой доволенъ, коль отъ милой получу*, а нынче они, злодѣи, требуютъ приданого, а съ нимъ ужъ и мордочкой довольны. Sic transit gloria mundi!

Торжище продолжается до самыхъ сумерекъ, и въ продолженіе всего этого времени, тамъ безпрестанно бываетъ приливъ и отливъ народа всякаго званія: тамъ, подлѣ бархатнаго салопа, жметъ старовѣрческая шубка, подлѣ собольяго пальто пробирается кафтанъ на борахъ, а подлѣ распахной медвѣжьей шубы важнаго господина съ подбородкомъ въ два яруса, шагаетъ кучеръ съ серебряной серьгой въ ухъ. Кругомъ кипятки жизни, въ ближнихъ трактирахъ усердно производятся вспрыски купленныхъ и проданныхъ товаровъ, тамъ пьютъ и отрадную водку, зимой, чтобы согрѣться, а лѣтомъ прохладиться; туда приглашаютъ другъ друга и на *шестикусіе*, т.-е. пить чаекъ, (семь чайниковъ горячей воды вдвоемъ) съ угрызеніемъ или съ приличкою сахара; а то есть еще средство пить чай, изъ экономіи, въ наглядку, т.-е. только глядя на сахаръ. Около входа *заледечій* шарманка звучитъ какой-нибудь огорчительный романсъ, а тамъ, внутри, за длинными столами, закатно раздается наша сердечная *россійская* пѣсенка: *Растоскуй, моя сударушка!*... Около всего рынка широкія рамы, изволичьихъ-саней, лошади которыхъ ходятъ пѣшкомъ.

Всякій веселъ, всякій доволенъ, чего же болѣе! Природа въ это время начинаетъ дышать улыбочивою весной, у ней свои вспрыски. Да что распространяться, пусть любопытные жители отдаленныхъ, не европейскихъ краевъ Москвы, посмотрятъ на это торжище сами, а мнѣ что—я человекъ прохожій.

С. Яковлевскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Записки маршала Сульта.—Переходъ французской арміи черезъ Альпы; битва при Маренго.—Похвалы Французовъ русскому солдату. — Английское Обозрѣніе въ турецкомъ духѣ. — Турки-тори. — Благодареніе Грековъ подъ турецкими правленіемъ. — Журнальная галлиматія. — Новый способъ защиты городовъ отъ бомбардированья. — Английскіе джентльмены съ турецкими именами. — Турецкій вѣздъ съ французскими куплетами.

На дняхъ вышелъ въ Парижъ первый выпускъ *Записокъ маршала Сульта* (*Mémoires du marechal-général Soult, duc de Dalmatie, publiés par son fils.—Trois volumes in 8°*). Въ нихъ заключается полная военная исторія Франціи съ начала революціонной войны до мира, заключеннаго Европой въ 1815 году. «Всѣ эти событія — говоритъ рецензентъ *Journal des Débats*. — въ которыхъ маршалъ игралъ такую важную роль, и о которыхъ столько уже писалъ, обсуженныя имъ, какъ историкомъ строго-безпристрастнымъ даже къ своей личности, и пополненныя его примѣчаніями и поясненіями, — представляются почти совершенно въ новомъ свѣтѣ, и получаютъ новый и самый живой интересъ».

Мы приводимъ изъ этой любопытной книги, и въ особенности любопытной въ настоящее время, когда война снова вспыхнула почти повсемѣстно, — два отрывка: размышленія маршала по поводу перехода арміи перваго консула черезъ Альпы, и описаніе битвы при Маренго.

«Если справедливо, что во время военныхъ дѣйствій предпріятія, повидимому, не обвѣщающія никакого успѣха, почти всегда удаются, то нельзя не удивляться тѣмъ полководцамъ, которые не умѣютъ предупреждать и отвращать подобныхъ внезапностей. Сказать что

имъ вовсе неизвѣстны многочисленныя примѣры, которые въ этомъ отношеніи представляютъ намъ исторіи,—значило бы обвинить ихъ въ недостатокъ образованія, который показался бы неправдоподобенъ; отнести это къ недостатку ихъ таланта—будетъ то же едва ли справедливо, — потому что не могли же они достигнуть до высшихъ военныхъ степеней безъ заслугъ значительныхъ и блестящихъ. И такъ я соглашаюсь, что они имѣли всѣ эти качества, т.-е. и образованіе, и знаніе исторіи, и таланты,—не имѣли только того дара природы, который называется вдохновеніемъ. Привыкшіе идти обыкновенной рутинной науки, они дѣйствуютъ методически, занимаются мелочами, исполняютъ все прекрасно и правильно, и въ этомъ отношеніи имѣютъ, если угодно, достоинство неоспоримое, — но только въ этомъ и состоитъ все ихъ достоинство. Изъ опредѣленнаго круга своихъ понятій, они не могутъ ужъ выйти, и ровно ничего не видятъ тамъ, гдѣ для челоука гениальнаго является новая мысль, новые способы, новыя средства, создающіяся въ умъ его по внезапному вдохновенію. Подъ его распоряженіемъ все принимаетъ видъ какой-то колоссальности, все измѣняетъ форму, дѣйствіе, назначеніе; всѣ препятствія исчезаютъ передъ нимъ, и онъ въ одинъ и тотъ же моментъ соображаетъ и планъ, который долженъ удивить непріятеля, и сопротивленіе, которое должно ему встрѣтиться при исполненіи этого плана, и наконецъ самыя послѣдствія и окончательный результатъ того и другаго. Противникъ его дремлетъ еще, а онъ уже дѣйствуетъ, — и чѣмъ внезапнѣе его предпріятіе, тѣмъ больше удивитъ оно, тѣмъ больше произведетъ замѣшательства: отсюда неожиданныя нападенія, совершенно разстроенный планъ, быстрое измѣненіе позиціи и всѣ послѣдствія этихъ неправильныхъ, но вдохновенныхъ дѣйствій».

«Различіе, какое полагаю я между талантомъ и гениемъ,—хотя есть люди и соединяющіе въ себѣ оба эти качества,—можетъ объяснить намъ, какъ кажется, причину тѣхъ великихъ военныхъ событій, которыя такъ страшно потрясли Европу въ началѣ нынешняго столѣтія. Мы дѣйствительно замѣчаемъ, что всѣ великіе полководцы, память о которыхъ сохранилась въ исторіи, обладали исключительнымъ гениемъ, заставлявшимъ ихъ покидать обыкновенную дорогу, и идти къ славы новымъ путемъ. Имъ не могъ сопротивляться никакой талантъ, потому что одинъ только талантъ не въ состояніи противопоставить вдохновенію вдохновенію,—и счастливъ онъ уже тѣмъ, если въ подобномъ случаѣ не рѣшался ни на какую безразсудную отвагу. Такимъ образомъ мы видимъ, что тѣ предпріятія, которыя удивляютъ насъ своимъ величіемъ и обширностію соображеній, всегда имѣютъ послѣдствія еще болѣе важныя, и что они

удаются именно потому, что съ одной стороны были вточности опредѣлены и рассчитаны, — съ другой ничѣмъ не предупреждены, отъ того, что не предвидѣны».

«Переходъ арміи перваго консула черезъ Альпы ужасаетъ воображеніе, когда подумаешь о присутствіи тамъ вѣчныхъ льдовъ, о паденіи лавинъ, и вообще о томъ страшномъ пути, на которомъ каждый невѣрный шагъ грозитъ неминуемой гибелью. Избравъ и предположивъ себѣ этотъ путь, все еще нельзя было ни на что рассчитывать навѣрное: оставалось еще отыскивать, въ этомъ лабиринтѣ, проходы болѣе удобные, тропинки болѣе безопасныя, — вообще переходъ этотъ удивителенъ и смѣлостію предпріятія, и удачнымъ преодоленіемъ всѣхъ препятствій, и быстротой исполненія....»

За тѣмъ маршалъ Сульть описываетъ битву при Маренго, къ которой привелъ перваго консула этотъ переходъ.

«Французская армія прошла черезъ Скривію 13 іюня, чтобы двинуться къ Санъ-Гилиамо. Въ авангардѣ былъ генераль Ланъ съ дивизіями Ватрена и Менона. Генераль Дезе командовалъ дивизіями Буда и Монниера. Онъ только что возвратился изъ Египта. Карантии его въ Тулонѣ сократили, и онъ не далѣе, какъ наканунѣ присоединился къ арміи. Съ его корпусомъ должна была еще соединиться дивизія Лапюппа, еще не перешедшая черезъ По. Корпусъ генерала Виктора состоялъ изъ дивизіи Шамборака и Гарданна, и изъ кавалерійской бригады генерала Келлермана. Всѣ эти корпуса, вмѣстѣ съ кавалеріею Мюрата, составляли не болѣе 30,000».

«Не было видно еще ничего такого, почему бы можно было угадать планъ дѣйствій непріятельскаго генерала. Ожидали, что его армія расположена въ боевомъ порядкѣ, на равнинѣ между Шкривіей и Бормидой. Кавалерійскій отрядъ, посланный для рекогносцировки, не видалъ непріятеля до самой деревни Маренго, занятой четырьмя или пятью тысячами Австрійцевъ, составлявшихъ арріергардъ генерала Отта, который оставилъ онъ тутъ наканунѣ, при переходѣ его корпуса отъ Санъ-Гилиамскаго лагеря къ Бормидѣ. Вечеромъ, первый консулъ приказалъ атаковать этотъ арріергардъ дивизіи генерала Гарданна. Непріятель защищался слабо, но отступивъ въ совершенномъ порядкѣ къ мостовому укрѣпленію, отразилъ Французовъ, которые хотѣли овладѣть этимъ укрѣпленіемъ. На ночь генераль Гарданнъ занялъ позицію въ Пьетра-Бона».

«Вѣроятно, что генераль Меласъ хотѣлъ прикрыть этимъ поспѣшнымъ отступленіемъ настоящій свой планъ, котораго дѣйствительно нельзя было вдругъ опредѣлить. Первый консулъ, лично осмотрѣвъ мѣстность, заключилъ, что непріятель, сосредоточивая

силы свои подъ стѣнами Александріи, имѣеть намѣреніе отступить фланговымъ движеніемъ. Съ этой мыслью онъ измѣнилъ первоначальныя свои предположенія: велѣлъ войскамъ остановиться съ тѣмъ, чтобы на другой день укрѣпить рентрашементъ на мосту, перейти по немъ черезъ Бармиду и поставить такимъ образомъ австрійскую армію въ необходимость принять сраженіе. Дивизія генерала Гардина оставалась въ продолженіе всей ночи въ занятой ею позиціи въ Пьетра-Бона, а дивизія генерала Шамборака составляла вторую линію и, вмѣстѣ съ кавалерійской бригадой Келлермана, занимала Маренго. Кавалерія Мюрата и корпусъ Лана двинулись впередъ къ Слупъ-Гильямо. Дивизія генерала Мюньяе, отделившись отъ корпуса Дезе потянулась вправо къ Капель-Нуово ди Скривія, а самъ Дезе, съ дивизією Буде, пошелъ на Ривальту, чтобы составить линію сообщенія съ генераломъ Сюше, и съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдать генуэзскую дорогу.

«Всѣ эти распоряженія заставляють думать, что первый консулъ никакъ не ожидалъ на слѣдующій день нападенія всей непріятельской арміи, потому что въ такомъ случаѣ онъ никакъ не отделилъ бы отъ центра своихъ силъ, и безъ того малочисленныхъ въ сравненіи съ непріятельскими, корпуса Дезе, и не разорвалъ бы такимъ образомъ своихъ дивизій на довольно большое разстояніе. Поспѣшное отступленіе изъ Маренго арріергарда генерала Отто очень искусно обмануло перваго консула, который былъ вполне увѣренъ, что Меласъ старается всеми мѣрами избѣгнуть битвы. Эта хитрость, которая уже разъ удалась Меласу противъ генерала Шампоне, была очень кстати при настоящихъ обстоятельствахъ, и чуть-чуть не удалась ему снова.

«Извѣстія, полученныя ночью изъ Ривальты и съ береговъ По, заставили однакожь перваго консула почувствовать близость сраженія и всю великость опасности. Эти извѣстія встрѣтили его на пути въ свою главную квартиру. Онъ остановился въ Торре ди Гарофальдо, и прежде всего поспѣшилъ призвать назадъ дивизію Дезе, отсутствіе которой въ продолженіе цѣлаго дня лишило его части силъ. Прочіе отряды онъ расположилъ такъ, чтобы они могли подкрѣплять другъ друга.

«Такимъ образомъ двѣ дивизіи Виктора и кавалерійская бригада Келлермана остались на прежней своей позиціи въ Пьетра-Бона и Маренго. Генералъ Ланъ съ двумя своими дивизіями и кавалерійской бригадой генерала Шампо составлялъ вторую линію, расположенную въ шести стахъ шагахъ отъ первой. Консульская гвардія и пѣхотная

бригада Карра Сент-Сира находилась въ третьей линіи и составляли резервъ; а кавалерійскій генераль Риво былъ посланъ къ Саль, для наблюденія непріятеля съ этой стороны, съ которой, какъ предполагали, могъ подойти онъ. Вся эта масса войскъ составляла не болѣе 20,000, считая въ томъ числѣ 2,500 кавалеріи, а между тѣмъ, на разсвѣтѣ, Австрійцы развернули противъ нихъ армію въ 40,000, съ 6-ю или 7,000 кавалеріи, и съ значительной артиллеріей. И если первый консулъ могъ выдержать этотъ неравный бой до прихода дивизіи Дезе, то это надобно приписать сколько превосходству его распоряженій, столько же и храбрости его войскъ, который онъ расположилъ эшелонами въ косвенномъ порядкѣ, и лѣвымъ крыломъ впередъ, такъ что они, подкрѣпляя другъ друга, заставляли непріятеля растягивать его силы и замедляли его дѣлою.

« 14 іюня, на разсвѣтѣ австрійская армія перешла черезъ Бармиду въ трехъ пунктахъ. Корпуса легкой пѣхоты и вся кавалерія, находившіеся подъ командой генерала Эльстница, и составлявшие лѣвую колонну, потянулись къ Кастель-Черіоло, по Сальской дорогѣ. Двѣ другія колонны, состоявшія изъ пѣхоты, назначенной въ дѣло, и изъ гренадерскаго резерва, пошли по большой тортонской дорогѣ и по фрегаторьской. Въ 8 часовъ они выстроились передъ Пьетра-Бона, противъ дивизіи генерала Гардана. Первой линіей командовалъ Гапдикъ; второй лично распоряжался самъ Меласъ, при которомъ находился начальникъ его штаба. Захъ, человекъ извѣстный уже своими талантами; резервъ состоялъ подъ начальствомъ генерала Отто.

« Вся эта масса пѣхоты выстроилась въ боевой порядокъ подъ прикрытіемъ многочисленныхъ батарей. Дѣло началось, и Гарданнъ не имѣлъ никакой возможности удержаться въ Пьетра-Бона противъ многочисленнаго непріятеля. Громимый австрійской артиллеріей и видя, что его могутъ обойти и отрезать, онъ отступилъ на Маренго, къ дивизіи Шамборака, которая по приказанію генерала Виктора двинулась къ нему на подкрѣпленіе съ правой стороны. Соединившись, обѣ эти дивизіи вошли въ дѣло, въ продолженіи котораго всѣ усилія непріятеля стремились къ тому, чтобъ заставить ихъ отступить отъ Маренго, которымъ Меласу очень хотѣлось овладѣть, какъ выгоднымъ пунктомъ опоры. Лѣвое плечо его центра, перейдя черезъ оврагъ, находившійся впереди его, покушалось обойти Маренго, а между тѣмъ генераль Эслингъ строилъ свою кавалерію передъ Кастель-Черіоло. Генераль Риво, тотъ самый, который столько способствовалъ выигрышу сраженія при Монтебелло, первый замѣтилъ эти движенія; отдавши ихъ съ своей бригадой, составляв-

ней правый фланг дивизіи Гарданна, онъ бросился туда, куда призывала опасность, и съ батальономъ 43-й полубригады, уже сильно потерпѣвшей, два раза отбрасывалъ венгерскихъ гренадеровъ опять за оврагъ. Битва нѣсколько разъ переходила съ одной стороны оврага на другую; генераль Риво былъ раненъ, но онъ держался, и первая линія Французовъ сохраняла еще свою позицію.

«Генераль Викторъ потерялъ и опять взялъ Маренго. Дѣв дивизіи, состоявшія подъ его начальствомъ, дѣлали усилія невѣроятныя, отставляя деревню, между тѣмъ какъ дивизія Лана удерживалась въ той же линіи. Всѣ эти четыре дивизіи были подъ самымъ близкимъ картечнымъ огнемъ непріятеля. Ряды ихъ рѣдѣли; наконецъ войска лѣваго фланга, ослабленные потерей и усталостью, истощившія почти всѣ патроны, принуждены были уступить Маренго, чтобы оправиться позади его, и снова выстроиться параллельно непріятельской линіи. Австрійцы, опершись на Маренго, потянулись къ Кастель-Черіоло и смѣло пошли атаковать Лана, но встрѣченные дивизіей Ватрена, были отброшены, атакованы въ свою очередь и снова принуждены отступить за оврагъ.

«Этотъ успѣхъ могъ бы имѣть самыя счастливыя послѣдствія, если бы генераль Ланъ воспользовался имъ; но боязнь оставить безъ подкрѣпленія корпусъ Виктора и подвергнуть его опасности быть обойденнымъ, заставила Лана отказаться отъ преслѣдованія непріятеля. Дивизіи Виктора, страшно ослабленные четырехъ-часовой битвой, были почти уничтожены, и не могли уже долѣе сопротивляться. Напрасно генераль Келлерманъ старался поддерживать ихъ своими кавалерійскими атаками, напрасно ободряли ихъ начальники. Около полудня онъ смѣшался и началъ отступать въ страшномъ безпорядкѣ, преслѣдуемые непріятелемъ. Не имѣя никакого защитнаго пункта на своемъ пути, разстроенный корпусъ Виктора долженъ былъ бѣжать цѣлыхъ дѣв миль по открытой ровнинѣ, до Санъ-Гильямо, гдѣ укрылся наконецъ. Это быстрое отступленіе навлекло ту же самую опасность на корпусъ Лана, и дѣйствительно онъ тоже долженъ былъ отступить, но исполнилъ это въ совершенномъ порядкѣ, и такъ искусно маневрировалъ, что его эшелоны, построенные въ порядкѣ взаимнаго подкрѣпленія, не могли быть разстроены и опрокинуты никакой атакой.

«Лѣвое крыло австрійской арміи еще не вступало въ дѣло. Генераль Эльсницъ выстроилъ его въ дѣв линіи передъ Кастель-Черіоло, и ударилъ на слабый французскій резервъ, который тоже еще не былъ въ дѣйствиіи. Генераль Меласъ, по превосходству своихъ силъ и по приобретеннымъ уже имъ выгодамъ, имѣлъ полную

надежду опрокинуть этотъ послѣдній оплотъ и окончательно одержать побѣду. Онъ уже былъ увѣренъ, что побѣда въ его рукахъ, и можетъ быть отъ этой-то увѣренности не напалъ всеми своими силами на этотъ резервъ, который никогда бы не могъ устоять, если бы увидѣлъ, что онъ оставленъ своими войсками и отрванъ отъ нихъ.

«Какъ бы то ни было, но все спасеніе французской арміи въ эту критическую минуту, зависело отъ возможности удержаться противъ непріятеля съ этимъ остаткомъ силъ, который составлялъ послѣдній эшелонъ праваго крыла. Первый консулъ берегъ его на тотъ случай, чтобы составить изъ него передній уголъ треугольника, которымъ онъ опять намѣренъ былъ построить свои войска, когда придетъ Дезе, и сраженіе опять должно будетъ возобновиться. Этотъ превосходный маневръ былъ послѣднимъ его спасеніемъ: непріятели не могли его предвидѣть и следовательно не могли заблаговременно принять противъ него никакихъ мѣръ. По этому онъ долженъ былъ разстроить ихъ, лишить всехъ пріобрѣтенныхъ ими выгодъ и принудить опять отступить за Бормиду. Соображенія перваго консула были верны, успѣхъ несомнителенъ; но чтобы достигнуть его и выиграть нѣсколько минутъ, нужныхъ для перемѣны позиціи, необходимо было тотчасъ же подкрѣпить правый флангъ Лана. Непріятельская кавалерія начала ужъ нападать на него, атака ея съ каждой минутой усиливалась, и хотя пѣхота Лана держалась противъ нея, но она не могла остановить движенія лѣваго крыла Австрійцевъ, начавшихъ обходить ее. Первый консулъ послалъ впередъ гренадеровъ своей гвардіи. Отрядъ ихъ состоялъ не болѣе какъ изъ 900 человекъ, но ихъ ничто не могло остановить. Построившись въ каре, въ трехъ-стахъ шагахъ впереди праваго фланга Лана, они твердо выдержали всѣ кавалерійскія атаки, и дали время присоединиться къ себѣ дивизіи генерала Монье, возвращавшейся изъ Кастель-Нуово ди Скривіа. Бригада Карра Сентъ-Сира была послана въ Кастель-Черіоло, а другая бригада той же дивизіи и гренадеры отступили опять къ Сентъ-Гильямо.

«Въ эту-то минуту австрійскіе генералы считали уже сраженіе выиграннымъ; они видѣли, что французская армія ретируется, видѣли, что равнина покрыта ея остатками, и никакъ не ожидали новаго сопротивленія. Они не понимали даже, для чего Французы заняли Кастель-Черіоло, и вся важность этого поста открылась имъ тогда только, когда генералъ Карра Сентъ-Сиръ, который, не теряя времени, укрѣпился тамъ и устроилъ баррикады, сдѣлалъ сильный отпоръ австрійской пѣхотѣ, лѣваго крыла. Такимъ образомъ Кастель-Черіоло

сдѣлалось опорой новой боевой линіи перваго консула и переднѣмъ пунктомъ составляемаго имъ треугольника. Тогда положеніе обѣихъ армій совершенно измѣнилось, и боевой порядокъ принялъ обратное направленіе, потому что въ то время, когда генераль Меласъ потянулъ свое правое крыло по дорогѣ къ Тортогнѣ, чтобъ отрвать съ этой стороны Французовъ и отгѣснить ихъ лѣвый флангъ къ центру, его лѣвому крылу угрожала опасность, и резервъ французской арміи, который долженъ былъ вырвать у него побѣду, собирался въ Сантъ-Гильямо.

«Генераль Дезе, отраженный наканунѣ въ Ривальто, вмѣстѣ съ дивизіею Буде, показался наконецъ на высотахъ Сантъ-Гильямо. Первый консулъ остановилъ отступательное движеніе эшелонѣвъ и расположилъ ихъ діагональными линіями, на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобы они могли занять все пространство между Кастель-Черіоло и Сантъ-Гильямо, гдѣ соединились и разстроеныя дивизіи Виктора. Кавалерія, поставленная во второй линіи, могла производить атаку, проскакивая въ интервалы между эшелонами, пустота которыхъ такимъ образомъ и прикрывалась ею.

«Всѣ эти распоряженія были кончены къ шести часамъ вечера. Атаку долженъ былъ начать генераль Дезе съ своими свѣжими войсками. Онъ уже двинулись впередъ, но въ тоже самое время колонна австрійскихъ гренадеръ, состоявшая изъ 5000 человекъ, подъ командою генерала Заха, пошла по большой дорогѣ прямо на Сантъ-Гильямо. Она уже оставила за собой Кассина-Кросцо и была не далѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ французской передовой линіи. Генераль Дезе, предшествуемый пятнадцати пушечною баттареей, бросился, скорымъ шагомъ, ей навстрѣчу. Баттареей командовалъ генераль Мармонъ. Онъ открылъ огонь по непріятелю въ пятидесяти шагахъ. Къ канонадѣ присоединился ружейный огонь, и въ эту минуту генераль Дезе былъ смертельно раненъ пулей въ грудь. Адыютантъ перваго консула, полковникъ Лебрень принялъ его на свои руки. Смерть начальника еще болѣе воспламенила порывъ солдатъ: они бросились мстить за него.

«Эта пылкая атака разстроила непріятелей. Они думали опрокинуть слабый французскій резервъ безъ большихъ усилій, и генераль Захъ былъ такъ неостороженъ, что, бросившись впередъ, не обратилъ вниманія, слѣдуетъ ли за нимъ какое-нибудь подкрѣпленіе. Подкрѣпленія никакого не было, и его гренадеры, никакъ не ожидавшіе такого сильнаго сопротивленія, начали колебаться. Въ эту минуту первый консулъ приказалъ идти въ атаку своей кавалеріи.

Генераль Келлерманъ выстроилъ свою бригаду передъ фронтомъ австрійской кавалеріи, которую ему противопоставили, но оставивъ для удержанія ее только нѣсколько эскадроновъ, съ остальными сдѣлалъ поворотъ на лѣво, ударилъ во флангъ гренадеровъ, врубился въ ихъ ряды, смѣшалъ,—и вмѣстѣ съ пѣхотой генерала Буде, который, пользуясь этимъ искуснымъ маневромъ, бросился въ то же время на колонну съ фронта, заставилъ положить оружіе весь отрядъ генерала Заха.

«Когда дивизія Буде двинулась впередъ, соединившіяся дивизіи генераловъ Лана и Виктора тотчасъ же подкрѣпили это движеніе. Австрійцы были слишкомъ далеки отъ того, чтобы ожидать въ эту минуту общаго нападенія; эта нечаянность и совершенное уничтоженіе передовой колонны привело въ страшное смятеніе всѣхъ ихъ корпусовъ, которые поспѣшно начали отступать къ Бормидѣ. Только нѣкоторые батальоны держались еще въ Маренго, но и тѣ были опрокинуты. Менѣе чѣмъ въ часъ, побѣдители снова овладѣли мѣстомъ сраженія, которое, въ продолженіе этого кроваваго дня, они отстаивали шагъ за шагомъ, и къ десяти часамъ вечера Французы опять заняли свою позицію въ Пьетра-Бона, гдѣ за семнадцать часовъ назадъ началось дѣло.»

— Между тѣмъ какъ въ книгѣ маршала Сульта Французы видятъ подвиги своихъ прежнихъ солдатъ и своей *великой* арміи *маленькаго капрала*, они волею или неволею—помнятъ еще, какъ эта великая армія уносила ноги изъ Россіи; помнятъ Бородину, Тарутину, Красный,—и даже, не смотря на свое непріязненное расположеніе къ намъ въ настоящую минуту, не могутъ не отдать справедливости нашимъ солдатамъ. Вотъ что говоритъ одинъ французскій журналъ о русскомъ солдатѣ:

«Мы искали данныхъ для характеристики русскаго солдата у писателей, имѣвшихъ случай изучить вполне эту характеристику, и вездѣ нашли ей похвалу единогласную. Самъ величайшій полководецъ новѣйшаго времени, Наполеонъ, говоритъ то же.

«Никто такъ легко не переноситъ всѣхъ трудностей похода, всѣхъ лишеній военной жизни, какъ русскій солдатъ,—продолжаетъ авторъ статьи;—кромѣ того онъ вѣренъ своему долгу, готовъ умереть на своемъ постѣ, и если случится, что онъ поколеблется въ битвѣ—это колебаніе только минутное, особенно когда начальникъ хорошо распоряжается. Покажите ему знамя, — онъ готовъ броситься за нимъ въ самый жестокой огонь, и чѣмъ жарче битва и чѣмъ ближе онъ къ врагу, тѣмъ больше воспламеняется онъ. Во время

самаго отступленія, русскіе солдаты не теряются и не робюють. Они отступаютъ бодро, устойчиво, въ порядкъ, и по этому-то случаю Фридрихъ Великій сказалъ о нихъ: «*Разбитъ русскихъ' солдатъ недостаточно; ихъ надобно перебить*, тогда только не опасны они». Съ этимъ мужествомъ и твердостью соединено еще въ русскомъ солдатѣ чувство великодушія и признательности. Одинъ дѣльный французскій офицеръ, остававшійся въ Бѣлостокѣ, послѣ кампаніи 1812 года, рассказываетъ, что когда русскія войска возвращаясь въ 1814 г. изъ Франціи, пришли въ Бѣлостокъ, они отдавали ему честь въ благодарность за то, какъ говоритъ онъ, что Русскіе хорошо были приняты въ Парижѣ».

Авторъ статьи приводитъ нѣсколько подобныхъ анекдотовъ, служащихъ вообще къ чести нашихъ солдатъ, но мы знаемъ ихъ лучше Французовъ, и для насъ это вовсе не новость. Мы только указали на эту статью, какъ на самое убѣдительное доказательство того, какою высокою репутаціею пользуется наше войско, въ глазахъ самихъ нашихъ враговъ.

Къ сожалѣнію—иди лучше сказать къ стыду двухъ образованнѣйшихъ націй Европы, большая часть ихъ журналистовъ вовсе не такъ безпристрастна какъ авторъ статьи «Русскій солдатъ». Даже нѣкоторые англійскіе журналисты находятъ, что ихъ собраты, принадлежащіе къ партіи тори, ужь черезъ чуръ отурчились въ своемъ «Обозрѣніи» (Quarterly Review), составляющемъ отголосокъ ихъ партіи. Quarterly постоянно является прямымъ и безъ-исключительнымъ защитникомъ Турокъ. Турки для нихъ тѣ же тори, истинные тори, консерваторы; Греки, либералы и даже радикалы. По ихъ мнѣнію Турокъ слѣдуетъ поддерживать въ ихъ турецкитѣ началахъ, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, и никакъ не предлагать имъ била реформы въ пользу христіанъ. «Виги увлекаются своимъ гибельнымъ направлениемъ,—замѣчаетъ Quarterly,—подкапывая и ослабляя турецкое правительство уступками, требуемыми отъ него подъ видомъ вѣротерпимости.... Если бы во время настоящаго кризиса, — прибавляетъ Quarterly, — въ Константинополѣ вспыхнула революція, и тронъ и жизнь Султана подверглись опасности, въ какое затрудненіе были бы мы тогда поставлены. Войскамъ нашимъ пришлось бы принять участіе въ народной войнѣ, между тѣмъ какъ Русскіе, пользуясь своимъ нравственнымъ вліяніемъ, быстро приблизились бы къ Константинополю. И все это очень возможно....» За тѣмъ слѣдуетъ длинное обвиненіе противъ Грековъ, которые, по словамъ Quarterly» пользуются въ Турціи свободой и

даже употребляют ее во зло более, чѣмъ низшіе классы во всѣхъ другихъ государствахъ Европы». И *Quarterly* находятъ, что они гораздо счастливѣе подданныхъ короля Оттона, которыхъ все утѣшеніе состоитъ только въ томъ, что они *живутъ и страдаютъ подв свободнымъ и конституціоннымъ правленіемъ*. Эти сужденія очень хорошо показываютъ, до какой степени отстали еще нѣкоторые торы, живущіе подв свободнымъ и конституціоннымъ правленіемъ королевы Викторіи.

Вообще во французскихъ и англійскихъ журналахъ помѣщается множество галлиматъ по поводу настоящихъ событій; иногда галлиматъ эта бываетъ очень забавна, и мы приводимъ нѣсколько такихъ образчиковъ:

«Въ редакцію *Балтійской газеты* пишутъ изъ Петербурга отъ 15 апрѣля: Здѣсь нѣсколько уже времени появился указъ, которымъ повелѣвается, чтобы всѣ израильтяне, путешествующіе внутри государства, были снабжены паспортами. Какъ скоро встрѣчается израильтянинъ, не имѣющій при себѣ бумагъ, можно немедленно взять его подв стражу, ежели потребуеть того доноситель. Израильтянинъ, захваченный такимъ образомъ, обязанъ замѣнить доносителя, поступленіемъ за него въ солдаты, или самъ лично, или представить вмѣсто себя родственника. Благодаря этому указу, теперь всякой хлопотеть, какъ бы встрѣтить какого-нибудь израильтянина, путешествующаго безъ паспорта. Не рѣдко случается даже, что у нихъ крадутъ бумаги нарочно, съ тѣмъ, чтобы найти ихъ преступниками противъ закона, и умножать ими армию»

(*Ind. Belge N 124*),

«На прошедшей недѣль были *выбиты* штемпеля (а ихъ не вылизываютъ, а рьжутъ рѣзцомъ) для трехъ медалей, назначаемыхъ для раздачи въ награду русской армии, находящейся на Востоку; и самыя образцы медалей были, говорятъ, выбиты изъ красной меди. Самая большая изъ этихъ медалей будетъ изъ золота, окруженная сплошнымъ шуркомъ изъ брилліантовъ. На второмъ планѣ (что на первомъ, не сказано) изображена группа фигуръ съ видомъ Св. Мвьсть, и съ брилліантомъ, вставленнымъ въ небо. Этотъ брилліантъ цѣнится въ 40 фунтовъ стерлинговъ; онъ изображаетъ звезду на Востоку. Полагають, что такое будетъ и названіе этого новаго знака отличія. Штемпеля находятся теперь въ рукахъ русскихъ агентовъ, въ Лондонѣ. Само собою разумется, что обратная сторона медали отглаживается гладкою, пока будутъ одержаны победы.

(*Morning Chronicle. 27 apr.*)

«Если ввѣрить испанскимъ журналамъ, то многіе константинопольскіе Турки принимаютъ мѣры для перевоза своихъ гаремовъ въ Испанію. Въ этихъ журналахъ утверждаютъ даже, что въ Кадицѣ и Барселонѣ теперь же строятъ на этотъ предметъ, для константинопольскихъ магометанъ, дома, у которыхъ не будетъ ни одного окна на улицу, а всѣ окна будутъ отворяться или на дворъ или въ садъ».

(*Indép. Belge, N 124*).

Но всего лучше статья, напечатанная въ *Times*, по поводу которой написано слѣдующее письмо къ редактору *Journal de St. Pétersbourg*:

«Вчера вечеромъ я читалъ *L'indépendance Belge*, отъ 19 мая, и нашелъ тамъ страшную новость. *Times* увѣряетъ, что въ Петербургѣ всѣ дома, по правую сторону Невы, сломаны. Я перечиталъ фразу два раза, чтобъ увѣриться, не обманываютъ ли меня глаза, и дѣйствительно ли это говорится о правомъ берегу Невы; всѣхъ эта близко касалась моей собственной личности, потому что я живу на лѣвомъ берегу. Глаза меня не обманывали, напечатано было именно то, что я прочелъ, и наконецъ я дошелъ до утѣшительнаго замѣчанія редактора *L'Ind. Belge*, «что извѣстіе это требуетъ подтвержденія». Хотя я не успѣлъ еще побывать за Невой и повѣрить все собственными глазами, но я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что извѣстіе, сообщаемое въ *Times*, «требуетъ подтвержденія».

Тѣмъ не меньше поразила меня однакожь свѣтлая мысль: сломать дома на лѣвомъ берегу Невы, для удобнѣйшей защиты Кронштата! Это выдумка новая и смѣлая; но мнѣ кажется, что все еще это будетъ только полу-мѣра. Почему же не сломать дома и на лѣвомъ берегу? и почему жь именно сломать на правомъ, а не на лѣвомъ? Это безъ сомнѣнія *Times* знаетъ гораздо лучше, чѣмъ я, и ему я и предоставляю всѣ объясненія по этому случаю. Какъ плохой стратегикъ, я ровно ничего не понимаю во всѣхъ этихъ премудростяхъ, но за то онѣ меня наводятъ на чудную мысль—упростить совершенно систему защиты городовъ. Если бы, напримѣръ, Лондону угрожалъ непріятельскій флотъ, я посоветовалъ бы *Times*, чтобы онъ предложилъ свою систему, которую можно привести въ исполненіе двумя очень легкими операціями: сначала сломать всѣ дома на правомъ берегу Темзы, потомъ на лѣвомъ; но только, чтобъ никакъ не начинали съ лѣваго берега, хотя результатъ будетъ и тотъ же. Какъ удивятся тогда осаждающіе, которымъ придется въ такомъ случаѣ, какъ говорится, тратить свой порохъ на воробѣевъ.

Бомбардировать разрушенный городъ все то же, что бомбардировать песчаную степь.

«*Times* заслуживаетъ полной благодарности за то, что пускаетъ въ оборотъ такую идею, которая окончательно уничтожить бомбардированіе городовъ — этотъ остатокъ варварства временъ прошедшихъ и такъ мало свойственный XIX вѣку».

— Жители Константинополя гораздо меньше думаютъ и заботятся о войнѣ, чѣмъ жители Парижа и Лондона. Османлысы убѣждены, что черезъ 400 лѣтъ послѣ смерти Магомета II-го, они непременно должны погибнуть — или отъ руки своихъ враговъ, или отъ руки своихъ покровителей, и безъ шумной и веселой музыки французскихъ войскъ это убѣжденіе непременно довело бы ихъ до совершеннаго равнодушія ко всему, происходящему вокругъ, — до чистой апатіи. Зима нынче на берегахъ Босфора была жестока. Слабая натура южныхъ жителей не могла бороться съ ней, и смертность была очень велика особенно между дѣтьми и женщинами. Улицы города часто оглашались погребальнымъ пѣніемъ, и если въ немъ видны жизнь и движеніе, такъ это по милости иностранцевъ, и преимущественно Англичанъ, которые непрерывно являются въ званіи поставщиковъ, инженеровъ, антрепренеровъ и спекуляторовъ по разнымъ частямъ, праздныхъ туристовъ, и наконецъ юныхъ искателей приключеній, изъ которыхъ большая часть добивается службы въ турецкой арміи, какъ начала своего благополучія. Всѣ эти волонтеры принимаются въ службу, только безъ всякаго чина и безъ всякой должности. Ихъ избавляютъ отъ обрѣзанія, и довольствуются только тѣмъ, что даютъ имъ турецкія имена, потому что ни одно христіанское имя не можетъ быть вписано въ турецкій *Военный Календарь*. Такимъ образомъ каждый изъ этихъ господъ превращается, изъ джентльмена, или въ *такого-то* пашу, или въ *такого-то* бей; но всѣ эти *такіе-то* такъ мудрены, что новоперекрещенцы часто забываютъ свои новыя имена, и для того, чтобы вспомнить ихъ въ случаѣ надобности, необходимо должны имѣть при себѣ или особую записку съ своимъ именемъ, или безъотлучнаго переводчика. Тѣ же, которымъ приходитъ мысль написать свое имя на визитной карточкѣ, съ прискорбіемъ замѣчаютъ наконецъ, что они приѣхали въ Турцію не умѣя ни писать ни читать... по-турецки.

И вотъ въ число такихъ волонтеровъ пріѣхалъ наконецъ и самъ принцъ Наполеонъ. Пока султанъ не далъ ему еще никакого титула, а далъ только торжественный обѣдъ, о которомъ въ *Journal de Constantinople* сказано следующее:

«Никогда зрелище болѣе величественное не представлялось изобразителю.... Всѣ знаменитости Турціи присутствовали на этомъ обѣдѣ въ соединеніи съ членами дипломатическаго корпуса и тѣми благородными воинами, которые пришли издалека защищать святое дѣло права и справедливости....»

Принцъ Наполеонъ предложилъ тостъ за здоровье султана. Не станемъ приводить его рѣчи, изъ которой довольно привести следующие слова: «Я горжусь быть здѣсь истолкователемъ расположенія союзниковъ, говоря, что мы вполне рѣшились помогать Турціи въ справедливой войнѣ, которую она предприняла съ такимъ мужествомъ, и которая защищаетъ, какъ выразился сейчасъ министръ Е. В., дѣло Европы и цивилизаціи!»

Нельзя не прибавить, что тостъ этотъ сопровождался національной французской пѣсней: *Partant pour la Syrie...* Хорошо хоть догадались придать этому торжеству именно тотъ водѣвальный конецъ, который идетъ къ нему какъ нельзя болѣе.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

КАЗАНЬ. Патриотизмъ и благотворительность — прежде всего: въ этомъ отношеніи Казань нисколько не уступила другимъ городамъ. Изъ газетъ уже извѣстны пожертвованія казанскаго дворянства и купечества на пользу раненымъ въ сраженіяхъ противу Турокъ: преподаватели Казанскаго университета привнесли съ своей стороны на обезпеченіе судьбы семействъ защитниковъ отечества 1,275 руб. сер., студенты же университета около 300 руб. сер.; кроме того дано было нисколько концертовъ и представленій. Патриотическія чувствованія нашли здѣсь для себя туземнаго пивца, который, выразивъ общую мысль цѣлой Россіи, доставилъ стихотвореніе въ редакцію казанскихъ Губернскихъ Ведомостей.

Учено-литературную свою летопись на этотъ разъ я долженъ начать скорбью о рано-утраченномъ для науки молодомъ профессорѣ Классической Словесности въ Казанскомъ университетѣ, К. С. Тхоржевскомъ, неожиданно скончавшемся въ мартѣ нынѣшняго года. Съ превосходнымъ знаніемъ своего предмета, съ увлекательнымъ искусствомъ преподаванія и съ чистой любовью къ наукѣ, покойный соединялъ благодушіе и общительность, столь рѣдкія въ ученомъ затворникѣ, и общія слезы и сожалѣнія товарищей и слушателей напутствовали въ шюй лучший міръ эту современную жертву неразборчивой смерти. Не долговъ и далеко не полный былъ путь усопшаго труженика науки: окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, въ 1842 году, кандидатомъ по Историко-филологическому факультету, Касотвльмъ Станиславовичъ Тхоржевскій поступилъ сначала въ учителя 2-й Казанской гимназіи, а потомъ, по выдержаніи испытанія на магистра классическихъ языковъ, опредѣленъ адъюнктомъ греческой словесности, въ Казанскій университетъ, въ 1847 году. Приобрѣта степеня доктора Философіи и Древней филологіи, въ 1848 году, молодой ученый годомакъ познанома, избраннаго любителями древнихъ языковъ съ своею сокромацициною познанимъ и выводомъ, приобретенныхъ, при счастливыхъ врожденныхъ способностяхъ, продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ, и уже часть прекрасныхъ исследованийъ объ Аристотелѣ была представлена имъ уни-

верситетскому начальству къ напечатанію. Но изнуренная безсонными ночами, а можетъ быть и неразлучными съ ученымъ трудомъ лишеніями, природа не выдержала и пала подъ тяжкимъ бременемъ любви къ знанію, въ то самое время, когда тридцати-трехъ-лѣтній ученый выступалъ на обширное поприще. Единственнымъ памятникомъ ученой дѣятельности К. С. Тхоржевскаго въ печати остается его разсужденіе: *De politia Timae scritia, ultimo platonico tertione, librogam de legibus graescipua ratione habita*, изданное въ 1847 году, въ Казани; но иной лучшей памятникъ оставилъ по себѣ покойный въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ и уважавшихъ его!

Къ новымъ учено-литературнымъ пріобрѣтеніямъ принадлежитъ журналъ Казанскаго Вольнаго Экономическаго Общества, нѣсколько интересныхъ книжекъ котораго уже вышло въ свѣтъ. Профессоръ Д. И. Мейеръ началъ дѣятельно продолжать печатаніе своего Юридическаго Сборника, такъ что къ лѣту это изданіе явится на судъ ученыхъ законовѣдцевъ. Казанскій университетъ, предположивъ ознаменовать посильнымъ приношеніемъ наукъ истекающее пятидесяти-лѣтіе своего существованія, составляетъ къ нынѣшней осени Сборникъ трудовъ профессоровъ всѣхъ четырехъ факультетовъ: такъ какъ Казанскій университетъ отличается отъ многихъ другихъ своимъ восточнымъ отдѣленіемъ, то мы надѣемся, что въ предстоящемъ изданіи явятся въ обиліи труды казанскихъ ориенталистовъ. Наконецъ, вотъ и еще извѣстіе о четвертомъ сборникѣ, объявленное уже и печатно къ общему свѣдѣнію: бывший воспитанникъ Казанскаго университета, Лапинъ, предполагаетъ издать, въ четырехъ частяхъ «Чтеніе для простолюдиновъ». Подробности объ этомъ изданіи, ввроятно, не замедлятъ появиться въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыхъ г-нъ Лапинъ имѣетъ честь быть корреспондентомъ.

Возвращаясь къ старой мысли, что за утратами слѣдуютъ новыя явленія, я могу поздравить ученое сословіе Казанскаго университета съ прибавленіемъ въ число его членовъ новаго дѣятеля, уже пріобрѣтшаго лестную извѣстность многочисленными трудами по классической Словесности — Б. И. Ордынскаго, недавно опредѣленнаго адъюнктомъ въ Казанскій Университетъ.

Духовная академія съ своей стороны ожидаетъ возвращенія изъ путешествія по Востоку бакалавра Ильминскаго, имѣвшаго цѣлю ознакомиться на мѣстахъ съ ученіемъ Мухаммеда и съ нравами его поклонниковъ. По случаю важности Казанской епархіи въ духовномъ отношеніи, въ Казани учрежденъ Чебоксарскій Викаріатъ, и уже Викарный Епископъ прибылъ въ Казань: прибавлю еще, что въ прошломъ году вышелъ въ Казани переводъ литургіи и часослова на татарскій языкъ.

Этнографическіе труды литератора-Чувашанина С. М. Михайлова, обратили на него вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которое избрало его, въ нынѣшнемъ февралѣ, своимъ членомъ сотрудникомъ. Продолжая свои изслѣдованія о Чувашихъ, даровитый самоучка приступилъ къ сочиненію и о другомъ, соседнемъ племени — о Черемисахъ.

Наконецъ, число публичныхъ библиотекъ въ Казани недавно умножилось еще одною библиотекою для чтенія французскихъ книгъ и нотъ. Не знаемъ, какъ пойдетъ это новое предпріятіе, но не можемъ не вспомнить при этомъ, что прежде, лѣтъ восемь тому назадъ, въ Казани составлялась библиотека французскихъ книгъ по ежегодной подпискѣ любителями чтенія, и что эта библиотека скоро прекратила свое существованіе.

Въ настоящее время Казань довольно богата двигателями умственнаго образованія: здѣсь выходитъ три періодическихъ изданія, существуетъ четыре типографіи, двѣ литографіи и два граверныхъ заведенія; для удовлетворенія же страсти къ чтенію, кромѣ университетской и Публичной библиотекъ, находится библиотека для чтенія книгъ французскихъ и русскихъ г-на Сахарова, богатый и старинный книжный магазинъ г-на Мясникова и наконецъ еще нѣсколько книжныхъ лавокъ болѣе или менѣе богатыхъ. Кромѣ изданій ученыхъ и литературныхъ на русскомъ языкѣ, Казань, какъ городъ восточный, отличается своею особенностью — печатаніемъ книгъ на арабскомъ и татарскомъ языкахъ: въ прошломъ 1853 году отпечатано въ Казани всѣхъ мусульманскихъ изданій 33 названія. — Въ нынѣшнемъ году, здѣсь какъ и вездѣ, я полагаю, увеличилась подписка на газеты, которыми преимущественно снабжаетъ Казань книжный магазинъ г-на Мясникова; впрочемъ, и на журналы все-таки читателей довольно.

Истощивъ запасъ литературныхъ новостей, изъ которыхъ многія уже перестали быть новыми, я перехожу къ городской жизни.

Въ нынѣшнемъ году, въ слѣдствіе разныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, эта жизнь развернулась шире обыкновеннаго: къ дворянскимъ и городскимъ выборамъ, изъ которыхъ первые начались съ 15, а вторые съ 19 января, какъ разъ окончилась отставка Благороднаго Собранія, стоящаго на новой площади только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ театра. Театръ, на сценѣ котораго по прежнему владычествуетъ безраздѣльно Милославскій, поставилъ къ Масляницѣ «Волшебнаго стрѣлка», но на этотъ разъ блинъ выпелъ комомъ, потому что лучшая, а можетъ быть и единственная пѣвица театральная, Э. Шмидгофъ, знакомая и Москвѣ, не могла, по болѣзни, принять участія въ оперѣ. Пріѣздъ нѣсколькихъ артистовъ

еще болѣе развилъ меломанію въ Казани: между этими кометами, изъ которыхъ одна, не вынимая смычка изъ футляра, отправилась прямо въ Парижъ за новою скрипкою, явилась въ Масляницѣ, звезда первой величины, по крайней мѣрѣ по увѣренію столбчатыхъ сельтошниковъ, — Аполливарій Контскій. Странная судьба преслѣдуетъ этого артиста, объявляющаго притязаніе на наследство фантастическаго Николо Паганини: разногласіе въ мнѣніяхъ объ его игрѣ, едва не развело двухъ старинныхъ друзей, — издателей Сѣверной Пчелы; въ Казани также сужденія раздѣлились на двѣ партіи: одна видѣла въ игрѣ г-на Контскаго все, другіе ничего, кромѣ механизма. Контскій далъ въ Казани четыре концерта: одинъ въ Благородномъ Соборѣ (5 февраля), одинъ въ театрѣ (15 февраля) и два въ университетской залѣ.

Но все эти музыкальныя новости должны померкнуть передъ тою, которая глубоко запала всѣмъ въ душу со второй недѣли поста: я хочу говорить о концертѣ съ благотворительною цѣлю, въ которомъ въ первый разъ выступилъ передъ публикой нашъ собственный артистъ дилеттантъ, профессоръ Казанскаго университета, Семень Викентьевичъ Пахманъ. Его игра совершенно отлична отъ игры Контскаго: не пренебрегая ни мало механизмомъ въ игрѣ, С. В. Пахманъ, однако, не жертвуетъ ему всѣмъ, не возводитъ игру на ту степень, гдѣ искусство превращается лишь въ неумовимые фокусы: нѣтъ! скрипка у этого дилеттанта обращается прямо къ душѣ слушателя и изъ самой глубины ея вызываетъ неиспытанные восторги. Чувство и чувство и при немъ механизмъ, безъ всякаго преувеличенія, немного уступающій механизму г-на Контскаго — вотъ отличительный характеръ игры С. В. Пахмана. Съ свойственною ему скромностію, но вмѣстѣ и увѣренностію, онъ выступилъ передъ публикою, только что слышавшею Контскаго, съ варіаціями на мотивы Беллини, и приобрѣлъ всеобщее сочувствіе и одобреніе даже взыскательныхъ судей. Но для того, чтобъ въ мѣру отплатить игру С. В. Пахмана, надобно слышать, какъ онъ исполняетъ на своей скрипкѣ элегію Эрста, этотъ вопль глубокаго страданія, эти слезы, обратившіяся въ звуки. Непонятное томленіе овладѣваетъ душою, когда, послѣ раздрающаго *crescendo* слышишь въ игрѣ г-на Пахмана восходящія октавы отъ 44 до 48 такты, страшныя стоны измученнаго дуа, в потомъ этотъ тихій рассказъ о перенесенныхъ страданіяхъ, за которымъ слѣдуетъ величественный переходъ въ *C-dur* въ движеніяхъ терцій, секстъ и увлекательныхъ октавъ, замыкающихся на протяжныхъ басовыхъ нотахъ, выраженіемъ христіанской покорности, которая покрываетъ едва слышныя вздохи въ

нужномъ тремеландо. Эта пьеса составляетъ верхъ совершенства игры С. В. Пахмана.

Не говорю ни слова о дагерротипахъ, отъ наезда которыхъ изъ отбоя, кажется, въ цѣлой Россіи, и превосходномъ зверинцѣ, все еще пребывающемъ въ Казани, я лучше скажу о новомъ предпріятіи, въ успѣхъ котораго, однако, смѣю, съ крайнимъ прискорбіемъ, усомниться: именно объ открытіи съ весны постоянного сообщенія между городомъ и волжскою его пристанью, близъ устья Казанки (около шести верстъ), посредствомъ четырехъ omnibusовъ, съ платою за провѣздъ по гривеннику съ человѣка. Смѣлость города беретъ: посмотримъ, возьмутъ ли новые omnibusы всѣхъ отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ на пароходахъ, весьма необстоятельныхъ въ прибытіи и отплытіи. Не ручаясь за будущіе omnibusы, которые могутъ имѣть судьбу баснословнаго парохода между Казанью и Услономъ, когда-то замышленнаго однимъ господиномъ, мы можемъ, основываясь на старыхъ опытахъ, рекомендовать, на провѣздъ изъ Нижняго въ Казань и Пермь, легкіе, удобные и болѣе вѣрные пароходы компаніи нижегородской машинной фабрики. Благодаря развитію легкаго пароходства на Волгѣ, мы будемъ имѣть съ нынѣшней весны паровое сообщеніе съ Петербургомъ, и любители морскихъ сценъ могутъ създать въ короткое время посмотреть на англійскихъ крейсеровъ, если только эти крейсера къ тому времени уцѣлвють.

Заводя рѣчь о движеніи пароходовъ, надо же ее и кончить торговымъ движеніемъ вообще: въ прошломъ 1853 году торговый оборотъ Казани составлялъ 4,200,000 рубл. сер. Изъ общественнаго банка выдано заемщикамъ 331,579 рубл., а возвращено въ банкъ 284,485 руб. сер. Хлѣбная торговля, съ начала зимы, шла довольно бойко, но потомъ цѣны на хлѣбъ стали постепенно понижаться.

7-го апрѣля.

А. Д. НЕВЗОРОВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ. — Майская туча. — Физіономія Лѣтняго сада. — Новости театра: г. Потѣхинъ, актеръ Леонидовъ. — Новая опера: гг. Львовъ, Даргомыжскій, Вильбуа и Свровъ. — Смерть художника Капкова. — Новости литературы: гг. Мей, Фетъ и Гербель. — Изданіе сочиненій Основьянска. — Новая произведенія скульптора-карикатуриста Степанова. — Анекдоты.

Петербургъ въ настоящее время представляетъ мало любопытнаго для иногородныхъ читателей. Погода у насъ весь апрѣль была превосходная; въ послѣдніе дни доходило до двадцати двухъ градусовъ тепла. Но май нашъ, какъ извѣстно, всегда хуже своего предшественника. Гулянье 1-го мая не удалось; огромная туча съ гро-

момъ и молніей прошла надъ Петербургомъ и окрестностями, и въ продолженіе часа лилъ такой дождь, что подъ вечеръ во многихъ мѣстахъ засорило трубы и залило нижніе магазины.

Въ Лѣтнемъ саду, гдѣ дернъ и почки на вѣткахъ пріятно зазеленѣли, открылись, по обыкновенію, ежедневныя гулянья. Его вѣковыя колоссальныя липы, широкія аллеи для пѣшиходовъ и гуляющихъ верхомъ, древній домикъ Петра Великаго, множество мраморныхъ статуй, въ лѣтней зелени представляющихъ замѣчательный эффектъ, прудъ и веселая дѣтская толпа, которая здѣсь постоянно копышится на дорожкахъ и лугахъ, — все это привлекаетъ петербургскаго жителя. Весной, между покидаемымъ на лѣто Невскимъ проспектомъ и дачною жизнью, здѣсь собирается лучшее общество. Верховые снуютъ по боковымъ аллеямъ, въ срединѣ прогуливаются пѣшкомъ. Въ нынѣшнее время Лѣтній садъ полнѣе обыкновеннаго. Къ осени поставятъ здѣсь знаменитую статую *Крылова*, которая почти уже кончена.

Между тѣмъ дачи на островахъ и въ Павловскѣ, въ Муринѣ и подъ Лѣснымъ Институтомъ разобраны на расхвѣтъ. Скоро Петербургъ по обыкновенію опустѣетъ.

Театры открылись. Новая пьеса г. Потѣкина *«Судъ людской — не судъ Божій»*, разыграна была, не смотря на трудность своихъ новыхъ ролей для здѣшнихъ актеровъ, успѣшно и заслужила одобреніе. Московскій трагикъ г. *Леонидовъ*, дебютировалъ на здѣшней, знакомой ему нѣкогда сценѣ, и дебютировалъ съ успѣхомъ. Это не тотъ талантъ, который, по выраженію Гоголя «съ перваго раза своею громадностью, какъ Каратыгинъ, схватитъ въ охапку зрителя и унесетъ». Въ немъ болѣе спокойной скромности и деликатности въ отношеніи зрителя; мы думаемъ, что честнымъ выполненіемъ нетрудныхъ ролей онъ заслужитъ себѣ здѣсь прочный, хотя не блистательный успѣхъ. Новая опера г. *Львова*: *«Русскій мужичокъ, или французскіе мародеры въ 1812 году»*, привлекаетъ постоянно большую толпу почитателей автора, незабвеннаго для сердца всякаго Русскаго, народнаго гимна: *Боже, Царя храни!* — Г. *Даргомыжскій* кончаетъ оперу на слова Пушкина: *«Русалка»* и готовитъ для будущей зимы другую новую оперу-балетъ, тоже на слова Пушкина: *«Торжество Вахха»*. Мы слышали въ кабинетѣ автора партитуры обвѣхъ оперъ и предрекаемъ читателямъ замѣчательное явленіе въ русской музыкѣ. — Г. *Вильбуа*, новый композиторъ, написалъ оперетку *«Наташа»*, которой партитуру мы также слышали. Эта хорошенъкая оперетка явится, вѣроятно, къ слѣдующей

зимъ съ оперой другого композитора, г. *Сьрова*: «*Майская ночь, или утопленница*». Г. Сьровъ въ настоящую минуту въ Крыму.

На французскомъ театрѣ была замѣчательная новость. Г. *Нёвилль*, въ свой бенефисъ, явился въ пьесѣ «*Jaquie*» гдѣ онъ представилъ, не переодѣваясь, болѣе десяти первыхъ парижскихъ комиковъ и трагиковъ отъ *Альсида-Гузё* до *Лепентра-Жёнъ*, съ ихъ голосомъ, жестаи, фигурой, даже физиономіей. Это рѣшительно не бывалое еще у насъ явленіе. Публика въ этотъ бенефисъ хохотала чуть не до истерики....

Въ мірѣ петербургской живописи, мы должны отмѣтить грустную потерю: скончался въ цвѣтѣ силъ и молодости замѣчательный художникъ *Капковъ*, извѣстный въ послѣднее время своими поэтическими, чисто лебреневскими головками и картиной: «*Благовѣщенія Богоматери*», гдѣ онъ проявилъ стремленіе привить къ нашей живописи наивную идеальную-манеру до-рафаэлевскихъ временъ.

Въ литературѣ, съ приближеніемъ знойныхъ дней лѣта, все замораживаетъ, и, какъ говорится, упрощается. Перебранокъ журнальныхъ меньше и ихъ держатся болѣе изданія устарѣлыя и слабыя. Сообщаемъ о новостяхъ стѣющихся вниманія, — Г. *Мей*, напечатавшій замѣчательную, но мастерскому стиху, драму «*Сервилию*», переводить теперь и готовить къ изданію всего «*Анакреона*». Это будетъ дорогое приобрѣтеніе для русской литературы, вмѣстѣ съ переводами «*Горація*», г. *Фета*, и изданіемъ стихотвореній «*Шиллера*» по-русски, г. *Гербеля*. — Готовится, какъ слышно, полное собраніе сочиненій «*Оснѣвъяненки*», въ десяти томахъ, составляющихъ болѣе шести тысячъ страницъ. — Біографія этого замѣчательнаго и любимѣйшаго украинскаго писателя выйдеть въ скоромъ времени въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

Кстати. Въ магазинѣ книгъ *Базунова* выставлены двѣ новыя раскрашенныя статуэткы извѣстнаго скульптора и каррикатуриста нашего *Николая Александровича Степанова*: одна представляетъ любимѣйшаго нашего поэта изъ послѣ-лермонтовской школы, автора «*Тройки*» и «*Огородника*» — другая не менѣе любимаго автора повѣстей и обзорной англійской литературы, котораго «*Полинька Саксъ*» еще до сихъ поръ не покинула сердца нашего. На дняхъ появится третья статуэтка, изображающая автора «*Записокъ охотника*». Этими тремя новыми статуэтками г. *Степановъ* рѣшительно упрочиваетъ свою извѣстность; такого мастерства и изящества въ отдѣлкѣ, и такого сходства еще не было до сихъ поръ ни у него самаго и ни у кого изъ другихъ петербургскихъ скульпторовъ въ этомъ родѣ, которыхъ, замѣтимъ, до него почти и не было.

Мы наконецъ слышали, что *г. Степановъ* хочетъ обновить наслѣдіе каррикатуриста Неваховича; сообщаемъ это, какъ слухъ, замѣчательно-пріятный въ настоящее время, когда есть на свѣтѣ и Непіры, и Пальмерстоны, и бомбардированіе Одессы двумя флотами, прогнанными прапоришкомъ, и много всякихъ диковинокъ, для которыхъ *г. Тиммъ*, съ своимъ *Листкомъ* слишкомъ серьезенъ и кротокъ....

Въ прошломъ письмѣ мы сообщили анекдотъ о разговорѣ Омеръ-Паши съ пѣвными русскими солдатами за Дунаемъ. Приводимъ, кстати, два другихъ новыхъ анекдота....

Художникъ *Ив. Соколовъ*, о которомъ мы не разъ говорили въ Москвитинѣ, пишетъ изъ курской своей деревни, гдѣ поселился онъ на весну и лѣто, о любопытномъ явленіи. Въ уздномъ городѣ Суджъ, сосѣднемъ съ его деревнею, остановился отрядъ солдатъ, шедшихъ сражаться за вѣру и отчизну. Жители поднесли имъ угощеніе; полковая музыка грянула, пѣсеньники подхватили, и пошла пляска. Въ то же время вели черезъ площадь турецкихъ пѣвныхъ, взятыхъ подъ Мачиномъ и на Дунавъ. Чалмоносцы, благодаря незлобію русскаго народа, были то же угощены, подпили и также пустились въ пляску. Художникъ Соколовъ рисуетъ теперь эту любопытную уличную сцену. И въ самомъ дѣлѣ не диво ли? Въ уздномъ городѣ Суджъ, въ курскихъ равнинахъ, въ 1854 году, русскіе танцуютъ съ Турками, защищавшими переходъ черезъ Дунай къ Балканамъ и Цареграду....

Другой анекдотъ.—Намъ пишутъ изъ Одессы о поступкѣ одного охотника изъ степняковъ въ то время, какъ флотъ, бомбардировавшій Одессу, уже снимался съ якоря.

—Благословите, люди добрые! произнесъ казакъ, снимая шапку и подъѣзжая на двухъ-весельной лодкѣ къ берегу, на которомъ, густою толпою стоялъ народъ провожавшій взоромъ нежданныхъ гостей. (На носу лодки стояла съ фитилемъ какая-то невзрачная пушченка, не то игрушка, не то мѣдный чубукъ, замѣчаетъ корреспондентъ).

—Куда ты, Павло? вотъ охотникъ нашелся! загремѣли ему съ берега.

—Та уже благословите!, говорилъ Павло, кланяясь народу: поплыву проводить нехристей.

Толпа опять загудѣла; бабы, зубастыя охотницы поглумятся при всякомъ удобномъ случаѣ, начали смѣяться,—возьми, дескать, и насъ съ собою....

Но Павло свѣлъ, махнулъ веслами и исчезъ въ отдаленіи. Скоро онъ настигъ послѣдній корабль, англійскій фрегатъ, — остановился, повернулъ лодку носомъ къ его борту, приложилъ фитиль и выпалилъ; ядро хлопнуло, какъ горошина, въ бокъ громаднаго судна. Ни съ фрегата, ни съ берега, не видно было откуда выстрѣлило; точно изъ воды высунулась пушка и гранула, и лодки не было видно. Пушкаръ опять зарядилъ и опять хлопнулъ въ бокъ фрегата; зарядилъ и выстрѣлилъ въ третій, — одинъ рыжій матросъ чебурачился, подстрѣленный съ корабля въ воду.

— Эге! да это чуть ли не бомбардирскія подводныя лодки къ намъ идутъ! сказалъ капитанъ, скомандовалъ и далъ со всего борта залпъ по тому мѣсту, откуда палилъ отважный пушкаръ. Павло не потерялся; уцѣлѣвши отъ выстрѣловъ, онъ зарядилъ опять свою пушечку, выпалилъ въ четвертый разъ. Капитанъ не вытерпѣлъ усмотрѣлъ его въ трубку и велѣлъ спустить противъ него двадцативесельный барказъ....

Тогда Павло хлопъ свою пушку за бортъ въ воду, облегчилъ лодку, взмахнулъ веслами, и пустился, какъ стрѣла. Англичанинъ гнался-гнался за нимъ, плюнулъ, и вернулся назадъ. Скоро ни одного военнаго корабля не было уже видно передъ Одессою....

Не вся ли Русская земля наша представляетъ такихъ героевъ, какъ этотъ пушкаръ-охотникъ и бывший прапорщикъ Щеголевъ, прогнавшій отъ беззащитнаго *porto-franco* союзный флотъ двухъ сильнѣйшихъ морскихъ державъ въ свѣтъ? Ж. Ж.

ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ЧАСОВНИ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ. — РУССКОЕ ПРИВѢТСТВІЕ РУССКОМУ ФЛОТУ. — ПАРОХОДЪ ТИГРЬ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ АНГЛІЙСКИХЪ КУПЕЦКИХЪ СУДОВЪ. — БЛАГОДАРНОСТЬ ПЛАВНЫХЪ АНГЛІЯЧАНЪ. — ОСТАВЛЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ЧИНОВЪ. — ПОЖЕРТВОВАНІЯ. — КОНЦЕРТЪ ВЪ ПОЛЬЗУ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ, ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА ЩЕГОЛЕВСКОЙ БАТТАРІИ. —

Въ торжественный день перенесенія честныхъ мощей Святителя Николая Чудотворца, по совершеніи литургіи въ Благовѣщенскомъ соборѣ, духовенство съ крестами и хоругвями выступило изъ храма и продолжало шествіе къ Благовѣщенскому мосту! На концѣ моста, со стороны Васильевскаго острова, гдѣ за несколько дней предъ тѣмъ высокія лѣса скрывали производившуюся постройку, виднѣсь былъ уже золотой крестъ и покрытая полотномъ часовня. Полотно пало при приближеніи духовенства, — клиръ воспѣлъ хвалы Господу, — часовня была

освѣщена, и толпы православныхъ покрыли мостъ, спѣша приложиться къ новой святынь. Умилительное зрѣлище! Цѣлый день, до поздняго вечера, тысячи людей всѣхъ сословій окружали часовню, вознося теплыя молитвы Чудотворцу Николаю и Св. Александру Невскому, иконы которыхъ украшаютъ часовню. Теплы и усердны эти смиренныя молитвы, когда кичливые враги православія стоятъ у вратъ дома, какъ орудія нечестія. Нѣтъ! заблуждаются ты, которые полагаютъ, что сѣверная столица, окно Россіи на Западъ, получаетъ свѣтъ свой отъ Запада! «Съ Востока свѣтъ», ex Oriente lux! Русскіе Петербурга—такіе же Русскіе люди, какъ и Москвичи! Время подражаній всему западному прошло; настоящее еще болѣе питаетъ чувство народное. Взгляните на этотъ толпящійся народъ на мосту, благочестиво освящающій себя крестнымъ знаменіемъ передъ иконою Чудотворца: здѣсь увидите вы и простолюдиновъ, и высшихъ сановковъ и дамъ высшаго круга — всѣ смиренно притекли сюда, въ свидѣтельство, что они православныя.

Часовня великолѣпная, вся гранитная, на четырехъ столбахъ, освѣщенная шатровымъ позолоченнымъ верхомъ; кругомъ позолоченная рѣшетка; внутренность — вся изъ мозаики; внутри часовни, образъ Чудотворца—также мозаическій. Къ сторонѣ острова, съ наружной стороны часовни, образъ Св. Александра Невскаго, писанъ на чугунной доскѣ профессоромъ Завьяловымъ. Святой Великій Князь изображенъ какъ бы сходящимъ къ водамъ Невы, давно уже озареннымъ славою его победы....

— Вотъ еще черта Петербурга, достойная памяти гѣрописца. Два парохода, наполненные лицами избраннаго общества отправляются на восточный рейдъ Кронштатской крѣпости, гдѣ расположена эскадра наша, выразить сочувствіе свое храбримъ воинамъ, готовымъ положить животь свой за отечество. При приближеніи къ каждому кораблю, къ каждому укрѣпленію, публика привѣтствуетъ защитниковъ единодушными «ура», на которыя столь же единодушно отвѣчаютъ съ кораблей и укрѣпленій. Музыка съ обѣихъ сторонъ гремитъ «Боже, Царя храни!», всѣ головы обнажены, слезы умиленія блестятъ на рѣсницахъ. Ничто не говоритъ такъ краснорѣчиво, что вся эта публика, весь флотъ, весь гарнизонъ—одна семья, одна душа, проникнуты одною мыслью, стоятъ за одно дѣло!...

— По поводу сдачи парохода *Тигръ*, во всѣхъ иностранныхъ журналахъ идутъ длинныя и различныя толки. Желая хотя сколько-нибудь прикрыть не совсемъ храбрый поступокъ *животолобиваго* англійскаго экипажа, англійскіе журналы говорятъ, что пароходъ не съелъ на мель, а просто разбился, что батареи его были залиты

водой, и потомъ, въ совершенную противоположность этому первому свидѣнію, прибавляютъ, что экипажъ сдался не прежде какъ послѣ упорнаго сопротивленія, и что его взорвали не Русскіе а будто бы люди его собственнаго экипажа (обезпечивъ впрочемъ предварительно свое спасеніе сдачей и перевздомъ на русскій берегъ). Наконецъ иные вздумали увѣрять, что *Тигръ* былъ пароходъ не *винтовой*, а *колесный*, потому что колесному судну все таки простительнѣе съѣсть на мель, чѣмъ винтовому, а между тѣмъ и этому жалкому оправданію противорѣчить «Картина морскихъ силъ Англіи, посланныхъ въ Черное море», напечатанная уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ во всѣхъ англійскихъ и французскихъ журналахъ. Въ ней значителъ: «Винтовой пароходъ *Тигръ*; 16-ти пушечный, въ 1200 тоннъ и въ 400 силъ; экипажа 220 человекъ....»

Одинъ изъ нашихъ моряковъ, въ письмѣ своемъ въ ред. Ств. Пч. сообщаетъ какъ о самомъ пароходѣ *Тигръ*, такъ и о взятіи его слѣдующія подробности:

«Пароваго фрегата «*Тигръ*» я не видалъ, но знаю «*Мажисіеннъ*», «*Фюріусъ*» и «*Валорусъ*», суда того же класса, точно такъ же вооруженные, вообще весьма сходны; да и о самомъ «*Тигрѣ*» я имѣю достаточныя данныя. Напримѣръ: длина 210 футовъ; ширина 36 футовъ; глубина 24 фута 6 дюймовъ; водоизмѣщеніе 1,220 тоннъ. Машины въ 400 силъ, Пена, лучшаго заводчика въ Англіи. Строилъ его г. Эди, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ инженеровъ. Судно спущено въ 1849 году, и стоило безъ провизіи, пороха и снарядовъ, около 450,000 р. сер. Повѣрьте на слово, дѣло немножко знакомое. Вычислилъ бы все, до гвоздя, но некогда, и боюсь утомить васъ. Даже за введенныя техническія подробности въ другое время извинился бы, но теперь, кажется, все морское начало интересовать публику. Грянулъ громъ!...

Покойникъ «*Тигръ*» былъ то, что мы, *моряки*, называемъ пароходомъ-фрегатомъ, т.-е. имѣлъ орудія въ закрытой баттарей, какъ нашъ паровой фрегатъ «*Камчатка*» и на палубѣ, именно: четырнадцать 32-хъ фунтовыхъ пушекъ, въ 9 футовъ длиною и 160 пудовъ каждая, да двѣ бомбическія 10 дюймов., или по нашему двухъ-пудовыя (здѣсь разумется весь снаряда), всѣмъ каждая въ 250 пудовъ. Такими пушками, какія были на «*Тигрѣ*», вооружаютъ самыя почтенныя баттарей на корабляхъ и на берегу.

Къ падшему врагу должно быть особенно снисходительнымъ. На это подвигаетъ насъ послѣ лютой борьбы тотъ же голосъ чести, который заставляетъ стоять бодро, видя повсюду смерть и разрушеніе; человекъ истинно-храбрый вѣрно вмѣстѣ истинно-добрымъ

и великодушный. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ можно быть строгимъ и къ сдавшемуся неприятелю, не смотря на его положеніе, и кажется *Тигринцы* подходятъ подъ эту категорію, исключая, конечно, командира, заплатившаго кровію за свою неосторожность — этого упрека съ него снять нельзя ни въ какомъ случаѣ. Пароходъ шель въ туманѣ, явно не мѣряя глубины, не бросая лота, какъ выражаемся мы, а чтобъ поняли ваши читатели, сдѣлаю маленькое сравненіе. Пускай смѣльчакъ попробуетъ ринуться въ темную комнату, ему неизвѣстную, не протягивая впередъ рукъ — непременно разобьетъ лобъ. Такъ и съ «Тигромъ». Если бѣ онъ, не видя берега, бросалъ лотъ, то, при превосходныхъ картахъ Манганари, которыя Англичане имѣютъ также какъ и мы (карты морей не секретъ), случится несчастія не могло бы; я разумю въ апрѣльскую погоду на Черномъ морѣ, безъ большаго волненія даже безъ всякаго, коли пѣхотинцы смогли перевезти команду съ стоявшаго на мели парохода. При морозномъ свѣркѣ, въ декабрѣ, дѣло иное. Мѣстность мнѣ нѣсколько извѣстна. Берегъ приглубый, скрытыхъ опасностей нѣтъ, и я не желалъ бы быть въ кожѣ *Джиффарда*. Не спасеть бѣдника и оторванная нога. Но дѣло (хоть и не дѣльное) было сдѣлано; оставалась честь. Не думайте, м. г., послѣ бомбардированія Одессы и сдачи «Тигра», что корабли пустое дѣло; не вводите въ заблужденіе и публики, иначе (да сохранить насъ Богъ!) «горько будетъ пробужденіе». При всемъ желаніи быть снисходительнымъ къ побѣжденному противнику, не могу однакожъ не выразить мнѣнія, что сдача его преждевременна. Предположивши, что пароходъ уткнулся носомъ въ берегъ (положеніе самое невыгодное для обороны), все онъ могъ дѣйствовать двухъ-пудовою бомбическою пушкою и 24-хъ фунтовою гаубицею, которою вооружался его барказъ, и которая обыкновенно стоитъ на англійскихъ пароходахъ на носу. Всего было пять раненыхъ, когда флагъ гордой Англій смиренно сошелъ внизъ предъ огнемъ двухъ полевыхъ орудій! Призракъ великаго флютоводца поднялся изъ мрачнаго склепа Св. Павла (*), и единственная рука грозитъ тѣмъ, которые такъ недостойно сразили кумиръ, имъ воздвигнутый. Мы же напомнимъ только подобный же случай, на томъ же морѣ, съ однимъ изъ нашихъ пароходовъ: «Колхида» стала на мель у батареи Поста Св. Николая и четыре часа ее били пушки, правда, Турецкія, но въ разстояніи, уравнивавшемъ Турокъ съ Англичанами. Командиръ былъ убитъ, офицеры переранены, въ суднѣ насчитали сто двадцать пробойнъ — спялись, и отошли со славой. Здѣсь морякъ выказалъ все свое величіе, мужество, обѣщанное въ броню хладнокровія, граб-

(*) Адмиралъ Нельсонъ.

рость не подь вліаніемъ бѣшенства, а въ уздѣ свѣтлаго, сильнаго разсудка. Сравните же оба случая, и вспомните, что «Тигръ» плавалъ уже два года съ тѣми же офицерами и командою. Новобранцами оправдываться нельзя. Выходить, что собаку-то съѣлъ одинъ Кукъ, а не всѣ Англичане».

— Во время бомбардировки Одессы (*), экипажи Англійскихъ купеческихъ судовъ были, для предосторожности, отведены въ отдаленный кварталъ, менѣе подвергавшійся непріятельскимъ выстрѣламъ. Самыя же суда остались въ карантинной гавани подь охраненіемъ мѣстныхъ начальствъ. 1-го мая было объявлено этимъ экипажамъ, что они свободны со всеми своими кораблями, и могутъ безпрепятственно выйти въ море. Нельзя описать удивленія и радости шкиперовъ и матросовъ, при этомъ извѣстїи, которое тѣмъ болѣе было для нихъ неожиданно, что, по сознанию самого вице-адмирала Дондаса, предложившаго размѣнять ихъ на плѣнныхъ, они должны были почитать себя въ плѣну. Возвратясь на свои суда, люди эти нашли всю свою собственность въ совершенной цѣлости и сохранности. Они выразили благодарность свою криками восторга и продолжительными ура, а также благодарственнымъ письмомъ къ начальнику карантина. 3-го мая капитанъ англійскаго пароваго фрегата «Фюриусъ», пользуясь дозволеніемъ, даннымъ ему, передать офицерамъ и экипажу парохода «Тигръ», находящимся у насъ въ плѣну, разную одежду и до пятидесяти фунтовъ стерлинговъ золотомъ и серебромъ, написалъ письмо къ Генералъ-Адъютанту Барону Остенъ-Сакену для выраженія ему благодарности за великодушное и чело-вѣколюбивое обращеніе съ несчастными его товарищами.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ пишутъ, что при объявленіи Одесской таможенной стражѣ, по Высочайшему повелѣнію, приглашенія ко вступленію вторично въ военную службу отставныхъ унтеръ офицеровъ и рядовыхъ, всѣ они, въ числѣ девяноста трехъ человекъ, изъявили желаніе возвратиться въ ряды храбраго Россійскаго воинства.

— Въ 12-мъ Кавалерійскомъ Округѣ Новороссійскаго Военнаго поселенія изъ числа 250 человекъ, собранныхъ по приглашенію ко временному вступленію въ службу, то же всѣ до одного изъявили на то свое желаніе, даже не выслушавъ предварительно преимуществъ, которыми будутъ пользоваться они по этому случаю.

— Патріотическія пожертвованія продолжаютъ повсюду съ неослабывающимъ жаромъ. Каждый отъ великаго до малаго, отъ богача и до бѣдняка, приноситъ свою лепту, и въ то время когда г. Демидовъ вноситъ въ этотъ общій вкладъ Россіи 600 т. руб. сереб-

(*) На дняхъ редакц. надѣется получить отъ проф. Зеленецаго полную и подробную статью объ Англо-Французскомъ нашествїи на Одессу. Google

ромъ, десятилѣтній мальчикъ, сынъ тифлискаго чиновника, посылаетъ туда же свои десять цѣлковыхъ, подаренные ему на игрушки и на лакомство, а крестьянинъ г-жи Болховской повергаетъ къ стопамъ Государа Императора оставшіяся у него отъ подаей 3 руб. при слѣдующемъ письмѣ, которое должно сохраниться въ нашей исторіи, какъ выраженіе народнаго чувства въ настоящую минуту:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Побыту крестьянскому уплата все повинности, и безъ печа свое семейство... вижу что у меня Осталось. еще. три рубля серебр. которыя сърадостью посылаю Вашему Императорскому Величеству.... дядетъ воиновъ которые. сражаютца Задунаемъ... противъ враговъ нашихъ турокъ... Ипроливаютъ кровь свою Завѣру Изаавгустейшаго Нашего Монарха. Изалюбезное наше Отечество.

Богу. угодно. было. Оставить насъ. въ мирныхъ хижинахъ... для-обработываніи полей нашихъ....

то неужели. мы будемъ столю не внимательны.. къ любезнымъ темънашимъ братьямъ, которыя на ратномъ поле полагаютъ свои головы.. будемъ высылать (возсылать) Молитвы Ковсевышнему чтобы. Господь помогъ.. Христолюбивому нашему Воинству—покорить.. враговъ. Любезнаго нашего отечества И притеснители Единоверныхъ нашихъ братіи Навостоковъ (на Востоке).

Костромскои губернии буевскаго уезда вотчины Госпожи Наталіи Ивановны Болховской Села троицкаго крестьянинъ Зиновий Федоровъ Коротковъ.

— Во Владимірѣ 9-го мая данъ былъ концертъ въ пользу нижнихъ чиновъ, дѣйствовавшихъ на Щеголевской батгарей.

Мысль эта, возбужденная губернскимъ предводителемъ С. Н. Богдановымъ, была поддержана начальникомъ губерніи В. Е. Анненковымъ, Владимірскимъ Дворянствомъ, служащими и вообще жителями города.

«Въ этотъ вечеръ весело было войти въ прекрасно освѣщенную залу Дворянскаго Собранія,—ишутъ во Владимірскихъ губ. Вѣдомостяхъ, весело было взглянуть на оживленные лица всего общества; но еще веселѣе было посмотреть на рядъ, возлѣ эстрады, въ которомъ сидѣли любительницы музыки, участвовавшія въ концертъ. Лица ихъ сіяли неподдѣльнымъ счастьемъ. Видно было, что онѣ чувствовали и гордились тѣмъ, что принимаютъ участіе въ великихъ событіяхъ настоящаго времени. Какое чудное соединеніе: самая первая и прекрасная молодость воодушевляетъ воиновъ, окуранныхъ порохомъ при страшномъ громѣ орудій!...»

Печатать позволается. Москва. Іюня 5-го дня, 1854 г.

Цензоръ В. Флеровъ.

Въ типографіяхъ: Л. Степановой и В. Готье.

DEC 9 1980

